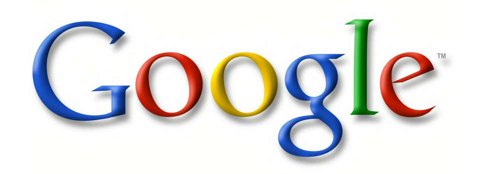
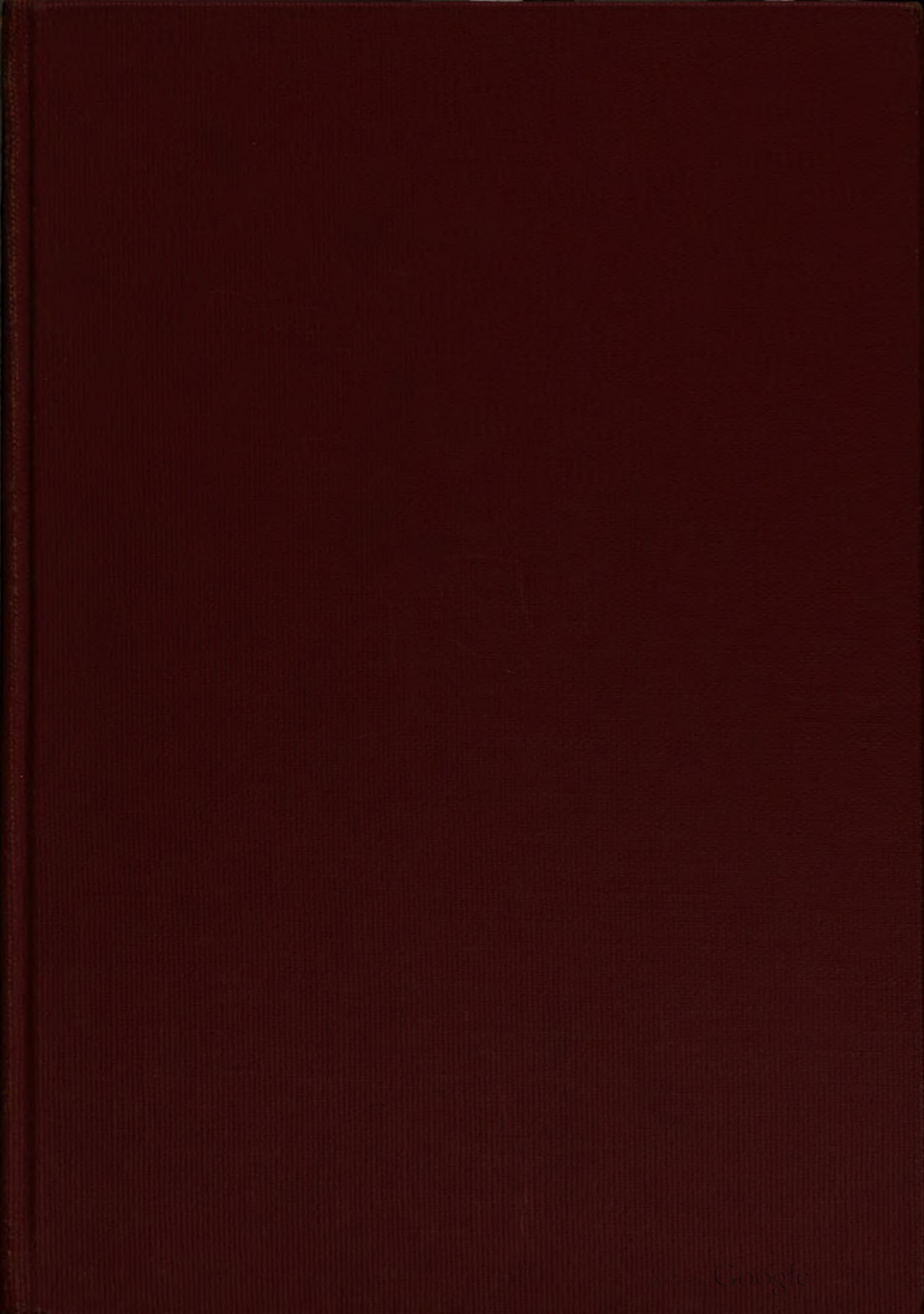
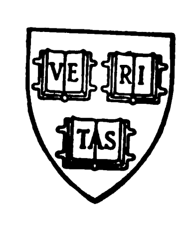

VE
RI
TAS

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

„Вѣстникъ Всемірной Исторіи"

„К. В. МЕРПЕРТЪ"

С.-Петербургъ, Екатерининскій кан. 15.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по первымъ числамъ каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Пріемъ подписки и объявленій производится въ главной конторѣ и ея отдѣленіяхъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., за полгода **3** рубля.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

1 стр. впер. тек. на 1 раз. 75 р., на 6 раз. по 60 р. на 12 раз. по 52 р. 50 к.
1 » сзади » » » 66 » » » » 48 » » » » 42 » — »
½ » впер. » » » 40 » » » » 32 » » » » 28 » — »
½ » сзади » » » 30 » » » » 24 » » » » 21 » — »

Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

Примѣчаніе: Главная Контора журнала **„Вѣстникъ Всемірной Исторіи"** проситъ покорнѣйше обратить вниманіе, что объявленія принимаются лишь конторою и ея отдѣленіями и лицами, имѣющими особую на это довѣренность; **никакимъ агентамъ** по объявленіямъ собираніе таковыхъ поручено не будетъ во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній.

Желающіе помѣстить объявленіе благоволятъ сообщить въ Главную Контору, которая немедленно пришлетъ особое лицо для пріема заказа.

Редакторъ-Издатель **Сергѣй Сухонинъ**

Вѣстникъ всемірной исторіи

Ежемѣсячный журналъ

№ 2.

1900 г.

См. на оборот.

См. продолженіе сзади текста.

Художественное исполненіе рельефныхъ и гладкихъ **монограммъ, факсимиле гербовъ** и т. п., на всевозможныхъ бумагахъ и матеріяхъ для поздравительныхъ и пригласительныхъ **билетовъ, меню** и пр. золотомъ, серебромъ, эмалью и разными красками совмѣстно.

Къ услугамъ Гг. заказчиковъ имѣется всевозможныхъ рисунковъ въ большомъ выборѣ готовыя **модели монограммъ, гербовъ, украшеній, знаковъ** и пр.

Спеціальный отдѣлъ.

КЛИШЕ. Ксилографическія, гальванопластическія, цинкографическіе, тоновые и стереотипные.

Громадный выборъ готовыхъ и пріемъ заказовъ на **спеціально-рекламныя клише**, оригинальныя по мысли и для каждаго рекламирующаго предмета, а равно всевозможныя клише для газетныхъ **объявленій**, изданій, прейсъ-курантовъ, журналовъ и иллюстрацій въ видѣ отдѣльн. предметовъ, украшеній, медалей, орловъ и пр.

Для выбора къ изготовленію новыхъ имѣется къ услугамъ гг. заказчиковъ **болѣе 20000** новѣйшихъ рисунковъ.

Примѣчаніе: Спѣшные заказы на клише могутъ быть исполнены включительно съ изготовленіемъ рисунка **въ 24 часа**.

Для успѣшнаго и точнаго изготовленія **клише** гг. заказчики благоволятъ присылать ясные образцы, какъ, напр., для цинкографическихъ клише хорошіе печатные оттиски (черное на бѣломъ), для ксилографическихъ отчетливые рисунки, для гальванопластическихъ и стереотиповъ, хорошія, не бывшія въ употребленіи клише, для тоновыхъ хорошіе рисунки или **фотографіи**.

НОВѢЙШІЕ РОСКОШНАГО ИСПОЛНЕНІЯ

ПЛАКАТЫ ДЛЯ РЕКЛАМЪ.

Въ большомъ выборѣ готовые, примѣнимые для **всякихъ предметовъ** торгово-промышленности, а также изготовленіе ихъ во всякомъ желаемомъ стилѣ размѣра и формы разнаго производства, а именно, **литографскіе, хромолитографскіе, золотопечатные, жестяные, прозрачные, гальванопластическіе, художественные, целлелоидные** и др.

Заказы на **плакаты** принимаются по желанію гг. заказчиковъ включительно съ ихъ развѣской или распространеніемъ повсемѣстно.

Афиши для всевозможныхъ зрѣлищъ, **цирковыхъ и театральныхъ представленій, концертовъ** и т. п. имѣются въ богатѣйшемъ выборѣ готовыя и пріемъ заказовъ на срочное исполненіе ихъ. **Художественныя роскошныя бумаги** для **программъ, входныхъ** и др. **билетовъ**, а равно спеціально артистическія **клише** всегда имѣются на складѣ. Изготовленіе заказовъ въ самое непродолжительное время.

Лучшія гуммированныя и лакированныя **буквы и цифры** для наклейки и изготовленіе изъ нихъ во всякой желаемой формѣ всѣхъ цвѣтовъ, размѣровъ и на всѣхъ языкахъ:

Отдѣлъ переплетный.

Изготовленіе всѣхъ безъ исключенія **переплетныхъ** и **брошюровочныхъ** работъ, **линованіе** и **проколка** бумагъ, **нумеровка** и т. п.

плакатовъ. аншлаговъ, цѣнъ, надписей и т. п.

При заказѣ на таковые предметы фирмою **«К. В. Мерпертъ»** взимается лишь стоимость **буквъ** и **цифръ**, а изготовленіе изъ нихъ и картовъ безплатно.

Въ большомъ выборѣ **ПАСПАРТУ** англійскихъ и французскихъ, форматовъ изящнаго исполненія разной величины, фасона и цвѣта, а также пріемъ заказовъ на оныя включительно съ вставленіемъ портретовъ, картинъ и пр.

Спѣшные заказы изготовляются въ теченіи 3 часовъ.

жалѣть затратъ, увѣренно разсчитывая на ея несомнѣнную пользу; нѣкоторыя же торговыя фирмы, учрежденія и лица, не имѣя руководства или руководителя, пользуются шаблонными пріемами и услугами разныхъ лицъ, именующихъ себя агентами, задачи которыхъ заключаются несомнѣнно только въ томъ, чтобы получить заказъ на какую-либо рекламу безъ всякой нравственной и матеріальной отвѣтственности за то, что предлагаемая реклама и ея матеріалъ взамѣнъ пользы принесутъ положительный вредъ заказчику, въ виду того, что пріемъ заказовъ этими лицами основанъ не на серьезномъ отношеніи и пониманіи дѣла, а только въ силу личныхъ матеріальныхъ соображеній, пользуясь довѣрчивостью нѣкоторыхъ заказчиковъ; а потому, многіе изъ нихъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, недовѣрчиво относятся къ рекламѣ и, не сознавая пользы для себя въ рекламированіи предметовъ своей торговли, остаются глухими къ призыву этой безусловно великой силы, давшей міровую извѣстность многимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Въ виду всего вышеизложеннаго я, ссылаясь на свою многолѣтнюю практику, которую имѣлъ благодаря большому количеству довѣрителей, и между ними такія крупныя предпріятія, какъ Берлинская-промышленная выставка въ 1896 году и художественно-промышленная выставка въ Стокгольмѣ въ 1897 году и др., а равно отъ многихъ торговыхъ фирмъ, отъ которыхъ за умѣлое и успѣшное распространеніе рекламъ и примѣненіе хорошаго матеріала имѣю письменныя благодарности, смѣю высказать, что реклама вполнѣ достигаетъ цѣли, если таковая производится опытнымъ лицомъ безъ посредства коммиссіонеровъ и снабженная хорошимъ матеріаломъ, такъ-то: изящные плакаты (оригинальные по мысли и рисунку), клише, циркуляры, каталоги, иллюстрированные прейсъ-куранты, изящные предметы для раздачи, умѣло, съ интересомъ для читающей публики составленныя газетныя и др. объявленія и проч. въ этомъ случаѣ реклама будетъ всегда служить честной и доброй цѣлью дѣйствовать неизмѣримо сильнѣе, и успѣхъ ихъ будетъ вѣроятнѣе, чѣмъ реклама неумѣстная, крикливая и безсодержательная.

Задавшись мыслію познакомить почтеннѣйшую публику съ различными матеріалами для рекламированія, которыми всегда готовъ служить, исключительно лучшаго исполненія и вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію, я считаю долгомъ замѣтить, что матеріалъ для рекламы слишкомъ разнообразенъ, такъ что руководствоваться какимъ-либо прейсъ-курантомъ трудно и намѣтить себѣ опредѣленный предметъ никогда не слѣдуетъ. При-

мѣромъ привожу желаніе заказчика указать выбранный по какому-либо прейсъ-куранту № плаката или тому подобное. Несмотря на то, что по размѣрамъ своимъ выбранный № ближе другихъ подходилъ бы къ желанію заказчика, но принимая во вниманіе цѣль распространенія его путемъ развѣски въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ или на пароходныхъ пристаняхъ и т. п., то по необходимости придется выбрать плакатъ другого размѣра, потому что каждое учрежденіе, принимающее для развѣски разнаго рода распространенія, имѣетъ свои особыя правила и условія, и кромѣ того, обращая вниманіе на условную плату за опредѣленный размѣръ, можно достигнуть нѣкоторыхъ сбереженій въ расходѣ, перемѣнивъ его на другой, причемъ цѣль распространенія будетъ одинаково достигнута. Всѣ подобныя свѣдѣнія пріобрѣтаются опытомъ и большинству чужды. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра, я долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что всякая реклама достигаетъ лишь цѣли, если при распространеніи ея будетъ принято въ соображеніе, что развѣска аншлаговъ, плакатъ, разсылка циркуляровъ, прейсъ-курантовъ и др. предметовъ должны быть распространяемы, смотря по предлагаемому товару, въ соотвѣтственно нужной мѣстности или раіонѣ, въ извѣстномъ количествѣ и въ теченіе того времени года, когда распространеніе рекламы можетъ принести извѣстную пользу, вообще въ выборѣ способа распространенія и распредѣленія зависитъ особый успѣхъ рекламы; безъ знанія точныхъ свѣдѣній затрачивается непроизводительно значительная сумма денегъ, какъ на матеріалъ, такъ равно и за распространеніе, въ силу чего и слѣдуетъ обращаться всегда къ лицамъ, знающимъ это дѣло, помня пословицу, что каждое дѣло мастера боится. Высказавъ нѣкоторый взглядъ на значеніе рекламы, я, въ особенности теперь, считаю необходимымъ коснуться нѣсколькихъ **способовъ** распространенія. Если для составленія и выбора матеріаловъ для рекламированія необходимы вкусъ и умѣнье, чтобы заставить обратить вниманіе на ея типичность, то для распространенія нужно много опыта, чтобы быть увѣреннымъ, что избранный способъ или форма дадутъ желаемые результаты. Начну съ газетныхъ и журнальныхъ объявленій, такъ какъ большинство пользуется ими и считаетъ или, вѣрнѣе сказать, предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ видамъ; соглашаясь, что объявленія несомнѣнно приносятъ извѣстную пользу, я по личному опыту долженъ указать, (въ большихъ городахъ существуютъ конторы для пріема объявленій во всѣ газеты и журналы; эти, занимаясь передачей принятыхъ объявленій, заботятся о своевременномъ выходѣ въ свѣтъ и слу-

жать такимъ образомъ посредникомъ между заказчиками и редакціями, избавляя первыхъ отъ затраты времени на посѣщеніе и на переписку съ ними, а также въ силу особыхъ соглашеній дѣлаютъ своимъ крупнымъ заказчикамъ скидки съ редакціонныхъ цѣнъ, чѣмъ кліенты ихъ достигаютъ нѣкоторыхъ сбереженій. Въ этомъ заключается несомнѣнно заслуга этихъ учрежденій предъ рекламирующей публикой. Главное же значеніе при газетныхъ и журнальныхъ объявленіяхъ—это вынiй и умѣлое составленіе ихъ, точныя указанія коего могутъ боръ издадавать лишь лица, знающія спеціально дѣло рекламы и мѣстность распространенія). Наряду съ газетными и журнальными объявленіями на распространеніе путемъ развѣски плакатовъ внутри вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ, помѣщеніе вывѣсокъ на тѣхъ же вагонахъ, развѣска ихъ на кіоскахъ, колоннахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, на пароходныхъ пристаняхъ и желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, въ каютахъ пароходовъ (разныхъ пароходныхъ обществъ), въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, а равно помѣщеніемъ объявленій въ спеціальныхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ по рекламѣ. Такіе способы распространенія, обнимая большой раіонъ, также достигаютъ цѣли. Къ вышеприведеннымъ способамъ слѣдуетъ еще добавить изящно исполненные предметы для раздачи въ видѣ календарей, рекламныхъ картъ, разныхъ предметовъ торговли въ миніатюрѣ съ изображеніемъ на нихъ фирмы производителя или промышленника, хорошо составленные прейсъ-куранты, каталоги, циркулярныя письма и проч., которые распространяются путемъ приложенія къ разнымъ изданіямъ и разсылкою по почтѣ фирмамъ, лицамъ и учрежденіямъ по имѣющимся готовымъ адресамъ; **сгруппированные** въ отдѣлы по различнымъ отраслямъ торговли и промышленности, комплекты такихъ адресовъ даютъ возможность распространить всякую рекламу исключительно въ кругу желаемыхъ мѣстъ и лицъ и избавляютъ отъ лишней разсылки, т. е., вѣрнѣе сказать, затратъ. Кромѣ того, всякія печатныя рекламы могутъ быть раздаваемы на улицѣ или въ общественныхъ мѣстахъ, чрезъ конторы, артельщиковъ, имѣющихъ на то особенное право, чѣмъ также достигается несомнѣнный успѣхъ. Еще о многомъ по отношенію рекламы и ея распространенія я могъ бы указать, но, имѣя въ виду въ недалекомъ будущемъ выпустить въ свѣтъ полное руководство, въ заключеніе осмѣливаюсь предложить свои услуги по всѣмъ отраслямъ, относящимся для рекламы.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

К. В. Мернертъ.

Digitized by Google

4-й годъ изданія ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ.

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

ЯНВАРЬ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Пороховщикова. Басссйная 3—5.
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Отъ редакціи.

Горячо откликнулось на нашъ призывъ русское общество и, въ особенности, тотъ вдумчивый русскій читатель, со скромными средствами къ жизни и большими духовными запросами, для котораго, главнымъ образомъ, и предназначалось наше изданіе.

Прошло едва шесть недѣль со дня выхода первой книжки, а все изданіе этой книжки уже распродано и слѣдующая (вторая--январьская) печатается въ двойномъ количествѣ экземпляровъ...

Все это несомнѣнно указываетъ на правильно сознанную редакціей духовную потребность читателей въ ознакомленіи съ общимъ ходомъ міровой исторіи. Идти достойнымъ образомъ на встрѣ-

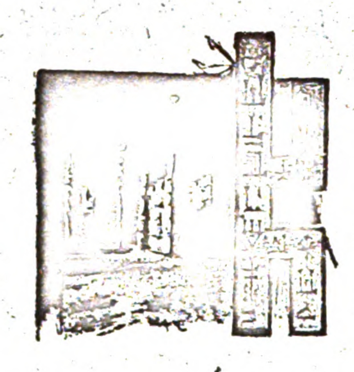
чу этой потребности—задача изданія, и редакція надѣется, что въ ея, очевидно, нужномъ и полезномъ для русскаго самосознанія дѣлѣ она встрѣтитъ какъ дальнѣйшее сочувствіе въ средѣ самаго общества, такъ и отзывчивость на совмѣстный трудъ и работу со стороны всѣхъ искренно любящихъ свое святое дѣло тружениковъ пера.

Графъ І. А. Каподистрія

Гос.
Публичная
Б-ка
в

Антоній Поссевинъ и Истома Шевригинъ.

онецъ царствованія Ивана Грознаго ознаменовался, между прочимъ, историческимъ событіемъ, важнымъ по своему значенію и совершенно необычнымъ по внутреннему смыслу. Царь и великій князь всея Русіи, наслѣдникъ Византіи и наслѣдственный охранитель ея восточнаго православія, обращается къ римскому первосвященнику съ просьбой о посредничествѣ, и посолъ папы миритъ московскаго государя съ польскимъ королемъ. Такой историческій фактъ, конечно, не могъ не обратить на себя особеннаго вниманія историковъ и вызвалъ появленіе цѣлой литературы, въ которой приняли участіе всѣ наши общіе историки, начиная съ Карамзина, и рядъ изслѣдователей по спеціальнымъ вопросамъ. Какъ и слѣдовало ожидать, однако, освѣщеніе указаннаго нами событія является весьма разнообразнымъ. И можетъ ли быть иначе!—Три вѣка тому назадъ папское медіаторство, преслѣдуя и свои виды, старалось примирить діаметрально противоположные интересы враждующихъ сторонъ. Это разнообразіе интересовъ отражается въ памятникахъ эпохи и въ ихъ истолкователяхъ.

Если для Карамзина центръ тяжести лежитъ, напримѣръ, въ невыгодности условій, заключеннаго русскими договора, и все, что могло способствовать этой невыгодности, вызываетъ не совсѣмъ безпристрастныя чувства, то для католическаго историка какъ-то невольно все сосредоточивается около подвиговъ папскаго посла и набрасывается

тѣнь на все, что только препятствовало успѣху миссіи и, главнымъ образомъ, ея тайныхъ цѣлей.

Выясненію истины можетъ помочь лишь тщательный сводъ всего наличнаго матеріала и детальное его изслѣдованіе.

Въ обширной литературѣ вопроса длинной вереницей проходятъ имена Карамзина, Арцыбашева, Соловьева, Иловайскаго, высокопреосв. Макарія, о. Павла Пирлинга, Дахновича, Успенскаго, Шмурло и многихъ другихъ— и если я рѣшаюсь выступить съ разборомъ одного частнаго эпизода въ этомъ многознаменательномъ событіи, то исключительно потому, что между столбцами Посольскаго приказа отыскался разбитый и спутанный столбецъ, которымъ не пользовался ни одинъ русскій изслѣдователь, но который, заключая въ себѣ цѣлую серію драгоцѣнныхъ подлинныхъ документовъ, въ значительной мѣрѣ пополняетъ наши свѣдѣнія о пріѣздѣ и пріемѣ Антонія Поссевина.

---

25 августа 1580 года состоялось засѣданіе Боярской Думы, въ которомъ царь Иванъ Васильевичъ приговорилъ, поговоря съ царевичемъ Иваномъ Ивановичемъ и съ бояры, послать *наскоро* съ грамотами—въ Римъ къ папѣ и въ Прагу къ цесарю Рудольфу—въ гонцахъ Истому Шевригина. Оффиціальный источникъ—посольская книга—откровенно объясняетъ, что такое рѣшеніе состоялось по нуждѣ— „по литовскимъ вѣстямъ какъ литовской Стефанъ король перемирье поруша (и) пришелъ къ государеву городу къ Лукамъ“ [1]).

Въ царской грамотѣ, которую имѣлъ передать гонецъ „пастырю и учителю Римскіе церкви“, подробно излагалось, какъ Стефанъ король учинился недругомъ государя великаго князя за то, что тотъ, будучи въ доконченьи съ цесаремъ Максимиліаномъ, желалъ видѣть „на коруне польской и на великомъ княжествѣ Литовскомъ“ не его, Стефана, а сына цесарева Гerниста. „И та наша ссылка“, писалъ царь, „съ братомъ нашимъ съ дражайшимъ съ Максимилияномъ цесаремъ стала салтану Турскому и Стеѳану королю ненавистна, потому сложася на насъ и стали съ одного“. Указывая на готовность свою быть въ единачествѣ какъ съ папою, такъ и съ цесаремъ—противъ всѣхъ бе-

---

[1]) „Памятники Дипломатическихъ Сношеній“, т. X, ст. 1.

серменскихъ государей—царь выражаетъ желаніе, чтобы папа „къ Стефану королю отъ своего пастырства и учительства приказалъ, чтобъ Стефанъ король съ бесерменскими государями не складывался, и на кроворазлитье крестьянское не стоялъ...".

„А похочешь къ намъ послать человѣка своего, и ты бъ къ намъ человѣка своего прислалъ съ нашимъ человѣкомъ вмѣстѣ" [1]). Въ наказѣ же Истомѣ Шевригину объ этомъ говорилось иначе и гораздо настойчивѣе, предписывалось возвращаться одному только въ крайности, буде „не возможетъ Истома того уговорити", чтобы папа послалъ своего человѣка. Очевидно, посредничеству папы придавалось большое значеніе, его вызывали, на него надѣялись.

Леонтій, по прозвищу Истома (изъ чего иностранные источники дѣлаютъ Ѳому) [2]) Шевригинъ былъ посланъ всего только съ двумя толмачами—Поплеромъ (ливонцемъ по происхожденію) и съ присоединившимся въ Любекѣ бывшимъ купцомъ миланцемъ Франческо Паллавичино.

Почему былъ избранъ въ гонцы именно Шевригинъ, почему онъ былъ посланъ одинъ безъ всякаго даже писца—подьячего, рѣшительно неизвѣстно. Можно констатировать замѣчательное молчаніе источниковъ о Шевригинѣ. Мы не можемъ указать въ документахъ ни одного упоминанія его ни до, ни послѣ посылки. Въ десятняхъ XVI вѣка встрѣчаются только трое дѣтей боярскихъ Шевригиныхъ—по Ряжску, изъ коихъ одинъ отмѣченъ городовымъ прикащикомъ въ Пронскѣ. Возможно даже предположеніе, что Истома писался въ посылкѣ Шевригинымъ лишь по прозвищу отца и носилъ еще какую-либо другую фамилію, происходя изъ незнатныхъ дѣтей боярскихъ.

Въ „Памятникахъ Дипломатическихъ Сношеній" (X, 298) прямо сказано—„и мы послали... паробка своего молодого... потому что для войны было добра сына боярского нельзя послати, и мы для того послали молодого сына боярского". Въ другихъ мѣстахъ посольскихъ актовъ Шевригинъ называется гонцомъ и даже „легкимъ гончикомъ".

---

1) Ibidem, ст. 12.

2) P. Pierling: «La Russie et Saint-Siège» (Paris. 1897), томъ II, стр. 6, прим.: „nommé le plus souvent, en pays étrangers, Thomas Severingen, par suite d'une analogie phonétique purement accidentelle". Но см. „П. Д. С.", ч. X, ст. 123 и 124, гдѣ прямо Ѳома. Въ «Documents inédits», изданныхъ о. Пирлингомъ папское бреве величаетъ его даже Стефаномъ.

Послѣдній по времени и извѣстнѣйшій по прекраснымъ качествамъ своего труда—изслѣдователь вопроса отецъ Павелъ Пирлингъ относится къ Истомѣ Шевригину крайне строго, но, если мы примемъ во вниманіе степень подготовленности московскаго гонца къ выполненію дипломатическихъ порученій и современныя ему воззрѣнія на посольское дѣло, то мы, пожалуй, вынесемъ совсѣмъ иное впечатлѣніе.

Изъ Праги русское посольство переѣхало въ Италію и прибыло въ Венецію 13 февраля 1581 года. 15 февраля Шевригинъ имѣлъ аудіенцію у дожа и передалъ грамоту отъ царя, на которую намъ придется еще обратить потомъ особое вниманіе.

24 февраля посольство въѣхало въ Римъ, а 26 уже было принято папой въ частной аудіенціи. Цѣлый мѣсяцъ пробылъ Шевригинъ въ Римѣ. По поводу его присылки папа составилъ коммиссію изъ кардиналовъ. Въ Римской куріи не могли не воспользоваться удобнымъ случаемъ для пропаганды католичества въ Московіи: 6 марта папа Григорій XIII въ консисторіи кардиналовъ объявилъ, что въ Москву будетъ отправленъ посолъ, уполномоченный вести переговоры и прежде всего на почвѣ религіозныхъ вопросовъ.

Избранъ былъ для посольства простой римской вѣры попъ—„патръ Антоній язовитъ". Казалось бы, что такой рядовой посланникъ мало соотвѣтствовалъ важности дѣла, но надо отдать справедливость католической церкви, въ ней всегда умѣли выбирать людей и всякій талантъ, годный на службу „ad majorem Dei gloriam" тщательно поддерживался и выдвигался.

Антоній Поссевинъ жилъ и умеръ простымъ священникомъ, но это только потому, что онъ принадлежалъ къ ордену, который, по выраженію біографа Поссевина [1]), „qui (l'Ordre) retranche jusques aux espérances de s'avancer par la voye des dignitez ecclésiastiques".

За этимъ простымъ патеромъ ухаживали папы и кардиналы: достаточно сказать, что когда ослабѣвшія старческія силы принудили Поссевина отказаться отъ кипучей дѣятельности прежнихъ лѣтъ и удалиться на покой, папа Павелъ V, по докладу знаменитаго кардинала

[1]) Jean d'Origny: «La vie du père Antoine Possevin de la compagnie de Jesus» (Paris, MDCCXII), см. стр. a III.

Баронія, повелѣлъ ему заняться составленіемъ мемуаровъ о своей долговременной и обильной важными происшествіями жизни. Эти мемуары, на которые, кстати сказать, не ссылается и о. Пирлингъ, должны находиться въ архивахъ Іезуитскаго ордена въ Римѣ, но ими не могъ воспользоваться и старый біографъ Поссевина, Д'Ориньи (напечатавшій свою книгу въ 1712 году) [1]).

Въ лицѣ Поссевина мы имѣемъ дѣло съ очень выдающейся и типичной для своего времени исторической личностью.

Мы не будемъ останавливаться на преувеличеніяхъ католическихъ біографовъ Поссевина, Д'Ориньи, напримѣръ, сравниваетъ Поссевина съ Фотіемъ, патріархомъ Константинопольскимъ, и отдаетъ первому полное предпочтеніе передъ—„ce funeste auteur du Schisme, qui divise depuis tant de siècles l'Eglise grecque d'avec l'Eglise Latine". И объективныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы обрисовать крупную фигуру Поссевина.

Антоній Поссевинъ родился въ Мантуѣ въ 1534 году, въ семьѣ съ очень ограниченными средствами, что не помѣшало ему получить блестящее образованіе въ Римѣ. Талантливый юноша былъ немедленно замѣченъ, и кардиналъ Геркулесъ Гонзага, братъ губернатора Милана Фернанда Гонзага, взялъ его сначала къ себѣ въ секретари, а потомъ поручилъ ему образованіе двухъ племянниковъ своихъ (дѣтей Фернанда), записанныхъ слушать лекціи въ Падуанскомъ университетѣ. Обучая другихъ, Поссевинъ продолжалъ учиться и самъ; въ эти именно годы онъ подготовилъ себя къ ученой дѣятельности. Падуанскій университетъ отличался въ это время свободомысліемъ, которое поразило Поссевина, воспитаннаго въ Римѣ; видя кругомъ соблазнъ, онъ замкнулся въ себѣ, повелъ аскетическій образъ жизни, старался чаще, но тайно, причащаться. Сознаніе, что онъ таится, боится открыть свой образъ жизни, конечно, еще болѣе усиливало аскетическое настроеніе, и достаточно было встрѣчи съ іезуитами, чтобы Поссевинъ окончательно рѣшилъ пойти въ монашество, несмотря на то, что кардиналъ Гонзага, чрезвычайно дорожившій имъ, желалъ его устроить въ Мантуѣ.

[1]) Впрочемъ неизвѣстно, какое время обнимаютъ эти мемуары. Д'Ориньи получилъ свѣдѣніе, „que ces mémoires de Possevin ne s'étendoient gueres au delà de son retour en Italie" (изъ Франціи въ 1569 году).

Въ 1559 году, на 26 году жизни, Поссевинъ вступаетъ въ „Общество Іисуса“ (La compagnie de Jesus), и почти тотчасъ же начинается его дѣятельность по пропагандѣ католицизма. Посланный сначала въ Савойю, а потомъ почти десять лѣтъ пробывшій во Франціи, Поссевинъ много содѣйствовалъ католичеству въ борьбѣ съ гугенотами, можетъ быть, даже и въ подготовленіи умовъ къ Варѳоломеевской ночи. Спеціальное сочиненіе его въ родѣ памятки для солдатъ — „Le soldat chrétien“ [оригиналъ — „Miles christianus“ (Roma. 1568)] дышитъ фанатизмомъ и истребленіемъ еретиковъ [1]).

Въ 1569 году Поссевинъ вернулся въ Римъ, а съ 1573 года сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ въ „Обществѣ Іисуса“, ставъ секретаремъ Іезуитскаго ордена[2]). Нѣсколько лѣтъ досуги Поссевина посвящались научной дѣятельности и подготовленію полемическихъ сочиненій противъ лютеранъ.

Дѣятельность Поссевина по пропагандѣ католичества въ иноземныхъ странахъ возобновилась вновь въ 1578 году. Обнаружилось, что въ Польшѣ распространяется лютеранство, а Швеція даже почти потеряна для католичества, и самъ король Іоаннъ III склоненъ къ ереси. Требовалось энергичное и сильное вмѣшательство со стороны папскаго престола. Въ Швецію посланъ былъ, дважды, Поссевинъ и съ блестящимъ успѣхомъ выполнилъ данное ему порученіе, въ тайнѣ облеченный правами викарія всего сѣвера [3]), явно—оставаясь простымъ священникомъ.

Трудно было бы выбрать кого-либо болѣе подходящаго для этихъ тяжелыхъ въ то время, далекихъ путешествій. По свидѣтельству біографовъ, Поссевинъ обладалъ очаровательною наружностью («un exterieur charmant»), организмомъ, какъ бы созданнымъ для испытаній, могъ безъ особаго утомленія ѣхать цѣлыми днями, а по ночамъ во время ночлеговъ обдумывать и набрасывать па бумагу свои проекты и вести срочную корреспонденцію. Человѣкъ несомнѣнно аскетической жизни, которая вся была посвящена исполненію плановъ, служившихъ, по его мнѣнію, «ad majorem

[1]) См. Даховичъ: «Іезуитъ Антоній Поссевинъ», въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи», за 1865 годъ, январь, стр. 116. Къ сожалѣнію, я не могъ достать экземпляра «Miles Christianus» ни въ латинскомъ подлинникѣ, ни во французскомъ переводѣ.

[2]) P. Pierling, l. c., t. II, p. 23.

[3]) P Pierling, l. c., t. II, p. 24.

Dei gloriam», при свѣтлой головѣ и желѣзной волѣ. Поссевинъ былъ къ тому же строгій систематикъ—съ каждаго отправляемаго письма онъ находилъ время оставить копію, съ получаемыхъ оффиціальныхъ бумагъ онъ снималъ для себя списки, въ малоизвѣстныхъ странахъ тщательно наблюдалъ, собиралъ самыя разнообразныя свѣдѣнія и изъ этихъ записокъ составлялъ комментаріи.

При встрѣчѣ съ новыми людьми онъ внимательно изучаетъ ихъ и ищетъ слабыхъ сторонъ, дѣйствуя на которыя, можно было бы повліять, завербовывать сторонниковъ, подчинять противниковъ. Понимая значеніе женщины въ смыслѣ вліянія на мужей, отцовъ и братьевъ, Поссевинъ не упускалъ случая имѣть аудіенціи у королевъ и принцессъ, на которыхъ онъ производилъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Успѣхами своими въ Швеціи онъ въ значительной мѣрѣ обязанъ королевѣ, которая среди реформаціоннаго движенія осталась ярой, фанатичной католичкой.

Вернувшись изъ утомительныхъ путешествій въ Швецію, Польшу и Московію, Поссевинъ съ жаромъ принимается за печатаніе полемическихъ сочиненій и вслѣдъ за тѣмъ погружается въ чисто научныя занятія.

Въ 1593 году въ Римѣ выходитъ въ свѣтъ его сочиненіе: «Bibliotheca selecta qua agitur de ratione studiorum in Historiis, in Disciplinis, in salute omnium procuranda» (2 vls. 4°).

Это изданіе представляетъ любопытный опытъ научной библіографіи, приспособленный, конечно, къ тѣмъ цѣлямъ, которыя занимали Поссевина всю его долгую жизнь (онъ скончался въ 1611 году, на 77 году жизни).

Въ 1606 году въ Венеціи въ трехъ фоліантахъ Поссевинъ напечаталъ другой громадный трудъ:

«Apparatus sacer ad scriptores Veteris et Novi Testamenti», въ которомъ далъ аналитическую библіографію трудовъ болѣе чѣмъ 6.000 авторовъ! Съ полнымъ основаніемъ библіографы титулуютъ это сочиненіе какъ «célèbre catalogue des écrivains ecclésiastiques».

Богатое наслѣдство въ видѣ разнообразныхъ коллекцій документовъ оставилъ Поссевинъ послѣ себя римскимъ архивамъ: былъ тамъ и томъ «Acta Moscovitica», и цѣлый большой мѣшокъ (sac) съ русскими документами, полученными отъ самого царя Ивана Грознаго!

«De tous ces trésors»,—пишетъ о. Пирлингъ (p. VIII),

«il ne reste plus que des épaves qui font partie de notre collection».

Таковъ-то былъ „патръ язовитъ", съ которымъ предстояло имѣть дѣло царскому „молодому паробку" въ Римѣ, Венеціи и Прагѣ, и московскимъ дипломатамъ въ Москвѣ и на посольскомъ съѣздѣ!

---

27 марта 1581 года русское посольство выѣхало вмѣстѣ съ Антоніемъ Поссевиномъ и его спутниками изъ Рима по направленію къ Венеціи. Для Поссевина не составило, конечно, затрудненія тотчасъ же замѣтить, что переводчики не терпятъ московскаго гонца, съ которымъ въ сущности не имѣли ничего общаго, и враждуютъ другъ съ другомъ. О. Павелъ Пирлингъ подробно и живописно излагаетъ, какъ въ Лорето святость мѣста и впечатлѣніе отъ процессій пилигримовъ повліяли на души толмачей:—**«L'assaut de la grâce fut irrésistible»** и Паллавичино исповѣдался и причастился у іезуитовъ. Думается, что дѣло было проще и обошлось безъ вмѣшательства высшей благодати. Поссевину надо было сдѣлать изъ переводчика московскаго посла своего агента, и онъ съ обычнымъ мастерствомъ повліялъ на душу католика, совѣсть котораго была неспокойна отъ несоблюденія во время кочевой купеческой жизни религіозныхъ обрядовъ. Поссевинъ во время путешествія успѣлъ переманить на свою сторону обоихъ переводчиковъ. На одного онъ подѣйствовалъ съ религіозной стороны; убоявшись своей грѣховности, Паллавичино сталъ вѣрнымъ слугою Поссевина. Съ Поплеромъ дѣло сладилось совсѣмъ на другой почвѣ. Поплеръ набралъ въ Венеціи вещей и боялся, какъ бы посланникъ чего не отнялъ (а можетъ быть и просто воспретилъ брать лишній багажъ). Поссевинъ предложилъ свое покровительство и взялъ одинъ чемоданъ Поплера къ себѣ [1]).

Поссевинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ по правилу и конечно еще болѣе обрадовался, когда представилась возможность забрать въ руки самого Шевригина.

Благодаря Паллавичино, Поссевинъ, какъ онъ раз-

---

[1]) Объ этомъ Поссевинъ пишетъ такъ: «Dapoi il Popler mi prego che colle mie bagagli facessi portare una sua valigia, et intesi c'hè con mercantie, dubitando che l'ambasciatore no'l sapesse o gliela togliesse, si che sano insiem co'l piu servile et sospettoso modo che sia possible» (стр. 70)

сказываетъ изъ случайной перебранки гонца съ переводчикомъ, узналъ, что у Шевригина есть тайна, благодаря которой его можно держать въ рукахъ [1]).

Въ февралѣ мѣсяцѣ при проѣздѣ Шевригина черезъ Венецію, его встрѣтилъ тамъ самый торжественный пріемъ. Шевригинъ имѣлъ у дожа аудіенцію, на которой и подалъ грамоту отъ царя, въ каковой излагается просьба о свободномъ пропускѣ московскаго посольства въ Римъ и обратно.

Подлинная грамота сохранилась въ Венеціанскомъ архивѣ [2]), но ни черняка ея, ни даже упоминаній объ ней нѣтъ ни въ статейныхъ спискахъ, ни въ дѣлахъ Посольскаго приказа вообще.

Паллавичино прямо обвинялъ Шевригина въ томъ, что онъ поддѣлалъ грамоту, сочинивъ ее самолично, чтобы оправдать оффиціальный пріемъ у дожа. О. Пирлингъ обвиняетъ Шевригина въ нагломъ обманѣ и въ дерзкомъ подлогѣ.

Обвиненіе о. Пирлинга заключается точно въ томъ (см. p. 14), что «pour provoquer les largesses de la Seigneurie, Chévriguine avait, *de sa propre main*, écrit un message qu'il attribuait effrontément au Tsar; un cachet enlevé à la lettre de l'électeur de Saxe rendait l'illusion complète. C'est Possevino lui-même qui fait part de cette découverte au cardinal de Côme[3]), en ajoutant pour le rassurer que les lettres du Tsar au Pape et à l'Empereur sont authentiques ..».

---

[1]) Поссевинъ разсказываетъ все это подробно въ реляціи къ кардиналу Комо: «...Etquesto fu scuoperto da *uno scrivano* che l'amdasciatore ha con seco, a cui imputava che tolto gli havesse alcuni scudi, la onde lo scrivano che sta nella segreteria di quel gran duca disse queste parole: Costui (parlando dell'abasciatore) mi ha affittato per tanti robbi (*mo ecm» rubli*)—ch'è una sorte di moneta—et hora mi tratta in questo modo. Ma aspetti ch'io sia in Moscovia, ch'io farò penetrare il tradimento che ha fatto al gran signore con fare una falsa lettera a Vinipiani, etc.» (P. Pierling: «Documents inédits», p. 70). Возбуждаетъ интересъ терминъ «un scrivano», онъ значитъ писецъ, въ крайнемъ случаѣ дѣлопроизводитель, конторщикъ Можетъ ли онъ относиться къ Паллавичино, который былъ только переводчикомъ?

[2]) Среди писемъ иностранныхъ государей (въ Collegio Secreto. Sezione III).

[3]) См. P. Pierling: «Documents inédits», стр. 47: «L'ambasciatore del Moscóvita per *quanto un suo giovine* con lui adiratosi si è lasciato dire lievo il sigillo di una lettera del Moscovita scritta al duca di Sassonia di che non havevano bisogno, essendo passati liberamente, et finsero una lettera a questi signori per havere doni di che mirabilmente si mostrano ingordi» (приписка къ письму изъ Венеціи, датированному 11 апрѣля 1581 года). Обращаетъ вниманіе терминъ «un giovine».

Доказательства о. Пирлинга сводятся къ слѣдующему:

1) Въ русскихъ источникахъ нѣтъ свѣдѣній о проѣзжей грамотѣ къ дожу; въ наказѣ и въ прочихъ документахъ Венеціанская республика разсматривается, какъ провинція папской земли.

2) Въ грамотѣ Шевригинъ титулуется посланникомъ, а не простымъ гонцомъ.

3) Выражена цѣль посольства—„для земскаго дѣла всему крестьянству для прибытка", пышная фраза, которой нѣтъ въ прочихъ грамотахъ.

4) Отвѣтъ дожа, на обратномъ пути, какимъ-то сомнительнымъ образомъ пропалъ.

Е. Ф. Шмурло [1]) прибавляетъ къ этимъ доказательствамъ неправильности въ начальной формулѣ (титула) и въ датировкѣ. Все это такъ; только соображеніе о. Пирлинга въ его „Documents inédites", что „la lettre au doge doit par conséquent être considérée comme andidatée"—неправильно. Въ грамотахъ, данныхъ Шевригину въ Москвѣ, число точно не проставлено, сказано просто „Августа мѣсяца индикта 8", въ грамотѣ къ дожу—„индикта Августа осмаго", невѣрное написаніе, но при сравненіи съ другими текстами указывающее, что итальянскій переводъ „nel mese di Agosto li VIII" ошибоченъ.

О. Пирлингу возражалъ Ѳ. И. Успенскій [2]), доказывая недостаточность основаній для обвиненія Шевригина въ подлогѣ.

Мы съ своей стороны могли бы указать на текстъ „обзора" Н. Н. Бантыша-Каменскаго, который прямо говоритъ: „съ посыланнымъ къ Римскому папѣ гонцомъ Истомою Шевригинымъ писано было отъ царя Іоанна Васильевича къ Венеціанскому дожѣ Николаю Земонту о пропускѣ сего гонца". Фактъ, который не можетъ быть извлеченъ изъ напечатанныхъ памятниковъ посольскихъ сношеній.

Но во всякомъ случаѣ въ этой исторіи есть нѣчто темное; прежде чѣмъ высказать наше мнѣніе о подвергаемой сомнѣнію грамотѣ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

---

[1]) «Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и за границу въ 189²/₃ и 189³/₄ годахъ». Юрьевъ, 1895, стр. 146.

[2]) Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1885 годъ.

Поссевинъ, узнавъ тайну Шевригина, рѣшился схитрить и заставить московскаго гонца дать умному іезуиту письменныя доказательства собственнаго преступленія. Для этого Поссевинъ набросалъ конспектъ письма отъ Шевригина къ государю, съ которымъ, онъ—Поссевинъ, могъ бы пріѣхать въ Москву ранѣе, какъ онъ разсчитывалъ, самого Шевригина. При посредствѣ переводчика Паллавичино письмо было продиктовано Шевригину, который его написалъ и передалъ запечатаннымъ Поссевину. Въ текстѣ же письма заключался намекъ на документъ, переданный въ Венеціи дожу, и такимъ образомъ уличеніе Шевригина въ подлогѣ стояло теперь въ зависимости отъ того, передастъ или нѣтъ Поссевинъ хитроумное письмо собственнаго сочиненія въ Москвѣ.

Объ этой исторіи о. Пирлингъ, находя, что—„se premunir contre Chévriguine et les rapports fallacieux qu'il pourrait produire au Kremlin n'était pas non plus superflu", разсказываетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

„Поссевинъ вздумалъ заставить его написать подъ диктовку письмо къ государю, содержаніемъ котораго можно было бы воспользоваться въ своихъ выгодахъ.

Самый стиль этого страннаго письма выдаетъ его источникъ, столько въ немъ похвалъ папѣ и Іезуитскому ордену (tant il y a d'éloges pour le Pape et la Compagnie de Jésus). Коварный пунктъ въ немъ—это утвержденіе, что посланіе царя передано Венеціанамъ, то-есть то апокрифическое посланіе, о которомъ рѣчь была выше.

Шевригинъ выдавалъ такимъ образомъ документъ обвинительный противъ самого себя (une pièce accusatrice contre lui même;) объятый безпокойствомъ, онъ впослѣдствіи дѣлалъ въ Прагѣ тщетныя настоянія измѣнить письмо или совсѣмъ его уничтожить.

Впрочемъ, кажется, посланіе это и не было передано царю; во всякомъ случаѣ оно не вызвало никакого инцидента..." (См. Pierling, l. c., t. II, p. 39) [1]).

Конспектъ письма, составленнаго Поссевиномъ для

---

[1]) Въ предисловіи къ «Documents inédits»—прибавлено: «...il est d'autant plus probable, que Possevino affirme lui même, d'une manière catégorique n'avoir jamais parlé au tsar de cet incident pour ne pas exposer Chévriguine à payer son audace de sa tête».

Доказательства о. Пирлинга сводятся къ слѣдующему:

1) Въ русскихъ источникахъ нѣтъ свѣдѣній о проѣзжей грамотѣ къ дожу; въ наказѣ и въ прочихъ документахъ Венеціанская республика разсматривается, какъ провинція папской земли.

2) Въ грамотѣ Шевригинъ титулуется посланникомъ, а не простымъ гонцомъ.

3) Выражена цѣль посольства—„для земскаго дѣла всему крестьянству для прибытка“, пышная фраза, которой нѣтъ въ прочихъ грамотахъ.

4) Отвѣтъ дожа, на обратномъ пути, какимъ-то сомнительнымъ образомъ пропалъ.

Е. Ф. Шмурло [1]) прибавляетъ къ этимъ доказательствамъ неправильности въ начальной формулѣ (титула) и въ датировкѣ. Все это такъ; только соображеніе о. Пирлинга въ его „Documents inédites“, что „la lettre au doge doit par conséquent être considérée comme andidatée“—неправильно. Въ грамотахъ, данныхъ Шевригину въ Москвѣ, число точно не проставлено, сказано просто „Августа мѣсяца индикта 8“, въ грамотѣ къ дожу—„индикта Августа осмаго“, невѣрное написаніе, но при сравненіи съ другими текстами указывающее, что итальянскій переводъ „nel mese di Agosto li VIII“ ошибоченъ.

О. Пирлингу возражалъ Ѳ. И. Успенскій [2]), доказывая недостаточность основаній для обвиненія Шевригина въ подлогѣ.

Мы съ своей стороны могли бы указать на текстъ „обзора“ Н. Н. Бантыша-Каменскаго, который прямо говоритъ: „съ посыланнымъ къ Римскому папѣ гонцомъ Истомою Шевригинымъ писано было отъ царя Іоанна Васильевича къ Венеціанскому дожѣ Николаю Земонту о пропускѣ сего гонца“. Фактъ, который не можетъ быть извлеченъ изъ напечатанныхъ памятниковъ посольскихъ сношеній.

Но во всякомъ случаѣ въ этой исторіи есть нѣчто темное; прежде чѣмъ высказать наше мнѣніе о подвергаемой сомнѣнію грамотѣ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

---

[1]) «Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и за границу въ 189²/₃ и 189³/₄ годахъ». Юрьевъ, 1895, стр. 146.

[2]) Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1885 годъ.

Поссевинъ, узнавъ тайну Шевригина, рѣшился схитрить и заставить московскаго гонца дать умному іезуиту письменныя доказательства собственнаго преступленія. Для этого Поссевинъ набросалъ конспектъ письма отъ Шевригина къ государю, съ которымъ, онъ—Поссевинъ, могъ бы пріѣхать въ Москву ранѣе, какъ онъ разсчитывалъ, самого Шевригина. При посредствѣ переводчика Паллавичино письмо было продиктовано Шевригину, который его написалъ и передалъ запечатаннымъ Поссевину. Въ текстѣ же письма заключался намекъ на документъ, переданный въ Венеціи дожу, и такимъ образомъ уличеніе Шевригина въ подлогѣ стояло теперь въ зависимости отъ того, передастъ или нѣтъ Поссевинъ хитроумное письмо собственнаго сочиненія въ Москвѣ.

Объ этой исторіи о. Пирлингъ, находя, что—„se prémunir contre Chévriguine et les rapports fallacieux qu'il pourrait produire au Kremlin n'était pas non plus superflu", разсказываетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ:

„Поссевинъ вздумалъ заставить его написать подъ диктовку письмо къ государю, содержаніемъ котораго можно было бы воспользоваться въ своихъ выгодахъ.

Самый стиль этого страннаго письма выдаетъ его источникъ, столько въ немъ похвалъ папѣ и Іезуитскому ордену (tant il y a d'éloges pour le Pape et la Compagnie de Jésus). Коварный пунктъ въ немъ—это утвержденіе, что посланіе царя передано Венеціанамъ, то-есть то апокрифическое посланіе, о которомъ рѣчь была выше.

Шевригинъ выдавалъ такимъ образомъ документъ обвинительный противъ самого себя (une pièce accusatrice contre lui même;) объятый безпокойствомъ, онъ впослѣдствіи дѣлалъ въ Прагѣ тщетныя настоянія измѣнить письмо или совсѣмъ его уничтожить.

Впрочемъ, кажется, посланіе это и не было передано царю; во всякомъ случаѣ оно не вызвало никакого инцидента..." (См. Pierling, l. c., t. II, p. 39) [1]).

Конспектъ письма, составленнаго Поссевиномъ для

---

[1]) Въ предисловіи къ «Documents inédits»—прибавлено: «...il est d'autant plus probable, que Possevino affirme lui même, d'une manière catégorique n'avoir jamais parlé au tsar de cet incident pour ne pas exposer Chévriguine à payer son audace de sa tête».

Шевригина, сохранился въ Ватиканскомъ архивѣ [1]) подъ заглавіемъ:

„Exemplum litterarum quas rutenica lingua scripsit Thomas Severingen, Moscoviae ducis legatus, eidem magno duci, Venetiis XII aprilis 1581".

Обличительныя фразы слѣдующія:

1) „Deinde venimus Venetias, *tuisque litteris redditis*, ubi benigne Veneti nos exceperunt, litterasque ad te nobis se daturos promiserunt, quas hac hebdomade nos accepturos speramus".

2) „Postea cum ille (papa) de omnibus rebus, quas tu ab eo petebas mature deliberasset, statuit, ut Antonius Possevinus, cuius doctrina et opera saepe in magnis rebus cum regibus christianis ac praecipue cum caesare usus erat... atque ad te diligenter pro tuis rebus veniret..."

3) „Ipse vero Antonius Possevinus tanto studio tua omnia curat efficere, quantum decet eum, qui praeter usum rerum et christianorum principum erga se amorem, ordinis est religiosissimi, societatis nempe nominis Jesu, et divini honoris percupidus..."

Объ этомъ „Exemplum" самъ Поссевинъ писалъ 14 апрѣля къ кардиналу Комо („Documents inédits", p. 54): „...si è procurato che questo ambasciatore del Moscovito scriva una ettera al suo principe del tenore delle'inclusa copia, la quale iò gli ho dettata..."

Для рѣшенія вопроса какъ о Шевригинской венеціанской грамотѣ, такъ и о письмѣ, продиктованномъ Поссевиномъ, мы должны обратиться къ ново-найденнымъ документамъ.

Дѣло, касающееся пріѣзда Поссевина въ Россію и находящееся среди „польскихъ" столбцевъ, состоитъ изъ 399 склеекъ, содержащихъ около 200 разнообразныхъ документовъ, касающихся приготовленій къ пріему Поссевина, къ отправленію его на съѣздъ и къ дѣятельности пословъ, князя Елецкаго съ товарищами на самомъ съѣздѣ. На важность дѣла указываетъ присутствіе въ немъ переписки Ивана IV съ боярами и Поссевиномъ. Царь жилъ сначала въ Старицѣ, потомъ вслѣдствіе попытки польскаго отряда проникнуть по направленію къ Старицѣ.

[1]) См. Pierling: „Documents inédits". p. 48—49.

удалился въ Александровскую слободу. Боярская дума и Посольскій приказъ оставались въ Москвѣ, почти ежедневно списывались съ государемъ, иногда пріѣзжали къ нему для совѣщаній. Царь и Посольскій приказъ постоянно обмѣниваются отписками, присылаемыми отъ воеводъ изъ Смоленска, Новгорода, съ яма Пшаги, затѣмъ донесеніями пословъ со съѣзда. Дѣло представляетъ часть всей совокупности документовъ, экстрактъ изъ которыхъ составилъ соотвѣтствующія книги статейныхъ списковъ. Но замѣчательно, что при образованіи этихъ послѣднихъ книгъ, страннымъ образомъ, были пропущены нѣкоторыя посольскія отписки изъ Киверовой Горы. Н. Н. Бантышъ-Каменскій, который одинъ отмѣтилъ существованіе дѣла, не обратилъ вниманія на то, что именно въ этомъ дѣлѣ заключаются матеріалы для замѣченнаго самимъ знаменитымъ архивистомъ пробѣла. Именно Бантышъ-Каменскій, говоря о переговорахъ по заключенію мира въ Ямѣ-Запольскомъ, прибавилъ, что „многихъ недостаетъ посольскихъ къ государю отписокъ о трактованіи сего дѣла“ [1]), но эти-то именно отписки, въ разбитомъ и дефектномъ состояніи, и хранятся въ дѣлѣ.

Дѣло о пріѣздѣ Поссевина начинается извѣстіями о прибытіи папскаго посла на русскую границу, слѣдуютъ распоряженія о пріемѣ его въ Смоленскѣ. Затѣмъ идутъ подлинное письмо Поссевина и въ подлинникѣ же венеціанское письмо Шевригина. Именно то письмо, которое насъ интересуетъ, и должно дать ключъ къ разгадкѣ. О. Пирлингъ ошибся въ своемъ предположеніи, Поссевинъ гонца не пощадилъ и письмо къ царю переслалъ вмѣстѣ съ своимъ.

Позволяю себѣ привести это письмо Шевригина цѣликомъ:

„Царю государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи холопъ твой государевъ Истомка Шевригинъ челомъ бьетъ, послалъ еси, государь, меня холопа своего на свою государеву службу к цысарю Рудолѳу да к папе въ Римъ съ своими государевыми грамотами и з дары и я холопъ твой у цысаря былъ Генваря въ 10 день и отъ тебя государя цысарю титло говорилъ и поклонъ правил и

[1]) „Переписка между Россіею и Польшею по 1700 годъ“, ч. I (М. 1862), стр. 176, прим. 155.

твои государевы грамоты и дары подалъ и выразумевъ цысарь твои государевы грамоты и по твоимъ государевымъ грамотамъ отпустилъ меня к папе в Римъ Генваря въ 29 день. И я холоп твой пріѣхалъ к папе в Римъ Февраля въ 24 день и папа мнѣ велѣлъ быть у собя Февраля въ 26 день и я у папы у Георгія былъ и от тебя государя титло говорилъ и твоѣ государево царьское вѣличество и здоровье папе сказалъ и твои государевы грамоты и дары Георгию папе подалъ и папа твои государевы грамоты и дары принялъ чеспо, а меня холопа твоего пустилъ въ думные свои хоромы для того, что у него Литовской посолъ и Францовской, и Шпанской и иныхъ многихъ земѣль послы. И какъ я холопъ твой у папы былъ и к себѣ папа не пустилъ никакова человѣка, а при папе стоялъ сынъ его Яковъ, Римскій воѣвода и намѣсникъ, одинъ и я холопъ твой папе говорилъ по твоему государеву наказу, чтобъ папа с тобою государемъ былъ въ ссылке и въ любви и я холопъ твой папе говорилъ, чтобъ послалъ к тобѣ государю человѣка своего. И в те поры папа вѣлелъ мнѣ сказати, что я хочю съ тобою государемъ царемъ и вѣликимъ князем в великомъ совѣте, и папа послалъ к тебѣ государю своего посланника думного человѣка дохтура Онтонья Позовина, а съ нимъ четыре человѣки и к тобѣ государю полной отвѣтъ по твоимъ государевымъ грамотамъ отписалъ съ своимъ посланникомъ съ Онтоньемъ Позовиномъ; да папинъ сынъ сказалъ мнѣ холопу твоему, что папа послалъ къ тобѣ государю мощи многихъ святыхъ, и х царевичю Ивану, и х царевичю Феодору, и о Вѣницейскихъ гостехъ писалъ папа къ Веницейскому князю, чтобъ посылалъ къ тебѣ государю со всякими товары, и Веницейской князь Миколай и все Вѣниціяне послали къ тобѣ государю грамоту съ темже Онтоньемъ Позовиномъ и папа х королю Польскому къ Стефану тому жъ вѣлѣлъ ехати дохтуру Онтонью Позовину, кой къ тобѣ государю послан, и х королю папа послалъ съ нимъ свои листы и слово велѣлъ королю Стефану говорить тому жъ Онтонью Позовину, чтобъ на твою государеву украину король не ходилъ воѣвать; а въ листахъ королевскихъ не могъ провѣдати, что отъ папы къ нему писано. И тотъ къ тебѣ государю посланникъ отъ папы едетъ, бывъ у короля у Стефана, что ему король Стефанъ папинымъ листомъ отвѣтъ учинитъ.

и ѣхати ему черезъ Литву на твою государеву украину на Смоленескъ или на Куконосъ и мнѣ холопу твоему папа велѣлъ ехати съ нимъ вмѣстѣ черезъ Литву по королевской проежжей грамоте и за королѣвою рукою и за печатью, какъ пришлѣтъ король свою грамоту проежжюю ко мнѣ въ Прагу. И меня папа холопа твоего отпустилъ отъ собя изъ Риму к тобѣ государю и своего посланника отпустилъ со мною вмѣсте Марта въ 27 день и мѣня холопа твоего папа чтилъ [1]) всехъ пословъ и посланниковъ выше иныхъ земель великого для царьского величества пачеѣ всехъ пословъ и посланниковъ иныхъ земѣль—ставилъ меня папа у своего сына у Якова. И какъ меня папа отпустилъ отъ собя и велелъ меня по своимъ городомъ своимъ воѣводамъ чтить и встречать и до Вѣницеи велелъ меня холопа твоего проводить на своихъ подводахъ, да Вѣницейской князь Миколай меня холопа твоего потому жъ чтилъ, какъ папа. Писана грамота въ Веницеи Апреля въ 14 день. —

Подлинная (полуистлѣвшая) грамота писана на листѣ итальянской бумаги, сложенномъ на европейскій образецъ, а не столбцомъ; писано съ обѣихъ сторонъ бумаги на трехъ страницахъ съ десть. Было сложено конвертомъ съ адресомъ: „Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русіи“. *запечатано было печатью на красномъ воску, отъ которой остались лишь слѣды. На другой сторонѣ конверта Шевригинъ помѣстилъ продолженіе адреса:* „отдати грамота в Посолскую избу Ондрѣю Щелькалову“.

Около адреса писаны помѣты дьяковъ: „89 (1581) Июля въ 25 день из Смоленска с Иваномъ с Карсаковымъ, а ко Государю Июля въ 29 день с Уланомъ Жюковымъ“.

Мы съ удивленіемъ можемъ констатировать, что текстъ письма лишь напоминаетъ „exemplum“ Поссевина. Вмѣсто обычнаго „патра язовита“ Поссевинъ титулованъ въ письмѣ „думнымъ человѣкомъ дохтуромъ“—это явный отголосокъ фразы—„papa... statuit ut Antonius Possevinus, cujus doctrina et opera saepe in magnis rebus... usus...» и т. д.

[1]) Зачеркнуто: „для того...“.

Но—ни коварныхъ словъ „deinde venimus Venetias **tuisque litteris redditis**", ни похвалъ Іезуитскому ордену и даже самаго упоминанія «ordinis religiosissimi, societatis nempe nominis Jesu» вовсе не имѣется.

Такимъ образомъ Шевригинъ писалъ подъ диктовку іезуита, да не то, что диктовалось, а то, что признавалъ самъ нужнымъ. Исторія въ Прагѣ съ просьбами отдать обратно письмо была со стороны Шевригина только комедіей, ему, напротивъ, надо было, чтобы именно это письмо дошло до государя. Шевригинъ въ Венеціи и даже въ Прагѣ все еще боялся, какъ бы Поссевинъ не устроилъ ему крупнѣйшей непріятности оглашеніемъ своихъ сомнѣній относительно подлинности царской грамоты, переданной дожу. Этимъ объясняется и его согласіе писать подъ диктовку. Хитрый скиѳъ на лукавство отвѣтилъ лукавствомъ. Дѣло же съ самимъ документомъ было положительно не совсѣмъ чисто. Мы не можемъ не отмѣтить, что и въ письмѣ отъ 14 апрѣля изъ Венеціи Шевригинъ ни словомъ не обмолвился о февральскомъ пребываніи въ Венеціи и объ аудіенціи у дожа Николая да Понте. Мало того, мы находимъ въ письмѣ фразу—„и Веницейской князь Миколай и все Венеціяне послали къ тебѣ государю грамоту съ тѣмъ же Онтоньемъ Позовиномъ".

Выходитъ, что отвѣтъ венеціанъ на царскую грамоту повезетъ Поссевинъ, а не Шевригинъ, который какъ бы предвидитъ, что онъ не довезетъ Венеціанской грамоты до государя, что на дорогѣ она будетъ утрачена.

Венеціанское письмо отъ 14 апрѣля даетъ намъ неожиданную, сильнѣйшую улику противъ Шевригина. Достаточно сравнить почеркъ этого письма съ почеркомъ грамоты, хранящейся въ Венеціанскомъ архивѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что оба акта писаны однимъ лицомъ. Царская грамота къ Венеціанамъ написана несомнѣнно рукою Шевригина [1]), мы же не имѣемъ рѣшительно никакихъ указаній на то, чтобы онъ былъ подъячимъ Посольскаго приказа. Да и при этомъ условіи нельзя было бы объяснить, почему грамота по начальной формулѣ рѣзко отличается отъ прочихъ, а „молодой паробокъ", „гонецъ" другихъ грамотъ, титулованъ въ ней посланникомъ.

[1]) Если только не допустить болѣе чѣмъ сомнительнаго предположенія, что съ Шевригинымъ былъ какой-нибудь писчикъ изъ Посольскаго приказа.

Мы должны признать наиболѣе вѣроятнымъ въ данномъ случаѣ фактъ превышенія Ширригинымъ своихъ полномочій. Встрѣтивъ, *неожиданно для себя* (чтó признаетъ и о. Пирлингъ), торжественный пріемъ въ Венеціи, приглашенный къ дожу, Шевригинъ счелъ неудобнымъ явиться безъ документа и на память по образцу другихъ проѣзжихъ, сочинилъ, въ сущности совсѣмъ невинную по содержанію, проѣзжую грамоту къ венеціанамъ. Запасныя проѣзжія грамоты иногда давались московскимъ посламъ, съ такой грамоты, повидимому, Шевригинъ и взялъ печать для сочиненной имъ проѣзжей [1]). Можетъ быть, въ виду успѣха посылки, въ Москвѣ и не сочли бы дѣянія Шевригина за преступный подлогъ. Но Шевригинъ не могъ не бояться: онъ соблазнился случаемъ и не воздержался приписать себѣ титулъ посланника, на который не имѣлъ права, будучи не болѣе, какъ „легкимъ гончикомъ“.

Поссевинъ, а за нимъ о. Пирлингъ, очень непріязненно отзываются объ Истомѣ Шевригинѣ. Въ знаменитомъ сочиненіи о. Пирлинга «La Russie et le Saint-Siège» авторъ при каждомъ упоминаніи глумится надъ московскимъ гонцомъ, онъ находитъ, напримѣръ, страннымъ, что онъ говорилъ рѣчь дожу стоя и съ непокрытой головой (стр. 11), издѣвается надъ свѣдѣніями, которыя Шевригинъ помѣстилъ о Венеціи въ свой статейный списокъ, сѣтуетъ, что онъ не оцѣнилъ великолѣпія пасхальныхъ праздпествъ, что его „варварское“ ухо не восприняло восхитительной гармоніи музыки Палестрины и пѣнія въ Сикстинской капеллѣ. Особенно возмущаетъ о. Пирлинга, что подарки папы и венеціанцевъ были русскимъ посольствомъ свѣшены и оцѣнены, хотя «des préoccupations d'un goût douteux» дальше этого и не пошли. Самыя показанія Шевригина заранѣе заподозриваются въ лживости, и признается, что Поссевину не лишнее было запастись оружіемъ—«contre les rapports fallacieux qu'il pourrait produire au Kremlin».

Нѣсколько иное впечатлѣніе выносимъ мы изъ безпристрастнаго разсмотрѣнія фактовъ.

Вообразите себѣ положеніе малообразованнаго человѣка, не знающаго ни одного иностраннаго слова, изъ тогдашней бревенчатой Москвы закинутаго въ сказочное великолѣпіе

1) Поссевинъ указываетъ точно, что печать была взята отъ проѣзжей грамоты, адресованной къ электору Саксонскому.

Италіи XVI столѣтія, совершенно одинокаго, сознающаго, что даже на своихъ толмачей онъ не можетъ положиться!

Много надо было природнаго ума и силы воли, чтобы разобраться въ подавляющей массѣ новыхъ впечатлѣній, въ чарующемъ калейдоскопѣ, въ которомъ картины природы чередовались съ проявленіями человѣческаго генія. Въ своемъ отчетѣ Шевригинъ далъ точные и ясные отвѣты на запросы наказа, онъ подмѣтилъ отношеніе Венеціи къ Турціи, финансовое положеніе имперіи, богатство и могущество тогдашней Испаніи, продолжающуюся борьбу съ гугенотами во Франціи.

Его лапидарная запись отнюдь не показываетъ намъ ограниченнаго, тупаго человѣка. Въ немъ мы не видимъ и фанатика. Лоретто онъ считаетъ святымъ и благодатнымъ мѣстомъ: „и проща бываетъ великая и приходятъ люди молитца изъ многихъ земель, и на годъ приходитъ молебныхъ денегъ по пятидесятъ тысячь рублевъ“. Насколько это признаніе, что въ Лоретто творятся великія исцѣленія всѣхъ притекающихъ съ вѣрою, шире понятія о томъ неотразимомъ „l'assaut de la grâce“, спеціально направленномъ на то, чтобы вызвать сознаніе грѣховности прикосновенности къ греческой схизмѣ!

Шевригинъ спокойно посѣщалъ Римскіе храмы, спокойно описалъ ихъ устройство, святыни, службу, въ нихъ происходившую. Нигдѣ нѣтъ нетерпимости, ни одного рѣзкаго слова.

Замѣчаніе его—„а олтаря у нихъ въ костелѣ нѣтъ, страшатъ (то-есть совершаютъ страшную великую тайну) Христово тѣло въ потирѣ, а люди всѣ видятъ“, показываетъ намъ благочестиваго, вѣрующаго человѣка.

А въ это же время сильный умомъ и образованіемъ Поссевинъ разсказываетъ, какъ онъ боялся оскверниться посѣщеніемъ православныхъ храмовъ, какъ въ Смоленскѣ, Новгородѣ и Москвѣ его зазывали въ церкви и непремѣнно хотѣли благословить и заставить поцѣловать архіерейскую руку въ знакъ подчиненія схизмѣ. Фанатизмъ слѣпилъ ему очи! Онъ забывалъ, что если онъ боялся, какъ бы не принять благословенія отъ схизматика-еретика, то и русское духовенство отнюдь не было расположено благословлять латынянина. Мы знаемъ, что какъ разъ въ то время, когда Поссевинъ воображалъ, что епископъ смоленскій заманиваетъ его въ соборъ, у епископа Сильвестра ле-

жала грамота отъ митрополита Діонисія съ выписками изъ соборныхъ правилъ—„яко не даяти еретикамъ входити въ домъ Божій, пребывающимъ въ ереси“ и съ строгимъ наказомъ безъ особаго царскаго указа Поссевина въ храмы не пускать. Это только царь Иванъ Грозный либерально приказалъ звать папскаго посла въ церкви и показывать ему торжественную службу!

Если Поссевинъ боялся, какъ бы ему не пришлось поцѣловать у архіерея или митрополита руку, то про Шевригина, наоборотъ, итальянцы записали, что онъ правилъ посольство передъ папой на колѣняхъ и поцѣловалъ папскую туфлю,—два обстоятельства, которыхъ обыкновенно нельзя было добиться отъ московскихъ пословъ. Папа чтилъ Шевригина „паче всѣхъ“, и онъ папу чтилъ и выполнилъ обрядъ, обязательный, какъ онъ видѣлъ, и для другихъ посланниковъ.

Отнюдь нельзя думать, чтобы Шевригинъ относился безучастно ко всему, о чемъ не написалъ въ статейномъ спискѣ; мы знаемъ, напримѣръ, что Венеціанскій арсеналъ онъ изучалъ детально, интересуясь и подробно осматривая въ немъ все съ начала до конца.

За Шевригинымъ не записано ни одного безобразнаго поступка, ни одной дикой или пьяной выходки, чѣмъ грѣшили иногда невоспитанные и буйные во хмѣлю московскіе посланники, напротивъ, онъ велъ себя мастерски, никогда не терялся и даже на застольныя рѣчи отвѣчалъ, напримѣръ, въ Венеціи панегириками. Во время второй аудіенціи у дожа онъ экспромптомъ говорилъ о торговыхъ путяхъ въ Персію.

Все это не показываетъ зауряднаго, молчаливаго исполнителя царской воли, заучившаго наказъ и боящагося отступить отъ него хотя бы на іоту. Московскій сынъ боярскій, присланный Грознымъ царемъ, можетъ быть, былъ мужиковатъ и необразованъ, но не былъ обдѣленъ природою— ни умомъ, ни хитростью. Не безъ успѣха онъ состязался съ итальянскими дипломатами и ловко вывернулся, какъ мы видѣли, изъ опасной ловушки Поссевина.

Отмѣтимъ въ заключеніе мелкій, но не лишенный значенія фактъ. Пресловутое письмо Шевригина изъ Венеціи, адресованное на имя государя царя и великаго князя, написано не на столбцѣ и не на листѣ, а по западно-европейски въ десть на страницахъ. Шевригинъ оцѣнилъ удоб-

ство европейской манеры письма и рѣшился ею воспользоваться.

Могутъ сказать, что это пустяки—но не намъ это говорить! И въ нашъ просвѣщенный вѣкъ писаніе документовъ не по формѣ строго возбраняется, и въ настоящее время было бы неосторожно со стороны чиновника подать докладную записку по начальству, на почтовой, напримѣръ, бумагѣ малаго формата.

Дипломатическое же новаторство въ вѣкъ царя Ивана было положительной смѣлостью. Къ европейскому способу писанія документовъ Русь перешла лишь при Петрѣ Великомъ. Шевригинъ далъ образецъ этого способа болѣе чѣмъ за столѣтіе раньше. Отдадимъ же ему справедливость и въ этомъ.

Н. П. Лихачевъ.

Даръ слезъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

(*Продолженіе*) [1].

ольшія каменныя стѣны высились, на нѣкоторомъ разстояніи, по обѣимъ сторонамъ улицы, по которой шелъ Матой. Кое-гдѣ за рѣшетчатыми окнами домовъ, виднѣвшихся за стѣнами, вспыхивали огоньки и тотчасъ же тухли, потому что невидимая рука мѣшала растворять ставни, сдѣланныя изъ пальмовыхъ дощечекъ.

На улицахъ никого не было. Эта часть города казалась вымершей; но по мѣрѣ того, какъ Матой подвигался впередъ, высокія стѣны становились ниже, наконецъ совсѣмъ исчезли, улицы становились шире, дома красивѣе и богаче. Попадались и люди, слышались разговоры, смѣхъ и пѣнье на террасахъ домовъ, окруженныхъ благоухающими садами. Доносились до слуха Матоя и звуки флейты, и исчезали такъ же быстро, какъ возникали, приносимые и уносимые легкимъ, прохладнымъ вѣтеркомъ.

Онъ проходилъ мимо площади, на которой было много народу. Жители города вышли на прогулку, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, отдохнуть отъ знойнаго дня.

Матой подошелъ къ первому попавшемуся ему на дорогѣ человѣку и подробно разспросилъ, гдѣ находится домъ Зенона.

Прохожій оглядѣлъ страннаго путника, ноги котораго были босы, волосы не приглажены и спутаны, лицо покрыто пылью, и улыбнувшись тонкой улыбкой, далъ ему необходимыя свѣдѣнія. Видъ Матоя, одѣтаго въ грязное и изорванное рубище, повидимому не удивилъ его. Всѣ жители города знали, что въ далекомъ отъ нихъ разстояніи, въ дикой и суровой пустынѣ живутъ какіе-то странные люди, поклоняющіеся единому Богу, терпящіе нужду, лишеніе, голодъ, жаръ и жажду, спасающіеся въ вертепахъ, пеще-

---

[1]) См. № 1.

рахъ и каливахъ. Они знали многое объ этой странной сектѣ, питающейся финиками и желудями, сухимъ хлѣбомъ и чечевицей, да и то не каждый день; разсказы ходили по городу, между знакомыми, объ этихъ пустынникахъ и отшельникахъ. У многихъ горожанъ были даже родственники, совратившіеся въ эту секту, которую называли служителями Христа. И изнѣженные, разслабленные удовольствіями и роскошной жизнью горожане никакъ не могли понять ни этихъ странныхъ людей, добровольно лишившихъ себя всѣхъ радостей бытія, ни этого страннаго Бога, который можетъ требовать отъ своихъ поклонниковъ такихъ жертвъ и лишеній.

Вотъ почему, когда кому-нибудь изъ пустынниковъ приходилось бывать въ городѣ, на него обращали вниманіе и съ любопытствомъ оглядывали его изсушенное постомъ и бдѣніемъ тѣло и длинныя рубища, которыми оно было прикрыто.

Горожанинъ оглядѣлъ Матоя и, давъ ему указанія относительно дома Зенона, котораго хорошо знали въ городѣ, не могъ удержаться, чтобы не спросить его:

— Ты одинъ изъ тѣхъ, которые живутъ въ пустынѣ?

— Да,—отвѣтилъ робко Матой.

— И давно ты присталъ къ тѣмъ суровымъ людямъ?

— Съ первыхъ дней моего дѣтства меня взяли туда.

— И ты, какъ и другіе изъ вашей среды, ненавидите все, что создано Богомъ? Потому что по-вашему все живущее и растущее создано вашимъ Богомъ...

— Мы ничего не ненавидимъ,—отвѣтилъ Матой, и сердце его смущенно забилось, потому что въ этихъ словахъ онъ почувствовалъ откликъ тѣхъ думъ, которыя давно волновали его.

— Вы не пьете вина, вы не признаете женской любви,—продолжалъ горожанинъ.—А вѣдь вино и женщины созданы Богомъ.

Матой не хотѣлъ вступать въ споры съ этимъ незнакомымъ человѣкомъ, здѣсь, среди чужихъ людей, на площади. Поэтому онъ ограничился только слѣдующими словами:

— Прости меня, братъ; я очень усталъ и спѣшу къ Зенону на отдыхъ, надѣясь, что онъ дастъ мнѣ у себя убѣжище на эту ночь.

— Ступай,—сказалъ горожанинъ.—Но домъ Зенона, какъ я уже говорилъ тебѣ находится рядомъ съ домомъ Герміоны, знаменитой танцовщицы нашего городскаго театра. И тебѣ надо будетъ пройти мимо него. Въ этотъ часъ Герміона пируетъ съ своими друзьями, на террасѣ своего дома. Смотри, зажмурь глаза, когда будешь проходить мимо; а то полюбишь ея красоту, и придется тебѣ разстаться съ пустыней.

Проговоривъ эту рѣчь, горожанинъ весело разсмѣялся и, отошедъ отъ Матоя, скрылся въ толпѣ.

Юношей овладѣло безпокойное чувство. Съ того момента, какъ нога его прикоснулась къ родной почвѣ, онъ ощутилъ въ себѣ что-то особенное. Проходя по разнымъ улицамъ города, онъ старался припоминать свои дѣтскіе годы, и ему начинало казаться, что мѣста эти ему знакомы. Какъ будто какая-то завѣса раздви-

нулась въ его памяти, и сквозь образовавшееся отверстіе онъ видѣлъ тѣ улицы и тѣ площади, по которымъ онъ бѣгалъ ребенкомъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. И вмѣстѣ съ тѣмъ картина суровой пустыни уходила все дальше и дальше изъ его воображенія и становилась такой чуждой, такой непривлекательной, что ему дѣлалось страшно. И образъ старца Евагрія затуманивался въ его воображеніи и тоже казался ему чужимъ и далекимъ. И какъ будто многолѣтнихъ узъ, существовавшихъ между пустыней, старцемъ и имъ, уже не было больше.

Жажда новой жизни, широкой свободы, дѣятельности, движенія — овладѣвала имъ съ каждымъ шагомъ. Ему хотѣлось полной грудью вдыхать этотъ прохладный, напоенный ароматами цвѣтовъ, воздухъ, ему хотѣлось говорить, смѣяться, пѣть... Никогда ничего подобнаго не ощущалъ онъ въ пустынѣ, гдѣ воздухъ былъ сухъ и накаленъ, гдѣ мертвая тишина окружала ихъ вертепъ, гдѣ жизни было такъ же мало, еще меньше, чѣмъ на кладбищѣ.

И Матою показалось, что сердце его бьется, голова кружится, ноги дѣлаютъ невѣрные шаги — отъ опьяненія. Точно въ этомъ благоуханномъ воздухѣ разлиты были винные пары, проникавшіе въ его грудь и производившіе опьяненіе. Онъ чувствовалъ, какъ отшельникъ, пустынникъ уходилъ изъ его души и вмѣсто него въ нее переселялся язычникъ, которому дороги были блага жизни— изысканная пища, прелести природы, ласки женщины...

Ласки женщины! Вотъ чего онъ никогда не зналъ и о чемъ имѣлъ очень смутныя понятія. Женщина—существо нечистое, отверженное, сосудъ демоновъ, кладезь страстей и пороковъ, скопище самыхъ страшныхъ грѣховъ. Такъ отшельники и пустынники изображали ее. Почему? Развѣ она не создана тѣмъ же Богомъ и развѣ не ею закончилъ Онъ твореніе свое?...

Матой оставилъ далеко за собою площадь и теперь шелъ по широкимъ, хорошо вымощеннымъ улицамъ, твердо помня указаніе горожанина. Улицы были вымощены плитками известняка, и по обѣимъ сторонамъ ихъ высились красивыя зданія изъ бѣлаго камня. Передъ каждымъ домомъ былъ садъ, съ клумбами цвѣтовъ, съ хорошо содержимымъ газономъ, на площадкахъ котораго красовались статуи изъ бѣлаго мрамора. Передъ каждымъ домомъ была терраса, ступеньки которой были покрыты плитками разноцвѣтной эмали. А оконныя ставни были изъ кедроваго дерева съ украшеніями изъ вызолоченной бронзы.

Это была часть города, въ которой жили богатые люди, ведшіе обширную торговлю, содержавшіе корабли и склады самыхъ разнообразныхъ товаровъ.

Среди этихъ домовъ онъ угадалъ домъ, принадлежавшій Зенону, рядомъ съ которымъ стоялъ роскошный дворецъ Герміоны.

Онъ узналъ и этотъ дворецъ по тому веселому шуму, который шелъ съ его террасы. Терраса дворца спускалась въ самый садъ и была скрыта деревьями и кустами. Подъ тѣнью цвѣтущихъ глициній, наполнявшихъ воздухъ густымъ ароматомъ, шелъ пиръ. Слышались звуки пѣсенъ подъ аккомпаниментъ флейтъ и тамбуриновъ. Лилось душистое вино.

Матой остановился въ изумленіи. И эти звуки, и эти пѣсни, и этотъ чудный садъ съ красивыми статуями, и эти люди въ роскошныхъ одеждахъ, и эти соблазнительныя женщины казались ему теперь чѣмъ-то привлекательнымъ...

Съ усиліемъ оторвался онъ отъ этого зрѣлища и прошелъ мимо рѣшетки сада къ дому Зенона.

Зенонъ былъ богатый торговецъ города и въ тайнѣ склонялся къ ученію пустынниковъ. Многое ему нравилось въ этой новой вѣрѣ, которая распространялась все болѣе и болѣе по странѣ и пріобрѣтала себѣ все болѣе и болѣе послѣдователей. Но Зенонъ былъ слишкомъ привязанъ къ благамъ жизни и былъ слишкомъ слабъ волей. Кое-что ему нравилось въ новомъ ученіи и въ особенности то, что за каждое доброе дѣло, сдѣланное на землѣ, новое ученіе обѣщаетъ соотвѣтственную награду на небѣ; за временную добрую жизнь на землѣ новое ученіе обѣщаетъ вѣчное блаженство на небѣ. Зенонъ, проведшій большую часть своей жизни въ сложныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, находилъ эти условія не только справедливыми съ своей коммерческой точки зрѣнія, но и выгодными. И тѣмъ не менѣе у него не хватало мужества открыто послѣдовать этому ученію и уйти въ пустыню. Онъ сообразилъ, что, если эти обѣщанія не обманъ, то достаточно будетъ, если онъ, не отрѣшаясь совершенно отъ привычной ему жизни, будетъ дѣлать добрыя дѣла. Если же ужъ совершенно необходимо будетъ покинуть ту жизнь, которую онъ велъ, то всегда успѣетъ это сдѣлать въ старости. Пока же онъ рѣшилъ доставлять въ пустыню нѣкоторымъ старцамъ провизію и все необходимое для ихъ существованія и пропитанія. Это все таки доброе дѣло, которое къ концу жизни можно будетъ поставить насчетъ и не безъ выгоды для себя учесть.

Разъ въ двѣ недѣли онъ покидалъ своихъ друзей и знакомыхъ, снаряжалъ повозку, накладывалъ на нее пальмовыя вѣтви, чечевицу, хлѣбъ, сухіе финики и отвозилъ самъ все это въ пустыню, гдѣ оставался день-другой въ общеніи со старцами, и затѣмъ отправлялся назадъ. По возвращеніи домой, онъ тщательно отмѣчалъ это доброе дѣло и записывалъ количество отпущеннаго товара въ расходъ. Чтобы не обижать старцевъ, онъ бралъ отъ нихъ корзины, сплетенныя ими изъ его же пальмовыхъ вѣтвей, и продавалъ ихъ на рынкѣ въ городѣ. Конечно, вырученныя деньги не могли покрыть расходовъ по его „жертвѣ“; но тѣмъ не менѣе онѣ все-таки нѣсколько уменьшали цѣнность ея.

Не будучи самъ въ силахъ отрѣшиться отъ благъ жизни, отъ вкуснаго и обильнаго стола, отъ ароматнаго вина, отъ пиршествъ, музыки, пѣсенъ и любви женщинъ, онъ, въ глубинѣ души, искренно удивлялся тѣмъ людямъ, которые добровольно отказались отъ всего этого и похоронили себя въ каменныхъ пещерахъ въ страшной и безплодной пустынѣ. Онъ даже слегка боялся ихъ.

Иногда ему приходила на умъ мысль не возвращаться въ городъ и навсегда остаться въ какомъ-нибудь вертепѣ, поступивъ къ знакомому старцу на послушаніе. Но послѣ скудной трапезы собственными запасами, привезенными имъ въ вертепъ, и послѣ

ночи, проведенной на каменномъ полу, еле прикрытомъ сухими листьями, онъ покидалъ свое благое намѣреніе и, чувствуя рѣзь въ желудкѣ, жажду во рту и боль въ бокахъ и пояснипѣ, онъ съ виноватой улыбкой прощался со старцемъ и съ радостно-облегченнымъ чувствомъ покидалъ пустыню.

„Успѣю“,—говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе по дорогѣ и начиналъ тотчасъ же мечтать о вкусныхъ блюдахъ своего стола, о мягко набитыхъ лебяжьимъ пухомъ и покрытыхъ шелковою тканью подушкахъ своего ложа и о любви Герміоны, своей сосѣдки, которая, благодаря его связямъ и деньгамъ, добилась высокаго положенія въ театрѣ, сдѣлавшись первой танцовщицей, отъ которой приходили въ восторгъ всѣ горожане, наполнявшіе театръ съ верху до низу въ тѣ дни, когда она появлялась на подмосткахъ.

Жители города долго не могли утѣшиться, послѣ того какъ ихъ любимую танцовщицу, предшественницу Герміоны, злые пустынники совратили въ свою опасную ересь и заставили погибнуть въ одной изъ отдаленныхъ женскихъ обителей. И немалаго труда стоило Зенону заставить ихъ забыть прежняго кумира и воздвигнуть на мѣстѣ его новаго; при томъ приходилось бороться со многими пристрастіями, предубѣжденіями и вкусами. Одно время думали, что соперница Герміоны—Кронія возьметъ верхъ. Публика подѣлилась на два лагеря, и, нужно сказать правду, у Кроніи было больше сторонниковъ. Когда она ловкимъ и граціознымъ движеніемъ однихъ плечъ сбрасывала съ себя мантію изъ полупрозрачной шелковой ткани, обволакивавшую ее, и появлялась на высокихъ подмосткахъ сцены, высоко подымая надъ головою руки и плавными размѣренными движеніями подъ звуки музыки выступая впередъ,—то ее забрасывали цвѣтами, привѣтствовали восторженными отзывами и съ тріумфомъ проносили по городу до ея дома, въ предшествіи музыкантовъ, игравшихъ на флейтахъ и тамбуринахъ. Тогда Герміона, сидя на террасѣ своего дома, обливалась горючими слезами и дѣлала жестокія сцены Зенону. Противъ таланта и красоты Кроніи безсильны были всѣ связи и всѣ деньги богатаго и вліятельнаго Зенона.

Но и Кронія не избѣгла участи своей предшественницы. И она погибла для искусства и театра, увлекшись новымъ ученіемъ. Это было какое-то повѣтріе. И жители города очень возмущались на этихъ новыхъ людей, съ ихъ страннымъ ученіемъ, презиравшимъ женщинъ и отнимавшимъ у общества прекраснѣйшихъ ихъ представительницъ.

Нашлись люди, которые обвиняли въ этомъ Зенона, зная его связи съ христіанами; они говорили, что онъ, нарочно, ради Герміоны, сблизилъ Кронію съ христіанами и такимъ образомъ освободилъ мѣсто для своей возлюбленной.

Какъ бы то ни было, но городъ не могъ же обойтись безъ танцовщицы. Пришлось всѣмъ признать Герміону. Герміона была не хуже Кроніи, хотя въ ея танцахъ не было столько пластики и очарованія. Но съ теченіемъ времени она пріобрѣла и то и другое. Легкомысленная публика скоро забыла свою любимицу и перенесла свои симпатіи на подругу Зенона, которая много работала

надъ собой и, видимо, съ большимъ трудолюбіемъ добивалась совершенства въ своемъ искусствѣ. Недоброжелатели Герміоны силились ей вредить, и враги Зенона усердно пропагандировали другую танцовщицу, нѣкую Теону; но красота и талантъ Герміоны, поддержанный вліяніемъ и деньгами Зенона, одержали, наконецъ, побѣду. Теона тоже была красивой дѣвушкой, но она еще была очень молода. Теона даже сдѣлалась подругой Герміоны, а ея поклонникъ Стратигій сдѣлался другомъ Зенона.

Да и какъ было имъ не сойтись съ новой знаменитостью? У Герміоны было такъ весело, и она задавала такіе праздники, что не участвовать въ нихъ считалось даже неловкимъ.

Зенона не было дома, когда въ его садъ вошелъ Матой.

Люди, вышедшіе къ нему на встрѣчу, приняли его сначала не очень дружелюбно, но потомъ, когда онъ объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло, они сказали ему, что ихъ господинъ находится по сосѣдству и пируетъ въ домѣ Герміоны.

— Сегодня она танцовала,—сказалъ Матою одинъ изъ нихъ,—а послѣ представленія господинъ всегда ужинаетъ у нея въ домѣ, это ужъ таковъ обычай. И если ты хочешь непремѣнно видѣть его, то я, пожалуй, провожу тебя и вызову Зенона.

Сердце Матоя смутилось. Что дѣлать? Какъ поступить? Уйти ни съ чѣмъ? Вернуться въ пустыню, не принеся никакого отвѣта? Подождать Зенона въ саду его дома, пока онъ не вернется? Или согласиться на предложеніе слуги и пойти туда, гдѣ царитъ безумное веселье? Въ глубинѣ души его пересиливало послѣднее желаніе. Та отрава, которая незамѣтной струей ворвалась въ его душу, какъ только онъ ступилъ на эту грѣшную почву, производила уже свое дѣйствіе. Кровь юноши волновалась отъ какого-то новаго, никогда еще не испытаннаго чувства. Сердце стучало, виски бились отъ напряженія, ноги подкашивались не то отъ усталости, не то отъ волненія, руки дрожали.

Но онъ имѣлъ еще достаточно мужества, чтобы удержать себя отъ искушенія.

— Я подожду твоего господина здѣсь, братъ мой,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.—Если ты дозволишь мнѣ присѣсть подъ вѣтвями этого дерева, на этой бѣлой скамейкѣ...

Но слуга громко расхохотался.

— Присѣсть я тебѣ дозволю,—отвѣтилъ онъ.—Но ждать тебѣ придется долго!

— Развѣ твой господинъ не вернется сюда до полуночи?

— О, въ этомъ ты можешь быть увѣренъ. Пиры у Герміоны не кончаются въ полночь. И когда Зенонъ съ друзьями пируетъ у нея, то пиръ затягивается до утра, а иногда длится и весь слѣдующій день до поздней ночи.

— Какъ же быть?—растерянно произнесъ Матой, чувствуя, какъ имъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ желаніе отправиться туда, гдѣ онъ слышалъ веселые голоса, музыку и пѣніе.

— Пойдемъ къ Герміонѣ, говорю тебѣ,—сказалъ слуга,—мой господинъ Зенонъ отнюдь не разсердится, если я приведу тебя къ нему; у тебя достаточно странный видъ, чтобы удивить его го-

стей... А Зенонъ любитъ такія неожиданности на пиршествахъ. Послѣ происшествій или остановки пира, вино льется обильнѣе и всѣмъ дѣлается веселѣе. Тѣмъ болѣе, ты говоришь, что онъ знаетъ тебя.

Матой вздумалъ еще воздвигнуть одно препятствіе:

— Взгляни на меня, какъ я одѣтъ,—сказалъ онъ.—Я босъ и въ рубищѣ. Волосы мои не напомажены и не приглажены. Ноги мои изранены, и изъ нихъ сочится кровь. Я могу оставить кровавые слѣды на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы.

— Ну, на нихъ много кровавыхъ слѣдовъ!—усмѣхнулся слуга.—Они льютъ красное дорогое вино на полъ и потомъ ступаютъ по немъ. Кто разберетъ по твоимъ слѣдамъ—вино это или кровь?

— Мнѣ стыдно показаться въ такомъ рубищѣ въ домѣ, гдѣ происходитъ праздникъ,—еще разъ проговорилъ Матой.

— Знаешь что?—спохватился слуга.—Правда ли, что Зенонъ знаетъ тебя?

— Я никогда не лгу...—кротко отвѣтилъ Матой.

— Ну, такъ вотъ что я придумалъ. Я тебѣ принесу плащъ моего господина. Одѣнь его и ступай. Я тебя опрыскаю даже духами. А волосы ты можешь пригладить гребнемъ. Только скажи моему господину, что ты пришелъ въ его плащѣ; я знаю, онъ не разсердится. Да, смотри, не проси его съ собою въ пустыню,—прибавилъ слуга, поспѣшно скрываясь на поворотѣ дороги.

Матой не успѣлъ отвѣтить. Смущенный, взволнованный, стоялъ онъ у мраморной скамейки. Онъ уже видѣлъ передъ своими воспаленными глазами праздникъ Герміоны, сіяющій огнями. И ему вдругъ показалось, что онъ достаточно долго боролся противъ предложенія слуги и что другаго выхода для него не было. Не могъ же онъ сидѣть здѣсь, въ саду, два дня и дожидаться возвращенія Зенона. Не могъ онъ и уйти въ пустыню безъ всякаго отвѣта, да у него и не хватило бы силъ предпринять вновь, не отдохнувши, этотъ долгій и тяжелый путь.

Поэтому, когда слуга принесъ ему темно-фіолетовый плащъ Зенона, Матой не сопротивлялся больше и одѣлъ его на свои плечи. Матой былъ чуть ниже Зенона, и плащъ доходилъ ему до самыхъ ступней, покрывая ноги. Онъ пригладилъ свои волосы и привелъ ихъ въ порядокъ, отъ духовъ же рѣшительно отказался.

— Смотри, совсѣмъ другимъ сталъ! — крикнулъ ему слуга. — Мой господинъ не узнаетъ тебя!...

Но Матой, уже полный рѣшимости, не слушалъ его. Онъ быстро пошелъ въ сопровожденіи слуги впередъ.

Они вошли въ садъ Герміоны. Теперь, когда Матой близко увидѣлъ роскошь этого дворца, онъ былъ еще болѣе пораженъ... Какое-то смѣшанное чувство восторга и негодованія, невольнаго восхищенія красотою обстановки и внезапно проснувшагося чувства оскорбленнаго цѣломудрія овладѣло имъ. Вся долгая жизнь въ пустынѣ, среди трудовъ и лишеній, среди пустоты и суровой обстановки всплыла передъ умственными очами Матоя, и ему стало не по себѣ. Широко раскрытыми глазами осматривалъ онъ эти пальмы

и кипарисы, эти клумбы благоухавшихъ цвѣтовъ, эти ковры геліотроповъ и низкорослыхъ розъ, эти безстыдныя въ своемъ обнаженіи статуи античныхъ боговъ, эти колонны зеленоватаго мрамора, вывезеннаго когда-то изъ каменоломенъ Синнаиды, эту роскошную террасу, устланную дорогими коврами, и этихъ людей на террасѣ, одѣтыхъ въ необыкновенныя ткани и украшенныхъ драгоцѣнными камнями. И вмѣстѣ съ чувствомъ негодованія въ немъ все съ большей силой просыпался древній язычникъ, который все еще не умеръ въ немъ, несмотря на долгое отчужденіе отъ этого міра преступной роскоши, несмотря на долгую суровую жизнь, къ которой онъ привыкъ въ своемъ вертепѣ. Жуткое до боли чувство овладѣло имъ.

Слуга оставилъ его одного среди сада, подъ деревомъ цвѣтущей глициніи, запахъ которой кружилъ ему голову, вмѣстѣ съ звуками игривой мелодіи, долетавшей до его слуха съ террасы. Онъ смущенно оглядѣлъ себя. Его темно-фіолетовый плащъ, который казался ему такимъ дерзко роскошнымъ въ сравненіи съ его рубищемъ, теперь показался ему жалкой тряпкой въ сравненіи съ тѣми одеждами, которыя онъ, сквозь вѣтви деревьевъ, видѣлъ, при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, на пировавшихъ. Вся терраса была освѣщена высокими факелами. На длинныхъ бронзовыхъ шестахъ изящной работы, съ вычурными чашками на верху, горѣла налитая въ нихъ смола, распространяя по саду густой смолистый запахъ, странно перемѣшивавшійся съ запахомъ цвѣтовъ. Эти бронзовые шесты перевиты были гирляндами розъ, такъ же, какъ и рѣшетка террасы. Цвѣтами же были усыпаны и мозаичныя ступени, ведшія изъ сада на террасу и въ домъ.

Недолго Матой оставался одинъ. Вскорѣ услышалъ онъ шаги. Двое людей направлялись къ нему. Въ одномъ изъ нихъ онъ узналъ коренастую фигуру Зенона.

Зенонъ подошелъ къ юношѣ въ то время, какъ слуга удалился изъ сада. Зенонъ подходилъ съ распростертыми объятіями къ неожиданному гостю.

— Ты ли это, другъ Матой?—ласково спросилъ онъ его.

— Я, братъ мой,—хмуро отвѣтилъ гость.

— Я радъ тебя видѣть, другъ мой. Никакъ не ожидалъ я увидѣть тебя, здѣсь, въ нашемъ грѣшномъ городѣ и въ самомъ грѣшномъ мѣстѣ этого города, въ саду красавицы Герміоны.

Отъ Зенона пахло виномъ, но пьянъ онъ не былъ. Матой съ любопытствомъ осматривалъ его и наблюдалъ за нимъ. Его поразила необыкновенная перемѣна въ Зенонѣ. Зенонъ являлся въ пустыню всегда болѣе чѣмъ скромно одѣтымъ, говорилъ мягкимъ, тихимъ голосомъ, и глаза его глядѣли робко и печально. Теперь онъ былъ одѣтъ въ роскошный бѣлый костюмъ, на которомъ коегдѣ виднѣлись красныя пятна вина. Бѣлый костюмъ очень не шелъ къ его лоснившемуся отъ жира и раскраснѣвшемуся отъ вина лицу. Онъ дѣлалъ его какъ-то еще коренастѣе и еще толще. Въ особенности выдавался его огромный круглый животъ. Заплывшіе сѣрые глазки его ушли глубоко въ орбиты и свѣтили оттуда лукавымъ, хитроватымъ огонькомъ. Онъ постоянно вздер-

гивалъ своимъ коротенькимъ мясистымъ носомъ и облизывалъ яркія, толстыя, жирныя губы языкомъ. Вообще видъ у него былъ возбужденный, веселый, радостный. Онъ всегда приходилъ въ такое настроеніе, когда пировалъ у Герміоны.

— Ну какъ?.. Все ли у васъ въ порядкѣ? — продолжалъ Зенонъ, беря за руку Матоя и немного теряясь въ его присутствіи.—Какъ старецъ Евагрій? А? Все такъ же суровъ и вспыльчивъ?

— Отецъ мой здоровъ и прислалъ тебѣ поклонъ,— уклончиво отвѣтилъ Матой. — Ты долго не приходилъ къ намъ, и у насъ изсякли припасы, Зенонъ. Вотъ почему отецъ мой прислалъ меня къ тебѣ, узнать, не боленъ ли ты. Но я вижу, что ты находишься въ добромъ здоровьи, и благодарю за это Бога.

— Другъ!— вскрикнулъ Зенонъ.—Я знаю, что виноватъ передъ старцемъ Евагріемъ, передъ тобою и другими старцами! Но не думай, что я забылъ о васъ. Я, дѣйствительно, былъ боленъ и не могъ отправиться во-время къ вамъ. И я со-дня на-день ждалъ, что поправлюсь. Вотъ уже два дня, какъ я чувствую себя хорошо, но сегодня я не могъ уѣхать изъ города, потому что Герміона даетъ пиръ и празднуетъ годовщину своего вступленія на сцену. Не могъ же я уѣхать отъ этого торжества! — убѣжденно-наивно воскликнулъ онъ. — Но вотъ, еще сегодня утромъ я послалъ все необходимое къ вамъ со своимъ слугою. Завтра около полудня онъ будетъ у васъ, если съ нимъ ничего не случится по дорогѣ и если онъ не замѣшкается гдѣ-нибудь. Позволь надѣяться, что у васъ осталось еще кое-что и что твой старецъ не потерпитъ нужды.

— У него осталось немного чечевицы и хлѣба.

— Ну, и прекрасно. Но ты, другъ мой, голоденъ. Пойдемъ, я накормлю тебя.

Матой, дѣйствительно, чувствовалъ сильный голодъ и не меньшую жажду. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ долгомъ отказаться.

— Братъ Зенонъ!—сказалъ онъ.—Благодарю тебя за добрыя предложенія. Но, прошу тебя, отпусти меня.

— Какъ!—возразилъ Зенонъ.—Какъ я отпущу тебя? Теперь ночь, и ты не можешь идти обратно въ пустыню. Ты долженъ подкрѣпиться и отдохнуть.

— Отпусти меня въ твой домъ. Тамъ мнѣ дадутъ что-нибудь поѣсть, и я отдохну до зари.

— Нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно вскрикнулъ онъ.—Дома у меня тебѣ ничего не дадутъ. Теперь уже поздно, и всѣ легли спать. Не обижай меня отказомъ, другъ Матой. Пойдемъ на террасу; тамъ мои друзья и Герміона. Они примутъ тебя, какъ моего дорогаго друга; ты посидишь съ нами, утолишь голодъ и жажду; а потомъ отдохнешь на мягкой постели. Не спорь и не возражай мнѣ...

— Я не могу идти туда,—сказалъ Матой и сдѣлалъ движеніе, чтобы уйдти изъ сада.

— Слушай! Ты боишься своего старца. Но вотъ я даю тебѣ слово, что ничего не скажу ему. И тебя, другъ, прошу: не вы-

давай меня. Я велѣлъ своему слугѣ сказать, что лежу въ лихорадкѣ, и потому не могъ пріѣхать самъ, а послалъ его. Такъ и ты не говори ему, какъ ты меня нашелъ. Такимъ образомъ между нами будетъ тайна, и мы не выдадимъ другъ друга.

— Зенонъ!—укоризненно вскрикнулъ Матой. — Ты хочешь самъ лгать и меня учишь тому же.

— Э!—махнулъ рукой Зенонъ, умильно заглядывая въ глаза юношѣ.—Что есть ложь?

— Ложь—великій грѣхъ передъ богомъ. Ложь — главное свойство дьявола. Онъ—отецъ лжи.

— Ложь—односторонняя правда,—возразилъ Зенонъ.

— Зенонъ! — вскрикнулъ Матой. — Скажи мнѣ, кто ты?

— Я здѣшній горожанинъ, Зенонъ, богатый торговецъ, покровитель Герміоны, нашей славной танцовщицы!—не безъ хвастовства отвѣтилъ толстякъ.

— Я не о томъ тебя спрашиваю, братъ мой.

— А о чемъ же?—удивился Зенонъ.

— Я спрашиваю, кто ты? Христіанинъ или язычникъ? Вѣришь ты въ Бога или не вѣришь въ Него?

— Ахъ, вотъ ты про что! Кто—я? Я—философъ,—засмѣялся онъ и, обнявъ Матоя, продолжалъ его уговаривать исполнить его просьбу.—Другъ мой!—говорилъ онъ,—прошу тебя, не отказывай мнѣ. Подумай: ты ничего не потеряешь, если хорошо поѣшь и развлечешься.

Матой удивленно взглянулъ на него.

— Ну да,—продолжалъ Зенонъ. — Послѣ ночи пира твоя мирная обитель покажется тебѣ обѣтованной землей, тихимъ раемъ. Я самъ послѣ бурной городской жизни съ удовольствіемъ отдыхаю въ пустынѣ и провожу время въ тихихъ бесѣдахъ съ старцами. И послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ пустынѣ, опять съ отрадою въ сердцѣ возвращаюсь къ своей обычной городской жизни. Только разнообразіе и смѣна впечатлѣній веселятъ душу и содержатъ ее въ бодрости и упругости. Если бы не было горькаго, то люди не знали бы сладкаго и не могли бы понять всей его прелести.

Говоря такъ, онъ незамѣтно, обхвативъ юношу за талію, подвигался съ нимъ къ дому.

— Подумай,—продолжалъ онъ,—если бы не было грѣха, то не было бы и покаянія. А раскаянье такъ же сладко, какъ грѣхъ. И въ раскаяньи можно усмотрѣть грѣховность, потому это и въ этомъ чувствѣ заключена не малая доза сладострастія.

— Зенонъ, Зенонъ!—съ отчаяньемъ проговорилъ юноша.— Какія ужасныя слова говоришь ты! Что же, послѣ того, въ мірѣ праваго? Что можетъ дать душѣ успокоеніе?

— Равновѣсіе,—просто отвѣтилъ Зенонъ. — Односторонность удручаетъ душу, ослабляетъ ея жизненныя силы и энергію. Душа праведника дѣлается вялою, ни къ чему не способною. Грѣхопаденіе и добродѣтели должны непрестанно смѣнять другъ друга, чтобы чувствовать, что ты живешь настоящей жизнью. Послѣ грѣха такъ отрадно каяться и послѣ покаянія такъ отрадно грѣ-

шить. Если бы грѣхъ былъ лишнимъ и ненужнымъ въ мірѣ, Богъ не создалъ бы его.

— Не Богъ создалъ грѣхъ,—строго остановилъ его Матой.

— А кто же?—наивно спросилъ Зенонъ.

— Грѣхъ находится въ противорѣчіи съ божественнымъ закономъ; онъ созданъ дьяволомъ и присными его. И существованіе его относительно, призрачно и преходяще. Добродѣтель не противорѣчитъ божественному закону и потому дѣйствительно существуетъ и будетъ вѣчно существовать.

— А кто же создалъ дьявола?—спросилъ Зенонъ.—Если бы его существованіе было ненужно міру, Богъ не допустилъ бы его появленія. Но вотъ, другъ мой, мы и подошли къ ступенькамъ террасы. Не идти же намъ назадъ. Стой! Слушай эти звуки! Сейчасъ будетъ пѣть Герміона. Молю тебя, другъ мой, послушай ея пѣсню... Она такъ хорошо поетъ. Я считалъ бы себя величайшимъ грѣшникомъ, если бы помѣшалъ ея дивному голосу услаждать наши уши. Станемъ сюда... за вѣтвями этого кипариса она не увидитъ насъ.

Зенонъ потянулъ за рукавъ Матоя, и юноша послушно послѣдовалъ за нимъ.

Они стали за стволомъ дерева.

Смѣхъ, говоръ и шутки смолкли на террасѣ, и теперь слышалась только прелюдія къ пѣснѣ. Флейта, тамбуринъ и какой-то струнный инструментъ смѣшивали свои звуки, въ которыхъ было столько нѣги и страсти, столько чарующей, мягкой прелести, что сердце Матоя сжалось отъ восторга.

Онъ замеръ въ неподвижной позѣ, и теперь никакая сила не могла бы сдвинуть его съ мѣста. Губы его сжались, глаза лихорадочно блестѣли; всѣ сомнѣнія исчезли, раскаяніе уснуло. Если бы самъ старецъ Евагрій вдругъ явился передъ нимъ и властно приказалъ ему уйдти отсюда, онъ и тогда не двинулся бы съ мѣста. Языческая душа его, глубоко притаившаяся въ самомъ сокровенномъ уголкѣ его существованія, вдругъ проснулась и громко, смѣло и сильно заявила права на жизнь.

Герміона, выйдя на середину террасы, обольстительно-красивая, запѣла:

„Давно, давно и всѣми я признана первой красавицей. Но день придетъ, когда меня перестанутъ считать женщиной. И тогда обступятъ меня черныя воспоминанія, и возжаждетъ душа моя покоя и уединенія, и восплачутъ глаза мои горючими слезами.

„Но если жизнь—краткій, скоропреходящій сонъ—зачѣмъ не пользоваться имъ? Отчего въ эти ароматныя, лѣтнія ночи, когда такъ ярко свѣтитъ луна и такъ сильно благоухаютъ розы, не отдаваться жгучимъ чарамъ любви?

„Пусть это будетъ только сномъ. Настанетъ утро, разомкнутся вѣжды, очарованіе ночи исчезнетъ. Потянутся скучные часы дня и дѣйствительной жизни. Я взгляну въ зеркало и не увижу на лицѣ моемъ ни улыбки, ни слезъ.

„Да этотъ часъ неизбѣженъ. Все будетъ кончено. И все еще будетъ казаться, что я родилась только вчера, что время прошло

съ невѣроятной быстротой и что впереди осталось еще много. Но впереди уже ничего не осталось. И приходится съ грустью сказать: никто никогда меня не полюбитъ“.

Эти слова сопровождались медленной, унылой мелодіей.

И музыка, сопровождавшая слова и нѣжный, милый голосъ Герміоны, и самый смыслъ пѣсни такъ гармонировали съ этой душистой лунной ночью, что Матою показалось, что онъ покинулъ землю и попалъ въ какое-то волшебное царство.

На глазахъ у Зенона стояли слезы.

— Милая!—шепталъ онъ. — Божественная Герміона! Тебѣ рано пѣть такія грустныя пѣсни. Ты молода, ты прекрасна, и впереди у тебя длинный, длинный путь любви, наслажденія и славы!..

Съ террасы раздались одобрительные возгласы. Герміона смѣялась и отказывалась пѣть еще, несмотря на настоятельныя просьбы друзей.

— А?—проговорилъ Зенонъ, придя, наконецъ, въ себя и потянувъ за рукавъ Матоя. — Вѣдь хорошо? — Какой голосъ, сколько чувства! Эхъ, другъ! — улыбнулся онъ — если бы старецъ Евагрій имѣлъ такой голосъ, много бы людей пошло за нимъ... А если бы онъ услыхалъ Герміону... думаешь, устоялъ бы онъ противъ чаръ ея пѣсенъ? Быть святымъ легко, когда нѣтъ соблазновъ и поводовъ для грѣха. Не тотъ святой, кто заслонитъ себя стѣной отъ звуковъ міра. А тотъ, кто, живя среди людей, сумѣетъ пронести до могилы чистую душу и незапятнанные помыслы.

Но Матой ничего не отвѣтилъ Зенону на эти рѣчи. Онъ не могъ еще сбросить съ себя очарованія пѣсни.

— Она будетъ еще пѣть! — прошепталъ Зенонъ, подвигаясь къ террасѣ. — Вотъ музыканты настраиваютъ свои инструменты. А-а! Слушай...

И, дѣйствительно, Герміона уступила, наконецъ, просьбамъ друзей и, смѣясь, проговорила:

— Ну слушайте. Я спою вамъ про могилу молодой куртизанки.

И она начала:

„Здѣсь покоится тѣло той, которую звали когда-то нѣжной Лидэ, маленькой голубкой, и которая была жизнерадостнѣе всѣхъ куртизанокъ; она больше ихъ всѣхъ любила оргіи, кудри, развивающіяся, какъ волны, нѣжные плавные танцы и тюники гіацинтоваго цвѣта.

„Она любила и нѣжныя ласки, и нѣжные поцѣлуи, и таинственный полумракъ комнаты. А теперь она не болѣе, какъ маленькая, прозрачная тѣнь.

„Но прежде чѣмъ положить ее въ могилу, ее причесали красиво и убрали ложе ея благоуханными розами. И самый камень, который навсегда скрылъ ее отъ лучей солнца и блеска луны, пропитали душистыми эссенціями и маслами.

„Священная земля, мать всего сущаго, ласково прими въ свое лоно бѣдную усопшую и усыпи ее, укачавъ своими материнскими руками! И пусть вокругъ ея безвременной могилы вы-

растутъ не жгучая крапива и не колючій терновый кустъ, а нѣжныя бѣлыя фіалки".

Эта пѣснь еще болѣе разстроила Зенона.

— Какое нѣжное, чувствительное сердце! — прошепталъ онъ.

Эта пѣсня навѣяла, повидимому, грустное настроеніе на присутствовавшихъ, потому что не было слышно болѣе ни голосовъ, ни звуковъ инструментовъ. Какъ будто слова, вырывавшіяся, точно противъ воли, изъ устъ Герміоны, застыли въ воздухѣ и держали всѣхъ подъ своимъ обаяніемъ. Эту пѣсню она не пѣла, а говорила подъ ритмическій аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ, но впечатлѣніе отъ того получалось еще большее. И въ голосѣ Герміоны было столько грусти, столько глубокой тоски, какъ будто въ пророческомъ ясновидѣніи она пѣла про свою будущую судьбу.

Грусть запала въ сердце молодаго отшельника, и оно наполнилось очарованіемъ. И странныя мысли мелькали въ его головѣ: ему казалось, что одна строфа этой пѣсни, сказанная этимъ грустнымъ и мелодичнымъ голосомъ, стоитъ цѣлыхъ длинныхъ наставленій старца Евагрія. Слова старца Евагрія рѣдко достигали души и, застрявъ въ ухѣ, проникали иногда лишь въ разсудокъ; а эта пѣсня лилась, какъ удивительный потокъ, прямо въ сердце, будила глубоко притаившіяся въ немъ чувства, тревожила и шевелила его и заставляла биться съ сладкой истомой...

И Матой чувствовалъ, какъ мужество оставляло его, какъ сила воли покидала его, какъ имъ овладѣвало безумное желаніе броситься на террасу, повергнуться ницъ передъ этой женщиной и облобызать ей ноги, за ту грустную радость, которую она доставила ему.

И вдругъ ему вспомнились слова старца: „Если услышишь, что въ домѣ на трапезѣ будетъ присутствовать женщина, то никогда не оставайся тамъ". Въ первый разъ недовѣріе и злое чувство къ наставнику овладѣло имъ.

— Пойдемъ! — тихо произнесъ онъ, тронувъ за руку глубоко задумавшагося Зенона.

— Куда? — спросилъ его тотъ, еще не вполнѣ очнувшись.

— Туда.

Онъ указалъ на террасу.

— Пойдемъ, — сказалъ Зенонъ, и они вышли изъ-за дерева.

На террасѣ уже возобновился говоръ.

— Что съ тобою сегодня, Герміона? — спрашивалъ кто-то. — Ты такъ грустно настроена. И пѣсни твои дышатъ смертью.

— Я не знаю сама, — отвѣчала танцовщица хмуро. — Развѣ можетъ человѣкъ знать, что у него дѣлается на сердцѣ? Въ немъ протянуты двѣ струны: струна смѣха и струна слезъ. Неизвѣстно, отъ какого дуновенія звучитъ то одна, то другая. Струна слезъ до сихъ поръ еще не звучала во мнѣ. Да и теперь я не плачу. Но гдѣ же Зенонъ?

— Его вызвалъ слуга... Кто-то пришелъ къ нему. Онъ долженъ скоро вернуться.

— Я здѣсь, моя дивная Герміона. Я здѣсь. Я слышалъ твои

грустныя пѣсни, стоя за стволомъ кипариса. И я привелъ къ тебѣ моего молодаго друга Матоя. Онъ никогда не слышалъ женскаго голоса и никогда еще не извѣдалъ женской ласки.

— Гдѣ же онъ жилъ? Не на землѣ, конечно, потому что на землѣ всюду есть женщины, — спросила, смѣясь, Герміона.

— Онъ жилъ въ пустынѣ, въ пещерѣ.

— Ахъ, такъ онъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ людей, которые исповѣдываютъ новую вѣру и ненавидятъ всѣхъ женщинъ вообще, а танцовщицъ и куртизанокъ въ особенности?

— Да, онъ одинъ изъ тѣхъ.

Гости съ любопытствомъ оглядывали юношу, и Матой чувствовалъ себя крайне смущеннымъ.

Между тѣмъ, веселье мало-по-малу возобновлялось. Слуги розлили въ чаши вино; всѣ стали пить, и сама Герміона развеселилась.

Ее просили протанцовать, и она весело и охотно согласилась. Грустное настроеніе ея прошло, и тотъ невѣдомый вѣтеръ, о которомъ она говорила, очевидно, поколебалъ струну смѣха въ ея сердцѣ.

Она приказала очистить для себя мѣсто и стала въ позу.

Она начала танецъ медленнымъ темпомъ, выгибая свое красивое тѣло, прикрытое, точно флеромъ, свѣтло-зеленой прозрачной тканью. Она подняла кверху свою точно выточенную изъ слоновой кости обнаженную руку и, потрясая серебрянымъ бубномъ, украшала мелодію танца легкимъ, воздушнымъ звукомъ бубенчиковъ. Ея движенія были мягки, плавны, и въ нихъ чувствовалась сладкая истома; ея глаза полузакрылись, точно не желали выдать своего чувственнаго выраженія, своего жгучаго взгляда; ея движенія были робки, нерѣшительны; казалось, она вся пробуждалась подъ дождемъ невидимыхъ ласкъ и поцѣлуевъ.

Но мало-по-малу взоръ ея разгорался, грудь начинала высоко вздыматься, движенія становились быстрѣе, ноги двигались безпокойно, и золотые браслеты, сжимавшіе ихъ выше колѣна, при красномъ свѣтѣ высокихъ лампъ точно вспыхивали при каждомъ оборотѣ.

Матой не могъ оторвать своихъ изумленныхъ глазъ отъ красивой танцовщицы; онъ наблюдалъ за нею и, чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше приходилъ въ восхищеніе. Ея легкій полупрозрачный плащъ, падавшій широкими свободными складками по ея фигурѣ, позволялъ догадываться о безукоризненномъ строеніи ея тѣла. Все дѣлало ее похожею на античную статую, одну изъ тѣхъ, которыя онъ видѣлъ въ этомъ же саду.

Гости, продолжая ѣсть и пить, издавали восклицанія восторга, наблюдая за ея танцами. Слуги подавали имъ рыбу, сваренную въ разсолѣ и облитую какимъ-то красноватымъ соусомъ, хлѣбъ изъ пшеницы, какіе-то плоды и овощи. И все это они запивали краснымъ душистымъ виномъ, которое подавалось въ серебряныхъ чашахъ.

Подавали и Матою; но онъ, несмотря на голодъ и жажду, на которые не такъ еще давно жаловался, еле прикасался къ вкус-

нымъ блюдамъ; что же касается вина, то, только благодаря неотвязчивымъ и настоятельнымъ просьбамъ своего друга Зенона, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ, онъ согласился отхлебнуть глотокъ изъ чаши. Такъ какъ онъ никогда не пилъ вина, то ароматная влага, разлившись по его жиламъ—какъ ему казалось—отравила его кровь. Сердце его стало биться сильнѣе, краска выступила на блѣдныхъ щекахъ, и глаза загорѣлись. Потомъ онъ согласился выпить еще, и на душѣ его стало совсѣмъ весело.

Подавали десертъ — финики и медовые паштеты и еще какія-то печенія изъ той же пшеницы, но спеченныя на миндальномъ маслѣ. Онъ уже ничего не могъ ѣсть больше, боясь пропустить хотя бы одно движеніе Герміоны.

Но она уже устала и скоро, перейдя въ прежній медленный темпъ, перестала танцовать. Тогда раздались клики и возгласы, восторги и похвалы.

Возбужденная танцами, взволнованная похвалами, она, разбитая и усталая, сѣла рядомъ съ Зенономъ и залпомъ выпила чашу вина.

Зенонъ обнялъ ее и поцѣловалъ.

Матой не могъ удержаться отъ замѣчанія, которое — онъ и самъ не зналъ какъ—невольно вырвалось у него:

— Зенонъ, ты долженъ быть счастливъ.

Это было такъ неожиданно и прозвучало такъ странно въ устахъ молодаго отшельника, что гости, Герміона и самъ Зенонъ разсмѣялись.

— Ну да!—отвѣтилъ Зенонъ,—конечно, я не провожу жизнь въ вѣчномъ сокрушеніи и плачѣ. Когда я пью, ѣмъ, когда я вижу красивую женщину, когда я сплю или даже молюсь,—что правду сказать, не очень часто бываетъ—я чувствую себя счастливымъ и радуюсь тому, что живу. Да развѣ можно не радоваться жизни, когда она такъ хорошо сложилась, какъ у меня? Развѣ можно печалиться, когда имѣешь такую подругу жизни, какъ Герміона? И, если бы я вздыхалъ и плакалъ, сокрушался и стоналъ, я былъ бы величайшимъ грѣшникомъ на землѣ.

— Грѣшникомъ?—удивился Матой.—Почему?

— Да, потому что выказалъ бы неблагодарность Творцу за Его милости ко мнѣ. Взгляни на Герміону, — продолжалъ онъ, указывая на танцовщицу, которая встала изъ-за стола и, обнявъ станъ маленькой, но также стройной Теоны, удалилась во внутреннія комнаты.—Взгляни на нее! Какъ она красива! Какой у нея ротъ... какимъ темнымъ пламенемъ горятъ ея глаза... Какой гордый и чистый обликъ имѣетъ ея лицо. Есть что-то властное въ ея высокомъ и открытомъ лбѣ! А ея темные волосы? Это цѣлый океанъ,—смотри, около лба они вьются мелкими колечками, точно пѣна морская, а ниже падаютъ, точно волны... Взгляни, какъ они шелковисты и какими кажутся тяжелыми! Смотри, какъ красиво играетъ на нихъ огненно-золотистый отблескъ лампъ, точно освѣщая своимъ краснымъ свѣтомъ глубины темныхъ вазъ. Волосы ея такъ длинны, что она могла бы завернуться въ нихъ, какъ въ плащъ. И развѣ она

не похожа на царицу, когда сидитъ за столомъ, окруженная, точно своимъ дворомъ, подругами и пріятельницами, молодыми дѣвушками и цвѣтущими женщинами?.. И ты хочешь, чтобы я сокрушался, плакалъ, каялся и надоѣдалъ Богу своими несправедливыми и неблагодарными стонами?

Герміона уже вернулась и помѣшала Матою отвѣтить.

— Зенонъ,—сказала она ему, смѣясь и обнажая рядъ ровныхъ и бѣлыхъ зубовъ, похожихъ на драгоцѣнный жемчугъ,—ты описываешь нашему молодому гостю мои чары... Онъ не слѣпой, и самъ можетъ ихъ оцѣнить не менѣе правильно, чѣмъ ты. Онъ вѣдь и моложе, и красивѣе тебя, толстяка.

— Не спорю,—отвѣтилъ, нисколько не обидясь, Зенонъ.—Но онъ—отшельникъ и потому слѣпъ.

— Ему больше бы шло любить женщинъ,—проговорила Герміона, бросая взглядъ въ сторону Матоя, — чѣмъ погибать въ пустынѣ и проводить время въ безплодныхъ молитвахъ.

— Безплодныхъ?—дрожащими отъ волненія губами спросилъ еле слышно Матой.—Почему безплодныхъ?

Но Зенонъ не далъ ему времени отвѣтить.

— Можно соединить и то и другое, какъ это дѣлаю я,—сказалъ онъ.—Прежде чѣмъ молиться, нужно согрѣшить, чтобы было что замаливать.

И, проговоривъ это, онъ предложилъ гостямъ прогулку по саду, такъ какъ чувствовалъ тяжесть въ головѣ и ощущалъ потребность въ свѣжемъ воздухѣ.

Всѣ охотно согласились на это. Ночь была прохладная, лунная, дивная.

II.

Матой съ наслажденіемъ дышалъ прохладнымъ воздухомъ этой ночи, напоенной ароматами сада. Герміона устала отъ пѣнія и танцевъ и не захотѣла идти за гостями, которые отправились къ пруду. Она осталась въ саду и сѣла на мраморную скамейку, окруженную клумбами ирисовъ, издававшихъ одуряющій, сладкій запахъ, отъ котораго кружилась голова. Высокіе, печальные, черные, точно подернутые темной тканью кипарисы вытянулись полукругомъ за скамейкой и имѣли видъ часовыхъ на стражѣ. Отъ нихъ шелъ также ароматъ, смѣшивавшійся съ запахомъ цвѣтущихъ фіолетовыхъ ирисовъ. А дальше темными неопредѣленными силуэтами вырисовывались кущи розъ, куртины лилій, группы мимозъ и другихъ душистыхъ цвѣтовъ, среди темной зелени которыхъ порой бѣлѣлась бѣлая статуя или группа, облитая серебряными лучами луны. Порой, на этихъ статуяхъ вспыхивали красноватые блики факеловъ и огней, догоравшихъ на террасѣ и распространявшихъ по саду смолистый запахъ. Огни вспыхивали и тотчасъ же умирали. И каждый разъ, когда Матой, оставшійся съ Герміоной, взглядывалъ на эти отблески огней, непобѣдимая, безотчетная грусть охватывала его юное сердце.

А надъ этими тѣнистыми кущами, полными таинственнаго очарованія, охваченными ночными тѣнями, разстилался высокій и далекій куполъ неба, по которому плыла полная луна съ процессіей серебряныхъ звѣздъ. Безконечная, темная лазурь неба, казалось, точно плащемъ прикрыла на ночь землю, утомленную дневною жизнью и дневнымъ зноемъ.

Герміона, боявшаяся холода ночи, накинула на свое легкое платье темный плащъ, закрывавшій ее съ головы до ногъ. Но и этотъ широкій плащъ, стянутый по таліи поясомъ, не обезформилъ ея стройной фигуры. Ея, теперь блѣдное, лицо стало еще привлекательнѣе, еще красивѣе, окруженное рамкой темной матеріи; на этомъ блѣдномъ лицѣ съ плотно сжатыми губами мягкимъ пламенемъ горѣли ея большіе, продолговатаго разрѣза глаза, въ которыхъ теперь свѣтилось выраженіе горечи и меланхоліи.

— Отчего ты не пошелъ съ другими къ пруду? — спросила Герміона Матоя.—Тебѣ будетъ скучно со мною, молодой пустынникъ,—улыбнулась она. — Я весела только когда танцую; когда пою—я дѣлалось грустной, и часто на меня находитъ полоса печали. Въ особенности ночью, когда свѣтитъ луна, вотъ какъ сейчасъ. Я не люблю дня и свѣта солнца. Въ немъ есть что-то дерзкое, что-то невыносимое. Беззастѣнчиво оно освѣщаетъ каждый уголокъ, хочетъ заглянуть въ самую таинственную глубь души и вырвать оттуда все сокровенное. Луна скромнѣе, таинственнѣе. Въ лунную ночь тѣни дѣлаются глубже и прозрачнѣе, и душа становится печальнѣе и способнѣе къ добру. Ты не замѣчалъ этого? Отчего ты не пошелъ съ другими?—капризно прибавила она, не дожидаясь отвѣта на вопросъ.

Но Матой на этотъ вопросъ ничего не отвѣтилъ. Онъ глубоко задумался. Въ его ушахъ звучала еще мелодія ея послѣдней пѣсни, и въ его воображеніи, какъ живая, стояла бѣдная, молодая куртизанка и ея гробница, украшенная бѣлыми, умирающими фіалками; передъ его остановившимся очарованнымъ взоромъ все еще рисовалась соблазнительная фигура танцовщицы, ея легкія воздушныя движенія и гибкость ея красиваго тѣла.

Она тронула его за руку. Тогда онъ очнулся и отвѣтилъ на повторенный ею вопросъ:

— Позволь мнѣ остаться здѣсь, съ тобою, Герміона. Я усталъ отъ долгаго пути, и ноги мои томятся и млѣютъ отъ усталости. Онѣ изранены, и каждый шагъ производитъ боль въ ранахъ ихъ.

— Оставайся,—сказала она, усмѣхнувшись.

Оба замолчали. Торжественная звѣздная ночь точно зачаровала обоихъ. Герміона вытянула ноги, облокотилась рукою о спинку скамейки, опустила на руки голову и устремила взоръ на небо. Матой сѣлъ поодаль отъ нея и не могъ оторвать своихъ взоровъ отъ ея освѣщеннаго луною лица.

Тревожное, печальное чувство закралось въ его бѣдное юношеское сердце. И вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то сладкое, отрадное, неизвѣданное овладѣвало его душой. И въ первый разъ въ жизни, въ первый разъ съ того дня, когда онъ сталъ впервые сознательно относиться къ существованію, онъ понялъ, что жизнь не только

въ угрюмомъ вертепѣ пустыни, не только въ суровомъ постѣ и непрестанномъ покаяніи, но и въ этомъ раскошномъ саду, и въ этомъ безмолвномъ небѣ съ его луною и звѣздами, какъ будто справлявшими торжественный ночной праздникъ на недосягаемой высотѣ, и въ этомъ благоуханіи цвѣтовъ, и въ этихъ всплескахъ ручья, которые онъ слышалъ въ отдаленіи, и въ этомъ шумѣ фонтана, и въ этой женщинѣ, которую онъ долженъ былъ бы презирать и ненавидѣть, какъ его научили презирать и ненавидѣть всѣхъ женщинъ вообще.

И вдругъ воспоминаніе о таинственномъ видѣніи, которое его приходило мучить въ пустынѣ въ такую же безмолвную ночь, прорѣзало его мозгъ точно молнія. Да вѣдь та женщина, которая являлась ему и говорила непонятыя имъ слова — это она, это Герміона, которая сидитъ теперь рядомъ съ нимъ, воплотившись изъ видѣнія въ дѣйствительное существо. Какъ это раньше не пришло ему на умъ?

И тотъ же рядъ вопросовъ, который возникалъ въ его умѣ тамъ, въ далекой пустынѣ, опять всталъ передъ нимъ. „Я долженъ ее ненавидѣть и презирать“,—думалъ онъ,—„я долженъ бѣжать отъ нея, какъ можно дальше... Зачѣмъ? Почему? Развѣ она не то же созданіе Божіе, не Его твореніе? И эта волшебная ночь со всѣми ея очарованіями—развѣ она не твореніе Бога?“

И ему вспоминалась звѣздная ночь въ пустынѣ. То же безконечное небо разстилалось надъ его головой, тѣ же безчисленныя звѣзды свѣтили ему съ недоступной вышины, но онъ не чувствовалъ тогда ни этой тревожной радости въ груди, ни этой сладкой истомы въ сердцѣ. И ночь казалась ему такою же пустынною и непривѣтною, какъ и сама пустыня... Но и пустыня съ ея голыми камнями и отшельниками, проводящими жизнь въ невѣроятныхъ трудахъ и лишеніяхъ, и волшебные сады, наполненные благоуханіемъ цвѣтовъ и очаровательными женщинами, созданы однимъ и тѣмъ же Творцомъ. Имѣетъ ли право онъ, скромный отшельникъ, предпочитать одно другому, признавать пустыню и отвергать все остальное. Нѣтъ, нѣтъ! Надо любить міръ во всемъ его разнообразіи и славить Творца во всѣхъ Его твореніяхъ. Но тогда?.. Значитъ все, что ему говорили, все, чѣмъ наполнили его душу, все, что, казалось, вошло въ плоть и въ кровь его—все это ложно? Но гдѣ же тогда правда? Не правда пустыни и старца Евагрія, а настоящая, истинная, единая правда?

Холодный потъ выступилъ на его лбу, и сердце мучительно сжалось.

Герміона очнулась отъ охватившей ее задумчивости.

— Я думала о тебѣ,—сказала она, смотря на него ласковыми глазами, на которыхъ игралъ отблескъ луны.

— Обо мнѣ?—встрепенулся Матой, стараясь сбросить съ себя овладѣвшія имъ думы.—Что же ты думала обо мнѣ?

— Я думала, что люди очень злы, когда рѣшаются погубить такую молодую душу, какъ твоя, вырвать ее изъ міра и бросить въ мрачную пустыню. Зачѣмъ? Это хорошо для старцевъ, прожившихъ свою жизнь, насладившихся ея благами. Имъ ничего не

остается больше, какъ плакать и молиться о своихъ грѣхахъ. Какъ попалъ ты въ пустыню? Какъ сдѣлался приверженцемъ этихъ опасныхъ людей, возненавидѣвшихъ твореніе Бога?

Матой разсказалъ ей то, что онъ зналъ о своей юности изъ разсказовъ старца Евагрія. Герміона слушала его разсѣянно и ничего не отвѣтила ему, когда онъ кончилъ разсказъ.

Въ свою очередь и онъ спросилъ ее:

— Но, Герміона,—сказалъ онъ ей,—вотъ я тебѣ разсказалъ свою жизнь. Ты видишь, въ ней нѣтъ ничего ни занимательнаго, ни необыкновеннаго. Скажи же мнѣ теперь, если это не будетъ нескромностью съ моей стороны, какъ ты сдѣлалась танцовщицей Александріи и какъ ты вступила на этотъ путь?

— Ты правъ,—усмѣхнувшись, проговорила Герміона.—Я не могу отказать тебѣ въ томъ, въ чемъ ты не отказалъ мнѣ. Моя исторія сложнѣе твоей. Слушай же, если хочешь.

Она повернулась къ нему всѣмъ своимъ туловищемъ и, лѣниво потянувшись, начала свой разсказъ.

— Я дочь одного изъ тѣхъ, къ вѣрѣ которыхъ и ты принадлежишь,—сказала она.

— Какъ!—вскрикнулъ изумленный Матой.—Ты—христіанка?

— Нѣтъ,—встряхнувъ отрицательно головой, сказала она.—Отецъ мой былъ христіаниномъ и съ молодыхъ лѣтъ увлекся этой новой вѣрой. Онъ былъ вообще скромнаго и тихаго нрава, но слабаго и болѣзненнаго сложенія. Онъ жилъ погруженный въ заботу о своемъ спасеніи, почти никогда не выходилъ изъ дому, и рѣдко кто изъ его сосѣдей видѣлъ его на улицѣ. Когда онъ чувствовалъ себя здоровѣе, то принимался работать; тогда ему нужно было уходить изъ дому, чтобы продать эту работу на базарѣ и принести домой деньги. Но онъ рѣдко работалъ, потому что, какъ я сказала тебѣ, вѣчно болѣлъ и страдалъ отъ своего нездоровья. Большую часть времени, поэтому, онъ проводилъ въ постѣ и молитвахъ. Онъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ, и молчаливость его доходила до того, что многіе считали его нѣмымъ.

Она замолчала, какъ бы собираясь съ мыслями и припоминая свое прошлое. Матой не прерывалъ ее, боясь проронить хотя бы одно слово изъ ея разсказа.

Герміона продолжала:

— Напротивъ, мать моя вела жизнь въ высшей степени разсѣянную и предавалась такимъ кутежамъ, что подобной ей не было женщины во всемъ городѣ. Она была танцовщицей въ нашемъ театрѣ... давно это было, хотя старики нашего города еще помнятъ ее и говорятъ, что я очень похожу на нее, въ года ея молодости. Моя мать была веселой женщиной—она постоянно смѣялась, шутила и говорила такъ много, что отецъ однажды выразился, что все существо ея составлялъ одинъ языкъ.

— Какъ же она жила съ отцомъ твоимъ?

— Она его не любила, но пользовалась его услугами и трудами рукъ его и брала отъ него тѣ скромныя средства, которыя

онъ добывалъ работой. Она приводила въ его домъ своихъ поклонниковъ и устраивала въ немъ пиры и празднества. Отецъ удалялся въ такихъ случаяхъ, не говоря ни слова, но моя мать кричала ему въ догонку: „Ты бы долженъ радоваться и гордиться, что твою жену такъ любятъ и что она пользуется такимъ почетомъ“. Онъ не отвѣчалъ ей и становился на молитву, моля Бога, чтобы онъ отпустилъ ей грѣхи. Характеръ моей матери былъ строптивый, невоздержанный: безпрестанно она затѣвала ссоры. Она расточила все, что было въ домѣ, и также расточала все, что ей приносили въ домъ и что дарили. Весьма значительное имущество не удовлетворяло нуждамъ нашимъ; отецъ давно передалъ ей распоряженіе домомъ. Мать была крѣпкаго сложенія и здоровья, никогда ни одного дня не болѣла. Успѣхъ въ театрѣ она имѣла значительный. Такъ дожила она до старости, но, и покинувъ театръ, продолжала вести прежнюю жизнь и пользоваться прежнимъ здоровьемъ.

— Любила ли ты ее?—спросилъ Матой.

— Да, любила и даже больше, чѣмъ отца. Отецъ надоѣдалъ мнѣ своими наставленіями и поученіями. Мать мало обращала на меня вниманія, но изрѣдка водила меня въ театръ, гдѣ я и научилась любить ея искусство. Часто, придя домой, я принималась подражать ея тѣлодвиженіемъ, и это мнѣ удавалось. Еще тогда она пророчила мнѣ, что я сдѣлаюсь знаменитой танцовщицей, и, какъ видишь, ея предсказаніе сбылось—она не ошиблась. Позволяла она мнѣ присутствовать и при ея пирушкахъ, и мнѣ дарили, въ угоду ей, цвѣты и деньги. Такъ текла жизнь моя и моихъ родителей. Но вотъ, отецъ, истомленный продолжительной болѣзнью, скончался. Никто не зналъ, отъ какой болѣзни приключилась ему смерть. Но болѣзнь была ужасная: все тѣло его распухло и покрылось пузырями, лопавшимися одинъ за другимъ; изъ нихъ вытекала зловонная жидкость, а вслѣдъ затѣмъ на ихъ мѣстѣ образовывались струпья. Едва онъ скончался, какъ помрачился воздухъ, пошелъ дождь, засверкала молнія, загремѣлъ громъ; въ теченіе трехъ дней и ночей непрерывно продолжался ливень. Вслѣдствіе такой дурной погоды замедлилось его погребеніе на три дня, такъ что сосѣди стали покачивать головами и удивляться. Они говорили: „вѣроятно, этотъ человѣкъ былъ непріятенъ Богу, что даже земля не принимаетъ его для погребенія“. Однако, дѣлать было нечего, нужно было предать его землѣ, чтобы оно не стало окончательно разрушаться въ самомъ домѣ и не сдѣлало его необитаемымъ. Его похоронили коекакъ, несмотря на то, что непогода и дождь не переставали.

Герміона перевела духъ и замолкла. Матой, все не будучи въ состояніи оторвать отъ нея своихъ восторженныхъ взоровъ, молчалъ, ожидая продолженія разсказа, который интересовалъ его.

Герміона продолжала:

— Отецъ умеръ, когда мать моя находилась еще въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Получивъ большую свободу со смертію отца моего, она съ еще большимъ изступленіемъ предалась веселой жизни и проводила время въ величайшей роскоши и увеселеніяхъ, превра-

тивъ домъ нашъ въ настоящій домъ разврата. Ну, и что же ты думаешь? Какъ умерла она?

Матой не зналъ, что отвѣтить.

— Въ величайшихъ мученіяхъ? Еще въ большихъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ умеръ отецъ твой?—наконецъ проговорилъ онъ.

Герміона усмѣхнулась.

— Совсѣмъ нѣтъ!—сказала она.—Когда настала ея смерть, то она сподобилась великолѣпнаго погребенія. Самый воздухъ, казалось, принялъ участіе въ проводахъ тѣла ея. По ея кончинѣ я осталась въ отроческихъ лѣтахъ, и уже соблазны начали дѣйствовать на меня. И вотъ, однажды вечеромъ, сидя въ нашемъ опустѣвшемъ домѣ, я начала размышлять, чью жизнь избрать мнѣ въ образецъ для подражанія: отца ли, который жилъ скромно, тихо, воздержно, но всю свою жизнь не видѣлъ ничего добраго для себя, всю ее провелъ въ болѣзни и печали,а когда скончался, то даже земля не принимала тѣла его; и я думала: если такая жизнь была бы пріятна Богу, то по какой причинѣ отецъ мой, избравшій эту жизнь, подвергся такимъ великимъ бѣдствіямъ? Лучше жить, какъ жила мать,—подсказало мнѣ помышленіе мое,—лучше предаться веселію, роскоши. Вѣдь моя мать всю жизнь пользовалась здоровьемъ и счастьемъ. Что-же!—сказала я себѣ:—мнѣ слѣдуетъ жить, какъ жила моя мать! Лучше вѣрить собственнымъ глазамъ и тому, что очевидно, лучше наслаждаться всѣмъ, нежели вѣрить невидимому, и, отказываясь отъ всего, терпѣть нужду и лишенія... Ну вотъ,—закончила Герміона,—ты видишь, я и избрала эту жизнь, и живу ею, и, кажется, счастлива.

— Я слышалъ, какъ ты говорила, что будешь счастлива тогда, когда научишься плакать,—возразилъ Матой.

— Правда, иногда грусть закрадывается мнѣ въ душу, сама не знаю отчего. Но что до этого?! Полнаго счастья нѣтъ на землѣ, и безъ грусти не проживешь на свѣтѣ... Но не нужно думать объ этомъ. Зенонъ правду говоритъ, что для всего своя пора: для веселья—молодость, для грусти—старость. Подождемъ старости!—улыбнулась она.

— Но не было ли какого указанія въ столь странномъ исходѣ жизни твоихъ родителей?—спросилъ Матой, на котораго исторія, разсказанная Герміоной, произвела сильное впечатлѣніе.—Если бы ты спросила объясненія у какого-нибудь прозорливаго старца, быть можетъ, онъ открылъ бы скрытую въ сихъ кончинахъ истину.

— Нѣтъ, я ни у кого не спрашивала, — отвѣтила танцовщица,—Зачѣмъ истину скрывать и искажать?..

Въ саду раздались звуки голосовъ. Гости вернулись съ прогулки и прощались у рѣшетки сада съ Зенономъ.

— Прощай, Герміона!—кричали голоса.—До завтра!

Зенонъ, проводивъ гостей, вернулся въ садъ.

— Герміона,—сказалъ онъ молодой женщинѣ,—развлекла ли ты нашего гостя? Надѣюсь, ты не позволила ему скучать?

— Я сдѣлала, что съумѣла,—отвѣтила Герміона.—Я разсказала ему повѣсть своей жизни.

— Другъ мой!—обращаясь къ Матою, проговорилъ Зенонъ,—повѣсть эта весьма поучительна для юной души.

Матой взглянулъ на него недоумѣвающе. Зенонъ все еще находился подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, но свѣжесть ночнаго воздуха уже освѣжила ему голову, и, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, рѣчь его становилась плавнѣе и спокойнѣе.

— Видишь ли,—началъ онъ,—молодой душѣ крайне опасенъ путь отреченія. Отрекаться можно отъ того, что уже разъ испыталъ. Отрекаться съ закрытыми глазами, отрекаться отъ неизвѣданнаго, значитъ обнаружить низменность и трусость души, боязнь за свои силы передъ искушеніемъ. Случай, который разсказала тебѣ Герміона, повергаетъ и меня въ немалое смущеніе. Вотъ я за хорошіе поступки въ жизни ожидаю себѣ награды на небесахъ. И что же? Отецъ ея былъ праведникомъ, и Богъ отвергъ его; мать ея вела веселую жизнь и получила легкую кончину. Такъ, право же, лучше весело жить и легко умереть, чѣмъ весь вѣкъ трудиться и умереть такъ ужасно, какъ ея отецъ.

— Ты говоришь не какъ христіанинъ!—перебилъ его Матой.

— Э!—добродушно замѣтилъ Зенонъ.—Я говорю, какъ думаю. Конечно, передъ твоимъ старцемъ я бы не сталъ говорить такъ. Но мы здѣсь между своими, и ты не выдашь меня. Разскажу тебѣ о себѣ, и ты, можетъ быть, лучше поймешь меня. Другъ мой! Раньше чѣмъ я узналъ Герміону, я велъ унылую печальную жизнь. Мнѣ казалось, что радость любить походитъ на радость умереть. Да, да! Всякое наслажденіе казалось мнѣ открытой могилой, въ которую мнѣ хотѣлось броситься, чтобы забыться и уснуть на вѣки. Потому что тогда я испытывалъ одно только тяжелое чувство низшаго удовлетворенія страстей; и каждый такой порывъ былъ лишь опьяненіемъ, чадъ котораго вскорѣ проходилъ и на душѣ дѣлалось скверно. Страсти руководили мной и обращались со мной какъ съ рабомъ; онѣ бросали меня отъ одного увлеченія къ другому по своему усмотрѣнію и ничего не приносили мнѣ кромѣ разочарованія и усталости. Но любовь, настоящая, истинная любовь! Какое ученіе можетъ быть противъ нея? Она не тяготитъ насъ, не удручаетъ, потому что не ведетъ за собою съ закрытыми глазами, подгоняя насъ бичемъ! Истинная любовь великодушна, свободна. И она освѣщаетъ скорбный путь нашъ свѣтлымъ и радостнымъ огнемъ, и міръ намъ кажется лучше, и жизнь кажется отраднѣе. И она придаетъ намъ крылья, отвлекаетъ насъ отъ низменныхъ земныхъ страстей и приближаетъ къ небу. За что же ваши старцы и учителя, ваши пустынники и отшельники такъ возстаютъ противъ любви къ женщинѣ? Кто не любилъ—тотъ не жилъ; кто не любилъ, тотъ не можетъ понять, что значитъ ощущать чувство жизни, понимать и наслаждаться окружающей природой, чувствовать себя близкимъ ко всему, что насъ окружаетъ, ощущать въ себѣ Бога—Творца вселенной и женщины. Такъ люблю я Герміону, и любовь къ ней сдѣлала меня тѣмъ, что я есть.

Онъ замолчалъ, посмотрѣвъ на Матоя и желая понять, какое чувство пробуждаетъ въ немъ своими словами.

Но юноша слушалъ его молча, глядя на него широко раскрытыми глазами. Все, что говорилъ этотъ жизнерадостный толстякъ съ лоснившимися щеками и масляными, заплывшими глазами, было такъ ново, такъ необыкновенно, что Матой не могъ придти въ себя отъ изумленія. И ему вспомнилось, что что-то подобное, въ видѣ смутныхъ мыслей и неопредѣленныхъ отрывковъ мелькало въ его умѣ въ тѣ безсонныя ночи, полныя кошмаровъ, которыя проводилъ онъ, сидя на порогѣ вертепа и силясь понять робкій еще лепетъ проснувшагося разума.

— А между тѣмъ,—продолжалъ все болѣе и болѣе увлекаясь Зенонъ,—какъ ваши учителя относятся къ женщинѣ, къ этому вѣнцу творенія, и къ любви? Я повезъ однажды Герміону въ ближайшій монастырь, желая ее познакомить съ новымъ ученіемъ, распространившимся съ такой силой по странѣ нашей. И что же? Знаменитый отшельникъ, увидя ее въ храмѣ и обращаясь какъ будто къ воображаемой женщинѣ, стоявшей передъ нимъ, но все время взглядывая на Герміону, сталъ говорить проповѣдь. Помнишь, Герміона?

— Какъ же мнѣ не помнить ея!—горько усмѣхнулась танцовщица.—Хочешь,—обратилась она къ Матою,—я повторю тебѣ ее отъ слова до слова.

— Я слушаю,—сказалъ тотъ.

— „Ты воображаешь",—говорилъ проповѣдникъ,—„что ты честная женщина, ты пришедшая въ этотъ храмъ и принесшая подъ этими роскошными одеждами и краской твоихъ искусственно накрашенныхъ ланитъ прочность тѣла и грязь души къ престолу Всевышняго".

Герміона вытянула руку, и голосъ ея пріобрѣлъ суровость и важность. Она, очевидно, удачно копировала старца, потому что Зенонъ не могъ удержаться, чтобы не расхохотаться.

Герміона продолжала проповѣдь.

— „О чемъ ты пришла просить Бога? О томъ ли, чтобы Онъ даровалъ тебѣ добродѣтель, на которую способенъ твой полъ? Умоляешь ли ты Его о дарованіи тебѣ скромности, чистоты и цѣломудрія? Нѣтъ! И въ храмѣ Божіемъ твои уста могутъ лишь молиться дьяволу. Если бы это было не такъ, то ты не украсила бы себя этими дорогими тканями и не покрыла бы лице свое этой краской. Ты бы употребила истраченныя на все это деньги, чтобы накормить дѣтей своихъ, которыхъ ты покинула на руки служанки. Развратныя женщины! Знаете ли вы, что существуетъ Небо, и думаете ли вы о немъ? Нѣтъ, вы не думаете о немъ. Вы ищете Землю и блага ея. И вы соревнуетесь въ искусствѣ лжи".

Она замолчала, сурово сдвинувъ брови. Потомъ, собравшись съ силами, она продолжала:

— Вотъ что еще сказалъ старикъ:—„Я покажу вамъ судьбу, ожидающую васъ. Вы будете радоваться и веселиться, пока тѣло ваше не искупитъ грѣхи ваши. И ваше тѣло, какъ и вашъ

духъ — сильные для наслажденій, сдѣлаются жалкими и негодными для страданій. Сегодня вы блещете молодостью, красотою и силой, завтра—вашъ смрадный трупъ распространитъ такое зловоніе, что всѣ ваши поклонники съ отвращеніемъ убѣгутъ отъ того мѣста, въ которое васъ зароютъ".

Герміона вздрогнула, произнося эти слова. Какая-то тѣнь легла на ея лицо. Матой взглянулъ на нее, и глубокое чувство жалости овладѣло его сердцемъ. И неожиданно для себя, какъ будто не будучи въ силахъ удержать крикъ, рвавшійся наружу, онъ проговорилъ:

— Христосъ не такъ поступилъ съ блудницей. Онъ сказалъ: „Пусть тотъ, кто не знаетъ грѣха за собою, броситъ первый въ нее камень". И, когда всѣ разошлись, Онъ съ любовью сказалъ ей:—„Иди и впредь не грѣши".

— Другъ! — восторженно воскликнулъ Зенонъ. — Благодарю тебя! Вотъ истинныя слова, при всей своей краткости стоющія длинной проповѣди старца. И что же? мы бѣжали изъ храма, такъ какъ всѣ взоры были обращены на насъ, и, конечно, Герміона никогда больше не отважится зайдти туда...

Герміона встала со скамьи и простилась съ присутствующими. Она видимо устала и ушла въ домъ. Хотѣлось отдохнуть и Зенону, но онъ чувствовалъ въ себѣ приливъ философскаго краснорѣчія, и ему нужно было имѣть слушателя. Поэтому онъ придержалъ юношу за рукавъ и сказалъ ему:

— Посидимъ еще, если хочешь. Теперь только и можно дышать. Ночь прохладна, и такъ ярко свѣтитъ луна. Знаешь, Матой, мнѣ, вѣдь, жаль тебя!—вдругъ неожиданно прибавилъ онъ.

— Жаль? Почему ты жалѣешь меня?— удивился юноша.

— Мнѣ жаль твоей молодой жизни, не знавшей молодости. Мнѣ жаль, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ ты погребенъ въ каменной темницѣ. Мнѣ жаль, что ты не знаешь свѣта и не могъ познать Творца во всемъ величіи, во всей прелести Его творенія. Ты знаешь Его по сухимъ и мертвеннымъ рѣчамъ и поученіямъ старцевъ. Ты знаешь Его, какъ суроваго судью, какъ жестокаго мстителя, карающаго Имъ же созданныхъ людей за ихъ паденія и слабости. Но ты не знаешь Его, какъ Творца прекраснаго и отраднаго, какъ Создателя этого сада, который Онъ наполнилъ благоухающими цвѣтами, какъ снисходительнаго, милостиваго и всепрощающаго Отца. И знаешь? Мнѣ сдается, что при всѣхъ моихъ слабостяхъ и грѣшныхъ побужденіяхъ, я Его лучше понимаю, я ближе къ Нему чѣмъ ваши пустынники.

— Что ты говоришь, Зенонъ!—укоризненно вскрикнулъ Матой.

— Я говорю то, что думаю,—просто отвѣтилъ Зенонъ.—У вашихъ старцевъ по истинѣ странный способъ любить Бога, заключающійся въ томъ, чтобы говорить дурно о Его твореніи. Они воображаютъ себѣ всемогущаго Бога, позволяющаго имъ, чтобы не лишать ихъ свободы, позорить самыми ужасными словами Свое твореніе, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи изжарить ихъ на адскомъ огнѣ. За это они хотятъ насильно отъ насъ отнять радости и наслажденія жизни, созданныя Богомъ? За это хотятъ

они лишить насъ любви женщины? Вѣдь женщина—созданіе Бога, и чувство любви вложено въ нее Самимъ Создателемъ. И я не вѣрю, Матой, не вѣрю этимъ проповѣдникамъ, которые говорятъ о мірѣ, не зная его, которые съ презрѣніемъ поносятъ радости бытія, не извѣдавъ ихъ и спрятавшись отъ соблазновъ и грѣховъ въ каменныхъ гробницахъ, изъ щелей которыхъ они ничего не видятъ, кромѣ кусочка пустыни и клочка неба. Почему они могутъ такъ самоувѣренно говорить о томъ, чего не знаютъ? Если бы все, что существуетъ, было такъ низменно, глупо и грѣховно, то, навѣрное бы, мудрый Творецъ создалъ лишь одну пустыню съ вертепами и населилъ ихъ старцами...

— Ты говоришь страшныя вещи!—прошепталъ Матой.—Мнѣ больно слушать тебя. Ты никогда не говорилъ такъ прежде.

— Э!—добродушно сказалъ Зенонъ.—Ты еще молодъ, а я приближаюсь уже къ старости И, прежде чѣмъ я узналъ тебя, я уже использовалъ много философій: я увлекался Аристотелемъ, увлекался Платономъ... но... amicus Plato, sed magis amica veritas. Теперь я хочу быть самимъ собой и вѣрить только своему чувству и разуму. А всѣ эти проповѣди старцевъ и пустынниковъ походятъ на унылыя пѣсни нянекъ, которыми онѣ укачиваютъ младенцевъ, чтобы заставить ихъ уснуть поскорѣе. Но младенцы и безъ того вѣдь заснутъ, если почувствуютъ усталость. И народы чувствуютъ иногда потребность въ отдыхѣ, и тогда, можетъ быть, и имъ нужны унылыя проповѣди старцевъ. Но проповѣдники забываютъ, что послѣ отдыха наступаетъ подъемъ силъ и новая жажда дѣятельности, борьбы и наслажденій. Говорю тебѣ, другъ мой!—вдругъ перебилъ себя Зенонъ,—пока не полюбишь, не узнаешь жизни, а пока не узнаешь жизни—не узнаешь и Истины. Истина не въ пустынѣ и не въ темныхъ щеляхъ вертеповъ; да и почему бы ей скрываться въ неудобныхъ, темныхъ мѣстахъ?...

— А гдѣ же Истина?—спросилъ Матой.

— Истина? Вездѣ. Она разлита во вселенной, какъ воздухъ. Она—въ ароматѣ этихъ цвѣтовъ; она—въ сердцѣ женщины; она—въ лазури моря; она—въ пѣсняхъ и танцахъ, веселящихъ слухъ и зрѣніе—эти двери и окна души. Она вездѣ и всюду; не нужно только бѣгать отъ нея и упорно запираться отъ нея. Нужно умѣть ее видѣть и найти. Не нужно презирать ничего прекраснаго, не нужно отстранять отъ себя все красивое. И если ваше новое ученіе уничтожитъ древнія произведенія искусства и древнюю философію, то у него не будетъ будущности. Оно и само многое почерпнуло изъ прошлаго. И не разрушать призвано оно, а дополнить и развить созданное до него вѣками.

— Зенонъ!—въ тоскѣ проговорилъ Матой.—Что ты говоришь—кто же ты?

— Я—простой человѣкъ, желающій жить своимъ чувствомъ и разумомъ. Я—человѣкъ, много пожившій, многое извѣдавшій. Я — человѣкъ, знавшій любовь и отыскивающій Истину. Многихъ любилъ, я и многія любили меня. Но я не разочаровался въ сердцѣ женщины и не воспылалъ презрѣніемъ къ ней.

Я не предамся отчаянью, даже если мнѣ измѣнитъ Герміона; я постараюсь найти утѣшеніе въ блескѣ солнца, въ философскихъ размышленіяхъ, можетъ быть, въ путешествіи, можетъ быть, въ проповѣди старца Евагрія. Понимаешь ли, Матой, я люблю не что-либо узкое, опредѣленное и неизмѣнное въ жизни, а самую жизнь со всѣми ея очарованіями и разочарованіями, подвигами и паденіями, радостями и печалями. Вотъ какъ я понимаю жизнь. И, повторяю тебѣ, что я больше христіанинъ, чѣмъ ты и твой старецъ Евагрій, потому что люблю своего Создателя и созданное Имъ. Мнѣ жалко тебя. Ты ходишь угнетенный и напуганный, вѣчно озирающійся и боящійся кары не только за злой поступокъ, но и за самую мысль и даже за тѣнь мысли. Я — ничего не боюсь. Богъ не создалъ меня злымъ; за мои прегрѣшенія Онъ проститъ меня, а за добрыя дѣла наградитъ. Мнѣ нечего бояться. И, увѣряю тебя, если бы ты могъ также думать, ты былъ бы счастливъ, а теперь ты несчастливъ. Нѣтъ, нѣтъ, не спорь со мной. Я вижу, я чувствую, что ты несчастливъ. Ты не умѣешь ни смѣяться, ни плакать. Ты вѣчно угрюмъ. А кто не умѣетъ смѣяться и плакать—тотъ несчастный человѣкъ. А тотъ, кто только умѣетъ одно изъ двухъ, тотъ не вполнѣ счастливый человѣкъ. Когда Герміона танцуетъ—я смѣюсь отъ радости и веселья, и, когда она поетъ грустныя пѣсни—я плачу отъ тоски и горя. Но она сама умѣетъ смѣяться, но не умѣетъ плакать. Вотъ почему она не вполнѣ счастлива, и въ жизни ея есть чувствительный пробѣлъ. Однако, вижу, ты усталъ. Пойдемъ ко мнѣ въ домъ и отдохнемъ до зари.

— Я прощусь съ тобою, — грустно сказалъ Матой, — рано утромъ я уйду назадъ въ пустыню.

— Никогда! — возразилъ горячо Зенонъ. — Никогда не пущу тебя уйти въ пустыню, не напоивъ и не накормивъ тебя. Да и не пущу тебя днемъ.

— Я долженъ идти,—настойчиво повторилъ Матой.

— Зачѣмъ тебѣ идти днемъ по ужасающей жарѣ? Ты хорошенько отдохнешь завтра у меня, а вечеромъ, когда спадетъ жаръ, пойдешь.

— Старецъ будетъ безпокоиться обо мнѣ.

— Старецъ Еваргій—суровый человѣкъ. Онъ знаетъ однако, что идти въ палящій зной по пустынѣ нѣтъ возможности. Къ тому же припасы посланы ему уже, и безпокоиться не о чемъ.

Матой ничего не отвѣтилъ, и они вышли изъ саду, заперевъ рѣшетку.

Придя къ Зенону, Матой сбросилъ съ себя мантію, одѣтую на рубище, съ такою поспѣшностью, какъ будто она жгла его. Потомъ онъ хотѣлъ сказать что-то Зенону, но Зенонъ уже вытянулся на своемъ мягкомъ ложѣ и храпѣлъ такъ, какъ будто не спалъ трехъ ночей подрядъ.

Матой тихо вышелъ изъ покоя и отправился во дворъ.

Тамъ легъ онъ на каменную скамью и заснулъ тревожнымъ, безпокойнымъ сномъ.

Солнце уже высоко поднялось на небѣ, когда Матой проснулся. Онъ пошелъ въ комнату своего гостепріимнаго хозяина,

но тотъ все еще продолжалъ спать. Ротъ его былъ полуоткрытъ, лицо покрыто слоемъ жира, и онъ издавалъ такой храпъ, что онъ слышенъ былъ внѣ стѣнъ дома.

Тогда Матой вышелъ изъ комнаты и отправился бродить по городу. Одну минуту онъ подумалъ-было уйти въ пустыню, но потомъ рѣшилъ остаться до вечера, оправдывая себя тѣмъ, что было бы неблагодарностью покинуть этотъ домъ, ничего не сказавъ хозяину и не поблагодаривъ его.

Въ это яркое лѣтнее утро юноша чувствовалъ себя бодрымъ и сильнымъ, несмотря на плохо проведенную ночь и на малое количество сна.

Ему хотѣлось ходить, двигаться, жить.

Онъ отправился по улицамъ, ведшимъ въ гавань; и по мѣрѣ того какъ онъ шелъ, ему стало казаться, что онъ припоминаетъ эти мѣста. И эти улицы, и эти площади казались ему близкими, родными. И этотъ городъ, въ который онъ шелъ съ такимъ страхомъ и трепетомъ, полюбился ему. Когда же онъ пришелъ въ портъ, къ берегу лазурнаго моря, блиставшаго червонными блестками подъ лучами полуденнаго солнца, восторгамъ его не было предѣловъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ и множество парусовъ стоявшихъ въ гавани кораблей поразили его взоръ. Онъ остановился очарованный.

Онъ думалъ, что, если бы не сложилась такъ неудачно судьба, если бы его мать не встрѣтила здѣсь Евагрія, быть можетъ, онъ выросъ бы здѣсь, на берегу, сдѣлался бы морякомъ, попалъ бы на одинъ изъ этихъ огромныхъ кораблей и проводилъ бы жизнь въ далекихъ странствованіяхъ, окруженный морской пустыней и голубымъ небомъ. Пустыня у него и теперь есть, но пустыня неподвижная, мертвая, нѣмая. Пустыня моря— вся живетъ и дышетъ. И онъ видѣлъ бы новыхъ людей и новыя страны, и онъ позналъ бы жизнь во всемъ ея объемѣ, а не маленькій унылый уголокъ ея, который онъ зналъ теперь. Да и зналъ ли еще?

И съ тяжелою грустью устремилъ Матой свой взоръ на входившія и уходившія суда, на набережную, усѣянную народомъ и моряками, суетливо расталкивавшими толпу носильщиковъ тяжестей, которые, всѣ въ поту, съ криками и ругательствами переносили на своихъ согнутыхъ спинахъ съ кораблей на берегъ бочки, тюки и ящики.

Сердце Матоя сжалось отъ тоскливаго чувства, и онъ нехотя повернулъ назадъ.

И на обратномъ пути тяжелыя думы, волновавшія его душу, не успокоились.

Ядъ, который влилъ въ него вчера своими рѣчами Зенонъ, начиналъ оказывать медленное, но вѣрное дѣйствіе.

Уже въ пустынѣ, въ тѣ памятныя безсонныя ночи, невѣдомо какъ, вѣрнѣе всего—заботами врага человѣка — дьявола, первый лучъ сомнѣнія запалъ въ его душу. И тогда еще робкая душа его трепетно сжалась и испугалась.

Онъ долго отказывался идти въ городъ, боясь, чтобы этотъ

первый лучъ не разросся до неугасимыхъ размѣровъ; потомъ, когда онъ, наконецъ, рѣшился исполнить волю старца, онъ шелъ съ надеждою, что созерцаніе разнузданной городской жизни, напротивъ, подѣйствуетъ на него благотворно, и онъ получитъ къ этимъ людямъ отвращеніе и презрѣніе.

И что же? Первое же столкновеніе съ этими людьми расшевелило то смутное, темное чувство, которое дремало на глубинѣ его души. И вотъ слова Зенона разбудили этого притаившагося страшнаго звѣря. И мысль о томъ, что ему придется вернуться въ пустыню, уже пугала его.

Мысленно онъ началъ молиться Богу, но никакъ не могъ сосредоточиться на молитвѣ. Слова вылетали изъ его запекшихся устъ, и уста шептали давно заученныя молитвы, но ни его умъ, ни сердце не принимали въ этомъ никакого участія. Матой оставался къ молитвѣ вполнѣ равнодушнымъ; и въ то время, какъ онъ произносилъ имя Божіе, въ его ушахъ раздавались слова ужасныхъ Зеноновыхъ рѣчей.

Юноша рѣшилъ не возвращаться въ домъ Зенона до самаго того часа, когда ему придется пуститься въ обратный путь.

Тогда онъ зайдетъ къ Зенону и Герміонѣ, поблагодаритъ за оказанное гостепріимство и двинется въ путь, чтобы никогда больше не возвращаться въ этотъ городъ грѣха и соблазновъ.

Никогда! Одна эта мысль повергала его въ печаль и уныніе. Какъ! Никогда не видѣть больше ни этихъ улицъ, ни этихъ домовъ, ни этихъ людей, ни этого голубаго моря, ни этихъ кораблей, ни садовъ Герміоны, ни, наконецъ, самой Герміоны. Да, ее самой! Можетъ быть, до смерти не слышать ея чарующаго голоса, ея таинственныхъ пѣсенъ! До самой смерти не видѣть ея танцевъ, ея грустныхъ черныхъ глазъ, ея шелковистыхъ, волнистыхъ волосъ!...

Но что дѣлать! Такъ, видно, опредѣлено ему самимъ Богомъ.

Низко опустивъ голову, шелъ онъ къ дому Зенона. Ахъ, если бы хоть еще разъ увидѣть Герміону! Ему казалось, что тогда онъ легче будетъ переносить свое одиночество, и этого свиданія ему хватитъ на всю остальную жизнь. И потомъ, развѣ это такой несправедливый грѣхъ—любоваться Божіимъ твореніемъ?

И опять ему, въ сотый разъ, пришли на умъ слова Зенона, и душа его радостно трепетала имъ въ отвѣтъ, тая какую то надежду на лучшее будущее.

Во дворѣ Зенонова дома ему сказали, что хозяинъ находится у Герміоны.

Радостное чувство овладѣло Матоемъ.

Опять онъ увидитъ этотъ волшебный садъ, полный благоуханія и нѣги, онъ услышитъ чарующій голосъ Герміоны и увидитъ ея танцы. И когда зрѣніе и слухъ насладятся, онъ исчезнетъ во тьмѣ, возьметъ посохъ свой и уйдетъ навсегда въ пустыню.

Луна уже всходила, когда онъ проникъ за рѣшетку сада, а ночное свѣтило, распространяя свой блескъ, точно окутывало туманно-серебристой вуалью эти деревья, кусты, лужайки, цвѣты и статуи; таинственный пепельный свѣтъ луны создавалъ новыя

формы, преувеличенныя, смутныя и странныя. Широкая полоса свѣта освѣщала террасу и группу молодыхъ женщинъ на ней, придавая имъ мертвенную красу статуй.

И подъ этимъ темнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, блиставшими серебристыми лучами, среди этихъ терявшихся въ невѣрномъ лунномъ освѣщеніи куртинъ, среди этого сѣро-пепельнаго сада, среди блѣдной листвы деревьевъ и обширныхъ скатертей тѣней, ложившихся около скамей, подъ кустами и статуями, одна Герміона казалась оживленной статуей съ ея гибкими пластическими движеніями и классической, античной красотой.

И Матою почудилось, что въ нее воплотился духъ этой таинственной лунной ночи и одарилъ ее всѣми ея прелестями и красотами.

Матой безъ робости, бодро вошелъ на террасу.

Тотчасъ же къ нему подошелъ Зенонъ.

— Матой, другъ мой!—сказалъ онъ ему.—Сколько заботъ ты доставилъ мнѣ! Помилуй, я разослалъ всѣхъ слугъ искать тебя по городу. Они доходили до косы и даже въ другую сторону до озера Мареотиса и нигдѣ не могли найдти тебя. Гдѣ ты былъ?

— Я бродилъ по городу.

— Зачѣмъ?

— Не знаю, Зенонъ. Я шелъ безъ опредѣленной мысли. Я старался припомнить тѣ мѣста, гдѣ я бывалъ еще ребенкомъ.

— Ну врядъ-ли тебѣ удалось это. Это было, вѣдь, такъ давно!

— И все-таки мнѣ казалось, что кое-что мнѣ знакомо въ этомъ городѣ.

— Это бываетъ, — вставила маленькая Теона, ласково глядя на юношу.—Мнѣ самой иногда кажется, что я ясно вижу эпизоды моего дѣтства.

— И помнишь лицо своей кормилицы.—засмѣялась Герміона.

На этотъ разъ гостей было меньше. Изъ вчера присутствовавшихъ на пиршествѣ пришло только двое, да и тѣ не обращали вниманія на Матоя, а усердно занимались ѣдой и напитками.

Матой былъ въ своемъ рубищѣ; зайдя къ Зенону, онъ не нашелъ того слугу, который одолжилъ ему вчера плащъ, и рѣшилъ отправиться къ Герміонѣ въ томъ, въ чемъ онъ былъ.

— Ты такъ мнѣ нравишься больше,—сказала ему Теона.

— Прости, Герміона, — проговорилъ Матой, обращаясь къ танцовщицѣ,—что я осмѣлился явиться къ тебѣ не въ праздничной одеждѣ, какъ вчера.

Герміона улыбнулась.

„Онъ считаетъ праздничной одеждой плащъ темно-фіолетоваго цвѣта безъ всякихъ украшеній!"—подумала она.

— Теона права!—громко сказала она,—это рубище больше идетъ къ твоей суровой красотѣ.

— Я и безъ того—отвѣтилъ Матой,—долженъ былъ бы снять плащъ, потому что отсюда я прямо ухожу въ пустыню.

— Ты поступилъ очень неблагоразумно,—возразилъ ему Зе-

нонъ.—Передъ такимъ путешествіемъ тебѣ слѣдовало бы отдохнуть и хорошенько подкрѣпиться, а не утомлять себя безцѣльными прогулками по городу.

— Я не усталъ.

— Гдѣ же ты ѣлъ?

— Нигдѣ.

— Какъ! Цѣлый день ты провелъ безъ пищи?

— Да.

— Но, другъ мой! Ты ослабнешь и не дойдешь до пустыни.

— Не безпокойся, прошу тебя, Зенонъ. Силъ у меня много.

— Я никакъ не могу отпустить тебя въ эту ночь, прежде, чѣмъ ты отдохнешь.

— Не настаивай, Зенонъ. Я тебя на этотъ разъ не послушаю. Я долженъ идти. Я не могу оставаться.

— Но отчего?

— Не могу,—упорно сказалъ Матой.—Я пришелъ только поблагодарить тебя и Герміону за гостепріимство.

— Но ты не уйдешь прежде, чѣмъ мы не накормимъ тебя. Къ тому же еще рано, и ты всегда успѣешь уйдти въ ночь, когда станетъ свѣжѣе.

— Матой боится остаться,—проговорила шутливо Теона,—онъ боится полюбить Герміону.

— Или тебя,—сказала Герміона, весело разсмѣявшись.

Матой ничего не отвѣтилъ, но вздрогнулъ, такъ слова Теоны отвѣчали его тайному настроенію. Онъ взглянулъ на танцовщицу и замѣтилъ, что она была сегодня особенно весела. Слѣдовъ вчерашней грусти и меланхоліи не было. И ему стало почему-то грустно.

„Вотъ я ухожу, навсегда ухожу изъ этого города",—думалъ онъ,—„и никогда, никогда она меня больше не увидитъ. И вмѣсто печали на ея лицѣ свѣтится радость. Ей все равно—тутъ ли я или далеко. Не для меня поетъ она и танцуетъ... не мною занятъ ея умъ, не мною полно ея сердце. Безумецъ! Какъ могъ ты на одно мгновеніе подумать, что она можетъ полюбить тебя! Она, такая красавица!"

И ему сдѣлалось такъ жутко, такъ не по себѣ, что захотѣлось тотчасъ же покинуть этотъ городъ. И свѣтъ луны показался ему погребальнымъ свѣтомъ тусклаго факела, и эта тихая ночь одѣвала душу его мракомъ и уныніемъ.

Но онъ не могъ уйдти, потому что его заставляли ѣсть и пить.

Онъ ѣлъ и пилъ молча. Но умъ его продолжалъ работать, и сердце усиленно биться.

Между тѣмъ, по требованію Зенона и двухъ гостей, все еще продолжавшихъ пить и объѣдаться, Герміона, подъ звуки флейты и тамбурина, повторила свой вчерашній танецъ, тотъ танецъ, которымъ она побѣдила равнодушіе городскихъ жителей и заставила, наконецъ, признать себя первой танцовщицей Александріи.

Потомъ она запѣла. Но это уже не была та пѣсня, которую

она пропѣла вчера, пѣсня, полная грусти и томной печали. Теперь она пѣла страстную пѣсню, пѣсню любви.

И Матой задумчиво внималъ словамъ этой пѣсни.

Герміона говорила подъ музыку:

„Только тогда, когда воды рѣкъ потекутъ обратно къ вершинамъ горъ, покрытыхъ зеленою травою и лѣсами; только тогда, когда пшеницу начнутъ сѣять въ вѣчно подвижное море;—

„Только тогда, когда кедры выростутъ изъ тихихъ водъ лѣснаго озера и ненюфары изъ голыхъ скалъ; только тогда, когда солнце сдѣлается чернымъ, а луна упадетъ съ неба на траву этого сада;—

„Только тогда перестану любить, перестану страдать отъ любви; только тогда замолкнетъ душа моя, перестанетъ биться мое сердце. Но тогда, вмѣстѣ съ безмолвіемъ души, вмѣстѣ со сномъ сердца, настанетъ вѣчный сонъ Смерти.

„А до тѣхъ поръ буду любить. Что все вокругъ—въ сравненіи съ любовью? Одна любовь можетъ дать безумное счастье, и никакое другое счастье не можетъ сравниться съ счастьемъ любви!..“

Она весело засмѣялась и стала шутить съ гостями.

— А ваше счастье?—обратилась она къ двумъ своимъ гостямъ, все еще продолжавшимъ ѣсть,—ваше счастье заключается въ сладкихъ блюдахъ и вкусныхъ винахъ? Вы не промѣняли бы крылышко этой птицы на сердце Теоны?

— Ни даже на твое,—въ тонъ ей отвѣтилъ одинъ изъ гостей.

Теона при этихъ словахъ нахмурилась, и злобный огонекъ блеснулъ въ ея голубыхъ глазахъ, когда она взглянула на Герміону.

Герміона продолжала шутить.

Но настроеніе, овладѣвшее Матоемъ въ началѣ этого вечера, уже не покидало его. На душѣ его дѣлалось все грустнѣе и грустнѣе; сердце его ныло. Какое-то странное, до сихъ поръ неизвѣданное чувство прокралось въ него и грызло его. Жгучая грусть, проникшая въ его душу, овладѣла ею. И мысль его усиленно работала.

В. Свѣтловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Четыре проекта Сперанскаго о преобразованіи Сената.

Эти четыре проекта относятся къ тремъ эпохамъ: первый проектъ Сперанскаго къ той эпохѣ, когда онъ еще не зналъ лично императора Александра Павловича. Проектъ этотъ содержится въ хранящемся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки: Изслѣдованіе Сперанскаго о вопросѣ, при какихъ условіяхъ можетъ быть введено иное устройство въ Россіи, составленное имъ по порученію императора, не лично ему данному, а чрезъ гр. В. П. Кочубея. Куз. Гр. Рѣпинскій относитъ его къ 1803—1804 годамъ.

Три другихъ проекта, напротивъ, относятся ко времени личнаго знакомства уже Сперанскаго съ Александромъ Павловичемъ и наибольшей его близости къ нему; одинъ— къ 1809 году въ составѣ общаго проекта преобразованія государственнаго устройства Россіи; два — къ 1811 году, когда наступила очередь, послѣ реформъ въ 1810 г., Государственнаго Совѣта и министерства въ 1811 году, какъ постепеннаго осуществленія всего проекта 1809 года реформировать Сенатъ, и тутъ Сперанскій предполагалъ ограничить Сенатъ, какъ въ проектѣ 1809 года, но это вызвало такія возраженія, что Сперанскому пришлось уступить и составить проектъ двухъ отдѣльныхъ другъ отъ друга Сенатовъ: судебнаго и правительствующаго, который долженъ бы былъ замѣнить собою Комитетъ министровъ. Эти проекты со-

ставлены сообразно съ этими тремя „эпохами“ дѣятельности Сперанскаго, какъ онъ самъ выразился въ составленномъ имъ самимъ перечисленіи главныхъ событій, озаглавленномъ имъ: „Эпохи жизни М. М. Сперанскаго“. Вотъ двѣ выписки изъ этого любопытнаго, къ сожалѣнію, до сихъ поръ цѣликомъ не напечатаннаго проекта.

ГЛАВА I.

Проектъ 1803—4 годовъ.

I. О разумѣ настоящаго управленія въ Россіи.

Сколь ни просто на первый взглядъ кажется правленіе самодержавное, но когда оно смѣшано съ разными установленіями истинно монархическими (Сперанскій такъ тогда называлъ конституціонный порядокъ) и покрыто другими формами, къ другому порядку вещей принадлежащими, составъ его дѣлается многосложенъ и разрѣшить его на первыя его стихіи не есть дѣло удобное.

Первое начало власти въ Россіи весьма кажется просто. Государь, соединяющій въ особѣ своей всѣ роды силъ единый законодатель, судія и исполнитель своихъ законовъ, вотъ въ чемъ состоитъ на первый взглядъ все установленіе сего государства. Но когда разсматриваешь тотъ образъ, коимъ Верховное сіе начало дѣйствуетъ, и средства, коими она силы свои распредѣляетъ и приводитъ въ упражненіе, сія простота перваго понятія исчезнетъ и на мѣстѣ ея являются разныя системы управленія, къ разнымъ началамъ принадлежащія и никакой связи между собою не имѣющія.

Въ самомъ дѣлѣ, какими способами, какимъ образомъ опредѣлить взаимныя отношенія первыхъ государственныхъ мѣстъ Совѣта, Сената и Министерствъ? Въ чемъ состоитъ существенное ихъ различіе между собой? Какую степень власти каждая изъ нихъ имѣетъ? Какой родъ дѣлъ каждому изъ нихъ принимать? Разрѣшеніе всѣхъ сихъ вопросовъ одно можетъ обнаружить истинный разумъ правленія въ Россіи.

И *во-первыхъ* очевидно, что ни одно изъ сихъ мѣстъ *собственной политической силы не имѣетъ:* всѣ они зависятъ и въ началѣ и въ концѣ, и въ бытіи и въ дѣйствіи ихъ отъ единой воли и мановенія силы самодержавной; слѣдовательно, *второе*, ни одно изъ нихъ никоимъ образомъ *органомъ политическимъ, а тѣмъ болѣе законо-*

дательнымъ признано быть не можетъ, третье: ни правъ, ни преимуществъ, свойственныхъ государственнымъ установленіямъ, въ отношеніи къ первому ихъ началу имѣть они не могутъ *четвертое: различія существеннаго между собой не имѣютъ*, ибо различіе сіе можетъ быть только: 1) въ предметахъ и 2) въ правилѣ. Но предметы во всѣхъ мѣстахъ одинаковы: Сенатъ занимается тѣми же дѣлами полиціи, экономіи и суда, какія вносятся въ Совѣтъ и къ министрамъ. Правило дѣйствія въ нихъ также одинаково; всѣ они соображаютъ дѣло съ закономъ, или, когда закона нѣтъ, или, по обстоятельствамъ, находятъ это неудобнымъ, представляютъ мнѣніе свое о новомъ установленіи. Все различіе состоитъ только въ разницѣ канцелярскаго обряда, но нѣтъ нужды доказывать, сколь различіе сіе маловажно.

Правда, что Сенатъ отличается тѣмъ отъ прочихъ, что дѣйствія его считаются публичными и что онъ имѣетъ власть повелительную, а дѣйствія прочихъ лишь суть дѣйствія внутри Кабинета Государева совершающіяся и къ исполненію непосредственно не исходятъ. Но примѣтить должно: 1) что Сенатъ ничего не можетъ повелѣть своимъ именемъ: указы отъ него исходящіе не суть его указы, но Императорскаго Величества, чрезъ него только идущіе; 2) что министры могутъ, и во многихъ случаяхъ должны, мимо его прямо въ губерніи посылать указы, кои въ послѣдствіи вносятъ къ нему только за извѣстіе; 3) обязанность публиковать указы есть обязанность полицейская и всякое нижнее мѣсто могло бы именемъ Государя то же самое дѣлать.

Итакъ данное понятіе, которое можно себѣ сдѣлать о государственномъ управленіи Россіи, есть слѣдующее: верховное начало въ Россіи Государь Самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власти законодательную и исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства.

Начало сіе не имѣетъ никакихъ вещественныхъ предѣловъ. Но оно имѣетъ нѣкоторыя умственныя границы, мнѣніемъ, привычкою и долголѣтнимъ употребленіемъ постановленныя въ томъ, что власть сего начала не иначе приводится въ дѣйствіе, какъ всегда единообразнымъ порядкомъ и установленными формами. Припомнить здѣсь должно, что Юмъ и твердость англійской конституціи полагаетъ въ привычкѣ, въ духѣ, въ образѣ мыслей народа: поэтому сколько бы ничтоженъ и ненуженъ Сенатъ ни былъ въ настоящемъ образѣ бытія его и сколько ни вѣро-

ятнымъ кажется, что теченіе дѣлъ, основанное на единствѣ министерскаго управленія, было бы несравненно успѣшнѣе, но можно быть увѣреннымъ, что совершенное уничтоженіе этого мѣста (т. е. Сената) изгладило бы и самую тѣнь монархической свободы въ разумѣ народномъ. Многочисленное сословіе и формы древности могутъ быть весьма вредны теченію дѣлъ, но имѣютъ всегда нѣчто священное и столько уважительное въ глазахъ народа, что и самое правосудіе будетъ народу подозрительно, если оно не будетъ изливаться сообразно общему о вещахъ понятію, изъ Сената.

II. Какія части управленія могутъ быть прежде всѣхъ исправлены?

Прилагая свойства выше приведенныя къ управленію нынѣ существующему, мы находимъ во-первыхъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представляетъ оно болѣе удобности, но неусовершенственно въ другихъ!

Здѣсь припомнить должно то различіе, какое выше было постановлено между временными учрежденіями, регламентами и законами и что части управленія, какъ-то полиція и экономія (sic) дѣйствуютъ всегда на правилахъ учрежденій, а судъ утверждается на законѣ. Учрежденія наши не состоятельны, коихъ можно усовершить и исправить. Но исправить гражданскій и уголовный законы скоро нѣтъ никакой возможности, ибо не только въ Россіи, но и нигдѣ въ Европѣ нѣтъ еще теоріи ни гражданскаго, ни уголовнаго законовъ.

Сіи части законодательства доселѣ были и нынѣ суть предметомъ учености, историческихъ изысканій, и можно сказать, глубокаго педанства; духъ истинной политики къ ней еще не прикоснулся и понынѣ. До сихъ поръ нѣтъ ничего о точности понятія закона, всѣхъ опредѣленій права и закона и категорическаго раздѣленія преступленій, о разграниченіи дѣла уголовнаго отъ дѣла гражданскаго и чтобы сказать все самимъ, однимъ словомъ о самыхъ первыхъ началахъ сего знанія не умъ обыкновенный, но разумъ творческій, геній, долженъ рѣшить сіи споры, которымъ лучшее основаніе сей найдя, можетъ быть перемѣнить въ ней самый языкъ съ уничтоженіемъ его варварскихъ формъ.

Можно съ нѣкоторою основательностью предполагать, что мы стоимъ при самомъ рожденіи лучшей теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Никогда въ Европѣ не занимались сею наукою съ толикимъ вниманіемъ, какъ нынѣ; лучшіе *умы* обратили на нее свои розысканія и, можетъ быть, не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ мы увидимъ въ сей части политическихъ понятій важное превращеніе. Настоящее поколѣніе Россіи даетъ ей всю удобность ожидать сего превращенія: если бы и существовала въ Европѣ система добрыхъ законовъ въ сей части, она не могла бы у насъ скоро приведена быть въ дѣйствіе: ибо правый судъ по необходимости предполагаетъ не токмо просвѣщенныхъ судей, но и просвѣщенную публику и методическое сей части ученіе: безъ сего самая лучшая система судовѣдѣнія произведетъ одно только вредное дѣйствіе новости. Но что здѣлать должно правительство въ Россіи, чтобы приготовить добрыхъ судей, чтобы окружить ихъ здраво мыслящей публикой, чтобы просвѣтить совѣтомъ судовѣдцовъ. Гдѣ установленія, въ коихъ юношество наше образуется къ сей части? Можетъ быть въ одной Россіи судьи творятся одною волею и приказаніемъ правительствомъ и человѣкъ едва по слуху знающій о законѣ, о правѣ, о обязанности вдругъ по слову власти становится органомъ закона и рѣшителемъ всѣхъ споровъ о правахъ и обязанностяхъ. Съ нѣкотораго времени вошло у насъ въ обыкновеніе всѣ недостатки управлять сваливать на несовершенства въ нашихъ законахъ. Не бывъ въ пользу ихъ слѣпо предубѣжденнымъ, можно однако же быть увѣреннымъ, что сіе мнѣніе весьма несправедливо. Вы жалуетесь на несовершенство вашихъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ,—можно бы было возразить симъ цензорамъ, столь скорымъ, столь готовымъ давать совѣты правительству: но измѣрили-ли вы вредное вліяніе прочихъ частей управленія на сію вѣтвь законодательства? опредѣлили-ли до какой степени недостаточная и связная полиція затрудняетъ теченіе суда, попущая преступленіямъ старѣться безъ слѣдствій, представляя слѣдствія безъ обстоятельствъ, теряя обстоятельства временемъ и небреженіемъ? Какимъ образомъ на пространствѣ пяти или шестисотъ верстъ земскій исправникъ для куска хлѣба изъ бѣдныхъ дворянъ выбранный съ подобными ему нищими засѣдателями можетъ привести законъ въ уваженіе, прежде настигнуть на мѣстѣ, предохранить собственность

отъ похищеній и чѣмъ отвратить раззорительныя тяжбы?

Какимъ образомъ въ Государствѣ, гдѣ земельныя владѣнія по большей части не обмежеваны, гдѣ права и на общественныя еще не удостовѣрены, гдѣ вся економическая часть въ крайнемъ безпорядкѣ и упущеніи, могутъ быть тяжбы не многочисленными и незапутанными? Какимъ образомъ законъ можетъ дѣйствовать, когда не поддерживается разумомъ и просвѣщеніемъ исполнителей и когда исполнители сіи еще не образованы?—и, наконецъ, чтобы все заключить въ одномъ словѣ, гдѣ самый текстъ закона извѣстенъ только по секретарскимъ письменнымъ тетрадямъ отъ одного къ другому переходящимъ и нигдѣ въ порядокъ не приведеннымъ. Познали-ли вы до какой степени судьѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ общаго мнѣнія, гдѣ нѣтъ публичности въ дѣяніяхъ судовъ, нѣтъ отвѣтственности, нѣтъ совѣту, нѣтъ способовъ ученія.—Исправьте всѣ сіи несовершенства суду побочныя и отъ другихъ управленія зависящія: и тогда разсуждайте о дѣйствіи нашихъ законовъ.

Вы жалуетесь на продолжительность и запутанность нашихъ судебныхъ формъ и обрядовъ, но гдѣ они не таковы?—раскройте Прусское уложеніе, вы найдете въ немъ слѣдующія понятія о законахъ въ Германіи существующихъ. Загляните въ судебные законы Англіи, вы найдете слѣдующее о нихъ изложеніе одного изъ славнѣйшихъ ихъ юрисконсультовъ. (Тутъ на поляхъ написанъ рукою же Сперанскаго „здѣсь надо выписать изъ книгъ", но выписка не сдѣлана).

Но отчего въ прочихъ государствахъ они не столь ощутительны, какъ у насъ?—Отъ того, что тамъ законъ, хотя не совершенный, но съ точностью обезпеченъ въ исполненіи, отъ того, что тамъ судьи учатся, а не творятся волею назначающихъ ихъ, отъ того, что прочія части управленія пособляютъ, а не затрудняютъ дѣйствіе закона; отъ того, наконецъ, что добрая монархическая конституція покрываетъ множество частныхъ недостатковъ.

По всѣмъ симъ замѣчаніямъ объ общемъ начертаніи системы управленія часть суда оставлена въ настоящемъ ея составѣ и очищена только отъ смѣшенія, въ коемъ донынѣ находилась.

V. О системѣ государственныхъ мѣстъ.

Государственнымъ установленіямъ безъ связи и порядка

нынѣ существующимъ, дабы дать нѣкоторое между собою отношеніе должно во первыхъ раздѣлить предметы ихъ на два главные рода: къ одному отнести все то, что касается до части законодательной, къ другому все, что принадлежитъ къ власти исполнительной.

Обѣ власти соединены въ лицѣ Государя, не иначе какъ его волею дѣйствовать могутъ; а потому нѣтъ для каждой изъ нихъ установленныхъ, въ разумѣ настоящей государственной конституціи, правилъ и они не сами собою, но только силою Самодержавною существовать могутъ. Они въ существѣ своемъ суть два отдѣленія внутренняго Государева Кабинета: но во мнѣніи народномъ представляютъ мѣста внѣшнія и умѣряютъ собою самодержавіе.

Все то, что принадлежитъ до постановленія, усовершенія и охраненія Государственнаго закона и уложеніе будетъ входить въ первое сословіе.

Все то, что принадлежитъ до постановленія временныхъ учрежденій и исполненія законовъ изъ существующихъ будетъ входить во второе сословіе.

Первое можно назвать Сенатомъ законодательнымъ, второе Сенатомъ исполнительнымъ. Держась точнѣе естественныхъ раздѣленій должно бы было назвать сей послѣдній родъ власти *министерствомъ*. Въ самомъ дѣлѣ она не что другое есть, какъ администрація, состоящая изъ извѣстнаго числа министровъ, изъ коихъ каждый управляетъ своимъ департаментомъ. Не отступая въ существенномъ образованіи сей части отъ сихъ простыхъ и естественныхъ понятій единства признано однако же нужнымъ объять ее именемъ Сената по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) Есть во всѣхъ департаментахъ министровъ нѣкоторыя общія дѣла ни къ одному изъ нихъ прямо не принадлежащіе и требующіе соединенія: таково есть обнародованіе уставовъ и узаконеній, производство въ чины, опредѣленіе по нѣкоторымъ вышшимъ мѣстамъ чиновниковъ, храненіе актовъ, веденіе общихъ Государственныхъ Архивъ. Для всѣхъ сихъ дѣлъ необходимо быть мѣсту соединенія. 2) Вездѣ, а наипаче въ Россіи, повелѣнія издаваемыя въ народъ именемъ цѣлаго сословія представляютъ народу нѣчто болѣе уважительное, нежели отъ лица подчиненнаго и единственнаго идущіе. Понятіе сословія сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе народа. А потому вездѣ, гдѣ совокупность сія не вредитъ успѣху дѣла, гдѣ она представляется только по

наружности, а не въ существѣ, гдѣ не уменьшаетъ она личной отвѣтственности, гдѣ можно сохранить ее по виду, сохранить кажется нужно.

Сенатъ исполнительный дѣлится до времени на двѣ части судную и управленія. Въ части судной вѣдаются всѣ дѣла по аппелляціи и жалобамъ на мѣста губернскія судныя. Она содержитъ въ себѣ 2 департамента гражд. и уголовный; въ части управленія будутъ вѣдомы всѣ тѣ предмѣты, кои принадлежатъ къ разнымъ Департаментамъ министерства.

Часть судная оставляется до времени на тѣхъ правилахъ, на коихъ она нынѣ существуетъ.

Части управленія или Сенатъ управляющій составляютъ министерства. Министры каждый своею частію управляютъ по уставу. Въ случаяхъ уставомъ непредусмотрѣнныхъ или требующихъ исправленія министры предлагаютъ новыя мѣры въ Сенатѣ. При утвержденіи сихъ мѣръ онѣ публикуются отъ Сената. Сенатъ исполнительный сообщаетъ всѣ новыя мѣры Сенату законодательному, изключая тайнѣ подлежащихъ.

Составъ и образованіе Сената Законодательнаго.

Сенатъ законодательный составляется изъ сенаторовъ по избранію Государя. Сенатъ законодательный собирается два дня въ недѣлю.

Упражненія его есть: 1) составленіе и дополненіе уложеній; 2) ревизія актовъ Сената Исполнительнаго, по отношенію ихъ къ кореннымъ государственнымъ законамъ.

1) Постановленія закона гражданскаго и уголовнаго. Для сего каждый разъ, когда въ Сенатѣ судномъ встрѣтиться случай закономъ неопредѣленный онъ посылаетъ на разрѣшеніе Сената Законодательнаго, который опредѣливъ его, согласно государственному закону представляетъ на утвержденіе Государю.

2) Установленіе закона гражд. и уголовнаго. Сюда принадлежитъ коммисія о составѣ уложенія, коею управляетъ одинъ изъ сенаторовъ Законодательнаго Сената и въ ней всю работу производятъ четыре юрисконсульта—сія коммисія занимается единственно приведеніемъ въ порядокъ законовъ существующихъ. Сюда принадлежатъ также и тѣ

случаи, когда въ Сенатѣ судномъ встрѣтится дѣло, на которое изданные законы неясны или противорѣчивы или общей пользѣ противорѣчать.

3) Охраненіе закона въ исполненіи его. Сюда принадлежатъ: 1) жалобы на министровъ по Высочайшему повелѣнію вносимыя; 2) ревизія всѣхъ новыхъ актовъ Сената исполнительнаго по отношенію ихъ не къ внутренней добротѣ, но къ коренным государственнымъ законамъ

Порядокъ, коимъ дѣла входятъ, производятся и кончаются въ Сенатѣ Законодательномъ есть слѣдующій: 1) *дѣла входятъ* отъ Сената суднаго а) по недостатку закона, в) по неясности его; отъ коммисіи по мѣрѣ приведенія законовъ въ порядокъ; отъ Сената управляющаго вносятся всѣ мѣры вновь или принимаемыя имъ съ отмѣною прежнихъ уставовъ сопряженныя; отъ Государя жалобы прямо на министровъ приносимыя; отъ министровъ — ихъ отчеты ежегодные: 2) *дѣла производятся*: Какъ Сенатъ Законодательный не есть корпусъ внѣшній политическій, но отдѣленіе Государева Кабинета, въ коемъ всегда почитается онъ присутствующимъ, то дѣла въ немъ производятся журнальною запискою, означающею кратко содержаніе дѣла и мнѣніе Сената. Для производства дѣлъ находится при Сенатѣ 3 дѣлопроизводителя и нѣсколько писцовъ. За письмоводствомъ надзираетъ одинъ изъ сенаторовъ, который представляетъ и журналы Государю. Въ предварительномъ разсмотрѣніи актовъ Сената Исполнительнаго Сенатъ Законодательный наблюдаетъ только не противорѣчатъ ли они законамъ существующимъ и какимъ именно, не занимаясь пользою ихъ или вредомъ, понеже разсужденія сіи почитаются уже окончательнымъ въ Сенатѣ исполнительномъ. Сенатъ Законодательный никогда долѣе одного собранія внесенныхъ къ нему предварительныхъ актовъ не удерживаетъ. 3) *Дѣла кончатся*: Представленіемъ Государю журнальной записки. Никакого внѣшняго акта Сенатъ Законодательный издать не можетъ. Объ окончаніи дѣлъ и о выходящихъ указахъ узнаетъ онъ изъ сообщеній Сената Исполнительнаго, который одинъ получаетъ на имя свое указы и приводитъ ихъ въ дѣйствіе. Министры присудствуютъ въ Сенатѣ Законодательномъ голосомъ разсужденія (voix deliberative), но журналовъ не подписываютъ и мнѣнія по онымъ не даютъ. Бѣсудствіе (такъ именно: это невозможное выраженіе, образованное, очевидно, въ противоположность присутствію

означало: отсутствіе) министръ замѣщается товарищемъ его: отсутствіе обоихъ не останавливаетъ собранія.

Сенаторъ Законодательнаго отдѣленія не можетъ быть министромъ, не сложа съ себя сего званія, и, напротивъ, сенаторъ законодательнаго отдѣленія можетъ вмѣстѣ быть сенаторомъ суднаго.

Для различія и большаго въ народѣ впечатлѣнія каждое отдѣленіе Сената имѣетъ свойственное отдѣленіе.

Составъ и образованіе Сената Исполнительнаго.

1) Отдѣленіе управленія (администраціи) Сената управляющаго составляется единственно изъ министровъ. Сенатъ управляющій присутствуетъ два дня въ недѣлю. Упражненія его суть: 1) разсмотрѣніе и соображеніе новыхъ мѣръ, каждымъ министромъ принимаемыхъ. Сюда принадлежитъ все, что превышаетъ Уставъ данный министру на ввѣренную ему часть и требуетъ особеннаго положенія; 2) внесеніе въ акты (l'enregistrement) исходящихъ указовъ и узаконеній; 3) сообщенія ихъ законодательному Сенату и обнародованіе какъ указовъ, такъ и рѣшеній Сената суднаго; 4) опредѣленіе чиновниковъ; 5) производство въ чины; 6) храненіе актовъ и вѣдомство всѣхъ Государственныхъ Архивъ.

Порядокъ, коимъ дѣла входятъ, производятся и изходятъ въ Сенатъ управляющій, есть слѣдующій:

1) *дѣла входятъ*: а) отъ министровъ всѣ новыя постановленія на разсужденіе и всѣ указы частно въ губерніи посылаемыя за извѣщеніе; в) отъ Сената суднаго рѣшенія его для общаго обнародованія; с) всѣ Государевы указы къ исполненію Сената управляющаго принадлежащіе.

2) *дѣла производятся*: Посылая дѣла въ Сенатъ управляющій входятъ совершенно каждая въ своей части приготовленными и какъ Государь въ Сенатѣ всегда почитается или самъ присутствующимъ: то всѣ дѣла производятся внутри Сената краткою журнальною запискою о заключающемъ содержаніи дѣла и о принятомъ рѣшеніи. Для производства дѣлъ находится въ Сенатѣ одинъ общій дѣлопроизводитель съ помощникомъ и нѣсколько писцовъ. При Сенатѣ находится Государственный Актуаріусъ, коего должность есть вносить въ Акты Сената всѣ исходящія узаконенія въ книги печатію Государственною утвержденныя.

особа 3 или 4 класса. При Сенатѣ находится Начальникъ Государственныхъ Архивъ и Экспедиція управленія и вѣдомства всѣхъ Архивъ, особа 3 или 4 класса.

3) *дѣла исходятъ*: Дѣла отъ Сената управляющаго исходятъ тою же формою, какъ нынѣ изъ перваго департамента съ нѣкоторымъ поправленіемъ для краткости и удобности теченія.

II. Отдѣленіе суда.

Часть суднаго Сената оставляется въ настоящемъ ея положеніи. Къ ней принадлежитъ межевой департаментъ до времени окончанія межеваній. Министръ занимаетъ въ ней мѣсто Генералъ-Прокурора. Части судной Сената подчиняются одни тѣ мѣста, гдѣ дѣйствительно происходитъ судъ и въ другія части управленія они не входятъ. Судные департаменты имѣютъ свое общее собраніе, на которое нѣтъ аппеляціи: но могутъ быть жалобы на нарушеніе обряда и какъ хранитель обрядовъ въ Сенатѣ судномъ есть Генералъ-Прокуроръ: то жалобы сіи идутъ тѣмъ же путемъ, какъ и всѣ жалобы на министровъ то есть отъ Государя препровождаются въ Законодательный Сенатъ, а дабы подъ видомъ жалобъ на обрядъ не принимали жалобы на существо дѣла, то прежде разсматриваетъ ихъ генералъ-рекетмейстеръ и докладываетъ Государю. По мнѣнію Законодательнаго Сената Государь можетъ только повелѣть Генералъ-Прокурору предложить вновь дѣло Сенату судному съ введеніемъ упущеннаго обряда. Но самъ его не рѣшитъ и никакихъ указовъ Сенату судному не даетъ.

Примѣчанія на образованіе Государственнаго управленія.

Еслибы свойства управленія выше означенныя настоящимъ расположеніемъ достигнуты: то можно утвердительно заключить, что оно правильно и основано на твердыхъ началахъ. Но единое положеніе. . . . . показываетъ ясно, что оно всѣхъ ихъ вмѣщаетъ, ибо: 1) оно основано на недѣлимости власти Самодержавной. Ни Сенатъ Законодательный, ни Сенатъ Исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли Государя. Въ существѣ своемъ они суть непосредственные только его орудія и собственной силы не

имѣютъ; 2) между тѣмъ наружною важностію своею и составомъ они утверждаютъ въ народное мнѣніе, возводятъ его ближе къ идеямъ монархическимъ и сливаютъ Россію на одной чредѣ съ прочими государствами монархическими, не отнимая ничего отъ силы ея необходимаго самодержавія. Государь благонамѣренный не найдетъ, конечно, въ сихъ установленіяхъ никакихъ препятствій къ совершенію своихъ предположеній. Но Самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную его власть встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насиліямъ, если не въ самихъ сихъ условіяхъ, то въ мнѣніи, въ укоренности, и привычкахъ народныхъ, особливо, когда привычки сіи долголѣтнимъ продолженіемъ добраго царствованія въ сердцахъ укрѣпятся. Сіе укрѣпленіе всегда было прочнѣйшимъ, надежнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшею гарантіею закона. 3) Сей образъ правленія столько сближенъ съ монархическимъ, сколько конституція Россіи можетъ сіе дозволить, не вводя великихъ переломовъ. 4) Но то, что довершаетъ тяготѣніе въ его пользу состоитъ въ удобности, какую сей образъ управленія имѣетъ, чтобъ со временемъ превратиться въ совершенную монархическую систему. Въ самомъ дѣлѣ, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ опредѣленіи, онъ воспитываетъ, такъ сказать, духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то есть когда развитіе просвѣщенія и сопряженіе многихъ обстоятельствъ отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго правленія, тогда безъ всякой почти перемѣны, и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣститься другое устройство не на воздушномъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основанное. Тогда надобно будетъ только Сенатъ Законодательный составить другой по лучшей системѣ, переименовавъ Сенатъ Судный Высшимъ Судомъ и основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія. На единствѣ ввести съ ними въ параллельное положеніе: тогда все превратиться въ истинную монархическую систему. 5) Было должно есть ли бы сія организація и ничего другаго не осуществляла кромѣ раздѣленія сего неустроеннаго и можно сказать постояннаго хаоса, какой теперь существуетъ въ Сенатѣ и въ отношеніяхъ его къ прочимъ частямъ правительства, то подъ симъ единственно видомъ необходимо бы приняли его. 6) Отдѣливъ отъ части судной всѣ другіе

части управленія. доставить правительству удобства усовершать ихъ одну за другою, чего теперь по всеобщему дѣлъ смѣшенію невозможно, не изпровергнувъ вмѣстѣ и суднаго порядка. Усовершеніе сихъ частей будетъ проявлять спасительное дѣйствіе и надъ судомъ. Точность исполненія, обезпеченность силъ его движенія; освобожденіе изъ подъ бремени разныхъ побочныхъ злоупотребленій нынѣ судъ тяготящихъ, онъ обновится не перемѣняя даже своей формы. Что обезпечиваетъ собственность главнымъ образомъ?—Не метафизическое понятіе о справедливости судей, но точность исполненія. Зная законъ, хотя бы онъ былъ и не совершенъ, но зная, что онъ съ точностью будетъ исполненъ всякой дѣлаетъ всѣ разчисленія жизни: и вѣрность сего разсчета составляетъ первое основаніе собственности. Никакія напротивъ увѣренности быть можетъ, когда законъ и судъ извращены и исполненіе закона зависитъ отъ случая. Тогда всѣ разсчеты жизни приходятъ въ замѣшательство и неизвѣстность. 7) Какимъ образомъ можно исправить систему губернскаго управленія, не перемѣнивъ системы государственной. Здѣсь должно припомнить то, что выше было сказано объ организаціи отрывками. Они всегда вредны, когда не утверждаются на общемъ планѣ. 8) Можно ввести вмѣстѣ съ симъ планомъ нѣкоторыя общія распоряженія устройству суда, пособить полиціи и къ совершенству прочихъ частей служащее, какъ-то: а) Первымъ и скорымъ дѣйствіемъ Законодательнаго Сената быть можетъ и должно быть изданіе законовъ не новыхъ и не сочиненныхъ, но прежнихъ въ порядокъ и ясность приведенныхъ. Одна сія простая и механическая операція здѣлаетъ въ Россіи болѣе добра и произведетъ въ народѣ ощущенія болѣе нежели многіе другіе предположенія. Я не знаю извѣстно ли правительству, что въ Сенатѣ нѣтъ книгъ законныхъ и что въ тѣхъ губерніяхъ судьба людей и имуществъ рѣшится по письменнымъ тетрадямъ, содержащимъ въ себѣ самыя безобразныя и невѣрныя выписки законовъ. 9) Выше было признано что лучшее средство отвѣтственности и по настоящему положенію вещей единственное есть публичность дѣяній правительства. Должно ввести въ самый составъ Сената Исполнительнаго, чтобъ всѣ его дѣянія были публикованы: это есть черта не обряда, которую нынѣ же принять можно. Пользы отъ сего установленія неизчислимы. Оно ознакомитъ народъ съ

правительствомъ, родитъ общія мнѣнія, просвѣтитъ нижнихъ исполнителей, пріуготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судомъ общаго разума; добрый министръ найдетъ въ актахъ сихъ лучшую себѣ похвалу и самъ отторгнетъ клевету, министръ неблагонадежный въ нихъ же будетъ имѣть явное уличеніе. Можетъ быть, что въ первый мѣсяцъ установленія эти не принесутъ потребнаго дѣйствія; но есть ли оно будетъ съ разумомъ образовано и поддержано разными публичными дѣйствіями можно быть удостовѣреннымъ. что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ правительство и познавая его труды научится почитать его, любить свои законы, свой образъ правленія; ибо тогда они дѣйствительно, будучи для нихъ свои, когда они ихъ познаютъ. Теперь управляются они невидимою для нихъ силою и какъ послѣ того требовать, чтобы они имѣли довѣренности къ силѣ імъ неизвѣстной?

Если планы управленія, коего однѣ главныя черты здѣсь представлены, будутъ приняты то къ постепенному его исполненію можно приступить слѣдующимъ образомъ: должно открыть въ одно время четыре главныя работы. 1) Составить подробное положеніе для Сената законодательнаго и исполнительнаго. Сіе положеніе для Сената должно содержать: составъ Сената, число членовъ, порядокъ и формы и опредѣленія; и 2) точное означеніе или табель всѣхъ предметовъ Сената; 3) образъ производства въ немъ дѣлъ, источники и обрядъ ихъ вступленія, образъ производства внутренняго и внѣшняго, канцеляріи и проч.; и 4) сношенія сихъ между собою и означеніе мѣстъ, кои Сенату исполнительному подчинены.

Но планъ этотъ былъ осуществленъ.

ГЛАВА II.

Общій проектъ преобразованія государственнаго строя Россіи.

Въ проектѣ уложенія государственныхъ законовъ 1809 года Сперанскій Сенату придаетъ значеніе только „верховнаго судилища“ и предполагалъ раздѣлить его на четыре департамента, два уголовныхъ и два гражданскихъ, распредѣливъ ихъ между Петербургомъ и Москвой.

Сенаторовъ должно быть очень опредѣленное число;

мѣста ихъ по смерти или увольненіи замѣщаются съ утвержденія державной власти лицами, избранными въ губернскихъ думахъ и внесенными въ государственный избирательный списокъ. Канцлеръ юстиціи хранитъ и представляетъ сей списокъ. Каждый департаментъ каждые три года избираетъ изъ членовъ своихъ трехъ кандидатовъ и чрезъ канцлера юстиціи представляетъ державной власти для утвержденія одного изъ нихъ президентомъ. Должность президента есть охранять порядокъ разсужденій въ Сенатѣ. Онъ представляетъ чрезъ канцлера юстиціи тѣ случаи, кои Сенатъ въ законѣ найдетъ сомнительными или недостаточно опредѣленными для дополненій и поясненія ихъ установленнымъ порядкомъ. По предложенію президента Сенатъ можетъ въ дѣлахъ затруднительныхъ поименовать коммиссіи изъ трехъ сенаторовъ для предварительнаго разсмотрѣнія и доклада Сенату.

Дѣйствіе каждаго департамента во всѣхъ вообще дѣлахъ слагается изъ двухъ частей: 1) производство дѣла (informatio), 2) сужденіе (judicium). Для производства дѣла при каждомъ департаментѣ находится извѣстное число рекетмейстеровъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора. Должность рекетмейстеровъ есть, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, привести дѣло въ совершенную ясность и изготовить его къ предложенію Сенату.

Если при разсмотрѣніи дѣла, не касаясь существа его, усмотрѣно будетъ нарушеніе существенныхъ формъ въ губернскомъ судѣ: тогда дѣло по общему приговору рекетмейстеровъ, съ утвержденія министра юстиціи, обращается для исправленія въ губернскій судъ, а поступокъ предсѣдателя, яко блюстителя формъ, допустившаго такое нарушеніе, передается уваженію Государственнаго Совѣта.

По изготовленіи дѣла къ слушанію, изложеніе его представляется въ краткій срокъ обѣимъ сторонамъ на разсужденіе. Если стороны усмотрять существенное въ изложеніи упущеніе, онѣ приносятъ жалобу министру юстиціи. Если министръ признаетъ жалобу основательною: онъ предписываетъ сдѣлать дополненіе. Въ противномъ же случаѣ даетъ дѣлу установленное движеніе.

Изложеніе дѣла, такимъ образомъ изготовленное, предается тисненію съ пошлиною на счетъ виновной стороны и вносится оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ, въ подлежащемъ количествѣ экземпляровъ.

Рѣшенія Сената производятся по очереди при открытыхъ дверяхъ публично. Рѣшеніе Сената предаются тисненію, прилагаются къ изложенію и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ актъ. который скрѣпляется Канцлеромъ Юстиціи, утверждается государственной печатью и отдается для храненія въ Государственный Судный Архивъ, а экземпляръ акта выдается обѣимъ сторонамъ и посылается въ подлежащія мѣста къ исполненію.

Въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ пріемлются тѣ же основанія. Но есть дѣла уголовныя особеннаго рода, какъ по важности своей, такъ и по качеству лицъ преступившихъ: таковы суть преступленія государственнаго бунта, или измѣны или важнаго какого-либо потрясенія государственной безопасности. Таковы суть преступленія членовъ Совѣта, Государственной Думы, Сената, министровъ, ихъ товарищей, главныхъ директоровъ, управляющихъ частями, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Судъ надъ сими лицами, по особенному вліянію ихъ примѣра, требуетъ особеннаго образованія. Для сего въ самомъ Сенатѣ установляется верховный уголовный судъ. Онъ открывается актомъ державной власти, изданнымъ въ Совѣтѣ, и составляется изъ трети сенаторовъ обоихъ департаментовъ, изъ всѣхъ членовъ Совѣта, изъ всѣхъ министровъ и изъ извѣстнаго числа депутатовъ Государственной Думы. Президентъ на каждый случай опредѣляется верховною властью изъ четырехъ государственныхъ сословій. Канцлеръ Юстиціи занимаетъ въ немъ мѣсто министра юстиціи; нѣсколько сенаторовъ избираются для производства дѣла, а министръ юстиціи занимаетъ мѣсто оберъ-прокурора. Судъ совершается установленнымъ въ законѣ порядкомъ и представляется на уваженіе и окончательное утвержденіе верховной власти.

ГЛАВА III.

Два проекта 1810 и 1811 годовъ.

Приступивъ къ составленію проекта преобразованія Сената въ 1810 году, Сперанскій сначала думалъ сдѣлать изъ него исключительно судебное установленіе. Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ сохранившійся и до насъ первоначальный проектъ. Въ написанномъ въ объясненіе проекта Введеніи къ образованію Сената Сперанскій прежде всего

въ историческомъ очеркѣ судебъ Сената показываетъ, какъ „учрежденный въ началѣ съ пространствомъ власти неограниченнымъ и не прочнымъ, онъ непрестанно почти колебался въ своемъ основаніи. Никогда не проходило двадцати лѣтъ сряду, чтобы не потерпѣлъ онъ важныхъ и существенныхъ измѣненій. Личныя уваженія много въ сихъ перемѣнахъ дѣйствовали, а недостатки его устройства: медленность его формъ, несовмѣстность ихъ съ быстротою дѣлъ управленія служили къ тому поводомъ или предлогомъ. Тщетно въ нѣкоторыхъ эпохахъ бытія его желали возвести и утвердить на степени непоколебимыхъ политическихъ установленій. Манифестъ о правахъ Сената 1802 года не имѣлъ и не могъ имѣть никакого дѣйствія. Въ настоящемъ его положеніи онъ вмѣщаетъ въ себѣ двѣ разнородныя власти: 1) власть судную и 2) нѣкоторыя части, или, если можно такъ сказать, отломки нѣкоторыхъ частей управленія“. Затѣмъ выясняются неудобства смѣшенія суда съ управленіемъ.

1) „Часть судная и по существу своему и по принятому во всѣхъ государствахъ правилу отдѣляется отъ части управленія. Великое смѣшеніе было бы въ силахъ государственныхъ, если бы законодатель или его министръ вздумалъ судить частныя дѣла, а судья давать законы, или управлять. 2) Всѣ дѣла управленія требуютъ связи и единообразнаго производства. Если признано нужнымъ большую часть отдѣливъ отъ Сената дать имъ особенное теченіе въ министерствахъ: то нѣтъ никакой причины оставлять отрывки ихъ въ судебномъ производствѣ. 3) Сіе раздробленіе во многихъ случаяхъ вводитъ запутанность въ производствѣ дѣлъ: и какимъ образомъ не предполагать сей запутанности, когда дѣла одного и того же рода производятся съ равною степенью власти и въ Сенатѣ и въ министерствѣ. Такъ, напримѣръ, винные сборы принадлежатъ къ министерству финансовъ: но понеже нѣкоторая часть сихъ дѣлъ по торгамъ и послѣдствіямъ ихъ осталась въ Сенатѣ: то изъ сего и происходитъ что казенныя палаты могутъ по произволу представлять или въ Сенатъ, или къ министру, какъ найдутъ для себя удобнѣе. Сенатъ положитъ одно рѣшеніе, министръ другое. Сколько разъ встрѣчи сіи случались, и сколько разъ надлежало вводить разрѣшеніе верховной власти въ дѣлахъ совершенно ей чуждыхъ. 4) Образъ производства въ дѣлахъ управленія

по самому существу своему весьма различенъ отъ судебной формы. Какимъ образомъ можно съ успѣхомъ тѣми же обрядами рѣшить тяжебное или уголовное дѣло и представленіе, напримѣръ, Казенной Палаты о заключеніи контракта на построеніе моста или зданія. 5) Сіе смѣшеніе предметовъ управленія съ дѣлами ссудными вводитъ безпорядокъ и въ производствѣ дѣлъ по министерствамъ. Хотя въ уставахъ ихъ и означены предметы ихъ дѣйствія и степень ихъ власти, но такъ какъ тѣ же самые предметы остаются и въ Сенатѣ, то ни министры, ни мѣста и лица имъ подчиненныя не могутъ опредѣлить съ точностью, въ чемъ состоятъ ихъ отношенія къ сему мѣсту". Изъ всего этого Сперанскій заключалъ: „что всѣ поправленія Сената доселѣ бывшія служили ему болѣе временнымъ пособіемъ, нежели существеннымъ преобразованіемъ, что преобразованіе сіе необходимо, ибо никогда средніе и нижніе суды не воспріимутъ у насъ твердаго основанія, если Верховный судъ ими управляющій самъ онаго имѣть не будетъ; что безъ сего управленія, сколько бы законы гражданскіе и уставы судебные ни были совершенны, нижніе суды ни уваженія, ни правильнаго дѣйствія, имѣть не будутъ; что правильное устройство судовъ должно предшествовать уставу судебному, а въ судахъ верховный управляющій судъ долженъ образованіемъ и примѣромъ своимъ предварять всѣ прочіе, что для устройства Сената должно *во-первыхъ* отдѣлить отъ него всѣ части управленія съ существомъ его несовмѣстныя, *во-вторыхъ*, учредить судную власть его на основаніяхъ твердыхъ и государственнымъ установленіямъ свойственныхъ".

Остававшіяся за Сенатомъ дѣла управленія Сперанскій раздѣлялъ на двѣ группы: 1) По самому существу своему принадлежащія къ разнымъ министерствамъ, куда и слѣдовало ихъ отдать и „другія, кои бывъ общими всѣмъ министерствамъ, требуютъ особеннаго образованія". Эту вторую группу составляли: 1) обнародованіе законовъ и 2) дѣла герольдмейстерскія. „Обнародованіе законовъ, по мнѣнію Сперанскаго, яко первый степень ихъ исполненія, естественно принадлежитъ власти исполнительной и слѣдовательно къ министерству". Въ доказательство онъ ссылается на примѣръ иностранныхъ государствъ: Франціи, Англіи, Австріи, старой Германской имперіи, Португаліи, Неаполя, Швеціи, Даніи. Ни въ одномъ изъ нихъ обнародованіе за-

коновъ не соединяется съ судною властью, напротивъ вездѣ принадлежитъ оно власти исполнительной.

Кому именно поручить обнародованіе законовъ, въ „Введеніи“ не указано. Но въ Государственномъ Архивѣ сохранился отъ того же времени сдѣланный коллежскимъ ассесоромъ Юнкеромъ переводъ на русскій языкъ [1]) чьего-то Проекта образованія Коммиссіи о обнародованіи законовъ, по содержанію своему соотвѣтствующій предположеніямъ Сперанскаго и содержащій въ себѣ ссылки на примѣръ тѣхъ же самыхъ государствъ и въ томъ же порядкѣ [2]), какъ и въ Введеніи къ образованію Сената. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ увѣренностью можно сказать, что проектъ этотъ составленъ не Сперанскимъ: языкъ совсѣмъ не его и при томъ довольно неправильный [3]). Вѣроятнѣе, что онъ былъ составленъ кѣмъ-либо по порученію Сперанскаго. Изъ самаго проекта видно, что онъ былъ представленъ какому-то превосходительству.

Согласно этому проекту предполагалось для обнародованія законовъ и дѣлъ герольдіи образовать особую коммиссію о сохраненіи и обнародованіи законовъ подъ предсѣдательствомъ хранителя государственной печати. Коммиссію предположено было раздѣлить на два отдѣленія: первое— для „записанія въ протоколъ и обнародованія законовъ и архивовъ и второе—для дѣлъ герольдіи“. Каждое отдѣленіе состоитъ изъ начальника и трехъ совѣтниковъ.

За выдѣленіемъ изъ вѣдѣнія Сената дѣлъ управленія онъ долженъ былъ стать высшимъ органомъ суда: „Три есть государственныя силы, говорилъ Сперанскій, дѣйствующія въ государствѣ: сила законодательная, судная и исполнительная. Начало ихъ есть власть самодержавная, но изливаясь изъ сего общаго источника, каждая изъ нихъ должна имѣть свой порядокъ дѣйствія и свои раздѣльныя установленія. Государственный Совѣтъ есть средоточіе, въ коемъ державная власть дѣйствуетъ въ порядкѣ законодательномъ. Чрезъ министерство дѣйствуетъ она въ порядкѣ исполнительномъ. Сенатъ долженъ быть средоточіемъ власти судной. Установленія сіи должны быть всѣ равны между собою, ибо каждое изъ нихъ непосредственно подчиняется одной Державной власти.

---

[1]) Имя переводчика отмѣчено по-французски.
[2]) Имѣются, впрочемъ, еще указанія на Швейцарію и Испанію.
[3]) «Начала были послѣдуемы», «законъ исполнителенъ».

Чтобы выяснить, каковъ долженъ быть составъ Судебнаго Сената, Сперанскій выясняетъ, въ чемъ существо всякаго суда. „Судъ въ началѣ своемъ былъ не что другое, какъ третейскій разборъ и сіе существенное его свойство сохранилъ онъ даже и доселѣ. Основаніе всякаго суда и доселѣ суть двѣ стороны и одинъ посредникъ. Назначеніе сего посредника опредѣляется разнообразно. Въ государствахъ, гдѣ особенное знаніе правовѣдѣнія признано необходимымъ качествомъ судьи лица сіи назначаются Правительствомъ (преторы въ Римѣ, судьи въ Австріи, Пруссіи, Англіи, Швеціи). Въ государствахъ, гдѣ вмѣстѣ съ знаніемъ уважено и нравственное къ судьямъ довѣріе, они назначаются по выбору государственныхъ сословій, а правительство предоставляетъ себѣ надъ ними надзоръ иногда чрезъ президентовъ, иногда чрезъ прокуроровъ (Франція). Въ Россіи судьи прежде опредѣлялись отъ Правительства, а потомъ въ нижнихъ и среднихъ судебныхъ мѣстахъ допущенъ выборъ. По особенному свойству нашего правосудія, которое болѣе основано на добромъ смыслѣ, нежели на положительномъ ученіи, нѣтъ сомнѣнія, что сей послѣдній порядокъ предпочтительнѣе перваго. Судьи и по назначенію Правительства и по выборамъ должны по необходимости быть опредѣляемы изъ того же класса людей, къ какому въ гражданскомъ судѣ принадлежатъ стороны, а въ уголовномъ, къ какому принадлежитъ подсудимый, но въ семъ послѣднемъ случаѣ опредѣляется ихъ довѣріемъ, а въ первомъ дѣйствуетъ одна власть. Если правило сіе признано удобнымъ въ двухъ первыхъ инстанціяхъ суда, то не видно никакого основанія почему не слѣдовать сему и въ послѣдней инстанціи, яко важнѣйшей. Если бы Правительство имѣло въ распоряженіи своемъ извѣстный классъ людей, кои особенно посвятили себя наукѣ права, тогда было бы основаніе присвоить отдѣльно классу сему право суда въ высшей инстанціи; но какъ у насъ сего нѣтъ, то и должно допустить, чтобъ довѣріе сопровождало судью не только въ нижнихъ судебныхъ мѣстахъ, но и въ высшемъ судилищѣ, гдѣ рѣшится окончательно жребій каждаго. Симъ токмо образомъ можно доставить Сенату ту степень свободы, независимости и уваженія, которая должна принадлежать высшему въ Имперіи судебному сословію. Но такъ, какъ Сенатъ не только долженъ судить, но и управлять судами ему подчиненными, управленіе же во всѣхъ

его видахъ принадлежитъ Правительству, то и должно допустить въ составъ его извѣстное число сенаторовъ отъ Правительства опредѣляемыхъ.

Сообразно различію рода дѣлъ Судебный Сенатъ проектировалось раздѣлить на четыре департамента: первый для спорныхъ дѣлъ казенныхъ; второй для тяжебныхъ дѣлъ частныхъ; третій для дѣлъ уголовныхъ и четвертый, временный, для дѣлъ межевыхъ.

Дѣла тяжебныя и уголовныя поступаютъ въ Сенатъ въ трехъ видахъ: 1) въ видѣ аппелляціи или ревизіи, 2) въ видѣ жалобъ на неправильное производство и 3) въ видѣ жалобъ на неправильное исполненіе рѣшеній. Между аппелляціонными дѣлами двухъ другихъ категорій существенная разница. Дѣло аппелляціонное или ревизіонное требуетъ совсѣмъ другихъ формъ въ производствѣ, нежели дѣла по жалобамъ на неправильное производство или неисполненіе рѣшенія. Только ревизіонныя и аппелляціонныя дѣла суть собственно судныя. Разборъ жалобъ на неправильность производства и неисполненія составляютъ дѣла управленія судами такъ, какъ разрѣшеніе ихъ совершается только указами подчиненнымъ мѣстамъ, какимъ образомъ въ данномъ случаѣ должны они производить судъ. Сообразно этому, различія суда и управленія судомъ, Сперанскій предполагалъ раздѣлить каждый департаментъ на два соотвѣтствующія отдѣленія. Это отнесеніе жалобъ на неправильность судебнаго дѣлопроизводства къ управленію могло явиться у Сперанскаго только вслѣдствіе совершеннаго его невѣдѣнія кассаціоннаго производства, имѣющаго, конечно, судебный характеръ.

Кромѣ того, въ виду пространства Имперіи, предполагалось ввести еще раздѣленіе Сената по губерніямъ, что, по мнѣнію Сперанскаго, до сихъ поръ не могло быть сдѣлано въ силу смѣшенія воедино функцій суда и управленія судомъ. Сенатъ долженъ былъ быть установленъ въ четырехъ наиболѣе центральныхъ пунктахъ Имперіи, т. е. въ обѣихъ столицахъ, то-есть въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ и Кіевѣ и Казани, въ каждомъ изъ сихъ мѣстъ раздѣляясь на три департамента, кромѣ С.-Петербурга, гдѣ долженъ быть временно еще четвертый, межевой департаментъ.

Въ существовавшемъ тогда порядкѣ сенатскаго дѣлопроизводства Сперанскій усматривалъ не мало существенныхъ недостатковъ: отсутствіе въ общемъ собраніи и въ

департаментахъ председателей, смешеніе собственно судебныхъ делъ и делъ судебнаго управленія, но особенное значеніе придавалъ онъ смешенію въ немъ обряда съ судомъ и безпредельности обжалованія решеній.

По его словамъ, въ тогдашнемъ порядке делопроизводства большая часть делъ, коими занимался Сенатъ, были дела канцелярскія, такъ что онъ занятъ былъ более канцелярскимъ производствомъ, нежели самымъ сужденіемъ: „Всякая бумага въ Сенатъ входящая, вносится въ докладный реестръ и докладывается Сенату. Какая резолюція? Весьма часто: справясь доложить, или пріобщить къ делу, какъ будто оберъ-секретарь или оберъ-прокуроръ не могутъ сами знать, что должно справясь доложить или пріобщить къ делу. Сіи резолюціи могли бы быть даны одинъ разъ навсегда, какъ общее правило. Между темъ бумаги эти вносятся въ журналъ заседанія Сената, резолюція сія подписывается всеми сенаторами, пропускается оберъ-прокуроромъ, вносится въ меморію къ генералъ-прокурору и каждую неделю въ Государю, какъ будто весьма нужно знать Его Величеству, что по такой-то бумаге велено въ Сенатъ справясь доложить. Такимъ образомъ дело идетъ и наполняясь сведеніями и справками приготовляется къ докладу. Въ семъ теченіи его, часто продолжительномъ, непременно Сенатъ, генералъ-прокуроръ и самъ Государь обязаны знать каждый шагъ дела, каждую черту, которая къ нему приписана. Наконецъ, оно приспело къ решенію. Здесь составляется выписка; въ ней повторяется то же самое, что Сенатъ столько разъ уже въ подробности слышалъ, и чего однако же припомнить онъ никакъ не можетъ. Какимъ образомъ составляется эта выписка? Если дело апелляціонное, то обыкновенно берется экстрактъ гражданской палаты и къ нему присовокупляется выписка изъ просьбъ апелляціонной и другихъ последующихъ сведеній. Если бы секретарь и могъ и хотелъ составить выписку лучше и короче, онъ обязанъ сего не делать, потому что каждое упущеніе обстоятельства сколько бы оно ни было маловажно и чуждо поставлено будетъ ему въ вину или нераденіе. И такимъ-то образомъ составляются сіи огромныя и неудобопонятыя экстракты подъ тяжестію коихъ самое сильное вниманіе должно преломиться. Излишне было бы замечать сколько сіе мелочное канцелярское производство унижаетъ важность верховнаго судилища, сколько

покрываетъ оно канцелярскихъ неправильностей и мелкихъ пристрастій, кои всѣ именемъ его и подъ его резолюціями допускаются. Нѣтъ достоинства, которое бы не потерялось, занимаясь мелочами".

Не меньшее зло безпредѣльность обжалованій рѣшеній. Вотъ какую картину рисуетъ Сперанскій: „Дѣло пройдя всѣ инстанціи губернскія, бывъ произведено и потомъ снова прослушано Сенатомъ, наконецъ достигло рѣшенія. Сенатъ бывъ непосредственнымъ органомъ верховнаго правосудія именемъ закона и Государя полагаетъ свое опредѣленіе. Но въ сіе время является одинъ голосъ съ рѣшеніемъ несогласный, является сомнѣніе отъ оберъ-прокурора и рѣшеніе Сената не имѣетъ силы. Дѣло переходитъ въ общее собраніе и въ Сенатѣ рождается на самый Сенатъ новая инстанція. Замѣтить, что сія удобность переводить дѣла въ общее собраніе простерлась до того, что большая ихъ часть принимаетъ сіе направленіе. Какъ бы то ни было дѣло переходитъ въ общее собраніе, а истецъ и отвѣтчикъ отправляются во свояси ожидать его очереди. Настала очередь; дѣло давно уже всѣми забытое возстаетъ и представляется Сенату. Какія основанія есть предполагать, что рѣшеніе общаго собранія будетъ правильнѣе? Ежели 50 человѣкъ должны рѣшить безпристрастнѣе, нежели семь, то сто, двѣсти человѣкъ еще рѣшатъ справедливѣе и гдѣ же остановиться? Можно бы даже вопросить, какимъ образомъ 50 человѣкъ могутъ рѣшить дѣло: тутъ необходимо и большею частью должно быть разногласіе; но если разногласіе одного члена или прокурора въ департаментѣ признано достаточнымъ для перехода дѣла въ общее собраніе, то разногласіе пяти или десяти членовъ должно привести къ тому же самому заключенію, слѣдовательно на общее собраніе должна еще установлена ревизія. Въ самомъ дѣлѣ ревизія сія и установлена, но въ другомъ уже видѣ. Рѣшеніе цѣлаго общаго собранія отсылается по жалобѣ сторонъ на ревизію одного Рекетмейстера. Такимъ образомъ при переходѣ дѣла изъ департамента въ общее собраніе предполагалось, что 50 лучше разсудятъ нежели семь; а потомъ когда и 50 положили уже рѣшеніе, то предполагается снова, что одинъ человѣкъ разсудитъ еще лучше. Но и здѣсь еще не конецъ сему безпредѣльному круженію. Мнѣніе Рекетмейстера вносится въ „Совѣтъ". По новому учрежденію Совѣта, замѣчаетъ Сперанскій, жалобы на общее собраніе Сената не

пріемлются, но дѣло, однако же, по разногласію можетъ поступить въ Совѣтъ.

„Инстанцій у насъ семь, а рѣшить можетъ окончательно одна Самодержавная власть. Если какое-нибудь воспріяло свое окончаніе, не пройдя всѣхъ инстанцій и безъ Высочайшаго рѣшительнаго указа, то сіе могло случиться только или по кончинѣ тяжущихся или по нерадѣнію ихъ или, наконецъ, потому, что имъ наскучило тягаться“.

Какимъ образомъ, спрашиваетъ Сперанскій, высшій судъ можетъ сохранить свойственное ему достоинство, когда рѣшенія его подлежатъ столь многимъ пересудамъ? Свойство всѣхъ высшихъ судовъ (cours souveraines) есть право рѣшать всѣ дѣла безъ аппелляціи. Одно изъятіе, которое можно здѣсь установить, относится къ дѣламъ уголовнымъ. Высокое преимущество прощать и миловать неотъемлемо принадлежитъ Державной власти.

Сперанскій предполагалъ сохранить требованіе единогласія только въ отдѣленіяхъ. Рѣшенія же департаментовъ во всѣхъ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлахъ должны постановляться по большинству голосовъ. Изъ сего изъемлются только: 1) дѣла, въ коихъ отсутствуетъ казенная собственность: они за несогласіемъ подлежащаго министра переносятся въ Совѣтъ и 2) уголовные приговоры, гдѣ дворянинъ присуждается къ лишенію жизни или чести всѣ безъ изъятія рѣшаются въ Общемъ собраніи и утверждаются Верховною Властью.

Ограниченіе дѣятельности Сената одною только судебною функціей вызывало, однако, на это столь сильное противодѣйствіе со стороны представителей консервативнаго направленія, что Сперанскій былъ вынужденъ отказаться отъ этой мысли и съ видоизмѣненіемъ своего проекта въ смыслѣ раздѣленія Сената на Правительствующій и Судебный.

Въ составленномъ къ этому новому проекту Введеніи онъ попрежнему кладетъ въ основу начало раздѣленія властей законодательной, судной и исполнительной. Невозможность ихъ соединенія въ одномъ сословіи. Невозможнымъ признаетъ онъ также, чтобы власть законодательная принадлежала Сенату, такъ, какъ она принадлежитъ непосредственно Государю въ его Совѣтѣ. Но даже, если бы въ какой-либо эпохѣ бытія нашей Имперіи и можно было предполагать необходимость установить особенное законодательное сословіе на началахъ общему довѣрію болѣе свойственныхъ, то уста-

новленіе сіе не можетъ быть вмѣщено въ Сенатѣ. Для сего надлежало бы перемѣнить совершенно все его устройство и превратить самыя первоначальныя понятія его учрежденія. Сенатъ учрежденъ для того, чтобы быть средоточіемъ верховнаго суда и исполненія. Сто лѣтъ Россія видѣла въ немъ сіи свойства. Всѣ формы внутренняго и внѣшняго его устройства приспособлены къ сему званію. Никогда не имѣлъ онъ власти законодательной. Слѣдовательно изъ судебнаго и исполнительнаго сословія преобразить его въ сословіе законодательное было бы сохранить только одно имя, превративъ совершенно все существо первоначальнаго его установленія. Правда, что въ другихъ государствахъ Сенатъ въ кругѣ его дѣйствія не рѣдко вмѣщалъ власть законодательную. Таковъ былъ Сенатъ въ Римѣ, въ Венеціи, въ Швеціи, нынѣ есть во Франціи. Но установленія его были и суть сословія совершенно политическія, съ нашимъ Сенатомъ они сходствуютъ только именемъ. Если уваживъ одно сіе сходство превратить Сенатъ въ законодательное сословіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ должно учредить другія два совсѣмъ новыя установленія, изъ коихъ одно должно быть средоточіемъ верховнаго суда, а другое верховнаго исполненія, ибо еще разъ примѣтить должно, три сіи установленія ни въ какомъ случаѣ ни въ какомъ государствѣ благоустроенномъ не могутъ быть соединяемы во едино. Но время ли помышлять нынѣ въ Россіи о законодательномъ сословіи въ истинномъ его разумѣ, нынѣ въ трудномъ положеніи финансовъ, въ трудныхъ сопряженіяхъ политическихъ и въ совершенномъ недостаткѣ всякаго рода положительныхъ законовъ и учрежденій? Когда же время сіе настанетъ, когда не прихотьми уновленія или подражанія, но силою и движеніемъ обстоятельствъ Имперія наша придетъ въ сію эпоху, тогда какъ всѣ стихіи установленія сего будутъ готовы, трудно ли будетъ приложить имъ приличное имя? И должно ли нынѣ въ неопредѣленномъ ожиданіи сей эпохи оставлять настоящее устройство Сената въ его безсиліи и смѣшеніи единственно для того, чтобъ сберечь и сохранить имя его для другаго установленія? Изъ сего слѣдуетъ, что изъ трехъ силъ государственныхъ, законодательная ни въ какомъ случаѣ или предположеніи не можетъ принадлежать Сенату.

Затѣмъ Сперанскій попрежнему утверждаетъ, что „*править* и *судить* два предмета въ дѣйствіи своемъ различ-

ные". Если власть управляющая судиться сама съ частными лицами въ укоризну всѣхъ коренныхъ началъ правосудія, она представляетъ вмѣстѣ и истца и судью. Къ тому же и власть управляющая непосредственно истекаетъ изъ власти державной, она вся должна быть въ рукахъ правительства. Власть судебная хотя происходитъ первоначально изъ того же источника, но въ дѣйствіи своемъ она пріемлетъ формы свойственныя общему довѣрію. Такимъ образомъ, Сперанскій и въ этой новой передѣлкѣ своего „Введенія" къ образованію Сената все находитъ, „что безъ крайняго смѣшенія всѣхъ понятій нельзя присвоить одному и тому же установленію власть управляющую и власть судную совокупно. Но затѣмъ ставитъ вопросъ: если Сенатъ долженъ быть установленіемъ судебнымъ, то гдѣ будетъ сосредоточіе власти. Но затѣмъ ставитъ вопросъ, гдѣ будетъ сосредоточіе исполнительной власти. Оно не можетъ быть въ самихъ министерствахъ, каждое изъ нихъ занимается своею особенною частью. Между нельзя допустить десять разныхъ управленій дѣйствующихъ по разнымъ направленіямъ и нигдѣ не соединимыхъ. Въ законодательномъ отношеніи сосредотеченіе министерствъ Государственный Совѣтъ. Въ порядкѣ исполнительномъ отношеніе сосредоточія ихъ вмѣщается въ трехъ установленіяхъ: 1) въ Сенатѣ, 2) въ министерскомъ комитетѣ, въ непосредственномъ докладѣ и министровъ (въ Кабинетѣ Его Величества) [1]). Всѣ установленія никакой связи между собой не имѣютъ. Между тѣмъ ихъ общій предметъ, одинъ и тотъ же порядокъ, въ главныхъ своихъ отношеніяхъ единый. Но когда нѣтъ единства въ этихъ установленіяхъ, какъ можетъ быть достигнуто единство въ управленіи? Однако тѣмъ и единство это необходимо. Надо поэтому учредить новое установленіе и какое дать ему прилично наименованіе? Для рѣшенія этого вопроса надо выяснить нельзя ли существующія установленія соединить въ одно цѣлое. Первоначально въ самомъ Сенатѣ подносились Государю доклады и онъ разрѣшалъ ихъ. Это измѣнилось не закономъ, но обычаемъ. Отсутствіе Государей, война и разныя личныя положенія отдѣлили въ Сенатѣ докладъ и разсмотрѣніе и сужденіе дѣлъ. Такъ получилось раздвоеніе Сената и Кабинета, но до кончины Екатерины между ними сохранялась связь и единеніе. Рѣдко и то только случайно кол-

[1]) Зачеркнуто.

легія могла обходить Сенатъ и непосредственно подносить свои доклады Государю. Съ 1796 года дѣла восприяли другой ходъ. Медленность сенатскихъ формъ послужила предлогомъ всѣмъ мѣстамъ отдѣлиться отъ прежняго средоточія и принять непосредственный и отдѣльный ходъ. Правда, доклады шли къ Государю чрезъ генералъ-прокурора, кромѣ докладовъ государственнаго казначея и министра коммерціи, но и ген.-прокуроръ подносилъ доклады, больше какъ директоръ всѣхъ частей управленія, нежели какъ охранитель законовъ, дѣйствующій въ Сенатѣ и чрезъ Сенатъ. При такомъ безпорядкѣ причины самыя настоятельныя и очевидныя побудили учредить министерства. При этомъ естественно представился вопросъ, въ какомъ отношеніи они должны быть къ Сенату? Должны ли всѣ ихъ доклады идти черезъ Сенатъ? Но это очень замедлило бы управленіе. Должны всѣ ихъ доклады быть представляемы непосредственно? Но тогда Сенатъ былъ бы совсѣмъ устраненъ отъ дѣлъ управленія и разстроилась бы всякая связь между разными частями управленія. Поэтому были установлены двѣ формы доклада: личный и въ Комитетѣ. Изъ этого ясно, что всѣ эти три установленія: личный докладъ, докладъ въ Комитетѣ и докладъ черезъ Сенатъ, происходя изъ одного источника и направляясь къ одной цѣли могутъ составить одно цѣлое. Принимая во вниманіе первоначальный составъ Сената и столѣтній навыкъ уваженія имъ пріобрѣтеннаго, слѣдовало бы это общее сосредоточіе управленія назвать Правительствующимъ Сенатомъ, придавъ судебнымъ его департаментамъ наименованіе Судебнаго Сената".

Обосновавъ такимъ образомъ существованіе двухъ Сенатовъ, Сперанскій стремится такъ устроить Сенатъ Правительствующій, чтобы онъ включилъ въ себя и личный докладъ и Комитетъ Министровъ.

Все, что превышаетъ степень и предѣлы отдѣльныхъ министровъ, представляется на высшее разрѣшеніе. Въ предметахъ законодательныхъ разрѣшеніе принадлежитъ Державной власти, дѣйствующей въ Государственномъ Совѣтѣ.— Въ предметахъ управленія разрѣшеніе принадлежитъ Державной власти, дѣйствующей въ Правительствующемъ Сенатѣ.

Дѣла управленія, превышающія: власть отдѣльныхъ министровъ, Сперанскій дѣлилъ на три разряда: 1) дѣла общія

всѣмъ министрамъ, напр., обнародованіе законовъ; 2) дѣла, рѣшеніе которыхъ присвоено Сенату, напр., утвержденіе торговъ на большія суммы, опредѣленіе къ высшимъ должностямъ, производство въ чины и 3) дѣла, требующія Высочайшаго разрѣшенія.—Дѣла двухъ первыхъ разрядовъ легко могутъ быть вмѣщены въ одно установленіе: въ теченіи цѣлаго вѣка они производились въ Сенатѣ. — Соединеніе въ томъ же установленіи представляетъ трудности, происходящія не отъ самаго ихъ предмета, но отъ степени власти, потребной для ихъ разрѣшенія. Еслибы въ Сенатѣ можно было предполагать всегдашнее присутствіе Державной Власти, тогда сей третій родъ дѣлъ получалъ тутъ же свое окончаніе. Но присутствіе такое невозможно. Слѣдовательно вопросъ въ томъ, чѣмъ замѣнить сіе личное присутствіе. Неудобство представленія всѣхъ докладовъ чрезъ одно лицо, какъ это было до 1791 года, доказано уже на опытѣ. Гораздо удобнѣе, чтобы каждый министръ по своей части подносилъ доклады въ общемъ и совокупномъ ихъ присутствіи. Въ семъ порядкѣ каждый имѣлъ бы свободу изложить дѣло въ полнотѣ его и защищать мѣру имъ предлагаемую между тѣмъ, какъ другіе министры сужденіемъ своимъ содѣйствовали бы ему, или остерегали бы его.

Но собраніе министровъ для обсужденія предметовъ управленія, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія, и есть именно то, что нынѣ называется Комитетомъ Министровъ. Если же Комитетъ замѣнить особеннымъ засѣданіемъ Сената въ присутствіи Государя, тогда Комитетъ съ Правительствующимъ Сенатомъ соединятся въ одно цѣлое, и Правительствующій Сенатъ, состоящій изъ министровъ, будетъ имѣть два рода собраній: одни собранія для дѣлъ, рѣшаемыхъ его собственной властью безъ присутствія Государя изъ однихъ министровъ подъ предсѣдательствомъ президента Сената; другія для дѣлъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія подъ предсѣдательствомъ Государя. Дѣла управленія получатъ тогда общую связь и лучшія движеніе и развитіе. Сама Державная Власть будетъ симъ установленіемъ ограждена отъ множества дѣлъ съ положеніемъ и достоинствомъ ея несовмѣстныхъ.

Но сюда, конечно, не могутъ входить дѣла тайнѣ принадлежащія и чрезвычайныя; они не могутъ поступать на соображеніе всего Сената, для нихъ требуется установленіе особаго учрежденія—Кабинета Императора.

Такимъ образомъ за исключеніемъ дѣлъ чрезвычайныхъ и тайнѣ подлежащихъ всѣ установленія, вѣдающія дѣла управленія нынѣ существующія, войдутъ въ составъ Правительствующаго Сената. Онъ будетъ имѣть два рода собраній: 1) собранія обыкновенныя для рѣшенія дѣлъ, рѣшеніе коихъ зависитъ отъ власти Правительствующаго Сената и обсуждаются безъ присутствія Государя и 2) собранія особенныя для доклада Государю дѣлъ, требующихъ Высочайшаго разрѣшенія съ его присутствіемъ.

Согласно всѣмъ этимъ соображеніямъ, Сперанскій составилъ проектъ учрежденія Правительствующаго Сената, начинавшійся съ „Коренныхъ законовъ Правительствующаго Сената“, постановлявшихъ, что Сенатъ есть верховное сословіе управленія въ Имперіи, именемъ державной власти дѣйствующее посредствомъ министровъ и главныхъ начальствъ на всѣ части управленія и охраняющее силу и порядокъ исполненія. Сенату ввѣряется храненіе государственной печати и обнародываніе законовъ, уставовъ и учрежденій. Все, что въ порядкѣ управленія превышаетъ предѣлъ власти министровъ, представляется на разрѣшеніе Сената. Сенатъ разрѣшаетъ и управляетъ по законамъ. Гдѣ законы къ разрѣшенію дѣлъ недостаточны, Сенатъ представляетъ дѣла на Высочайшее усмотрѣніе.

Предсѣдательствуетъ Императоръ; въ отсутствіе его государственный канцлеръ по его званію, яко хранитель государственной печати, а въ отсутствіе канцлера—временный предсѣдатель по особому Высочайшему назначенію. Составляется Сенатъ изъ министровъ, ихъ товарищей и главныхъ начальниковъ разныхъ частей управленія, при чемъ подъ именемъ министровъ разумѣются какъ тѣ лица, коимъ ввѣрено управленіе опредѣленной какой-либо частью, такъ и тѣ, кои получаютъ сіе званіе безъ назначенія имъ управленія особенной частью.

Собранія Сената бываютъ двоякаго рода: въ однихъ предлагаются общія дѣла исполнительныя, коихъ рѣшеніе принадлежитъ Сенату. Въ другихъ предлагаются особенныя дѣла исполнительныя, зависящія непосредственно отъ Высочайшаго рѣшенія.

Къ общимъ исполнительнымъ дѣламъ относятся: 1) дѣла, превышающія власть отдѣльныхъ министровъ, но не требующія новаго закона или Высочайшаго разрѣшенія, вносимыя отъ министерствъ: когда въ образѣ исполненія встрѣ-

тятся недоумѣнія или затрудненія, коихъ разрѣшеніе, не предполагая новаго закона, зависитъ не отъ одного министерства, но отъ общаго содѣйствія другихъ; когда между разными частями управленія произойдетъ сомнѣніе о точной принадлежности самого предмета исполненія; когда принятіе какой-либо мѣры по одной части будетъ преграждаемо въ другой предписаніями противными или бездѣйствіемъ; когда признано будетъ нужнымъ усилить исполненіе принятыхъ мѣръ принужденіемъ штрафами и взысканіями; когда предстанетъ нужда сдѣлать общее (циркулярное) предписаніе, когда надо собрать свѣдѣнія по нѣсколькимъ министерствамъ; торги на знатныя суммы; и измѣненіе ихъ общаго обряда; а также разрѣшеніе по спорамъ, ими вызываемымъ, 2) обнародованіе законовъ и 3) охраненіе и удостовѣреніе правъ и преимуществъ, присвоенныхъ разнымъ состояніямъ.

Для производства дѣлъ въ Сенатѣ полагаются статсъ-секретари, ихъ помощники и канцелярія. Для общей связи дѣлъ надзоръ надъ производствомъ поручается одному изъ министровъ по Высочайшему назначенію погодно.

Дѣла вступаютъ въ Сенатъ въ видѣ: 1) Высочайшихъ манифестовъ, указовъ, повелѣній, 2) представленій отъ министровъ и 3) жалобъ частныхъ лицъ на начальства, Сенату подчиненныя.

Дѣла докладываются въ подлинникѣ статсъ-секретарями, не по очереди поступленія, а по степени настоятельности и важности, опредѣляемой предсѣдателемъ Сената. Министръ, завѣдующій производствомъ, своею властью безъ доклада Сенату возвращаетъ дѣла, рѣшеніе которыхъ не зависитъ отъ Сената.

Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ.

Отсутствіе министра не прерываетъ теченія и рѣшенія дѣлъ по части его предлагаемыхъ.

На рубежѣ XIX вѣка [1].

Мощное общественное движеніе, которое въ концѣ прошлаго вѣка преобразовало Францію, также какъ и большую часть европейскаго материка, мы называемъ просто французской революціей безъ всякихъ дальнѣйшихъ опредѣленій. Оно не было революціей только политической, простымъ государственнымъ переворотомъ, какъ революція въ Англіи и Сѣверной Америкѣ; оно по самой сущности своей было преобразованіемъ соціальнымъ. Могучее дѣйствіе этого великаго переворота еще и теперь чувствуется на каждомъ шагу. Онъ наново перестроилъ общество, демократизировалъ его. Поэтому его нельзя ставить на-ряду съ позднѣйшими революціями во Франціи, которыя являются почти только простыми государственными переворотами и могутъ быть названы революціями лишь въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Старая Франція, общественное состояніе которой произвело этотъ грандіозный переворотъ новаго времени,—можетъ быть, грандіознѣйшій изъ всѣхъ переворотовъ всѣхъ временъ, —была очень сложнымъ строеніемъ. Пьедесталомъ, поддерживавшимъ все зданіе, служила громадная масса народа, которую во время революціи называли *третьимъ сословіемъ*. Это понятіе—въ общественномъ отношеніи—обнимало собою

---

[1]) Подъ этой рубрикой мы предполагаемъ помѣщать какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи, дающія общій взглядъ на положенія вещей въ Зап. Европѣ сто лѣтъ тому назадъ, что, въ виду кануна *новаго вѣка*, едва-ли не пріобрѣтаетъ особый интересъ. *Ред.*

все, что только несло государственныя и общественныя тяготы: горожанъ, рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ и крѣпостныхъ. На этомъ широкомъ и глубокомъ фундаментѣ возвышалась огромная надстройка господствующихъ классовъ, та причудливая масса феодальныхъ, іерархическихъ и аристократическихъ привилегій, которая заканчивалась абсолютной монархіей, увѣнчивавшей все зданіе. Тронъ короля стоялъ наверху всего государства и общества.

Народъ, погруженный въ глубокій умственный мракъ, несъ на своихъ плечахъ эту надстройку въ теченіе многихъ вѣковъ. Наверху привыкли къ такому порядку вещей. Надстройка привилегій становилась все разнообразнѣе; все большимъ гнетомъ ложилась она на массы народа, для котораго борьба за существованіе стала подъ конецъ въ крайней степени трудной. Восемнадцатый вѣкъ, столь богатый новыми идеями, нѣсколько разсѣялъ этотъ мракъ. Мысль о возможности избавленія проложила себѣ дорогу. Но гнетъ все еще возрасталъ, пока онъ не достигъ послѣднихъ предѣловъ возможности и не натолкнулся, наконецъ, на противодѣйствіе. Теперь нуженъ былъ только внѣшній толчекъ, чтобы вызвать переворотъ всего общественнаго строя. Толчокъ этотъ былъ данъ—и мгновенно разверзлись глубокія пучины общества; все, что было внизу, быстро поднялось наверхъ; все, стоявшее вверху, быстро погрузилось, точно низверглось, въ бездонную пропасть. Со страшнымъ трескомъ и шумомъ рухнуло все сооруженіе, и развалины его исчезли въ пучинѣ революціи. Изъ дикаго, хаотическаго водоворота, среди бурь и страданій, возникло новое общество.

* * *

Въ царствованіе Людовиковъ, Франція стала абсолютной монархіей. Пресловутое изреченіе Людовика XIV: „государство — это я!“ вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности. Все, что могло оказывать хоть малѣйшее противодѣйствіе королевской власти, было сокрушено. Никакой государственной конституціи не было; абсолютизмъ путемъ своего происхожденія и развитія выработался въ „историческое право“. Было, впрочемъ, одно, само по себѣ незначительное, ограниченіе королевской власти, которое впослѣдствіи должно было имѣть роковое значеніе: это было право верховныхъ судебныхъ учрежденій, парламентовъ, вносить королевскіе

эдикты въ своя регистры и этимъ давать имъ силу закона. Если парламенты, опираясь на это традиціонное право, отказывались внести въ регистры королевскій эдиктъ и, такимъ образомъ, отрицали его законность, король самъ являлся въ парламентъ, который долженъ былъ обсуждать дѣло и голосовать въ его присутствіи. Это называлось королевскимъ засѣданіемъ. Если оно не достигало своей цѣли, — король являлся вторично во всѣхъ регаліяхъ, со всѣми знаками своего достоинства, при чемъ онъ возсѣдалъ на пяти подушкахъ. Это называлось засѣданіемъ „на подушкахъ". Теперь уже не было никакого обсужденія; все погружалось въ глубокое молчаніе. Принималъ ли парламентъ въ голосованіи королевскій эдиктъ, или отклонялъ его, — теперь было безразлично: король приказывалъ внести его въ регистры, при чемъ лишь прибавлялись слова: „по указу короля". Иногда, именно при введеніи новыхъ налоговъ, дѣло доходило до упорной борьбы между королемъ и парламентами, которая, впрочемъ, постоянно оканчивалась побѣдой королевской власти. Парламенты были популярнѣе, чѣмъ они этого заслуживали: они состояли изъ представителей привилегированныхъ и, разумѣется, старались защищать ихъ интересы. Но угнетенному народу по душѣ было всякое противодѣйствіе верховной власти,—противодѣйствіе, иногда направленное, какъ мы увидимъ ниже, даже во вредъ народу.

Людовикъ XIV вполнѣ возстановилъ абсолютную власть и пользовался ею въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Государственные доходы должны были дать ему средства для того, чтобы сдѣлать его дворъ самымъ блестящимъ и роскошнымъ въ Европѣ; его продолжительныя войны, стоившія громадныхъ денегъ, совершенно истощили страну, не доставивъ ей ни малѣйшихъ выгодъ. Въ его царствованіе началось то господство женщинъ при дворѣ, которое лишило Францію всякаго уваженія за границей и причинило ей невыразимыя бѣдствія. Можно сказать, что Франція болѣе пятидесяти лѣтъ управлялась по прихотямъ куртизанокъ, и направленіе политики мѣнялось, смотря по тому, предавались ли эти куртизанки ханжеству, или разврату. Всѣ должны были гнуть шею въ угоду разнымъ Мэнтенонъ, Помпадуръ, Дюбарри, которыя могли свергать правительства, если только имъ не нравились поклоны первыхъ министровъ. Послѣ Людовика XIV наступило распутное регентство герцога Орлеанскаго, при которомъ управленіе превратилось въ бир-

жевую спекуляцію и, вслѣдствіе мошенническихъ финансовыхъ операцій пресловутаго Ло, привело къ полному банкротству государства. Въ царствованіе Людовика XIV безнравственность дошла до крайнихъ предѣловъ, и государственные доходы расточались на разныхъ фаворитовъ и куртизанокъ самымъ безумнымъ образомъ. Мы не станемъ описывать знаменитаго сераля, такъ называемаго „парка оленей“, который устроила для короля его отцвѣтшая любовница, Помпадуръ, чтобы сохранить его расположеніе. Самаго глубокаго нравственнаго паденія правленіе Людовика XIV достигло тогда, когда въ послѣдніе годы царствованія этого короля имъ овладѣла развратная Дюбарри и до самой смерти его оказывала большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Между тѣмъ все велись неудачныя войны; народные тяготы и налоги возвышались, и масса народа впадала все въ большую нищету. Государственная колесница уже увязла въ столь глубокой трясинѣ, что вывезти ее на торную дорогу могла лишь желѣзная рука такого правительства, которое бы располагало необыкновенными талантами и необыкновенной просвѣщенностью. Но послѣ развратнаго Людовика XV на престолъ вступилъ добродѣтельный, но очень ограниченный и слабый Людовикъ XVI, будто нарочно брошенный ироніей всемірной исторіи въ бурю революціи лишь для того, чтобы она смела его.

Уже передъ смертью Людовика XV были люди, предвидѣвшіе близкій и неизбѣжный взрывъ и предупреждавшіе привилегированныхъ, что они пируютъ на вулканѣ. Но кто же сталъ бы обращать на нихъ вниманіе? Привилегированными сословіями были дворянство и духовенство. По ихъ взглядамъ, выработаннымъ у нихъ исторіей, третье сословіе, обнимавшее собою все—отъ горожанина и рабочаго до крестьянина и крѣпостнаго, имѣло лишь одно назначеніе: доставлять средства на содержаніе привилегированныхъ сословій. Юридически среди государственныхъ чиновъ третьимъ сословіемъ считались лишь тѣ горожане, которые вели самостоятельныя дѣла и, слѣдовательно, были независимы отъ феодальныхъ господъ; но терминологія революціи именемъ третьяго сословія обозначала всѣ указанные нами элементы.

Посмотримъ ближе, каковы были эти три сословія Франціи.

* * *

Еще до Карла Великаго церкви, т. е. *духовенству* принадлежала уже цѣлая треть всей земли во Франціи. Это послужило почвой, на которой сила, богатство и вліяніе церкви, а также и численность духовенства разрослись до невѣроятныхъ размѣровъ. Организація церкви, точно сѣть изъ мелкихъ петель, покрыла и опутала Францію.

Полагаютъ, что передъ революціей духовенство владѣло во Франціи пятой частью всей земли, которая приносила ему до ста милліоновъ дохода. Десятина давала до 23 милліоновъ. Во Франціи было 2.800 прелатовъ и генеральныхъ викаріевъ, 5.600 канониковъ и 60.000 приходскихъ и викарныхъ священниковъ. Въ монастыряхъ жило 24.000 монаховъ и 36.000 монахинь. Эта огромная организація, точно паутина, раскинулась по всей странѣ; третье сословіе — горожане и крестьяне — должны были содержать ее посредствомъ уплаты разнообразныхъ поборовъ. При этомъ духовенство было свободно отъ налоговъ; оно пріобрѣло „историческое право“ подвергать себя самообложенію только во времена особенныхъ бѣдствій и, такимъ образомъ, давало государству, въ видѣ подарка, такъ называемый добровольный даръ, который, замѣтимъ мимоходомъ, никогда не превышалъ 16 милліоновъ.

Среди духовенства, какъ всегда, процвѣтали теологическіе споры и преслѣдованія „еретическихъ мнѣній“. Но значительное число сановниковъ церкви представляли собой такое явленіе, которое стояло въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ ученіемъ христіанства. Иные князья церкви на доходы, получаемые ими отъ государства, церкви и народа, вели крайне роскошную и распутную жизнь. Зараженные нѣсколько радикальной философіей восемнадцатаго вѣка, они смѣялись надъ церковью, папой, религіей, глупостью вѣрующихъ, а иногда даже играли въ атеизмъ. О приближающейся революціи они говорили, какъ объ интересномъ приключеніи. Они съ большимъ удовольствіемъ читали сатиры на религію, духовенство и церковь, хотя и дѣлали все, зависѣвшее отъ нихъ, для преслѣдованія вольнодумныхъ писателей. Они раздѣляли старое мнѣніе, встрѣчающееся всегда у защитниковъ привилегій, что религія хороша и необходима для бѣдняковъ, которымъ приходится ожидать награды на небѣ за всѣ земныя бѣдствія; но для человѣка образованнаго и просвѣщеннаго она лишь внѣшняя форма, а церковь лишь общественное учрежденіе.

Отвращеніе къ этимъ своевольнымъ сановникамъ церкви и ихъ лицемѣрію, сказавшееся скоро во всей силѣ, поддерживалось духовнымъ пролетаріатомъ. Низшій клиръ не имѣлъ части въ огромныхъ доходахъ церкви. Доходъ приходскихъ священниковъ колебался между 500 и 2.000 франковъ, изъ которыхъ они еще должны были вносить до 100 франковъ для такъ называемаго добровольнаго дара церкви государству. Этотъ духовный пролетаріатъ склонялся къ новымъ идеямъ вѣка, и его печальное положеніе объясняетъ, отчего столь многихъ членовъ низшаго духовенства мы находимъ на сторонѣ революціи.

Церковь, какъ всегда, имѣла много благотворительныхъ учрежденій, оказывавшихъ поддержку бѣднымъ. Такія учрежденія называли достояніемъ бѣдныхъ. Это названіе причинило много зла во время революціи: лицемѣрное духовенство распространило его на все имущество церкви и, когда впослѣдствіи церковныя имѣнія были конфискованы, подняло крикъ, что этимъ отнимаютъ у бѣдныхъ ихъ достояніе. Многіе легковѣрные бѣдняки повѣрили духовенству, и вслѣдствіе этого погибъ не одинъ революціонеръ.

* * *

Французское *дворянство* было передъ революціей очень многочисленно, но точныхъ свѣдѣній о его числѣ не имѣется. Дворянъ и духовныхъ вмѣстѣ насчитывали 270.000 душъ, при чемъ надо имѣть въ виду, что обѣ эти категоріи часто переходятъ одна на другую, такъ какъ всѣ высшія, вліятельныя и доходныя мѣста въ церкви король обыкновенно раздавалъ, въ видѣ пожалованій, дворянамъ. По одному исчисленію, которое кажется намъ вѣрнымъ, число дворянъ передъ самымъ взрывомъ революціи доходило до 140.000 душъ, составлявшихъ около 30.000 семействъ.

Послѣ того, какъ сила дворянства была надломлена въ войнахъ фронды, этотъ классъ опускался все ниже и ниже и сталъ, наконецъ, лишь смѣшной каррикатурой грубаго, но сильнаго рыцарства былыхъ временъ. Уже большой рѣдкостью стали гордые феодалы стараго времени, которые хотя и строго охраняли привилегіи своей касты, но все же стояли на высотѣ образованія своего времени и были въ патріархальныхъ отношеніяхъ со своими подчиненными. Помѣстное дворянство обѣднѣло и огрубѣло; особенно многочисленно

было, такъ называемое, захолустное дворянство. Захолустные дворяне, исполненные самаго глупаго высокомѣрія, лишенные всякаго образованія, относились съ величайшей ненавистью къ бюрократамъ, которыхъ они называли „писарями“. Среди дворянства того времени различаютъ: дворянство придворное, — должностное, засѣдавшее въ парламентахъ, — и помѣстное. Все дворянство пользовалось почти полной свободой отъ податей, такъ какъ способомъ веденія своего хозяйства оно ухитрилось освободиться и отъ поземельныхъ налоговъ.

Этотъ классъ считалъ для себя позоромъ заниматься какимъ бы то ни было промысломъ. Дворяне или получали средства къ жизни со своихъ владѣній и изъ поборовъ, взимавшихся съ подвластныхъ имъ крестьянъ, или служили офицерами въ войскѣ. Патенты на офицерскіе чины были почти исключительно въ рукахъ дворянъ, и Людовикъ XVI даже издалъ предписанія, которыя еще больше затрудняли покупку офицерскихъ патентовъ лицами недворянскаго происхожденія.

Придворное дворянство, вполнѣ зависѣвшее отъ милостей короля, было, можетъ быть, самымъ высокомѣрнымъ изъ всѣхъ приверженцевъ стараго строя; тѣмъ не менѣе оно состояло большею частью изъ людей жалкихъ, фривольныхъ и легкомысленныхъ, лишенныхъ всякой совѣсти и пониманія современныхъ общественныхъ отношеній. Фривольность этого дворянства часто принимаютъ за остроуміе, а его привычку къ придворному этикету — за утонченность. Во время революціи сказался его истинный характеръ.

Просвѣщенная и образованная часть дворянства дала рядъ выдающихся людей, бывшихъ передовыми борцами въ различныя фазы революціи: Мирабо, Лафайетъ, Клермонъ-Тоннеръ, Ларошфуко, Петіонъ, Барреръ и самъ Робеспьерръ вышли изъ рядовъ дворянства. Но въ качествѣ класса или сословія, дворянство, по необходимости, было врагомъ тѣхъ нововведеній, которыя явились въ первой стадіи революціи.

Чѣмъ болѣе бѣднѣло дворянство, тѣмъ большія тяготы взваливало оно на подвластныхъ ему крестьянъ въ видѣ оброка и повинностей. Если дворяне съ оскорбительнымъ презрѣніемъ смотрѣли на горожанина, не жившаго на счетъ другихъ, зарабатывавшаго средства къ существованію собственнымъ трудомъ, то въ крестьянахъ и крѣпостныхъ они видѣли скорѣе рабочій скотъ, чѣмъ людей. Своеволіе дво-

рянъ особенно разыгрывалось во время охотъ: крестьянство столько же терпѣло отъ охотниковъ, какъ и отъ дичи, за которой они охотились.

Привилегіи рожденія имѣли тогда рѣшающее значеніе во всѣхъ отношеніяхъ. Уничтоживъ эти привилегіи, революція дала иное направленіе всему ходу дѣлъ.

Но еще до революціи талантливый Бомарше въ своей комедіи осмѣялъ привилегіи дворянства. „Кто вы?", говорится въ „Свадьбѣ Фигаро" по адресу дворянства: — „вы дали себѣ лишь трудъ родиться!". Истасканное дворянство, сидѣвшее въ ложахъ, смѣялось до упаду: оно и не предчувствовало, что Бомарше этой остротой возвѣстилъ ему близкую гибель.

Оба эти сословія, дворянство и духовенство, владѣли двумя третями французской земли и платили лишь самые ничтожные налоги. Горожанинъ и крестьянинъ, владѣвшіе остальной третью, должны были не только нести страшныя тяготы, налагавшіяся на нихъ государствомъ, но и давать средства на содержаніе обоихъ привилегированныхъ сословій.

Этотъ фактъ объясняетъ собою всю французскую революцію.

* * *

Сословіе горожанъ, насколько оно признавалось въ качествѣ *третьяго сословія*, состояло изъ самостоятельныхъ французскихъ подданныхъ, не находившихся на чьей-либо службѣ и независимо занимавшихся какимъ-либо промысломъ. Третье сословіе было безконечно многочисленнѣе обоихъ привилегированныхъ, но въ собраніи государственныхъ чиновъ — генеральныхъ штатовъ—оно было представлено въ такой же степени, какъ и они. Государственныя тяготы очень угнетали его и эти тяготы были неравномѣрно распредѣлены между провинціями.

Высокомѣріе дворянства и гнетъ государственнаго строя, разумѣется, сильнѣе всего чувствовала состоятельная буржуазія. Поэтому противодѣйствіе правительству, какъ и всегда, явилось сперва въ имущихъ буржуазныхъ классахъ. Различіе между интересами имущихъ и неимущихъ сказалось лишь позже: въ началѣ, при самомъ взрывѣ революціи, все единодушно ратовало за свободу, которая для всѣхъ была одина-

ково желанной. Что буржуазный государственный строй, увѣковѣчивающій классовыя различія, имѣетъ далеко неодинаковое значеніе для имущихъ и неимущихъ, это лишь въ дальнѣйшемъ ходѣ великаго переворота выяснилось со всей очевидностью.

Состоятельная и образованная буржуазія вскорѣ могла выставить рядъ энергичныхъ борцовъ, которые устно и письменно смѣло выступили противъ деспотизма. Въ этихъ кругахъ поддерживали все, что явно или тайно было направлено противъ двора, дворянства и духовенства. Блестящая и радикальная философія XVIII вѣка пустила глубокіе корни въ средѣ этой буржуазіи; масса читателей увлекалась ученіями Вольтера, Руссо, Дидро и даже Гольбаха. Буржуазія въ собственномъ смыслѣ этого слова, крупная буржуазія, не имѣвшая тогда почти никакихъ политическихъ правъ, еще не опредѣлилась, какъ особый классъ. Но въ кругахъ имущественной и образованной буржуазіи уже выработались тѣ элементы, которые должны были взять въ свои руки управленіе новообразующимся государствомъ. Эта буржуазія дала новой Франціи ея государственныхъ людей, полководцевъ, юристовъ, ея бюрократію.

Буржуазія большихъ французскихъ городовъ была въ давнія времена очень сильна, такъ какъ городское управленіе имѣло тогда большею частью демократическое коммунальное устройство. Въ XV столѣтіи оно было введено вездѣ, гдѣ только это было возможно. Города держали себя, какъ самостоятельныя республики; они долго боролись съ королями и защищали отъ нихъ свою самостоятельность. Но у нихъ не было достаточно единодушія для того, чтобы они могли устоять противъ монархической власти централизованнаго государства. Религіозныя смуты XVI и XVII вѣковъ дали королямъ столь желанный для нихъ случай сломить силу городовъ. Къ концу XVII вѣка абсолютизмъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ.

Косная масса мѣщанства гнулась подъ гнетомъ этого строя и безропотно несла бремя, которое онъ взвалилъ на нее. Но когда это бремя стало слишкомъ невыносимымъ, она заволновалась и, послѣ взрыва революціи, была увлечена общимъ потокомъ.

* * *

Въ 1789 г. въ Парижѣ было 44 цеха. Извѣстная реформаторская попытка Тюрго, о которой мы будемъ говорить ниже, уничтожила ихъ, но вскорѣ они безъ всякаго труда были снова возстановлены. Организація ихъ къ этому времени уже совершенно окостенѣла, и они находились подъ сильнымъ вліяніемъ полиціи. Казалось, что ихъ возстановили единственно затѣмъ, чтобы они платили промысловые налоги. Для того, чтобы быть принятымъ въ цехъ, надо было имѣть не менѣе двадцати лѣтъ и состоять въ ученіи не менѣе четырехъ лѣтъ. Образцовая работа для полученія званія мастера была отмѣнена; сыновья мастеровъ при принятіи въ цехъ пользовались преимуществами.

Въ Парижѣ цеховыя собранія составлялись только изъ тѣхъ членовъ цеха, которые платили высшую сумму налоговъ, въ остальныхъ же городахъ изъ всѣхъ. Полиція всячески ограничивала эти собранія, заботясь, чтобы въ нихъ не проникла революціонная крамола. Цехи имѣли депутатовъ, надсмотрщиковъ, синдиковъ и адъюнктовъ, которые вмѣстѣ съ очень вліятельной полиціей составляли муниципальныя учрежденія. Купеческая гильдія также имѣла надсмотрщиковъ и адъюнктовъ. Синдики, надсмотрщики и адъюнкты посѣщали, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ всѣхъ мастеровъ, наблюдая за соблюденіемъ ими цеховыхъ правилъ и содержаніемъ подмастерьевъ, учениковъ и служащихъ. О всякомъ нарушеніи правилъ они доводили до свѣдѣнія собранія депутатовъ, которое вызывало провинившихся и, въ случаѣ повторенія проступка, отдавало ихъ подъ судъ.

Профессіи были раздѣлены на свободныя и несвободныя. Для занятія свободными профессіями необходимо было только заявить объ этомъ городскому лейтенанту. Къ свободнымъ относились профессіи: жестяниковъ, щеточниковъ, чесальщиковъ шерсти, цвѣточницъ, женщинъ-парикмахеровъ, веревочниковъ, старьевщиковъ; ремесленниковъ, приготовлявшихъ плети, коробки, четки, пробки, рогожи; торговокъ льномъ, садовниковъ, торговцевъ пряниками, танцмейстеровъ, торговцевъ птицами, содержателей бань, подметальщиковъ и ткачей льняныхъ матерій. Но и свободныя профессіи подвергались вмѣшательству и притѣсненіямъ со стороны полиціи.

Ремесленникъ, сжатый въ полицейскихъ тискахъ, долженъ былъ чувствовать себя тѣмъ тягостнѣе, заботливая опека надъ нимъ полиціи должна была казаться ему тѣмъ невыносимѣе, чѣмъ больше онъ помнилъ о своихъ пред-

кахъ, переживших періодъ расцвѣта гражданской гордости и славы въ свободныхъ коммунахъ среднихъ вѣковъ.

Промышленность также не могла свободно развиваться во Франціи. Кольберъ, этотъ идеалъ всѣхъ сторонниковъ покровительственной системы, надѣявшійся достигнуть всего посредствомъ „регламентовъ", пытался добиться расцвѣта промышленности приказаніями свыше. Онъ видѣлъ, что его дѣло потерпѣло крушеніе еще при его жизни. Безпрестанныя войны запутали Францію въ страшные долги—уже въ 1714 г. они достигли 3.500 милліоновъ—и дѣлали невозможнымъ всякое развитіе промышленности. Гдѣ же еще оставалась хоть какая-нибудь возможность этого развитія, правительство, мертвящее все живое, уничтожало ее. Спекуляція бумажными деньгами во времена Ло убила всѣ экономическія и финансовыя предпріятія. Преемники Кольбера старались еще превзойти въ регламентаціи свой первообразъ. Особенно деспотически распоряжались съ бумажнымъ и прядильнымъ производствами, такъ что обѣ эти отрасли промышленности не въ состояніи были удовлетворять требованіямъ и потребностямъ того времени. Въ 1734 г. было запрещено купцамъ выпускать рекламы, „потому что они не должны употреблять никакихъ искусственныхъ средствъ для завлеченія покупателей". Особые „регламенты" опредѣляли длину продольныхъ и поперечныхъ нитокъ и ихъ число въ тканяхъ, длину и ширину тканей, устройство ткацкихъ станковъ. Если ткань была длиннѣе, чѣмъ это полагалось по регламенту, королевскій надсмотрщикъ отрѣзывалъ излишекъ и отдавалъ его бѣднымъ; за несоблюденіе регламентовъ, сожигалась масса тканей. За проступки подобнаго рода фабрикантъ даже могъ быть выставленъ у позорнаго столба. Посредствомъ такихъ безсмысленныхъ предписаній надѣялись держать качество товаровъ на извѣстной высотѣ, но они не достигали своей цѣли. Всѣ точно устроили заговоръ противъ властей, точно сговорились нарушать регламенты. Съ 1776 г. промышленность стала быстро развиваться, но гнетъ, тяготѣвшій надъ нею, существовалъ еще долго.

Такимъ образомъ, промышленность тоже имѣла всѣ основанія оказывать противодѣйствіе гнету стараго строя. Но она еще долго не могла подняться, стать вполнѣ на свои ноги.

* * *

Заработная плата фабричныхъ рабочихъ во Франціи передъ революціей равнялась въ среднемъ 26 су для мужчинъ и 15 су для женщинъ (су равняется 5 сантимамъ—около 2 коп. при нынѣшней валютѣ). Одинъ изъ комитетовъ, образованныхъ учредительнымъ собраніемъ, опредѣлялъ заработную плату въ 50 сантимовъ въ день. Положеніе фабричныхъ рабочихъ было очень плачевно, и мы уже рано находимъ среди нихъ движенія съ цѣлью добиться для рабочихъ лучшихъ условій жизни и труда. Центральнымъ пунктомъ этихъ движеній былъ Ліонъ, и состояніе ліонской промышленности можетъ дать намъ надлежащее представленіе о положеніи фабричныхъ рабочихъ во Франціи XVIII вѣка.

Въ XV столѣтіи въ Ліонѣ была введена обработка шелка. Уже въ 1536 г. производствомъ шелковыхъ тканей здѣсь было занято 12.000 рабочихъ. По одному регламенту изъ временъ Кольбера ліонское шелковое производство выработало три класса, составлявшихъ одну общую организацію. Высшимъ классомъ были капиталисты, предприниматели и торговцы. Всѣ они были очень богаты. Второй классъ составляли мастера; ихъ было въ десять разъ больше, чѣмъ торговцевъ; они работали дома на своихъ станкахъ за свой счетъ или за счетъ капиталистовъ. Третій классъ, классъ подмастерьевъ, работалъ за наемную плату: своей численностью онъ въ десять разъ превышалъ классъ мастеровъ. Сверхъ того, производствомъ шелковыхъ тканей была занята еще громадная масса рабочихъ въ 40.000 душъ, состоявшая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не принадлежавшихъ къ организаціи и жившихъ въ страшной нищетѣ подъ гнетомъ ничѣмъ ни сдерживаемой эксплоатаціи. Всѣ возникавшіе споры рѣшались шестью надсмотрщиками, первоначально два изъ нихъ назначались городскими властями, а четыре избирались изъ прежнихъ надсмотрщиковъ и тридцати мастеровъ, указанныхъ мэромъ, который тогда назывался еще консуломъ. Въ царствованіе Людовика XVI было постановлено, что мелкія фабрики, т.-е. мастера, должны избирать только двухъ, крупныя же фабрики, т.-е. капиталисты и предприниматели—четырехъ надсмотрщиковъ. Затѣмъ въ 1731 г. послѣдовалъ декретъ государственнаго совѣта, по которому мастера, работавшіе за счетъ торговцевъ, могли имѣть у себя на дому только четыре станка; рабочимъ же, непосредственно отъ себя продававшимъ продукты своего труда, было запрещено имѣть болѣе двухъ станковъ, держать подмастерьевъ

или принимать учениковъ. Въ шелковой промышленности тогда уже насчитывалось 50.000 чел. съ 90 торговцами, 800 мастеровъ и 8.000 подмастерьевъ. Декретъ 1731 г. передалъ всю организацію въ руки торговцевъ.

Правда, въ томъ же 1731 г. этотъ пагубный декретъ былъ отмѣненъ, но съ 1741 по 1744 г. издавались новыя предписанія въ пользу торговцевъ и въ ущербъ мастерамъ, подмастерьямъ и рабочимъ. Мастера говорили, что они, несмотря на безпрерывную и напряженную работу, должны были дѣлать ежегодно по 250 франковъ долга. Плата рабочихъ, бывшая и раньше очень ничтожной, понизилась до минимума. Въ 1744 г. дѣло дошло до массоваго прекращенія работы подмастерьями и мастерами: это была *первая крупная стачка* во Франціи. Рабочіе, не принадлежавшіе къ организаціи, поддержали ее. Стачечники требовали повышенія платы на 1 су за локоть, уравненія правъ всѣхъ классовъ организаціи при выборѣ надсмотрщиковъ, отмѣны обязательной платы въ 300 франковъ при полученіи званія мастера и предоставленія подмастерьямъ и мастерамъ свободы работать на другихъ или за свой счетъ. Почти во всѣхъ остальныхъ производствахъ Ліона работа тоже была пріостановлена, и первый промышленный городъ государства въ теченіе восьми дней находился во власти пролетаріата, тщательно воздерживавшагося отъ всякихъ излишествъ и насилій. Требованія рабочихъ были очень скромны, и консулъ удовлетворилъ ихъ. Но въ февралѣ 1745 г. снова были возстановлены прежніе порядки. Торговцы снова получили преобладаніе; вѣроятно, они подкупили министровъ. Тогда въ Ліонѣ возникли волненія, и правительство послало туда значительную военную силу. Нѣсколько рабочихъ было убито, иные отправлены на галеры. Войско было расквартировано у жителей города. Такимъ образомъ, на требованія рабочихъ правительство отвѣтило порохомъ и свинцомъ.

До 1786 г. рабочіе шелковой промышленности жили подъ страшнымъ гнетомъ. Въ этомъ же году они снова пріостановили работу. Они требовали прибавки платы въ два су на локоть. Рабочіе, вооруженные палками, толпами расхаживали по городу; городъ и испуганное консульство удовлетворили ихъ требованія. Затѣмъ, явилось войско; всѣ уступки рабочихъ были отмѣнены, и три ремесленника были „для спасительнаго примѣра“ повѣшены за то, что они не уплатили мостоваго сбора. Тарифъ заработной платы былъ

уничтоженъ, и опредѣленіе ея было предоставлено свободному соглашенію,—что, понятно, означало пониженіе платы. Въ 1788 г. сборъ шелка былъ очень плохой, и вслѣдствіе этого 5.400 станковъ остались безъ работы: 40.000 рабочихъ лишились хлѣба. Бѣдствія рабочихъ во время этого кризиса не поддаются описанію. Городу Ліону было предоставлено сдѣлать заемъ въ 300.000 франковъ для рабочихъ. Но этимъ нельзя было устранить лишенія, еще больше увеличившіяся вслѣдствіе всеобщей дороговизны и суровой зимы. Многіе рабочіе шелковой промышленности эмигрировали, многіе кончили жизнь самоубійствомъ; остальные же работали по 18 часовъ въ день, чтобы хоть какъ-нибудь поддержать свое существованіе.

Уже въ 1789 г. крупная промышленность сократила число мастеровъ; крупныя фабрики имѣли 14.700 станковъ и насчитывали 58.000 рабочихъ. Изъ этихъ послѣднихъ только 3.400 принадлежали къ организаціи и могли принять участіе въ выборѣ депутатовъ въ собраніе генеральныхъ штатовъ 1789 г., такъ какъ право на это имѣли лишь подмастерья, принадлежавшіе къ организаціи.

Филантропическій институтъ отпустилъ для рабочихъ еще 300.000 франковъ; торговцы отвѣтили на это новымъ пониженіемъ ихъ нищенской платы.

Такимъ образомъ, въ Ліонѣ рано разыгралось рабочее движеніе, и пролетаріатъ отдѣлился отъ чисто-буржуазныхъ партій. Это отразилось и на выборахъ въ генеральные штаты. Въ Парижѣ, какъ мы дальше увидимъ, рабочіе тоже выступили въ защиту своихъ классовыхъ интересовъ и тоже потерпѣли пораженіе.

Среди ремесленныхъ рабочихъ во Франціи еще въ средніе вѣка образовались союзы подмастерьевъ, извѣстные подъ именемъ компаньоннажа (le compagnonnage).

Эти союзы показываютъ, какъ рано началось отдѣленіе рабочаго пролетаріата отъ мастеровъ и капиталистовъ; съ ними выступаетъ уже своего рода раздѣленіе труда и капитала. Они существовали вплоть до второй имперіи и лишь впослѣдствіи уступили мѣсто инымъ организаціямъ. Союзы эти были религіознаго происхожденія и вначалѣ имѣли религіозный характеръ; впослѣдствіи они прониклись матеріальными интересами. Они имѣли демократическое устройство и много различныхъ обрядовъ, бывшихъ, повидимому, простымъ подражаніемъ религіознымъ церемоніямъ. Это были замкнутыя организаціи подмастерьевъ противъ мастеровъ; во время сво-

его расцвѣта они много поработали въ пользу ремесленнаго пролетаріата. Они организовали массу стачекъ, и поэтому не было недостатка въ доносахъ на нихъ передъ государственной властью. Кольберъ хотѣлъ подчинить регламентамъ и образъ жизни рабочихъ, но компаньоннажъ, имѣвшій развѣтвленія по всей Франціи, держалъ себя очень самостоятельно. Послѣ руанской стачки 1679 г., когда ткачи, вслѣдствіе приглашенія постороннихъ рабочихъ, въ числѣ 3.000 человѣкъ прекратили работу на цѣлый мѣсяцъ, полиція обратила вниманіе на союзы подмастерьевъ. Правда, они стали избѣгать гласности, и уничтожить ихъ было невозможно, но теперь были приняты противъ нихъ строгія мѣры. Братства и союзы подмастерьевъ были запрещены; подмастерьямъ запрещено было носить оружіе и палки. Былъ установленъ оффиціальный срокъ для отказа отъ работы у мастера. Въ 1771 г. было постановлено, что мясникъ-подмастерье долженъ пробыть у своего мастера не менѣе года; были введены также свидѣтельства, а въ 1781 г. и рабочія книжки— мѣропріятіе, чрезвычайно стѣснительное и ненавистное для рабочихъ. Между самими союзами подмастерьевъ возникало много раздоровъ, которые часто приводили къ кровавымъ побоищамъ. Въ 1730 г. близъ Арля, въ 1743 г. въ Нантѣ такія побоища приняли широкіе размѣры. Въ Парижѣ, гдѣ подобныя столкновенія происходили безпрестанно, парламентъ въ 1778 г. воспретилъ членамъ союзовъ подмастерьевъ устраивать собранія, а также носить оружіе и палки.

Промышленные и ремесленные рабочіе во Франціи, получавшіе нищенскую плату и угнетаемые полиціей, стояли во время революціонной борьбы на сторонѣ крупной и мелкой буржуазіи. Третье и многочисленное четвертое сословія недовѣрчиво смотрѣли другъ на друга и тѣмъ не менѣе шли рука объ руку: ихъ соединялъ общій интересъ—борьба съ правительствомъ. Когда третье сословіе одержало верхъ и забрало государство въ свои руки, рабочіе требовали отъ него помощи въ своихъ бѣдствіяхъ. Мы дальше увидимъ, что отвѣтило имъ третье сословіе, овладѣвшее государственной властью.

Такимъ образомъ, отдѣленіе четвертаго сословія отъ третьяго началось очень рано [1]).

* * *

[1]) По привычкѣ мы удержали названіе «четвертое сословіе», не упуская однако изъ виду, что это названіе собственно не соотвѣтствуетъ понятію класса рабочихъ.

Ко времени революціи численность французскаго народа простиралась до 25 милліоновъ, изъ которыхъ 21 милліонъ занимался земледѣліемъ. Площадь французской земли представляла пространство въ 51 милліонъ гектаровъ, изъ которыхъ 35 милліоновъ были заняты земледѣльческимъ хозяйствомъ (гектаръ [=100 арамъ] равняется 0,915332 десятинамъ).

Третья часть этой земли, не принадлежавшая ни духовенству, ни дворянству, ни коронѣ, находилась во владѣніи мелкихъ собственниковъ. Одинъ очевидецъ сообщаетъ, что во Фландріи, Эльзасѣ и Сѣверной Бретани они были довольно зажиточны, но въ остальныхъ мѣстностяхъ, особенно въ Шампани и Лотарингіи, очень бѣдны и несчастны. Раздробленіе земли было чрезвычайно велико; были участки всего въ нѣсколько саженей, на которыхъ росло одно дерево. Средняго сословія въ сельскомъ населеніи почти совершенно не было; здѣсь были только крупные землевладѣльцы, обѣднѣвшіе мелкоучастковые крестьяне, арендаторы и сельскій пролетаріатъ всѣхъ степеней до крѣпостнаго. Лишь въ Вандеѣ еще сохранились извѣстныя патріархальныя отношенія между провинціальнымъ дворянствомъ и крестьянами, что впослѣдствіи и послужило причиной кровавыхъ битвъ въ этой странѣ. Почти во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ землевладѣльцы обращались съ крестьянами очень дурно и эксплоатировали ихъ въ невѣроятныхъ размѣрахъ Чѣмъ больше дворянство бѣднѣло, тѣмъ больше дохода старалось оно выжимать изъ крестьянъ. Такимъ образомъ, ко времени революціи феодальныя тяготы достигли послѣднихъ предѣловъ возможности и вмѣстѣ со страшными государственными тяготами превратили жизнь сельскаго населенія въ адскую муку, вслѣдствіе чего оно жадно ловило всякій слухъ объ измѣненіи существующаго порядка вещей.

Французскому крестьянину передъ революціей приходилось вести такую жизнь, которая мало чѣмъ отличалась отъ жизни животнаго. Земледѣльческое хозяйство велось еще первобытнымъ способомъ; оно не могло еще пользоваться естественнымъ плодородіемъ земли въ такой степени, которая доставила бы населенію извѣстное благосостояніе. Во Франціи было еще много запущенной и совершенно нетронутой земли, о которой никто и не думалъ. Крестьяне жили въ жалкихъ глинобитныхъ лачугахъ, крытыхъ соломой, многія изъ которыхъ не имѣли оконъ. Они неизбѣжно должны были пребывать

въ грязи, среди грубости и невѣжества, такъ какъ господствующіе слои нисколько не были заинтересованы въ томъ, чтобы бросить въ эту несчастную массу, погруженную въ безъисходный мракъ, спасительный лучъ просвѣщенія. Лишь очень немногіе изъ крестьянъ умѣли читать или писать. Среди сельскаго населенія передъ революціей было еще полтора милліона крѣпостныхъ, платившихъ оброкъ своимъ господамъ и отбывавшихъ повинности работой. Они были подсудны помѣщику, не могли дѣлать завѣщаній и свободно располагать своимъ движимымъ имуществомъ. Крестьянинъ долженъ былъ безропотно терпѣть убытки, причиняемые ему дичью, и подъ страхомъ большаго наказанія не смѣлъ держать оружія.

Чрезвычайно обременительны для крестьянъ были десятины, которыя они обязаны были давать землевладѣльцамъ и духовенству. Десятина должна была равняться десятой части валоваго дохода съ хозяйства, но счеты были здѣсь такъ неопредѣленны, что она могла дойти до третьей части, половины или даже трехъ четвертей и болѣе чистаго дохода и, такимъ образомъ, могла лечь страшнымъ бременемъ на крестьянина. Значительное число участковъ должны были отдавать съ акра седьмую часть пшеницы. Крестьяне, воздѣлывавшіе виноградники, также должны были отдавать седьмую часть спирта. Со среднихъ вѣковъ удержалась, въ качествѣ „историческаго права“, масса натуральныхъ повинностей; съ нѣкоторыхъ участковъ взимались экстраординарные поборы зерномъ, птицами, свиньями, яйцами, дровами, воскомъ и цвѣтами; рядомъ съ обыкновенной барщиной существовали еще экстраординарныя натуральныя повинности. Неоднократно вводились и особые сборы деньгами. Но рядомъ съ феодальными господами къ крестьянину предъявляло свои требованія и государство, и государственные сборы взыскивались съ такой же строгостью. Здѣсь первое мѣсто занималъ поземельный налогъ (taille), отъ котораго дворянство почти вполнѣ избавилось, духовенство же было совершенно свободно, между тѣмъ крестьянинъ долженъ былъ платить его. Общая сумма поземельнаго налога простиралась до 110 милліоновъ франковъ. Затѣмъ слѣдовалъ столь ненавистный налогъ на соль съ цѣлымъ рядомъ пошлинъ съ товаровъ, съѣстныхъ припасовъ, дорожныхъ пошлинъ. Высчитано, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поборы были особенно тяжелы, крестьянинъ платилъ съ каждыхъ

100 франковъ дохода 53 фр. государству, въ видѣ поземельнаго, подушнаго и подоходнаго налоговъ, 14—землевладѣльцу, 14—духовенству, въ видѣ десятины. Изъ остальныхъ 19 фр. надо было платить еще налогъ на соль и предметы потребленія. Поэтому было много такихъ крестьянъ, которые всю жизнь голодали.

Къ этому страшному гнету присоединялись еще лишенія вслѣдствіе неурожаевъ. Жестокость господъ и сборщиковъ податей часто вызывала у сельскаго населенія взрывы отчаянія, которые сурово подавлялись военной силой. Въ 1775 г. дѣло дошло до возстанія крестьянъ, до такъ называемой мучной войны. Неурожай, дороговизна хлѣба и агитація враговъ правительства привели къ тому, что крестьяне собрались толпой къ версальскому дворцу и просили короля о помощи. Въ Парижѣ тоже возникли безпорядки и волненія; народъ грабилъ булочныя и разрушалъ хлѣбные магазины. Людовикъ XVI далъ нѣкоторыя обѣщанія, и крестьяне успокоились. Между тѣмъ министръ Тюрго, проявившій такой умъ въ другихъ случаяхъ, не могъ здѣсь придумать ничего иного, какъ двинуть солдатъ. Солдаты съ оружіемъ въ рукахъ разогнали толпу. Два человѣка для „спасительнаго примѣра“ были повѣшены. Такъ поступалъ самъ Тюрго. Больше всѣхъ страдали крѣпостные. Вольтеръ, стоявшій неизмѣримо выше своихъ современниковъ, пользовался своимъ плодовитымъ перомъ и для борьбы съ варварскимъ установленіемъ крѣпостнаго права. „Гусударь!—писалъ онъ Людовику XVI: въ вашей арміи есть болѣе 30.000 крѣпостныхъ изъ Франшконте. Если нѣкоторые изъ нихъ за свои заслуги будутъ произведены въ офицеры, если они затѣмъ получатъ отставку съ пенсіей и, вмѣсто того, чтобы вернуться со своими отцами и родными въ тѣ жалкія лачуги, гдѣ они родились, поселятся въ городѣ въ лучшихъ жилищахъ,—они не могутъ передъ смертью распоряжаться ни своей мебелью, ни своими сбереженіими; все это послѣ ихъ смерти принадлежитъ ихъ господамъ!“—Ограниченный Людовикъ XVI, погруженный въ свои развлеченія, не обращалъ вниманія на подобныя заявленія. Но Вольтеръ продолжалъ свою борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Жалобы, слышанныя имъ отъ крѣпостныхъ, онъ выразилъ въ слѣдующихъ безсмертныхъ словахъ: „Мы“,—говорятъ крѣпостные,—„рабы всѣмъ существомъ нашимъ, со всѣмъ нашимъ имуществомъ. Если мы остаемся въ домахъ нашихъ родителей и ведемъ

7*

со своими женами самостоятельное хозяйство, то послѣ смерти нашихъ родственниковъ все ихъ имущество принадлежитъ монахамъ. Насъ выгоняютъ изъ отцовскихъ лачугъ, и мы должны просить милостыню у дверей того дома, гдѣ мы родились. Намъ не только отказываютъ въ милостынѣ, но господа наши имѣютъ даже право не платить за лѣкарства и пищу, которые давались нашимъ роднымъ во время болѣзни. Поэтому, если мы заболѣемъ, ни одинъ торговецъ не дастъ намъ въ кредитъ холста, ни одинъ мясникъ не повѣритъ намъ въ долгъ фунтъ мяса, аптекарь не дастъ лѣкарствъ, которыя, можетъ быть, спасли бы намъ жизнь. Мы умираемъ, оставленные всѣми людьми, и уносимъ съ собой въ могилу лишь увѣренность, что мы оставили нашихъ дѣтей въ нищетѣ и рабствѣ. Если какой-нибудь чужеземецъ, не знающій здѣшнихъ порядковъ, имѣлъ несчастье прожить въ этомъ варварскомъ закоулкѣ, Сэнъ-Клодъ (въ Юрѣ), годъ и одинъ день, онъ становится такимъ же рабомъ монаховъ, какъ и мы. Теперь уже, если бы онъ пріобрѣлъ какое-нибудь имущество даже въ иной странѣ, это имущество принадлежитъ сэнъ-клодскимъ монахамъ: они могутъ объявить объ этомъ по всему свѣту, и это называется „правомъ преслѣдованія". Если они могутъ доказать, что дѣвушка, вступившая въ бракъ, первую ночь послѣ брака провела не въ домѣ своихъ родителей, а въ домѣ мужа,—она теряетъ право наслѣдованія послѣ своего отца. Свидѣтельскія показанія такого рода часто вынуждаются посредствомъ угрозъ, и наслѣдство переходитъ къ монахамъ: все равно, будетъ ли оно равняться 100 или 100.000 франковъ, они съумѣютъ получить его. Эти монахи безпощадно высасываютъ изъ насъ кровь въ теченіе всей нашей жизни, а послѣ нашей смерти они сдираютъ съ насъ шкуру, остальное же бросаютъ на живодерню".—Герцогу Шуазелю Вольтеръ писалъ: „Меня посѣтили крѣпостной и крѣпостная изъ Сэнъ-Клода. Крѣпостной этотъ состоитъ почтмейстеромъ въ Сэнтъ-Амурѣ и сборщикомъ у вашего родственника, графа Шуазеля. Такимъ образомъ, онъ по обѣимъ этимъ причинамъ находится въ вашей власти; сэнъ-клодскій же капитулъ не имѣетъ никакого права держать этихъ людей въ качествѣ крѣпостныхъ. Ихъ истязаютъ, каноники высасываютъ изъ нихъ кровь, и вы увидите, что все населеніе уйдетъ въ Швейцарію, если вы его не защитите". Герцогъ Шаузель, понятно, не сдѣлалъ ровно ничего. Но мысли, выраженныя Вольтеромъ, факты,

на которые онъ указывалъ, проложили себѣ дорогу впослѣдствіи. Другъ Вольтера и товарищъ его по этой борьбѣ, Кристенъ (Chtistin), былъ предсѣдателемъ коммиссіи учредительнаго собранія, редижировавшей знаменитый докладъ о крѣпостномъ состояніи. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, говорится: „III статья обычнаго права Франшконте опредѣляетъ, что свободный человѣкъ, женившійся на дочери крѣпостнаго и поселившійся въ домѣ своей жены на землѣ „мертвой руки", не становится крѣпостнымъ, если онъ оставитъ этотъ домъ при жизни своей жены; если же онъ умретъ въ этомъ домѣ, то онъ и дѣти его, родившіяся здѣсь, становятся собственностью „мертвой руки".—Въ такомъ случаѣ, лишь только онъ заболѣетъ, его нужно было немедленно же перевезти въ какую-нибудь свободную мѣстность, чтобы избавить его дѣтей отъ бѣдствій и позора крѣпостнаго состоянія. Эта мѣра нерѣдко вызывала преждевременную смерть больнаго".

Такимъ образомъ, становится понятнымъ, какой страшный запасъ горя, отчаянія и ожесточенія долженъ былъ накопиться у этихъ несчастныхъ.

* * *

Правленіе въ старой Франціи было вполнѣ деспотическимъ. Оно, повидимому, имѣло лишь одну цѣль,—добывать средства для роскоши и блеска двора и его любимцевъ, отстаивать привилегіи высшихъ сословій и подавлять всякое проявленіе недовольства въ странѣ. Въ старой Франціи не было гражданъ и ни у кого не было личной свободы. Въ судахъ царилъ произволъ; они не пользовались никакимъ довѣріемъ, были развращены и продажны. Самыя большія насилія надъ свободой личности причинялись пресловутыми предписаніями объ арестахъ (lettres de cachet), посредствомъ которыхъ дворъ и его любимцы могли засадить въ страшную государственную тюрьму, Бастилію, всякаго, кто имъ почему либо не нравился. Законныхъ средствъ противъ подобныхъ насилій не существовало. Каждый, провинившійся какими-либо свободными выраженіями, долженъ былъ всегда быть готовымъ къ тому, чтобы по доносу шпіоновъ навѣки исчезнуть за крѣпкими стѣнами Бастиліи. Писатель, говорившій объ общественныхъ нестроеніяхъ, всегда долженъ былъ ожидать, что его посадятъ въ Бастилію, а сочиненія его сожгутъ чрезъ палача. Достаточно было кому-нибудь просто не

понравиться какому-либо придворному или придворной дамѣ, и онъ могъ попасть въ Бастилію, даже самъ не зная за что. Въ этой тюрьмѣ люди просиживали цѣлые годы, ни разу не допрошенные за все это время, не зная даже причины своего ареста. Здѣсь былъ одинъ заключенный, который просидѣлъ шестнадцать лѣтъ въ Бастиліи и обратился, наконецъ, къ королю съ такой просьбой, что если не хотятъ ему сказать, за что онъ арестованъ, то пусть, по крайности, сообщатъ, что сталось за эти шестнадцать лѣтъ съ его женой и дѣтьми. Много блестящихъ умовъ видала Бастилія въ своихъ стѣнахъ. Во Франціи было еще нѣсколько такихъ тюремъ, но Бастилія была самой знаменитой изъ нихъ.

Если правительство, путемъ предписаній объ арестахъ, деспотически распоряжалось личной свободой французовъ, то съ неменьшей развязностью расправлялось оно и съ ихъ имуществомъ посредствомъ налоговъ, которые вводились совершенно произвольно, несмотря на противодѣйствіе парламентовъ. Мы уже говорили о несправедливомъ обложеніи податями народныхъ массъ и почти полной свободѣ отъ налоговъ дворянства и духовенства. Подати отдавались правительствомъ на откупъ; откупщики, уплативъ властямъ установленную сумму, выбивали изъ народа подати въ свою пользу самымъ безпощаднымъ образомъ. При этомъ употреблялись крайне жестокія мѣры, и ненависть народа къ крупнымъ сборщикамъ,—откупщикамъ податей, была такъ велика, что во время террора всѣ генеральные откупщики, какихъ только удалось захватить, были отправлены на эшафотъ. Особенно ненавистенъ былъ налогъ на соль, который, вслѣдствіе отсутствія обще-государственной организаціи въ этомъ отношеніи, въ разныхъ провинціяхъ былъ различенъ, такъ что центнеръ соли въ однѣхъ провинціяхъ стоилъ 8 фр., а въ другихъ цѣна его доходила до 62 франковъ. Каждый французъ старше восьми лѣтъ долженъ былъ покупать у государства ежегодно семь фунтовъ соли; масса бѣдняковъ не могла исполнять этого требованія, что влекло за собою конфискацію ихъ жалкаго имущества. Налогъ на соль вызывалъ ежегодно около 4.000 аукціоновъ. Высчитывали, что взысканіе податей ежегодно было сопряжено приблизительно съ 3.500 арестовъ. Этимъ арестованнымъ грозило наказаніе плетьми или ссылка на галеры.

Громадныя толпы нищихъ, бродягъ, воровъ и всякаго

сомнительнаго люда скитались по странѣ, ведя безпрестанную борьбу съ полиціей, которая не могла управиться съ ними. Образовались большія шайки разбойниковъ, державшія въ страхѣ цѣлыя провинціи. Противозаконная охота была даже правильно организована вслѣдствіе жестокихъ и несправедливыхъ законовъ объ охотѣ. На границѣ стояла таможенная стража изъ 50.000 челов. для преслѣдованія контрабанды, ставшей, благодаря высокимъ пошлинамъ, очень прибыльной. Но стража не могла управиться съ контрабандой. Ежегодно производилась масса казней: преступниковъ колесовали, рубили имъ головы, вѣшали, жгли живьемъ, пытали, рвали раскаленными щипцами, иногда даже четвертовали. Для острастки прибѣгали къ самымъ ужаснымъ казнямъ. Тюрьмы были переполнены арестантами всѣхъ возрастовъ; ихъ держали въ общихъ помѣщеніяхъ; на содержаніе арестантовъ отпускалось ежедневно по пяти су на каждаго. Содержаніе арестантовъ и обращеніе съ ними были варварски-отвратительны.

Рядомъ съ этими общественными бѣдствіями рѣзко бросалась въ глаза безсмысленная расточительность придворныхъ. Толпа блюдолизовъ, льстецовъ, проходимцевъ, мошенниковъ и лакеевъ пользовалась милостями двора и жаловалась богатыми, почти чудовищными окладами, которые брались какъ изъ цивильнаго листа короля, такъ и изъ государственнаго казначейства. Дворъ состоялъ приблизительно изъ 1.500 человѣкъ. О расточительности, господствовавшей при этомъ дворѣ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе уже по тому, что одна лишь гувернантка королевскихъ дѣтей получала 150.000 фр. въ годъ. Когда, въ царствованіе Людовика XVI, одинъ государственный секретарь жаловался, что ему нехватаетъ его годоваго дохода въ 180.000 франковъ,—ему немедленно было прибавлено еще 40.000 фр.

Жестокость полиціи, своеволіе знати относительно горожанъ, платившихъ налоги, и обнищавшихъ крестьянъ, громадный и многообразный гнетъ—все это вмѣстѣ подготовило почву для философскаго и литературнаго переворота, предшествовавшаго великой катастрофѣ.

* * *

Но съ какимъ бы упорствомъ господствующія сословія ни отстаивали свои привилегіи, они прекрасно видѣли, что

ихъ существованіе со всей его роскошью и пышностью было подобно пиршеству на вулканѣ, въ мрачной, клокочущей глубинѣ котораго дремлютъ страшныя силы, готовыя взорвать при первомъ толчкѣ и превратить весь старый міръ въ прахъ и развалины. Извѣстныя слова мадамъ Помпадуръ: „послѣ насъ—хоть потопъ!“ ясно показываютъ, что приближающаяся буря уже предчувствовалась. Тѣмъ не менѣе эти слова стали лозунгомъ того легкомысленнаго общества, которое господствовало въ старой Франціи. Время, остававшееся до взрыва, люди эти хотѣли наполнить возможно большими и возможно болѣе утонченными удовольствіями, провести его въ чаду наслажденій, приправленныхъ блестящимъ и ѣдкимъ остроуміемъ. Это была безумная погоня за удовольствіями, какую можно наблюдать лишь въ рѣдкія эпохи всемірной исторіи, лихорадочная ловля наслажденій. Здѣсь надо искать также объясненіе и того, отчего въ это пестрое, безпорядочное время всплываетъ и разыгрываетъ выдающіяся роли масса какихъ-то сомнительныхъ загадочныхъ личностей, рядомъ съ величественными и блестящими явленіями. Умственная безтолковщина и безтолковщина дѣйствительной жизни шли въ это время рука объ руку. Вынырнули откуда-то всякіе проходимцы и мошенники; ихъ всюду охотно принимали, потому что съ ними было пріятно провести время. Люди вернулись къ алхиміи и магическимъ искусствамъ всякаго рода; хитрый обманщикъ Каліостро наибольшій успѣхъ имѣлъ во Франціи. И при всемъ этомъ господствующее общество отнюдь не избѣгало новыхъ идей, не только указывавшихъ на предстоящее существенное преобразованіе старой Франціи, но и направленныхъ къ этой цѣли. Между тѣмъ, какъ образованная буржуазія со всей серьезностью обратилась къ новымъ идеямъ, легкомысленная аристократія стала заигрывать съ ними. Она находила это пикантнымъ и подъ ея покровомъ, нерѣдко даже съ ея участіемъ распространялись сочиненія, подготовлявшія революцію, которая поглотила старую Францію.

Матеріалистическая философія, такъ взволновавшая умы во Франціи, проникла сюда изъ Англіи. Начало ей положили Локкъ и Юмъ. Еще Юмъ пришелъ къ отрицанію безсмертія души; Гельвецій же, слѣдовавшій за нимъ, сталъ искать нормальное состояніе человѣчества въ удовлетвореніи здоровой чувственности. Вольтеръ, самый выдающійся и вліятельный изъ всѣхъ этихъ философскихъ новаторовъ, направилъ свое

смертоносное оружіе преимущественно противъ церкви и религіи. Онъ нанесъ имъ страшныя раны, которыя уже никогда не залѣчивались. Онъ все осмѣялъ своей ѣдкой сатирой, заразилъ французовъ скептицизмомъ и низвергъ старые авторитеты. Своихъ соотечественниковъ онъ называлъ „породой тигровъ и обезьянъ", точно желая этимъ выразить, что лишь съ него начинаются люди. Какъ мы уже видѣли, онъ съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ выступалъ противъ старыхъ золъ. Французскіе суды онъ приковалъ къ позорному столбу по случаю извѣстнаго процесса Каласа. Когда его сочиненія были сожжены рукою палача, онъ презрительно воскликнулъ: „сжечь—еще не значитъ отвѣтить!" И онъ былъ правъ, потому что отвѣтомъ на его сочиненія было все послѣдующее.

Матеріалистическая философія быстро шла впередъ; скоро она дошла до отрицанія всѣхъ идей, господствовавшихъ въ государствѣ и обществѣ. Возникъ совершенно новый идейный міръ. Новый духъ времени нашелъ свое главное выраженіе въ знаменитомъ коллективномъ трудѣ, извѣстномъ подъ именемъ Энциклопедіи, и вскорѣ новыхъ философовъ стали называть просто энциклопедистами. Самыми видными представителями этой новой школы были Дидро и д'Аламберъ; они все смѣлѣе и смѣлѣе развивали матеріалистическую философію, точно стараясь превзойти другъ друга. Дальше матеріалистической философіи Дидро пошелъ Ламетри въ своихъ доводахъ противъ безсмертія души; но до самыхъ крайнихъ выводовъ дошелъ Гольбахъ, нѣмецъ, жившій во Франціи. Въ своей „Системѣ природы" онъ сводилъ все къ матеріи и движенію и дошелъ до атеизма.

Монтескье въ своихъ глубокомысленныхъ и остроумныхъ разсужденіяхъ о „духѣ законовъ" представилъ французамъ картину свободнаго государства: имъ приходилось сравнивать съ этой картиной жалкое состояніе своей страны, и невольно они должны были проникаться стремленіемъ къ свободѣ.

Въ то же время выступилъ Жанъ-Жакъ Руссо, признававшій человѣческое общество испорченнымъ и причину этой испорченности видѣвшій въ дурныхъ учрежденіяхъ. Онъ призывалъ вернуться отъ извращенности, достигшей послѣдней степени, къ естественной простотѣ природы. Новыя и смѣлыя идеи, блестящая критика этого замѣчательнаго философа привели въ движеніе все общество. Ни одна книга не имѣла такого громаднаго вліянія на весь ходъ революціи,

какъ „Общественный Договоръ“ Руссо, гдѣ онъ выставилъ принципъ державности народа, общественнаго договора, объединяющаго весь народъ. По этому договору, государь могъ только управлять народомъ, издавать же законы долженъ былъ народъ, такъ что каждый членъ такого общества былъ одновременно и верховнымъ владыкой, и подданнымъ или гражданиномъ. Другіе пошли еще дальше. Морелли и Мабли нападали на господствующія понятія о собственности, также какъ Кондорсе и Бриссо, — извѣстные впослѣдствіи вожди партіи жирондистовъ. Бриссо принадлежитъ нѣсколько подстрекательное, преувеличивающее истину изреченіе, что собственность есть кража, — впослѣдствіи ложно приписанное Прудону.

Энциклопедисты часто подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ, но часто также имъ оказывали защиту вліятельные члены дворянскаго сословія. Тогда любили заигрывать съ новыми идеями, и произведенія новыхъ философовъ съ удовольствіемъ читались при дворѣ. Вообще, это было время, такъ называемаго, просвѣщеннаго деспотизма. Было не мало такихъ государей, которые брали подъ свое покровительство самыхъ радикальныхъ философовъ. Фридрихъ II прусскій былъ въ большой дружбѣ съ Вольтеромъ и Ламетри; въ послѣдніе годы своей жизни онъ видѣлъ также Мирабо и Лафайета. Екатерина II состояла въ интимной перепискѣ съ выдающимися энциклопедистами. Все, что хотѣло блеснуть умомъ, играло тогда новыми идеями, какъ красивымъ, но очень опаснымъ огнемъ.

Ко всему этому присоединилась еще война за независимость американскихъ колоній, вспыхнувшая въ послѣднее время передъ революціей. Когда знаменитый Веніаминъ Франклинъ явился въ Парижъ, дворъ и дворянство встрѣтили его съ такимъ же восторгомъ, какъ и народъ. Франція давно уже соперничала съ Англіей въ Америкѣ; теперь масса французовъ, воодушевленныхъ идеей борьбы за свободу, поспѣшила въ Америку подъ знамена славнаго національнаго вождя, Вашингтона. Между ними были люди, имена которыхъ впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность во время революціи, какъ Лафайетъ, Журданъ, Рошамбо, Кюстинъ и др. Особенное вниманіе возбудило участіе въ этой революціонной войнѣ столь знатнаго аристократа, какъ Лафайетъ; по возвращеніи во Францію, онъ получилъ отъ Людовика XVI прощеніе за свой, какъ тогда говорили, безумный поступокъ.

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы подготовить къ концу восемнадцатаго вѣка и произвести тотъ великій переворотъ, который уже давно предчувствовался. Казалось, даже воздухъ былъ насыщенъ новыми идеями, и всѣ сердца радостно бились при одной мысли о нововведеніяхъ. Люди, такъ сказать, спѣшили навстрѣчу революціи; всѣ мысленно ознакомились, сблизились съ нею. А все-таки, — когда революція настала, она оказалась совсѣмъ не тѣмъ, чего ждали, о чемъ мечтали. Философы и поэты мечтали о короткой эпохѣ судорожнаго напряженія народной силы, о непродолжительномъ времени насилій, послѣ которыхъ человѣчество войдетъ въ желанную пристань счастья и довольства. Государственные люди, конечно, смотрѣли на дѣло не такъ легко, но и они не предчувствовали, что близится начало страшной бури, которая въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ будетъ оглушать громами и молніями всю Европу.

* * *

Въ 1774 г. умеръ Людовикъ XV, и владычество куртизанки Дюбарри, наконецъ, прекратилось. Людовику XV наслѣдовалъ внукъ его, Людовикъ XVI. Молодой король уже по внѣшнему виду не производилъ выгоднаго впечатлѣнія; онъ держалъ себя неловко и неувѣренно. Самою большою его страстью была охота, благосостояніе же народа, казалось, мало интересовало его. Его трагическая судьба представляетъ его теперь въ особомъ свѣтѣ. Онъ былъ лишенъ всякой самостоятельности: характеръ его былъ такъ слабъ, что имъ управляли окружавшіе его и въ особенности его супруга. Во время революціи ему пришлось понести кару за многое, въ чемъ онъ былъ неповиненъ, но такъ какъ онъ, въ качествѣ монарха, былъ главнымъ представителемъ старой Франціи, то и громы революціи должны были разразиться надъ его головой.

Королева Марія-Антуанета, дочь императрицы Маріи-Терезіи австрійской и сестра императора Іосифа II, по натурѣ была сильнѣе своего мужа и господствовала надъ нимъ. Она была красива, несмотря на свою отвислую, габсбургскую нижнюю губу,—остроумна и мила. Но въ ней воплотилось все высокомѣріе стараго времени. Этой гордой женщинѣ, воспитанной во многихъ предразсудкахъ, были противны всякія, даже малѣйшія, уступки духу новаго времени;

дѣло дошло до того, что эта „австріячка“ стала очень ненавистной народу. Ее считали безнравственной, о ней разсказывали массу романическихъ исторій: правда ли это, или нѣтъ, — мы судить не можемъ, потому что хронику скандаловъ того болтливаго времени невозможно считать заслуживающимъ довѣрія историческимъ матеріаломъ. Но легкомысленная королева въ тѣ времена была бы явленіемъ вполнѣ понятнымъ во Франціи.

Бракъ Людовика XVI съ Маріей-Антуанетой былъ заключенъ изъ политическихъ соображеній, что во время революціи только облегчило вмѣшательство иностранныхъ державъ во внутреннія дѣла Франціи.

По вступленіи на престолъ Людовикъ XVI чувствовалъ, что управленіе государствомъ должно вестись теперь иначе, чѣмъ при Людовикѣ XV. Онъ разсуждалъ при этомъ очень просто: господство королевскихъ содержанокъ при обоихъ его предшественникахъ стало крайне ненавистнымъ народу, — Людовикъ XVI и поставилъ во главѣ правительства человѣка, для котораго владычество содержанокъ всегда было бѣльмомъ на глазу. Онъ сдѣлалъ своимъ главнымъ министромъ графа де-Морепа. При этомъ Морепа могъ дѣлать, что ему было угодно. Король былъ поглощенъ своими охотами на оленей, сернъ, зайцевъ и барсуковъ; ему надо было собственноручно убить 10.000 штукъ дичи въ годъ. Охота была для этого короля столь важнымъ дѣломъ, что мѣсто собранія генеральныхъ штатовъ, которыхъ хотѣли держать подальше отъ возбужденнаго Парижа, онъ назначилъ у самой столицы, въ Версали,—собственно, какъ онъ самъ говорилъ, ради охоты. Онъ велъ дневникъ, и тѣ дни, когда не было охоты, онъ отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ словомъ: „ничего“. 14 іюля 1789 г. — день взятія Бастиліи, отмѣчено здѣсь также: „ничего“. Это взятіе-то Бастиліи было „ничего“.

Между тѣмъ назначеніе Морепа имѣло для Франціи большую важность. Правда, этотъ старый придворный самъ не обладалъ способностями государственнаго человѣка, но онъ призвалъ къ правленію людей, бывшихъ сторонниками существенныхъ реформъ. А именно: маркизъ де-Верженнъ назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Ламуаньонъ де-Мальзэрбъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ и Тюрго—министромъ финансовъ. Эти люди предвидѣли неизбѣжность крушенія и сдѣлали попытку произвести посредствомъ своевременныхъ реформъ возрожденіе Франціи мирнымъ путемъ.

Ихъ идеи и планы были смѣлы для того времени, но осуществимы; тѣмъ не менѣе эти министры пали вслѣдствіе противодѣйствія привилегированныхъ классовъ. Слабый король колебался между своими министрами-реформаторами и представителями старыхъ привилегій.

Малербъ,—натура очень мягкая, старался очистить авгіевы конюшни французской юстиціи; онъ хотѣлъ уничтожить предписанія объ арестахъ и пытки. Онъ стоялъ за свободу печати и боролся съ цензурой и хотѣлъ также возстановить нантскій эдиктъ, т. е. религіозную терпимость во Франціи. Гораздо рѣшительнѣе были реформаторскія попытки его товарища, Тюрго, котораго, замѣтимъ кстати,—совсѣмъ напрасно причисляли къ соціалистамъ. Тюрго принадлежалъ къ школѣ физіократовъ, исходившей изъ устарѣлой и теперь уже совершенно опровергнутой доктрины, будто земля есть единственный источникъ богатства. Реформы Тюрго показываютъ, какъ дальновиденъ былъ этотъ человѣкъ: онъ хотѣлъ путемъ предписаній свыше устранить тѣ узы, которыя революція порвала насиліемъ. Онъ хотѣлъ расчистить дорогу быстро поднимавшемуся третьему сословію посредствомъ уничтоженія сохранившихся отъ среднихъ вѣковъ, окостенѣвшихъ формъ сношеній, торговли и производства. Тюрго былъ противъ займовъ и повышенія налоговъ; онъ стоялъ за полную свободу торговли и сношеній. Ему удалось напугать молодаго, двадцати-двухлѣтняго короля страшнымъ призракомъ революціи и склонить его къ своимъ планамъ. Прежде всего онъ объявилъ свободу торговли хлѣбомъ. Это было важное нововведеніе, такъ какъ раньше перевозить хлѣбъ изъ одной провинціи въ другую можно было только съ разрѣшенія властей. За противозаконную торговлю хлѣбомъ грозила ссылка на галеры и даже смертная казнь. Поэтому въ одной провинціи могъ свирѣпствовать голодъ, тогда какъ въ другой былъ излишекъ въ хлѣбѣ. Такъ какъ урожай 1774 г. былъ плохъ, то Тюрго введеніемъ свободы хлѣбной торговли думалъ принести пользу странѣ. Но противъ него вооружились всѣ привилегированные. Лишь чрезвычайное королевское засѣданіе „на подушкахъ“ заставило парижскій парламентъ, представлявшій интересы привилегированныхъ, внести эдиктъ о свободѣ хлѣбной торговли въ регистры. Но въ народѣ распространился слухъ, что именно свобода хлѣбной торговли вызвала дороговизну хлѣба, и невѣжественная толпа разъярилась противъ министра-реформатора. Дѣло до-

шло до мучной войны, о которой мы уже упоминали: народъ разграбилъ и разрушилъ государственные и частные хлѣбные магазины, что, конечно, только ухудшило его положеніе. Но неудача реформы Тюрго произошла, главнымъ образомъ, оттого, что сношенія были тогда еще не развиты и не организованы.

Эта первая неудача не ослабила энергіи Тюрго. Онъ снова расположилъ молодаго короля въ пользу своихъ реформаторскихъ идей и, такимъ образомъ, 6 февраля 1776 г. появилось шесть знаменитыхъ декретовъ, сильно взволновавшихъ старую Францію.

Въ этихъ декретахъ молодой король объявлялъ французамъ отмѣну барщинныхъ работъ. Затѣмъ, ими отмѣнялось много старыхъ предписаній, стѣснявшихъ торговлю и въ особенности торговлю предметами первой необходимости. Четвертый изъ этихъ декретовъ уничтожалъ цехи и званіе мастера, а также вводилъ полную свободу торговли и промысловъ. Только цирюльники, аптекаря, золотыхъ дѣлъ мастера, литографы и книгопродавцы были изъяты изъ дѣйствія этого декрета.

Тюрго далъ этимъ декретамъ, правда, нѣсколько доктринерскую, но удачно изложенную мотивировку. Такъ, въ декретѣ объ уничтоженіи цеховъ говорилось: „Мы считаемъ своей обязанностью обезпечить всѣмъ нашимъ подданнымъ полное и неограниченное пользованіе ихъ правами; особенно обязаны мы охранять тотъ классъ людей, у котораго нѣтъ иной собственности, кромѣ личнаго труда и прилежанія, и который поэтому больше всего имѣетъ нужду и право черпать въ полномъ размѣрѣ изъ этого единственнаго источника всѣ средства для своего существованія. Съ болью видѣли мы многочисленныя и разнообразныя нарушенія, которымъ подвергалось это естественное и всеобщее право путемъ различныхъ ограниченій; ограниченія эти хотя имѣютъ за себя давность, но они не могутъ быть узаконены ни временемъ, ни господствующими взглядами, ни даже авторитетомъ, который ихъ, повидимому, освятилъ".—Такія слова въ устахъ французскаго короля производили тогда огромное дѣйствіе. Здѣсь формально объявлялось право на трудъ, какъ дѣйствительно и говорится въ другомъ мѣстѣ этого замѣчательнаго документа, гдѣ сказано, что Богъ, давшій людямъ различныя потребности, далъ также въ собственность каждаго человѣка и право трудиться. „Право на трудъ", какъ мы дальше увидимъ, неоднократно снова всплывало въ различ-

ные періоды революціи. Конечно, о томъ, какъ воспользоваться этимъ „правомъ“ на дѣлѣ, тогда были еще менѣе ясныя представленія, чѣмъ теперь.

Въ общемъ же, дѣятельность Тюрго была направлена лишь къ осуществленію системы свободной конкуренціи.

Тутъ-то и заволновались привилегированные. Цехами они бы еще пожертвовали, но отмѣна барщины задѣла ихъ за живое. У дворянства и духовенства совѣсть была неспокойна: они боялись, что теперь, чего добраго, вскорѣ еще обложатъ налогами ихъ имѣнія и доходы. Цеховые мастера были въ высшей степени возбуждены: они должны были потерять привилегированное званіе мастера. Говорили, что послѣ объявленія свободы промысловъ все сельское населеніе устремится въ города и некому будетъ обрабатывать землю. Дворъ и парламенты, возстановленные лишь Людовикомъ XVI, вооружились противъ реформъ Тюрго. Правда, шесть его декретовъ были внесены въ регистры королевскимъ засѣданіемъ „на подушкахъ“, но противодѣйствіе парламентовъ все еще продолжалось. Когда же Тюрго выразилъ мысль, что необходимо созвать собраніе народныхъ представителей, противъ него возстали соединенными силами дворъ, дворянство, духовенство и разъяренный, обманутый ими народъ, въ пользу котораго Тюрго предпринималъ свои реформы. Слабаго и безхарактернаго короля увѣрили, что Тюрго лишь притворяется, будто онъ хочетъ предотвратить революцію, что на самомъ дѣлѣ онъ старается вызвать ее. И король удалилъ Тюрго—ровно черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ заставилъ парламентъ занести въ регистры его декреты. Въ августѣ 1776 г. цехи съ нѣкоторыми измѣненіями были снова возстановлены; возстановлена была и барщина. Тюрго избавилъ фабрики отъ „регламентовъ“; теперь они снова были введены. Мальзэрбъ, раздѣлявшій взглядъ Тюрго, тоже вышелъ въ отставку, и старый придворный Морепа былъ радъ, что избавился такимъ образомъ отъ двухъ опасныхъ реформаторовъ.

Реформаторская попытка Тюрго была сдѣлана слишкомъ поздно. Съ одной стороны, гангрена проникла уже очень далеко; съ другой, —ослѣпленіе привилегированныхъ достигло тогда своего зенита и, наконецъ, монархія была уже слишкомъ слабой, чтобы произвести переворотъ сверху. Жизнь пошла своей колеей.

Франція была въ страшныхъ долгахъ, и на одну

уплату процентовъ по нимъ нужны были огромныя суммы. Уже во время Людовика XIV государственные долги Франціи достигли 3.500 милліоновъ. Нужда въ деньгахъ стала мучительной и хронической. Дворъ не выносилъ столь бережливаго человѣка какъ Тюрго: ему нуженъ былъ такой министръ финансовъ, который бы съумѣлъ достать деньги и давалъ бы средства для его расточительности, вмѣсто того, чтобы толковать о бережливости, подобно Тюрго. Нѣкій Клюньи, котораго призвали на этотъ опасный постъ, скоро оказался неподходящимъ. Морепа, наконецъ, пришла идея поручить государственные финансы Франціи швейцарцу Неккеру, бывшему резидентомъ Женевской республики при французскомъ дворѣ.

Тутъ случилось еще одно событіе, привлекшее къ себѣ вниманіе французовъ. Въ Сѣверной Америкѣ какъ разъ теперь разыгралась война за независимость и сѣверо-американскій конгрессъ объявилъ свободу и независимость колоній; де-Верженнъ устроилъ такъ, что французы пришли на помощь возставшимъ колоніямъ, и Неккеру удалось достать необходимыя для этого средства. Сѣверо-Американская война оставила послѣ себя неизгладимый слѣдъ во французской арміи. Офицеры и солдаты вернулись изъ Америки съ гораздо болѣе свободными взглядами, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они были воспитаны. И какъ разъ въ это время правительство имѣло неосторожность приступить къ введенію въ арміи новыхъ, чрезвычайно строгихъ, порядковъ. Армія была тѣмъ болѣе ненавистной народу, что тогда еще не было такого избытка рабочихъ рукъ, какъ теперь; особенно озлоблялись крестьяне, когда продолжительная и очень трудная военная служба отрывала ихъ сыновей отъ работы. И теперь Людовикъ XVI, еще такъ недавно говорившій о правахъ французовъ, постановилъ, что никто не можетъ быть произведенъ даже въ подпрапорщики, если не докажетъ, что четыре предка его были дворянами. Ни одинъ прапорщикъ недворянскаго происхожденія не могъ быть произведенъ въ капитаны. Такимъ образомъ ни одинъ солдатъ не могъ разсчитывать на повышеніе. Затѣмъ, ввели въ арміи прусскіе военные порядки, которые считались тогда образцовыми, но были чрезвычайно суровы, а потому и ненавистны французамъ. Армія была раздражена также возстановленіемъ тѣлеснаго наказанія фухтелями и клинками сабель. Такимъ образомъ, въ войскѣ возникъ оппозиціонный духъ: это въ

значительной степени объясняетъ поведеніе французской арміи во время революціи.

Между тѣмъ и Неккеръ ухудшилъ положеніе французскихъ финансовъ. Правда, онъ былъ бережливъ, но его займы только увеличили бремя долговъ и гнетъ процентовъ. Такимъ образомъ, и Неккеръ пришелъ къ тому же, что имѣлъ въ виду еще Тюрго,—къ податному обложенію дворянства и духовенства. Онъ хотѣлъ созвать для этого собраніе народныхъ представителей,—именно, представителей трехъ сословій изъ каждой провинціи. Этотъ планъ также разбился о противодѣйствіе парламентовъ, которые въ интересахъ привилегированныхъ одновременно противились всякому расширенію правъ какъ короны, такъ и народа. Тогда Неккеръ прибѣгъ къ новому средству: онъ хотѣлъ расположить общественное мнѣніе въ пользу своей податной реформы и обнародовалъ представленный имъ королю докладъ о состояніи государственныхъ финансовъ.

Это былъ совершенно неслыханный тогда фактъ и онъ произвелъ громадное впечатлѣніе. Обнародованіе государственнаго бюджета,—явленіе самое заурядное въ настоящее время,—было тогда неслыханной новостью. Какое дѣло этимъ мѣщанамъ, крестьянамъ и поденщикамъ — какое, имъ дѣло до того, сколько дворъ расходуетъ на всемилостивѣйшія пожалованія, пенсіи и ренты своимъ любимцамъ? Зачѣмъ имъ, этой „черни", знать, что они платятъ почти все, привилегированные же — почти ничего? Зачѣмъ объявлять передъ всей Европой, какое страшное бремя государственныхъ долговъ накопило во Франціи столь продолжительное и неисправимое мотовство? Все общество стараго строя: дворъ, дворянство, духовенство, парламенты — все обрушилось на женевскаго выскочку, осмѣлившагося прибѣгнуть къ столь неслыханной мѣрѣ. Онъ долженъ былъ выйти въ отставку, но общественное мнѣніе онъ безусловно расположилъ въ свою пользу. Сверхъ того, онъ издалъ еще книгу о состояніи государственныхъ финансовъ во Франціи, въ которой подвергъ строгой критикѣ старыя злоупотребленія. И хотя Неккеръ не былъ представителемъ какой-либо реформаторской идеи въ собственномъ смыслѣ слова, онъ, несмотря на свое паденіе, сталъ съ этого момента любимцемъ публики.

Душой придворной партіи въ это время была уже королева, относившаяся съ самой глубокой ненавистью ко всѣмъ новаторамъ и нововведеніямъ. Братья короля оказывали ей

полную поддержку, между тѣмъ какъ самъ король колебался между разумными доводами своихъ министровъ и происками своего двора. Когда вскорѣ послѣ отставки Неккера умеръ старикъ Морепа, дворъ съумѣлъ устроить такъ, что мѣсто главнаго министра осталось незанятымъ. Между тѣмъ какъ раньше при назначеніи министровъ еще хоть сколько-нибудь соображались съ настроеніемъ народа, теперь въ министры могли попасть лишь такіе люди, которые обѣщали доставать возможно больше денегъ. И послѣ того какъ нѣсколько финансистовъ безуспѣшно пытались привести въ порядокъ разстроенные финансы, явился чародѣй, обѣщавшій сразу устранить затрудненія. Это былъ де-Калоннъ, выдвинутый придворной партіей. Этотъ человѣкъ, придворный стараго пошиба, отнесся къ дѣлу со всѣмъ легкомысліемъ своего времени. Бережливость въ финансовомъ управленіи казалась этому галантному кавалеру смѣшнымъ мѣщанствомъ: онъ замѣнилъ ее роскошью и расточительностью. Онъ прямо говорилъ, что роскошь двора способствуетъ развитію торговли, ремеслъ и промышленности. Безсмысленность этого взгляда очевидна, — стоитъ только сообразить, что народъ предварительно долженъ былъ доставить средства для этой роскоши. Слѣдовательно, роскошь двора,—самое большее,— могла лишь возвратить третьему сословію часть того, что раньше было взято у него.

Во время управленія Калонна придворные пережили веселые дни. Однихъ помѣстій имъ было продано или выгодно обмѣнено на 20 милліоновъ франковъ; но денегъ государственное казначейство не давало. Калоннъ собралъ всѣ подати, какія только можно было собрать, за нѣсколько лѣтъ впередъ и такимъ образомъ могъ уплатить проценты по государственному долгу. Это открыло блестящему придворному и государственному дѣятелю кредитъ, и онъ могъ теперь заключать, сколько угодно, займовъ: деньги лились къ нему рѣкой. Сразу были наполнены всѣ классы; дворъ утопалъ въ роскоши. Расточительность двора въ управленіи Калонна не разъ вызывала озлобленіе народа.

Финансовые фокусы Калонна были чрезвычайно опасной игрой; продолженіе ихъ неизбѣжно должно было вызвать катастрофу. И вотъ,—вдругъ, государственная касса опустѣла такъ же быстро, какъ раньше наполнилась, и даже такой чародѣй, какъ Калоннъ, не могъ найти средствъ, чтобы снова наполнить ее. Люди увидѣли, надъ какой страшной

бездной они ходятъ. Государственный долгъ увеличился со временъ отставки Неккера на цѣлыхъ 1.200 милліоновъ, дефицитъ равнялся 30 милліонамъ, подати были взысканы отчасти за нѣсколько лѣтъ впередъ, кредитъ государства упалъ до нуля.

Дворъ пришелъ въ смятеніе; онъ привыкъ къ старой роскошной жизни и не хотѣлъ разстаться съ нею. Но въ это время начали уже дѣйствовать враги двора. Нѣсколько аристократическихъ фамилій, можетъ быть изъ зависти, а можетъ быть вслѣдствіе искренняго отвращенія къ кичливости двора, были враждебно настроены противъ королевы. О ней начали распространять массу самыхъ дурныхъ слуховъ, и въ 1785 г. стала извѣстной пресловутая, еще и до сихъ поръ не вполнѣ разъясненная исторія съ ожерельемъ, въ которой фигурировало имя королевы. Невѣроятно, чтобы Марія-Антуанета могла принимать какое-либо участіе въ этомъ скандалѣ, устроенномъ кардиналомъ Рогановъ, обманщикомъ Каліостро и искателемъ приключеній Ламотъ-Валуа; но народъ, вполнѣ основательно возмущенный общимъ поведеніемъ двора, вѣрилъ тогда всему дурному, что̀ говорили о немъ, и считалъ его на все способнымъ.

Легкомысленный Калоннъ безпомощно извивался подъ двойнымъ гнетомъ—общественнаго мнѣнія и безденежья, ставшаго просто ужаснымъ: онъ не могъ придумать ничего новаго. Наконецъ, ему пришла спасительная, хотя отнюдь не новая мысль: старый придворный Калоннъ также потребовалъ податнаго обложенія имѣній дворянства и духовенства. Сначала дворъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, но у Калонна было сильное средство, чтобы убѣдить дворъ въ необходимости предлагаемой имъ реформы,—отсутствіе денегъ. Дворъ уступилъ, и взаимное отношеніе силъ измѣнилось. Раньше дворъ поддерживалъ привилегированныхъ въ ихъ борьбѣ съ министрами, теперь же онъ сталъ поддерживать министра противъ привилегированныхъ. Извѣстно было, что парламенты будутъ такъ же упорно противодѣйствовать новому плану податнаго обложенія, какъ раньше они противодѣйствовали планамъ Тюрго и Неккера. Рѣшить дѣло посредствомъ простаго королевскаго эдикта казалось Калонну слишкомъ рискованнымъ: онъ помнилъ о судьбѣ шести декретовъ Тюрго. Онъ колебался и, наконецъ, рѣшился предложить королю созваніе нотаблей, отъ которыхъ онъ ожидалъ осуществленія своихъ плановъ. Король подъ давленіемъ

настоятельно нуждавшагося въ деньгахъ двора согласился на это и нотабли собрались въ Версалѣ 22 февраля 1787 г., въ первый разъ послѣ 150-лѣтняго перерыва.

Это собраніе состояло изъ 137 членовъ, среди которыхъ были высшіе сановники дворянства и духовенства. Лицъ не дворянскаго происхожденія было среди членовъ собранія только восемь, однако и о нихъ, по крайней мѣрѣ, говорили, что они стремятся стать дворянами.

Калоннъ слишкомъ понадѣялся на себя. Дѣйствительно, какъ онъ могъ ожидать, что нотабли, сами принадлежавшіе къ привилегированнымъ, утвердятъ его проектъ податнаго обложенія дворянства и духовенства. Всю вину въ плачевномъ состояніи финансовъ онъ взвалилъ на Неккера. Но это не помогло ему. Нотабли заявили Калонну, что они не считаютъ его способнымъ осуществить преобразованія; этимъ они лишь желали прикрыть свою враждебность къ податной реформѣ. Къ этому выраженію недовѣрія Калонну со стороны нотаблей присоединилось еще и недовѣріе народа, который вполнѣ основательно не могъ положиться на него въ дѣлѣ серьезныхъ реформъ. И дворъ, для котораго Калоннъ устроилъ столько пышныхъ празднествъ, оставилъ своего любимца: чародѣй, такъ торжественно провалившійся, долженъ былъ выйти въ отставку.

Во время этой агоніи стараго строя народъ, лишенный главы, вождя, не занималъ опредѣленнаго положенія. Въ массѣ еще не выдѣлились опредѣленныя партіи. Все, что страдало подъ гнетомъ стараго строя, было противъ двора. Значеніе и положеніе нотаблей сперва было понято народомъ совершенно превратно. Народъ совсѣмъ не понималъ, что дворъ подъ давленіемъ безденежья рѣшился нарушить привилегіи дворянства и духовенства: настолько массы были еще чужды политическаго развитія. Нотаблей, бывшихъ представителями привилегированныхъ сословій, считали ставлениками двора, и на улицахъ, подъ именемъ „нотаблей“, продавали гипсовыя статуэтки съ согбенными шеями. Но когда они выступили противъ Калонна и двора, настроеніе массы вдругъ измѣнилось, и расположеніе народа всецѣло перешло на ихъ сторону: онъ и теперь не понялъ, что оппозиція нотаблей имѣла въ виду лишь интересы привилегированныхъ.

Чтобы скрыть свои намѣренія, враждебные народу нотабли заявили, что они готовы одобрить финансовую ре-

форму, если только она будетъ поручена человѣку, который бы пользовался ихъ довѣріемъ. Король избралъ такого человѣка изъ среды большинства собранія нотаблей; это былъ Леомени-де-Бріеннъ, архіепископъ тулузскій и сансскій. Этого человѣка причисляли къ энциклопедистамъ, что въ высшемъ духовенствѣ того времени не было большой рѣдкостью. Живой, остроумный, Бріеннъ считался любимцемъ королевы, такъ что у него, казалось, не было недостатка во вліяніи. Онъ былъ назначенъ главнымъ министромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министромъ финансовъ.

Бріеннъ снова взялся за проектъ Калонна, и нотабли, своимъ заявленіемъ сами предписавшіе себѣ извѣстное отношеніе къ дѣлу, одобрили, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, нѣсколько второстепенныхъ реформъ. Бріеннъ добился уничтоженія нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ, внутреннихъ таможенъ, разрѣшенія выкупа обязательныхъ работъ крѣпостныхъ и займа въ шесть милліоновъ франковъ, которые должны были выплачиваться въ видѣ пожизненной ренты. Форма, въ которой былъ сдѣланъ этотъ заемъ, опять была крайне неудачнымъ изобрѣтеніемъ, потому что, хотя государству и не надо было отдавать его, но приходилось платить громадные проценты, неизбѣжные при пожизненной рентѣ, что снова увеличивало дефицитъ и недовольство. Кромѣ того, сумма въ шесть милліоновъ при тогдашнемъ состояніи финансовъ была лишь каплей, упавшей на раскаленное желѣзо, и безденежье заставило, наконецъ, Бріенна обратиться къ его главному плану. Онъ предложилъ поземельную таксу, податное обложеніе земель дворянства и духовенства. Чтобы нѣсколько позолотить пилюлю, онъ назвалъ налогъ субвенціей (вспомоществованіе). Но нотабли отвергли его „субвенцію“ громаднымъ большинствомъ голосовъ, и Бріеннъ увидѣлъ, что съ этимъ собраніемъ онъ ничего не достигнетъ. Собраніе нотаблей было распущено уже 25 мая 1787 г.

Привилегированные не только вышли побѣдителями изъ этой борьбы съ дворомъ, вѣчно нуждавшимся въ деньгахъ, но и обманули народъ, который имѣлъ наивность еще радоваться тому, что и впредь онъ лишь одинъ будетъ нести бремя государственныхъ налоговъ.

Однако Бріеннъ не оставлялъ своего плана. Несмотря на то, что Тюрго, Неккеръ и Калоннъ пали именно изъ-за подобныхъ же плановъ, Бріеннъ могъ упорно настаивать на

своемъ, потому что дворъ былъ вполнѣ на его сторонѣ. Дворъ, поддерживая проектъ податнаго обложенія земель дворянства и духовенства, показывалъ этимъ, что онъ скорѣе готовъ былъ разстаться со своими предразсудками, чѣмъ со своею роскошью, пышными празднествами и иными прелестями придворной жизни.

Бріеннъ обратился теперь къ парламентамъ. Парижскій парламентъ безъ всякаго возраженія занесъ въ регистры всѣ королевскіе эдикты, основанные на постановленіяхъ нотаблей. Министръ финансовъ придумалъ, какъ ему казалось, чрезвычайно тонкую хитрость. Къ своей земельной таксѣ („субвенція") онъ присоединилъ еще штемпельную таксу, которая должна была лечь, главнымъ образомъ, на третье сословіе. Онъ надѣялся, что парламентъ приметъ штемпельную таксу, а вслѣдствіе этого общественное мнѣніе заставитъ его принять и таксу земельную. Если бы министръ предложилъ парламенту сперва одну лишь штемпельную таксу, его планъ, можетъ быть, и удался бы. Но онъ предложилъ обѣ таксы одновременно и этимъ далъ парламентскимъ хитрецамъ возможность мастерски отпарировать ударъ. Парламентъ заговорилъ теперь не о налогѣ на земли дворянства и духовенства, а только о штемпельной таксѣ и о томъ новомъ бремени, которое наложитъ она на народъ. Это въ высшей степени увеличивало сочувствіе народа парламенту: народъ такъ же мало могъ разобраться въ военныхъ хитростяхъ привилегированныхъ, какъ и въ интригахъ двора. Среди бурнаго одобренія народныхъ массъ парламентъ отвергъ оба проекта налоговъ. Теперь стали утверждать, что право рѣшенія вопроса о введеніи новыхъ налоговъ принадлежитъ только представительству всѣхъ сословій страны или генеральнымъ штатамъ. Чтобы окончательно разрушить всѣ планы правительства, парламентъ, наконецъ, объявилъ, что до сихъ поръ, занося въ регистры королевскіе эдикты, онъ пользовался правомъ утвержденія налоговъ, но что, присвоивая себѣ это право, онъ поступалъ вопреки основнымъ законамъ страны, такъ какъ утверждать новые налоги могутъ только генеральные штаты или вообще только представительство всей націи.

Это объявленіе взволновало всю Францію: народъ встрѣтилъ его бурными одобреніями. Это былъ тяжелый ударъ для правительства. Привилегированные, задѣтые за живое въ своихъ классовыхъ интересахъ, не побоялись нанести

монархіи этотъ ударъ; онъ имѣлъ неисчислимыя послѣдствія, и, можетъ быть, позже привилегированные дали бы многое и многое, лишь бы только онъ не былъ нанесенъ.

Но теперь еще никто не понималъ всей важности сдѣланнаго шага. Разыгралась обычная въ такихъ случаяхъ комедія. Парламентъ былъ созванъ въ чрезвычайное королевское засѣданіе „на подушкахъ", и эдикты были занесены въ регистры по указу короля. Но парламентъ пошелъ дальше: онъ объявилъ, что вынужденное занесеніе эдиктовъ въ регистры не имѣетъ никакого значенія. Вслѣдствіе этого парламентъ былъ сосланъ въ Труа, и эта мѣра была выполнена военными экзекуторами съ большою суровостью.

Такимъ образомъ, Бріеннъ и здѣсь потерпѣлъ неудачу. Онъ хотѣлъ подрѣзать привилегіи дворянства и духовенства и этимъ привелъ ихъ представителей въ парламентѣ въ такую ярость, что они не побоялись подрубить самые корни абсолютной монархіи.

Изъ этой классовой борьбы, въ которой французское дворянство и духовенство защищало свои привилегіи, видно съ рѣдкой въ исторіи ясностью, какъ легко отбрасываются въ сторону политическіе принципы тамъ, гдѣ рѣшающее значеніе имѣютъ классовые интересы. Привилегированные подрубили ту вѣтвь, на которой сами они сидѣли, именно, абсолютную королевскую власть, надѣясь этой отчаянной мѣрой спасти свои привилегіи и перенести ихъ въ новый, грядущій строй общества. Дворъ же старался ограничить привилегіи дворянства и духовенства, потому что онъ настоятельно нуждался въ деньгахъ. Такъ двинулась лавина революціи, и ни одинъ изъ борющихся не могъ уже остановить ее.

Денежныя затрудненія все возрастали, и Бріеннъ попытался мирно поладить съ парламентомъ. Но онъ взялся за дѣло снова крайне неловко. Склонивъ на свою сторону нѣсколькихъ изъ старшихъ членовъ парламента и понадѣявшись на ихъ вліяніе, онъ вызвалъ парламентъ изъ Труа и предложилъ проектъ займа, который имѣлъ быть сдѣланъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Бріеннъ обѣщалъ, что въ эти четыре года будутъ созваны генеральные штаты, обнародованъ государственный бюджетъ и возстановленъ нантскій эдиктъ.

Но парламентъ, чтобы сохранить за собою расположеніе народа, долженъ былъ держаться своего прежняго пути; къ тому же онъ былъ связанъ своимъ объявленіемъ относительно утвержденія новыхъ налоговъ. 20-го сентября со-

стоялось рѣшительное засѣданіе. Оно сразу же получило большое значеніе вслѣдствіе поведенія на немъ принца Орлеанскаго. Этотъ принцъ, человѣкъ двусмысленный и безнравственный, перешелъ на сторону оппозиціи, послѣ того какъ у него возникли непріятности съ дворомъ. Многіе думали, что онъ надѣялся вступить на престолъ послѣ сверженія старшей линіи Бурбоновъ и для этого старался пріобрѣсть популярность; другіе считали его искреннимъ сторонникомъ народа; многіе не довѣряли ему ни при какихъ условіяхъ. Чего онъ хотѣлъ? Этого, можетъ быть, онъ и самъ не зналъ; можетъ быть, лишь жажда приключеній побуждала его принимать участіе въ революціи, пока она не поглотила его. 20-го сентября онъ сталъ во главѣ оппозиціи. Когда явился король для внесенія въ регистры эдикта о займѣ, герцогъ Орлеанскій своимъ дерзкимъ поведеніемъ привелъ его въ такое замѣшательство, что Людовикъ совершенно растерялся и оставилъ собраніе. Заемъ былъ теперь отвергнутъ; въ отвѣтъ на это, король сослалъ герцога Орлеанскаго въ одинъ изъ его замковъ и велѣлъ посадить въ государственную тюрьму многихъ изъ самыхъ извѣстныхъ ораторовъ парламента. Способъ ареста членовъ парламента среди засѣданія снова возбудилъ недовольство во всей Франціи.

Теперь Бріеннъ отчаялся уже въ томъ, что ему удастся управиться съ парламентомъ обыкновенными средствами, и задумалъ съ королемъ государственный переворотъ. Но какъ ни тайно велись приготовленія къ перевороту, парламентъ узналъ о нихъ; онъ съ большой энергіей и ловкостью взялся за оружіе. Уже 4-го апрѣля 1788 г. онъ объявилъ незаконными предписанія объ арестахъ и вообще произвольные аресты; 27-го же апрѣля послѣдовало объявленіе основныхъ законовъ французской монархіи. Основными законами ея, между прочимъ, были объявлены: право утвержденія налоговъ генеральными штатами, несмѣняемость судей, право парламентовъ отвергать противузаконные эдикты, право гражданина на законный судъ, гарантія отъ произвольнаго ареста. Тутъ въ первый разъ было произнесено, что Франція есть монархія, управляемая королемъ *по законамъ* и, въ виду затѣваемаго государственнаго переворота, громогласно былъ заявленъ протестъ противъ всякаго нарушенія основныхъ законовъ.

Лишь теперь увидѣли, какъ далеко зашло дѣло; дворъ

испугался, но Бріеннъ все-таки предпринялъ государственный переворотъ. Появились три королевскихъ эдикта, но они заранѣе стали извѣстны парламенту, благодаря ловкости члена его, д'Эспремениля, принесшаго одинъ экземпляръ эдиктовъ. Эти эдикты лишали парламенты всякаго политическаго значенія, отнимая у нихъ право внесенія въ регистры королевскихъ повелѣній. Мѣсто парламента должна была занять особая палата, cour plenière, имѣвшая состоять изъ лицъ, зависѣвшихъ отъ двора. Судебная власть парламентовъ была значительно ограничена, и число ихъ членовъ уменьшено.

Эти декреты появились 8 мая 1788 г., но государственный переворотъ не удался. Парламенты всей Франціи протестовали противъ нарушенія основныхъ правъ и будущихъ членовъ cour plenière объявили лишенными чести. Отъ дворянства являлись ко двору депутаціи съ протестами. Одну такую депутацію, состоявшую изъ двѣнадцати дворянъ изъ Бретани, король велѣлъ посадить въ Бастилію, но на мѣсто нея явилось пятьдесятъ другихъ. Во многихъ провинціяхъ вспыхнули возстанія народа, которымъ еще больше поддавали жару неурожай и голодъ. Правительство совершенно не могло располагать войсками: теперь ему отомстилось прекращеніе доступа къ офицерскимъ чинамъ лицамъ не дворянскаго происхожденія. Дворяне-офицеры прекрасно понимали, что въ борьбѣ между парламентомъ и монархіей дѣло идетъ о привилегіяхъ дворянства, и поддерживали неповиновеніе въ войскѣ. Одинъ полковникъ въ Дофинэ говорилъ, что онъ не можетъ положиться на своихъ солдатъ, начиная съ полковника—т. е., включая въ число ненадежныхъ и самого себя. Въ самомъ Парижѣ, казалось, съ минуты на миниту вспыхнетъ возстаніе. При такихъ обстоятельствахъ государственный переворотъ не могъ достигнуть желанныхъ результатовъ. Надъ головою Бріенна повисла постоянная, неумолимая угроза банкротства. Такъ, дворъ, наконецъ, уступилъ и созвалъ генеральные штаты, само имя которыхъ давно уже стало паролемъ націи. Королевскій эдиктъ временно уничтожилъ cour plenière и созвалъ генеральные штаты на 1 мая 1789 г.

Бріеннъ не могъ дольше держаться, потому что онъ требовалъ денегъ еще до собранія генеральныхъ штатовъ. Онъ хотѣлъ выплатить бумагами двѣ пятыхъ процентовъ по государственному долгу и отложить платежи различныхъ срочныхъ долговъ. Поднялись громкіе крики о государственномъ банкротствѣ; теперь дворъ и король оставили Калонна. 27

августа 1788 г. онъ вышелъ въ отставку, напутствуемый радостью народа. На парижскихъ площадяхъ народъ публично жегъ его изображенія.

Такимъ образомъ, представители привилегированныхъ классовъ отвоевали у абсолютной монархіи одно изъ важнѣйшихъ правъ народа, право утвержденія налоговъ народнымъ представительствомъ. Они сдѣлали это не потому, чтобы парламенты хотѣли превратить Францію въ конституціонную монархію, а единственно потому, что дворянство и духовенство надѣялись посредствомъ права утвержденія налоговъ предотвратить податное обложеніе своихъ имѣній. Вотъ, какіе странные плоды даетъ борьба за классовые интересы.

Съ созваніемъ генеральныхъ штатовъ революція была уже въ полномъ ходу. Столкновеніе придворной партіи съ привилегированными вызвало пожаръ, который въ движеніи народныхъ массъ находилъ все новую и новую пищу. Привилегированныя сословія стряхнули абсолютизмъ, опираясь при этомъ на плечи народной массы. Скоро должно было настать время, когда народъ сдвинетъ свои плечи и стряхнетъ привилегіи дворянства и духовенства.

Кронпринцесса Софія-Шарлотта Брауншвейгъ-Вольфенбютельская.

Супруга царевича Алексѣя Петровича, кронпринцесса Софія Шарлотта Брауншвейгъ-Вольфенбютельская скончалась въ полночь на 22 октября 1715 года, на десятый день послѣ рожденія сына Петра, будущаго Императора Петра II. Разсказы о несчастной участи кронпринцессы произвели такое сильное впечатлѣніе на современниковъ, что спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ ея смерти распространился въ Европѣ слухъ, что кронпринцесса въ 1715 г. тайно бѣжала изъ Россіи въ Америку, въ Луизіанѣ вышла замужъ за француза, лейтенанта Обера, или д'Обана, возвратилась съ нимъ въ Европу, жила нѣсколько лѣтъ въ Иль-де-Франсѣ, потомъ въ Парижѣ и умерла въ глубокой старости въ Брюсселѣ [1]). Къ этому добавляютъ еще, что во время проживанія своего въ Парижѣ, кронпринцесса была узнана Морицомъ Саксонскимъ. Поэтому она снова удалилась на Иль-де-Бурбонъ и только послѣ смерти мужа и дочери возвратилась въ Европу. Потомъ тайно жила въ Парижѣ и Брюсселѣ, получая большую пенсію отъ Брауншвейгскаго двора [2]).

Кронпринцесса Шарлотта вообще сдѣлалась предметомъ исторической литературы; но особенно беллетристика воспользовалась романическимъ матеріаломъ легенды. Въ 1804 году появилась новелла Zschokke „Принцесса Вольфенбютельская", за нею послѣдовали и другія преимущественно на французскомъ языкѣ, и въ переводахъ на датскомъ, испанскомъ и голландскомъ языкахъ. Также были и драматическія произведенія: въ Парижѣ въ „Théâtre des Variétés" 16 августа 1836 года была поставлена даже пьеса: „Madame Péterhoff, vaudeville-anecdote en un acte", имѣвшая предметомъ именно бѣгство кронпринцессы Шарлотты за

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Томъ VI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, стр. 45.

[2]) Die Kronprinzessin Charlotte von Russland nach ihren ungedruckten Briefen 1707—1715. Bonn 1875, стран. 166.

границу. Также и Везе (Vehse) въ своей „Исторіи нѣмецкихъ дворовъ“ воспользовался этимъ же матеріаломъ[1]).

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ парижскаго журнала „Monde illustré“, отъ 28 октября 1899 года, появилась по тому же поводу слѣдующая не лишенная интереса статья: „Въ 1771 году въ газетѣ „Les nouvelles à la main“ напечатана была замѣтка: только-что умерла въ своемъ хорошенькомъ домикѣ въ деревушкѣ Витри (Vitry), близъ Парижа, г-жа д'Обанъ. На видъ ей было болѣе 80 лѣтъ. Она жила уже очень давно въ этой деревушкѣ и никуда не выѣзжала со времени смерти г-на д'Аржансона[2]), котораго ѣздила навѣщать въ Версаль, гдѣ всѣ смотрѣли на нее съ большимъ любопытствомъ. Послѣ г-жи д'Обанъ не осталось никакого прямаго наслѣдника, а по духовному завѣщанію все свое имущество она отказала герцогинѣ Голштинской, но такъ какъ оказалось, что герцогини уже нѣтъ въ живыхъ, душеприказчикъ покойной г-жи д'Обанъ, мѣстный аббатъ, былъ въ большомъ затрудненіи, какъ выполнить послѣднюю волю покойной, ибо наслѣдники герцогини Голштинской были ему неизвѣстны, почему оставшееся имущество и должно было перейдти въ казну. Тогда аббатъ испросилъ аудіенцію у его величества, послѣдствіемъ которой было приказаніе снять съ имущества запрещеніе. Въ настоящее время идетъ распродажа имущества покойной госпожи д'Обанъ, которая, какъ извѣстно, никого никогда не видѣла и не принимала у себя, кромѣ своего управляющаго (directeur) и государственнаго посла (M. l'ambassadeur de l'Empire). Большая толпа каждый день наполняетъ деревушку Витри, чтобы присутствовать при описи имущества и самаго дома особы, такъ давно возбуждавшей общественное вниманіе“.

Такая таинственная замѣтка продолжаетъ авторъ статьи Ж. Ленотръ,—понятно,—не могла не возбудить любопытства; это было еще въ тѣ времена, когда газеты не могли всего говорить, и чтобы лучше быть освѣдомленнымъ, каждое европейское государство имѣло титулованнаго агента въ Парижѣ для полученія свѣдѣній о закулисной сторонѣ политики и интригахъ при французскомъ дворѣ, гдѣ сталкивались тогда интересы всего міра. Вотъ эти-то агенты принялись за розыски, и вотъ какія удалось имъ собрать свѣдѣнія: царевичъ Алексѣй, сынъ Петра Великаго, женился на кронпринцессѣ Шарлотѣ Брауншвейгской, сестрѣ императрицы Елисаветы австрійской. Кронпринцесса была женщина милая, кроткая, полная достоинствъ, что однако не помѣшало ея мужу обходиться съ ней крайне грубо. Онъ былъ очень влюбленъ въ одну изъ русскихъ боярышенъ изъ фамиліи Нарышкиныхъ, на которой и хотѣлъ жениться, и поэтому ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы лишь избавиться отъ своей супруги. Люди знающіе увѣряютъ, что онъ прибѣгалъ даже къ яду и девять разъ покушался на жизнь своей супруги, но ни одно изъ покушеній

---

[1]) Der Zarewitsch Alexei (1690—1718) Von A. Brückner., стр. 9.

[2]) Вѣроятно, графъ Маркъ Пьеръ Аржансонъ, род. 1696 г., ум. 1764, былъ военнымъ министромъ во Франціи и удаленъ вліяніемъ г-жи Помпадуръ.

не удалось; тогда царевичъ, взбѣшенный, однажды до того избилъ ее, что она почти замертво упала.

Царь Петръ Великій былъ въ то время во Франціи, и бѣдная Шарлотта не могла прибѣгнуть къ его защитѣ. Видя, что она находится во власти жестокаго царевича, что бѣжать ей нельзя, потому что ее стерегли, какъ въ тюрьмѣ, что написать своей сестрѣ-императрицѣ она не можетъ, потому что письма ея перехватывались, кронпринцесса рѣшила, что лучшимъ средствомъ избавиться отъ тиранніи царевича—выдать себя за мертвую. Она окружена была слугами и докторами, совершенно ей преданными; въ одной изъ Петербургскихъ больницъ взятъ былъ трупъ женщины, который и положили на кровать Шарлотты, затѣмъ было объявлено царевичу о смерти его супруги. Царевичъ не высказалъ никакого сожалѣнія и приказалъ скорѣе похоронить ее безъ всякой помпы, что̀ и было исполнено буквально. Послѣ этого были разосланы по всей Европѣ курьеры съ извѣстіемъ о смерти кронпринцессы, и при всѣхъ дворахъ наложенъ былъ трауръ. Между тѣмъ кронпринцесса Шарлотта благополучно достигла Швеціи, откуда отправилась въ Канаду, въ сопровожденіи стараго слуги Вольфа, котораго она выдавала за своего отца.

Въ Квебекѣ, гдѣ поселилась кронпринцесса, въ одной изъ церквей, она встрѣтилась съ французскимъ офицеромъ, кавалеромъ д'Обаномъ. Д'Обанъ два года тому назадъ пріѣзжалъ въ Россію, съ цѣлью поступить на русскую службу, и увидѣлъ тамъ кронпринцессу; меланхоличный и удрученный видъ Шарлотты такъ врѣзался ему въ память, что онъ не могъ никогда ея забыть. Д'Обанъ тотчасъ же призналъ въ дѣвицѣ Вольфъ кронпринцессу и, несмотря на невѣроятность такого совпаденія, имѣлъ настолько благоразумія и скромности, что и виду не показалъ принцессѣ, въ которую, какъ уже можно догадаться, былъ страстно влюбленъ. Только лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда газеты въ Европѣ возвѣстили о смерти цесаревича Алексѣя, д'Обанъ отважился объясниться: Шарлотта граждански считалась умершею; она приходила въ ужасъ отъ тѣхъ затрудненій, которыя ей предстояли, если бы она пожелала занять свое прежнее положеніе; она сознавала, что кромѣ несчастій прежняя ея жизнь ничего не представляла, и поэтому нисколько о нѣй не сожалѣла. Къ тому же и старый слуга Вольфъ умеръ, а съ нимъ исчезъ и главный свидѣтель, который могъ бы удостовѣрить ея личность. Короче говоря, она рѣшилась молчать, а такъ какъ д'Обанъ съумѣлъ затронуть ея еще дѣвственное сердце и кромѣ того былъ единственнымъ человѣкомъ, который узналъ ее и могъ утѣшить, она рѣшилась выдти за него замужъ и сдѣлалась женою французскаго капитана, состоящаго на службѣ у канадскаго правительства. Впервые въ своей жизни, въ этой скромной обстановкѣ, Шарлотта познала счастье; забывъ совершенно, что она была супруга наслѣдника самаго обширнаго государства въ мірѣ, что сестра ея императрица и что сама она герцогская дочь, Шарлотта только заботилась о своемъ мужѣ, съ которымъ раздѣляла всѣ труды.

Такъ прожила она десять лѣтъ, болѣе счастливая, разумѣется,

чѣмъ въ царскомъ дворцѣ; но здоровье д'Обана, благодаря климатическимъ условіямъ Канады, сильно пошатнулось, и онъ захотѣлъ снова увидѣть Францію, куда за нимъ послѣдовала и его жена. Они поселились въ Парижѣ, гдѣ д'Обанъ получилъ мѣсто въ управленіи Индійской Компаніи.

Г-жа д'Обанъ иногда гуляла въ Тюильри съ своей дочкой и не предполагала, что кто-нибудь можетъ ее узнать; но однажды случилось, что она произнесла нѣсколько словъ по-нѣмецки; графъ, впослѣдствіи маршалъ Саксонскій [1]), услышавъ, что говорятъ на его родномъ языкѣ, приблизился къ ней. Г-жа д'Обанъ подняла голову, и графъ попятился назадъ отъ удивленія и ужаса. Шарлотта сама совершенно потерялась и не смогла скрыть своего смущенія, и только просила его никому не открывать ея тайны.

Онъ обѣщалъ исполнить ея просьбу, но при этомъ объяснилъ, что о встрѣчѣ съ нею обязанъ доложить королю. Она согласилась, съ условіемъ однако, что онъ доложитъ не ранѣе, какъ черезъ три мѣсяца. Тогда же назначила ему, по его настоянію, и свиданіе.

Въ условленный день графъ явился къ г-жѣ д'Обанъ, но узналъ, что она уже нѣсколько недѣль тому назадъ покинула Парижъ и отправилась на Иль-де Бурбонъ (французскій островъ въ Индѣйскомъ океанѣ).

Графъ Саксонскій разсказалъ объ этомъ подъ большимъ секретомъ Людовику XV; послѣдній подъ секретомъ же написалъ императрицѣ, молва распространилась во всемъ дипломатическомъ мірѣ въ Европѣ; австрійское правительство предложило кронпринцессѣ Шарлоттѣ большія имѣнія и титулъ императрицы матери при условіи, если она оставитъ своего мужа, котораго возьметъ на свое попеченіе французскій король. Но Шарлотта не откликнулась на это.

Въ Парижѣ она появилась лишь въ 1740 году, послѣ смерти своего мужа и дочери. Не получивъ разрѣшенія поселиться въ монастырѣ Бельшасъ, куда она хотѣла удалиться, д'Обанъ купила у президента Фейда домъ въ Витри, близъ Парижа, за который заплатила 1.200 франковъ.

Высказываютъ, что императрица Марія-Терезія до самой смерти выплачивала ей пансіонъ въ 45 тысячъ ливровъ, изъ коихъ три четверти г-жа д'Обанъ жертвовала бѣднымъ.

Но что вѣрнѣе, австрійскій посолъ въ Парижѣ оказывалъ г-жѣ д'Обанъ почести и присутствовалъ на ея похоронахъ, чего было достаточно, чтобы весь Парижъ заговорилъ.

Всѣ эти таинственныя исторіи очень заманчивы, но въ концѣ концовъ всегда является сомнѣніе, такъ какъ не имѣется для рѣшенія ихъ никакихъ документовъ, никакихъ свидѣтелей.

Такъ и исторія кронпринцессы Шарлотты Брауншвейгской можетъ быть такая же историческая загадка, какъ, напримѣръ, исто-

---

[1]) Морицъ, графъ Саксонскій, родился 1696 г., побочный сынъ Августа II, короля польскаго и саксонскаго, и графини Маріи Авроры фонъ Кенигсмаркъ, вступилъ во французскую службу 1720 г., избранъ въ герцоги Курляндіи 1726 г., но тщетно боролся за обладаніе ею. Какъ maréchal de camp одержалъ много побѣдъ; умеръ 1750 г.

рія о желѣзной маскѣ. А можетъ быть просто—г-жа д'Обанъ была не что иное, какъ ловкая и смѣлая авантюристка".

Въ заключеніе Ленотръ приводитъ слѣдующее мнѣніе маршала Ришелье, который слылъ за всевѣдущаго человѣка. Когда его однажды спросили объ умершей въ Витри особѣ, онъ ограничился отвѣтить лишь какъ бы въ разсѣянности: „А г-жа д'Обанъ... Я мало объ этомъ знаю.—Я ничего не скажу... (Je ne sais pas trop—Je ne vous dirai pas)" [1]).

Распространившуюся легенду о бѣгствѣ кронпринцессы Шарлотты изъ Россіи сочли своимъ долгомъ опровергнуть извѣстный ученый Мюллеръ и нашъ историкъ Н. Устряловъ, который говоритъ, что „существуютъ несомнительные акты, удостовѣряющіе, что кронпринцесса скончалась 22 октября 1715 года въ С.-Петербургѣ и погребена въ Петропавловскомъ соборѣ въ крѣпости (акты эти приведены въ VI томѣ „Исторіи царствованія Петра I", а именно: свидѣтельство о кончинѣ кронпринцессы Шарлотты, подписанное всѣми пользовавшими ее докторами, и сообщенія нѣмецкаго президента Плейера Цезарю Карлу VI о томъ же отъ 4 ноября и о похоронахъ ея отъ 8 ноября 1715 года).

Къ числу всѣхъ этихъ легендарныхъ произведеній о кронпринцессѣ Шарлоттѣ нельзя не причислить появившіяся въ штутгартскомъ журналѣ „Deutsche Revue", въ книжкахъ за октябрь, ноябрь и декабрь 1899 года выдержки изъ дневника самой кронпринцессы Шарлотты. Дневникъ этотъ очевидно составленъ на основаніи циркулировавшихъ тогда въ Европѣ слуховъ и основанъ на вышеприведенной легендѣ о бѣгствѣ кронпринцессы изъ Россіи.

Но прежде чѣмъ ознакомить съ этимъ дневникомъ, для возстановленія въ памяти читателей жизни въ Россіи кронпринцессы Шарлотты (прибыла въ Петербургъ въ маѣ 1713 года, умерла 22 октября 1715 года), а также и для того, чтобы можно было судить о всѣхъ встрѣчающихся въ дневникѣ неточностяхъ и несоотвѣтствующихъ исторической дѣйствительности данныхъ, необходимо предпослать ему слѣдующую историческую справку.

Мысль о женитьбѣ царевича Алексѣя Петровича на иностранной принцессѣ явилась у императора Петра, вѣроятно, еще въ то время, когда онъ намѣревался отправить царевича для воспитанія въ Германію, что однако не состоялось. Въ 1705 году воспитатель царевича баронъ Гюйссенъ [2]) былъ посланъ за границу для „исполненія разныхъ порученій" и, какъ самъ онъ впослѣдствіи свидѣтельствовалъ, дѣло о бракѣ царевича было устроено имъ въ 1707 году [3]).

---

[1]) Любопытно указаніе на г-жу д'Обанъ, которое дѣлаетъ современный путешественникъ Джонъ Мэръ. См. въ „Страничкахъ прошлаго" въ концѣ нашей книги, статью „Бракосочетаніе Людовика XVI".

[2]) Баронъ Генрихъ Гюйссенъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Гизена, былъ очень умный и образованный человѣкъ; въ 1702 году онъ перешелъ на русскую службу и въ слѣдующемъ году былъ избранъ Петромъ въ наставники своему сыну.

[3]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Томъ VI, стран. 24.

Дѣйствительно, въ 1707 году въ Вѣнѣ между барономъ Гюйссеномъ и барономъ Урбихомъ[1]) были переговоры о женитьбѣ царевича[2]). Между прочимъ думали и объ одной изъ дочерей короля Іосифа I. Потомъ выборъ остановился на принцессѣ Шарлоттѣ изъ дома Вольфенбютельскаго. Въ то время эта фамилія очень славилась во всей Европѣ: нѣмецкая королева была изъ этого же дома; супруга испанскаго престолонаслѣдника эрцгерцога Карла тоже. Родственны были и короли Швеціи, Даніи, Польши и Пруссіи[3]).

Зналъ ли царевичъ Алексѣй о намѣреніи своего отца женить его на иностранной принцессѣ, не извѣстно, по крайней мѣрѣ, какъ утверждаетъ Брюкнеръ, въ письмахъ царевича за 1707 годъ ничего о томъ не говорится. Надо полагать, напротивъ, что онъ былъ слишкомъ далекъ отъ этой мысли.

Между тѣмъ царь охотно принялся за дѣло и писалъ по поводу этого изъ Варшавы 30 августа 1707 года къ герцогу. Но въ Брауншвейгѣ на это сватовство посмотрѣли иначе, въ особенности мать принцессы Христина-Луиза была противъ, а сама невѣста даже боялась предстоящаго брака и выражала лѣтомъ 1709 года (ей было только тогда 15 лѣтъ) надежду, что „все это еще можетъ разстроиться“ [4]). Однако дѣдъ невѣсты, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, и польскій король Августъ были за бракъ: первый добивался сближенія съ царемъ, второй хотѣлъ понравиться ему, чтобы заручиться его помощью для возстановленія себя въ Польшѣ.

Побѣда надъ Карломъ XII подъ Полтавой утвердила могущество Россіи въ Европѣ, всѣ заговорили о царѣ Петрѣ. Въ Вольфенбютелѣ также перемѣнили фронтъ и начали уговаривать принцессу, и она наконецъ согласилась на бракъ [5]). Спустя нѣкоторое время она такъ свыклась съ мыслію о предстоящемъ бракѣ, что уже боялась, какъ бы не встрѣтились какія-либо препятствія.

Между тѣмъ и со стороны Петра измѣнились нѣсколько отношенія: онъ высказалъ, что не будетъ неволить сына, и только если онъ напишетъ, что принцесса Шарлотта ему нравится, тогда пошлетъ довѣренное лицо для заключенія свадебнаго договора. Онъ соглашался и на оставленіе принцессы въ своей вѣрѣ.

23 октября 1709 года Петръ писалъ царевичу изъ Маріенвердера, чтобы онъ отправился въ Дрезденъ для изученія нѣмецкаго

---

[1]) Баронъ Урбихъ, сначала датскій посолъ въ Вѣнѣ, затѣмъ перешелъ на русскую службу и сталъ русскимъ посломъ при королевскомъ-нѣмецкомъ дворѣ.

[2]) Der Zarewitsch Alexei (1690—1718). Von A. Brückner, стран. 68.

[3]) Старшая сестра принцессы Шарлотты—Елизавета отличалась рѣдкой красотой; въ 1708 году вышла за мужъ за эрцгерцога Карла (Карлъ VI); въ 1717 году родила дочь Марію-Терезію. Младшая—Антуанетта въ 1712 году вышла замужъ за Фердинанда-Альбрехта, герцога брауншвейгъ-Вольфенбютельскаго и имѣла отъ него 15 дѣтей, въ томъ числѣ Антона-Ульриха, впослѣдствіи супруга Анны Леопольдовны.

[4]) Die Kronprinzessin, стран. 15.

[5]) Лейбницъ писалъ Урбиху: Принцесса своими родственниками a esté si bien catéchisée, что она согласилась (Герье Лейбницъ.) Die Kronprincessin, стран. 18.

и французскаго языковъ, геометріи, фортификаціи и политики, и слѣдовалъ бы указаніямъ князя Меншикова. Однако поѣздка все откладывалась, и только весною 1710 года царевичъ прибылъ наконецъ въ Варшаву и, обмѣнявшись визитомъ съ польскимъ королемъ, отправился дальше. Принцессѣ было сообщено между прочимъ изъ Варшавы, что „царевичъ гораздо красивѣе и умнѣе, чѣмъ его описывали; его окружаютъ умные и достойные люди“ [1]).

Хотя въ письмахъ царя, царевича и князя Меншикова, за время путешествія царевича за границу, ни слова не говорится о женитьбѣ, а путешествіе объясняется лишь ученіемъ, но по прибытіи въ Дрезденъ, гдѣ царевичъ пробылъ всего нѣсколько дней и осматривалъ достопримѣчательности города, онъ отправился въ Карлсбадъ. Вскорѣ затѣмъ царевичъ въ первый разъ встрѣтился со своею невѣстою въ Шланкенвертѣ, близъ Карлсбада. Описанія этой первой встрѣчи нигдѣ въ письмахъ принцессы Шарлотты нѣтъ. Но она не особенно понравилась царевичу [2]). Урбихъ писалъ только: встрѣча эта обоихъ удовлетворила и была для нихъ пріятна [3]). Изъ дневника же Гюйссена видно лишь, что царевичъ Алексѣй часто разговаривалъ съ польскою королевою и принцессою Шарлоттою [4]).

Послѣ перваго свиданія со своею невѣстою, царевичъ снова возвратился въ Дрезденъ, гдѣ и продолжалъ свое ученіе. Въ Дрезденѣ, между тѣмъ, кругомъ царевича шли интриги. Штатгальтеръ Фюрстенбергъ хотѣлъ выдать за царевича свою дочь. Затѣмъ, какъ полагалъ Урбихъ, и баронъ Гюйссенъ тоже интриговалъ: онъ хотѣлъ устроить свадьбу царевича съ одной изъ эрцгерцогинь или дочерью князя Якова Собѣсскаго [5]).

Кромѣ того, Урбихъ былъ недоволенъ и однимъ изъ приближенныхъ царевича, княземъ Трубецкимъ. „Этотъ Трубецкой—писалъ онъ—ненавидитъ нѣмцевъ, потому что царевичъ былъ влюбленъ въ сестру этого дурака; прошлою зимою, однако, царь выдалъ ее замужъ за другаго князя“ [6]).

Но царевичъ относился ко всему этому очень равнодушно. Онъ все еще питалъ надежду вернуться въ Россію не женатымъ и всѣми силами старался оттянуть это роковое для него дѣло [7]). Вполнѣ понятно поэтому его негодованіе, когда онъ, будучи въ Дрезденѣ, прочелъ въ газетѣ о предстоящей его свадьбѣ. Онъ скомкалъ газету и вскричалъ: „мнѣ самому еще ничего неизвѣстно, и царь предоставилъ мнѣ самому свободный выборъ невѣсты“ [8]).

---

1) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стран. 73.

2) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Томъ VI, стран. 24.

3) Die Kronprinzessin, 25.

4) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стран. 73.

5) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стран. 77.

6) Die Kronprinzessin, стрн. 38.

7) Есть основаніе предполагать—говоритъ Д. Мордовцевъ, что въ это время царевичъ уже любилъ ту другую женщину, которая и ускорила его конецъ, хотя этого и не могла желать. (Русскія женщины новаго времени. Кронпринцесса Шарлотта, стр. 70).

8) Die Kronprinzessin, стр. 36.

Также волновали его и слухи о переговорахъ въ Эйзенахѣ между Урбихомъ и Шлейницемъ о его будущей свадьбѣ.

Дѣдъ кронпринцессы Шарлотты, герцогъ Антонъ-Ульрихъ, писалъ Урбиху въ августѣ 1710 года: „Царевичъ очень встревоженъ молвою о свиданіи вашемъ въ Эйзенахѣ съ Шлейницемъ, догадываясь, что тамъ опредѣлены условія брака его съ кронпринцессою.

„Русскіе не хотятъ его, опасаясь, что много потеряютъ съ утратою кровнаго союза съ своимъ государемъ, и люди, пользующіеся довѣріемъ царевича, стараются религіозными внушеніями отклонить его отъ заключенія брака, которымъ, по мнѣнію ихъ, чужеземцы думаютъ господствовать въ Россіи. Царевичъ вѣритъ имъ. Онъ началъ пріятно обращаться съ госпожею Фюрстенбергъ и съ принцессою Вейсенфельскою, единственно въ той мысли, чтобы выиграть время: онъ просилъ у отца позволенія посмотрѣть другихъ принцессъ, а между тѣмъ надѣется, какой-нибудь случай отзоветъ его въ Москву. Въ намѣреніи царя я не сомнѣваюсь, но можетъ ли онъ принудить сына къ такому супружеству, и чего должна ожидать кронпринцесса, если царевичъ возьметъ ее противъ воли? Всѣ жалѣютъ о ней“ [1]).

Изъ этого письма видно, что нѣмецкая родня невѣсты царевича очень хорошо знала, что его женятъ насильно, что Алексѣй, какъ русскій человѣкъ, вѣрный національнымъ предразсудкамъ и поддерживаемый соотечественниками, отказывается отъ брака съ нѣмкою [2]). Но тѣмъ не менѣе они старались преодолѣть всѣ препятствія. Что касается самой принцессы, то ея желаніе, чтобы дѣло о свадьбѣ скорѣе пришло къ концу, вполнѣ естественно. Она опасалась за слабое здоровье своей горячо ею любимой матери, которая очень страдала какъ отъ семейныхъ непріятностей, такъ и по поводу разныхъ слуховъ и интригъ.

Вотъ какъ отзывался самъ царевичъ въ письмѣ къ своему духовнику Якову Игнатьеву о своей невѣстѣ и о будущей своей женитьбѣ: „Извѣствую вашей святости, что здѣсь есть князь вольфенбительскій, живетъ близъ Саксоніи, и у него есть дочь дѣвица, а сродникъ онъ польскому королю, и та дѣвица живетъ здѣсь въ Саксоніи при королевѣ, аки у сродницы, и на той княжнѣ давно уже меня сватали, однакожъ мнѣ отъ батюшки не весьма было открыто, и я ее видѣлъ, и сіе батюшкѣ извѣстно стало, и онъ писалъ ко мнѣ нынѣ, какъ оная мнѣ показалась, есть ли моя воля съ нею въ супружество; а я уже извѣстенъ, что онъ меня не хочетъ женить на русской, но на здѣшней, на какой я хочу. И я писалъ, что когда его воля есть, что мнѣ быть на иноземкѣ женатому, и я его воли согласую, чтобъ меня женить на вышеписанной княжнѣ, которую я уже видѣлъ, и мнѣ показалось, что она человѣкъ добръ, и лучше ея здѣсь мнѣ не сыскать. Прошу васъ, пожалуй помолись, буде есть воля Божія, чтобъ сіе совер-

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Т. VI, стрн. 24—25.

[2]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Статья профессора Н. И. Костомарова (Древняя и новая Россія. Т. I. 1875 г. № 1, стрн. 43).

шилъ, а буде нѣтъ, чтобъ разрушилъ, понеже мое упованіе въ немъ, все какъ онъ хочетъ, такъ и творитъ, и отпиши, какъ твое сердце чуетъ о семъ дѣлѣ“ [1]).

26-го января 1711 года духовнику же своему царевичъ писалъ: „противъ писанія твоего о твоемъ собственномъ дѣлѣ, понудить ту особу къ воспріятію нашея вѣры весьма невозможно, но развѣ послѣ, когда оная въ наши краи пріѣдетъ, и сама разсмотритъ, можетъ то и сочинити, а прежъ того весьма сему состояться невозможно. А ваша святость въ томъ своемъ письмѣ меня ни чемъ не оскорбилъ, но паче увеселилъ, желая мнѣ всякаго благовременнаго и вѣчнаго, но о всемъ семъ буди воля Божія“ [2]).

Изъ перваго письма къ духовнику, писаннаго, вѣроятно, вскорѣ послѣ перваго свиданія съ невѣстою, видно, что царевичъ покорился своей участи.

Въ сентябрѣ 1710 года онъ посѣтилъ Торгау и тамъ снова видѣлся со своею невѣстою. Кронпринцесса писала: „Царевичъ измѣнился къ лучшему въ обращеніи, но лицо сдѣлалось у него еще желтѣе и худощавѣе. Со мною, какъ и въ Карлсбадѣ, онъ былъ очень вѣжливъ, равно какъ и окружающіе его. Онъ мнѣ вообще ничего особеннаго не говорилъ и, кажется, вообще очень равнодушенъ ко всѣмъ женщинамъ“ [3]).

Черезъ двѣ недѣли царевичъ снова пріѣхалъ въ Торгау и сдѣлалъ формальное предложеніе черезъ польскую королеву. „Невѣста была радостно возбуждена, а при дворахъ саксонскомъ и вольфенбительскомъ пошло ликованіе“ [4]).

Такимъ образомъ дѣло наконецъ было рѣшено, оставалось лишь заключить брачный договоръ. Весною 1711 года царевичъ, по приказанію императора Петра, отправился въ Брауншвейгъ, чтобы познакомиться поближе съ родителями и родными своей будущей супруги. Отсюда онъ неоднократно писалъ къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и къ царю.

4 мая 1711 года изъ Брауншвейга онъ писалъ: „Madame, извѣствую вашей милости: пріѣхалъ я сюда по указу Государя-Батюшки, и герцоги отецъ, дѣдъ и мать моей невѣсты обходятся со мною зѣло ласково. Иного ко извѣстію не имѣю; только прошу не оставить меня въ милости своей и писаньемъ“.

23 мая того же года изъ Сальцъ-Гала [5]) въ припискѣ сообщалъ: „невѣста моя за милость вашу благодарствуетъ, что вы изволили ее напамятовать въ семъ письмѣ“ [6]).

Въ тотъ же день царевичъ написалъ письмо и отцу своему: „Милостивый государь-батюшка. Письмо твое, Государь, присланное съ господиномъ Вейдомъ, я получилъ, и съ проектомъ о супружествѣ моемъ, и по указу, Государь, твоему о деньгахъ повсягодной дачи невѣстѣ моей зѣло домогался, чтобы было

---

[1]) Исторія Россіи. С. Соловьева. Томъ XVII. Глава II. Спб. 419—420.
[2]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ. М. П. Погодинъ. Стрн. 42—43.
[3]) Die Kronprinzessin, стр. 40—41.
[4]) Die Zarewitsch Alexei. Brückner, стр. 78.
[5]) Зальцдаленъ, увеселительный замокъ вблизи Брауншвейга.
[6]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Томъ VI. Приложенія, стр. 313.

сорокъ тысячъ, паки сего не соизволили, и просили больше; только я какъ могъ въ томъ старался, и не могъ ихъ на то привести, чтобъ взяли меньше пятидесяти тысячъ, и я по указу твоему въ томъ же письмѣ, будетъ они не похотятъ сорока тысячъ, позволилъ до пятидесяти, на сіе ихъ склонилъ съ великою трудностію, чтобъ взяли 50 тысячъ, и о семъ довольны, и сіе число вписалъ я въ порожнія мѣста въ трактатъ; а что по смерти моей, будетъ она не похочетъ жить въ государствѣ нашемъ, дать меньше дачю, на сіе они весьма не похотѣли, и просили чтобъ быть ровной дачѣ по смерти моей, какъ на Москвѣ, такъ и выѣздѣ изъ нашего государства, о чемъ я много старался, чтобъ столько не просили, а и однако же не могъ сдѣлать, и по указу твоему (будетъ они за сіе заупрямятся написать ровную дачю), и въ трактатѣ написалъ ровную дачю, и сіе учиня подписалъ я, тожде и они своими руками размѣнялись, и такое сіе съ помощію Божіею окончили" [1]).

Итакъ, слѣдовательно, свадебный договоръ былъ составленъ и подписанъ, оставалось лишь поднести его на окончательное утвержденіе царю, къ которому онъ и былъ отправленъ съ Шлейницемъ въ Галицію, гдѣ находился Петръ, занятый войною противъ турокъ. Вѣроятно, печальное Прутское дѣло сильно повліяло на здоровье царя, который, несмотря на ожиданіе помолвленныхъ, сначала долженъ былъ отправиться въ Карлсбадъ на воды, чтобы укрѣпить свое здоровье.

Царевичъ Алексѣй писалъ изъ Вольфенбителя къ своему духовнику Якову Игнатьеву 17 сентября 1711 года: „Рождшій мя прибылъ въ Теплицы, гдѣ я въ прошломъ годѣ былъ, а бракъ мой когда и гдѣ будетъ—еще неизвѣстны мнѣ, а что будетъ впредь, писать буду о всемъ подлинно" [2]).

Сначала Петръ предполагалъ справить свадьбу сына въ Карлсбадѣ, но проволочка вышла изъ-за стараго герцога Антона Ульриха, который и самъ не ѣхалъ и не давалъ отвѣта. Тогда Петръ рѣшился устроить свадьбу въ саксонскомъ городкѣ Торгау, куда прибылъ по рѣкѣ Эльбѣ утромъ 13 октября. На другой день состоялось бракосочетаніе царевича съ кронпринцессою Шарлоттою. Ко дню брака конпринцессѣ было 17 лѣтъ. Красотою она не отличалась: при высокомъ ростѣ была очень худа и изуродована оспою [3]), но при всемъ томъ замѣчательно симпатична на видъ [4]).

---

[1]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ. М. Погодинъ, стр. 67.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

[3]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Т. VI, стр. 24.

[4]) Die Kronprinzessin, стр. 26. (Авторъ замѣчаетъ при этомъ, что къ сожалѣнію нѣтъ никакихъ указаній того времени, чтобы судить о наружности кронпринцессы Шарлотты. Если же судить по имѣющемуся въ Вольфенбютели портрету ея, то наружность кронпринцессы скорѣе красивая. Указаніе Устрялова, что лицо Шарлотты было изуродовано оспою, нигдѣ и ничѣмъ не подтверждается. Источникомъ этого свѣдѣнія для Устрялова послужила «Исторія дворовъ брауншвейгской фамиліи" Везе, но указанія послѣдняго не заслуживаютъ особаго довѣрія. Везе утверждаетъ, напримѣръ, что кронпринцесса Шарлотта перешла въ православіе еще до выхода замужъ за царевича, что совершенно неправдоподобно.

Уже на четвертый день послѣ брака Петръ далъ царевичу подробную инструкцію „что дѣлать въ небытіи моемъ сыну моему въ Польшѣ“. Царевичъ долженъ былъ въ половинѣ ноября ѣхать въ Торнъ на шесть мѣсяцевъ.

Исполняя волю отца, царевичъ, проведя нѣсколько дней съ молодою супругою въ Вольфенбители, гдѣ были послѣсвадебныя торжества, отправился въ Торнъ, но отправился одинъ. 10 ноября онъ писалъ царицѣ Екатеринѣ изъ Торуня: „Милостивая государыня матушка. Доношу тебѣ, государыня, пріѣхалъ я сюда сегодня; а жена моя осталась въ Брауншвейгѣ и будетъ сюда вскорѣ [1]).

Кронпринцесса прибыла въ Торнъ лишь черезъ пять недѣль. Эта продолжительная разлука молодыхъ породила сплетни. Въ Вѣнѣ разсказывали, что хотя бракъ и состоялся, но по неволѣ.

Кронпринцесса однако писала своему отцу отъ 4-го января 1712 года изъ Торна: „Царевичъ окружаетъ меня своими попеченіями. Каждую минуту онъ даетъ новыя доказательства своей любви ко мнѣ, и я имѣю полное право считать себя счастливою“ [2]).

Трудно было очень молодымъ, они испытывали недостатокъ въ деньгахъ, что̀ и было засвидѣтельствовано княземъ Меншиковымъ въ письмѣ къ Петру. Меншиковъ явился въ Торнъ и привезъ приказаніе царя ѣхать царевичу въ Померанію на полгода. Весною 1712 года молодые снова разстались: царевичъ отправился въ Померанію, а кронпринцесса переселилась на жительство въ Эльбингъ.

Царевичъ Алексѣй писалъ царю 29-го апрѣля 1712 года: „по указу твоему ѣду въ Померанію, а жена моя поѣхала въ Вольфенбитель третьяго дня и будетъ тамъ жить до указу“ [3]).

Во время этой разлуки снова начались сплетни: заговорили объ интимныхъ отношеніяхъ кронпринцессы къ одному изъ придворныхъ кавалеровъ, именно къ барону Пельницу. Кронпринцесса писала: „Какъ я несчастна. Богъ свидѣтель, что я не виновата, и видитъ, какъ я люблю мужа.... Безпокоитъ меня сильно разлука“ [4]).

Утѣшили ее Петръ и Екатерина, посѣтившіе ее въ Эльбингѣ. Екатерина говорила, что „она любитъ ее какъ свою родную дочь, и что Петръ сказалъ, что сынъ его не достоинъ такой жены, какъ она“. Кронпринцесса писала въ своемъ письмѣ, что изъ словъ царицы Екатерины она заключила, что „царь не любитъ Алексѣя, и просила Екатерину быть заступницей за ея мужа, что̀ та и обѣщала“.

Въ другомъ письмѣ кронпринцесса писала, что она слышала, будто между царевичемъ и княземъ Меншиковымъ вышла изъ-за нея большая ссора. Меншиковъ обвинялъ кронпринцессу, а царе-

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Т. VI. Приложенія, стр. 314.
[2]) Die Kronprinzessin, стрн. 66.
[3]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ. М. П. Погодинъ, стр. 77.
[4]) Die Kronprinzessin, 74, 76, 77.

вичъ объявилъ, будто бы, что, если кто позволитъ себѣ сказать что-нибудь худое про его жену, того онъ будетъ считать своимъ врагомъ.

Весну и лѣто 1712 года царевичъ провелъ подъ Штетиномъ въ корпусѣ князя Меншикова; осень и зиму въ Мекленбургѣ; между тѣмъ супруга его продолжала жить въ Эльбингѣ. Въ концѣ года, по волѣ отца, царевичъ отправился съ царицею Екатериною въ Петербургъ. Въ то же время, такое же приказаніе получила и кронпринцесса Шарлотта. Она писала 23 октября 1712 года: „нужно любить царевича, моего мужа, такъ любить, какъ я его люблю, чтобы ѣхать въ Россію. Въ царевичѣ я нахожу столько хорошихъ сторонъ, что почту за счастье жить между людьми, преданными ему; поэтому я люблю русскихъ и въ сопровожденіи царевича поѣхала бы еще въ худшее мѣсто. Но онъ все еще въ Помераніи, и я не знаю, когда буду имѣть счастье увидѣть его послѣ шестимѣсячной разлуки“.

Изъ этого письма видно, что кронпринцесса была очень невысокаго мнѣнія о своей родинѣ и русскихъ, и если собиралась ѣхать въ Россію, то очень неохотно. Черезъ мѣсяцъ (26 ноября) она написала отчаянное письмо своему отцу: „положеніе мое такое ужасное, что вы и представить себѣ не можете; я замужемъ за человѣкомъ, который меня не только никогда не любилъ, но и теперь не любитъ, но я покорна ему, потому что это мой долгъ“. Затѣмъ она сообщаетъ въ письмѣ, что царица Екатерина ненавидитъ ее и ищетъ лишь случая, чтобы повредить ей; что въ глазахъ русскихъ всѣ лютеране діаволы и проч. [1]).

Послѣ этого кронпринцесса уѣхала изъ Эльбинга къ своимъ роднымъ въ Брауншвейгъ, такъ что Алексѣй не засталъ ее уже въ Эльбингѣ и отправился въ Петербургъ безъ жены.

Чѣмъ объяснить это письмо кронпринцессы и такое странное поведеніе царевича, почему же онъ не отправился вслѣдъ за ней въ Брауншвейгъ?

Обо всемъ этомъ ничего не извѣстно. По письмамъ же кронпринцессы видно, что продолжительная разлука съ цесаревичемъ, неутѣшительные слухи о его жизни въ Помераніи и сплетни объ ея отношеніяхъ къ молодому барону Пельницу приводили ее въ отчаяніе. Кромѣ того, дѣдъ ея, герцогъ Антонъ-Ульрихъ и ея мать видимо сердились на нее. Поэтому очень можетъ быть, что передъ отъѣздомъ въ Россію ей хотѣлось и повидаться въ послѣдній разъ съ родными, оправдаться передъ ними и излить передъ ними всю душу.

Изъ Брауншвейга она нѣсколько разъ писала къ царю, объясняла свое непослушаніе неимѣніемъ денегъ для поѣздки въ Россію. Ея письма мало-по-малу утишили гнѣвъ царя. Въ февралѣ 1713 года Петръ изъ Ганновера заѣхалъ въ Брауншвейгъ и видѣлся въ Зальцдаленѣ съ кронпринцессой. Въ апрѣлѣ кронпринцесса снова отправилась въ Эльбингъ и оттуда черезъ Ригу въ

[1]) Die Kronprinzessin, стрн. 95.

Петербургъ. На пути въ Дерптѣ она узнала, что мужъ ея находится съ царемъ въ Финляндіи въ Або.

Семенъ Нарышкинъ писалъ Головкину 5 мая 1713 г.: „Ея Высочество государыня кронпринцесса пришла въ Дерптъ 4 мая. Съ нею и г. Левондъ (Левенвольдъ?) Увидѣвъ меня, изволила спрашивать, гдѣ его величество и государь цесаревичъ? Все ли при Кроншлотѣ, или пошли къ Абоу? И поручила васъ просить о немедленномъ увѣдомленіи“.

Отъ 9 мая изъ Нарвы онъ же сообщалъ: „отсюда она послала письмо къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а къ царицѣ не послала, не зная, гдѣ она [1]).

У Краснаго кабачка кронпринцессу встрѣтили сенаторы: князь Я. Ѳ. Долгорукій, графъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ и другіе. По переѣздѣ черезъ Неву въ богато убранной красивой шлюбкѣ, приняла ее въ свои объятія государыня, окруженная всѣмъ дворомъ.

Царевичъ пришелъ изъ похода черезъ мѣсяцъ, но почти тотчасъ же снова уѣхалъ, по приказанію отца, въ Старую Руссу и Ладогу для распоряженій о сборѣ лѣса на скампавеи. Лишь въ началѣ августа онъ возвратился въ Петербургъ къ своей супругѣ. Поселились они въ своемъ дворцѣ, построенномъ въ 1712 году на лѣвомъ берегу Невы, близъ церкви Божія Матери всѣхъ скорбящихъ. Справа, рядомъ съ церковью, былъ домъ царевны Наталіи Алексѣевны, слѣва домъ царицы Марѳы Матвѣевны, гдѣ впослѣдствіи была придворная шпалерная мануфактура.

Дворъ вообще былъ многочисленъ. На половинѣ кронпринцессы находились: принцесса Остъ-Фрисландская [2]), оберъ-гофмейстеръ баронъ Шлейницъ, оберъ-гофмейстерина Моро де-Бразе, графиня де-Ліонъ [3]). гофмейстерина де-Сантиллеръ, дѣвицы: фонъ-Росгартенъ, Левенвольдъ; госпожи де-Роо и Стренгорстъ; комнатныя дамы: Петри, Кливеро, Горнберкинъ и другія; бабушка Ке-

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Томъ VI. Приложенія, стрн. 316.

[2]) Юліана-Луиза, принцесса Остъ-Фрисландская, кузина кронпринцессы Шарлотты, была самымъ приближеннымъ къ ней лицомъ; она отправилась въ Россію по собственному своему желанію, вопреки желаніямъ ея родственниковъ. Впослѣдствіи принцессу Остъ-Фрисландскую обвиняли какъ причину разрывовъ между кронпринцессою и царевичемъ, будто бы она, обладая угрюмымъ характеромъ, во всемъ находила скверное, и вмѣсто того чтобы мирить ихъ, напротивъ лишь увеличивала неприязнь.

[3]) Госпожа Моро де-Бразе принадлежала по матери къ фамиліи графовъ де-Ліонъ. Родилась и воспитывалась въ Гаагѣ и вышла замужъ за французскаго гугенота де ля Примодэ. Овдовѣвъ, она влюбилась въ молодаго французскаго офицера, Моро де-Бразе, и чтобы имѣть право жить во Франціи, перешла въ католичество. Ея мужъ Моро де-Бразе авторъ мемуаровъ о Прутскомъ походѣ (Mémoires politiques, amusants etsatiriques de Messire J. M. D. W. C. de-Lion, Coloneldu régiment de dragons de Casanskiot Brigadier de sa Majesté Czarienne, à Veretopolis chez Jean Disant Vrai 1716 3 vol); въ этихъ мемуарахъ есть интересная характеристика кронпринцессы и другихъ лицъ. А. С. Пушкинъ перевелъ нѣсколько выдержекъ изъ этихъ мемуаровъ, озаглавивъ ихъ «Записки бригадира Моро де-Бразе о походѣ 1711 года». (Сочиненія А. С. Пушкина, изданіе А. Суворина, 1887. Томъ 9).

стіеро; камергеръ-маршалъ Биберштейнъ, камеръ-юнкеры: Бестужевъ, Будбергъ; доктора Лозе и Виль; тайный секретарь Кильверъ; придворный пасторъ Мюллеръ.

При царевичѣ состояли: баронъ Гюйссенъ, Никифоръ Вяземскій, Никифоръ Богдановъ, Иванъ Большой-Аѳанасьевъ, Ѳедоръ Эверлаковъ, Яковъ Носовъ, Петръ Судаковъ, Петръ Мейеръ.

Въ августѣ 1713 года кронпринцесса писала къ своимъ родителямъ изъ Петербурга: „Царь осыпаетъ меня милостями и любезностями, разсуждаетъ иногда со мною о важныхъ дѣлахъ и увѣряетъ въ своей отеческой любви ко мнѣ. Царица тоже всегда высказываетъ мнѣ много любви и уваженія. Царевичъ же любитъ меня очень сильно, онъ просто выходитъ изъ себя, когда видитъ, что мнѣ чего-нибудь недостаетъ, и я люблю его ужасно (et moi je l'aime à la fureur [1])“.

Баронъ Левенвольдъ сообщалъ въ Брауншвейгъ: „царевичъ и кронпринцесса очень любятъ другъ друга. Царь и царица особенно очень милостивы къ кронпринцессѣ. Что касается народа, т. е. русскихъ и живущихъ здѣсь нѣмцевъ, то я просто не могу найти словъ, чтобы выразить, какъ они преданы и какъ уважаютъ кронпринцессу [2])“.

Но супружеское счастье кронпринцессы Шарлотты продолжалось недолго. Съ одной стороны, придворныя интриги и нужда въ деньгахъ волновали кронпринцессу, съ другой постоянныя ссоры съ новыми родными и странное поведеніе царевича, ея супруга, приводили ее въ отчаяніе.

Кронпринцесса въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери писала: „но мои окружающіе, особенно графиня де-Ліонъ, приводятъ меня въ бѣшенство“.

Вообще жизнь кронпринцессы постоянно отравлялась разными огорченіями и лишеніями. Она постоянно нуждалась, не могла правильно уплачивать прислугѣ и постоянно забирала въ долгъ у купцовъ [3]).

Когда кронпринцесса испытывала непріятности отъ своихъ окружающихъ, царевичъ Алексѣй старался ихъ устранять, но ничего не могъ сдѣлать, когда начались ссоры между кронпринцессою и царицею Екатериною и особенно съ царевною Наталіею Алексѣевною. По мнѣнію Н. Костомарова, царевичъ, вѣроятно, по трусости, не желая раздражать любимую его отцомъ тетку, не хотѣлъ вмѣшиваться въ это дѣло.

Наконецъ несогласіе между супругами изъ-за денегъ дошло до того, что царевичъ даже наговорилъ ей много колкостей и грубостей.

Дѣло въ томъ, что кронпринцесса, изъ полученныхъ ею въ приданое 20.000 талеровъ хотѣла удѣлить свою часть своимъ родителямъ, которые были въ затруднительномъ положеніи, на что царевичъ сначала согласился, но потомъ началъ отказываться. На просьбы кронпринцессы онъ грубо вскричалъ: „Молчи, я ни-

---

[1]) Die Kronprinzessin. стрн. 115, 116.
[2]) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стрн. 92.
[3]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ, Н. Костомаровъ. (Древняя и новая Россія Т. I, 1875 г. № 1 стрн. 45).

чего не обѣщалъ". Когда же кронпринцесса начала съ своей стороны приводить резоны, царевичъ отвѣтилъ: „ты не въ Германіи, а въ Россіи. Если тебѣ здѣсь не нравится, то отправляйся назадъ къ своимъ" [1]).

Обиженная кронпринцесса писала своей матери: „я все хотѣла скрыть отъ васъ истинный характеръ моего мужа, но теперь маска упала съ него помимо моей воли. Я очень несчастлива!"— „Если бы я не была беременна, то непремѣнно уѣхала бы назадъ въ Германію и съ удовольствіемъ согласилась бы тамъ питаться только хлѣбомъ и водою [2])".

Въ письмахъ же къ сестрѣ своей, нѣмецкой императрицѣ, кронпринцесса по-прежнему скрывала свое горе и увѣряла, что въ Россіи съ нею обращаются хорошо.

Австрійскій президентъ Плейеръ сообщалъ цезарю Карлу VII отъ $^{19}/_{30}$ августа 1713 года изъ Москвы: „Узналъ отъ достовѣрныхъ людей, что царевичъ мало привезъ изъ Германіи нѣмецкихъ чувствъ и нрава, большую часть времени проводитъ съ московскими попами и дурными людьми и очень сильно пьянствуетъ; поэтому кронпринцесса сильно печалуется, но не высказываетъ этого при всѣхъ".

Камердинеръ царевича Иванъ Большой-Аѳанасьевъ писалъ: „Царевичъ былъ въ гостяхъ, пріѣхалъ домой хмѣленъ, ходилъ къ кропринцессѣ, а оттуда къ себѣ пришолъ, взялъ меня въ спальню, сталъ съ сердцемъ говорить: „вотъ де Гаврила Иванычъ съ дѣтьми своими жену мнѣ на шею чертовку навязали: какъ де къ ней не приду, все де сердитуетъ и не хочетъ де со мною говорить; развѣ де я умру, то я ему не заплачу. А сыну его Александру, головѣ его быть на колѣ, и Трубецкаго; они де къ батюшкѣ писали, чтобъ на ней женился" [3]).

Изъ этого уже одного свидѣтельства можно заключить, что особенно нѣжныхъ чувствъ царевичъ не питалъ къ своей супругѣ.

Что испытывала за все это время (конецъ 1713 года и начало 1714) кронпринцесса, ничего не извѣстно, такъ какъ писемъ ея не нашлось.

Плейеръ писалъ цезарю Карлу VII отъ 12 апрѣля 1714 года изъ Петербурга: „Удостоился быть принятымъ кронпринцессою; она страшно обрадовалась; жаловалась, что хотя очень часто пишетъ письма, но отвѣта ни отъ кого не получаетъ, поэтому полагаетъ, что всѣ письма ея пропадаютъ, и просила у меня прислать ей моихъ оффиціальныхъ конвертовъ. У нея осталось очень мало нѣмецкихъ слугъ, наиболѣе приближенные къ ней: принцесса Остъ-Фрисландская, оберъ-гофмейстеръ молодой Левенвольдъ, камердинеръ Биберштейнъ" [4]).

Постоянная неправильная жизнь царевича сильно разстроила

---

[1]) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стр. 94.

[2]) Die Kronprinzessin, 137, 140.

[3]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Томъ VI. стран. 85.

[4]) Тамъ же, Приложенія, стран. 317—318.

его здоровье; онъ началъ хворать, медики опасались, что у него развивается чахотка.

Плейеръ сообщалъ отъ 25 мая: „Поговариваютъ, что у царевича чахотка. Кронпринцесса очень удручена какъ вслѣдствіе дурнаго поведенія царевича, такъ и вслѣдствіе многихъ другихъ непріятностей [1]).

Плейеръ намекаетъ въ этомъ письмѣ, вѣроятно, на размолвку, которая была въ это время между кронпринцессою и царицею Екатериною; говорили даже, что кронпринцесса впала въ немилость царицы. Онѣ обѣ были беременны и, родись у кронпринцессы сынъ, тогда онъ сталъ бы наслѣдникомъ престола, отсюда неудовольствія и непріятности [2]).

Здоровье царевича Алексѣя становилось все хуже и хуже, и медики присовѣтовали ему ѣхать на лѣченіе въ Карлсбадъ, куда онъ и отправился, съ согласія отца, 4 іюня 1714 года инкогнито, подъ именемъ русскаго офицера.

Прощаніе съ супругою было не особенно трогательное. Царевичъ пришелъ и объявилъ: „прощай, ѣду въ Карлсбадъ“. Они обнялись довольно холодно [3]).

По отъѣздѣ царевича, кронпринцесса осталась беременною по восьмому мѣсяцу. За нѣсколько дней до разрѣшенія, царь, бывшій въ то время съ флотомъ у Ревеля, написалъ къ ней письмо, въ которомъ сообщалъ: „отлученіе супруга вашего, моего сына, принуждаетъ меня къ тому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ, которые обыкли истину превращать въ ложь, когда благоволитъ Богъ приспѣть вамъ къ рожденію, дабы о томъ заранѣе нѣкоторый апшталтъ учинить“ [4]).

По этому поводу Н. И. Костомаровъ говоритъ [5]): „во время пребыванія царевича за границею, царь показалъ къ своей беременной невѣсткѣ такіе образчики обращенія, которые нѣсколько подтверждаютъ показанія Алексѣя на счетъ дурныхъ отношеній его отца къ женѣ. Когда Шарлоттѣ приближалось время родить, Петръ приставилъ къ ней постороннихъ лицъ женскаго пола. Кронпринцесса этимъ очень оскорбилась и написала въ отвѣтъ Петру: „Богъ моя надежда на чужбинѣ! И такъ всѣми покинута я! Онъ услышитъ мои сердечные вздохи и сократитъ мои страданія“. Поводомъ къ такому поступку Петръ выставлялъ то, что „отлученіе супруга ея принуждаетъ его къ этому, дабы предварить лаятельство необузданныхъ языковъ“. Это остается непонятнымъ. Нельзя предположить, чтобы Петръ поступалъ такъ потому, что возникали какія-нибудь подозрѣнія на счетъ невѣрности кронпринцессы своему супругу. Онъ просто боялся, чтобы не подмѣнили ребенка и
вмѣсто дочери, не подставили сына“.

---

[1]) Тамъ же. Приложенія, стран. 318.
[2]) Die Kronprinzessin, стран. 128.
[3]) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стран. 95.
[4]) Исторія Россія. С. М. Соловьева. Книга IV, стлб. 436—437.
[5]) Царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Древняя и новая Россія, т. I. 1875 г., № 1, стран. 47).

М. Погодинъ, съ своей стороны, говоритъ: „что это значитъ? Какой анштальтъ предполагалъ учинить Петръ? Какія подозрѣнія и въ комъ возбуждала богобоязненная кронпринцесса? и приводитъ замѣчаніе Семевскаго: не красавецъ ли Левенвольдъ, извѣстный своими побѣдами надъ женскими сердцами, состоявшій въ свитѣ Шарлотты и пользовавшійся ея дружбой и довѣріемъ, не этотъ ли Левенвольдъ, впослѣдствіи любимецъ двухъ императрицъ, Екатерины I и Анны I, не онъ ли возбуждалъ сплетни, и не его ли заподозрилъ въ связи съ невѣсткою Петръ?“ [1]).

Дѣйствительно, подобная сплетня имѣла мѣсто, по словамъ профессора Герье [2]), но вотъ въ чемъ было дѣло: невозможное поведеніе г-жи Моро-де-Бразе, графини де-Ліонъ, оберъ гофмейстерины кронпринцессы, побудило послѣднюю, по совѣту Левенвольда, перемѣнить съ ней обращеніе. Графиня, разумѣется, воспылала гнѣвомъ, и зная, что она обязана этимъ Левенвольду, рѣшилась отмстить. Она написала кронпринцессѣ письмо съ намеками на интимную близость кронпринцессы къ Левенвольду. Когда же кронпринцесса позвала ее къ себѣ для объясненій, то графиня, нисколько не смущаясь, кинула ей въ лицо обвиненіе, что она влюблена въ молодаго Левенвольда, что объ этомъ знаетъ не только весь дворъ, но и всѣ русскіе, не постыдилась упомянуть при этомъ, что царевичъ совершенно ее не любитъ, и что Левенвольда нужно удалить, а то весь срамъ падетъ на нее, оберъ-гофмейстерину. Во время этого разговора вошелъ царевичъ, кронпринцесса ему все объяснила. Тогда царевичъ сказалъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ: „тотъ, кто говоритъ, что я васъ не люблю, лжетъ какъ чортъ (ligt wie Teuffel); я знаю васъ за самую добродѣтельную изъ женщинъ, и кто дурно говоритъ о васъ, долженъ быть наказанъ“. Графиня сначала подверглась домашнему аресту, потомъ была выслана изъ Россіи.

12 іюля 1714 года утромъ въ седьмомъ часу кронпринцесса разрѣшилась отъ бремени дочерью, названною, по ея волѣ, Натаіею. Недѣли черезъ двѣ, благодаря царя за ласковое письмо, она изъявила въ шутливомъ тонѣ надежду современемъ исполнить его желаніе родить сына.

О царевичѣ изъ-за границы между тѣмъ ничего не было извѣстно. Въ концѣ ноября кропринцесса писала: „Царевичъ еще не возвратился. Никто не знаетъ, гдѣ онъ, живъ ли онъ. Я ужасно безпокоюсь; всѣ письма, которыя я ему послала за послѣдніе два мѣсяца, возвращены мнѣ изъ Дрездена и Берлина, не знаютъ, гдѣ онъ“ [3]).

Лишь черезъ двѣ недѣли кронпринцесса получила наконецъ извѣстіе, что царевичъ ѣдетъ въ Петербургъ.

Царевичъ возвратился изъ Карлсбада въ Петербургъ въ концѣ декабря 1714 года. Супруга его вскорѣ опять стала беременна. Въ первые дни онъ очень сердечно относился къ женѣ. „Пте

---

[1]) Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. М. П. Погодина. («Русская Бесѣда» 1860), стран. 49 и примѣчаніе 1.

[2]) Die Kronrinzessin, стран. 122—123.

[3]) Die Kronprinzessin, стран. 152.

témoigne force amitié", писала она; но, затѣмъ начались сообщенія, что онъ по-прежнему сталъ вести себя и сдѣлался опять холоднѣе къ ней „съ той разницей, что теперь она его почти не видитъ".

Наконецъ, семейное счастье подорвано было окончательно: кронпринцесса узнала, что у мужа была любовница, то была Ефросинья Ѳедорова, крѣпостная дѣвка учителя царевича, Никифора Вяземскаго; царевичъ даже взялъ ее къ себѣ въ домъ. Пилъ царевичъ по-прежнему, если не больше.

7-го января 1715 года, кронпринцесса писала: „теперь царевичъ только часть ночи проводитъ дома, и то лежитъ безъ чувствъ пьяный,—теперь здѣсь праздники".

Въ одномъ изъ своихъ писемъ кронпринцесса описываетъ эти праздники святки: „празднества начинаются съ перваго дня рождества; все удовольствіе состоитъ въ питіяхъ и ѣденіи. Вчера у насъ была масса народу, что меня очень утомило; по-русски это называется „Христа славить". Хозяйка должна всѣхъ угощать. Гости сидѣли у насъ за столомъ три съ половиною часа. Никогда я еще не видѣла царя такимъ веселымъ: онъ много со мною разговаривалъ и радовался на мою дочурку; но не всегда можно довѣрять погодѣ. Мнѣ очень грустно, что я не могу вамъ лично разсказать все то, что я не могу написать и что вамъ показалось бы просто невозможнымъ". При этомъ кронпринцесса отзывалась очень осторожно о русскихъ министрахъ и о своихъ къ нимъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, о Головкинѣ она писала, что „это единственный человѣкъ, въ привязанность котораго она вѣрила". О князѣ Меншиковѣ: „лучше лишь думать, чѣмъ высказывать о немъ что-либо".—„Но другой еще хуже Меншикова— это Шафировъ. Онъ совсѣмъ не тотъ, за кого его считаютъ"; „но мнѣ суждено терпѣть и страдать", прибавляетъ кронпринцесса [1]).

Постоянные кутежи еще больше разстроили здоровье царевича. Въ концѣ апрѣля 1715 года, онъ былъ вынесенъ замертво изъ церкви; настолько опасались за его состояніе, что ночью боялись перевезти черезъ Неву, а оставили въ домѣ одного иностранца. На другое утро кронпринцесса ѣздила къ мужу, провела у его постели цѣлый день, затѣмъ возвратилась домой на короткое время, и затѣмъ вечеромъ снова навѣстила его.

Кронпринцесса писала: „Я приписываю его нездоровье и сильную слабость истощенію за время поста и особенно вину, котораго онъ ежедневно выпиваетъ очень много; онъ обыкновенно бываетъ пьянъ (étant pour l'ordinaire yvre [2]).

Отношенія кронпринцессы къ царицѣ Екатеринѣ становились все хуже и хуже. Въ апрѣлѣ 1715 года она писала: „царица относится ко мнѣ, какъ я и ожидала, если еще не хуже. Я ее почти не вижу, она меня не принимаетъ. Она вообще рѣдко показывается и очень бережетъ себя вслѣдствіе беременности; но она очень уныла и печальна".

---

[1]) Тамъ же, стрн. 149.
[2]) Der Zarewitsch Alexei. Brückner, стрн. 97.

Размолвка между двумя женщинами дошла, наконецъ, до того, что кронпринцесса въ одномъ изъ писемъ такъ выразилась объ Екатеринѣ; „она хуже, чѣмъ всѣ остальные" (pire que tout le reste) [1]).

Недѣль за десять до разрѣшенія отъ бремени, кронпринцесса, всходя на лѣстницу, несчастливо упала и лѣвою стороною ударилась о ступень. Съ тѣхъ поръ она начала чувствовать постоянную боль въ лѣвомъ боку и въ животѣ, и неоднократно говорила: „меня какъ будто колютъ булавками по всему тѣлу". Боль продолжалась до самаго разрѣшенія съ легкою лихорадкою. Медики признали нужнымъ пустить кровь: она была очень густа и тяжела. Боль какъ будто уменьшилась. За девять дней до рожденія, младенецъ сильно ворочался. Кронпринцесса потеряла аппетитъ, мучилась жаждою и послѣднюю недѣлю была болѣе въ постели [2]).

12 октября утромъ, послѣ пяти-часоваго страданія, кронпринцесса разрѣшилась благополучно царевичемъ Петромъ. Первые три дня ей было такъ хорошо, что на четвертый день она встала съ постели и приказала вынести себя въ креслахъ въ другую комнату, гдѣ, вопреки запрещенію докторовъ, принимала поздравленія; и сама начала кормить новорожденнаго.

Вслѣдъ затѣмъ ей стало хуже, и на девятый день вечеромъ 20 октября созванъ былъ консиліумъ. Царь въ то время былъ очень нездоровъ и никуда не выходилъ. Доктора нашли больную въ состояніи безнадежномъ. Въ первомъ часу по полудни умирающую невѣстку навѣстилъ Петръ, самъ больной. Кронпринцесса была еще въ памяти и просила Государя о своихъ дѣтяхъ и служителяхъ.

Н. Устряловъ приводитъ завѣщаніе кронпринцессы, переданное ею на словахъ барону Левенвольду. Она позвала его рано утромъ 21 октября и сказала: „нѣтъ болѣе надежды на жизнь; но умираю охотно, особливо доживъ до такого удовольствія, что царскій домъ умножился еще однимъ принцемъ: животъ его я отплачу своимъ". Затѣмъ кронпринцесса сдѣлала распоряженіе о своихъ дѣтяхъ, принцессѣ Остъ-Фрисландской, о своемъ имуществѣ и о прочемъ.

Когда доктора хотѣли дать ей новое лѣкарство, то Шарлотта бросила его на полъ, вскричавъ: „не мучайте меня больше, дайте мнѣ умереть спокойно, я не хочу больше жить" [3]).

Въ полночь на 22 октября кронпринцесса скончалась.

Царевичъ, по свидѣтельству австрійскаго резидента Плейера, былъ внѣ себя отъ горести и нѣсколько разъ падалъ въ обморокъ [4]).

Хотя кронпринцесса и завѣщала не бальзамировать [5]) ее

---

[1]) Die Kronprinzessin, стрн. 151.

[2]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Т. VI. Приложенія, стр. 337.

[3]) Die Kronprinzessin, стрн. 161—162.

[4]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Т. VI, стрн. 44.

[5]) Die Kronprinzessin, стрн. 162.

послѣ смерти, но тѣло усопшей было на другой день по кончинѣ ея вскрыто въ присутствіи царя. На шестой день происходило погребеніе въ Петропавловскомъ соборѣ въ 4 часа по полудни. Тѣло покойной было опущено въ могилу послѣ краткой рѣчи придворнаго пастора.

Въ шифрованномъ донесеніи австрійскій резидентъ Плейеръ отъ 4 ноября между прочимъ сообщалъ: „Смерти кронпринцессы Шарлотты содѣйствовали очень многія огорченія: она постоянно испытывала нужду въ деньгахъ, жила въ бѣдности; съ рожденіемъ сына она замѣтила къ себѣ непріязнь при царскомъ дворѣ и знала, что царица тайно искала случая ей повредить и ее преслѣдовать; вслѣдствіе всего этого она была въ страшномъ горѣ“ [1]).

Въ заключеніе приведемъ два свидѣтельства, характеризующія положеніе покойной кронпринцессы при русскомъ дворѣ: царевичъ описывалъ его такъ: „Отецъ мой и царица очень скверно обходились съ моею женою: они заставляли ее служить какъ дѣвку, къ чему она, по своему воспитанію, не привыкла,—слѣдовательно, очень огорчалась“.

„Съ тѣхъ поръ какъ пошли у жены моей дѣти, все сдѣлалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиковъ постоянно вооружали противъ меня отца: оба они исполнены злости, не знаютъ ни Бога, ни совѣсти“ [2]).

Въ обнародованномъ 3 февраля 1718 года обвинительномъ противъ царевича Алексѣя манифестѣ сказано: „Всѣ заботы не повели ни къ чему, вслѣдствіе постоянной конверсаціи Алексѣя съ людьми зѣло непотребными. Не послужили къ исправленію ни гнѣвъ, ни милость, ни отеческія наказанія, ни любовное супружество съ Шарлоттой-Софіей. Не смотря на то, что послѣдняя была ума довольнаго и обхожденія честнаго, Алексѣй жилъ съ нею въ явномъ несогласіи, по прежнему окружалъ себя людьми съ замерзѣлыми и грубыми обыкностями и, наконецъ, имѣя жену, взялъ нѣкую бездѣльную и работную дѣвку и съ оною жилъ явно беззаконно“. Такимъ образомъ, Манифестъ объявлялъ Алексѣя между прочимъ и виновникомъ преждевременной смерти кронпринцессы Шарлотты [3]).

Изъ этой исторической справки видно, насколько тяжела была участь кронпринцессы Шарлотты и какой богатый матеріалъ дала ея печальная исторія для разныхъ толковъ за границей, въ особенности если принять во вниманіе трагическую кончину царевича Алексѣя Петровича, участь котораго была рѣшена еще наканунѣ рожденія у него сына, а сама трагедія началась со дня погребенія усопшей кронпринцессы, когда, во время поминокъ, царемъ Петромъ было вручено царевичу Алексѣю подписанное

---

[1]) Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устряловъ. Т. VI. Приложенія, стрн. 348.

[2]) Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. М. П. Погодина. («Русская бесѣда», 1860), стрн. 50.

[3]) Авдотья Ѳедоровна Лопухина. М. И. Семевскаго. («Русскій Вѣстникъ» 1859 г. Май, книжка вторая), стрн. 230.

еще за 16 дней въ Шлюссельбургѣ объявленіе съ угрозою лишить его наслѣдства.

Поэтому нисколько не удивительно, что за границею могли въ тѣ времена появляться легендарныя произведенія, предметомъ которыхъ была несчастная кронпринцесса Шарлотта. Но какъ и откуда могли появиться выдержки изъ легендарнаго дневника кронпринцессы, и именно въ настоящее время, на это редакція журнала „Deutsche Revue“ даетъ слѣдующее объясненіе: Мы не можемъ поручиться въ подлинности этого дневника, такъ какъ у насъ не имѣется въ рукахъ никакихъ документальныхъ доказательствъ, но жизнеописаніе великой княгини, если тутъ и идетъ дѣло лишь о романѣ, навѣрно всѣхъ заинтересуетъ. Госпожа Людеманъ, которой мы очень благодарны за это сообщеніе, подѣлилась съ нами слѣдующими подробностями о происхожденіи дневника кронпринцессы Шарлотты: „Я составила эту работу по готовой рукописи моего покойнаго отца книгопродавца Ивана Людемана. Мой отецъ до 1866 года занималъ постъ секретаря посольства при ганноверскомъ дворѣ, и одна отрасль его фамиліи была дворянская. Записка о дневникѣ кронпринцессы досталась отъ Вильгельма фонъ-Людемана, который былъ въ сношеніяхъ съ однимъ государственнымъ человѣкомъ Нотомбомъ (вѣроятно, потомокъ книготорговца Нотомба въ Брюсселѣ). Кронпринцесса передала свой дневникъ запечатаннымъ названному книгопродавцу Нотомбу съ тѣмъ, чтобы дневникъ былъ распечатанъ лишь черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ ея смерти“ [1]).

Выдержки изъ ненапечатаннаго дневника одной русской великой княгини. Составлены Луизою Людеманъ по запискамъ умершаго родственника [2]).

Торгау, 23-го октября 1711 года [3]).

Вотъ уже два дня жду здѣсь царя и царевича. Царевичъ, говорятъ, очень красивъ; боюсь, не слишкомъ ли онъ молодъ для меня, вѣдь ему только-что исполнилось 21 годъ. Никто не гово-

[1]) Wir können für die Echtheit dieses Tagebuches nicht einstehen, da uns dokumentarische Belege hierfür nicht zugegangen sind; aber die Lebensgeschichte der Grossfürstin wird, selbstwenn es sich um einen Roman handeln sollte, weite Kreise interessieren. Fräulein Lüdemann, der wir den Beitrag verdanken, teilte uns über die Herkunft der Aufzeichnungen folgendes mit: «Ich habe die Arbeit nach einem fertigen Manuscript meines verstorbenen Vaters, des Buchhändlers John Lüdemann, angefertigt. Mein Vater bekleidete vor 1866 die Stelle eines Botschafts sekretärs am hannöverischen Hofe, und ein Zweig seiner Familie war adelig. Von einem Wilhelm v. Lüdemann, der mit dem staatsmann Nothomb einem warscheinlichen Nachkommen des Buchhändlers Nothomb in Brüssel) in Berührung gekomnen sein soll, rührt die Aufzeichnung über das Tagebuch der Fürstin her. Letztere soll dieze versiegelten Tagebuchblättern dem genannten Buchhändler mit dem Wunsche, sie erst fünfzig jahre nach ihrem Tode zu öffnen, ubergeben haben».

D. Red.

[2]) Luise Lüdemann: Fragmente aus dem ungedruckten Tagebuche einer Grossfürstin von Russland. Nach den Aufzeichnungen eines verstorbenen Verwandten.

[3]) Весь дневникъ писанъ по новому стилю.

ритъ мнѣ, любитъ ли онъ меня, или женится противъ воли; но я не могу отогнать отъ себя смутнаго предчувствія, вѣдь онъ такъ долго заставляетъ ждать свою невѣсту. Разсказываютъ про его поступки, полные мужества и рыцарской храбрости, а вѣдь намъ, женщинамъ, такъ все это нравится. Дай Богъ, чтобы онъ былъ мужественнымъ, но только не дикимъ. Моя кротость не въ состояніи будетъ тогда усмирять его.

Съ какими чувствами оставила я свой тихій Брауншвейгъ и съ какими чувствами покидаю я Германію! Съ какими чувствами ожидаю я своего жениха-незнакомца! Брауншвейгъ и Москва— гдѣ-то найду я спокойствіе? Я бы хотѣла быть дочерью простаго бюргера, лишь бы остаться въ Германіи! Я бы хотѣла принадлежать къ тѣмъ, кто ни малѣйшаго не имѣетъ понятія, на что мы, принцессы, осуждены судьбою! Что мнѣ до того, что во мнѣ течетъ кровь вельфовъ, на что мнѣ будущій императорскій тронъ, если я буду несчастлива? Зачѣмъ мнѣ толпа царедворцевъ и блескъ, если я люблю тишину и уединеніе? Да, какъ хорошо быть дочерью простаго бюргера! А что ожидаетъ меня въ будущемъ? Вѣдь каждая невѣста хоть по портрету знаетъ своего жениха, я же своего вовсе не знаю; и какъ скоро и неожиданно все это случилось.

24-го октября.

Наконецъ-то царевичъ пріѣхалъ. Онъ очень высокій, красивый молодой человѣкъ. Но полюблю ли я его? Онъ мой женихъ, а привычка много значитъ. Говорятъ, что у него очень большія познанія, онъ очень уменъ, несмотря на свою молодость. Понѣмецки онъ говоритъ плохо, а по-французски даже хуже меня. Нашъ разговоръ былъ не особенно живой, да никогда, вѣроятно, и не будетъ остроумнымъ. Надѣюсь со временемъ подружиться съ графинею Кенигсмаркъ; только бы она перестала меня называть „императорскимъ высочествомъ“.

Царь дѣйствительно замѣчательный человѣкъ, это въ полномъ смыслѣ слова великанъ, при чемъ однако очень нѣженъ: онъ нѣсколько разъ въ день поднималъ меня, называлъ своей дочуркой и все дѣлалъ наставленія. Екатерина красивая, кроткая женщина, кажется, безъ всякаго честолюбія и даже не замѣчаетъ своего вліянія. Искусство, съ какимъ она пережила всѣ невообразимыя превратности своего положенія, доказываетъ ея рѣдкостный умъ. Кроткимъ совершенно тономъ высказываетъ она рѣшительныя мысли. Нужно любить ее, эту рѣдкостную женщину. Царевичъ строенъ; его маленькіе голубые глаза сверкаютъ, ротъ его очень красивъ, носъ маленькій, приплюснутый, лобъ высокій. Смѣяться онъ не можетъ; по крайней мѣрѣ онъ съ такимъ серьезнымъ видомъ говорилъ со мною и такъ путался въ словахъ, когда называлъ меня своею „cher épouse“, что я совершенно терялась. Нѣжнымъ назвать его нельзя; ну да этого требовать отъ мужчины и нечего, лишь бы былъ любезнымъ. Съ окружающими царевичъ очень рѣзокъ. Не удивительно, что его побаиваются, а за глаза судачатъ о немъ.

25-го октября.

Сегодня утромъ была моя помолвка, а вечеромъ будетъ свадьба. Когда я вспоминаю шумныя свадьбы нашихъ горожанъ или блестящія празднества во время свадьбы моей старшей сестры, императрицы, то моя свадьба кажется мнѣ очень печальною и бѣдною. Можетъ быть, все это наверстается въ Москвѣ, какъ увѣряетъ меня графиня. Я уже впередъ начинаю всего этого бояться. О, никто не позавидовалъ бы намъ, принцессамъ, если бы зналъ, какъ рѣдко можемъ мы дѣйствовать согласно нашимъ желаніямъ, и что мы самыя несчастныя изъ рабовъ.

27-го октября,

Третьяго дня утромъ явился въ мой скромный кабинетъ цесаревичъ со своею свитою. Онъ былъ въ формѣ своего драгунскаго полка, которая ему очень идетъ, и сообщилъ мнѣ, что на сегодня назначена его отцомъ наша свадьба, и что все готово къ торжеству. Больше онъ мнѣ ничего не сказалъ, потому ли что не могъ подыскать выраженій, или неужели у него дѣйствительно нѣтъ никакой нѣжности въ сердцѣ. Я почувствовала только, что наступилъ именно тотъ день, когда я должна буду навсегда разстаться съ моей родиной и съ моими привязанностями; что я должна отправиться на востокъ, и никто изъ моихъ, даже моя любимая Лихтингъ или моя добрая мамка, даже мой вѣрный старый камердинеръ не будутъ сопровождать меня, съ сегодняшняго дня меня будутъ окружать только русскіе. Слава Богу, что по крайней мѣрѣ Кенигсмаркъ останется со мною, этимъ я обязана доброй Екатеринѣ, всѣ остальные мнѣ чужды и вѣроятно чуждыми и останутся навсегда. Графиня Кенигсмаркъ изъ ряда вонъ выдающаяся женщина и обладаетъ замѣчательнымъ умомъ. Она говоритъ по-нѣмецки, по-шведски, по-французски, по-итальянски, по-англійски, по-латыни и по-русски, играетъ прекрасно на лютнѣ и на гамбѣ (родъ віолончеля), поетъ и компонируетъ, сочиняетъ стихи на трехъ языкахъ, рисуетъ, какъ Корреджіо, знаетъ исторію всѣхъ государствъ и дворовъ и при всемъ этомъ самая милая, и остроумная и скромная женщина въ обществѣ. Польскій король встрѣчаетъ ее, несмотря на ихъ размолвку, съ почестями, подобающими королевѣ. Но она такъ скромна, что какъ будто и не чувствуетъ своей власти и своего богатства[1]).

---

[1]) Примѣчаніе редакціи журнала «Deutsche Revue:» Графиня Аврора Кенигсмаркъ родилась въ 1668 г., съ 1692 года была извѣстна какъ замѣчательная красавица при вольфенбительскомъ, ганноверскомъ и дрезденскомъ дворахъ. Царевичъ увидѣлъ ее въ Кведлинбургѣ, при посѣщеніи брауншвейгской герцогской фамиліи, и предложилъ ей отправиться съ его молодою супругою въ Россію.

Считаемъ необходимымъ исправить и дополнить это примѣчаніе: Графиня Марія Аврора Кенигсмаркъ родилась не въ 1668, а въ 1660 году; она была любовницею польскаго короля и саксонскаго курфюрста Августа II. Въ 1694 году пріѣхала въ Дрезденъ. Здѣсь ея умъ и красота увлекли курфюрста Фридриха-Августа, отъ коего она въ 1696 году родила будущаго маршала Морица, графа Саксонскаго. Умерла въ монастырѣ въ Кведлинбургѣ». Какъ видно изъ вышеприведенной исторической справки, сопровождать кронпринцессу Шарлотту въ Россію была приглашена не графиня Кенигсмаркъ, а родственница кронпринцессы—принцесса Юліана-Луиза Остъ-Фрисландская.

Во время вѣнчанія царевичъ ежеминутно наступалъ мнѣ на шлейфъ своими тяжелыми сапогами и едва извинялся, когда причинялъ мнѣ боль. Разумѣется, какъ ни прекрасны были слова русскаго священника и пѣніе, я ничего не поняла. Во время рѣчи нѣмецкаго пастора царевичъ выказывалъ большое нетерпѣніе. Было ли это нетерпѣніе отъ любви? Нѣтъ, я даже не могу объ этомъ помышлять!

Послѣ церемоніи явился царь, который сидѣлъ передъ тѣмъ запершись съ Лейбницемъ, приподнялъ меня и прошепталъ: „Будь тѣмъ, чѣмъ ты хочешь быть!“ Эти слова еще долго будутъ раздаваться въ моихъ ушахъ.

На другое утро послѣ свадьбы царевичъ былъ очень нѣженъ со мною, я была несправедлива къ нему, онъ можетъ быть нѣженъ, этотъ красивый обходительный человѣкъ, несмотря на то, что съ виду такой суровый. За столомъ онъ нѣсколько разъ обнималъ меня и, повидимому, какъ его свита, такъ и свита его отца царя нисколько его не стѣсняли. Вечеромъ я его не видала—онъ прислалъ извиненіе. Сегодня утромъ, вѣроятно вслѣдствіе вчерашняго кутежа, онъ казался какимъ-то удрученнымъ.

Завтра рано утромъ мы уѣзжаемъ. Итакъ, я должна разстаться со всѣми моими: даже мое имя я не должна оставлять за собой, меня всѣ называютъ Софіей. Царь и его супруга послѣдуютъ за нами на другой день.

Кенигсбергъ, 23-го ноября.

Путешествіе тянется очень долго; мы ѣдемъ иногда вмѣстѣ съ царевичемъ. Онъ часто высказываетъ мнѣ порицанія и разъ сказалъ мнѣ даже, что я слишкомъ ничтожна для него. Это меня очень поразило. Даже моя наружность, которую многіе находили красивою, не нравится ему: о моемъ умѣ, о моей душѣ не было и рѣчи. Мою скромность онъ находитъ смѣшной, а мое обхожденіе съ людьми недостойнымъ. Разъ какъ-то я сказала про одного слугу, что онъ что-то забылъ исполнить. Царевичъ немедленно наказалъ его. О, какъ жестоки эти русскія наказанія и какъ равнодушенъ этотъ народъ!

Царь остается здѣсь, а мы уѣзжаемъ дальше. Мнѣ очень жаль разставаться съ нимъ, такъ радостно видѣть этого великаго властнаго человѣка, да и присутствіе его очень сдерживаетъ Алексѣя.

Вильна, 1-го декабря.

Какое ужасное зрѣлище видѣть царевича въ гнѣвѣ. Я скорѣе хотѣла бы ослѣпнуть, чѣмъ еще разъ быть свидѣтельницей подобнаго гнѣва! Онъ дѣлается совершенно звѣремъ: кусаетъ, топчетъ ногами предметъ своего гнѣва, будь то человѣкъ или вещь, изо рта у него бьется пѣна, и онъ совершенно не помнитъ себя.

Горе мнѣ, если этотъ гнѣвъ обратится когда-нибудь противъ меня! Его отецъ также гнѣвенъ и вспыльчивъ, зато какой онъ дѣлается кроткій, человѣчный и добрый потомъ. Да, втораго такого человѣка я еще не видывала. Когда онъ въ гнѣвѣ идетъ, то кажется, что земля дрожитъ, когда же онъ начнетъ размахивать своей

дубинкой, то всѣ начинають трепетать, даже такіе мужественные люди, какъ Минихъ и Шереметевъ.

Со свитою, съ высшими и низшими чинами, царевичъ обращается хуже, чѣмъ съ рабами. Тѣхъ, которые ему не нравятся, онъ прямо бьетъ. Постепенно начинаю узнавать Россію. О, какая это страна, какая противоположность моему дорогому отечеству! И какой народъ: лукавый и смѣтливый, но безъ всякаго сознанія человѣческаго достоинства; мужественный и въ то же время малодушный, кроткій и дикій. И страна такая же плоская и дикая, какъ и народъ. Чѣмъ ближе приближаюсь къ цѣли моего путешествія, тѣмъ тоскливѣе дѣлается на душѣ. Но что для меня ужаснѣе всего—это нелюбовь царевича къ роднымъ. Царя онъ ненавидитъ и высказываетъ теперь свою ненависть совершенно открыто, благо, царя нѣтъ вблизи.

Мачиху свою презираетъ и при одной мысли, что отецъ можетъ объявить ее царицей, онъ приходитъ въ бѣшенство. Дѣти Екатерины наводятъ на него просто ужасъ, а о своей матери онъ ничего не хочетъ знать, потому, что она безпрекословно позволила себя заточить въ Суздальскій монастырь. Царь, однако, несмотря на постоянные раздоры съ сыномъ, все-таки его любитъ, и я часто замѣчала въ глазахъ его любовь къ сыну. Царь никогда не упоминаетъ о немъ, только разъ сказалъ онъ мнѣ, что я должна помягчить на его сердце, что человѣкъ онъ не безъ разсудка, и что разсудокъ этотъ унаслѣдовалъ онъ отъ своей матери.

Москва, 25-го декабря[1]).

Сегодня состоялся въѣздъ нашъ въ Кремль; начались празднества, хотя послѣсвадебныя торжества отложены до возвращенія царя. Я точно въ Азіи, а Москва представляется мнѣ „Багдадомъ" изъ сказки „Тысяча одна ночь". Этотъ рождественскій праздникъ точно какой-то арабскій, а Алексѣй мой султанъ.

По разсказамъ, въ Россіи многое измѣнилось, все въ движеніи и даже въ Кремлѣ, который царь такъ не любитъ, не осталось ничего на старомъ мѣстѣ. Что же дѣлается тогда въ его любимомъ Петербургѣ?

Видѣлась съ матерью моего мужа Евдокіею, въ иночествѣ Еленою, женщиною тихою и разсудительною; по-моему, она совсѣмъ непричастна къ тѣмъ интригамъ, которыя ведутся отъ ея имени. Царь самъ, хотя и разошелся съ ней, но выказываетъ ей большое уваженіе, а она называетъ Екатерину его ангеломъ-хранителемъ.

1-го января 1712 года.

Сегодня я снова была свидѣтельницей, до чего можетъ гнѣвъ довести моего мужа; и что всего хуже — я сама была невольной причиной всего этого. Выходя изъ своей комнаты, я потеряла одинъ изъ своихъ браслетовъ — подарокъ царевны. Монсъ [2]), вѣж-

1) Кронпринцесса Шарлотта прибыла въ Петербургъ въ маѣ 1713 г.

2) Вѣроятно, Виллимъ Монсъ, братъ извѣстной Анны Монсъ; составительница дневника, какъ видно, приписываетъ здѣсь Монсу (смотри и дальше) тотъ проступокъ, за который онъ былъ казненъ царемъ Петромъ, а именно за то, что „Монсъ обманывалъ Петра не только какъ царя, но и какъ супруга, нѣжно любившаго друга сердешинькаго Катеринушку. („Русскія женщины новаго времени". Д. Мордовцева).

ливый, какъ всегда, поднялъ его и, догнавъ меня въ большомъ коррпдорѣ, преклонилъ предо много колѣна и подалъ мнѣ мой браслетъ. Въ этотъ моментъ выходилъ изъ своихъ аппартаментовъ царевичъ и, увидѣвъ передо мною колѣнопреклоненнаго Монса, бросился на него, ударилъ его въ грудь, такъ что Монсъ опрокинулся назадъ, выхватилъ у него браслетъ, бросилъ на полъ и растопталъ ногами. Не удовольствуясь этимъ, царевичъ поклялся отомстить Монсу, приказалъ мнѣ не выходить изъ моей комнаты, выгналъ мою каммерфрау, а солдатъ, стоявшихъ на караулѣ въ корридорѣ и бывшихъ невольными свидѣтелями всего происшедшаго, наказалъ кнутомъ на дворѣ передъ моими окнами, такъ что я должна была слушать вопли этихъ несчастныхъ. Всѣ мои старанія умилостивить его были напрасны. Неужели лишь мои враги и клеветники нарушаютъ его? Холодность ко мнѣ царевича заставляетъ меня этого опасаться.

16-го января.

Елена, къ сожалѣнію, вернулась въ Суздаль, а Алексѣй, вымоливъ у меня прощеніе за послѣднюю жестокость, внезапно, почти не простившись со мною, уѣхалъ въ свое Преображенское. Мнѣ сказали, что до возвращенія царя въ Москву онъ не вернется. Что за причина — не знаю.

Праздники всѣ прошли, и кругомъ меня теперь полнѣйшая тишина. Если бы не было со мной моей дорогой Кенигсмаркъ, я была бы совершенно одинокой. Я часто чувствую себя совершенно больной. Все мнѣ здѣсь чуждо, даже языкъ, и на лицахъ тѣхъ, кто со мною говоритъ, я вижу какое-то смущеніе. Только одна матушка Елена, да Кенигсмаркъ, да еще вѣрный Монсъ понимаютъ меня, а остальные всѣ совершенно мнѣ чужды.

1-го февраля.

Графиня часто печально посматриваетъ на меня, но ничего не говоритъ, Алексѣй не является и ничего даже не пишетъ. Чувствую, что онъ совершенно равнодушенъ ко мнѣ. Несмотря на мое запрещеніе, мнѣ уже начинаютъ передавать про его ужасныя похожденія въ Преображенскомъ. Шафировъ сталъ его близкимъ повѣреннымъ, о чемъ и трубитъ всѣмъ. Я просто не могу вѣрить всѣмъ слухамъ, такъ они ужасны.

18-го февраля.

Сегодня совершенно неожиданно прибылъ царь и на завтра назначено, какъ я слышала, провозглашеніе Екатерины царицею. Новыя празднества, но не веселятъ они меня. Странное, незнакомое чувство иногда нарушаетъ мой ночной покой.

19-го февраля.

Такъ же неожиданно, какъ царь, явился сегодня въ мою спальню Алексѣй. Я лежала въ кровати. Онъ просто рвалъ и металъ, вѣроятно по поводу рѣшенія царя, сегодняшняго празднества и отцовскаго приказанія присутствовать на этомъ празднествѣ. Онъ

не зналъ, на комъ сорвать злобу, и началъ меня упрекать, что я не послѣдовала за нимъ въ Преображенское. Это уже слишкомъ жестоко: самъ же бросилъ меня, услалъ всѣ экипажи, такъ что я и поѣхать-то за нимъ не могла. Я рыдала и почти задыхалась, уткнувшись въ подушку.

Однако злоба его не проходила. Онъ топалъ ногами и клялся, что, видя изъ всего этого мою нелюбовь къ нему, онъ меня совершенно броситъ. Затѣмъ онъ съ яростью началъ душить меня подушками и выбѣжалъ изъ спальни. Позднѣе услышала я, что онъ ускакалъ изъ Москвы и черезъ Монса велѣлъ передать царю, что лежитъ больной въ Преображенскомъ. Ему наговорили, что приказаніе отъ царя явиться въ Москву было дѣло моихъ рукъ, будто я подѣйствовала на царя. Теперь я вся дрожу, при мысли, какъ разсердится царь, если на сегодняшнемъ торжествѣ не будетъ Алексѣя.

20-го февраля.

Царевичъ вчера не явился. Царь былъ взбѣшенъ, когда Монсъ принесъ ему извѣстіе отъ Алексѣя. Онъ треснулъ его своей дубинкой и тотчасъ далъ указъ, чтобы царевичъ въ теченіе года не подъѣзжалъ къ столицѣ ближе какъ на 40 верстъ. Можетъ быть, Алексѣй этого и добивался, потому что, не повидавшись даже со мною, даже не распечатавъ моего письма, онъ тотчасъ же по полученіи приказанія уѣхалъ въ свой дворецъ близъ Харькова. Богъ знаетъ, увижу ли я его и когда.

На вчерашнихъ празднествахъ присутствовала я одна и смотрѣла на весь блескъ и всю дикость сквозь затуманенныя очи. Какое ужасное положеніе. Царь любитъ меня, Екатерина ласкаетъ и называетъ своей дочуркой, но мужъ мой бросилъ меня и нѣтъ сомнѣнія — ненавидитъ меня. Если я пожалуюсь царю на всѣ перетерпѣнныя мною оскорбленія, если онъ узнаетъ о нихъ отъ другихъ, тогда все пропало. Боюсь, что изъ-за меня прольется кровь, и на примиреніе съ Алексѣемъ не будетъ никакой надежды. О, — эти ужасные дикіе мужчины. Поэтому я принуждена даже скрывать свои слезы, казаться веселою и оправдывать Алексѣя, а сердце мое сейчасъ, кажется, разорвется. Царь былъ очень доволенъ мною. Этотъ великій человѣкъ нашелъ, что я совершенно свыклась со своимъ новымъ отечествомъ; хвалилъ меня; я должна была говорить съ нимъ по-русски, хотя и коверкала языкъ ужасно; затѣмъ онъ предложилъ сѣсть рядомъ съ нимъ за маленькій трехугольный столикъ. Я старалась не упоминать имени Алексѣя; но когда Екатерина заговорила о болѣзни царевича, Петръ вскочилъ изъ-за стола и такъ сильно отбросилъ стулъ, что тотъ разлетѣлся вдребезги. Всѣ страшно испугались, но Екатерина выказала свое вліяніе надъ Петромъ, она схватила его за руку и посадила на свое мѣсто. Онъ послѣдовалъ за ней, какъ ребенокъ, а она спокойно и съ достоинствомъ сѣла на принесенный ей другой стулъ. Видно было, что дѣйствительно она спасла его при Прутѣ. Въ это время всѣ бояре въ одинъ голосъ закричали: „да здравствуетъ Катенька, наша матушка“. Царь нѣжно ее расцѣловалъ

и сталъ опять веселѣе. Лѣтомъ онъ хочетъ ѣхать въ Германію, въ Карлсбадъ.

25-го февраля.

Ужасы слѣдуютъ за ужасами — о, не видѣли бы мои очи этого жестокаго человѣка! Я дрожу при одной мысли о немъ, о, Господи, и это мой мужъ!

Ночью, около двухъ часовъ, разбудилъ меня страшный шумъ въ моей передней комнатѣ. Мнѣ снился Брауншвейгъ и моя сестра императрица. Я проснулась, дверь въ мою комнату вдругъ распахнулась, и я увидѣла Монса и Кенигсмаркъ, которые старались удержать какого-то человѣка, въ немъ я узнала моего мужа. Первая моя мысль была боязнь за него, ибо онъ такимъ образомъ нарушилъ строгій приказъ царя. Онъ казался выпившимъ, потому что шатался. Вдругъ онъ вырвался изъ рукъ Монса, толкнулъ ногой бѣдную графиню, которая упала на полъ, и подбѣжалъ къ моей кровати. Отъ бѣшенства онъ не могъ произнести ни одного слова. Я хотѣла отстраниться отъ него руками, но онъ схватилъ ихъ и крѣпко сжалъ. Онъ началъ ругать меня самыми ужасными словами и поклялся мнѣ ненавистью, такъ какъ я одна была причиной его изгнанія. Онъ пришелъ, чтобы меня задушить—кричалъ онъ, и дѣйствительно схватилъ меня руками за горло. Въ этотъ моментъ Монсъ подскочилъ, явились лакеи и схватили Алексѣя, я же лежала безъ чувствъ, но все-таки какъ сквозь сонъ слышала его скверныя и ужасныя проклятія. Мало-по-малу все затихло, и я только слышала, какъ его тащили по корридору.

Кенигсмаркъ плакала у моей кровати; черезъ полчаса явился Монсъ окровавленный, изнеможенный и сообщилъ, что царевича закутали, посадили въ первыя попавшіяся сани и увезли.

Я все еще не могла придти въ себя; Монсъ и Кенигсмаркъ утѣшали меня какъ могли. Теперь я увидѣла, что можно всего ожидать. Очевидно, Алексѣй дѣйствовалъ въ порывѣ ревности, онъ меня называлъ такими ужасными именами. Его приближенные могли упомянуть о Монсѣ. Богъ видитъ, какъ я невинна. Ахъ, съ тѣхъ поръ какъ я оставила Германію, ни одной минуты не была спокойна, уже не говоря о счастіи.

Итакъ, въ первый разъ я была спасена, но кто же поручится, что опасность не повторится. Я лежала почти безъ чувствъ, и что всего печальнѣе—я чувствовала себя матерью. Да, мое положеніе ужасно! У кого найти мнѣ защиту, мнѣ и тому несчастному существу, котораго я произвела на свѣтъ. У царя? Но это значило погубить Алексѣя. У Екатерины? Но она мнѣ не можетъ помочь. Я совершенно, слѣдовательно, одна и безпомощна. Я обращусь за совѣтомъ къ Еленѣ. Но моимъ испытаніямъ никогда не наступитъ конца! Моя единственная надежда на вѣрную дружбу моей Кенигсмаркъ, также имѣю довѣріе и къ Монсу. Онъ вполнѣ заслуживаетъ этого, вѣдь онъ спасъ меня въ эту ужасную ночь.

Въ теченіе шести мѣсяцевъ въ дневникъ кронпринцесса ничего не заносила. Слѣдующая замѣтка помѣчена 24 августа [1]).

1) 1714 года (?).

Слава Богу, наконецъ мы помирились. Сколько я перестрадала за эти шесть мѣсяцевъ, мнѣ просто страшно вспомнить. Я часто желала себѣ смерти. Я потеряла всякую охоту вести дневникъ, который я пишу для тебя, моя дорогая Амалія [1]). Никто не можетъ представить себѣ моего душевнаго состоянія. Простые смертные во время несчастія имѣютъ утѣшеніе въ своихъ родныхъ, въ дружбѣ. Я же, удаленная отъ своихъ, которымъ я даже не могу повѣдать о своихъ печаляхъ, въ окружающихъ меня, разныхъ для меня по языку, обычаямъ и религіи, не только не могу найти утѣшенія, но они даже и не понимаютъ меня. Итакъ, вокругъ меня нѣтъ никого, даже въ иныя минуты я принуждена избѣгать мою вѣрную Конигсмаркъ.

Рожденіе моей Анны и тріумфальный въѣздъ царя помогли нашему примиренію. Едва я перенесла рожденіе дочери.—Послѣ побѣды надъ Стенбокомъ и завоеваніемъ Финляндіи царь принялъ поднесенный ему Сенатомъ титулъ вице-адмирала; раньше же онъ отклонялъ эту честь, такъ какъ еще не отличался въ морѣ настолько, чтобы быть отличену передъ болѣе старшими офицерами. Но послѣ морской побѣды при Гангутѣ и завоеванія Нейшлота, просьба Сената была принята. Поэтому царь былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что готовъ былъ простить всѣхъ своихъ противниковъ. При тріумфальномъ въѣздѣ царя, Ромадановскій, оберъ-адмиралъ и вице-царь, сидя на тронѣ, привѣтствовалъ его возгласомъ: „Да здравствуетъ вице-адмиралъ Петръ Алексѣевичъ!“ И царь основалъ въ воспоминаніе этого счастливаго дня орденъ Св. Екатерины. Это былъ дѣйствительно неописуемо-торжественный моментъ и тріумфъ доблестей Екатерины. Этимъ прекраснымъ моментомъ всеобщаго одушевленія и довольствія я воспользовалась, чтобы указъ объ изгнанникѣ былъ уничтоженъ. Съ моей новорожденной дочкой на рукахъ вышла я къ царю, когда онъ меня посѣтилъ; онъ думалъ застать меня еще въ постели и обрадовался чрезвычайно, найдя меня настолько окрѣпшею. Онъ поцѣловалъ меня и свою кричавшую внучку, и какъ только я произнесла имя Алексѣя, проговорилъ: „хорошо, хорошо, онъ возвратится въ Москву“.

Объ этомъ счастливомъ событіи я дала знать царевичу, и вчера послѣ долгой разлуки я его снова увидѣла. Я ему все простила, потому что какая же мать не проститъ ради своего ребенка. Алексѣй раскаивался и благодарилъ. Помоги, Господи, чтобы онъ оставался такимъ. Онъ два раза повторилъ, что былъ неправъ, что я должна обо всемъ позабыть; такое съ его стороны признаніе при его характерѣ много значитъ. Онъ самъ позвалъ Монса и поцѣловалъ его. Алексѣй примирился съ отцомъ и привѣтствовалъ Екатерину съ приличествующею ей внимательностью. Я очень счастлива, ибо все это устроила я сама.

---

1) Амалія, младшая дочь герцога Людвига Рудольфа Бланкенбурскаго (сына Антона Ульриха), вышла замужъ въ 1712 году за своего двоюроднаго брата герцога Фердинанда Альбрехта Брауншвейгъ-Вольфенбительскаго.

12-го октября.

Только-что вернулась съ Алексѣемъ, моей Кенигсмаркъ и генераломъ Вейде изъ Петербурга, этого чудеснаго города. Царь какъ хозяинъ, въ высшей степени счастливый, показывалъ намъ всѣ свои удивительныя творенія. Онъ былъ очень нѣженъ и любезенъ и показался мнѣ еще величественнѣе, хотя его жилище въ крѣпости и все окружающее, а равно и образъ жизни были скорѣе частнаго лица средней руки. Его дѣятельность удивительна, колоссальна, почти невѣроятна. Какъ все самое незначительное, такъ и всѣ великія предпріятія доказывали силу его генія. Всѣ дѣятельные люди обладаютъ страстностью, но его природная страстность быстро переходитъ къ разсудительности, мягкости и человѣчности. Я преклоняюсь предъ геніальностью этого человѣка. Въ Петербургѣ, на этомъ пустынномъ болотистомъ островѣ, только-что завоеванномъ, онъ основалъ девять лѣтъ тому назадъ маленькое укрѣпленіе, выросшее какъ по волшебству въ настоящую крѣпость. Царь приказалъ выстроить вблизи небольшой домикъ, откуда самъ руководилъ постройкою крѣпости. Сюда устремились торговля, трудъ и бояре. Появились общественныя зданія, частные дома, и черезъ два года на Васильевскомъ островѣ возникъ прекрасный городъ. Оба берега рѣки Невы покрылись улицами, рынками, домами, и теперь уже въ Петербургѣ считается до 30.000 жителей. Черезъ сто лѣтъ число это удесятерится, и отсюда, навѣрно, современемъ будутъ предписываться законы Европѣ. Полтавская побѣда поставила Россію въ ряды европейскихъ державъ, а Петръ великій человѣкъ своего вѣка.

Алексѣй остерегается меня. Онъ меня не любитъ — это ясно; но онъ все-таки благодаренъ мнѣ и иногда цѣлуетъ мою дочурку.

12-го марта 1713 г.

Царевна Софія, которую я посѣтила въ монастырѣ въ Твери, женщина съ сильнымъ характеромъ, говоритъ, ничего не скрывая Царь самъ послалъ меня къ ней, чтобы познакомиться. Но близко сойтись съ такой женщиной, изъ-за которой пролилось столько крови, было невозможно. Она очень умная, красивая и очень представительная; несмотря на свой монашескій санъ, не скрываетъ ненависти къ царю и высказываетъ, что будто боится за нововведенія царя, которыя такъ же идутъ къ русскимъ, какъ нѣмецкое платье и короткія бороды. Она очень испугала меня, предложивъ прямо, безъ всякихъ обиняковъ, соединиться съ ней и Алексѣемъ противъ царя и Екатерины, и я боюсь ее, сама не знаю почему. Голицынъ все еще остается ея совѣтникомъ, хотя и самъ въ заточеніи, и я сильно опасаюсь, что она очень много помогаетъ несогласію между Алексѣемъ и его отцомъ. Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось совершенно примирить ихъ обоихъ и внушить моему мужу довѣріе къ царю! Но вѣдь онъ и мнѣ не довѣряетъ, хотя я его такъ люблю.

1-ю апрѣля.

Итакъ, это вѣрно: онъ опять начинаетъ разыгрывать обиженнаго ревнивца. На этотъ разъ онъ преслѣдуетъ бѣднаго Вейде. Онъ унижаетъ его когда только можетъ, и я опасаюсь новой вспышки. Если только царь будетъ короновать свою супругу, то нужно бояться худшаго, потому что гнѣвъ царевича противъ мачихи возростаетъ съ новою силою.

5-ю мая.

Прежняя слабость снова овладѣла мною, и я совсѣмъ больна. Когда я открыла Алексѣю, что я беременна, онъ посмотрѣлъ на меня очень мрачно и угрюмо. Его сердце недоступно для человѣческихъ радостей. Что я люблю, къ тому онъ чувствуетъ отвращеніе, и его собутыльники Румянцевъ и Шафировъ, опять возымѣли на него вліяніе. Если бы только я могла сопровождать царя въ Германію, я бы еще разъ увидѣла всѣхъ своихъ и тогда бы умерла спокойно.

12-ю мая.

Жестокость царевича производитъ на меня какое-то особенное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ какъ я сдѣлалась матерью и чувствую себя снова матерью, во мнѣ явилась какая-то небывалая прежде рѣшительность. У меня явилось мужество отвѣчать ему и не переносить никакого униженія, никакого...

2-ю іюня.

Новые ужасы! Царевичъ опять бросилъ меня. Онъ наказалъ одного изъ моихъ слугъ кнутомъ. По этому поводу я хотѣла съ нимъ переговорить и послала къ нему генерала Вейде, чтобы пригласить къ себѣ; вотъ уже нѣсколько недѣль онъ избѣгаетъ меня. Царевичъ набросился на моего посланца, обошелся съ нимъ крайне невѣжливо, и Вейде страшно оскорбился. Затѣмъ Алексѣй явился ко мнѣ; я начала кротко говорить ему, напомнила ему о прежнемъ его раскаяніи, его обѣщаніяхъ, а Кенигсмаркъ бросилась на колѣни и начала умолять его измѣнить свое поведеніе. Онъ оттолкнулъ ее отъ себя. Когда же я приблизилась къ нему, онъ ударилъ меня прямо въ лицо, у меня полилась кровь. Видъ этой крови какъ будто еще больше распалилъ его гнѣвъ, онъ назвалъ меня подлой, схватилъ мои столовые часы, пустилъ ими въ меня и удалился изъ комнаты. Часы ударили меня въ ногу, и я упала окровавленная. Алексѣй оставилъ затѣмъ Преображенское, и никто не знаетъ, гдѣ онъ теперь. Итакъ, я опять брошена. Бѣдныя мои дѣти!

20-ю іюня.

Послѣ этого ужаснаго событія я нѣсколько дней пролежала почти безъ сознанія. При дворѣ полагаютъ, что у меня скоро будутъ роды, въ чемъ я не разувѣряю. А объ Алексѣѣ все нѣтъ извѣстій! Онъ былъ у Софіи, и я ожидаю самаго худшаго отъ этого свиданія, потому что царевна ненавидитъ нѣмцевъ, царя,

Екатерину и меня. Будетъ онъ ее слушать, тогда неминуема какая-нибудь ужасная безразсудность, кровавая катастрофа: царь будетъ очень опечаленъ новымъ вѣроломствомъ съ его стороны.

30-го іюня.

Какая сильная привязанность—ребенокъ! Я, рѣшившаяся не поддаваться никакимъ униженіямъ, я, во имя нашей маленькой Анны, согласилась написать царевичу. Какіе только резоны ни представляла я ему, какія нѣжности ни расточала передъ нимъ. Какъ заклинала я его всѣмъ, что есть для него святаго. Но сомнѣваюсь, чтобы онъ даже распечаталъ мое письмо, чтобы понялъ его. Письмо написано по-французски, а онъ не давалъ себѣ труда особенно изучать его.

Я нахожусь между страхомъ и надеждой. Что его недостойные сотоварищи. Этотъ ненавидящій меня Румянцевъ и врагъ всѣхъ чужестранцевъ Шафировъ едва-ли побудятъ его принять благородное рѣшеніе.

Я люблю его еще благодаря Аннѣ и тому существу, котораго мнѣ пошлетъ Господь; но я не обладаю тѣмъ языкомъ, который онъ могъ бы понять. Если бы ихъ не было, то я лучше не желала бы его больше видѣть. Какъ тревожны будутъ для меня послѣдующіе дни.

10-го іюля.

Наконецъ-то полученъ отвѣтъ и отвѣтъ совершенно неожиданный. Царевичъ приказываетъ, прежде чѣмъ отвѣтить на мое письмо, безъ замедленія ѣхать къ нему въ Стрезину (Stresina). Я ѣду, полная надеждъ.

14-го іюня.

Всѣ надежды рушились. Я сѣла въ карету и полетѣла въ Стрезину; никто не сопровождалъ меня, кромѣ моей вѣрной Кенигсмаркъ, потому что Вейде, послѣ нанесеннаго царевичемъ ему оскорбленія, сталъ совсѣмъ сумасшедшимъ и каждый день клянется отмстить ему. Я пріѣхала полуживая отъ этой дикой безостановочной скачки. Дворецъ оказался опустошеннымъ, царевичъ еще вчера оставилъ его со своею свитою. Я едва нашла для себя комнату. Это новое униженіе совершенно подломило меня. Я чувствую какія-то безпокойныя боли и не могу вернуться въ Москву. Я должна остаться, а онъ, жестокій, не присылаетъ никакихъ извѣстій. Я посылала въ Преображенское, къ Софіи, къ Еленѣ. Нигдѣ онъ не былъ. Чѣмъ же все это кончится? Я вижу, что его развратители торжествуютъ теперь.

19-го іюля.

Свершилось нѣчто ужасное. Послѣдній ударъ. Итакъ, вотъ для чего была я завлечена въ Стрезину. Меня хотѣли убить! О, я несчастная. Вчера дворецкій царевича принесъ мнѣ шоколадъ. Моя камерфрау приняла отъ него чашку, поднесла молча къ моей кровати и указала мнѣ пальцемъ на чашку. Я посмотрѣла

на питье, оно было мутно. Однако я взяла чашку и поднесла ее къ губамъ. Въ этотъ моментъ ко мнѣ бросилась Кенигсмаркъ, вышибла изъ рукъ моихъ чашку, вскрикнувъ: „Бога ради— отравлено!“ Отрава потекла по персидскому ковру, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ текла моя кровь. Дальше я ничего не видѣла и не слышала, я упала безъ чувствъ отъ ужаса. Спустя нѣсколько часовъ я пришла въ себя. Въ это время мнѣ давали противоядія, продолжившія мой обморокъ.

Къ вечеру мнѣ стало лучше, хотя я была очень слаба. Дворецкій во всемъ сознался. Этотъ безсовѣстный человѣкъ утверждалъ, что онъ исполнилъ лишь приказаніе своего господина. Его слишкомъ раннее торжество въ успѣхѣ выдало его; Кенигсмаркъ во-время замѣтила и спасла меня. Теперь только я узнала, что это было уже третье покушеніе на мою жизнь со стороны моего мужа. Просто невѣроятно. Въ первый разъ еще въ Польшѣ, послѣ ссоры, я должна была быть отравлена виномъ. Но Кенигсмаркъ во-время замѣтила и какъ бы нечаянно пролила вино, подавая его мнѣ. Съ тѣхъ поръ она стала очень строго относиться ко всякому подаваемому мнѣ куску. Потомъ она чуть не прозѣвала, когда мнѣ присланъ былъ апельсинъ отъ царевны Софіи при пріѣздѣ моемъ въ Кремль. Я съѣла лишь маленькій кусочекъ, но Кенигсмаркъ незамѣтно взяла отъ меня остальное и, давъ затѣмъ попугаю, который немедленно околѣлъ, она увидѣла, что апельсинъ былъ отравленъ.

О, моя спасительница, моя дорогая Кенигсмаркъ, какъ мнѣ вознаградить твою вѣрность. Я не могу, пусть Господь заплатитъ за все тебѣ. Этотъ маленькій кусочекъ апельсина былъ причиною моей тогдашней болѣзненности. Безъ тебя, моя дорогая, я давно бы уже погибла.

24-го октября.

Я выздоровѣла! Послѣ пережитыхъ мною ужасовъ, на это трудно было надѣяться. Благодарю тебя, Господи, что сынъ мой живъ. О, мой сынъ [1]), да дастъ тебѣ Господь быть настолько же непохожимъ на отца, насколько похожимъ на твоего дѣда; это моя самая горячая молитва къ Тебѣ. Больше не могу...

Парижъ, 15-го ноября 1715 г.

О, ты, мой дорогой дневникъ, сколько уже времени я не видѣла тебя! Ты, дорогая Амалія, ты, нѣжная моя сестра, для тебя я начала его, для тебя и кончу. Ты также оплакиваешь меня. Увидишь ли ты когда-нибудь эти листки. Теперь я у пристани, но для свѣта я умерла. Пусть онъ забудетъ меня.

Я одна. У меня нѣтъ больше ни отца, ни сестры, ни мужа, ни дѣтей, я осиротѣла и осиротѣла такъ, какъ никто никогда. Я умерла, я заживо умерла; Шарлотты Брауншвейгской нѣтъ болѣе на свѣтѣ, русская великая княгиня погребена въ Стрезинѣ (Stresina), сестра императрицы оплакивается при всѣхъ дворахъ, погребаль-

[1]) Петръ Алексѣевичъ (II) родился $^{12}/_{23}$ октября 1715 г.

ный звонъ раздавался во всѣхъ русскихъ городахъ отъ Невы до Дона. Баронесса Калькштейнъ извѣстна лишь двумъ дорогимъ существамъ. О, Екатерина, о, моя Кенигсмаркъ. О, моя Амалія, увижу ли я васъ всѣхъ когда-нибудь.

О томъ, что произошло, я должна самой себѣ все разсказать, чтобы повѣрить, что все это могло случиться. Весь міръ измѣнился вокругъ меня, я больше не существую, я сама смотрю на себя какъ на совершенно другую. Тебѣ, моя сестра, для которой предназначается эта исповѣдь несчастной, тебѣ одной повѣдаю я обо всемъ. Та, которую ты любила, та, которую ты оплакиваешь, моя Амалія, она жива! Но и ты теперь не должна объ этомъ знать.

Какъ только я очнулась отъ сильнаго обморока, въ который впала вслѣдствіе преждевременнаго рожденія моего сына, взоръ мой остановился на Кенигсмаркъ. Она улыбнулась, хотя слезы видны были на ея глазахъ. Я узнала отъ нея, что уже 36 часовъ считалась я умершею. „Умерла, о, если бы дѣйствительно такъ"—промелькнуло у меня въ мысляхъ. Мой другъ пришла мнѣ на помощь. Она начала убѣждать меня, что не лучше ли будетъ поддерживать это мнѣніе нѣкоторое время: иначе не избавиться отъ преслѣдованія царевича. Я поняла ее, рано или поздно я должна буду стать ихъ жертвой. Я слышала, что въ первый моментъ, когда меня считали умершей, было дано ему объ этомъ знать; онъ былъ въ Твери. Онъ долженъ сознавать, что моя смерть есть слѣдствіе его злодѣянія.

Я рѣшилась выждать отвѣтъ царевича и затѣмъ бѣгствомъ спастись, хоть на нѣсколько лѣтъ, отъ его преслѣдованія. Моя забота была лишь о дѣтяхъ. Кенигсмаркъ обѣщалась посвятить въ тайну царицу, тѣмъ болѣе, что я питала къ ней полное довѣріе. Итакъ, для свѣта я оставалась умершею.

На третій день гонецъ привезъ приказаніе отъ Алексѣя въ слѣдующую же ночь тихо, безъ всякаго шума, похоронить меня на монастырскомъ кладбищѣ капуциновъ. Такое приказаніе было формальнымъ признаніемъ содѣяннаго имъ злодѣянія. Посланный оставилъ царевича пирующимъ на радостяхъ, что я умерла. А я-то питала еще маленькую надежду, что онъ явится въ послѣдній разъ посмотрѣть на меня. Теперь я совершенно рѣшилась и была тверда. Но горько плакала. При наступленіи ночи въ мою комнату внесли гробъ, Кенигсмаркъ и мои довѣренные люди положили въ него закутанный въ одежду обрубокъ дерева, соразмѣрный съ моимъ ростомъ и тяжестью, затѣмъ заколотили его. Явившіеся монахи взяли гробъ и понесли на монастырское кладбище.

Я снова лишилась чувствъ. Я думала, что дѣйствительно умерла. Мнѣ ясно слышались удары колокола съ Ивана Великаго, и ясно представилось, какъ достойный архимандритъ Ѳеофанъ отправлялъ службу и утѣшалъ царя, своего друга, какъ плакала Екатерина; потомъ уже я больше ничего не чувствовала: вокругъ меня все было тихо и пусто.

Когда я пришла въ себя, то увидѣла Кенигсмаркъ, которая

терла мнѣ виски; вокругъ царила темнота. Ворота и двери замка были заперты. Графиня сказалась больной; мой сынъ со всѣми слугами отправленъ былъ ночью въ Москву, и мы занялись приготовленіями къ моему бѣгству. Двое людей Кенигсмаркъ, хотя еще непосвященные въ тайну, помогали намъ. Поводомъ къ приготовленіямъ послужила необходимость поѣздки ихъ госпожи въ Германію.

Черезъ нѣсколько дней вернулись изъ Москвы посланные и привезли платье и всѣ драгоцѣнности, какія только могла собрать моя вѣрная подруга, а также и необходимыя бумаги для ея поѣздки. Я была еще очень слаба, но времени терять нельзя было, графиня боялась возвращенія царевича въ Стрезину. Я переодѣлась въ ея платье, которое мнѣ было почти впору; Кенигсмаркъ дала мнѣ двухъ своихъ посвященныхъ въ тайну людей: стараго вѣрнаго брабанта по имени Ноэля, говорившаго по-французски и по-нѣмецки, и свою старую камерфрау. Наконецъ, я сѣла въ дорожную кибитку. Монсъ сопровождалъ насъ до польской границы. Проѣхала я всю Германію подъ именемъ Кенигсмаркъ и прибыла благополучно неузнанною сюда, въ Парижъ, гдѣ и приняла имя Калькштейнъ.

Въ Смоленскѣ, въ Вязьмѣ, во всѣхъ городахъ, черезъ которые я проѣзжала, раздавался колокольный звонъ, но не для встрѣчи меня, а по поводу моей смерти.

Я сквозь слезы разсмѣялась, когда прочитала въ одномъ нѣмецкомъ листкѣ, съ какою пышностью и торжествомъ хоронили меня, и какая была глубокая горесть и печаль моего неутѣшнаго супруга. И мои сестры одѣли траурныя платья и оплакивали бревно, но могу ли я открыться передъ ними? Вѣдь онѣ потребуютъ моего возвращенія, и тогда Алексѣй съ головою будетъ выданъ своему разсерженному отцу; нѣтъ, я не должна этого дѣлать.

Всѣ ужасные моменты моей жизни остались позади меня. Напрасно я спрашиваю себя: „есть ли еще другое какое горе, которое можно было бы сравнить съ испытаннымъ мною при разставаніи съ моей дорогой Кенигсмаркъ“? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ благодарю я ее за дарованіе мнѣ жизни. Безъ нея я уже погибла бы съ отчаянія, она была спасительницею моего тѣла и моей души. Благородная, вѣрная Кенигсмаркъ, буду ли я въ состояніи когда-нибудь за все тебя отблагодарить! Жестокій Алексѣй—всѣмъ этимъ обязана я тебѣ! Какая судьба ожидаетъ тебя и какова будетъ твоя жизнь, полная заблужденій — чувствую я твою гибель—страданіе моей души ты никогда не въ состояніи будешь искупить. Если ты вступишь на престолъ твоихъ предковъ, ты никогда не услышишь обо мнѣ: это была бы для тебя слишкомъ жестокая пытка!

Только если ты будешь въ изгнаніи или въ тюрьмѣ, тогда я дамъ тебѣ о себѣ знать и, если захочешь, явлюсь къ тебѣ. Тогда убей меня, если достанетъ у тебя мужества! До тѣхъ же поръ я умерла для тебя, для свѣта, для васъ, мои дорогіе.

2-го января 1716 г.

Извѣстія изъ Россіи хорошія. Никто не подозрѣваетъ о моемъ существованіи, потому что, какъ сообщаетъ мнѣ графиня, она отказалась отъ мысли посвятить въ мою тайну царицу. Никто, кромѣ графини и Монса, ничего не знаетъ, а на Монса можно положиться. Мои дѣти здоровы, ихъ воспитываетъ и любитъ императрица. Благородная Екатерина, наконецъ, твои дѣянія получили заслуженную награду. Ты носишь корону, которая присуща тебѣ; она дѣлаетъ еще болѣе блестящими твои добродѣтели; а я—я живу здѣсь въ безопасности, неузнанная, но любимая нѣсколькими добрыми людьми; живу въ ограниченномъ кружкѣ, который для меня иногда бываетъ такъ милъ, въ особенности если сравнить съ прошедшимъ несчастнымъ блескомъ! Ни ядъ, ни преслѣдованія не угрожаютъ мнѣ болѣе, меня окружаютъ любовь и довѣріе: моя добрая Тереза любитъ меня, а мой бравый Ноэль печется обо мнѣ, какъ родной отецъ. Я начинаю бывать въ обществѣ, и сердце мнѣ подсказываетъ, что сочувственнымъ пріемомъ я обязана не моему происхожденію. Да, я начинаю видѣть хорошія стороны жизни, и если бы около меня были мои дѣти, или я бы слышала о нихъ ежедневно, я была бы счастлива,—нѣтъ, не то, была бы довольна. О, вы, мои сестры, у ступеней трона, ты, моя добрая Елизавета, на одномъ изъ самыхъ блестящихъ троновъ въ Европѣ, и ты, моя нѣжная Амалія, въ твоемъ скромномъ Брауншвейгѣ, вы и не подозрѣваете, сколько заключаетъ въ себѣ прелестей природа и люди! Нельзя сказать, чтобы вы были несчастливы, но счастья вы не знаете. Возлѣ васъ нѣтъ такихъ людей, какъ Кенигсмаркъ, и вашъ жизненный путь всегда проходитъ мимо такого счастья, какъ дружба, любовь и природа. Я сожалѣю васъ и особенно тебя, моя дорогая Амалія, для которой пишу этотъ дневникъ: ты самая младшая изъ насъ и слѣдовательно переживешь меня. Ахъ, еслибъ я могла перенести васъ хоть на нѣсколько мгновеній сюда, чтобы вы могли, какъ я, побывать среди чудной природы, въ долинѣ Монморанси или Аржантейля или пожить неузнанной среди людей. Вы можете переодѣваться сколько хотите, но васъ тотчасъ же узнаютъ, а разъ вы узнаны, то между вами и людьми встаетъ непроницаемая стѣна. Вы уже не принадлежите самимъ себѣ, васъ будутъ уважать—но будутъ ли васъ любить? нѣтъ! Я еще ребенкомъ мечтала, чтобы хоть разъ побывать въ этой людской толпѣ, какъ равная съ равными, быть просто человѣкомъ, обыкновенной дѣвочкой. Теперь моя мечта осуществилась, и я не завидую вашимъ троннымъ заламъ. Напротивъ—возвращаясь въ свое жилище въ улицѣ Монмартръ, я считаю скорѣй, что мнѣ можно завидовать. Я сама смотрю за моимъ маленькимъ хозяйствомъ; счастливый уголокъ, мой маленькій, хорошенькій садикъ; моя гордость—уборная, которую украшала я сама и гдѣ все на своемъ мѣстѣ. Правда, у меня нѣтъ персидскихъ ковровъ изъ Кремля, но когда я думаю о нихъ, то моимъ глазамъ представляются на нихъ или слѣды моей крови или отравленнаго шоколада, котораго я избѣгла только

благодаря моей бѣдной подругѣ. Нѣтъ, мнѣ милѣе мои теперешніе простые ковры. Маленькіе часы съ курантами напоминаютъ мнѣ голосъ моей Анны, вотъ единственное мое огорченіе! А мой милый Петръ! выросъ онъ? началъ уже лепетать? спрашиваетъ про свою маму?

Прочь эти мысли, онѣ слишкомъ горьки, я буду довольствоваться моими друзьями и моими тихими, скромными радостями. Дорогія мои сестры, вамъ не доступны эти скромныя радости. Да, чтобы обрѣсти счастье, нужно перенести тѣ невзгоды, которыя я перенесла.

12-го мая 1717 года.

Алексѣй бѣжалъ изъ Россіи! Ужасное извѣстіе! Вдругъ наши пути сойдутся... если онъ бѣжалъ сюда... Я не смѣю этого думать! Неужели имъ руководитъ предчувствіе? Одному Богу извѣстно—я содрогаюсь при этой мысли.

15-го іюля.

Итакъ, открытый заговоръ былъ причиной его бѣгства. Куда же ведутъ его эти низкіе совѣтники, погубившіе его въ глазахъ отца. Горе имъ!

Будетъ ли онъ въ безопасности въ Вѣнѣ или въ Неаполѣ! Измѣна слѣдуетъ за нимъ по пятамъ, и этотъ негодный Румянцевъ ждетъ лишь богатой награды, чтобъ принести его въ жертву. Какъ спокойна моя жизнь въ сравненіи съ участію Алексѣя.

16-го іюля 1718 года.

И для меня настало тяжелое время. Я была такъ довольна, такъ спокойна! Но судьба снова посылаетъ мнѣ несчастье. Страшное извѣстіе прислала ты мнѣ, вѣрная, дорогая Кенигсмаркъ. Да, я предчувствовала этотъ исходъ для несчастнаго, не хотѣвшаго прислушаться къ голосу любви. Я стремилась къ нему, хотѣла ему писать, когда узнала, что пребываніе его въ Неаполѣ открыто, что онъ лишенъ престолонаслѣдія, объ его заключеніи и гнѣвѣ царя. Я хотѣла раздѣлить съ нимъ его участь, хотѣла постараться уговорить его не противиться дольше, какъ вдругъ получила твое ужасное извѣстіе. О если бы я осталась, то, можетъ быть, спасла бы его. Вырвала бы его изъ кровавой погибели, къ которой онъ стремился! Можетъ быть, мой голосъ, но нѣтъ, мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть, онъ не послушалъ бы моего слабаго голоса. Онъ былъ слишкомъ безсердеченъ, сколько онъ причинилъ мнѣ мукъ и страданій! И ты, великій, сильный человѣкъ, долженъ былъ обагрить свою руку кровью! Но ты принужденъ былъ сдѣлать это ради созданнаго тобою, которое онъ угрожалъ разрушить, ради твоего народа, который требовалъ отъ тебя своего блага и этой тяжелой для тебя жертвы! Ты никогда не былъ такъ великъ, какъ въ этомъ дѣлѣ, которое люди, съ болѣе низменнымъ кругозоромъ, назовутъ преступленіемъ!

А ты, Алексѣй, ты палъ, какъ преступникъ передъ твоимъ народомъ и предъ твоимъ господиномъ и царемъ; тебѣ измѣнили даже тѣ, которые погубили въ тебѣ зачатки всего хорошаго; эти Толстые, Румянцевы — недостойные люди! Ваши совѣты и твои, ослѣпленная Софья, привели его къ погибели, я чувствую это. Ахъ, если бы онъ имѣлъ ко мнѣ довѣріе.

144 судьи единогласно произнесли смертный приговоръ. Значитъ, преступленіе было доказано. Итакъ, ты исполнилъ, ты, несчастный отецъ... твою ужасную месть! Собственной своей рукой отсѣкъ главу несчастнаго! О, это ужасно! Я вижу эту голову, какъ она судорожно сжимается, выраженіе лица дикое, безсильно злобное и нераскаянное! Но вы не дали ему времени раскаяться. Съ годами онъ сдѣлался бы мягче, но, бѣдный, ему не суждено было жить, не суждено было раскаяться! Такой печальный исходъ, хотя и не неожиданный, глубоко потрясъ меня и лишилъ на долго спокойствія. Итакъ, я вдова обезглавленнаго.

Теперь вы совершенныя сироты, милыя мои дѣти, хотя онъ былъ для васъ нехорошій отецъ, но все-таки отецъ, а теперь у васъ нѣтъ ни отца, ни матери.

16-го августа.

Слава Богу, что получила болѣе утѣшительныя извѣстія. Какъ я тебѣ благодарна за нихъ, моя Кенигсмаркъ. Итакъ, я все-таки вдова не казненнаго преступника; его гибель не была такъ ужасна, какъ вначалѣ думали, и не такъ, слѣдовательно, несчастенъ великій царь.

Царевичъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но его помиловалъ царь, и лишь страхъ приговора убилъ Алексѣя. Онъ жилъ еще четыре дня, послѣдствія его безнравственной жизни были причиной его смерти. Какъ капля бальзама дѣйствуетъ на тяжело раненаго, такъ и это извѣстіе подѣйствовало на мое изстрадавшееся сердце. Но ты долженъ былъ все-таки осудить его, великій человѣкъ. О, достойные сожалѣнія власть имущіе люди, вотъ въ чемъ заключаются привлекательности вашего бытія. А вы, князья, которымъ всѣ завидуютъ, въ чемъ же ваше счастье? Отецъ долженъ былъ приговорить сына къ смерти, такъ какъ онъ слуга своего народа. У обыкновенныхъ смертныхъ, если бы отецъ простилъ сына и сынъ вернулся бы раскаявшійся, а тутъ должна была пролиться кровь, и чья?! Бѣдный Волконскій!

Несчастный царь! Да, я думаю, не мало слезъ пролилъ ты при погребеніи твоего сына. Ты бы простилъ такъ же, какъ и я простила бы ему; можетъ быть, ты также вспомнилъ и меня, предчувствіе подсказало тебѣ и о моихъ страданіяхъ. Но все кончено, вѣчная ему память!

30-го августа.

Что же мнѣ теперь дѣлать! Писать къ царицѣ какъ совѣтуетъ мнѣ мой другъ? Открыться ей? Возвратиться въ золотую клѣтку? Нѣтъ, сто разъ нѣтъ: да мнѣ теперь и не повѣрятъ, меня сочтутъ за сумасшедшую; можетъ быть, также засудятъ, какъ и

его,—отнимутъ отъ меня дѣтей. Кромѣ того я всегда ненавидѣла этотъ блескъ, эту несчастную власть, которая обманываетъ насъ во всѣхъ человѣческихъ чувствахъ. Оставить тебя, золотую свободу, перестать дышать, жить? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Мое мѣсто осталось свободнымъ, возьми его, кто хочетъ. Я не хочу больше быть принцессой, не хочу возвышаться надъ людьми; напротивъ—хочу жить съ ними, у нихъ, ихъ жизнію. Что мнѣ можетъ дать Россія? Можетъ быть, возвратятъ мнѣ моихъ дѣтей. Но я стала для нихъ совершенно чужой, хотя они мнѣ и дороги. Разумѣется, я хотѣла бы ихъ видѣть, цѣловать ихъ, но для этого нужно жить вѣчно, какъ въ темницѣ. Выборъ слишкомъ труденъ, нужно обдумать.

16-го октября.

И ты умерла, дорогая моя Анна, ты предстала, какъ ангелъ передъ Создателемъ! И твой послѣдній вздохъ не пришлось мнѣ принять. Жестокая судьба! Ты сама окончательно рѣшила мою участь.

Я колебалась, сомнѣвалась, ожидала оттуда извѣстій, и вдругъ свершилось. Рѣшено—я не вернусь больше въ Россію. Всѣ сомнѣнія кончились—я остаюсь чуждою для всѣхъ тѣхъ, для которыхъ уже давно умерла, и ты, золотая тюрьма въ Кремлѣ, не увидишь меня больше никогда.

20-го октября.

Разъ душевное спокойствіе нарушено, насъ пугаетъ и волнуетъ все. Страхъ, безпокойство никогда не приходятъ одни, и какъ счастье, такъ и несчастье часто повторяются. Но почему? Развѣ я какая-нибудь преступница, что безпокоюсь такъ? Нѣтъ, но я обманула всѣхъ,—а есть человѣкъ, который узналъ меня и знаетъ о моемъ обманѣ; вотъ эта-то мысль и нарушила только-что установившееся мое спокойствіе! Хотя я въ несчастномъ Алексѣ потеряла скорѣе лишь врага, хотя я не питала надежды вступить на престолъ, тѣмъ не менѣе я чувствую себя теперь больше, чѣмъ когда-либо, совершенно одинокою. Теперь я вдова и только, и сознаніе это дѣлаетъ меня болѣе боязливою, болѣе доступною страху. Раньше я была супругою царевича, по крайней мѣрѣ, во мнѣ было это сознаніе. Теперь же я лишилась этого сознанія и потеряла всякую увѣренность въ себя.

Появленіе этого молодаго человѣка, кавалера д'Обана, который видѣлъ меня въ Москвѣ во всемъ блескѣ престолонаслѣдницы, молодою и только-что вышедшею замужъ, когда онъ тщетно добивался поступить на службу къ царю, снова возбудило мои опасенія. Это случилось въ одно несчастное утро во время прогулки въ Тюильри, куда я вошла совершенно беззаботно и вышла настолько глубоко потрясенною, что больная должна была принять какое-нибудь серьезное рѣшеніе. Я еще никогда не думала о возможности покинуть на всегда Парижъ, можетъ быть, Европу.

Я уже давно замѣчала, что какой-то молодой человѣкъ слѣдитъ за мной и за Терезой. Тереза высказала первая опасенія,

такъ какъ ей фигура этого человѣка показалась знакомою. Вдругъ въ концѣ аллеи при выходѣ онъ подошелъ ко мнѣ, поклонился низко и обратился со словами: „ваше императорское высочество“. Я такъ испугалась, что не могла произнести ни одного слова. Тереза, однако, настолько сохранила присутствія духа, чтобы отвѣтить ему очень сурово, что онъ ошибается и долженъ оставить насъ въ покоѣ, а въ противномъ случаѣ она должна будетъ позвать слугъ. Я должна была опереться на ея руку и съ испуганнымъ взоромъ обратилась къ моему вѣрному Ноэлю, который слѣдовалъ за нами въ отдаленіи. Д'Обанъ остановился на мгновеніе, сказалъ что-то для меня лестное, что разъ кто меня увидитъ, то не можетъ забыть, и заставилъ Терезу рѣшительно ему отвѣтить. Она второй разъ сказала ему, что если онъ насъ не оставитъ, то она закричитъ.

Мои силы совершенно слабѣли; вокругъ насъ начала уже собираться толпа любопытныхъ, и я дрожала, какъ листъ. Тогда подошелъ къ намъ Ноэль, онъ взглянулъ на незнакомца, затѣмъ на свою огромную саблю и попросилъ насъ вернуться и продолжать прогулку. Незнакомецъ низко поклонился и далъ понять, что такъ какъ я хочу сохранить свое инкогнито, то онъ будетъ искать другаго случая, чтобы предложить мнѣ свои услуги.

Я вернулась домой совершенно разбитою, блѣдная и дрожащая. Нечего было сомнѣваться, что д'Обанъ воспользуется своимъ открытіемъ.

При каждомъ шагѣ я боялась, что онъ явится передо мною. Можетъ быть онъ уже теперь у графа Апраксина и сообщилъ ему о своей встрѣчѣ. Господи! кажется, я не перенесу этого постояннаго страха и ожиданія. Я должна на что-нибудь рѣшиться.

21-го октября.

Тереза и Ноэль правы, я должна покинуть Парижъ. Видѣть людей и быть чуждой имъ было самымъ большимъ для меня счастьемъ, и теперь я должна отказаться отъ него. Теперь мнится мнѣ, что я окружена соглядатаями, и боязнь потери свободы гораздо хуже, чѣмъ сама потеря.

Но куда отправиться? Въ Европѣ я не найду мѣста для моего тихаго счастья. Неаполь, Римъ, Вѣна, Брюссель, Амстердамъ, Лондонъ полны русскими. Остается одна Америка—новый свѣтъ. Тамъ могу я наслаждаться природою, тамъ найду я спокойствіе. Тамъ не встрѣчу никакого кавалера Д'Обана, и никто меня не узнаетъ; тамъ могу лишь бояться величія природы.

24-го октября.

Ноэль правъ,—нужно спѣшить. Онъ уже продалъ часть моихъ драгоцѣнностей. Въ гавани Л'Оріанъ находится партія переселенцевъ въ Виргинію, до тысячи человѣкъ. Я вмѣшаюсь въ ихъ толпу и отправлюсь въ Америку. Путешествіе черезъ океанъ возстановитъ мое спокойствіе.

Л'Оріанъ, 26-го октября.

Второе бѣгство, болѣе опасное, удалось. Я на кораблѣ, никто меня не преслѣдовалъ, никто не узналъ. Ноэль и Тереза со мною. Мы всѣ счастливы и полны надеждъ. Какъ пріятно находиться среди такихъ людей. Мое сердце снова успокоилось. Мнѣ представилось много случаевъ облегчать людскія страданія и горести. Вотъ одинъ бретонецъ, рѣшившійся эмигрировать, но у него не хватало денегъ, чтобы заплатить за проѣздъ своей жены и шестерыхъ дѣтей. Какъ трогательна была его благодарность мнѣ. Вотъ старикъ, плача, разставался со своимъ сыномъ, единственной его опорой; теперь онъ счастливъ, что послѣдніе дни его жизни обезпечены. Утѣшить всѣхъ ихъ мнѣ едва стоила одна жемчужина. И теперь я блаженствую вмѣстѣ съ этими людьми.

Мы на кораблѣ „Альцестъ", и если продолжится попутный вѣтеръ, то завтра рано утромъ снимемся съ якоря. Прощай, гостепріимный берегъ Франціи! Пусть процвѣтаетъ твой народъ!

Вокругъ меня шумъ и толкотня, новая непривычная сутолока морской жизни радуетъ и занимаетъ меня. Какую живую картину представляетъ собою отплытіе тысячи человѣкъ, какъ прелестенъ видъ этихъ людскихъ группъ! Какъ великъ человѣкъ, какъ красиво море, какъ величественна природа! Какіе контрасты! Этотъ кусокъ дерева, этотъ корабль, этотъ атомъ и необъятное море. И вотъ этотъ-то маленькій корабликъ долженъ перенести насъ въ новый міръ къ новымъ надеждамъ и побѣдить неизмѣримый океанъ.

Насъ всего 350 человѣкъ на „Альцестѣ" вмѣстѣ со мною; Ноэль досталъ мнѣ очень удобное мѣсто, Тереза помѣстится вмѣстѣ со мной. Ноэль замѣчательно вѣрный и достойный слуга. Ему на-дняхъ исполнится 60 лѣтъ, но онъ совершенно бодръ, хорошій совѣтникъ и въ случаѣ нужды пойдетъ противъ десятерыхъ.

Л'Оріанъ, 27-го октября.

Прощай, моя Кенигсмаркъ—сегодня мы отплываемъ. Прощай, мой сынъ, котораго я не знаю, прощай, добрая Екатерина, прощай, великій царь; прощайте, мои дорогія Амалія и Елизавета, прощайте. мои дорогія сестры. Сердце говоритъ мнѣ, что я васъ снова увижу, Спите спокойно на вашихъ тронахъ, а я безпокойная птица, для которой достаточно мѣста среди природы.

Корабль „Альцестъ", 29-го октября.

Напрасно бѣжитъ человѣкъ отъ судьбы. Здѣсь, среди необозримаго океана, гдѣ я чувствовала себя совершенно въ безопасности отъ всякихъ преслѣдованій судьбы; здѣсь, гдѣ никто меня не могъ знать, неужели я должна подвергнуться снова мукамъ и терзаніямъ? Какія у тебя намѣренія, молодой человѣкъ, что привело тебя сюда на корабль? Зачѣмъ ты смотришь на меня, зачѣмъ ты слѣдуешь по моимъ пятамъ? Чего ты хочешь отъ меня? Я могла бы тебя презирать, какъ моего преслѣдователя, только потому, что, несмотря на честное выраженіе твоего лица, ты меня знаешь.

Какая неожиданность! Корабль тихо скользилъ, несомый попутнымъ вѣтромъ; свѣжее утро вызвало меня, бѣдную, на палубу. Солнце только-что всходило—я неподвижно остановилась передъ нимъ, какъ на молитвѣ. Вдругъ я почувствовала сзади себя чье-то дыханье, я обернулась—передо мною стоялъ д'Обанъ! Крикъ ужаса вырвался изъ моей груди—здѣсь некуда было бѣжать. Я зашаталась. Ахъ, я сама, сама выдала себя передъ нимъ; это внезапное подтвержденіе его догадки привело и его въ замѣшательство. Я убѣжала, и онъ не удержалъ меня, но стоялъ какъ вкопанный со шляпою въ рукѣ. Въ каютѣ я упала на свою постель. Тереза уговаривала утѣшала меня, дѣйствительно она права: ничего не остается дѣлать, какъ послать къ нему Ноэля и постараться привлечь его на нашу сторону. Онъ, кажется, благородный человѣкъ и не захочетъ моей погибели.

Ноэль вернулся отъ него. Дѣйствительно, д'Обанъ убѣдился, мой испугъ выдалъ меня передъ нимъ. Онъ очень тронулъ Ноэля, обнялъ его со слезами и увѣрилъ его честнымъ словомъ въ сохраненіи тайны; онъ умолялъ меня принять его услуги въ чуждой странѣ, гдѣ онъ можетъ быть полезенъ. Онъ умолялъ меня повидаться съ нимъ и увѣрялъ, что тотчасъ и навсегда оставитъ меня, если я только этого потребую. Онъ меня иначе не называетъ, какъ мадамъ Кальгштейнъ. Слава Богу, я снова нѣсколько успокоилась, хотя и чувствую себя немного больною. Лишь постепенно привыкну я къ мысли, что на этомъ маленькомъ кораблѣ нахожусь съ существомъ, которое знаетъ меня и мою судьбу.

7-го ноября.

Восемь дней страдала я отъ морской болѣзни. Д'Обанъ дѣлалъ все возможное; я ему очень обязана за его вѣрныя и, кажется, безкорыстныя услуги. Онъ находится во главѣ 70-ти или 80-ти переселенцевъ, которые избрали цѣлію своего путешествія устье рѣки Делавара. Всѣ они любятъ его и готовы умереть за него. Онъ, должно быть, дѣйствительно благородный человѣкъ. Они нѣкогда были его вассалами. Алчные родственники обманомъ отняли у него все имущество, онъ изъѣздилъ всю Европу, снова вернулся въ Парижъ и вслѣдствіе Lettre de Cachêt былъ схваченъ и посаженъ въ Бастилію, изъ которой наконецъ былъ освобожденъ подъ условіемъ выѣзда въ Америку. Бывшіе его вассалы послѣдовали за нимъ, такъ какъ, во-первыхъ, не хотѣли разстаться съ нимъ, да и не желали оставаться подъ властью его жестокихъ родственниковъ. Несчастная Франція! Этотъ благородный человѣкъ покидаетъ тебя! Остальные переселенцы находятся точно въ такомъ же положеніи и бѣжали отъ своихъ тиранновъ.

14-го ноября.

На кораблѣ начинаетъ ощущаться недостатокъ во всемъ. Пошли, Господи, намъ скорѣе попутный вѣтеръ! Во время бывшей третьяго дня бури мы потеряли изъ виду шедшіе съ нами корабли; мы сами лишились половины мачтъ, и наши съѣстные припасы на исходѣ.

Въ эти ужасные дни д'Обанъ выказалъ себя человѣкомъ смѣлымъ и съ самообладаніемъ. Онъ поспѣвалъ вездѣ: когда рушилась главная мачта, капитанъ потерялъ голову, д'Обанъ одинъ остался безстрашнымъ и самъ повелъ корабль. Матросы начали волноваться и требовали идти по вѣтру къ Азорскимъ островамъ. Нѣсколькихъ словъ д'Обана достаточно было, чтобы обуздать толпу. Дѣйствительно, онъ неустрашимый человѣкъ: казалось, даже сами стихіи были побѣждены имъ: какъ только онъ сталъ у руля, буря начала стихать, и вздымавшіяся волны успокаиваться. Его смѣлому, но задушевному взгляду нельзя противостоять, особенно когда онъ стоитъ у руля и спрашиваетъ моихъ приказаній. Когда стало извѣстно, что съѣстные припасы кончаются, готовъ былъ вспыхнуть новый бунтъ, всѣ бросились на палубу къ капитану, который не принялъ во вниманіе время года и противные вѣтры, и не запасся провизіей. Тогда выступилъ д'Обанъ, заставилъ замолчать крикуновъ и объявилъ, что съ сегодняшняго дня будетъ выдавать имъ провизію изъ своихъ запасовъ. Онъ одинъ подумалъ обо всемъ, и такимъ образомъ запасной муки оказалось 15 тоннъ. Спокойствіе и увѣренность возвратились, матросы начали работать лучше, и мы прошли половину дороги. Онъ самъ и его люди начали довольствоваться съ этого момента самыми маленькими порціями, и казалось, ему ничего не нужно было, какъ видѣть лишь меня довольною. Какъ нѣженъ и задушевенъ его разговоръ; онъ исполняетъ всѣ мои желанія, онъ очень сдержанъ, но полонъ искренной дружбы; короче говоря: онъ нашъ Ангелъ Хранитель!

18-го ноября.

Какъ относится д'Обанъ къ больнымъ и безпомощнымъ! Мы постоянно встрѣчаемся съ нимъ у постели больныхъ. Но я только приношу утѣшеніе, а онъ оказываетъ дѣйствительную пользу. Не забуду я никогда ужасной сцены: смерти матери съ младенцемъ, вокругъ стояли пятеро плачущихъ дѣтей и убитый горемъ отецъ. Въ глазахъ д'Обана я замѣтила слезы. Д'Обанъ совершенная противоположность Алексѣю и представляется мнѣ братомъ моей Кенигсмаркъ. Со старымъ Ноэлемъ обращается онъ какъ съ другомъ, а со мною—Тереза даже привела меня въ ужасъ, когда намекнула мнѣ, что его заботы обо мнѣ доказываютъ гораздо болѣе, чѣмъ дружбу и обыкновенныя услуги.

22-го ноября.

Слава Богу, наконецъ якорь брошенъ, и мы у берега новаго свѣта. Остановились въ устьѣ огромной рѣки, которое кажется обширнымъ моремъ. Передъ моими глазами необъятная пустыня, но пустыня прекрасная. Эта пустыня будетъ мѣстомъ собранія всѣхъ несчастныхъ міра. О, какъ я буду счастлива, когда выйду на берегъ! Мои страданія, мнѣ кажется, сдѣлали меня достойною этого счастья.

Мы ждемъ лишь лоцмана изъ Филадельфіи, чтобы сойти на

берегъ у этого новаго созданнаго Вильямомъ Пеннъ [1]) города. Пеннъ дѣйствительно соперничаетъ съ нашимъ могущественнымъ царемъ. Здѣсь проведемъ мы зиму и за это время приготовимъ все необходимое для основанія весною нашей новой колоніи. Я рѣшила, какъ только сойдемъ на берегъ, напомнить д'Обану его обѣщаніе и просить его оставить меня. Я обойдусь услугами Ноэля и Терезы, хотя, не скрываю, обхожденіе д'Обана и его разговоры мнѣ очень пріятны. Онъ настолько скроменъ, что навѣрно исполнитъ мою просьбу. Я теперь вполнѣ вижу справедливость замѣчанія Терезы. Дѣйствительно, взгляды д'Обана и его поведеніе говорили больше того, что должно быть.

29-го ноября.

Наконецъ-то я на землѣ! Привѣтствую тебя, необъятная чудная пустыня. Европа позабыта; здѣсь все привѣтствуетъ насъ; свободно дышатъ дикія деревья, величественныя рѣки, дѣвственные лѣса и поля, однимъ словомъ, все, что представляется нашему взору и доступно нашему слуху.

Не законы, а наши европейскіе нравы дѣлаютъ насъ рабами; нашъ тираннъ—это общество, приличія, мода, а не государство, не правитель. Здѣсь же свобода, потому что европейскіе нравы вытѣснены другими житейскими потребностями, и благонравныя и мирныя привычки квакеровъ, замѣнившія эти нравы, очень человѣчны и крайне мнѣ нравятся.

Мы живемъ въ баракахъ, пока не найдется для насъ въ городѣ соотвѣтствующее помѣщеніе.

Очень трогательная произошла сцена, когда я, взволнованная, съ неувѣренностью обратилась къ д'Обану съ просьбою оставить меня. Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ жертва смотритъ на жертвоприносителя. Наконецъ, припалъ къ моей рукѣ, и я почувствовала его горячія слезы; онъ не произнесъ ни одного слова. Затѣмъ поднялся на ноги и кротко спросилъ, сегодня ли еще онъ долженъ уйти? Я дала ему срокъ одинъ мѣсяцъ—я не могла иначе, его страданіе отразилось на мнѣ и поколебало мое мужество. Онъ поблагодарилъ меня и удалился; хотя онъ и отдаляется теперь отъ меня, но я все-таки чувствую и вижу всѣ его попеченія обо мнѣ. Его дѣятельность дѣйствительно громадна. Онъ уже все устроилъ для меня въ новой колоніи, а вѣдь у него на рукахъ восемьдесятъ человѣкъ, о которыхъ нужно подумать и позаботиться. А какъ они любятъ его: несмотря на его молодые годы, смотрятъ на него какъ на своего отца и готовы носить его на рукахъ. Какъ были бы несчастны и безпомощны эти люди безъ него! Но онъ вездѣ и всюду, и всѣ безъ всякаго страха смотрятъ на первую зиму.

---

[1]) Пеннъ Вильямъ родился въ 1646 г. въ Лондонѣ, сынъ адмирала В. Пенна; за долгъ своему отцу получилъ отъ правительства въ полное владѣніе полосу земли въ Сѣв. Америкѣ на Делаварѣ, названную по его имени Пенсильваніею; въ 1682 г. построилъ городъ Филадельфію; умеръ въ 1718 году въ графствѣ Букингемъ, продавъ въ 1712 году Пенсильванію Англіи за 280.000 ф. стерл.

Какая вокругъ меня дѣятельность! Наша новая колонія расположена въ 40 миляхъ отъ Филадельфіи; она граничитъ съ дѣвственными лѣсами гуроновъ. У колоніи уже есть названіе. Д'Обанъ спросилъ меня, какъ назвать наше поселеніе. Я вспомнила Пенна и великаго царя, двухъ великихъ людей нашего слабаго столѣтія, и назвала Петербургомъ. „Итакъ, нашъ городъ будетъ называться Петербургомъ,—вскричалъ д'Обанъ,—а изображеніе нашего герба пусть будетъ орелъ и лилія“.

20-го декабря.

Я теперь очень рѣдко вижу д'Обана въ нашемъ баракѣ; онъ очень занятъ и собирается поѣхать въ нашъ будущій Петербургъ. О Европѣ я ничего не слышу. Послѣднія извѣстія получены были съ голландскимъ кораблемъ. Сынъ мой живъ, но царь, руководящій самъ его воспитаніемъ, прихварываетъ. Мой вѣрный старый Ноэль тоже сильно озабочиваетъ меня. Послѣ переѣзда черезъ океанъ онъ очень измѣнился и все жалуется на болѣзни. Если я его потеряю... но прочь эти мысли.

26-го января 1718 г.

Д'Обанъ распростился со мною. Богъ знаетъ, приведется ли намъ снова свидѣться. Теперь только почувствовала я, какъ онъ мнѣ дорогъ, какъ мнѣ его недостаетъ.

5-го февраля.

Приближается весна, и половодье Делавара выгнало насъ изъ нашихъ бараковъ. Силы Ноэля совсѣмъ ослабѣли—онъ захворалъ. Тереза и я ухаживаемъ за нимъ, какъ мать и сестра. Отъ д'Обана нѣтъ никакихъ извѣстій. Я очень озабочена.

9-го февраля.

Жестокая судьба! Ты лишила меня послѣдняго вѣрнаго друга. Ноэль умеръ, мы похоронили его. Вѣрный слуга умеръ изъ-за меня. Половодье совершенно отрѣзало насъ отъ города. Ноэль, несмотря на опасность, отправился на маленькой лодченкѣ въ городъ за самымъ необходимымъ, но его привезли обратно полумертвымъ. Да вознаградитъ тебя Господь, мой вѣрный слуга. Я тебя никогда не забуду.

Какъ однако должна понять я послѣднія слова умирающаго. Онъ правъ, я осталась теперь совершенно одинокой. Никто, кромѣ одного человѣка, не можетъ мнѣ замѣнить его. Но этотъ одинъ—пойми, несчастная, онъ слишкомъ опасенъ для твоего сердца; онъ такъ же дорогъ, какъ и опасенъ для тебя. Но кто же въ состояніи, увидѣвши его красоту, его чудное сердце, умъ, не полюбить его? Его, котораго всѣ любятъ, удивляются ему, почти молятся на него! Нѣтъ, нѣтъ, я не должна его болѣе видѣть, но смогу ли я. Смутные слухи идутъ о небываломъ наводненіи въ новомъ поселеніи. О, это было бы ужасно!

1-го марта.

Благодареніе Господу! мужество его спасло его. Онъ боролся какъ гигантъ и поборолъ стихію, теперь всѣ въ безопасности.

Должна ли я повидаться съ нимъ? Онъ спрашивалъ черезъ Терезу, можетъ ли явиться, хотя срокъ уже прошелъ. Тереза сама упрашивала меня, и я въ замѣшательствѣ лишь сказала ему: „Ноэль умеръ".

3-го марта.

Не немъ видны слѣды перенесенной имъ ужасной борьбы: онъ блѣденъ, похудѣлъ. Послѣ первыхъ вопросовъ, д'Обанъ твердымъ голосомъ сказалъ, такъ какъ Ноэль умеръ, то онъ не считаетъ себя въ правѣ оставить меня, пока не устроитъ въ новой колоніи. Тогда только онъ уѣдетъ въ Гваделупу, — Америка не принесла ему того утѣшенія, коего онъ ждалъ отъ нея. Послѣднія слова онъ произнесъ какъ бы съ упрекомъ. Я начала его благодарить за все, но онъ горько улыбнулся, перемѣнилъ разговоръ и сталъ говорить о своихъ постройкахъ въ будущемъ Петербургѣ.

15-го марта

Можетъ ли дѣйствительно д'Обанъ упрекнуть меня въ чемъ-нибудь? Нѣтъ. А все-таки если такъ долго продолжится, я не въ состояніи буду бороться съ собою. У меня уже теперь нѣтъ силы желать его отъѣзда. Кто же будетъ заботиться о насъ? Да, потеря Ноэля слишкомъ тяжела, даже д'Обанъ оплакиваетъ его. И такихъ слезъ не знаютъ въ Европѣ. А я, безразсудная, и не подумала въ Л'Оріанѣ о возможности такой потери! Взгляды д'Обана, полные упрековъ, жалобы и страданія, поражаютъ меня. Чего онъ хочетъ отъ меня? Мысль эта все больше и больше начинаетъ безпокоить меня, и я не предвижу возможности удовлетворить его или скорѣе самое себя и мои чувства. Слава Богу, что наступаетъ весна, а съ нею начнется и новая дѣятельность, новый образъ жизни, а то я уже чувствую, что спокойствіе, которое я думала найти здѣсь, покидаетъ меня, и я только и думаю постоянно о немъ и его страданіяхъ.

2-го апрѣля.

Наконецъ-то мы въ дорогѣ въ Петербургъ. За нами остается лишь прахъ Ноэля. Половина города сопровождаютъ насъ и несутъ наши пожитки, провизію, разнаго рода инструменты и сельскохозяйственныя орудія. Какъ легко дышется моей наболѣвшей груди. Не знаю, гдѣ и какъ д'Обанъ раздобылъ для меня двухъ муловъ и носилки, такъ что мнѣ очень удобно ѣхать. Чудная природа снова охватила меня. Какъ выразить все, что я чувствую. Эти дикіе величественные лѣса, эти тропинки, куда не вступала еще никогда человѣческая нога, дѣвственная земля, деревья, кустарники, величественный шумъ рѣкъ и водопадовъ, поля съ сочными травами,—какъ все это захватываетъ душу человѣка, какъ все это согласуется съ моими мыслями! Да, всемогущество Создателя, величіе природы можетъ познать лишь тотъ, кому пришлось видѣть эту природу, не попранную еще человѣкомъ. Какъ блестятъ здѣсь не-

видѣнныя еще нигдѣ звѣзды, какъ спокойно освѣщаетъ луна эти дѣвственные лѣса, какъ шумятъ водопады рѣки! И какъ скромно относится здѣсь человѣкъ къ природѣ; здѣсь онъ еще не господинъ ея, а рабъ, но рабъ добровольный, счастливый; здѣсь стихіи свободны—въ природѣ нѣтъ цѣпей. Но за то какъ и величественна она здѣсь. А люди? Человѣкъ здѣсь дитя и счастливъ своими дѣтскими мечтами и желаніями. Сегодня мы остановились въ лѣсу вблизи гуронской деревни. Это главное поселеніе индѣйцевъ-гуроновъ. При нашемъ появленіи жители хотѣли бѣжать, но д'Обанъ, черезъ толмача, заговорилъ съ старшиною, это былъ тотъ самый старикъ, черезъ котораго д'Обанъ купилъ здѣсь землю за одно ружье, два фунта пороха, нѣсколько бусъ и два или три горшка. Гуроны стали довѣрчивѣе, начали подходить къ намъ и женщины съ грудными дѣтьми; разсматривали насъ съ любопытствомъ, щупали наши платья. Мужчины приносили оружіе, женщины—маисовыя лепешки и куски медвѣжьяго мяса. Мы приготовились къ обѣду. Въ воздухѣ было тепло, онъ былъ наполненъ ароматическими испареніями. Зажгли огни, взошла луна и освѣтила чудную панораму. Легкій вѣтерокъ шуршалъ между деревьями. Я вспомнила Москву, Кремль, тебя, моя дорогая сестра. Итакъ, человѣкъ,—подумала я,—дитя среди природы, а также и среди общества,—и вспомнился мнѣ царь—судья своего сына. Послѣ обѣда, женщины начали танцовать, а мужчины пѣли пѣсни въ честь бѣлыхъ; потомъ всѣ улеглись спать—и дикіе и европейцы. Во снѣ я видѣла тебя, моя дорогая Кенигсмаркъ, тебя—идеалъ людей, ты при всей своей культурности, осталась вѣрна природѣ.

Утромъ мы распрощались съ нашими гостепріимными хозяевами. Старшины отправились насъ провожать, а женщины съ дѣтьми остались и долго еще смотрѣли намъ въ слѣдъ. Добрыя, невинныя души!

9-го апрѣля.

Наконецъ мы прибыли въ Петербургъ. Д'Обанъ съ тріумфомъ ввелъ меня. Я не честолюбива, но не могла не почувствовать гордости за него. Что только онъ создалъ здѣсь въ короткое время своего пребыванія! Конечно, нашъ Петербургъ, собственно мой Петербургъ, такъ какъ отъ меня онъ получилъ это названіе, состоитъ всего изъ восьми прямыхъ аллей и свободнаго обширнаго мѣста среди лѣса, въ 1/4 часа хода отъ рѣки. Но эти аллеи выкорчованы, вычищены и современемъ будутъ улицами, площадь—оживленнымъ базаромъ. Теперь еще надъ нашими головами кричатъ американскіе попугаи, а подъ ногами пресмыкаются змѣи, но скоро здѣсь закипитъ работа, и д'Обанъ съ наслажденіемъ будетъ смотрѣть на все, имъ созданное.

Уже начали заготовлять лѣсной матеріалъ, аллеи получили свои названія, написанныя на доскахъ, прибитыхъ къ деревьямъ; одна называется Стрезина, другая Тюильри, третья Л'Оріанъ. Каждый свободенъ строиться, гдѣ ему нравится по сторонамъ аллей. Каждый получилъ необходимые инструменты, и всѣ горятъ желаніемъ скорѣе построить городъ.

Вначалѣ нужно было избрать главу, и всѣ 80 голосовъ были за д'Обана. Онъ отказался, но его принудили взять бразды правленія, хотя на 3 мѣсяца. Д'Обанъ обратился ко мнѣ за рѣшеніемъ. Я не могла рѣшить, но Тереза посмотрѣла на меня и сказала: „оставайтесь, шевалье". Онъ остался. И я взяла на себя нѣкоторыя обязанности: надзирать за больными и Oberpriesterin. Молю Бога, чтобы онъ мнѣ далъ возможность быть достойной исполнять эти обязанности.

15-го мая.

Петербургъ построенъ. Сооружены 22 дома, я живу на аллеѣ Д'Оріанъ. Начинается обработка полей. Гуроны и шееки охраняютъ насъ отъ дикихъ звѣрей, которыхъ мы постепенно истребляемъ. Недавно д'Обанъ убилъ послѣ долгой борьбы большаго зубра. Онъ такъ же смѣлъ, какъ и благороденъ. Въ концѣ лѣта онъ покидаетъ насъ.

5-го августа.

Прошло уже три мѣсяца, и д'Обанъ слагаетъ съ себя власть. Ничто его уже не задерживаетъ здѣсь. Барка, которая повезетъ его въ Филадельфію, уже снаряжена. Останется онъ—или уѣдетъ? Я должна это рѣшить? Это вѣрно, онъ меня любитъ, онъ избѣгаетъ меня. Я одна удаляю его, и я одна могу удержать его.

7-го августа.

Свершилось! Конецъ всѣмъ сомнѣніямъ, я буду счастлива. Я невѣста, невѣста благороднѣйшаго человѣка. Тѣнь моей Анны, благослови меня. Прости меня, мой сынъ. Но я не могу иначе поступить. Когда онъ явился передъ отъѣздомъ проститься, упалъ къ моимъ ногамъ, увидѣлъ мои слезы, когда онъ началъ умолять меня осчастливить его, началъ говорить о вѣчной любви, я не въ силахъ была выдержать. Онъ такъ много и долго страдалъ, что я не могу не любить его. Я подала ему свою руку, и онъ, въ пылу счастья, прижалъ ее и самое меня къ своей груди. И я стала его невѣстой.

18-го августа.

О, какъ я счастлива! Теперь я только познала, сколько онъ выстрадалъ изъ-за меня. Еще въ Москвѣ онъ увидѣлъ меня и полюбилъ, но, будучи уже у цѣли своихъ желаній, для которыхъ онъ собственно и пріѣзжалъ въ Россію, онъ бѣжалъ, такъ какъ зналъ, что образъ мой не дастъ ему покоя въ Россіи. Само небо привело насъ обоихъ на корабль „Альцестъ". Съ того момента онъ началъ страдать. Теперь онъ счастливъ. Онъ называетъ меня своею невѣстою, принцессою, королевою, и я, при звукѣ его голоса, позабываю моего сына и весь міръ.

Завтра мы ѣдемъ въ Филадельфію. Тамъ католическій священникъ обвѣнчаетъ насъ.

20-го сентября.

О, моя дорогая Кенигсмаркъ, если бы ты была со мною, то увидѣла бы, какъ я счастлива. Д'Обанъ, благородный, достойный

д'Обанъ мой мужъ! Теперь только я поняла, что такое жизнь—любовь, что такое бракъ. Волненіе моего мужа при совершеніи торжественнаго благословенія нашего брака было больше моего. Я должна была вспомнить Алексѣя, какъ ни отгоняла отъ себя его образъ, онъ стоялъ передо мною, и возлѣ него полная противоположность ему этотъ несравненный человѣкъ. Дни въ Филадельфіи летятъ очень быстро. Мой мужъ подолгу смотрѣлъ на меня и радовался моимъ отвѣтомъ, что я очень счастлива и никогда и не подумаю раскаяваться. Д'Обанъ снова принялся за дѣла. Онъ посылаетъ въ Петербургъ все необходимое для поселенцевъ. Черезъ нѣсколько времени мы и сами поѣдемъ туда. Теперь я могу спокойно умереть, я вкусила всѣ прелести, всѣ наслажденія жизни.

Петербургъ, 11-го августа 1720 года.

Будущее представляется для меня какою-то райскою утреннею зарею Ахъ, какой чудной человѣкъ! Какъ я люблю его!

12-го сентября 1721 года.

Да, я вижу, что это необходимо. И спокойныя радости жизни должны имѣть изнанку. Постоянные утомительные труды, постоянная борьба со стихіями подорвали здоровье моего мужа. Ему нужна помощь. Мы должны ѣхать въ Европу. Моя дочь, моя Амалія [1]), моя радость, тамъ твое нѣжное щебетаніе будетъ напоминать мнѣ моихъ дорогихъ дѣтей природы, мои лѣса, журчаніе моихъ ручейковъ.

Брестъ, 16-го ноября.

Слава Богу! Переѣздъ былъ удаченъ. Благородный д'Обанъ, самъ больной, самъ страдающій, постоянно заботился обо мнѣ и дорогой нашей дочуркѣ Амаліи. Теперь скорѣе въ Парижъ. Тамъ Богъ поможетъ тебѣ. Судьба будетъ доброжелательнѣе къ намъ, ты скоро выздоровѣешь намъ на радость.

Парижъ, 29-го ноября.

Итакъ я снова увидѣла тебя, великій городъ, и такъ же въ немъ одинока, какъ среди лѣса въ Петербургѣ. Никто меня не знаетъ, и я никого. Европейскіе обычаи стали чужды мнѣ, и я совершенно теряюсь среди толпы. Я предпочитаю мой лѣсъ этимъ колоннамъ, дворцамъ и театрамъ.

Мой дорогой сынъ, какъ я близко отъ тебя. Неужели предчувствіе не говоритъ тебѣ, что мать твоя жива? Или тебѣ нѣтъ времени объ этомъ думать? Нѣтъ, для тебя она въ могилѣ. Меня сильно влечетъ къ тебѣ, но новыя обязанности также сильно удерживаютъ меня. Прости, или лучше пусть ты никогда не узнаешь, что я была такъ близко отъ тебя.

---

[1]) Такъ назвала она дочь въ честь любимой своей сестры Антуанеты-Амаліи. Прим. редакціи «Deutsche Revue».

Какъ мнѣ не нравится Европа и всѣ эти люди. Правда, любовь, добродѣтели все это переселилось въ новый свѣтъ. Какъ я хотѣла бы скорѣе вернуться въ свое маленькое жилище у Делавара, гдѣ царствуетъ довольство.

10-го января 1722 года.

Д'Обанъ, мой дорогой д'Обанъ совершенно оправился. Теперь я вполнѣ снова счастлива. Была еще одна непріятность: д'Обанъ мучился мыслью, что отечество не признаетъ его, но теперь и это устранено. Не только признаны его заслуги, но ему сдѣланы уже и предложенія. Д'Обанъ счастливъ, и я съ нимъ. Можетъ быть, его назначатъ губернаторомъ на одинъ изъ островов. Положимъ, это было бы жертвой для меня, но какую же жертву я не принесла бы для счастья и довольства моего друга!

12-го февраля.

Господи, что же это будетъ? Обманчивый Парижъ, неужели у тебя только и есть ужасы и непріятности для меня. Я открыта, узнана вторично. Въ первый разъ я была узнана тѣмъ, кого полюбило такъ сильно мое сердце. Теперь узналъ меня сынъ той, которая такъ любила меня. Но теперь я какъ-то спокойнѣе. Ты останешься вѣренъ своему обѣщанію, достойный сынъ достойной подруги, благородный Морицъ саксонскій [1]). Но все же я сильно перепугалась, когда ты въ томъ же самомъ Тюильри, сначала Терезу, а потомъ и меня узналъ и назвалъ по имени. Я конечно очень была неосторожна, разговаривая съ моею Амаліею громко по-нѣмецки. Но ты сохранишь все въ тайнѣ, пока я останусь здѣсь.

Я была очень счастлива узнать изъ устъ твоего благороднаго сына о тебѣ, моя Кенигсмаркъ. Счастливая сестра, ты близка отъ нея, ты видаешь ее. Развѣ не ужасно это бремя жизни, мы должны разставаться съ тѣми, кого любимъ и уважаемъ. Но вѣдь судьба послала мнѣ счастье въ любви моего мужа. Ненасытное сердце, умѣрь твои желанія. Да, дорогая Кенигсмаркъ, быть возлѣ мужа и тебя это было бы слишкомъ много счастья.

Д'Обанъ старается знакомить меня со своими дѣлами, которыя очень заботятъ его. Итакъ, дорогой мужъ, ты долженъ оставить меня одну на нѣсколько дней.

18-го февраля.

Моя малютка, моя дорогая Амалія была больна, но, слава Богу, опасность миновала. Какъ хорошо, что въ эти тревожные дни не было д'Обана. Онъ самъ страдалъ бы за ребенка, и это могло бы отозваться на немъ. Я вижу, какъ онъ посмотритъ на меня съ упрекомъ, когда вернется и узнаетъ о болѣзни нашей дочурки. Я уже теперь мечтаю, какъ брошусь ему на грудь, чтобы заглу-

---

[1]) Морицъ графъ саксонскій, извѣстный подъ именемъ «маршала саксонскаго», сынъ Августа II, родился 28/X 1696 г., умеръ 30 ноября 1750 года.

шить заботы въ его любящемъ сердцѣ. Дѣйствительно, справедливо, что мужъ и жена составляютъ одинъ міръ, а любовь это ось, вокругъ которой они движутся. Какъ жду я твоего возвращенія, д'Обанъ.

20-го февраля.

Д'Обанъ вернулся. Какъ мы счастливы! Онъ узналъ о болѣзни дочери, все прошло хорошо. Мы скоро уѣзжаемъ. Я все думаю о добромъ графѣ Морицѣ. Онъ часто меня посѣщаетъ, хотя и инкогнито. Онъ пересталъ уговаривать меня, но за это я должна была согласиться, чтобы онъ сообщилъ королю о моей тайнѣ, какъ только я оставлю Европу. Пусть будетъ такъ, я уже никогда не вернусь обратно, дорогой Морицъ. Свершилось. Слова героя, которому столько обязана Франція, достаточно было, чтобы рѣшить все. Мы ѣдемъ на Иль-де-Бурбонъ, куда назначенъ д'Обанъ вторымъ губернаторомъ.

Я должна тебя обмануть, благородный герой,—разстаться съ тобой безъ прощанья. Я боюсь, что ты сдѣлаешь послѣднее усиліе, и я поколеблюсь. Женщину создалъ Богъ совершенно изъ другаго матеріала, чѣмъ мужчину. Ты, можетъ быть, назовешь малодушіемъ—охватывающее меня чувство при воспоминаніяхъ и любви къ родинѣ. Въ понедѣльникъ ты явишься сюда и найдешь комнаты пустыми. Прощай.

Иль-де-Бурбонъ, 10-го мая 1723 года.

Если вспомнить, сколько я пережила за этотъ годъ, особенно послѣ отъѣзда изъ Парижа, то все это кажется мнѣ какимъ-то сномъ. Если бы не было здѣсь моего мужа, то еще Богъ знаетъ, могла ли бы я свыкнуться съ здѣшнею жизнью. Но моя любовь къ мужу выше всего, и Иль-де-Бурбонъ сталъ моею новою родиною. Дочурка моя растетъ и все больше дѣлается похожею на него. Когда я смотрю съ веранды на мою дочурку, играющую передъ нашимъ домомъ, подъ тѣнью пальмъ, со своею черною нянькою, то я невольно сравниваю свое и ея дѣтство.

Климатъ здѣшній для насъ не вреденъ, лишь постоянные вѣтры-бури безпокоятъ очень. Въ особенности страдаютъ несчастные черные, тѣмъ болѣе, что по ихъ языческимъ понятіямъ въ этихъ буряхъ выражается гнѣвъ боговъ. Глубоко сожалѣю этихъ несчастныхъ рабовъ. Я никакъ не могу понять, чтобы Богъ могъ создать рабовъ и свободныхъ людей, хотя примѣръ такой видѣла уже въ Россіи. По вечерамъ мы часто катаемся на лошакахъ по кофейнымъ и табачнымъ плантаціямъ и издали смотримъ на вѣчно дымящійся Piton de Fournaise. Если случайно иногда вспомню про родину, про свою Германію, то шумъ вулкана выводитъ меня изъ грезъ и призываетъ къ дѣйствительности. Недавно д'Обанъ спросилъ меня даже: „что, тоскуешь вѣрно по родинѣ?“ Я отвѣтила ему: „Какъ тебѣ сказать?“—и мы оба разсмѣялись.

Иль-де-Бурбонъ, 18-го августа 1724 года.

У меня очень много дѣла, такъ что пришлось долго не заглядывать въ дневникъ. Нѣтъ, кажется, большей радости, какъ, на-

примѣръ, приготовить собственноручно обѣдъ мужу, если захворалъ поваръ. И какъ благодаренъ д'Обанъ, онъ цѣлуетъ меня, говоря, что у меня золотыя руки, которыя такъ хорошо могутъ работать. Дорогія мои сестры, чувствуете ли вы, что я такъ счастлива.

Дѣти туземцевъ начинаютъ относиться къ мнѣ довѣрчивѣе и съ тѣхъ поръ, какъ я начала лучше объясняться на ихъ языкѣ, они охотно слушаютъ меня. Это даетъ мнѣ возможность говорить имъ о нашемъ Отцѣ небесномъ и Его сынѣ. Помогая туземкамъ во время болѣзни, я и ихъ расположила къ себѣ. Д'Обанъ въ восторгѣ, что я развиваю между дикими все больше и больше самосознаніе. А какое счастье для насъ живой и осмысленный лепетъ нашей дочурки. Я чувствую и понимаю, что дѣти—это благословеніе Божіе

Иль-де-Бурбонъ, 12-го іюня 1727 года.

Уже столько протекло счастливыхъ лѣтъ, что я совершенно забыла страданія моей юности. Я уже начинаю дѣлаться старше, и ничего не осталось изъ прежнихъ образовъ, теперь только является боязнь за будущія потери. Вѣдь мало есть людей, которые бы перенесли столько страданій и счастья. И мнѣ иногда думается, достойна ли я дѣйствительно такого счастья!

Добрый король Людовикъ написалъ собственноручно императрицѣ, о чемъ ему разсказалъ Морицъ саксонскій. Императрица умоляетъ меня вернуться, предлагаетъ свои дворцы, возстановленіе меня въ прежнихъ правахъ и большія владѣнія. Я все отклонила и осталась на Иль-де-Бурбонѣ. Развѣ можетъ что-нибудь быть на землѣ выше любви моего мужа и того счастья, которое я получила черезъ него въ моей дочери? Теперь мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть, но если во второй разъ въ жизни и при томъ въ зрѣлые годы я опять впаду въ ошибки юности, тогда что? Жизненная опытность научила меня одному: „мы не должны насиловать свою судьбу, а принимать ее такою, какова она есть, и не оставлять того, что рука провидѣнія дала намъ“.

Я думаю, что я осталась вѣрна добродѣтелямъ, но однажды, можетъ быть, и была виновата. Я обманула свѣтъ. Но Тотъ, Кто все видитъ и Который самъ есть любовь, простилъ мнѣ мою ошибку, въ томъ порукою мое долгое счастье и мое спокойствіе.

Вотъ одинъ изъ листковъ дневника благородной принцессы со слѣдующими скорбными датами:

Петръ I † 25 января 1725 года.

Екатерина I † 17 мая 1727 года.

Графиня Аврора Кенигсмаркъ † 16 февраля 1728 года въ Кведлинбургѣ.

Петръ II † 29 января 1730 года отъ оспы.

Въ августѣ 1731 года.

Итакъ, вы всѣ отправились туда, куда все чаще и чаще обращается мой взоръ. Ты, всемогущій царь, ты, Екатерина, прекрасная душа, ты, вѣрная Кенигсмаркъ, ты, сестра Елисавета, ты, Тереза, и наконецъ и ты, чуждый мнѣ мой сынъ. О, мой сынъ, я бы могла увидѣть тебя, могла бы крикнуть тебѣ: вотъ твоя мать, но нѣтъ: твоя счастливая мать предпочла величіе природы. Итакъ, я осталась одна, такія потери въ такой короткій срокъ совершенно разбили меня. Но нѣтъ, развѣ я одна, развѣ возлѣ меня нѣтъ моего чуднаго мужа, развѣ возлѣ меня нѣтъ моей дорогой Амаліи, нашей дорогой дочери. Я не имѣю права печалиться, и ты живешь еще, моя дорогая сестра, для которой предназначаются эти листки. Развѣ я не должна довольствоваться тѣмъ, что у меня осталось. Да, я счастлива и должна благодарить Всевышняго.

Это послѣдній изъ листковъ дневника кронпринцессы. Когда на Иль-де-Бурбонъ пришло извѣстіе о смерти ея любимой сестры Амаліи, то это такъ потрясло ее, что она бросила писать свой дневникъ. Ея сильная душа перенесла потерю сестры, но ей готовились новыя страданія. Вскорѣ, послѣ долгой и тяжелой болѣзни, умеръ ея дорогой мужъ, а затѣмъ и ея дочь. Тогда кронпринцесса осталась совершенно одинокой. Въ Европѣ не было болѣе никого, кто ее зналъ, кто былъ дорогъ ей, кромѣ ея племянницы, императрицы, Маріи Терезіи, и сына ея подруги, графа Морица, маршала саксонскаго. Тоска по родинѣ и воспоминанія заставили ее покинуть могилы близкихъ и отправиться въ Европу, чтобы еще разъ повидаться съ графомъ Морицомъ. Но когда она прибыла въ 1750 году въ Парижъ, графа не было уже въ живыхъ. Г-жа д'Обанъ отправилась въ Брюссель, гдѣ поселилась и жила на остатки своего маленькаго состоянья и небольшую ренту отъ неизвѣстнаго лица. Но благородная женщина постоянно стремилась помогать другимъ и часто отказывала себѣ во всемъ и отдавала деньги неимущимъ. Одному честному и благородному человѣку, помогшему ей во время нужды, она въ благодарность передала запечатанные листки своего дневника, съ просьбою предать ихъ гласности не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ ея смерти. Нѣкоторыя событія, семейныя обстоятельства побудили отложить на долгое время опубликованіе этихъ листковъ, и только теперь могли появиться свѣдѣнія о жизни принцессы вблизи трона, но вдали отъ всего свѣта.

М. Мардарьевъ.

Переписка графа I. А. Каподистрія.

Графъ Іоаннъ Антоновичъ Каподистрія, президентъ Греціи, имя котораго принадлежитъ также и русской исторіи, занимаетъ видное мѣсто въ ряду знаменитыхъ государственныхъ дѣятелей царствованія императора Александра I; не смотря на свое иностранное происхожденіе этотъ выдающійся патріотъ служилъ интересамъ Россіи съ преданностью истиннаго подданнаго и, пользуясь весьма большимъ довѣріемъ императора, былъ вѣрнымъ совѣтникомъ монарха въ то самое время, когда Россія, сломивъ могущество Франціи, должна была упрочить миръ и водворить спокойствіе въ Европѣ.

Графъ Каподистрія родился въ Корфу въ 1776 г.; онъ получилъ весьма хорошее образованіе, сначала въ родномъ городѣ, потомъ въ Падуѣ, гдѣ занимался изученіемъ медицины, наконецъ въ Венеціи. Въ 1802 г. графъ Мочениго, принятый на русскую службу, получилъ приказаніе отправиться въ качествѣ россійскаго полномочнаго на Іонійскіе острова для водворенія тамъ порядка; въ слѣдующемъ же году онъ донесъ канцлеру графу Александру Воронцову, что молодой докторъ гр. Каподистрія оказалъ ему существенныя услуги и питаетъ большую преданность къ Россіи; вмѣстѣ съ этимъ онъ ходатайствовалъ о награжденіи его чиномъ надворнаго совѣтника. Графъ Каподистрія былъ вскорѣ послѣ этого назначенъ старшимъ секретаремъ законодательнаго собранія республики Семи-Острововъ; организація этого маленькаго государства представляла весьма большія затрудненія вслѣдствіе вражды разныхъ партій,

остатка пережитыхъ образовъ правленія, честолюбія знатныхъ лицъ и близкаго сосѣдства Али-паши Янинскаго, овладѣвшаго, при помощи французовъ, прибрежными городами Греціи, вблизи іонической республики. Въ виду очевидной опасности, графъ Каподистрія, знавшій лично представителей континентальной Греціи, искавшихъ убѣжища на островахъ, и будучи облеченъ званіемъ «чрезвычайнаго губернатора», составилъ соединенную милицію, готовую дать отпоръ врагамъ, посягнувшимъ на національную независимость грековъ; но Тильзитскій миръ (1807) разрушилъ на время надежды возродившейся республики; она была отдана во власть французовъ. Французскій коммимссаръ Цезарь Бертье, который принялъ управленіе надъ островами, предлагалъ представить гр. Каподистрія Наполеону, какъ кандидата на должность аудитора при французскомъ государственномъ совѣтѣ; но онъ отказался отъ всякой службы въ странѣ, которая, по его мнѣнію, не могла утверждать на прочномъ основаніи свое покровительство республикѣ; онъ принялъ лишь нѣкоторое участіе въ трудахъ новыхъ покровителей его родины, познакомивъ ихъ ближе съ внутреннимъ устройствомъ республики и сношеніями ея съ сосѣдними странами. Затѣмъ онъ удалился отъ дѣлъ и прожилъ въ Корфу цѣлый годъ, пока графъ Румянцевъ, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не увѣдомилъ его, что императоръ пожаловалъ ему орденъ св. Анны 2 ст., приказалъ выдать ему путевыя издержки на поѣздку въ Россію и причислилъ его къ министерству. Въ этомъ призывѣ для грековъ блеснулъ лучъ надежды на ихъ лучшее будущее, такъ какъ подъ покровительствомъ единовѣрной Россіи они все-таки ожидали возрожденія своей національности. Прибывъ въ Петербургъ въ январѣ 1809 г., гр. Каподистрія былъ представленъ императору, который выразилъ надежду на его усердіе и преданность. Незначительность его средствъ и склонность къ уединенію не позволяли ему искать развлеченій въ обществѣ; только въ небольшомъ кружкѣ знакомыхъ онъ находилъ отдохновеніе отъ умственныхъ своихъ занятій. Здѣсь онъ часто бывалъ въ семействѣ Стурдзы, гдѣ и познакомился съ фрейлиной Стурдзой, впослѣдствіи гр. Эдлингъ. Въ своихъ запискахъ [1]) она такъ рисуетъ его личность: „графъ Каподистрія принадлежитъ

[1]) См. «Русск. Арх». 1887 г. т. I., стр. 206.

къ числу людей, знакомство съ которыми составляетъ эпоху въ жизни, не говоря уже о примангивости исторической. Его прекрасная наружность, отмѣченная печатью генія, можетъ служить предметомъ изученія для живописца и физіономиста. Умомъ яснымъ, плодотворнымъ и тонкимъ онъ обнимаетъ все, чѣмъ займется, и въ предметѣ созерцанія своего обрѣтаетъ великія и новыя стороны, и онъ похожъ на художника, который трудится для потомства: его созданія обыкновенно сосредоточиваютъ на себѣ всецѣло его мысли, и тогда все прочее въ природѣ становится для него второстепеннымъ". Однако жизнь въ Петербургѣ мало удовлетворяла его; канцлеръ Румянцевъ поручалъ ему составленіе записокъ о Турціи и о Востокѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ проволочками и любезными обѣщаніями доводилъ его до меланхоліи; къ тому же и сѣверный климатъ дѣйствовалъ дурно на его здоровье. Гр. Каподистрія, желая дѣятельности, сталъ просить какого-нибудь дипломатическаго поста; онъ былъ готовъ уѣхать въ Бразилію и выразилъ уже свое согласіе занять тамъ мѣсто совѣтника посольства; но въ рѣшительную минуту у него не хватило духу для такого путешествія, и онъ былъ весьма доволенъ, получивъ мѣсто сверхъ штата при вѣнскомъ посольствѣ. Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, гр. Штакельбергъ принялъ сначала его довольно холодно; но вскорѣ между ними установились самыя добрыя отношенія; онъ сталъ возлагать на новаго чиновника составленіе различныхъ проектовъ. Въ одномъ изъ такихъ проектовъ гр. Каподистрія затронулъ вопросъ о средствахъ, какъ подготовить военныя дѣйствія въ Италіи и побудить тирольцевъ, черногорцевъ и иллирійцевъ сбросить съ себя иго французовъ. Проектъ этотъ удостоился одобренія государя, и авторъ его былъ назначенъ правителемъ канцеляріи дунайской арміи, которой командовалъ адмиралъ Чичаговъ; послѣдній ввѣрилъ ему управленіе дипломатическими сношеніями. Во время военныхъ дѣйствій на Волыни, въ Литвѣ и на Березинѣ одной изъ главнѣйшихъ заботъ канцеляріи главнокомандующаго было уяснить общественному мнѣнію Европы дѣйствительный ходъ военныхъ событій чрезъ посредство русскаго посольства въ Константинополѣ и черезъ довѣренныхъ лицъ въ пограничныхъ провинціяхъ Австріи. Дѣятельность этой канцеляріи подъ руководствомъ гр. Каподистрія обратила на себя вниманіе императора, который послѣ замѣщенія адмирала Чичагова генераломъ Барклаемъ

де-Толли не приказалъ дѣлать никакихъ измѣненій въ ея составѣ. Находясь при штабѣ ген. Барклая, гр. Каподистрія былъ свидѣтелемъ сраженій при Люценѣ, Бауценѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ. Когда армія двигалась къ Лейпцигу, однажды во время отдыха ген. Барклай занимался съ гр. Каподистрія въ избѣ, гдѣ онъ остановился на квартирѣ. Ихъ занятія были прерваны приходомъ императора, который, встрѣтивъ гр. Каподистрія, выразилъ ему удовольствіе познакомиться съ нимъ. По прибытіи арміи въ Франкфуртъ-на-Майнѣ, государь на другой день приказалъ гр. Каподистрія явиться къ нему; высказавъ полное одобреніе его дѣятельности въ Вѣнѣ, въ канцеляріи ген. Чичагова и ген. Барклая, онъ поручилъ ему весьма важное дѣло; для успѣшнаго движенія союзныхъ войскъ къ предѣламъ Франціи необходимо было склонить Швейцарію къ нейтралитету; гр. Каподистрія, получивъ указанія о своихъ дѣйствіяхъ въ этой странѣ лично отъ государя, отправился туда сначала подъ видомъ обыкновеннаго путешественника. Съ успѣхомъ исполнивъ свою миссію, онъ былъ осыпанъ новыми милостями императора, который назначилъ его чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при швейцарскомъ союзѣ. При заключеніи Парижскаго мира гр. Каподистрія находился въ столицѣ Франціи; императоръ поручилъ ему просмотрѣть трактатъ и высказать свое заключеніе относительно его условій. Во время Вѣнскаго конгресса онъ участвовалъ въ различныхъ комитетахъ, обсуждавшихъ самые важные вопросы того времени; онъ же состоялъ при особѣ государя въ качествѣ его ближайшаго совѣтника въ совѣщаніяхъ съ германскими державами послѣ возстановленія Бурбоновъ. Около этого времени онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, а при отъѣздѣ государя въ Петербургъ былъ оставленъ въ Парижѣ для окончательныхъ переговоровъ съ Франціей. Наканунѣ отъѣзда въ лагерь близъ Вертю, императоръ высказалъ гр. Каподистрія свое желаніе видѣть его и на будущее время при своей особѣ; онъ былъ нѣсколько смущенъ такимъ предложеніемъ и откровенно высказалъ государю, что пребываніе его въ Петербургѣ произведетъ на его единоплеменниковъ большое впечатлѣніе; надежды ихъ на него возрастутъ, онъ же нарушитъ свой долгъ предъ родиной, если будетъ глухъ къ ихъ вожделѣніямъ; ему придется поддержать сношенія съ греками,

а они возбудятъ подозрѣніе Англіи и другихъ державъ. Однако всѣ доводы его остались мало убѣдительными для императора. Въ январѣ 1816 г., гр. Каподистрія прибылъ въ Петербургъ; государь, призвавшій его служить на пользу Россіи, продолжалъ осыпать его своими милостями и довѣріемъ; онъ цѣнилъ его выдающіяся дарованія и сталъ поручать ему не одни только политическія дѣла и общія занятія по дипломатической части; на него спеціально были возложены также дѣла по Бессарабіи и Польшѣ; при путешествіи императора за границу, по Россіи, въ Варшаву гр. Каподистрія всегда сопровождалъ его и былъ его ближайшимъ совѣтникомъ. Тѣмъ временемъ подготовлялась борьба въ Греціи; положеніе его при особѣ императора, особенно послѣ того, какъ началось возстаніе, сдѣлалось труднымъ; когда императоръ рѣшилъ сосредоточить всѣ переговоры по греческому вопросу въ Вѣнѣ, графъ Каподистрія смѣло высказалъ государю, что борьба, въ которой Россія должна будетъ выступить подъ вліяніемъ вѣнскаго кабинета противъ своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, несообразна съ истинными намѣреніями русскаго государя. Когда же во время конгресса въ Лайбахѣ стало извѣстно о вторженіи Ипсиланти въ Дунайскія княжества, Каподистрія рѣшилъ удалиться отъ дѣлъ, взявъ безсрочный отпускъ въ Женеву. На своемъ пути туда онъ узналъ объ избраніи его президентомъ Греціи; дальнѣйшая дѣятельность его на пользу родины была не менѣе важной и энергичной, какъ и служеніе странѣ, которой онъ посвятилъ свои силы и способности; но здѣсь явились также завистники его славы, и онъ погибъ отъ руки убійцъ 27 сентября 1831 г. въ г. Навпліи.

Приведенная нами переписка гр. Каподистрія печатается съ подлинныхъ его писемъ, которыя, къ сожалѣнію, написаны такимъ неразборчивымъ почеркомъ, что нѣкоторыя слова въ нихъ пришлось пропустить.

А. Ѳ. Шидловскій.

Письма графа I. А. Каподистрія графинѣ Эдлингъ [1]).

1.

Zürich le 4 (16) février 1814.

Mademoiselle. Votre charmante lettre du 10 du courant me trouve au moment de mon départ pour le Quartier Général de l'Empereur. Si je ne vous fais une longue réponse d'après mon coeur c'est que je n'en ai pas le tems. Mais l'espoir de vous écrire une longue lettre, ou de vous revoir forme le bonheur de mon voyage—je vais mettre aux pieds de Sa Majesté les voeux de ce pays et (soit dit entre nous) ceux de ma Patrie. Je profiterai de cette occasion pour plaider pour Domo mea. Je ne puis pas oublier ma terre natale, mes parens, les tombeaux de mes ancètres. Ce sont des titres à votre bienveillance... L'Empereur à qui j'ai osé parler de ma Patrie en a été touché et S. M. m'a autorisé à ne pas négliger nos intérêts au moment opportun. Ce moment paraît arrivé. J'ai donné des mémoires... Mais il faut que j'aille moi-même voir ce qu'il y a à espérer.

Ce sera le plus beau de mes jours, celui où je pourrai vous dire tout ce que je sens et tout ce que je pense relativement à mes amis. Vous me rendrez pleine justice et je mériterai à plusieurs titres toute votre bienveillance. J'ai, Mademoiselle, plusieurs choses, et bizares et sérieuses à vous dire. Mais il faut que tout cela ait son tems, et ce tems n'est pas encore arrivé.

---

[1]) Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, рожденная Стурдза (р. 12 октября 1786 г. † 16 января 1844 г.), была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Она была свидѣтельницей великихъ историческихъ событій, ознаменовавшихъ собою царствованіе императора Александра I, неотлучно находясь при особѣ императрицы во время Отечественной войны. Во время конгресса въ Вѣнѣ фрейлина Стурдза сопровождала государыню въ ея заграничномъ путешествіи: здѣсь ей не разъ приходилось бесѣдовать съ императоромъ, и въ разговорахъ съ ней онъ часто искалъ душевнаго успокоенія отъ тѣхъ мрачныхъ мыслей, которыя именно въ это время овладѣли имъ. Въ 1816 г. фрейлина Стурдза вышла замужъ за графа Эдлингъ, министра иностранныхъ дѣлъ и маршала при веймарскомъ дворѣ. Въ 1819 г. графъ Эдлингъ оставилъ службу и, прибывъ въ Россію, поселился вмѣстѣ съ женой на югѣ Россіи, недалеко отъ Одессы, гдѣ они занялись устройствомъ имѣнія, пожалованнаго имъ императоромъ. Графиня Эдлингъ оставила послѣ себя громадную переписку, въ которой весьма живо описаны событія ея времени. Не менѣе любопытны ея записки, которыя главнымъ образомъ посвящены личности императора Александра I. Часть этихъ записокъ была издана подъ именемъ: „Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza), demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Imperatrice Elisabeth Alexéevna. Moscou (1888)". Русскій переводъ ихъ былъ напечатанъ въ сокращенномъ видѣ подъ названіемъ: «Изъ записокъ графини Эдлингъ. Съ неизданной французской рукописи». См. «Русс. Архивъ». 1887. Т. I. стр. 194—224; т. 2, стр. 289—304 и стр. 405—438; т. 3, стр. 511—532). См. «Дань памяти графини Роксандры Скарлатовны Эдлингъ, урожденной Стурдза». Одесса 1848. 124 стр., съ портретомъ графини Эдлингъ и изображеніемъ храма у ея могилы.— «Графиня Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову». А. Ѳ. Шидловскаго. «Русс. Старина». 1896. № 8, стр. 405—422.—Изъ бумагъ графини Р. С. Эдлингъ». (Письма ея къ императору Александру I, императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, императору Николаю I и императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ). «Русс. Вѣст.» 1899 г. № 1, стр. 483—499 и № 2, стр. 188—197.

(Переводъ) Цюрихъ, 4 (16) февраля 1814.

М. Г. Ваше прелестное письмо отъ 10-го текущаго мѣсяца застаетъ меня въ самый моментъ отъѣзда въ главную императорскую квартиру. За неимѣніемъ времени не могу побесѣдовать съ вами подробно и по душѣ, но надежда написать вамъ длинное письмо или увидѣть васъ будетъ утѣшать меня въ продолженіе всего моего путешествія. Ѣду повергнуть къ стопамъ его величества мольбы этой страны [1]) и (между нами будь сказано) моей родины. Воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы поговорить въ пользу *Domo mea*. Я не могу предать забвенію свою отчизну, родныхъ и могилы моихъ предковъ. Этимъ я надѣюсь заслужить и вашу благосклонность... Государь, съ которымъ я осмѣлился говорить о своей родинѣ, былъ тронутъ и разрѣшилъ мнѣ выступить въ защиту нашихъ интересовъ въ удобный для того моментъ [2]). Моментъ этотъ, кажется, наступилъ. Я составилъ записку... Но надо быть самому на мѣстѣ, чтобы знать, на что можно разсчитывать.

Лучшимъ днемъ моей жизни будетъ тотъ, когда мнѣ удастся подѣлиться съ вами всѣми моими чувствами и мыслями о моихъ друзьяхъ. Вы отдадите мнѣ полную справедливость, и многимъ я заслужу ваше расположеніе. Имѣю кое-что и смѣшное, и серьезное сообщить вамъ, но все въ свое время, а оно еще не наступило.

2.

Zurich Le Mars 1814.

Puisque vous le permettez, Mademoiselle, voici ma lettre pour Pétersbourg. Elle regarde mes affaires économiques. Ne sachant pas

[1]) т. е. Швейцаріи. Графъ Каподистрія послѣ битвы подъ Лейпцигомъ былъ посланъ императоромъ Александромъ въ Швейцарію съ конфиденціальнымъ порученіемъ ознакомиться съ внутреннимъ положеніемъ этой республики, гдѣ происходила борьба разныхъ партій; нейтралитетомъ этой страны нужно было заручиться союзникомъ прежде, чѣмъ вступить во Францію. Императоръ Александръ самъ начерталъ ему въ общихъ выраженіяхъ настоящее положеніе Швейцаріи и просилъ по прибытіи на мѣсто отправлять ему донесенія, по содержанію которыхъ можно было бы точнѣе опредѣлить дальнѣйшія его дѣйствія въ этой странѣ; со стороны австрійскаго правительства съ тою же цѣлію былъ командированъ г. Лебцельтернъ.

[2]) При различныхъ аудіенціяхъ по швейцарскимъ дѣламъ графъ Каподистрія представлялъ императору Александру положеніе Іоническихъ острововъ и просилъ, чтобы судьба ихъ не была рѣшена прежде, чѣмъ будетъ изложено его мнѣніе объ этомъ предметѣ. Въ особой запискѣ онъ представилъ всѣ свои соображенія объ участи своей родины, но императоръ приказалъ пока ему вернуться въ Швейцарію, назначивъ его чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при союзѣ кантоновъ.

si vous avez connaissance d'un ouvrage très intéressant de Chateaubriand qui vient de paraître en France je vous en envois deux exemplaires, l'un pour vous, l'autre pour votre famille. C'est de l'édition de Zurich que je me suis empressé de commander pour mettre en circulation dans ces contrées et en Italie des vérités salutaires annoncées par la plume la plus heureuse de notre époque. Je travaille fort et ferme aux affaires difficiles des suisses. J'espère sous peu d'avoir terminé la première et la plus essentielle partie de l'ouvrage. Peut être que je me déciderai d'aller moi-même à Paris pour mettre aux pieds de Sa Majesté ce premier résultat des délibérations de la diète actuelle. Je n'ai point de nouvelles directes du Quartier Général, depuis l'entrée de S. M. à Paris. Dans l'espoir d'apprendre bientôt que votre famille est en Allemagne je me réserve alors de me rapeller à son souvenir—je fais des voeux sincères pour que les circonstances et la Providence veuillent consister à ce que vous ayez le bonheur de la revoir dans quelque petite ville d'Allemagne, et que je puisse m'absenter de mon poste, pour aller baiser la main à Madame votre Mère et embrasser Aleko.

(Переводъ) Цюрихъ, марта 1814.

М. Г. Съ вашего разрѣшенія препревождаю вамъ мое письмо въ Петербургъ. Одно касается моихъ денежныхъ дѣлъ. Не знаю, читали ли вы уже очень интересную книгу Шатобріана, только-что вышедшую во Франціи [1]); посылаю вамъ два экземпляра—одинъ для васъ, другой для вашей семьи. Это цюрихское изданіе, которое я поторопился заказать въ видахъ скорѣйшаго распространенія въ этихъ мѣстностяхъ и въ Италіи спасительныхъ истинъ, возвѣщенныхъ талантливѣйшимъ перомъ нашего времени. Въ настоящее время я усиленно и усердно работаю надъ трудными швейцарскими дѣлами. Надѣюсь вскорѣ окончить первую наиболѣе существенную часть своей работы. Быть можетъ, я рѣшусь поѣхать въ Парижъ, чтобы лично повергнуть къ стопамъ его величества этотъ первый результатъ постановленій нынѣшняго союзнаго собранія. Со времени прибытія государя въ Парижъ я не имѣю никакихъ извѣстій непосредственно изъ главной квартиры.

Въ надеждѣ узнать вскорѣ, что семья ваша уже въ Германіи, оставляю за собой смѣлость напомнить ей тогда

[1]) Тутъ, вѣроятно, говорится о знаменитой брошюрѣ его „De Buonaparte et des Bourbons", вышедшей въ апрѣлѣ 1814 г. и которою собственно началась политическая дѣятельность Шатобріана. Людовикъ XVIII сказалъ объ этой книгѣ, что она подкрѣпила его какъ стотысячная армія. Эта брошюра въ томъ же году была издана въ Россіи: „De Buonaparte, des Bourbons, et de la nécessité de se rallier a nos princes légitimes, pour le bonheur de la France et celui de l'Europe. Par M. de Chateaubriand". S.-Pétersbourg. 1814. 87 pages.

о себѣ. Искренно желаю, чтобы обстоятельства и провидѣніе привели васъ къ горячо желанному свиданію съ родными въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ Германіи и чтобы мнѣ удалось на время оставить свой постъ и пріѣхать поцѣловать руку вашей матушки и обнять Алеко [1]).

3.

Zurich le 20 Mars (1 Avril) 1814.

Mademoiselle.

C'est Monsieur Crome conseiller intime de la Regence de S. A. le G. D. D'Hesse Darmstadt, professeur de l'Université de Grison, qui aura l'honneur de vous presenter cette lettre.

Ce savant distingué qui vient de faire une longue voyage en Suisse m'a prié très instamment de lui faciliter les moyens d'être présenté à la Cour de sa Majésté l'Impératrice. Désirant lui être agréable, et de me rapeller aussi à votre souvenir je prends la liberté de vous le recommander. Ce voyageur vous parlera savement de la Suisse et de tous ses instituts d'éducation, et de bienfaisance. Il vous dira bien de choses sur Pestalozzi et sur le fameux Tellemberg. Enfin il vous rendra compte de mes tr[illegible]x dans ce pays (si cela peut vous interesser).

Permettez en attendant que je vous dis un môt m[illegible]même pour ce qui concerne mes intérêts personnels, aux quels je sais que vous prennez une part très sincère. Je suis de retour du Quartier Général depuis peû de jours. L'Empereur a daigné, cette fois aussi me combler de ses grâces. Le bonheur d'entendre parler Sa Majesté et de la voir s'occuper Elle même du travail ministeriel, en est une que je place au dessus de toutes autres. En m'honorant de ses ordres et de nouvelles instructions, Sa Majesté. a voulu donner à ma gestion dans ce pays un caractère plus solenel et me nomma consequement Son Envoyé extraordinaire et Ministre Plenipolentiaire auprès de la Confédération Suisse. S. M. cependant voulant encore outrepasser toutes mes esperances a daigné me prévenir que je ne devais point me considerer comme établi définitivement dans ce pays... «Finissez-moi les affaires de la Suisse au plus vite, et puis je vous donnerai une besogne plus importante!...“ vous pouvez bien vous figurer, Mademoiselle, la bonne volonté avec la quelle je tâche de mettre une fin prompte aux complications Helvetiques. Jusqu'à présent je ne puis pas me plaindre... Tout marche bien, mais lentement. Les Suisses me trouvent un peu fait à leur manière, et bon Républicain... Vous savez d'aileurs que c'est le rôle que je puis soutenir avec le moins de peine—Il est le mien. J'ai toujours en tête et avec la plus douce jouissance de mon âme le projet de faire une course à Carlsruhe. J'ai eu l'honneur de vous écrire, que cette idée m'aurait tait une agréable compagnie durant mon voyage de Zurich au Quartier Général. Je ne me suis pas trompé. Tous les désagrements et toutes les privations de ce pénible voyage ont trouvé un excel-

[1]) Александръ Скарлатовичъ Стурдза, братъ графини Эдлингъ.

lant remède dans ma pensée prédominante. Arrivé au Quartier Général, les occupations ont fait passé cette pensée dans le reservoir des espérances. Les devoirs de ma place. et les affaires Suisses la comdamnent à être une abstraction, au moins pour quelque tems. Le livre de tous les évenemens dont j'ai été témoin, depuis que je n'ai pas le bonheur de causer avec vous, est très volumineux. Il y a des notes qui ne peuvent pas être sans intérèt pour vous. Mais ces notes sont des Hiéroglyphes qui demandent la présence, et la voix vive pour être comprises. Elle vous sont consacrées. Vous les daignerez d'attention, parceque vous accordez votre indulgence à tous ce qui dérive d'une bonne et pure intention. J'ai un pressentiment très consolant. Il est même une certitude—il me paraît d'être au milieu de vorte respectable famille, ayant la parole, et vous racontant des anecdotes qui ne sont pas connus de tout le monde. Vous etes là... Vous m'ecoutez. Et le grand ouvrage, dont je sais que vous vous occupez, va être enrichi de quelques faits, qui donneront plus dardeur et plus d'éclat à la vérité historique, qui est et doit être vérité, des que c'est votre plume qui la met sous les yeux du public, ou même (si vous voulez être aussis modeste) de vos amis. Du moment que j'ai appris que vous travaillez à cet ouvrage, vôtre genie, vous même peinte dans mon immagination, vous m'avez accompagné constamment par Imt... à la Berezina, à Bautzen, à Dresde, à Kulm, à Leipsick, à Francfort, et dernierement en France, vous avez été toujours auprès de moi. En vous montrant les objets extraordinairement singuliers, je vous ai fait part de mes observations. Il y en a quelques unes qui sont deja ecrites, d'antres qui ne se laissent point ecrire. Cependant je vous ferai l'hommage des unes et des autres, parce que comme j'ai en l'honneur de vous le dire elles vous sont destinées.

J'ai ecrit dernierement à Aleko, par la voie du Quartier Général. Ma lettre lui parviendra peut etre un peu tard. Je me propose aussi d'ecrire un de ces jours à Madame de Stourdza. Je sais qu'elle me conserve meme toute sa bienveillance et qu'elle apprendra avec plaisir de mes nouvelles. De grace Mademoiselle ne m'oubliez pas, lorsque vous lui écrivez. Je n'ai point de nouvelles de Madame Villier, ni de sa famille. Son frère auquel j'ai ecrit relativement à mes affaires pecuniaires ne me dit rien: apparement qu'il n'a pas reçu que très tard, ma lettre.

Je ne vous mande pas les details qui regardent les brillans succès de nos armées à Arcis sur Aube, et à Ferechampenoise. Vous devez à cette heure en avoir une connaissance. Il y a aussi une declaration remarquable, qui rende compte de la rupture du Congrès de Chatillon. Lorsque j'étais au Quartier Général il y avait question de cette pièce, et l'on s'attendait d'un instant à l'autre, à sa publication... C'est de l'obstacle dont on parle, assez abstractement que j'aurais desiré qu'on parlat plus clairement. Nulle doute, que la nation française une fois eclairée positivement sur nos intentions, se decidera par nous, c'est à dire pour elle-même, et pour son veritable bonheur. Mais... Il y aurait ici une tirade, que je réserve à d'autre tems.

Pardon. Mademoiselle, si je vous ai ecrit une si longue lettre. Daignez m'en ecrire. Et croyez aux sentimens respectueux de votre serviteur.

P. S. Oserais-je vous transmettre Mademoiselle des lettres pour Pétersbourg. Les courriers du Quartier Général passent je crois par Carlsruhe, et il vous serait peut etre facile, de faire passer mes lettres avec les vôtres... Je ne prendrai pas cette liberté sans en être autorisé par vous.

(Переводъ) Цюрихъ, 20 марта (1 апрѣля) 1814.

Личный совѣтникъ регента его высочества великаго герцога Гессенъ-Дармштадтскаго, профессоръ Граубюндинскаго университета, г. Кромъ [1]) будетъ имѣть честь доставить вамъ это письмо.

Этотъ выдающійся ученый совершилъ недавно большое путешествіе по Швейцаріи и просилъ меня облегчить ему доступъ ко дворцу ея величества государыни императрицы. Желая оказать ему услугу и въ то же время напомнить вамъ о себѣ, осмѣливаюсь рекомендовать его вамъ. Путешественникъ этотъ разскажетъ вамъ много дѣльнаго о Швейцаріи и о всѣхъ ея образовательныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ; онъ сообщитъ вамъ много интереснаго о Песталоцци [2]) и о знаменитомъ Телленбергѣ и, наконецъ, онъ же дастъ вамъ отчетъ о моей дѣятельности въ этой странѣ (если, конечно, это васъ интересуетъ).

Пока же позвольте мнѣ самому сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу моихъ личныхъ дѣлъ, къ которымъ, я знаю, вы всегда относитесь съ искреннимъ участіемъ. Я недавно только вернулся изъ главной квартиры. Государь и на этотъ разъ осыпалъ меня своими милостями. Счастье слышать его величество и видѣть его занимающимся министерскими дѣлами я ставлю выше всякаго другаго. Удостоивая меня новыми повелѣніями и инструкціями, его величество пожелалъ придать болѣе торжественный характеръ моей миссіи въ Швейцаріи и назначилъ меня своимъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Швейцарскомъ союзѣ. Но государь окончательно превзошелъ всѣ мои надежды, сказавъ, чтобы я отнюдь не считалъ себя навсегда поселеннымъ въ этой странѣ...

---

[1]) Кромъ, нѣмецкій ученый и государственный дѣятель (р. 1753 † 1833).
[2]) Песталоцци—знаменитый швейцарскій педагогъ (р. 1746 † 1827).

„Кончайте какъ можно скорѣе швейцарскія дѣла, и тогда я дамъ вамъ болѣе важное порученіе"... Можете поэтому представить себѣ, какъ охотно я стараюсь привести къ скорѣйшему концу всѣ эти гельветическія осложненія. До сихъ поръ я не могу жаловаться... все идетъ хорошо, хотя и медленно. Швейцарцы находятъ, что я достаточно подхожу къ нимъ и что я хорошій республиканецъ... Вы знаете, что мнѣ легче всего поддержать эту роль, такъ какъ она по мнѣ.

Я не перестаю лелѣять мысль о поѣздкѣ въ Карльсруэ. Я уже имѣлъ честь писать вамъ, что эта мысль не покинетъ меня во все время моего путешествія отъ Цюриха до главной квартиры, и я не ошибся. Эта преобладавшая во мнѣ мысль вознаграждала меня за всѣ непріятности и лишенія этого труднаго путешествія. Но по прибытіи въ главную квартиру пришлось за занятіями оставить ее въ области надеждъ. Обязанности службы и швейцарскія дѣла задержатъ ея выполненіе, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Книга всѣхъ событій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, очень пополнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не имѣлъ счастія съ вами бесѣдовать. Тамъ найдутся небезъинтересныя для васъ замѣтки; но подобно іероглифамъ онѣ требуютъ присутствія и живаго слова автора, чтобы быть понятыми. Онѣ касаются васъ и вамъ посвящены [1]). Вы почтете ихъ своимъ вниманіемъ, потому что всегда снисходительно относитесь ко всему, исходящему изъ хорошихъ и чистыхъ намѣреній. У меня хорошее предчувствіе, порою переходящее въ увѣренность. Мнѣ кажется, что я среди вашей уважаемой семьи, какъ будто бесѣдую съ вами и разсказываю анекдоты—не каждому извѣстные. Вы тоже тутъ, вы меня слушаете, и большой трудъ [2]), которымъ, я знаю, вы заняты, обогатится нѣкоторыми фактами, которые придадутъ еще болѣе яркости и выпуклости исторической истинѣ, долженствующей быть именно истиной, разъ она

[1]) Въ этихъ и послѣдующихъ строкахъ проглядываетъ искреннее чувство графа Каподистрія къ фрейлинѣ Стурдзѣ, на которое однако она была готова отвѣчать лишь дружескимъ расположеніемъ; хотя императоръ Александръ и сказалъ ей однажды, что онъ въ лицѣ Каподистрія нашелъ человѣка, могущаго составить ея счастіе, однако Стурдза была далека отъ этой мысли и при свиданіи съ графомъ Каподистрія просила его питать къ ней лишь братское чувство.

[2]) Тутъ, вѣроятно, говорится о ея запискахъ, которыя, судя по этому письму, были задуманы именно въ это время, когда передъ лицомъ автора совершались великія событія.

выходить на судъ публики или (если вы захотите быть также скромной) лишь вашихъ друзей, изъ-подъ вашего пера. Съ той минуты, какъ я узналъ, что вы посвятили себя этой работѣ, вашъ геній и вы сами предстали моему воображенію и не разставались со мной ни на Березинѣ, ни въ Бауценѣ, ни въ Дрезденѣ, ни въ Кульмѣ, ни въ Лейпцигѣ, ни во Франкфуртѣ.—Во Франціи вы были тоже со мной; обращая ваше вниманіе на особенно замѣчательные предметы, я высказывалъ о нихъ и свои замѣчанія. Нѣкоторыя изъ нихъ уже записаны мною, но есть и такія, что не поддаются перу. Тѣмъ не менѣе я преподнесу вамъ ихъ всѣ, потому что, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, онѣ предназначены для васъ.

Я писалъ недавно Алеко чрезъ главную квартиру; письмо, должно быть, нѣсколько запоздаетъ. На дняхъ собираюсь также написать и m-me Стурдза. Я знаю, что она неизмѣнно расположена ко мнѣ и будетъ довольна, получивъ вѣсти обо мнѣ. Убѣдительно прошу васъ не забывать обо мнѣ въ письмахъ къ ней. Не имѣю никакихъ свѣдѣній ни о г-жѣ Виллье, ни о ея семьѣ. Братъ ея, которому я недавно писалъ по поводу своихъ денежныхъ дѣлъ, ничего мнѣ не отвѣчаетъ; должно быть, онъ очень поздно получилъ мое письмо.

Не описываю вамъ подробностей о блестящихъ побѣдахъ нашихъ войскъ при Арси на Обѣ и при Фершампенуазѣ. Теперь онѣ должны быть уже извѣстны вамъ. Существуетъ также *замѣчательная декларація*, объясняющая разладъ, происшедшій на Шатильонскомъ конгрессѣ. Когда я былъ въ главной квартирѣ, шла рѣчь объ этомъ документѣ и со дня на день ждали его обнародованія... Говорятъ о какомъ-то *препятствіи*, но выражаются такъ туманно, что я желалъ бы, чтобы высказывались яснѣе. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что разъ французской націи будутъ ясны наши намѣренія, то она рѣшится, благодаря намъ, т. е. ради своихъ собственныхъ интересовъ и своего собственнаго благополучія. Но... здѣсь послѣдовалъ бы рядъ фразъ, которыя я отлагаю до другаго раза.

Простите за мое длинное письмо и если находите его таковымъ, соблаговолите написать мнѣ объ этомъ. Примите увѣреніе въ глубокомъ почтеніи вашего покорнаго слуги.

P. S.—Не позволите ли мнѣ пересылать къ вамъ письма, адресованныя въ Петербургъ? Курьеры главной

квартиры проѣзжають, если не ошибаюсь, Карльсруэ; васъ, можетъ быть, не затруднитъ отправлять мои письма вмѣстѣ съ вашими... Безъ вашего предварительнаго разрѣшенія я не возьму на себя этой смѣлости.

4.

20 Maï 1814. Zurich.

Votre lettre, Mademoiselle, du 9 de ce mois, m'est arrivée avant-hier. Je me suis proposé de ne point vous repondre qu'après l'arrivée du courrier que j'attendais de Paris. Ce courrier est arrivé hier, et dans deux heures je pars pour Paris. ou l'Empereur a daigné m'apeller pour donner la dernière main aux affaires de la Suisse et pour soigner celles de ma Patrie. A ce double titre cette course m'est fort agréable. Au moins l'espoir de m'employer pour le bien de mon pays en est un que je ne changerais contre aucun autre avantage. D'après ce que le comte Nesselerode m'ecrit, il parait que S. M. ne prolongera pas pour longtemps son séjour à Paris. Les lettres sont du 14 et l'ou-me mande de partir immediatement... «Sans cela vous risqueriez de ne pas trouver Sa Majesté». Il est à presumer que je reviendrai en Suisse dans le courant du mois prochain, et que durant le mois de juillet j'aurai achevé ma besogne. J'espère d'être alors à même de faire compagnie à une députation Suisse qui portera aux pieds de l'Empereur l'acte Constitutionnel de cette Republique riche de toutes les rattifications. C'est l'Epoque dont vous me parlez dans votre lettre et dans laquelle je me fais un veritable fête de penser, que je pourrai avoir le bonheur de me trouver la où vous vous trouvez... l'uomo propone, e dio dispone. Aleko m'a ecrit—c'est une très ancienne lettre qui cependant m'a fait infiniment de plaisir. Elle est du mois de Decembre... J'ai enfin reçu des lettres de Mad. Villier. Elle se porte bien. Il n'en est pas de même de son Mari, qui semble être très malade. Cela me fait infiniment de la peine. Je vais leur ecrire un mot avant mon depart.

(Переводъ) 20 мая 1894 г. Цюрихъ.

Третьяго дня получилъ ваше письмо отъ 9-го числа этого мѣсяца и тогда же рѣшилъ отвѣтить вамъ только по прибытіи курьера, котораго я ждалъ изъ Парижа. Курьеръ этотъ пріѣхалъ вчера, а черезъ два часа я уѣзжаю въ Парижъ, куда государь соблаговолилъ вызвать меня, чтобы отдать послѣднія распоряженія по швейцарскимъ дѣламъ и затѣмъ заняться моей родиной. Въ виду ея двойной цѣли, поѣздка эта мнѣ очень улыбается: ни на какое другое благополучіе не промѣнялъ бы я надежды послужить на благо своей страны. Изъ письма графа Нессель-

роде [1]), помѣченнаго 14-мъ числомъ, можно заключить, что государь не долго еще пробудетъ въ Парижѣ, и поэтому мнѣ онъ совѣтуетъ ѣхать немедленно... «Въ противномъ случаѣ вы рискуете не застать его величество». Предполагаю въ будущемъ же мѣсяцѣ вернуться въ Швейцарію, а въ іюлѣ окончить свое дѣло здѣсь и принять участіе въ швейцарской депутаціи, которая повергнетъ къ стопамъ его величества конституціонный актъ, уже всѣми одобренный. Это именно то время, о которомъ вы упоминаете въ вашемъ письмѣ и которое мнѣ представляется такимъ радостнымъ при мысли, что я наконецъ буду подлѣ васъ... Но „Uomo propone e Dio dispone“ [2]). Алеко писалъ мнѣ; письмо его, несмотря на давность, доставило мнѣ огромное удовольствіе. Оно послано въ декабрѣ... Наконецъ-то я получилъ письмо и отъ m-me Виллье; она сама здорова, но мужъ ея, кажется, опасно боленъ. Это меня ужасно огорчаетъ. Хочу написать имъ нѣсколько словъ до отъѣзда.

5.

Zurich, le 14 (26) juin. 1814.

Me voici de retour en Suisse. Le Baron Krüdner m'a donné de vos nouvelles, et j'ai été bien aise de les apprendre au moins par lui, puisqu'il m'a été de toute impossibilité de venir vous les demander moi-même.

Mon sejour à Paris n'a pas été long. Après le depart de l'Empereur, et du Comte Nesselerode, je n'ai fait que parcourir à la hate les etablissemens publics qui embellissent la prétendue capitale du monde, et très content d'avoir su m'ennuyer de tout ce qui plait à la plupart des hommes, j'ai quitté Paris sans regrets, et sans la moindre envie d'y retourner. Ce voyage cependant m'a été infiniment agréable sous d'autres rapports. Il me parait d'avoir été de quelque utilité à la Suisse, et l'Empereur en me comblant de ses graces a daigné relever ce sentiment, qui seul peut adoucir les peines que je me suis donné pour ramener ce beau pays à la jouissance de son repos et de son bonheur. Nous allons atteindre ce grand but sous peu de jours. Si une plaque de plus pouvait ajouter au bonheur de mériter la satisfaction de l'Empereur, je serais fier de l'ordre de S. Wladimir de la 2-de classe que S. M. a daigné me conferer au moment de son depart pour Londres. Mais ce qui me console le plus,

---

[1]) Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельродъ (р. 1780 г. † 1862), канцлеръ; 18 марта 1814 г. былъ полномочнымъ отъ русскаго правительства при заключеніи парижской капитуляціи и подписалъ 18 (30) мая 1814 г. въ Парижѣ мирный трактатъ съ Франціей; онъ же находился при открытіи Вѣнскаго конгресса и 9 августа 1816 г. былъ назначенъ управлять министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

[2]) т. е. „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“.

c'est la bonté avec laquelle S. M. m'a promis de s'intéresser au sort de ma Patrie, et l'ordre qu'elle m'a donné d'aller rejoindre Sa Cour en Allemagne ou à Vienne, aussitôt que j'aurai appris son retour sur le continent, et que les affaires de la Suisse seront à leur terme.—Vous pouvez bien penser à quel point je finis mon travail pour m'acquitter promptement de cette commission.

J'ai beaucoup consisté pour conserver ma place en Suisse et pour ecarter par là toute autre destination plus eminente. L'Empereur m'a refusé cette grace, en me comblant de ses bontés. Consequement je ne sais pas trop dans quelle latitude j'irai passer l'hiver prochain. Mille, et mille idées couleur de rose, et quelquefois noires s'emparent de mon pauvre esprit. La leçon, Mademoiselle, que vous m'avez donné vient souvent à mon secours. Je m'abandonne à la Providence, et je me recommande à la benediction de mes vieux parens—je viens de recevoir de leurs lettres du mois de Mai. Ils sont heureux de me croire à même de leur être utile.

Après vous avoir tant parlé de moi, permettez que je vous demande un peû si vos parens et Aleko sont enfin en voyage pour Vienne, ou s'ils y sont arrivés. Qu'il serait heureux pour moi, de me trouver encore comme à Buccarest au milieu de votre chere et respectable famille, et de vous y voir à votre place?.. Il me parait que c'est en Allemagne ou à Vienne, que l'Empereur veut prononcer sur mon sort... jugez de mon impatience de me savoir à même de profiter de vos conseils, et de ceux de Madame de Stourdza!..

Je prends la liberté d'annexer ici une petite lettre pour Monsieur   que je vous prie de vouloir lui faire parvenir. C'est toujours d'affaires economiques qu'il est question. Madame Villier m'ecrit de Carlsbad. La santé de son mari dépérit tous les jours... j'en suis infiniment peiné.

Daignez Mademoiselle me donner de vos nouvelles et croyez...

(Переводъ) Цюрихъ, 14 (26) іюня 1814 г.

Вотъ я опять въ Швейцаріи. Имѣлъ вѣсти о васъ, благодаря барону Криднеру [1]). Радъ былъ получить ихъ хоть отъ него, такъ какъ я былъ рѣшительно лишенъ всякой возможности явиться къ вамъ за ними лично.

Я не долго пробылъ въ Парижѣ. Послѣ отъѣзда государя и графа Нессельроде я наскоро осмотрѣлъ всѣ общественныя учрежденія, составляющія украшеніе этой, такъ называемой, столицы міра. Не найдя удовольствія ни въ чемъ, что нравится большинству, и оставшись очень довольнымъ этимъ обстоятельствомъ, я покинулъ Парижъ безъ сожалѣнія и безъ малѣйшаго желанія когда-либо вернуться

---

[1]) Вѣроятно, баронъ Павелъ Алексѣевичъ Криднеръ, секретарь посольства и повѣренный въ дѣлахъ въ Цюрихѣ, бывшій впослѣдствіи полномочнымъ министромъ при Швейцарскомъ союзѣ.

туда. Тѣмъ не менѣе, во многихъ иныхъ отношеніяхъ это путешествіе было для меня чрезвычайно пріятнымъ. Мнѣ кажется, что я принесъ нѣкоторую пользу Швейцаріи, а государь, осыпавъ меня своими милостями, еще болѣе усугубилъ во мнѣ это сознаніе, которое одно только можетъ облегчить труды, понесенные мною для возстановленія благоденствія и счастья въ этой чудной странѣ. Въ недалекомъ будущемъ мы достигнемъ этой великой цѣли.

Если лишній орденъ можетъ что-либо прибавить къ счастью заслужить одобреніе государя, то я могу гордиться орденомъ Св. Владиміра 2-ой степени, которымъ его величество соблаговолилъ пожаловать меня въ моментъ отъѣзда своего въ Лондонъ. Но что меня болѣе всего радуетъ, это—доброта, съ которой государь обѣщалъ мнѣ заняться судьбой моей родины, и приказаніе явиться къ его двору въ Германіи или Вѣнѣ, какъ только я узнаю о его возвращеніи на континентъ, и дѣла Швейцаріи будутъ окончены. Можете себѣ представить, какъ ревностно я работаю, чтобы поскорѣе выполнить это порученіе.

Я очень настаивалъ на сохраненіи за собой поста въ Швейцаріи, съ цѣлью отклонить такимъ образомъ всякое иное высшее назначеніе, но государь отказалъ мнѣ въ этомъ, осыпавъ меня новыми милостями. Вслѣдствіе этого я самъ еще не знаю, подъ какимъ градусомъ широты придется мнѣ провести слѣдующую зиму. Тысяча мыслей, то розовыхъ, то черныхъ, осаждаютъ мой бѣдный мозгъ; но наставленіе, данное мнѣ вами, часто выручаетъ меня: я предаю себя на волю Провидѣнія и поручаю себя благословеніямъ моихъ престарѣлыхъ родителей. Недавно я получилъ отъ нихъ письмо отъ мая мѣсяца. Они счастливы сознаніемъ, что я могу имъ быть полезенъ.

Наговоривъ вамъ столько о себѣ, позвольте мнѣ теперь узнать, находятся ли ваши родители и Алеко на пути въ Вѣну или они уже тамъ? Какъ былъ бы я счастливъ, если бъ мнѣ удалось опять, какъ въ Бухарестѣ, быть среди вашей дорогой и уважаемой семьи и видѣть васъ тамъ, на вашемъ мѣстѣ!... Мнѣ кажется, что государь желаетъ рѣшить мою участь въ Германіи или Вѣнѣ... Можете судить о моемъ нетерпѣніи поскорѣй имѣть возможность посовѣтоваться съ вами и съ m-me Стурдза!...

Беру на себя смѣлость приложить при семъ небольшое письмо къ г. ?, которое покорнѣйше прошу переслать ему.

Оно касается все тѣхъ же денежныхъ дѣлъ. M-me Вилльe пишетъ мнѣ изъ Карлсбада, что здоровье ея мужа ухудшается съ каждымъ днемъ... Я невыразимо этимъ огорченъ.

Соблаговолите написать кое-что о себѣ и вѣрьте чувствамъ совершеннаго почтенія...

6.

Zurich. Le 5 (17) juillet. 1814.

Mille et mille grâces, mademoiselle, de la bonté avec laquelle vous vous rapellez de moi. Vos deux lettres l'une de Baden, et l'autre de Brouchsal m'ont fait infiniment de plaisir. La première dans laquelle vous me parlez de vos rêveries sur le sort de notre Patrie, donne du crédit aux miennes. Vous ne consultez que votre bon coeur pour avoir des pressentimens favorables. Moi au contraire obligé malheureusement à faire descendre dans la région pure des sentimens la raison et les froids calculs de la politique, je ne puis pas pressentir cet avenir pour notre malheureux pays, avec la même sécurité innocente, avec la quelle votre belle âme se le représente. Néanmoins je persiste à vouloir sentir plutôt que penser sur cet objet majeur pour nous. Les dernières lettres que j'ai reçu de mes parens m'ont profondément affligé. Le général Anglais qui a pris possession de Corfou en nom des Alliés exerce des pouvoirs sans bornes sur mon pauvre pays. Au point que les habitans regrettent l'administration Française... Jugez-en. J'ai pris la liberté d'adresser à ce sujet un rapport à S. M. l'Empereur, et pour toute consolation j'ai transmis à mon Père et aux Magistrats Joniens copie de tous les rapports que j'ai mis sous les yeux de l'Empereur sur notre Republique. C'est à Vienne où nous reviendrons sur ce chapitre. Le Senat des Sept Iles m'a donné une commision très importante... Je ne sais pas trop si je pourrai m'en acquitter. J'espère sur la protection et sur la bienveillance seule de l'Empereur. Tous les autres ne nous aiment pas, parce que nous aimons la Russie... Belle raison?...

Passons à la seconde lettre. Ce que vous me dites, dans la langue maternelle, m'explique ce qui était pour moi un énigme—et je vous en sais infiniment gré. Je vois à présent avec quelque précision le cercle dans lequel il m'est permis de chercher ma place. Reste toujours à savoir où elle se trouvera. Je fais des voeux sincères pour qu'elle soit plutôt à la circonférence qu'au centre. J'ose me flatter que vous partagez à cet egard mon opinion. Je suis aussi charmé d'apprendre les dispositions d'après lesquelles je puis encore espérer de vous revoir, et en famille, Je viens de recevoir une lettre de mon cher Aleko du 9 du courant. Il me dit bien de choses et entre autres qu'il ne peut pas se flatter de vous revoir à Vienne... Sa surprise sera égale à sa joie, en apprenant le contraire... Je vais lui répondre, mais pas aujourd'hui car on ne veût pas me laisser tranquille.

Vous avez appris certainement la mort de notre bon ami Monsieur de Villier. Madame m'en a donné la triste nouvelle; et m'an-

nonça en même tems sa resolution de partir le plutôt pour Pétersbourg. Elle s'est rendue à Egra pour soigner un peû sa santé qui parait aussi entièrement affaiblie—je ne suis pas en peine ni pour elle, ni pour ses enfans. S. M. l'Imperatrice en aura certainement soin. Mes affaires ici l'embrouillent, à mesure que toutes les Puissances de l'Europe font des grands efforts pour les débrouiller. Nous avons ici Mons. de Canning, ministre d'Angleterre, et nous aurons bientôt Mons. de Talleyrand, ministre de France. Je fais tous les jours de la bille sans avoir l'air d'en faire. Cette contrainte ruine ma santé. Et je me propose dans quelques jours d'aller un peû délayer ma bille dans les eaux de Baden, à 4 lieues d'ici. Si vous voulez avoir la bonté de m'ecrire, adressez moi vos aimables lettres toujours à Zurich. Si vous écrivez à Madame Stourdza, rapellez moi à ses bontés, ainsi qu'à celles de Mons. votre Pére et de Mademoiselle Hélène. Conservez moi les vôtres.

(Переводъ) Цюрихъ, 5 (17) іюля 1814.

Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ за добрую память обо мнѣ. Оба ваши письма, одно изъ Бадена, другое изъ Бруксаля, доставили мнѣ громадное удовольствіе. Первое, въ которомъ вы описываете свои мечты о судьбѣ нашего отечества, оправдываетъ и мои мечтанія. Ваши счастливыя предчувствія вытекаютъ лишь изъ вашего добраго сердца, я же принужденъ вводить разсудокъ и холодные разсчеты политики въ область чистыхъ чувствъ и не могу, поэтому, взирать на будущее нашей несчастной родины съ тою же ясною увѣренностью, съ какою взираетъ на нее ваша прекрасная душа. Тѣмъ не менѣе, я упорствую въ своемъ стремленіи больше чувствовать, нежели думать въ этомъ первостепенномъ для насъ съ вами вопросѣ. Послѣднія письма, полученныя мною отъ родителей, очень меня огорчили. Англійскій генералъ, овладѣвшій Корфу именемъ союзниковъ, распоряжается на немъ неограниченно. Дѣло дошло до того, что жители сожалѣютъ о французской администраціи... Судите объ остальномъ! Я осмѣлился доложить объ этомъ его величеству, а отцу своему и магистратамъ Іоническихъ островов въ утѣшеніе могъ только послать копіи со всѣхъ докладовъ, повергнутыхъ мною на благоусмотрѣніе его величества относительно нашей республики. Въ Вѣнѣ мы еще вернемся къ этому вопросу. Сенатъ семи острововъ далъ мнѣ важное порученіе... не знаю, удастся ли мнѣ его исполнить. Надѣюсь лишь на покровительство и благоволеніе государя императора. Всѣ остальные не любятъ насъ за то, что мы любимъ Россію... Хороша причина?..

Перехожу ко второму письму. Написанное вами на нашемъ родномъ языкѣ, объясняетъ мнѣ то, что до сихъ поръ было для меня загадкой, и я вамъ безконечно за это благодаренъ. Теперь я нѣсколько опредѣленнѣе вижу передъ собой тотъ кругъ, въ которомъ могу искать себѣ мѣста. Остается еще только узнать, гдѣ именно оно найдется. Искренно предпочелъ бы попасть на окраины, но не въ центръ. Льщу себя надеждой, что и вы раздѣляете на этотъ счетъ мое мнѣніе. Чрезвычайно радуютъ меня также сообщенные вами планы и соображенія, судя по которымъ, я могу надѣяться увидѣться съ вами и, притомъ, въ семейной обстановкѣ. Я недавно получилъ письмо отъ моего милаго Алеко отъ 9-го ч. с. мѣс.—Онъ о многихъ пишетъ и, между прочимъ, сообщаетъ, что не надѣется повидаться съ вами въ Вѣнѣ... Его изумленіе будетъ равносильно его радости, когда онъ узнаетъ противное... Я отвѣчу ему, но не сегодня, такъ какъ меня рѣшительно не хотятъ оставить въ покоѣ.

Вы, конечно, уже знаете о смерти нашего друга г. Виллье. Его жена сообщила мнѣ этую грустную новость, извѣщая также о своемъ намѣреніи какъ можно скорѣй уѣхать въ Петербургъ. Пока она отправилась въ Эгра для поправленія своего сильно расшатаннаго здоровья. Я спокоенъ и за нее и за дѣтей: е. в. государыня императница позаботится о нихъ.

Мои дѣла запутываются здѣсь все больше по мѣрѣ того, какъ всѣ европейскія державы усиливаются ихъ распутать. Въ настоящее время тутъ находится англійскій министръ г. Каннингъ, а въ скоромъ времени ожидаемъ и французскаго г. Талейрана. Я каждый день испытываю приступы сильнѣйшаго желчнаго раздраженія, которое, однако, тщательно скрываю. Эта сдержанность совсѣмъ разстраиваетъ мое здоровье, и я собираюсь поѣхать на дняхъ на воды въ Баденъ, въ 4-хъ верстахъ отсюда. Если соблаговолите написать мнѣ, то адресуйте письма по-прежнему въ Цюрихъ. Если будете писать M-me Стурдза, напомните ей обо мнѣ, а также вашему батюшкѣ и M-lle Hélène[1]) и не забывайте сами обо мнѣ

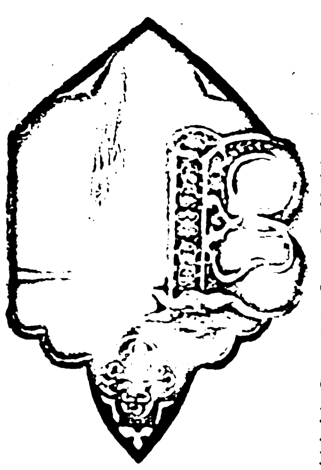
(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Елена Скарлатовна, сестра фрейлины Стурдзы; она вышла замужъ за Дмитрія Петровича Северина и скончалась на другой же годъ послѣ свадьбы (въ 1818 г.).

Аретинъ побѣдилъ!

Новелла изъ жизни Венеціи въ XVI вѣкѣ [1]).

Переводъ В. В. Ковалевой.

Венеціанскій поэтъ Петръ Аретинъ, прозванный вслѣдствіе своей славы божественнымъ, занималъ въ Венеціи домъ на Большомъ Каналѣ, близъ моста Ріальто и городскихъ рынковъ. Онъ самъ говоритъ намъ, что мѣсто это было «безъ недостатковъ», и что видъ оттуда былъ великолѣпнѣйшій въ мірѣ. Тысячи гондолъ скользили мимо въ базарное время, или въ часы прогулки. Кварталъ Ріальто дѣловой центръ, и по старому мосту безпрестанно сновала живописная толпа коммерсантовъ, ажіотеровъ и иностранцевъ всѣхъ націй, имѣвшихъ дѣятельныя сношенія съ Республикой. Прибавьте къ этому, что семья дожа

---

[1]) Петръ Аретинъ (Піетро Аретино), язвительный поэтъ-памфлетистъ и художникъ, род. въ 1492 въ г. Ареццо въ Италіи и былъ по происхожденію внѣбрачнымъ сыномъ мѣстнаго дворянина Баччи. За свою распущенную жизнь и замѣчательный сонетъ противъ индульгенцій, уже тогда начавшихъ возмущать общество, Аретинъ былъ изгнанъ изъ роднаго города, имя котораго онъ принялъ, занимался въ Перуджіо художественно-переплетнымъ дѣломъ и, наконецъ, попалъ въ Римъ, гдѣ пользовался широкимъ покровительствомъ и гостепріимствомъ папъ Льва X и Климента VII, предпочитавшихъ имѣть его своимъ сторонникомъ, нежели врагомъ. Однако и отсюда Аретинъ долженъ былъ удалиться за свои «Sonetti lussuriosi» къ болѣе чѣмъ откровеннымъ рисункамъ Джуліо Романо.

Въ Венеціи, гдѣ Аретинъ и умеръ (1557 г.), онъ находился въ апогеѣ своей славы, и императоръ Карлъ V осыпалъ его подарками и даже назначилъ ему особое содержаніе, воздѣйствуя черезъ этого талантливаго человѣка на общественное мнѣніе венеціанцевъ. Извѣстный какъ поэтъ своими комедіями, сонетами и трагедіей („Ragionamenti,“ „Puttana errante“, „Rime, Stanze, Capitoli“) Аретинъ, какъ художникъ, извѣстенъ и своимъ умѣніемъ заставлять служить искусство цѣлямъ художественной промышленности и, такъ сказать, домашняго обихода.

Извѣстныя художественныя качества венеціанскаго стекла и бронзы многіе, въ значительной степени, приписываютъ Аретину. *Прим. ред.*

Мочениго имѣла по сосѣдству дворецъ, куда тянулись экипажи принцевъ, посланниковъ и вся та специальная несравненной роскоши свита, которая сопровождала корабль, называемый *Буцентавромъ*. Но Аретинъ былъ могущественнѣе дожа; особы, которыхъ лишь этикетъ заставлялъ ѣхать къ послѣднему, съ наслажденіемъ посѣщали знаменитаго писателя, но, и кромѣ этихъ почетныхъ гостей, Аретинъ принималъ еще много другихъ.

Предъ закатомъ солнца мессиръ Аретинъ, пригласивъ къ ужину нѣсколькихъ гостей, стоялъ съ ними на балконѣ своего знаменитаго дома. Тутъ былъ его добрый другъ Тиціанъ, знаменитый живописецъ, и не менѣе знаменитый скульпторъ Сансовино, Николо Франко, секретарь Аретина, и много дамъ, очень красивыхъ и веселыхъ, щебетаніе которыхъ обладало граціей и легкостью свободныхъ птицъ, которыхъ во множествѣ можно видѣть въ заколдованныхъ садахъ острова Мюрано.

Въ то время, какъ общество съ балкона восхищалось движущейся панорамой Канала, многіе гондольеры замедляли размѣренные удары веселъ, чтобы дать проѣзжающимъ полюбоваться блестящей свитой Аретина, бича принцевъ. Дамы, уже одѣтыя въ вечерніе костюмы, превосходили великолѣпіемъ своихъ драгоцѣнностей самыя богатѣйшія издѣлія золотыхъ дѣлъ мастеровъ: ихъ волосы были выкрашены и высушены, а плечи и шеи, надушенныя и набѣленныя, сверкали между парчей и подъ жемчугами, точно оранжерейные цвѣты, прелесть которыхъ заключается не то въ ихъ необычайной красотѣ, не то въ ихъ искусственности. Хозяинъ привлекалъ взгляды особеннымъ оттѣнкомъ цвѣта своего лица, своей длинной бородой, малиновой одеждой, на которой блистала золотая цѣпь великолѣпной работы,—послѣдній знакъ дружбы его святѣйшества Папы Тиціанъ, обожавшій краски, былъ одѣтъ въ черныя бархатныя матеріи шести различныхъ оттѣнковъ, а на Сансовино, скромность котораго была предметомъ дружескихъ насмѣшекъ, была длинная одежда изъ черной саржи, застегнутая у шеи серебряной пряжкой. Весь день бесѣдовали, занимались музыкой и пили вино. Аретинъ острилъ насчетъ нѣсколькихъ важныхъ синьоровъ, сыпля самыми смѣлыми и въ то же время циничными и оригинальными остротами; онъ сильно скандализировалъ своихъ слушателей и вмѣстѣ съ тѣмъ забавлялъ ихъ. Много разъ добрый скульпторъ готовъ былъ разсердиться, но всегда былъ обезоруженъ неожиданными отвѣтами и находчивостью Аретина, приводящей въ смущеніе. Тиціанъ, болѣе занятый счастливымъ эффектомъ сочетаній предметовъ, нежели отдѣльной цѣнностью каждой вещи и крайне чувствительный къ остротамъ и веселому настроенію, смотрѣлъ снисходительно на своего страннаго друга. Кромѣ того Аретинъ понималъ искусство и судилъ о немъ съ большимъ толкомъ и искренней любовью. Вслѣдствіе этого знаменитый художникъ считалъ себя въ правѣ восхищаться этой необычайной силой, этой удивительной жизненностью, которая, толкая Аретина на всевозможныя крайности, предвѣщала своею дерзостью появленіе на свѣтъ чего-нибудь великолѣпнаго и въ то же время, можетъ быть, и отвратительнаго...

Аретинъ, облокотившись на левантинскій коверъ, сыпалъ своими остротами вслѣдъ убѣгающимъ гондоламъ. Онъ посылалъ привѣтствія, дѣлалъ знаки рукой, расточалъ комплименты, улыбки; иногда, приложивъ ко рту свою руку, украшенную кольцами, онъ бросалъ окружающимъ хлесткое словцо, уничтожавшее человѣка, или разбивавшее однимъ ударомъ честь патриціанки. Въ отвѣтъ слышались восклицанія, возраженія, смѣхъ. Смѣхъ заглушалъ все. Между тѣмъ тѣ, которымъ это развлеченіе было не по вкусу, наслаждались чудной игрой заходящаго солнца на водяныхъ струйкахъ, широкихъ кормахъ гондолъ, на мраморахъ, съ ихъ свѣтовыми эффектами. Такъ умиралъ въ роскоши, красотѣ, наслажденіи, клеветѣ, поклонахъ, поцѣлуяхъ, болтовнѣ, музыкѣ и прогулкахъ день Венеціи во времена ея славы.

* * *

Вдругъ толпа молодыхъ людей выбѣжала изъ *Мерсеріи*, торговой улицы Венеціи, на мостъ Ріальто, съ брошюрками въ рукахъ и крича во все горло:

— Слушайте! слушайте! Новость дня, война съ турками! Слушайте! Слушайте!.. Разрывъ съ его величествомъ императоромъ!.. Слушайте! Слушайте!.. Дурное состояніе галеръ Республики! и т. д.

Хотя такія воззванія бывали и раньше, и въ началѣ вѣка часто встрѣчались люди, распространявшіе памфлеты въ городѣ съ высоты Ріальто, все-таки это внезапное появленіе группы молодежи и важность сообщенныхъ новостей, во всякомъ случаѣ вѣроятныхъ, произвели большое волненіе между элегантными гондолами, бороздившими Большой Каналъ. Моментально около моста произошла сильная давка. Торопили гондольеровъ купить листки съ тревожными вѣстями. Продавцы стали бросать ихъ любопытнымъ; тѣ взамѣнъ кидали имъ секины, серебряныя и золотыя монеты. Кое-кто вслѣдствіе давки упалъ въ воду; но на это мало обращали вниманія; горячка охватила всѣхъ, и венеціанцы разсѣялись, комментируя новости. Большой Каналъ на четверть часа опустѣлъ.

Между тѣмъ, на балконѣ у Аретина присутствующіе также приняли участіе въ общемъ безпокойствѣ. Добрый Сансовино и Тиціанъ, натуры несложныя и чудныя сердца, казалось, были сильно взволнованы; двумъ женщинамъ сдѣлалось дурно, и секретарь Франко дѣятельно занялся расшнуровываніемъ ихъ корсажей. Многочисленная прислуга наполнила комнаты, а невозмутимый Аретинъ указывалъ между тѣмъ своимъ друзьямъ на двухъ негровъ изъ своей прислуги, которые, пользуясь переполохомъ, спасались вплавь, каждый обвязавъ вокругъ своего пояса лучшія вещи изъ золотой посуды.

— Вы ихъ прикажете схватить?—спросилъ Тиціанъ.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Аретинъ,—я получу отъ его величества новый столовый сервизъ...

Услышавъ титулъ императора, всѣ приблизились къ Аретину.

— Вы можетъ быть слишкомъ поспѣшно говорите такъ объ

императорѣ,—сказалъ Сансовино.—Въ листкахъ, только-что розданныхъ и взволновавшихъ весь городъ, есть доля правды. Его величество едва-ли теперь собирается осыпать подарками венеціанцевъ, хотя бы и въ лицѣ ихъ знаменитѣйшаго гражданина!..

— Мессеръ Жакопо,—отвѣчалъ Аретинъ,—вашъ мозгъ въ настоящую минуту обратился въ глину, и вы постигаете общественныя дѣла съ легкостью слѣпаго, который стремился бы найдти вотъ эту бирюзу на днѣ Большаго Канала (И, говоря это, Аретинъ бросилъ одно изъ своихъ колецъ въ воду, что привело въ восхищеніе окружающихъ). Я же, Аретинъ, держу пари, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ я, не написавъ даже сонета и по одному только слуху о выраженномъ мною только-что желаніи имѣть золотую посуду, получу отъ августѣйшихъ щедротъ Карла Пятаго сервизъ, болѣе красивый, нежели тотъ, который у меня сейчасъ украли, и камень, болѣе крупный, нежели тотъ, которымъ, какъ вы видите отсюда, хотятъ обогатить себя эти водолазы.

— Ого!—закричали вокругъ Артино всѣ, хотя его обычное безстыдство и было извѣстно всѣмъ, но на этотъ разъ, оно, казалось, превысило всякую мѣру. Аретинъ улыбнулся своей странной улыбкой, придававшей ему, какъ говорили, сходство съ волкомъ.

— Знайте,—продолжалъ онъ,—что его величество, провѣдавъ о распространившихся въ Венеціи неблагопріятныхъ слухахъ, касающихся отношеній имперіи и республики и могущихъ поколебать благосостояніе христіанскихъ государствъ, его величество, говорю я, чтобы затушить эти слухи, обратится къ единственному человѣку, вдохновеніе котораго въ силахъ это сдѣлать...

— Потому что онъ единственный...—началъ Сансовино, справедливо подозрѣвавшій Аретина и уже блѣдный отъ негодованія.

— Кончайте же!—произнесъ Аретинъ насмѣшливо.

— ...который ихъ распространилъ!—произнесъ вполголоса бѣдный скульпторъ, уже поворачиваясь къ двери, чтобы уйти.

— Вы угадали!—воскликнулъ смѣясь Аретинъ.

Онъ одинъ смѣялся во всей Венеціи, гдѣ граждане мучились благороднымъ волненіемъ опасеній за отечество благодаря неумѣстной выходкѣ этого своеобразнаго шута.

* * *

Въ то время какъ смѣхъ оглашалъ домъ Аретина, и даже Сансовино прощалъ ему это безуміе — потому что когда выскажешься, дѣлаешься снисходительнѣе, кто-то замѣтилъ въ сумеркахъ, окутывавшихъ опустѣвшій Каналъ, богатую гондолу, ковры которой шелестѣли по поверхности воды. Гондола двигалась съ обычной медленностью прогулокъ влюбленныхъ. Лица, сидѣвшія въ ней, были, вѣрно, чужды внезапнымъ заботамъ города и, съ другой стороны, должно быть, ихъ вниманіе было очень отвлечено чѣмъ-то инымъ, такъ какъ они не удивлялись ни необычному виду Канала, ни неожиданному безлюдію прогулки среди глубокаго молчанія, прерываемаго только взрывами смѣха на балконѣ Аретина. Всѣ думали, что веселое расположеніе духа

хозяина побудитъ его произнести какую-нибудь шутку по адресу ѣдущихъ. Между тѣмъ Аретинъ наклонился и силился различить въ умирающемъ свѣтѣ черты лицъ или силуэты одинокихъ катающихся. Гондола приближалась, спокойная и нѣмая, несясь по теченію.

— Я вижу только женщину,—сказалъ кто-то.

— А я, только мужчину.

— Глупцы!—произнесъ Аретинъ,—вы не видите, что это любовники!... Факелы! принесите факелы!

Балконъ освѣтился. Тотчасъ же гондола увильнула въ сторону, какъ сдѣлало бы животное, чувствительное къ свѣту; но не настолько быстро, чтобы не было времени различить лицъ ѣхавшихъ.

— Клянусь Мадонной!—сказалъ Аретинъ,—вотъ головка красивѣе ангела!

Нѣкоторые подумали, что онъ говоритъ такъ лишь изъ желанія побогохульствовать.

Франко, приведшій дамъ въ чувство, принялся смѣяться и началъ посылать *lazzi* влюбленной парочкѣ, думая угодить хозяину. Но Аретинъ далъ ему пощечину и обозвалъ свиньей. Никто болѣе не произносилъ ни слова.

— Кто знаетъ эту молодую женщину?—спросилъ Аретинъ.

Никто изъ присутствующихъ не отвѣтилъ.

— Она не изъ Венеціи,—сказалъ Тиціанъ;—у ней тонкая, прозрачная кожа, встрѣчающаяся у Мадоннъ хорошихъ мастеровъ Кёльна, и благочестивая грація монахинь Сьенны, изображаемыхъ нѣжнымъ Сано ди Пьетро, божіимъ человѣкомъ, какъ его называютъ.

— Она изъ слоновой кости,—сказалъ Сансовино. Я видѣлъ въ Римѣ, въ домѣ знаменитаго Августино Чижи, тонко выточенныя статуэтки, которыя похожи, какъ сестры, на эту женщину. Ихъ талія немного согнута и онѣ такъ хрупки, что хотѣлось бы отнять у нихъ младенца, который кажется имъ не подъ силу.

— А мужчина, мужчина? Кто его знаетъ?—спрашивалъ нетерпѣливо Аретинъ.

Его также никто не зналъ. Гондола удалялась, Аретинъ былъ внѣ себя отъ гнѣва... Онъ позвалъ слугъ, выбралъ самаго сильнаго, по имени Томмазо, отвязалъ кинжалъ отъ своего пояса и подалъ его слугѣ.

— Сними цвѣта Аретина,—сказалъ онъ ему,—иди, если нужно, совсѣмъ голый, бѣги по переулкамъ, пока ты не опередишь на сто саженъ вонъ ту гондолу, которую ты видишь. На этомъ разстояніи выйди на Каналъ, отвяжи первую попавшуюся лодку и поѣзжай навстрѣчу гондолѣ. Спрячь твое оружіе, но держи его наготовѣ. Когда ты приблизишься, вѣжливо спроси имя дамы. Если тебѣ его скажутъ, ты удалишься, поклонившись, и все дѣло кончено. Если господинъ разсердится при твоемъ приближеніи, ты потребуешь это имя во что бы то ни стало. Иди!

— Товарищъ,—сказалъ Тиціанъ,—подумайте, вѣдь это два молодыхъ любовника, женихъ и невѣста, супруги, быть можетъ: они счастливы и блещутъ красотой!

Подъ прикрытіемъ авторитета великаго художника всѣ окружили этого человѣка съ ужасными капризами, и взгляды всѣхъ умоляли его.

— Милыя дамы,—заявилъ Аретинъ любезно,—и вы, господа, за столъ! У насъ сегодня печенки глухарей, которыя нашъ товарищъ Тиціанъ прислалъ намъ изъ своего имѣнья въ Кадорѣ; стоитъ отдать имъ честь, столько же за ихъ великолѣпіе, сколько и за достоинства подарившаго ихъ божественнаго артиста... Что касается меня, я очень голоденъ.

* * *

Оживленіе за ужиномъ отвлекло гостей отъ предположеній о сценѣ, которая должна была разыграться въ это время на Большомъ Каналѣ, подъ прикрытіемъ ночи. Хозяинъ сѣлъ между Анжелой Цафетта, великолѣпной дамой, плечи и шея у которой были также откровенны, какъ ея характеръ, и знаменитой пѣвицей Франческиной, которой случалось негодовать на то, что слушатели плохо схватывали смыслъ ея рѣчей, погруженные въ очаровательную музыку ея голоса. Было еще много и другихъ личностей, замѣчательныхъ или красотой, или живостью и непринужденностью страстей. Гости восхищались великолѣпіемъ хрусталя, украшавшаго столъ. Это былъ сюрпризъ, который Аретинъ берегъ для своихъ друзей, и въ то же время это была революція въ искусствѣ, которую онъ совершилъ самымъ удачнымъ образомъ. Фабрика Мурано начала обезцвѣчиваться въ повтореніи однѣхъ и тѣхъ же моделей, когда Аретинъ, получивъ какъ дань поклоненія репродукцію арабескъ и другихъ орнаментовъ, исполненныхъ Усаномъ д'Удинъ для украшенія Ватикана,—возъимѣлъ мысль употребить эти прелестные рисунки для украшенія хрусталя Мурано. Ему только-что прислали самые лучшіе образцы этого опыта, и онъ выставилъ новыя чудеса искусства, которыя благодаря его почину должны были разойтись по всему свѣту, создавъ для страны источникъ богатства.

Тиціанъ, волновавшійся до слезъ при одномъ взглядѣ на предметъ искусства, забывалъ ѣсть и пить, поворачивая въ своей твердой, могучей рукѣ эти хрупкія произведенія. Онъ заставлялъ ихъ переливаться различными тонами; и тысяча капризныхъ украшеній, завитковъ, головокъ сатировъ дразнили, смущали его умъ извилинами своихъ прихотливыхъ узоровъ. Сансовино, болѣе сдержанный, созерцалъ и судилъ въ молчаніи. Въ своихъ опредѣленіяхъ онъ былъ всегда рѣзокъ, даже иногда жестокъ, какъ всѣ прямодушные люди. Цафетта, сидѣвшая справа отъ него и болѣе привыкшая наблюдать въ мужчинахъ волненія страстей, нежели работу разсудка, который руководилъ бы ихъ дѣйствіями, боялась, чтобы нѣкоторыя побужденія вечерняго настроенія духа скульптора не толкнули бы его сдѣлать неблагопріятную оцѣнку идеи Аретина. Она наклонилась къ его рукѣ и, прижимаясь къ нему, указала пальцемъ на сына Венеры, стрѣляющаго изъ своего грознаго орудія на прозрачномъ стеклѣ

— Берегитесь, мессиръ Сансовино, потому что этотъ маленькій негодяй такъ хорошо сдѣланъ, что кажется, будто онъ насъ пристрѣлитъ... И она такъ склонилась къ нему, что добрый малый не могъ не поцѣловать ея плеча.

— Ну такъ нѣтъ же!—сказалъ онъ, вдругъ подымаясь,—если я позволю себѣ сегодня вечеромъ поцѣлуй, то онъ достанется не Цафеттѣ, которая прекрасна всегда, но моему товарищу Аретину, у котораго меньше постоянства въ этой добродѣтели, но который иногда возвышается до величія, какъ оно видно по этой работѣ, вторично создавшей Мурано. И я предлагаю, чтобы это прекрасное стекло было названо Аретиномъ.

И великій артистъ, оставивъ свое мѣсто, подошелъ обнять Аретина, при аплодисментахъ всей компаніи, которая въ свою очередь, тѣснясь, послѣдовала его примѣру.

Тиціанъ сказалъ:

— Аретинъ, за удовольствіе, которое я испыталъ, я сдѣлаю копію съ лица Спасителя, избиваемаго солдатами, съ бюстомъ Тиверія въ глубинѣ надъ дверью преторіи, предназначеннаго для его величества, и я тебѣ подарю ее.

Это былъ царскій подарокъ, и Тиціанъ исполнилъ свое обѣщаніе въ день Рождества того же года.

* * *

Франко сыпалъ цѣлый каскадъ легкомысленныхъ шутокъ своей сосѣдкѣ Покофилѣ. Свѣжій смѣхъ этой молодой женщины съ болѣе извѣстной чистотой формъ, нежели умственными качествами, производилъ за столомъ иллюзію журчанья прозрачной воды; ея восклицанія смѣшивались со смѣхомъ остальныхъ куртизанокъ; непринужденное веселье оживляло общество, и каждый требовалъ отъ хозяина разсказа, одного изъ тѣхъ знаменитыхъ „разговоровъ", дерзость которыхъ превосходила все, до сихъ поръ написанное для развлеченія дамъ.

Одинъ Аретинъ, среди шумнаго веселья, казалось, былъ чѣмъ-то озабоченъ, какъ-бы чего-то ждалъ и много разъ быстро поворачивалъ голову, когда открывалась дверь. Но всѣ, забывъ уже о причинѣ его тревоги, не обращали на это вниманія.

— Клянусь Мадонной,—сказалъ онъ,—я предоставлю сегодня пальму первенства въ разсказѣ моему Франко, который съ такой ловкостью изощряется въ остроуміи у ногъ одной изъ моихъ прекраснѣйшихъ пріятельницъ. Что же касается меня, я сегодня довольно плохо приготовленъ къ этому, начавъ день передѣлкой на разговорный языкъ одного изъ Псалмовъ покаянія...

И между тѣмъ, какъ всѣ смѣялись его словамъ, онъ взялъ текстъ одного изъ священныхъ стиховъ и передѣлалъ его на такую скандалезную новеллу, что многіе изъ гостей, не стремившіеся казаться стыдливыми, покраснѣли, мысленно повторяя наиболѣе поразительныя выраженія, чтобы видѣть впослѣдствіи ихъ эффектъ на своихъ знакомыхъ.

Въ эту минуту у дверей послышался шумъ, и Аретинъ не могъ

скрыть внезапнаго волненія, узнавъ своего слугу Томмазо, который возвращался изъ экспедиціи съ Большаго Канала, въ довольно печальномъ видѣ, поддерживаемый слугами съ двухъ сторонъ, какъ будто онъ собирался упасть безъ чувствъ.

Аретинъ быстро всталъ.

— Томмазо,—сказалъ онъ,—ты исполнилъ мое порученіе?

Томмазо сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Ну, что же! Я слушаю тебя,—произнесъ нетерпѣливо Аретинъ?—Будешь ты говорить?

— Сеньоръ...—пробормоталъ Томмазо и покачнулся.

— Говори! чортъ возьми! Узналъ ты имя?

Томмазо сдѣлалъ необычайное усиліе и сказалъ:

— Узналъ, сеньоръ!

Аретинъ приказалъ подать несчастному стулъ. Ему дали немного прянаго вина; онъ пришелъ въ себя. Женщины поднялись, окружили его, хотѣли знать, не раненъ ли онъ; но Аретинъ, наклонившись къ нему, съ глазами, устремленными на его губы, ждалъ только имени женщины, которое должно было быть произнесено, и за которой онъ уже готовъ былъ послѣдовать на край свѣта.

Томмазо оправился настолько, что могъ говорить:

— Я исполнилъ,—сказалъ онъ,—приказаніе вашей милости; я поѣхалъ на лодкѣ навстрѣчу гондолѣ и обратился къ молодой женщинѣ, потомъ къ молодому человѣку, съ вѣжливымъ поклономъ. Но прежде чѣмъ я окончилъ говорить, этотъ молодой человѣкъ, у котораго должно быть очень горячая кровь, сеньоръ, взялся рукой за кинжалъ... Я крѣпко держалъ стилетъ вашей милости и, не сдѣлавъ ни одного жеста, спрашивалъ только имя и сильно наклонялся къ молодой женщинѣ, которая очень боялась. Я думалъ, что она скорѣе скажетъ его, чтобы прекратить эту сцену. Часть моего предвидѣнія осуществилась, потому что эта дама, замѣтивъ угрожающую позу своего спутника, бросила мнѣ свое имя; но въ ту же минуту я получилъ сзади, между плечъ скверный ударъ...

— Этотъ человѣкъ раненъ!—воскликнули вмѣстѣ Цафетта, Франческина и Покофила и всѣ протянули руки, чтобы снять съ него одежду.

— Имя это! Имя!—рычалъ Аретинъ около устъ Томмазо.

— Ее зовутъ Пьерина Риччіа, синьоръ, эта божья голубка теперь въ рукахъ вашей милости...

Аретинъ тихо произнесъ съ особой нѣжностію каждый слогъ этого имени: Пьерина Риччіа; онъ ласкалъ губами созвучія.

— Гдѣ она теперь?—спросилъ онъ властно у вѣрнаго слуги, который замѣтно слабѣлъ.

— Пусть ваша милость сжалится надо мною,—сказалъ Томмазо;—я не могъ перенести удара, не сдѣлавъ тотчасъ же сильнаго движенія въ сторону молодаго сеньора, и такъ какъ въ рукѣ моей былъ стилетъ вашей милости, молодой сеньоръ, конечно, почувствовалъ его немного глубже, чѣмъ слѣдуетъ, вслѣдствіе чего онъ опрокинулся въ каналъ, и я не видѣлъ его болѣе...

— Несчастный,—сказалъ кто-то,—гондольеръ донесетъ на тебя!

— Гондольера зовутъ Пьетро Беккино, изъ Чиоджіи, онъ мой другъ,—отвѣчалъ Томмазо;—онъ будетъ молчать, если его милость захочетъ заплатить...

— А Пьерина?—прервалъ Аретинъ.

— Она здѣсь, сеньоръ; мы привезли ее въ гондолѣ, она безъ чувствъ.

Вся компанія бросилась въ переднюю и быстро спустилась по мраморнымъ ступенямъ, о которыя глухо ударялась гондола. Въ суматохѣ кто-то толкнулъ въ плечо Томмазо,—онъ вскрикнулъ и умеръ. Сансовино, не бывшій любопытнымъ, и Франко, не любившій блѣдныхъ и болѣзненныхъ женщинъ, единственные замѣтили это происшествіе. Добрый скульпторъ хотѣлъ кого-нибудь позвать.

— Молчите,—остановилъ его секретарь Аретина, знавшій мысли хозяина,—гибель этого человѣка отлично устраиваетъ дѣло, такъ какъ, разъ онъ исчезъ, не будетъ болѣе препятствій къ тому, чтобы Пьерина Риччіа, очнувшись отъ обморока, повѣрила, будто ее приняли въ домъ изъ милосердія, вслѣдствіе несчастнаго происшествія съ ней...

И оба перенесли тѣло Томмазо въ кабинетъ, выходившій на темный каналъ.

* * *

Пьерина Риччіа очнулась въ альковѣ съ золочеными каріатидами, обитомъ шелковой матеріей, вышитой золотомъ, освѣщенномъ самымъ пріятнымъ образомъ посредствомъ многихъ маленькихъ фонариковъ съ витыми колонками, привѣшенныхъ къ потолку. Дрожащій свѣтъ порой падалъ на богатыя консоли, украшенныя высокими керамиками, или золотыя и серебряныя вазы; витрины были наполнены прекрасными антиками или книгами въ тисненыхъ кожаныхъ переплетахъ; на стѣнахъ висѣли великолѣпнѣйшія венеціанскія зеркала, медали, картины и музыкальные инструменты.

Ночь приближалась; гости уѣхали, прислуга удалилась. Хозяинъ самъ захотѣлъ присмотрѣть за молодой женщиной, которую спѣшно созванные доктора объявили внѣ опасности, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, хотя вообще сложеніе ея было чрезвычайно нѣжно, и грудь слаба.

Аретинъ, стоя на колѣняхъ, склонилъ голову къ спящей красавицѣ и такъ внимательно разглядывалъ ея прозрачное лицо, точно онъ самъ жилъ почти неуловимымъ дыханіемъ ея нѣжныхъ прозрачныхъ ноздрей, подобныхъ тонкому стеклу молочнаго цвѣта. Онъ хотѣлъ видѣть постепенное воскресеніе очаровательнаго созданья, прошлое существованіе котораго было разбито имъ и которое должно было возродиться къ новой жизни благодаря его любви.

Мало-по-малу, лицо гостьи оживилось, появились легкія нервныя движенія около вѣкъ, и виски стали принимать тотъ неопредѣленный видъ, который придаетъ жизнь этой части лица.

Пьерина тихо пошевелилась, и первое слово, которое она произнесла, было:

— Поло!..

Это имя прозвучало въ тишинѣ. Она еще не открыла глазъ, и воспоминаніе только пробуждалось въ ней. Вдругъ она разразилась рыданьями и раздирающими душу криками. Аретинъ готовился разыграть роль матери и открылъ свои объятія, чтобы принять въ нихъ обожаемую головку. Она замѣтила его движеніе и испугалась его бородатаго лица.

— Гдѣ я?—спросила она,—святая Мадонна, сжалься надо мной!

— Мадонна,—сказалъ Аретинъ,—позаботилась о васъ и послала васъ въ домъ, гдѣ и господинъ и слуги у ногъ вашихъ, моя красавица...

— Боже!—воскликнула она,—я погибла! Не правда ли, вы убили моего Поло?

— Я не знаю, дитя мое, что вы хотите сказать этимъ красивымъ именемъ «Поло»; мои люди нашли васъ сегодня вечеромъ, одинокую и безъ чувствъ въ гондолѣ... Я помѣстилъ васъ у себя; надѣясь, что вамъ будетъ лучше здѣсь, нежели на водѣ...

— О! они убили его, я вижу это, и мнѣ все равно быть здѣсь или въ другомъ мѣстѣ безъ моего дорогаго Поло!..

У ней сдѣлался новый припадокъ, и она, извиваясь, въ отчаяніи кусала стеганное одѣяло.

Аретинъ силясь сдержать ее, чтобы она не разбила себѣ головы объ стѣну, почувствовалъ ея лобъ около своихъ губъ и запечатлѣлъ на немъ поцѣлуй. Пьерина сдѣлала такое сильное движеніе отвращенія, что онъ самъ инстинктивно отступилъ и на разстояніи сталъ созерцать горе этой потерявшей голову женщины, которая была первымъ существомъ, отказавшимся отъ его ласкъ.

* * *

Пьерина не поправлялась. Ея горе усыпляли музыкой и пѣніемъ. Ея комната сдѣлалась мѣстомъ собранія всѣхъ въ домѣ Аретина, и пріятельницы поэта дѣлали ей любезныя лица, привыкнувъ не быть ревнивыми и почувствовавъ жалость къ ея несчастной судьбѣ.

Дѣйствительно, Пьерина очаровывала всѣхъ своей граціей и добротой. Въ углу комнаты стоялъ органъ, красиво разрисованный изображеніями хоровода дѣтей, охоты нимфъ съ борзыми собаками и кабанами, тонко исполненными въ краскахъ. Музыкантша Францескина почти не покидала клавишъ, и, небрежно перебирая пальцами, аккомпанировала своему восхитительному пѣнію. Аретинъ, порядочно игравшій на лютнѣ, также брался за нее иногда, обративъ свои взоры къ Пьеринѣ. Случилось, что Пьерина благодарила его за это. Аретинъ думалъ тогда, что всѣ наслажденія міра ничтожны сравнительно съ этимъ простымъ „благодарю", слетѣвшимъ съ любимыхъ устъ. Однако когда онъ попробовалъ обратиться къ ней съ мадригаломъ, смыслъ котораго была просьба и надежды на будущее, Пьерина спокойно и серьезно, точно статуя изъ слоновой кости, отвѣтила:

— Никогда!

Пріятныя игры смѣняли музыку; однажды, только-что принялись за одну изъ наиболѣе веселыхъ игръ, называемую „игрой въ лѣчебныя воды", когда слуга доложилъ о визитѣ чрезвычайнаго посла отъ его величества императора.

Аретинъ велѣлъ отвѣтить, что въ настоящую минуту изящная Пьерина, дама его сердца, забавляется игрой въ „лѣчебныя воды", и что его сіятельство можетъ или подождать, или принять участіе въ забавахъ компаніи.

Это была такая дерзость, которую не посмѣлъ бы себѣ позволить ни одинъ принцъ въ Европѣ. Многіе присутствовавшіе испугались и громко сдѣлали свои замѣчанія. Аретинъ указалъ на Пьерину:

— Посмотрите,—сказалъ онъ,—она улыбается неожиданнымъ остротамъ, которыя рождаются въ нашей игрѣ, и я беру небо въ свидѣтели, что скорѣе велю принять Его Святѣйшество Папу моему лакею, нежели позволю исчезнуть красивой складкѣ съ ея губъ.

Посланникъ обратилъ дѣло въ шутку, что, конечно, больше согласовалось съ интересами его величества. Онъ вошелъ безъ церемоніи въ сопровожденіи нѣсколькихъ благородныхъ венеціанцевъ, испанцевъ и нѣмцевъ и поспѣшилъ освѣдомиться относительно правилъ игры.

— Предположите, ваше сіятельство,—сказалъ Аретинъ,—что вы обезпокоены какой-нибудь болѣзнью или непріятностью, какъ это дѣлаютъ всѣ особы мужскаго пола въ нашемъ обществѣ. Каждая изъ дамъ обладаетъ, кромѣ другихъ добродѣтелей, даромъ цѣлебнаго источника; и смотря по свойству нашей болѣзни, насъ посылаютъ къ одной изъ нихъ, которая намъ прописываетъ лѣченіе по своему желанію. Обязанность состоитъ въ томъ, чтобы добросовѣстно исполнить его, и измѣнникъ тотъ, кто захочетъ уклониться отъ приказаній...

— Если только въ этомъ дѣло,—сказалъ посланникъ, толстякъ, лишенный всякой хитрости,—у меня есть тяжесть, отъ которой я бы хотѣлъ избавиться посредствомъ лѣченія на водахъ этихъ дамъ. Болѣзнь происходитъ,—сказалъ онъ улыбаясь,—отъ любезности его величества императора, который поручилъ мнѣ передать знаменитому Аретину нѣсколько подарковъ, немного тяжелыхъ...

Собраніе указало въ одинъ голосъ на Пьерину, которой въ настоящую минуту принадлежалъ источникъ, исцѣляющій удушье, стѣсненіе, отвращеніе, скуку или серьезные грѣхи. Посланникъ, не скрывая своей радости случаю, который сближалъ его съ фавориткой, направился къ ложу, на которомъ отдыхала Пьерина, и, ставъ на одно колѣно и поцѣловавъ маленькую прозрачную ручку, протянутую ему, выслушалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ лѣченіе, предписываемое ему новой нимфой водъ.

— Ваша милость,—сказала Пьерина,—отправится въ своей гондолѣ, страдая еще тяжестью подарковъ его величества, до того мѣста, гдѣ Каналъ заворачиваетъ влѣво, и виднѣется верхушка Святаго Георгія, за пять саженей отъ берега. Пріѣхавъ, ваша

милость броситъ въ Каналъ подарки его величества одинъ за другимъ до самаго послѣдняго. Сдѣлавъ это, ваша милость позаботится созвать искусныхъ водолазовъ, которые должны будутъ принести мнѣ самой всѣ найденные предметы до самаго маленькаго, и, кромѣ того, всѣ предметы, которые могутъ найтись въ томъ же мѣстѣ или въ окружности пятидесяти локтей на днѣ Канала. Мнѣ нечего болѣе приказывать вашей милости.

Эта экстравагантная фантазія имѣла живѣйшій успѣхъ; всѣ зааплодировали женскому безумію и невыразимой нелѣпости приказанія. Изъ присутствующихъ едва нѣсколько лицъ помнили о драмѣ, происшедшей на Большомъ Каналѣ нѣсколько дней тому назадъ, въ томъ мѣстѣ, на которое указывала Пьерина, и у тѣхъ явилось предчувствіе трагическаго конца. Къ числу тѣхъ, которые поняли требованіе Пьерины, принадлежалъ Аретинъ. Весь блѣдный онъ нарочно началъ громко смѣяться, въ надеждѣ обратить въ шутку капризъ молодой женщины. Однако, таково было уваженіе къ приказаніямъ дамъ въ этой игрѣ, что никому не пришло въ голову воспротивиться обязанности, наложенной Пьериной Риччіа.

Назначили почетныхъ судей, чтобы присутствовать при исполненіи миссіи посланника, и развлеченіе продолжалось въ ожиданіи возвращенія странной экспедиціи.

* * *

Цѣлый день между мѣстомъ Большаго Канала, указаннымъ Пьериной, и домомъ Аретина сновали водолазы и слуги въ сопровожденіи одного, или нѣсколькихъ почетныхъ судей, и приносили понемногу добытые изъ воды, императорскіе подарки.

Дорогія цѣпи и орденскія эмальированныя звѣзды были тотчасъ же приведены въ ихъ прежнее блестящее состояніе. Но жаль было смотрѣть на вытащенное изъ тинистой зловонной воды прекрасное парчевое платье съ малиновой каймой, съ рукавами, подбитыми бѣличьимъ мѣхомъ, и другое, съ лиловымъ и золотистымъ фономъ, съ длинными рукавами, падающими до земли и подбитыми горностаемъ. Эти чудныя одежды имѣли видъ лохмотій, вывѣшиваемыхъ на оконца Гетто, и годныхъ только прикрывать спины бѣдныхъ евреевъ. Все, что было найдено и не составляло части подарковъ императора было сложено въ сторону и состояло изъ самыхъ разнообразныхъ и нескладныхъ предметовъ. Громкій смѣхъ привѣтствовалъ появленіе старыхъ башмаковъ, на половину сгнившихъ въ тинистомъ днѣ, и корсета, украшеннаго маленькими стальными полосками, который какая-нибудь захворавшая дама принуждена была выбросить во время своей прогулки въ гондолѣ. Аретинъ сдѣлалъ тревожное движеніе, когда появился кинжалъ съ его именемъ на черенкѣ: „Divus Aretinus, flagellum principum".

— Это что такое?—спросили его.

— Это,—отвѣчалъ онъ быстро,—оружіе, которое у меня украли недавно... Пьерина попросила показать ей кинжалъ. Аретинъ подалъ

не глядя на нее. Молодая женщина стала разглядывать лезвіе съ особымъ вниманіемъ. Она вдругъ заявила, что не разстанется больше съ нимъ. Аретинъ захотѣлъ воспользоваться ея волненіемъ и оживленіемъ, и потянулся къ ней съ поцѣлуемъ, но она холодно сдѣлала ему знакъ отойти. Такъ какъ онъ не слушался, она спокойно сказала ему, что вооружена и съумѣетъ удержать его на разстояніи. Аретинъ засмѣялся, называя ея слова забавной шуткой. Но Пьерина такъ ловко уколола его, что онъ отскочилъ однимъ прыжкомъ, схватившись за грудь, на которой показалась капля крови. Пьерина улыбнулась.

Въ это время подъ окномъ поднялся шумъ, и послышались оживленныя пререканія между людьми гондолы и лицами, которыя находились на балконѣ, чтобы объявлять, какой предметъ найденъ въ водѣ.

— Это невозможно,—говорили съ балкона,—вы не сдѣлаете этого!

— Однако, правила строги,—говорили почетныя судьи, и мы исполнимъ нашу обязанность до конца.

— Но это не предметъ...

— Это было найдено всего за двадцать саженъ отъ обозначеннаго мѣста. Мы принесемъ это, какъ и остальное.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы этого не сдѣлаете!

Аретинъ приблизился къ окну.

— Что такое?—спросилъ онъ.

Ему сказали на ухо, въ чемъ дѣло. Сильное волненіе овладѣло имъ. Онъ облокотился на выступъ, закрылъ глаза, потомъ очнулся, принялъ спокойное выраженіе лица и яснымъ голосомъ отвѣтилъ Пьеринѣ, властно требовавшей разъясненія причины шума:

— Моя прекрасная гостья — водолазы достали тѣло человѣка, на днѣ канала, богатаго сюрпризами: входитъ ли въ ваши намѣренія положить его между нашими цѣпочками и украшеніями? Пьерина вскрикнула и упала на подушки, но почти тотчасъ же приподнялась и почти безъ одежды соскочила съ ложа и бросилась къ балкону, чтобы поскорѣе видѣть мрачную находку.

— Пусть принесутъ сюда!—сказалъ Аретинъ.

Голову трупа прикрыли; остальная фигура была одѣта самымъ изящнымъ образомъ. Это было тѣло молодаго, хорошо сложеннаго человѣка.

Пьерина упала на колѣни, призывая Марію Дѣву и крича, что убили ея Поло, ея дорогаго Поло. Сцена отчаянья молодой женщины всѣхъ растрогала и опечалила. Въ то же время, окончивъ миссію, вернулся и посланникъ, со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и свитой. Онъ былъ очень огорченъ результатами своего усердія и осмѣлился спросить,—до того онъ вѣрилъ въ итальянскую способность къ притворству,—не была ли эта сцена продолженіемъ игры, съ которой онъ еще не былъ ознакомленъ. Ему сказали, что происходившее, напротивъ, чрезвычайно серьезно, и никто не знаетъ, кончится ли все это добромъ.

Пьерина обнимала безжизненный трупъ, безумно каталась на этихъ останкахъ, не заботясь о томъ, что они въ тинѣ, ни о своей

одеждѣ, уже бывшей очень легкой, разрывая и раскрывая ее въ пылу отчаянія. Скоро ей удалось ногтями и зубами разорвать бархатъ одежды мертвеца и тонкую рубашку въ мѣстѣ, гдѣ стилетъ оставилъ маленькое пятнышко. Она задрожала при видѣ раскрытой раны, оставшейся свѣжей отъ прикосновенія воды.

Схвативъ кинжалъ Аретина, найденный въ Каналѣ невдалекѣ отъ этого дорогаго тѣла, и приблизивъ короткое, острое лезвее, она примѣрила его вѣрнымъ, опытнымъ глазомъ.

Вдругъ она выпрямилась, размахивая кинжаломъ, пронзившимъ сердце ея Поло. Она во второй разъ прочла рельефную надпись на золоченой рукояткѣ: „Divus Aretinus, flagellum principum".

— Божественный Аретинъ, бичъ принцевъ!—воскликнула она, обращаясь къ многочисленному собранію. Тонъ ея голоса былъ насмѣшливъ. Она взглянула на всѣхъ этихъ молчаливыхъ людей; она увидѣла посланника императора, робкаго и дрожащаго среди выставки подарковъ, попранныхъ по одному капризу женщины, любимой Аретиномъ. Съ минуту она подумала и снова произнесла равнодушнымъ тономъ, въ которомъ однако сквозило сознаніе дѣйствительнаго могущества этого человѣка.

— Божественный Аретинъ, бичъ принцевъ!

Аретинъ сидѣлъ въ концѣ залы на высокомъ готическомъ креслѣ, опершись подбородкомъ на руку, и глаза его сверкали. Странная улыбка играла на его чувственныхъ губахъ. Передъ нимъ разступились. Онъ глядѣлъ на Пьерину и ощущалъ мрачное, свирѣпое наслажденіе при видѣ ея горя.

Она поняла, что его рука направила кинжалъ, который она держала въ эту минуту. Потокъ гнѣвныхъ словъ полился изъ ея устъ. Она бросала ему въ лицо все, что только знала гнуснаго и оскорбительнаго. Этотъ пылъ ея, ея брань представляли рѣзкій контрастъ съ ея хрупкимъ тѣломъ и лицомъ Мадонны. Передъ неподвижными людьми, подчиненными могущественному хозяину, она черпала тайную силу въ своемъ одиночествѣ и въ своемъ справедливомъ гнѣвѣ. Она встала на трупъ своего любовника, чтобы изливать брань на убійцу. Красота ея была необычайна. Съ высоты своего сѣдалища Аретинъ продолжалъ улыбаться. Это спокойствіе, еще болѣе, нежели величіе преступленія, превзошло ожиданія молодой женщины. Она закрыла глаза и лобъ рукою, какъ бы спрашивая себя, могла ли она еще здраво судить о вещахъ, и не она ли заблуждается посреди почтительнаго молчанія передъ тѣмъ, котораго она преслѣдовала своимъ гнѣвомъ. Она старалась вспомнить различные фазы совершающихся событій; ея мысли мѣшались, какъ въ бреду, одна только оставалась ясна,—инстинктивная увѣренность, что Аретинъ убійца Поло. Она приказывала себѣ не допускать никакихъ иныхъ размышленій. Она взывала къ этому убѣжденію, чтобы оно захватило ее всю, вооружило ея руку для дѣянія, которое она хотѣла исполнить здѣсь, на мѣстѣ, среди оцѣпенѣнія всѣхъ этихъ гнусныхъ льстецовъ. Не умѣя владѣть кинжаломъ, она сжимала его въ своей маленькой, нѣжной ладони. Ея рука, все ея тѣло дрожали. Однако, она подняла руку

и сдѣлала шагъ впередъ. Она почувствовала вокругъ себя улыбки, какъ будто, то, что она хотѣла сдѣлать, было смѣшно. Конечно, противъ нея былъ весь міръ, а нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ нападать на болѣе сильнаго. Но она чувствовала свое право, и эта борьба съ подозрѣваемымъ сопротивленіемъ всѣхъ придавала ей силы. Она не знала, сколько шаговъ она сдѣлала; она почувствовала только, что исполнитъ свою кару. Она глядѣла на Аретина, какъ хищный звѣрь. Аретинъ смотрѣлъ между тѣмъ на Пьерину все такъ же пристально, сохраняя свою неизмѣнную улыбку. Кто изъ нихъ былъ хищнымъ звѣремъ? Который изъ нихъ уничтожитъ другаго? Все это происходило въ продолженіе одной минуты, но эта минута показалась долгой присутствующимъ. Пьерина чувствовала въ себѣ новую силу по мѣрѣ приближенія къ Аретину, при мысли повалить этого колосса при посредствѣ божественной помощи, въ которой она не сомнѣвалась... Она вспоминала Голіафа и Давида, смотря въ лицо Аретина. Этотъ негодяй былъ великъ и великолѣпенъ на своемъ подобіи трона, среди своего двора, съ выраженіемъ презрѣнія полубога во всей фигурѣ.

Обмѣниваясь перекрестнымъ огнемъ взглядовъ съ Пьериной Риччіей, опершись рукой на колѣно, онъ поглаживалъ свою шелковистую бороду. Мало людей, испробовавшихъ горячія, ѣдкія страсти, приближались къ острому наслажденію, которое долженъ былъ вкушать этотъ свирѣпый человѣкъ при приближеніи обожаемаго созданія, полнаго ненависти къ нему, опьяненнаго заранѣе его кровью и смѣшивающаго, въ безуміи своего гнѣва, жажду смерти своего врага съ обаяніемъ могущества, которымъ онъ невольно воздѣйствовалъ на молодую женщину.

Когда Пьерина коснулась ступенекъ возвышенія, на которомъ стояло готическое кресло, она плюнула въ лицо Аретина, испустила громкій крикъ и кинулась на него. Всѣ присутствующіе вскочили; нѣкоторые подбѣжали, несмотря на волю хозяина, выраженную знакомъ. Но Аретинъ ловкимъ движеніемъ схватилъ обожаемую смертоносную руку и держалъ въ своихъ сильныхъ объятіяхъ, какъ ребенка, все тѣло Пьерины, потрясаемое рыданіями, трепещущее и внезапно ослабѣвшее вслѣдствіе ужаснаго потрясенія и самой странной перемѣны, какая только можетъ постигнуть женскую натуру. Величіе цинизма и быстрота столкновенія повергли ее въ полное безуміе мысли и чувствъ. Внезапно опьяненная такимъ жестокимъ усмиреніемъ, такой полной побѣдой, она покорялась со всей счастливой граціей и красивой покорностью, которую чувствуетъ слабое существо къ своему господину. Аретинъ стеръ съ ея губъ слезы, поцѣловалъ ее въ лицо и плечо, которое онъ ушибъ, останавливая ея порывъ; потомъ поднялся и унесъ свою жертву, гордый, спокойный, медленный въ движеніяхъ, какъ тигръ, уносящій добычу, задыхающуюся въ его когтяхъ.

* *

Друзья Аретина зааплодировали; трупъ несчастнаго Поло убрали, и послушныя аретинки стали славить пѣніемъ новую по-

бѣду Аретина. Посланнику императора, осмѣлившемуся жаловаться, что онъ не могъ изложить предмета своей миссіи передъ Аретиномъ вслѣдствіе его новыхъ любовныхъ похожденій, секретарь Аретина, Франко, порой легкомысленный, но, иногда, и такой же гордый въ отвѣтахъ, какъ и его хозяинъ, возразилъ:

— Тотъ, кто божественнымъ даромъ своей смѣлости умѣетъ управлять даже стрѣлами бога Амура, не уступаетъ ни въ чемъ властителямъ земли!

Новыя воспоминанія В. Гюго.

(Choses vues).

Уже давно умеръ великій писатель—а вѣщій голосъ его продолжаетъ раздаваться и доселѣ, онъ какъ бы говоритъ съ современниками.

Наслѣдники Виктора Гюго поняли, что лучшій памятникъ писателю—это памятникъ не изъ камня и бронзы, а *памятникъ духа*, полное освѣщеніе его личности и отношенія къ нему его современниковъ и собственнаго его отношенія къ окружавшей его средѣ, и продолжаютъ печатать порой отрывочныя, но драгоцѣнныя для историка строки Гюго, его ежедневныя замѣтки, въ которыхъ, на-ряду съ мелкими фактами изъ жизни самого поэта, сообщается и о событіяхъ общаго значенія, въ изложеніи разсказчиковъ очевидцевъ, черезъ посредство Гюго.

Въ книгѣ нѣтъ хронологическаго порядка, и быстро смѣняя другъ друга проходятъ передъ нами въ воспоминаніяхъ поэта различные силуэты изъ прошлаго: артисты, писатели и т. п.

Сообщаемый нами ниже отрывокъ подъ названіемъ: „Въѣздъ Наполеона І-го въ Парижъ“, въ мартѣ 1815 г.—поразительная по яркости картина, гораздо болѣе говорящая уму и воображенію, чѣмъ многотомныя сочиненія на эту же тему.

Здѣсь сущность всего переживаемаго историческаго момента въ нѣсколькихъ строкахъ.

Также поразительно и трогательно и описаніе казни Людовика XVI-го. Ограничиваясь въ настоящей книжкѣ сооб

щеніемъ лишь этихъ двухъ вещицъ изъ новыхъ воспоминаній Виктора Гюго, мы предполагаемъ, въ послѣдующихъ книжкахъ, еще вернуться къ этому цѣнному историческому матеріалу и, въ февральской книжкѣ, дать нашимъ читателямъ описаніе Парижа во время осады, устами Гюго.

Это описаніе отличается краткостью военнаго бюллетеня, и самые важные факты въ немъ лишь намѣчены, но все это лишь придаетъ большую силу изложенію, и „бюллетень" читается съ захватывающимъ интересомъ.

Пріѣздъ Наполеона I-го въ Парижъ

20 марта 1815 года.

Исторія и мемуары современниковъ или исказили, или неточно передали, или даже совершенно опустили нѣкоторыя подробности пріѣзда императора въ Парижъ 20-го марта 1815 г. Но встрѣчаются живые свидѣтели этихъ подробностей, которые исправляютъ неточности и дополняютъ недосказанное.

Въ ночь на 19-е императоръ покинулъ городъ Sens. Въ три часа утра онъ пріѣхалъ въ Фонтенебло. Въ пять часовъ онъ сдѣлалъ смотръ тѣмъ немногимъ войскамъ, которыхъ онъ привелъ съ собой, и тѣмъ, которыя присоединились къ нему въ Фонтенебло. Тутъ были солдаты всѣхъ корпусовъ, всѣхъ полковъ, всѣхъ оружій, нѣкоторые изъ великой арміи и нѣкоторые изъ гвардіи.

Въ шесть часовъ, по окончаніи смотра, сто двадцать уланъ сѣли на лошадь, чтобы предшествовать ему и ожидать въ Эссонѣ. Эти уланы были подъ начальствомъ полковника Гальбуа, теперь генералъ-лейтенанта, отличившагося за послѣднее время въ Константинѣ.

Едва прошло три четверти часа, какъ они достигли Эссона и дали отдохнуть своимъ лошадямъ, какъ пріѣхалъ императоръ. Отрядъ уланъ въ одну минуту былъ уже въ сѣдлахъ и окружилъ карету, тотчасъ же отправившуюся дальше послѣ смѣны лошадей. Императоръ останавливался по дорогѣ въ большихъ деревняхъ, чтобы принять отъ жителей прошенія, изъявленія покорности отъ властей, иногда выслушать привѣтствія. Онъ сидѣлъ въ глубинѣ кареты, слѣва около него находился генералъ Бертранъ въ парадной формѣ. Полковникъ Гальбуа галопировалъ у дверцы кареты со стороны

императора; дверца со стороны Бертрана охранялась гофъ-маршаломъ изъ улановъ, по имени Ферресъ, старымъ бравымъ гусаромъ, котораго императоръ зналъ лично и звалъ по имени, и который въ настоящее время сдѣлался торговцемъ вина. Никто въ пути, впрочемъ, не имѣлъ доступа къ императору. Все, что ему предназначалось, проходило черезъ руки генерала Бертрана.

Въ трехъ или четырехъ лье отъ Эссона, императорскій кортежъ нашелъ дорогу внезапно загороженной двумя эскадронами и тремя полками, выстроенными эшелонами со стороны Парижа, во главѣ которыхъ находился генералъ Кольберъ.

Генералъ Кольберъ былъ раньше полковникомъ того самаго уланскаго полка, отрядъ котораго эскортировалъ императора.

Онъ узналъ своихъ уланъ, и уланы узнали его. Они закричали:

— Генералъ, присоединяйтесь къ намъ!

Генералъ сказалъ имъ:

— Дѣти мои, исполняйте вашъ долгъ. Я исполню свой. Потомъ, поворотивъ коня, поскакалъ въ сторону по полю съ нѣсколькими всадниками, которые послѣдовали за нимъ. Онъ не могъ бы сопротивляться. Полки позади него кричали:

— Да здравствуетъ императоръ!

Эта встрѣча задержала Наполеона только на нѣсколько минутъ. Онъ продолжалъ свое путешествіе. Окруженный всего только своими ста двадцатью уланами, императоръ въѣхалъ такимъ образомъ въ Парижъ. Черезъ заставу Фонтенебло онъ направился по большой аллеѣ, находящейся налѣво, по бульвару Монъ-Парнасъ, и по остальнымъ бульварамъ до Инвалидовъ, затѣмъ по мосту Согласія, по набережной, и черезъ калитку Лувра.

Въ восемь часовъ съ четвертью вечера онъ уже былъ въ Тюильри.

Казнь Людовика XVI.

Никто не давалъ о казни Людовика XVI-го столь подробныхъ и характеристичныхъ свѣдѣній, какія сообщаются здѣсь

въ первый разъ со словъ одного очевидца [1]). Эшафотъ былъ воздвигнутъ не посреди площади, какъ это принято думать, гдѣ въ настоящее время находится обелискъ, а на мѣстѣ, обозначенномъ *временнымъ Исполнительнымъ Совѣтомъ* въ слѣдующихъ опредѣленныхъ словахъ: „между пьедесталомъ и Елисейскими Полями".

Что же это былъ за пьедесталъ? Нынѣшнее поколѣніе, видѣвшее столько событій, столько свергнутыхъ кумировъ и разбитыхъ пьедесталовъ, не знаетъ, какой смыслъ придать въ наши дни этому смутному указанію, и затруднилось бы сказать, какому памятнику служилъ основаніемъ этотъ таинственный камень, который Исполнительный Совѣтъ коротко называетъ *пьедесталомъ*. На этомъ камнѣ стояла статуя Людовика XV.

Замѣтимъ, между прочимъ, что на этой странной площади, называвшейся послѣдовательно *площадью Людовика XV-го, площадью Революціи, площадью Согласія*, площадью Людовика XVI-го, площадью *Garde Meuble* и площадью Елисейскихъ Полей, и не удержавшей ни одного изъ этихъ наименованій, не уцѣлѣлъ и ни одинъ изъ памятниковъ, на ней сооруженныхъ. На ней стояла статуя Людовика XV-го, которая исчезла; проектировали поставить на ней искусственный фонтанъ, который долженъ былъ обмывать окровавленную середину площади, но сооруженіе его не было даже и начато; на ней начали было вчернѣ строить памятникъ Хартіи; мы видѣли только цоколь этого монумента. Въ минуту, когда хотѣли воздвинуть бронзовую статую, изображающую Хартію 1814-го года, произошла Іюльская Революція съ Хартіей 1830-года года. Пьедесталъ Людовика XVIII-го погибъ, какъ погибъ пьедесталъ Людовика XV-го. Теперь на этомъ же самомъ мѣстѣ мы поставили монументъ Сезостриса. Нужны были тридцать вѣковъ въ великой пустынѣ, чтобы разрушить его наполовину; сколько-то понадобится лѣтъ на площади Революціи, чтобы совершенно уничтожить его?

Въ первый годъ Республики, то, что Исполнительный Совѣтъ называлъ „пьедесталомъ", представляло собою без-

[1]) Этотъ очевидецъ, нѣкій Лебуше, пріѣхавшій изъ Буржа въ Парижъ въ 1792 году, вблизи видѣлъ казнь Людовика XVI. Онъ разсказалъ въ 1840-мъ году Виктору Гюго сообщаемыя здѣсь подробности о казни, которыя, понятно, оставили глубокій слѣдъ въ его умѣ.

форменную глыбу. Это былъ мрачный символъ самой королевской власти. Мраморныя и бронзовыя украшенія были оторваны, голый камень повсюду далъ трещины, широкія четырехугольныя выемки указывали съ четырехъ сторонъ на мѣста для барельефовъ, разбитыхъ ударами молотка. Исторія трехъ королевскихъ династій была также разбита и изувѣчена на всѣхъ сторонахъ старой монархіи. Едва можно было различить еще вершину пьедестала, остатокъ карниза, аподъ нимъ гирлянду стершихся, источенныхъ яйцеобразныхъ украшеній, увѣнчанныхъ такъ называемыми въ архитектурѣ „четками“ (*chapelet de patenôtres*). На площадкѣ пьедестала возвышался бугорокъ изъ всевозможныхъ обломковъ, между которыми росли пучки травы. Это собраніе безъимянныхъ обломковъ замѣнило собою королевскую статую. Эшафотъ былъ воздвигнутъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой развалины, немного позади. Онъ былъ обитъ длинными досками, расположенными поперекъ и скрывавшими срубъ. Къ задней части была придѣлана лѣстница безъ перилъ и балюстрады, а то, что называется фасадомъ, въ этомъ ужасномъ сооруженіи, было обращено къ Garde Meuble. Въ томъ мѣстѣ, куда должна была упасть голова короля, для нея была поставлена корзина цилиндрической формы, покрытая кожей; а въ одномъ изъ угловъ возвышенія, справа отъ лѣстницы виднѣлся приготовленный для тѣла, продолговатый ящикъ изъ ивовыхъ прутьевъ, на который одинъ изъ палачей, въ ожиданіи короля, положилъ свою шляпу. Теперь, вообразите эти два мрачные предмета посреди площади, одинъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ другаго, пьедесталъ Людовика XV и эшафотъ Людовика XVI, иначе сказать, развалины умершаго и мученія живущаго еще королевскаго достоинства; представьте себѣ около этихъ двухъ предметовъ четыре длинныя шеренги вооруженныхъ людей, образующихъ большой квадратъ среди огромной толпы; представьте себѣ слѣва отъ эшафота Елисейскія Поля, справа Тюильри, не защищенный и предоставленный на произволъ прохожихъ, усѣянный кучами безформенныхъ земляныхъ насыпей и бугровъ; набросьте на эти грустныя зданія, на эти черныя безлиственныя деревья, на эту мрачную толпу темный, холодный покровъ зимняго утра, и получите зрѣлище, какое представляла собою площадь Революціи въ ту минуту, когда Людовикъ XVI, привезенный въ каретѣ парижскаго мэра, въ бѣлой одеждѣ, съ книгой псалмовъ въ рукахъ, пріѣхалъ на нее

въ десять часовъ и нѣсколько минутъ 21-го января 1793-го года.

Странныя крайности униженія и нищеты! Потомокъ столь многихъ королей, тщательно набальзамированныхъ, какъ *Египетскіе* фараоны, осужденъ на уничтоженіе между двумя пластами непережженной извести; отъ его королевскаго величества, обладавшаго золотымъ трономъ въ Версалѣ и шестидесятью гранитными саркофагами въ Сенъ-Дени, оставалась одна сосновая эстрада, и гробъ изъ ивовыхъ прутьевъ!

Мы не будемъ здѣсь разсказывать извѣстныя подробности. Вотъ то, чего не знаютъ. Палачей было четверо: только двое совершали казнь; третій остался внизу у лѣстницы, а четвертый взобрался на повозку, которая ждала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эшафота и должна была отвезти тѣло короля на кладбище Маделены.

Палачи были одѣты въ короткіе штаны, во французское платье, измѣненное по модѣ Революціи, въ треугольныя шляпы, украшенныя огромными трехцвѣтными кокардами. Они казнили короля со шляпами на головахъ, и Самсонъ, также не снимая шляпы, схвативъ за волосы отрѣзанную голову Людовика XVI-го, показалъ ее народу и въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ кровь изъ нея текла на эшафотъ. Въ эту же минуту, его слуга, или помощникъ развязывалъ такъ называемые *ремни*; въ то время, какъ толпа по очереди разглядывала тѣло короля, одѣтое въ бѣлое, и еще привязанное, съ связанными руками на спинѣ, къ качающейся доскѣ, и эту голову, мягкій и добрый профиль которой вырисовывался на фонѣ темныхъ, туманныхъ деревьевъ Тюильри, двое священниковъ, коммиссары коммуны, которымъ было поручено присутствовать, какъ муниципальнымъ чиновникамъ при казни короля, громко болтали и смѣялись въ каретѣ мэра. Жакъ Ру, одинъ изъ нихъ, съ насмѣшкой показывалъ другому толстыя икры и животъ Капета.

Вооруженные люди, окружавшіе эшафотъ, имѣли только сабли и пики; ружей было очень мало. Большая часть носила широкія круглыя шляпы или красные колпаки. Нѣсколько взводовъ конныхъ драгунъ въ формѣ смѣшивались мѣстами съ этой толпой. Цѣлый эскадронъ этихъ драгунъ былъ выстроенъ по-военному на террасахъ Тюильри. Такъ называемый марсельскій батальонъ образовалъ одну изъ сторонъ каре. Гильотина—пусть всегда съ отвращеніемъ пишется

это гнусное слово,—показалась бы теперь для знатоковъ очень дурно выстроенной. Ножъ былъ просто привѣшенъ къ блоку, прилаженному посреди верхней перекладины. Этотъ блокъ и веревка толщиною въ дюймъ — вотъ и весь приборъ. Ножъ съ привѣшенной къ нему небольшой тяжестью былъ маленькихъ размѣровъ и съ загнутымъ лезвіемъ, что придавало ему опрокинутую форму герцогскаго рога или фригійской шапки. Не было приготовлено никакого капюшона, чтобы защитить голову терпѣливаго короля, и въ то же время скрыть и ограничить ея паденіе. Вся эта толпа могла видѣть, какъ упала голова Людовика XVI-го и только благодаря случаю, благодаря, быть можетъ, малой величинѣ ножа, которая умѣрила силу удара, эта голова не выскочила изъ корзины и не выкатилась на мостовую. Ужасный случай этотъ, впрочемъ, часто происходилъ во время казней Террора. Въ настоящее время даже убійцъ и отравителей обезглавливаютъ болѣе прилично. Гильотина получила много усовершенствованій.

Съ мѣста, куда упала голова короля, полился на мостовую вдоль по доскамъ ручей крови. Когда казнь была окончена, Самсонъ бросилъ народу бѣлый рединготъ короля, и въ одну минуту онъ исчезъ, разорванный тысячью рукъ.

Въ моментъ, когда голова Людовика XVI-го упала, аббатъ Эджевортъ былъ еще около короля, и кровь брызнула на него. Онъ поспѣшно одѣлъ коричневый редингогъ, сошелъ съ эшафота и затерялся въ толпѣ. Первый рядъ зрителей раздвинулся передъ нимъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ почтеніемъ; но черезъ нѣсколько секундъ, вниманіе всѣхъ было еще такъ сосредоточено на центрѣ площади, гдѣ только-что совершилось событіе, что никто больше не глядѣлъ на аббата Эджеворта. Бѣдный священникъ, закутанный въ толстый редингогъ, скрывавшій кровь, которой онъ былъ покрытъ, убѣжалъ въ ужасѣ, какъ въ бреду, едва сознавая, куда онъ идетъ. Однако съ тѣмъ инстинктомъ, который сохраняютъ сонамбулы, онъ перешелъ рѣку, направился къ улицѣ Бакъ, потомъ къ улицѣ Регаръ и наконецъ достигъ дома г-жи де-Лезардьеръ около Майнской заставы.

Придя туда, онъ сбросилъ свои забрызганныя одежды и нѣсколько часовъ былъ точно въ обморокѣ, не будучи въ силахъ собрать своихъ мыслей, ни произнести хоть слово.

Роялисты, присоединившіеся къ нему и присутствовавшіе при казни, окружили аббата Эджеворта и напомнили ему

напутствіе, съ которымъ онъ обратился къ королю: „*Сынъ Людовика Святаго, иди на небо*". Однако эти памятныя слова не оставили и слѣда въ умѣ того, кто сказалъ ихъ.

— Мы слышали ихъ,—говорили свидѣтели катастрофы, еще трепещущіе и взволнованные.

— Возможно,—отвѣчалъ онъ,—но я не помню ихъ.

Аббатъ Эджевортъ прожилъ долго и никогда не вспомнилъ, дѣйствительно ли онъ ихъ сказалъ.

Г-жа де-Лезардьеръ, серьезно больная уже цѣлый мѣсяцъ, не вынесла удара смерти Людовика XVI-го. Она умерла въ ту же ночь, 21-го января.

НИЧТОЖЕСТВО.

(Изъ отдаленнаго прошлаго).

тправляя нашъ отрядъ лѣвой стороною въ степь на развѣдки, командующій войсками двинулся самъ правой стороной по направленію къ пункту соединенія войскъ. При разставаніи съ генераломъ нашего отряда, онъ высказалъ мысль о томъ, что въ походѣ смотрѣть за плѣнными некогда, а кормить надо. „Лучше не связывать себя ими“.

Съ этими пожеланіями о томъ, чтобы плѣнныхъ не брать, мы двинулись по пескамъ и черезъ нѣсколько дней стали замѣчать небольшія шайки непріятеля, дерзко слѣдящаго за всѣми нашими движеніями. Нѣсколько нашихъ храбрецовъ, по моей иниціативѣ, взялись разогнать и уничтожить эти передовыя шайки.

На другой день на зарѣ нѣсколько десятковъ солдатъ изъ отряда направились въ обходъ непріятельскихъ шаекъ и черезъ сутки вернулись обратно. Бравый унтеръ-офицеръ отрапортовалъ мнѣ, что косоглазые ускакали въ степь, но пятерыхъ изъ нихъ удалось захватить въ плѣнъ.

— Какъ въ плѣнъ?—заоралъ я.

— Нельзя было, ваше благородіе, безъ того... Забились они въ камни и развалины сарая, такъ что не перебить намъ ихъ пулями. А людей своихъ я пожалѣлъ для такой дряни... Слышу, кричатъ, что перестанутъ стрѣлять и выйдутъ изъ-за камней, если мы оставимъ имъ жизнь. Я и пообѣщалъ... Вижу, сдаются и просятъ о пощадѣ. Здѣсь только и вспомнилъ о томъ, какая обуза имѣть плѣнныхъ въ лагерѣ.

— Заднимъ умомъ богатъ!—крикнулъ я на него и подумалъ: „достанется же мнѣ отъ генерала за плѣнныхъ. Добровольцевъ за киргизами я самъ пустилъ въ степь, а они привели ихъ живыми...“ Дураки! Не умѣютъ ни одного дѣла чисто сдѣлать... Ну, какъ я пойду съ докладомъ къ генералу? Гдѣ же они?

— Извольте посмотрѣть, — сказалъ унтеръ-офицеръ и повелъ меня изъ палатки къ солдатамъ, собравшимся въ кружокъ передъ кучкой плѣнныхъ, которые сидѣли передъ ними на землѣ и смѣшили ихъ своими азіатскими харями.

Я подошелъ къ нимъ.

— Зачѣмъ,—думаю,—тащили такую дрянь съ собой? Не нашли имъ мѣста въ степи... Гдѣ-нибудь бы въ сторонкѣ! Да и теперь можно...

Точно что испугало меня при этой мысли. Смотрю: четверо изъ плѣнныхъ настоящіе азіаты, съ холодными, блестящими глазами; а пятый, добродушный, съ ласковымъ и участливымъ взглядомъ, даже улыбался нашимъ солдатамъ, и казалось, безусловно вѣрилъ обѣщаніямъ унтеръ-офицера о дарованіи имъ жизни.

„Пристрѣлить!"—шепталъ мнѣ разумъ, а совѣсть леденила душу.— Приказать не трудно... Солдаты исполнятъ. А каково самому-то жить послѣ убійства беззащитныхъ людей? Еслибъ я еще не видѣлъ ихъ... А то и лица ихъ я помню, и даже голосъ, и улыбку самаго молодаго и симпатичнаго изъ нихъ. Этой улыбки съ добрыми глазами инородца я совѣстился и ощущалъ невыразимое смятеніе въ моемъ сердцѣ, подумавъ, что кто-нибудь угадаетъ мои мысли и приложитъ берданку въ юную голову симпатичнаго мнѣ туркмена.

А небо было надъ нами такое чистое и прекрасное, точно человѣческая кровь никогда не орошала бѣлый песокъ азіатской степи и русскіе солдаты еще никому не давали ложныхъ клятвъ и обѣщаній.

Я поскорѣе вышелъ изъ лагеря въ поле подальше отъ солдатъ и плѣнныхъ. Къ вечеру, однако, надо было идти къ генералу съ дневнымъ отчетомъ.

— Плѣнныхъ привели, ваше превосходительство.

— Плѣнныхъ?—переспросилъ онъ, не довѣряя мнѣ.

— Пятерыхъ...

— Зачѣмъ же вы мнѣ докладываете объ этомъ? Я не долженъ знать, что у васъ въ отрядѣ есть плѣнные.

— Что прикажете съ ними дѣлать?

— Что прикажете?! Милый вопросъ... Что прикажете! А сами-то вы безъ приказаній и шагу ступить не можете.

— Ваше превосходительство...

— Знаю, что я превосходительство! — кипятился генералъ.— Зачѣмъ васъ чортъ несъ ко мнѣ съ докладомъ о плѣнныхъ? Ну, зачѣмъ?! Что я вамъ прикажу? Ничего я не прикажу, а дѣлайте съ ними, какъ знаете... Помните, что плѣнныхъ не велѣно держать въ лагерѣ на этомъ переходѣ.

— Потому-то я и докладываю вашему превосходительству о плѣнныхъ.

— Очень мнѣ нужно знать о нихъ... Большое удовольствіе! Я не мудрый Соломонъ, чтобъ думать за другихъ... Извольте сами потрудиться!

— Я тоже не могу обмануть... Плѣннымъ обѣщана жизнь.

— А мнѣ какое дѣло! Кто велѣлъ обѣщать имъ жизнь?

— Унтеръ-офицеръ... Обмануть ихъ теперь въ честномъ словѣ русскаго солдата значитъ обмануть всѣхъ нашихъ солдатъ. Я не рѣшусь... Ваше дѣло распорядиться...

— Мое дѣло? — передразнилъ онъ, возвышая голосъ. — Самъ знаю, что мое... Пожалуйста, не учите! Кто велѣлъ этимъ азіатамъ вѣрить солдатскому слову? Эти понятія не годятся на войнѣ.

— Генералъ, — тихо сказалъ я, — донесите, какъ все это случилось. Напишите, что унтеръ-офицеръ по добротѣ сердечной...

— Написать, что унтеръ-офицеръ и солдаты не исполняютъ у меня въ отрядѣ приказовъ по добротѣ сердечной? Хорошъ совѣтъ! Удружили! Да какой же я генералъ, если у меня въ отрядѣ, вмѣсто дисциплины, сердечная доброта?.. Вы, чортъ васъ знаетъ, что такое... Съ вами голову потеряешь! Идите и не раздражайте меня...

— Ваше превосходительство...

— Мо-о-лчать! Какъ можно было допустить плѣнныхъ до лагеря?

— Не я привелъ ихъ...

— Мо-о-лчать, поручикъ, съ вами не говорятъ! Почему унтеръ-офицеръ не слушалъ вашихъ приказаній?.. Молчать! Вы не поддерживаете дисциплину между солдатами и лѣзете ко мнѣ съ сердечной добротой...

— Ваше превосходительство...

— Молчать! Съ вами не говорятъ! Въ походахъ нужны великіе люди, а не маменькины сынки... Здѣсь некогда доискиваться правды и справедливости, надо считаться съ фактами.

— Правда тоже фактъ, а не фантазія...

— Молчать! съ вами не говорятъ! Въ лагерѣ плѣнные, когда не приказано брать ихъ... Вотъ фактъ, и вы кругомъ виноваты. Какое тутъ можетъ быть оправданіе, желалъ бы я знать...

— Очень просто...

— М-о-о-лчать! Съ вами не разговариваютъ! Толкуй съ вами! горячился генералъ, не обращая вниманія на присутствіе въ палаткѣ „темной личности“.

Эти „темныя личности“ всегда пребывали въ нашемъ отрядѣ. Никто не зналъ опредѣленно ихъ занятій. Иногда они считались у насъ подрядчиками и гнали съ пастухами, позади войска, скотъ для прокормленія солдатъ; иногда они же исполняли такія порученія, которыя начальство стѣснялось бы препоручить простому и честному солдату.

Гнѣвъ генерала продолжалъ расти, и неизвѣстно, до чего бы дошелъ, еслибы „темная личность“ не открыла свой ротъ:

— Ваше превосходительство! отдайте мнѣ плѣнныхъ пасти мой скотъ. Такимъ образомъ они будутъ у меня, а не у васъ въ отрядѣ. Мои работники поберегутъ ихъ, пока наши войска не соединятся.

— Но какъ ты ихъ удержишь отъ побѣговъ?

— Не извольте безпокоиться... А и уйдутъ, вамъ же меньше хлопотъ. Будьте спокойны, ваше превосходительство, не убѣгутъ отъ меня.

— Хорошо! возьми, — немного подумавъ, сказалъ генералъ и сдѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе на словахъ.

Черезъ часъ „темная личность" съ своими пастухами пришли за плѣнными, и я долженъ былъ отпустить послѣднихъ. На другое утро унтеръ-офицеръ разбудилъ меня преждевременно и робко сообщилъ мнѣ нѣсколько такихъ словъ, отъ которыхъ я быстро вскочилъ на ноги и тотчасъ же сталъ одѣваться. Не дождавшись пріемнаго часу у генерала, я направился къ нему въ палатку первымъ.

— Наши плѣнные, говорю...

— У насъ нѣтъ плѣнныхъ въ отрядѣ,—перебилъ онъ.—Что съ вами? Вы блѣдны.

— Наши пастухи...

— Ну, что такое съ пастухами? У нихъ свой хозяинъ... Или онъ послалъ одного изъ плѣнныхъ въ степь за выкупомъ товарищей?

— Хуже, ваше превосходительство.

— Всѣхъ опустилъ, а одного оставилъ?

— Хуже...

— Безъ выкупа всѣхъ отпустилъ, напоивъ и накормивъ по-христіански въ дорогу?

— Хуже...

— Нѣтъ, голубчикъ, это ужъ чушь. Если онъ по-христіански отпустилъ отъ себя врага, то и разговору конецъ.

— Хуже, генералъ, хуже... Онъ вывелъ ихъ ночью въ степь... Разставилъ ихъ связанными одинъ отъ другаго на нѣкоторомъ разстояніи и, ѣдучи отъ послѣдняго номера верхомъ на лошади, пустилъ собственноручно каждому плѣнному пулю въ високъ изъ револьвера.

— Изъ револьвера?!

— Да... по пулѣ въ високъ изъ карманнаго револьвера.

— Перестрѣлялъ?!

— Всѣхъ по одиночкѣ изъ револьвера въ голову.

— Что вы говорите, поручикъ?.. Я предполагалъ съ самаго начала, но только не это... Этого я ему не разрѣшалъ, и согласія моего здѣсь не было.

Генералъ растерянно бормоталъ оправданія, точно я былъ ему судьей.

— Нашъ разговоръ съ вами о плѣнныхъ, — спросилъ онъ, — былъ въ присутствіи подрядчика?

— Такъ точно.

— Да, именно... Вотъ тутъ, за стуломъ, онъ стоялъ, слушая насъ и придумывая развязать намъ руки. Эти *темныя личности* хуже азіатовъ... А не обойдешься безъ нихъ на войнѣ. Если хладнокровно разсудить, то... пожалуй... Нѣтъ, это не то!.. Но вѣдь и непріятель также поступаетъ съ нашими солдатами! Развѣ не бываетъ?

— Ахъ, то азіаты, генералъ...

— Не говорите, не говорите, батюшка... Всякая война то же самое... Вы думаете, нѣмцы не пристрѣливали обезоруженныхъ

французовъ? О, на этотъ счетъ, сдѣлайте ваше одолженіе... Сдѣлайте ваше одолженіе! Жестоко ошибаетесь... Каждый врагъ готовитъ вамъ такой камуфлетецъ... Такой камуфлетецъ и краснокожему не придумать!

Я видѣлъ, что генералъ успокоивалъ себя словами, и у меня невольно вырвалось восклицаніе:

— Примѣромъ должно служить только то, что хорошо.

— Исторіи, исторіи не знаете, поручикъ...

— Скверная эта исторія!

— Ну, да васъ о другой не спросятъ... Фразеръ вы! Безъ этого нельзя-съ... Что васъ такъ возмущаетъ? Съ вашими убѣжденіями нельзя нигдѣ имѣть вліяніе, и вы будете ничтожествомъ среди людей. Ничтожествомъ, понимаете!

— Я и не хочу возноситься надъ людьми. Съ меня довольно моей совѣсти.

— У меня тоже есть совѣсть, поручикъ! Но я чувствую, что я бы твердо шелъ на штурмъ и рѣзалъ враговъ, пристрѣливая плѣнныхъ, когда это надо... Совѣсть бы мнѣ ничего не говорила! Признаете вы,—грозно спросилъ онъ,—что часть должна служить цѣлому и что для принципа можно жертвовать людьми? М-о-о-лчать! Вы только отрицаете... Что вы меня бѣсите, поручикъ! Какая муха васъ укусила! Собственные солдаты отмораживаютъ уши и ноги, а мы сидимъ въ мѣхахъ и не кричимъ о совѣсти, а тутъ какіе-то азіаты, да къ тому же наши враги... Да я слышать не хочу о нихъ. Мнѣ какое дѣло, что прирѣзали... Я не намѣренъ для васъ поднимать исторіи. Пускай она забудется, а вы успокоіте свою совѣсть тѣмъ, что не мы съ вами, а другіе прикончили ихъ. Не повѣрю я, чтобъ кому-нибудь было совѣстно за другихъ и чтобы это мучило его. Фразы! однѣ фразы!

Я вышелъ изъ палатки генерала потеряннымъ и все думалъ о томъ, какъ мнѣ управлять самимъ собою во всемъ по совѣсти.

Дождавшись конца кампаніи, я тотчасъ вышелъ въ отставку.

Оставшись, какъ мнѣ предсказывалъ мой генералъ,—„ничтожествомъ", я иногда встрѣчаю моихъ товарищей, достигшихъ извѣстныхъ степеней, которые часто повторяютъ сами о себѣ слова того же генерала: „Часть должна служить цѣлому, а люди — принципу"...

А. Фаресовъ.

ПРОЙДОХА.

Воспоминанія именитаго купца стараго времени.

На улицѣ грязь—сапожникъ князь.
Пословица.

зъ многихъ столичныхъ благотворительныхъ учрежденій,—старѣйшій аристократическій комитетъ устраивалъ, лѣтъ 30 тому назадъ, заведеніе для призрѣнія безпріютныхъ скитальцевъ. Прослышавшій объ этомъ именитый тогда, богатый купецъ Вавило Федулычъ Маргиновъ вызвался снабдить заведеніе обстановкою и инструментами для будущихъ мастерскихъ, если его почтутъ званіемъ члена комитета. Предложеніе его было принято, и онъ подарилъ разнаго имущества, судя по представленнымъ имъ счетамъ, на 8.500 рублей.

На открытіе заведенія собрался весь многочисленный персоналъ комитета въ парадныхъ: придворной, военной, гражданской и партикулярной одеждахъ, но изъ всѣхъ особенно выдѣлялся высокій, тучный, краснощекій, съ сѣдыми: окладистою бородою и подстриженными, въ скобку, волосами, мужчина лѣтъ 60 на видъ, въ мундирѣ, съ орденами на шеѣ и груди. Это и былъ Маргиновъ, котораго предсѣдатель представлялъ сочленамъ, а онъ почтительно благодарилъ ихъ за оказанную ему честь—пріемомъ его въ ихъ среду. Послѣ богослуженія онъ обратился ко мнѣ, какъ къ назначенному вмѣстѣ съ нимъ завѣдывать заведеніемъ, съ распросами по разнымъ предметамъ, такъ что въ бесѣдѣ мы, не замѣтно, и за завтракомъ очутились рядомъ за столомъ.

— Глядя на ваши регаліи, вы не новичекъ на благотворительномъ поприщѣ,—замѣтилъ я.—Ордена жалуются купечеству вѣдь лишь за пожертвованія.

— Вѣрно-съ,—отозвался онъ.—Я на своемъ вѣку перебывалъ во многихъ уже блатворительныхъ обчествахъ, но таперича состою только въ одномъ, да и то потому, что въ немъ положены кра-

сивые мундеры и я, за пять сотъ цѣлковыхъ въ годъ, ношу вотъ этотъ анаральскій мундеръ.

— А къ намъ вы пожаловали ради облегченія участи безпріютныхъ, или для личнаго тоже интереса?

— Безъ антереса какая бы мнѣ охота тратиться? Нѣ-ѣтъ, я тертый калачъ! Разношерстныя обчества мнѣ надоѣли, я и захотѣлъ попасть въ ваше—барское: любопытно посмотрѣть, какъ и что у васъ дѣлается, а это ктому же и пользительно нашему брату, комерсанту.

— Въ полезности нашихъ дѣйствій для какой-либо коммерціи я рѣшительно сомнѣваюсь.

— Охъ, напрасно-съ: я досконально освѣдомился, какіе изъ нашихъ членовъ гдѣ и кѣмъ служатъ, какія имѣютъ родства, связи, а все это мнѣ подъ стать, потому какъ я веду дѣла съ разными казенными и обчественными мѣстами, а въ нихъ, чрезъ сочленовъ, найду, надѣюсь, радѣтелей, какъ сойдусь поближе съ вами, господа. Окромя того, у меня и сейчасъ есть дѣльце, которое, какъ я дознался, съ вашею именно помощью, легче оборудовать. Вотъ я, извините за откровенность, и присталъ собственно къ вамъ, да осмѣливаюсь, кстати, почкительнѣйше просить васъ осчастливить меня своимъ посѣщеніемъ, а тогда я доложу вамъ мою просьбу и, коли подсобите мнѣ,—я еще пожертвую на заведеніе. Деньги дѣло нажитое, ихъ и не жаль на поддержку амбиціи, а она, по нашей части, гораздо дороже денегъ. Такъ не побрезгуете, пожалуете?

Я согласился. Мы приняли участіе въ тостахъ за процвѣтаніе заведенія, за здоровье жертвователей, въ томъ числѣ и его самого, а потомъ разошлись.

I.

Въ назначенный день и часъ у пяти-этажнаго дома Маргинова встрѣтилъ меня дворникъ и провелъ по чистому двору къ деревянному дому-особняку. На лѣстницѣ, установленной цвѣтами и устланной мягкимъ ковромъ, стоялъ и кланялся мнѣ самъ Маргиновъ. Въ первой комнатѣ, съ зеркальными дверями, блестѣлъ паркетъ, вокругъ стѣнъ, обитыхъ золотистыми обоями, симметрически разставлены были золоченые стулья, столики и простѣночныя зеркала. Изъ оконъ, украшенныхъ дорогими занавѣсами и шторами, виднѣлся садъ, а въ немъ—домикъ-бесѣдка.

— Тутъ,—указалъ онъ на боковую дверъ,—наша моленья, а въ ней много святости и драгоцѣнности. Угодно полюбоваться?

Мы вступили въ длинную, но узкую комнату, стѣны которой съ потолка до половины внизъ,—были заняты различной величины Св. иконами въ превосходныхъ кіотахъ и золотыхъ и серебряныхъ ризахъ. Передъ каждою иконою висѣли, по золотой или серебряной, на такихъ же цѣпочкахъ, лампадѣ. Всѣ онѣ теплились, и огонь ярко отсвѣчивалъ массу бриліантовыхъ, жемчужныхъ и изумрудныхъ камней,—на вѣнчикахъ ризъ. Изъ молельни мы вернулись

обратно въ зало, а изъ него перешли въ слѣдующую комнату, въ которой обои, шторы, стулья, кресла и диваны были краснаго цвѣта. Предложивъ мнѣ сѣсть, онъ удалился въ слѣдующую комнату, откуда вернулся съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ, двумя бокалами и бутылкою, а слѣдомъ за нимъ выступила, съ такимъ же подносомъ съ фруктами, пожилая, высокая, сухощавая и скромно одѣтая женщина,—его жена. Онъ наполнилъ бокалы шампанскимъ и приблизился ко мнѣ, а жена—съ фруктами.

— Ради пріятнаго знакомства,—произнесъ онъ,—милости просимъ, усердно просимъ...

— Кушайте, пожалуйста, на здоровье,—робко поддержала жена.—Вы дорогой нашъ гость.

Мы чокнулись, сѣли къ столу и заговорили объ открытіи заведенія, а жена его помѣстилась въ отдаленіи и слушала.

— Не пейте вы, Вавило Федулычъ, ради хоть Создателя,—умоляющимъ голосомъ молвила жена;—опять закуралесите на недѣлю...

— Не твово ума это дѣло,—оборвалъ онъ ее.—Я сегодня точно ужъ тово... брызнулъ,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Какъ только мнѣ шибко досадятъ, такъ я и загуливаю: карахтеръ ужъ такой... Пожалуйте.

— Кто же вамъ досадилъ?

— Да свои обчественные горлодеры, по тому самому дѣлу, которое хочу просить васъ помочь мнѣ распутать.

— Въ чемъ же оно, объясните, заключается?

— По сути—въ пустякахъ, или въ выѣденномъ яйцѣ, право, такъ.

— Ай, нѣ-ѣтъ,—вмѣшалась жена,—страхъ беретъ на ночь...

— Мол-лчи!—перебилъ онъ ее.—У тебя, бабы, волосъ дологъ, да умъ коротокъ, на тебя и нападаютъ страхи. Былъ я, видите ли, обчественнымъ старостою, велъ дѣло гораздо лучше, чѣмъ оно велось до меня, работалъ и хлопоталъ безъ устали за спасибо, т. е. даромъ. Вдругъ по наущенію того, кого я смѣнилъ,—ему глаза рѣзали мои порядки, какихъ при немъ и въ поминѣ не было,—обчественники, а изъ нихъ не мало его, богатѣя, должниковъ,—созвали собраніе тайкомъ отъ меня. Освѣдомился я объ этомъ, прибылъ въ обчественный домъ, спрятался въ сторожевскую коморку на время, пока сходились и разсаживались, а потомъ и выступилъ къ нимъ. Они,—всѣхъ было 70—80 человѣкъ,—какъ увидѣли меня, такъ и струсили.

— Кто, господа,—спросилъ я,—позволилъ вамъ сзывать собраніе безъ мово вѣдома? Хозеинъ-то покамѣстъ вѣдь я, я!

Одни задвигались къ выходу, другіе зашептались, а большинство, съ богатѣемъ-главаремъ, выпучили свои глазища на меня.

— Поколь я хозеинъ и въ собраніе никого не звалъ,—расходитесь по добру-по-здорову,—скомандровалъ я,—не то я иначе распоряжусь.

— Ваше хозяйничанье намъ претитъ, объ васъ-то мы и сошлись потолковать, — раздались голоса,—потому вы уходите, а мы останемся.

— Что-о-о?.. Хулить мое хозейничанье вы не смѣете: я не какая-нибудь шентрапа, а именитый человѣкъ, кавалеръ орденовъ.

— Будь ты хоть разъименитый, а подробнѣйшій отчетъ обо всемъ своемъ хозяйничаньи намъ подавай,—вотъ что!.. Отч-четъ!..

— Сперва получите такой небывалый отчетъ отъ прежнихъ старостъ, начиная съ того, кого я смѣнилъ, а ужь потомъ приставайте ко мнѣ и то не раньше, какъ я смѣнюсь; я же, ежели таперь понадобится отчетъ, представлю его начальству, а отнюдь не вамъ, самопроизвольцамъ...

— Старостою-то сдѣлали тебя мы, намъ и отчетъ представь,— орали одни.— Кавалеріей-то своею ты передъ нами ни кичись,—подхватили другіе;—намъ вѣдь извѣстно, какъ ты ее добывалъ на обчественныя, да на сиротскія денежки. Богачество твое знаемъ мы, какими добывалъ ты путями, такъ и не ершись предъ нами,— гоготали третьи. Отчетъ намъ подавай, а мы тебя такъ учкемъ, что узнаешь, гдѣ раки зимуютъ: фальшивость всю твою вскроемъ...

— Я съ вами, дараками, больше и говорить-то не хочу, срамиться, а пошлю за полиціей: она васъ угомонитъ.

— Не боимся мы твоихъ угрозъ: нонѣ судъ праведный, все по чести разберетъ. Зови полицію составить протоколъ объ твоихъ плутняхъ: все разоблачимъ.

— Тьфу, поганцы вы несуразные,—прибавилъ я, плюнулъ и ушелъ, среди ихъ жеребячьяго ржанья.

II.

Горлодеры обрадовались моему уходу, сочинили приговоръ, быдто я отъ старостства отказался и выбрали вмѣсто меня другаго, что ни на есть простеца. Явился онъ ко мнѣ съ приговоромъ и съ просьбою покончить съ обчествомъ по-хорошему, потому „худой міръ все же лучше ссоры". Я принялъ его по чести, угостилъ да съ глазу на глазъ, сказалъ, ему на-прямикъ:

— Прими, пожалуйста, отъ меня все въ исправности, будешь мною доволенъ. Честное, говорю тебѣ, слово, сладимся: сквалыжничать мнѣ не приходится, коли задѣли мою амбицію.

— Опасно: пронюхаютъ и меня съ вами вмѣстѣ ославятъ, затаскаютъ...

— За мной, какъ за каменной стѣной, можешь стоять: силу мою не сокрушить оборванцамъ,—это, ты, чай, знаешь. Идетъ?

— Извольте, будемъ вмѣстѣ мытариться, потому скорю не отстанутъ: больно ужъ обозлились.

— Въ такомъ случаѣ, приходи завтра, и мы кончимъ полюбовно.

Проводивъ простеца, я позвалъ на ночь моего аблаката, приказчиковъ и парнишекъ, усадилъ всѣхъ за писаніе и къ утру приготовилъ отчетъ и разные счеты, а вечеромъ всѣ книги и документы сдалъ простецу,—новому старостѣ, получилъ отъ него заготовленную аблакатомъ *лигую* квитанцію въ пріемѣ отъ меня сполна, въ цѣлости и исправности всѣхъ денегъ, документовъ и имущества, какое значилось въ описи.

Недѣлю спустя, ко мнѣ явилась депутація отъ обчества объясняться. Я велѣлъ гнать ихъ по шеямъ. Она, слышавши мой приказъ, передала обо всемъ горлодерамъ, и всѣ взбѣленились, стали свѣрять книги со счетами, не доискались, разумѣется, многихъ, и ну требовать ихъ съ меня чрезъ нотаріуса. Я послалъ ему отзывъ, что сдалъ все въ наисправнѣйшемъ видѣ, удостовѣренномъ квитанціею пріемщика, а ежели чего, можетъ быть, и не достаетъ, то сами ревизоры растеряли, либо растащили, въ надеждѣ досадить мнѣ этимъ. Вычитавъ мой отвѣтъ, горлодеры, въ пылу ярости, накатали жалобу, будто бы я выманилъ отъ новаго старосты квитанцію; будто бы бриліантовъ да жемчужинъ на обчественныхъ образахъ убавилось, а на моихъ—прибавилось; будто бы я растратилъ обчественныхъ 40.000 рублей и проч. Благопріятель, канцерялльская крыса, принесъ мнѣ самую жалобу, сочинилъ крючковатое объясненіе, я его подписалъ, и онъ унесъ, вмѣстѣ съ пятью красненькими за трудъ, дѣтишкамъ на молочишко... Обчественники продолжали грызться, точно стая волковъ, у которыхъ отняли добычу, и они остались голодными, анаѳемскія ихъ души! Ахъ, кабы это случилось въ старину,—я бы поклонился фартальному, а онъ вспоролъ бы шкуру нѣкоторыхъ изъ горлодеровъ, и всѣ бы разомъ стихли, а нонѣ орутъ во всю ивановскую, благо всѣмъ гостепріимно раскрылись двери суда, куда со всякими кляузами милости, дескать, просимъ.

— Кто же такіе, по общественному положенію, ваши противники?

— Мразь: крестьяне, мѣщане, да прогорѣвшіе купчишки, которымъ жрать нечего. Они-то и разглагольствуютъ, будто-бы я обчественные капиталы въ обороты пускалъ, точно не все равно: лежали ли капиталы въ сундукѣ, или въ товарѣ, лишь бы сданы были въ цѣлости; будто бы я за ремонтировку платилъ чаемъ, сапогами, да мукою, точно мастера—подонечные ихъ младенцы, не смыслили, что было имъ нужнѣе: деньги, либо товаръ, который я тоже покупалъ и, разумѣется, не для подарковъ. Короче, супротивниковъ моихъ ярость одолѣла, зачѣмъ я къ сдачѣ капиталовъ нарочно обратилъ ихъ въ именные обчественные билеты, чтобы никому изъ нихъ нельзя было ихъ закладывать, промотать, либо прикарманить.

— А развѣ это случалось?

— Сплошь да рядомъ такія оказіи бывали.

— Что же тогда общественники предпринимали?

— Да ничего: вѣдь „укради, да подѣлись—будешь честный человѣкъ!..“ Обчественныя деньги никому не принадлежатъ, покойнымъ жертвователямъ, все равно, на что онѣ пойдутъ, а живые объ живомъ думаютъ,—ну и не стоитъ, разсуждали обчественники, канитель разводить.

— Однако у васъ есть попечители, на чьей же они сторонѣ?

— Тайно—на моей, а явно—на супротивной: жить со всѣми въ ладу выгоднѣе, потому „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ“. Съ ними—попечители злословятъ про меня, а мнѣ—смѣются надъ ними... Э-эхъ м-ма!.. Такъ задѣли меня за живое, что,—

извините, безпремѣнно надо еще выпить. Марьяна? подав-вай!.. Тамъ въ спальнѣ припасено...

Жена выскочила за дверь. Онъ допилъ шампанское, а когда она вернулась съ бутылками хереса и пива, онъ налилъ: въ бокалъ—вино, а въ кружку—пива, залпомъ выпилъ то и другое, крякнулъ и закусилъ грушею.

— Ахъ, да,—спохватился онъ вдругъ.—Канцелярскій мой благопріятель говорилъ мнѣ, будто я могу поволочь сопротивниковъ въ судъ за клевету. Такъ это или нѣтъ?

— Если располагаете документальными доказательствами своей правоты, то, конечно, можете.

— Мнѣ страсть хочется заставить горлодеровъ поклониться мнѣ въ ноги, именно въ ног-ги! Я ужъ началъ шаги въ канцелярію, чтобы похоронили подъ сукномъ жалобу, а ежели можете это подсобить,—я еще пожертвую въ заведеніе.

— Вы уже пожертвовали на 8.500 руб.

— Это только по счетамъ восемь съ половиною, скажу вамъ по секрету, а на самомъ дѣлѣ мнѣ не стоило и половины этой суммы: я знаю у кого что покупать, сколько скинуть, кого и какъ прижать покруче.

Я намѣревался уйти.

— Вы такъ мнѣ понравились, а на сердцѣ моемъ такъ скребетъ, что мнѣ очень желательно выложить передъ вами всю свою душу; поэтому будьте столь добры,—пожалѣйте меня, сироту,—посидите со мной, а за это я вамъ по чистой совѣсти разскажу, какъ я изъ ничтожества пробрался въ большіе люди, а это, право, занятнѣе любой книжки.

Я поддался любопытству—согласился. Онъ снова выпилъ, крякнулъ и задумался, а жена его на цыпочкахъ удалилась.

III.

— Родомъ я,—началъ онъ, откашливаясь,—изъ прославленной Кимрской волости, гдѣ съ незапамятныхъ временъ шьютъ обувь на полроссіи. Предки мои занимались этимъ же ремесломъ, почему и я, научившись въ школѣ грамотѣ,—въ пятнадцать лѣтъ, въ 1840г., принялся варить крахмалъ, сучить дратву, строгать гвозди, присматриваться, какъ красили тонкую папку и толстую кору, какъ клали первую—стельками, а послѣднюю—подошвами, какъ распознавать юфтовую и выростковую кожу, какъ выбирать дешевѣйшій матеріалъ, шить изъ него сапоги и выгоднѣе сбывать ихъ; какъ скупщики платили вмѣсто денегъ провизіей, обмѣривали и обвѣшивали народъ, а онъ все терпѣлъ, потому былъ у нихъ въ кабалѣ. Черезъ два года, когда я самъ кое-что умѣлъ уже мастерить, отецъ вернулся однажды, навеселѣ, домой, погладилъ меня по головѣ, да сказалъ:

— Жаль мнѣ тебя, Вавилка, обречь на нашу каторжную сапожную жизнь, и я подыскалъ тебѣ мѣсто. Ты паренёкъ смышленый, можешь сдѣлаться торговцемъ, а современемъ, пожалуй, и богатѣемъ. Желаешь?

— Желаю, тятенька,—съ радостью отвѣтилъ я.—Разбогатѣю и вамъ помогу избавиться отъ шитья дрянныхъ сапогъ.

— Молодецъ. Марья, сбери Вавилкину одежонку, велѣлъ онъ матери.—Завтра я сведу его въ нашу столицу и обращу въ торговца.

Черезъ день я уже былъ въ мальчикахъ въ купеческой лавкѣ, а тамъ разводилъ ваксу, начищалъ сапоги, ворочалъ тюки, сколачивалъ ящики, набивалъ ихъ сапогами, бѣгалъ для прикащиковъ: въ кабакъ—за водкой и въ трактиръ—чай заваривать, повсюду вертѣлся и во все вникалъ, а ночью, лежа на рогожѣ,—соображалъ, какъ и что вокругъ меня творилось. Около года претерпѣлъ я голодъ, побои и всякія невзгоды, но не даромъ: я узналъ, что прикащикъ покупалъ сапоги по рублю, въ счетъ хозеину ставилъ 1 руб. 10 коп., а гривенникъ бралъ себѣ; часть хозейскихъ барышей тоже отжиливалъ, своихъ родныхъ и знакомыхъ обувалъ въ хозейскіе же сапоги, а писалъ ихъ въ заваль, или по-вашему въ негодные. Услыхалъ я о скоромъ пріѣздѣ хозеина.

— Подарите мнѣ, Иванъ Егорычъ, деньжонокъ на нужду,—попросилъ я прикащика, будьте милостивы.

— За что?—спросилъ онъ;—говори, за что?

— За то,—храбро ляпнулъ я,—чтобъ я ничего дурнаго хозеину про васъ не сказалъ.

— Ка-акъ? Ты про меня скажешь хозяину?—развѣ ты что дурное обо мнѣ знаешь?

— Знаю не мало, и могу сказать, либо нѣтъ.

— Да я тебѣ, гад-дина, всѣ ребра переломаю...

— Ломайте, но помните, и вамъ не сдобравать.

Онъ потѣшился—нарвалъ меня за волосы, а потомъ далъ мнѣ трешницу.

Пріѣхалъ хозеинъ. Я завертѣлся передъ нимъ вьюномъ, приглянулся ему, и онъ велѣлъ прикащику поберечь меня, какъ шустраго малаго, изъ котораго выйдетъ прокъ. Прошло полгода, и я попросилъ прикащика положить мнѣ постоянное жалованье изъ его доходовъ. Онъ поколотилъ меня, но выдавалъ мнѣ пятишницу въ мѣсяцъ. Миновалъ еще годъ, и я уже писалъ счета, продавалъ, въ розницу, товаръ и новою угрозою—доносомъ добился отъ прикащика по десятишницѣ въ мѣсяцъ. Когда же мнѣ пошелъ 18 годъ, прикащикъ самъ прибавилъ мнѣ еще по пятишницѣ въ мѣсяцъ, да пытался пріучить меня пить водку, чтобы при оказіи избавиться отъ меня, но я не поддался на его удочку, а какъ хозеинъ прибылъ—намекнулъ ему на кое-какія плутни прикащика. Хозеинъ услалъ его куда-то и по моему указанію увѣрился въ моемъ доносѣ.

— Съ сего же дня я дѣлаю Вавилу младшимъ прикащикомъ,—объявилъ хозеинъ старшему,—и пусть онъ сидитъ за выручкой.

Прикащикъ поблѣднѣлъ, но смолчалъ.

— Разъ въ мѣсяцъ ты мнѣ отписывай, потихоньку отъ него, что за нимъ замѣтишь,—шепнулъ мнѣ хозеинъ на прощанье,—а я тебя за это награжу.

Я поцѣловалъ его руку, въ знакъ бладарности.

— Хоть ты, Вавилка, и первостатейная каналья,—заговорилъ прикащикъ, по отъѣздѣ хозеина,—но пока тянется теперешнее горячее военное время, когда всякая заваль сбывается за баснословную цѣну,—мнѣ приходится съ тобою ладить: вѣдь по нашей части объ хозеинѣ радѣй, да и себя не забывай. Такъ изстари ведется. Какъ же мнѣ, язва, съ тобой дѣлаться теперь?

— А какъ дѣлались раньше, такъ и впредь... Урывайте ловчѣе, а мнѣ 25 целковыхъ въ мѣсяцъ, да драться ужъ не смѣйте: вздачу дамъ, да и жаловаться стану.

— Отогрѣлъ, значитъ, я въ тебѣ змѣю на груди, ну да „противъ рожна нечего прать".

— Это вѣрно. Любите загребать денежки, любите и дѣлиться ими. Я тоже не лыкомъ шитъ.

Сталъ я за выручку, и, какъ прикащикъ „рубль—въ ящикъ, а гривну—за сапогъ". Прикащикъ же мой хваталъ безъ оглядки, думая, что я ему обязательный пособникъ, а я, напротивъ, его—подстрекалъ, а о крупныхъ его продѣлкахъ—доносилъ хозеину. Вотъ онъ, наконецъ, прибылъ, произвелъ провѣрку, расколотилъ въ кровь прикащика и прогналъ его, а меня сдѣлалъ старшимъ, подъ присмотромъ, впрочемъ, своего сродственника, мѣстнаго трактирщика, такъ какъ сумлевался, съумѣю ли я, по младости моихъ лѣтъ, обращаться съ большими деньгами. А ихъ я уже скопилъ къ этой порѣ 800 целковыхъ и такъ дрожалъ надъ ними, что кажинный вечеръ пересчитывалъ и пряталъ ихъ на дно своего сундука, а его запиралъ на два замка.

IV.

Ставши скупщикомъ и продавцомъ въ лавкѣ, я розогналъ, подъ разными предлогами, прежнихъ и подобралъ себѣ новыхъ подручныхъ (всѣхъ было пятеро), изъ отмѣнныхъ глупцовъ, чтобы самого меня не сковырнули съ мѣста, а потомъ тоже охулки на руку не клалъ... Я бралъ, правда, на половину меньше, чѣмъ бывшій мой старшой, но зато книги велъ аккуратно, хозеина передъ всѣми превозносилъ; въ письмахъ къ нему называлъ его своимъ бладѣтелемъ; по субботамъ относилъ на провѣрку къ трактирщику книги и кассовый капиталъ, сдавалъ ему остатки подъ росписку, передъ нимъ лебезилъ и въ семейство его втирался, благо онъ имѣлъ миловидную дочку, на 5 лѣтъ моложе меня. Окромя того, я до хмѣльнаго не прикасался, товарищей-гулякъ сторонился, за женщинами—не гонялся, а жилъ точно анахоретъ на суровомъ обѣтѣ.

Нагрянулъ, невзначай, хозеинъ, обревизировалъ, похвалилъ меня, да велѣлъ взять жалованья за годъ 300 руб.

— Будешь мнѣ дальше такъ хорошо служить, какъ доселѣ служилъ,—пояснилъ онъ,—прибавлю жалованья, въ Питеръ переведу, а тамъ раздолье тебѣ будетъ.

— Премного бладаренъ вамъ,—отвѣчалъ я съ низкимъ поклономъ, а про себя думалъ: какъ тебя, скареда, не надувать, коли

за барышъ въ 10000 руб., на оборотъ въ 30000 руб., только три сотни дасшь!.. Напредь не оставьте милостію вашею...

— Будь пошустрѣе, переманивай продавцевъ и покупателей, распознавай какъ торгуютъ другіе на наличныя и въ кредитъ и отписывай мнѣ: все это для порядка мнѣ антиресно.

Проводивъ его, я ликовалъ, что иду въ гору. Трактирщикъ иногда захаживалъ ко мнѣ въ лавку бесѣдовать со мной о торговлѣ.

— Ты, парень, дѣляга,—сказалъ онъ мнѣ разъ.—Мнѣ ты ндравишься, хозяинъ тобою доволенъ, но скупенекъ, потому самъ запасайся, чѣмъ можешь, чтобы къ женитьбѣ,—мы скоро тебя женимъ,—не быть голышемъ.

— Объ женитьбѣ мнѣ еще рано думать, да и какая невѣста пойдетъ за меня?—увертывался я, будто не понималъ его намековъ. Жалованье свое я сберегаю.

— „Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ", а твое жалованье не великъ капиталъ. Невѣсту получишь хорошую, коли съ деньгами будешь: жены любятъ не только мужей, но и деньги на домашній обиходъ, да на наряды. Не прикидывайся предо мною несмыслящимъ, а вбери себѣ въ голову мою рѣчь—пригодится...

За слѣдующій годъ хозеинъ положилъ мнѣ 400 руб. и опять обнадежилъ прибавкою.

— Коль не испортишься—я тебѣ жену достану съ приданнымъ и заживешь припѣваючи,—молвилъ хозеинъ на прощаньи со мною. Невѣста есть уже у меня на примѣтѣ, да и ты ее, кажись, видывалъ.

Я догадывался, что онъ мнѣ намекалъ на Марьяну, свою крестницу и трактирщикову дочь. Вскорѣ встрѣтилъ я ее одну, поздоровался и напрямикъ спросилъ:

— Пойдешь, Маня, за меня за мужъ? Отвѣть, не томи.

— Коли будешь при капиталѣ,—отозвалась она, да родители велятъ,—извѣстно, пойду за тебя: ты не изъ брака.

— Капиталъ я, надѣюсь, наживу.

— И прекрасно. Крестный и мнѣ подаритъ деньжатъ. Это матка говорила, съ евоныхъ словъ.

— Спасибо за ласковость, потому ты мнѣ ндравишься.

— А въ кутежи не вдашься и драться не будешь?

— Нѣ-ѣтъ; Боже, сохрани!

— Тѣмъ еще лучше. Смотри же, не обмани...

Послѣ этого разговора я и приналегъ на наживѣ, благо на войну все еще скупали всякую дрянь и барыша было пропасть. Когда же мой отецъ внезапно умеръ, я, чтобы испытать, на сколько расположенъ ко мнѣ хозеинъ,—попросилъ у него помощи для матери съ двумя братишками и сестренкой. Онъ разрѣшилъ мнѣ взять триста целковыхъ въ награду, какъ отписалъ, по совѣту трактирщика.

— Вотъ, матушка, тебѣ на разживу отъ хозейскихъ щедротъ,—объявилъ я ей и подалъ всѣ 300 руб. На, справься съ дѣлами.

— Куда мнѣ, Вава,—такъ много денегъ?—спросила она. Ты мнѣ изрѣдка давалъ по малости, да и тѣ я тратила съ разсчетомъ. Оставь себѣ половину, на свои нужды.

— Я нуждъ, матушка, никакихъ не имѣю, а бладаря умѣнью—еще скопилъ изрядный капиталецъ.

— Ка-акъ? ты скопилъ? Сколько же?

— Да четыре съ половиной тысячи.

— Неужто?.. Охъ, страсти какія! Да за это хозяинъ въ острогъ, въ Сибирь тебя упекетъ, либо убьетъ... Боюсь, право слово, боюсь за тебя.

— Не бойся, а только держи языкъ за зубами.

— А можетъ ты, Вава, врешь, меня пугаешь?

— Пойдемъ въ мою каморку—покажу тебѣ весь капиталъ свой въ серіяхъ по 50 руб. Какъ скоплялъ 50 руб., такъ и вымѣнивалъ ихъ на серію. Бѣднота мнѣ съ измальства была противна, я и старался въ богатѣи превзойти, какъ батюшка предсказывалъ мнѣ.

Въ каморкѣ мы заперлись со всѣхъ сторонъ, я досталъ капиталъ, пересчиталъ передъ ея глазами и спряталъ его назадъ.

— Молодецъ, Вавинька, молодецъ,—похвалила она меня.—Дай Богъ тебѣ счастья, дай Богъ, но будь остороженъ: не ровенъ часъ...

Удача ко мнѣ липла со всѣхъ сторонъ, а время шло, да шло. Мнѣ стукнуло 25 лѣтъ. Въ новый годъ я зашелъ къ трактирщику проздравить и засталъ его навеселѣ, одного.

— Поговоримъ-ка, дружище, въ открытую,—началъ онъ.—Ты по душѣ мнѣ, женѣ и дочери Марьянѣ, а она, какъ ты говорилъ ей, тебѣ тоже люба, значитъ, вы пара. Человѣкъ безъ ума и безъ денегъ ничего не стоитъ. Объ твоемъ умѣ я уже вполнѣ освѣдомленъ, а сколько именно имѣешь ты денегъ—скажи по секрету.

— Около шести тысячъ имѣю я чистоганомъ, робко открылся я ему.—Жениться на Марьянѣ я съ полнымъ удовольствіемъ готовъ, васъ я давно уже уважаю какъ бы родителя, а будьте милостивы, объявите: дадите ли вы за ней приданаго деньгами?

— Глядя по твоему состоянію, получишь ты за Татьяной тысячъ шесть, да всякаго скарба припасено ей тысячи на три съ лихвой. Она у меня единственное дитя и, не хвастаясь скажу,—славная дѣвчонка. Доволенъ?

— Очень даже доволенъ.

— Ну, а мнѣ надо сосчитать твой капиталъ, чтобъ на чистоту дѣло вести.

— Пожалуйте.

Убѣдившись, что я не лгу, онъ меня обнялъ и поцѣловалъ.

— Дѣло, значитъ, въ шляпѣ. На-дняхъ пріѣдетъ хозяинъ, Марьянинъ крестный, ты попроси его въ пасаженые отцы, мы съ него сорвемъ еще тысченки двѣ-три и сварганимъ свадьбу. Маршъ ко мнѣ обѣдать!

За столомъ онъ еще подвыпилъ.

— Каковъ товаръ-то, а?—обратился онъ ко мнѣ, мигая на дочь.—Хорошъ, правда?

— Чудесный,—поддакнулъ я.—Лучшій сортъ.

— А покупатель, Маня, подходящій?

— Н-да,—прошептала она, зардѣлась и потупилась.

— Ежели такъ—поцѣлуйтесь въ щеки: въ губы нельзя до

обрученья; съ женой же цѣлуйся, братъ, куда хочешь: мнѣ все равно.

Я ушелъ отъ нихъ уже вечеромъ, совершенно счастливый, какъ я тогда, по младости своей, полагалъ.

Хозеинъ, какъ и прежде, остановился въ трактирѣ, будущій мой тесть договорился съ нимъ, онъ привелъ меня къ нему женихомъ, а черезъ три дня меня повѣнчали съ Манєй. Отпировавъ свадьбу, хозеинъ подарилъ намъ двѣ тысячи целковыхъ, опредѣлилъ мнѣ жалованье въ мѣсяцъ по сотнѣ, да и укатилъ во-свояси.

Я заходилъ гоголемъ: въ желѣзномъ сундукѣ хранилъ я своихъ, да жениныхъ, почитай, пятнадцать тысячъ, а при этакомъ капиталѣ во мнѣ и духъ поднялся, и гордость выросла, и страхъ отъ меня улетѣлъ далеко, далеко... По настоянію тестя (мы съ женой жили при немъ), я, при хозейской лавкѣ, завелъ свою съ разными товарами, давалъ деньги подъ проценты, да дешево скупалъ отъ прикащиковъ другихъ хозеевъ то, что имъ удавалось слямзить.

— Валяй, Вавило, валяй смѣлѣй, поколь фортуна тебѣ улыбается,—подстрекалъ меня тесть.—А касательно хозяина не трусь: онъ старъ, дѣтей не имѣетъ, а чѣмъ его достоянію доставаться его племянницамъ,—сподручнѣе тебѣ имъ воспользоваться. Къ тому жъ онъ тебѣ довѣряетъ, а я тебя завсегда отстою.

Мало-по-малу мнѣ стало душно въ родномъ муравейникѣ, и я замечталъ перебраться въ Питеръ. Тесть поддакивалъ мнѣ и исподволь собиралъ для меня справки, какъ по нашей части, что творится въ Питерѣ.

Вдругъ мы получили извѣстіе о скоропостижной смерти хозеина, а слѣдомъ прибылъ мужъ его племянницы и объявилъ мнѣ, что наслѣдницы прекращаютъ торговлю. Посланецъ этотъ въ дѣлѣ не бельмеса не смекалъ. Я и купилъ у него все за безцѣнокъ, да еще показавши товару гораздо меньше, чѣмъ его было,—нагрѣлъ наслѣдницъ тысячъ, почитай, на десять.

— Резонъ,—одобрялъ меня тесть.—Ты трудился, а онѣ денежки обирать явились? Нѣ-ѣтъ, это не фасонъ, а ни на что не было бы похоже...

V.

Во мнѣ народился хозеинъ новаго калибра. Стряхнулъ я съ себя прикащичье ярмо, похоронилъ въ мѣсяцъ счахшую матушку, потужилъ объ ней, да окончательно рѣшилъ попробовать счастья въ Питерѣ, благо имѣлъ наличныхъ слишкомъ тридцать тысячъ и товару тысячъ на сорокъ, но никому не былъ долженъ ни гроша. И вотъ я далъ бланадежнымъ изъ мастеровъ задатки подъ ихъ работу, препоручилъ: торговлю—прикащику; брату—наблюденіе за нимъ, его—прикащику, для близиру, въ подручные; тестю—призоръ за всѣми, а самъ махнулъ въ Питеръ. Тутъ я цѣлый мѣсяцъ шатался по сапожнымъ складамъ, магазинамъ и лавкамъ, подъ видомъ пошехонскаго торговца, перезнакомился

съ разными старшими прикащиками, а отъ нихъ, продажныхъ душъ, за угощеніе и подачки, вызналъ всю подноготную ихъ хозеевъ и коммерціи. Потомъ я обславилъ всѣхъ бывшихъ моего хозеина покупателей—розничныхъ торговцевъ, сговорился поставлять имъ товаръ со скидкою 10% съ державшихся рыночныхъ цѣнъ и въ кредитъ, на векселя. Дальше я сманилъ отъ земляковъ пару продувныхъ, а по нашей части нужныхъ прикащиковъ, снялъ: внутри Апраксина рынка—уютную лавку, по близости къ рынку—квартеру, обставился и записался во временные купцы третьей гильдіи. Наконецъ, обладивши все—я вернулся домой, послалъ оттуда въ Питеръ товару на тридцать тысячъ, наистрожайше наказалъ: старшему прикащику—не шалить, т. е. не обкрадывать меня, брату—ловчѣе подглядывать за старшимъ, а тестю—слѣдить за всѣмъ; забралъ свое имущество, жену, ей, для повадности, по бездѣтству, мою—сестренку, а себѣ, въ мальчики—послѣдняго братишку, чтобы дома даромъ не кормить, прикатилъ въ Питеръ, расположился, отслужилъ молебенъ и началъ торговать со всяческими предосторожностями, чтобы не зарваться на чужбинѣ.

Довѣряться прикащикамъ было, какъ я зналъ по собственному опыту, опасно, потому я съ утра самъ отпиралъ лавку, впускалъ въ нее своихъ служащихъ, вмѣстѣ съ ними тамъ пилъ чай и обѣдалъ (пищу, чтобъ дешевле обходилась, приносили намъ изъ дому), самъ же сидѣлъ за выручкой, посреди лавки, чтобы все видѣть, вечеромъ выпускалъ и осматривалъ всѣхъ, при ихъ выходѣ изъ лавки, запиралъ ее и велъ свою команду домой ужинать, а послѣ ѣды—приказывалъ всѣмъ ложиться спать, чтобы днемъ носами не клевали; когда же всѣ храпѣли—я часто въ туфляхъ на войлочныхъ подошвахъ, чтобы не скрипѣли—производилъ въ молодцовскихъ карманахъ розыскъ: не стибрилъ ли кто изъ лавки денегъ и, ежели, иногда,—случалось, находилъ—дубасилъ виновнаго такъ, чтобы не токма ему, но и другимъ не повадно было. Курить и вино пить я никому не позволялъ, а со двора, кромѣ церкви, въ праздники, я никого не пущалъ, чтобы ни съ кѣмъ не якшались и ничѣмъ не соблазнялись на сторонѣ. Однимъ словомъ, я держалъ всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Самъ я тоже никуда не шатался, а жилъ скромненько, съ разсчетомъ, только сестренку посылалъ въ школу учиться, для пущей важности. Въ деньгахъ я не нуждался, платилъ за все наличными, а за это дѣлалъ со всѣхъ изрядныя скидки. Толкъ въ товарѣ я хорошо понималъ, къ покупателямъ приглядѣлся и имъ—потрафлялъ, а съ нихъ—получалъ профитъ. Наконецъ, ловкость имѣлъ я хорошую, а пословицу „не обманешь—не продашь",—помнилъ твердо. Оттого я за первый же годъ зашибъ барыша, за всѣми расходами, пятнадцать тысячъ. Можно было бы добыть, правда, и больше (нашъ товаръ шелъ башъ-на-башъ), но я еще не успѣлъ все постичь и трусилъ въ чужомъ, большомъ городѣ.

На Ѳоминой, послѣ счета лавокъ, по заведенному, издавна, обычаю, хозеева опредѣляли своимъ служащимъ жалованье за прошлый торговый годъ. То же самое пришлось и мнѣ сдѣлать.

— На тебѣ, Семенъ, награжденье за службу,—молвилъ я старшему прикащику.—Тутъ ровно сто цѣлковыхъ, а остальные пятьдесятъ ты уже забралъ.

— Вы мнѣ обѣщали триста, такъ пожалуйте еще полтораста рублей,—смѣло заявилъ онъ, взявъ деньги.—Я у прежняго хозяина получалъ двѣсти, а къ вамъ пошелъ единственно ради прибавочныхъ ста рублей.

— Прежній твой хозеинъ даракъ,—давалъ тебѣ двѣсти,—а по моему ты и ста не стоишь.

— Напрасно вы это говорите: я умѣю торговать, какъ всему рынку извѣстно, лучше васъ самихъ.

— Ежели ты превзошелъ меня, хозеина, въ умѣньи торговать, такъ зачѣмъ же ты прикащикомъ моимъ болтаешься?

— Затѣмъ я прикащикомъ служу, что никого еще не обработалъ, какъ вы... Слухомъ вѣдь земля полнится.

— Сожми свою пасть, не то морду на сторону свороч-чу...

— Попробуйте,—такъ отвѣдаете силу и моего кулака.

— Бери деньги и вонъ отсюда: я грубіяновъ не держу.

— Подайте всѣ деньги по уговору, а не отжиливайте.

— Не гордыбачь, говорю, пока цѣлъ: раскол-лочу!...

— Не велика ты фря, чтобы передъ тобой молчать. Довольно и того, что годъ промучилъ ты насъ въ своей каторгѣ: и пищу ѣли мы свинячью, и спали всѣ на рогожахъ, и вмѣсто полотенца вытирались оберточной бумагой, и братишку своего ты въ шпіоны обратилъ, а самъ ночами карманы наши, по-воровски, обшаривалъ...

— Замолчи ты, мерз-завецъ эдакій!...

— Я не мерзавецъ, а ты жилда, маз-зура!...

Я не выдержалъ конфуза и трахнулъ его въ морду, но онъ перевернулся и меня туда же. Я его за шиворотъ, а онъ рванулся и хлясь мнѣ въ зубы, да еще „караулъ“ зачалъ кричать. Изъ сосѣднихъ лавокъ набѣжали молодцы, да будто разнимали насъ,—тузили меня же, анаѳемы! Вырвался я изъ ихъ цѣпкихъ лапъ и прямо въ фарталъ съ жалобой, что прикащикъ взбунтовалъ служащихъ и вмѣстѣ съ ними раскровянили меня, хозеина. Фартальный усумнился. Я ему—бухъ въ ноги, а на столъ—полсотенную, чтобы защитилъ меня. Онъ послалъ двухъ буточниковъ, а они привели озорника.

— Ты какъ смѣлъ бунтовать народъ и бить своего хозяина,—рявкнулъ фартальный. Какъ ты все это дерзнулъ, а?

— Онъ меня первый ударилъ за то, что я просилъ разсчетъ по договору, а не по его сквалыжничеству,—началъ, струсивъ, Семенъ.—Обсчитывать тоже не позвол-ляется.

— Я вотъ тебя, кан-налью, разсчит-таю... Въ кутузку его, а тамъ приготовить розогъ...

Семенъ вернулся подъ конвоемъ тѣхъ же буточниковъ и ундера. Сусѣдскіе молодцы обступили его передъ моей лавкой и стали допытывать.

— Эй вы, шалыганы,—объявилъ имъ ундеръ.—Кому изъ васъ вздумается колотить хозяина, тому также всыплятъ полсотню го-

рячихъ, какъ ему вотъ всыпали. А вы, ваше степенство, додайте ему разсчетъ и пусть уходитъ прочь отъ васъ.

Злость во мнѣ еще кипѣла, и я выкинулъ ему 50 цѣлковыхъ, а остальные за дерку зачелъ. Онъ подобралъ бумажки, харкнулъ мнѣ прямо въ рожу и на утекъ.

— Словите его, г. ундеръ,—просилъ я,—и взадъ тащите, потому обида, да еще при всемъ народѣ.

— „Съ одного вола двѣ шкуры не дерутъ", заступился за Семена ундеръ, —а твоя рожа таковская: утрешься—и ладно, коли обсчитывать гораздъ.

Толпа захохотала и слѣдомъ за ундеромъ разбрелась.

Точно такіе же казусы въ ту пору каждогодно почитай со всѣми торговцами совершались и были всегда на руку фартальному: онъ загребалъ съ хозеевъ денежки за дерку прикащиковъ. Одначе моя оказія меня прославила по рынку.

— Ты здѣсь новичекъ, а молодецъ, догадался жаловаться,—хвалили меня хозеева.—Только поронцею вѣдь и удается смирить ихъ, супостатовъ.

— Вонъ кровопійца стоитъ, указывали на меня сусѣдскіе прикащики.—Не ходите, сударь, въ эфту лавку,—предупреждали они покупателей, въ ней палачъ торгуетъ.

— Взлупсуютъ ужо и васъ,—напомнилъ я имъ,—такъ перестанете зубоскалить.

— Дуракъ Сенька, что смятку не сдѣлалъ изъ твоей поганой хари: по крайности было бы хоть за что отдуваться.

Торговцы постоянно грызлись промежъ себя, точно собаки, потому плевымъ считалъ я дѣломъ переругиваться со всякою дрянью, а старательно гналъ свою линію—разживался тутъ и на родинѣ безостановочно.

Какъ лихой конь чуетъ, каковъ на немъ сѣдокъ, такъ и торговцы сапожнымъ товаромъ почуяли во мнѣ силу, съ которою имъ понадобилось тягаться, и стали меня зазывать въ трактиры чай пить, да кстати вывѣдывать, какъ я веду свою торговлю.

— Покупайте товаръ на наличныя,—совѣтовалъ я имъ,—сидите сами весь день въ лавкѣ, зорко за всѣми глядите, къ выручкѣ никого не допущайте, хмѣльнаго не употребляйте, денежки не транжирьте, бабамъ волю на это тоже не давайте и довольны будете.

— Мудрено все это исполнять,—отзывались они.—Мы опитерились и привыкли жить вольготно.

— Такъ и пеняйте на себя.

Въ трактиры мнѣ, впрочемъ, самому антересно бывало ходить: тамъ я прислушивался, какъ кто поступалъ, кому кто какой товаръ въ кредитъ давалъ и кто исправный или не исправный былъ плательщикъ. И вотъ, чтобы самому не нарваться на убытокъ, я былъ съ должниками строгъ: не заплатилъ кто—вексель протестую, скарбъ опишу, въ долговое упеку, а ежели позволю переписать вексель, то не иначе, какъ на полуторную сумму: на деньгахъ вертѣлось все наше блаполучіе, такъ ими и нельзя было поступаться. Блапол учіе же, странно, вѣдь, разное требовалось

людямъ: покупателю,—чтобы обувь дольше носилась, а торговцу,—чтобъ скорѣе рвалась, при хорошей погодѣ сапожки мѣсяцъ оставались цѣлыми, а при худой—въ недѣлю разбалтывались, а это согласовалось съ пословицею: „на улицѣ грязь—сапожникъ князь". Мастера изловчивались надувать торговцевъ, а они, по необходимости, покупателей, потому „не обманешь—не продашь" сложилось далеко до насъ, ну, и намъ нельзя было иначе поступать.

В. Никитинъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Странички прошлаго.

I.

Представленіе Императриц Александр Ѳеодоровн крестьянок въ русских національных костюмах.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи управленія и быта казенныхъ крестьянъ. Для изслѣдованія положенія государственныхъ крестьянъ и имуществъ, были посланы во всѣ губерніи ревизоры, которые доставили массу разнообразныхъ свѣдѣній о бытѣ крестьянъ. Между прочимъ, они обращали вниманіе на архитектуру крестьянскихъ домовъ и на національную одежду. Послѣднія стороны быта обратили на себя и особое высочайшее вниманіе. Государь Николай Павловичъ интересовался вопросомъ о русской архитектурѣ и заботился о томъ, чтобы постройка крестьянскихъ домовъ и другихъ строеній производилась „въ характерѣ русской архитектуры“, а Государыня Александра Ѳеодоровна обратила вниманіе на національную одежду крестьянъ и, такъ какъ такая одежда была сложнѣе и типичнѣе у женщинъ, то она пожелала видѣть русскихъ крестьянокъ въ ихъ національномъ костюмѣ.

Выборъ почему-то остановился на Рязанской губерніи. Черезъ ген.-ад. П. Д. Киселева дано было Высочайшее повелѣніе рязанскому губернатору Прокоповичу-Антонскому выбрать въ Рязанской губерніи двухъ красивыхъ крестьянокъ и изготовить для нихъ „полное народное одѣяніе со всѣми обычными оному украшеніями“ для представленія Ея Императорскому Величеству.

Губернаторъ поручилъ сдѣлать выборъ требуемыхъ крестьянокъ чиновнику Батурину, ревизовавшему въ то время государственныя имущества Рязанской губерніи. Батуринъ остановился на женѣ крестьянина Зарайскаго уѣзда села Безпятаго Матренѣ Николаевой и дѣвицѣ села Полянъ Скопинскаго уѣзда Авдотьѣ Дмитріевой.

Національные костюмы „со всѣми обычными украшеніями къ нимъ“ приготовлены были въ Рязани проживавшими тамъ дворянками-дѣвицами Хвощинскими.

Подробнаго и точнаго описанія костюмовъ не сохранилось, но за то сохранился подробный перечень всѣхъ вещей и предметовъ, купленныхъ для одежды.

Судя по этому перечню, крестьянокъ одѣли какъ сказочныхъ царевенъ,—такъ богаты и роскошны были ихъ костюмы; но за то не менѣе сказочными по дороговизнѣ оказались эти костюмы и количество матеріаловъ, на нихъ употребленныхъ. На основаніи списка купленныхъ вещей, можно впрочемъ назвать нѣкоторыя принадлежности національныхъ костюмовъ: заячьи шубки съ воротниками и лисьей опушкой, покрытыя дорогой матеріей и отдѣланныя золотымъ позументомъ, такой же бахромой и шнурками; шитыя золотомъ и унизанныя золотыми блестками и бисеромъ кичка и повязка изъ дорогой матеріи; дорогіе коты и чулки; юбки изъ александрійки и шотландки, парчевые сарафаны; всѣ вещи въ изобиліи украшены были бархатомъ, лентами, позументомъ, золотыми шнурами, галунами, блестками и пр.; далѣе слѣдовали: перстни, серьги, гранаты, бусы, перчатки и пр. и пр..

Но лучше всего богатство и роскошь, количество и цѣнность костюмовъ видны изъ слѣдующаго реэстра всѣхъ купленныхъ для костюмовъ вещей

	Руб.	Коп.
2 арш. бархату венеціанскаго	48	—
9 арш. гроненапелю малиноваго	18	—
$33^3/_4$ арш. штофу	185	63
6 арш. гроненапелю голубаго французскаго	30	—
3 мѣха заячьихъ и два воротника	44	—
$4^1/_2$ арш. кисеи тонкой	15	75
1 штука коленкору бѣлаго	15	—
$2^1/_2$ арш. кисеи тонкой	8	75
1 штука коленкору бѣлаго	14	—
2 платка золотыхъ	118	—
60 арш. позументу узкаго	126	—
2 пары серегъ	70	—
2 кисти и 2 шнурка золотыхъ	65	—
10 арш. бѣлаго демитерно	59	—
5 арш. пунцоваго демитерно	29	—
2 пары котовъ шитыхъ золотомъ	11	—
14 арш. шотландки	46	—
6 нитокъ бусъ	12	—
9 арш. гро-гро	54	—
$3^1/_2$ арш. фуляра	21	—
Лентъ	6	—
За работу кички и повязки	110	—
21 золот. блестокъ серебр. и позолоченыхъ	36	—
22 золот. шолку несученаго	6	—
10 арш. тесемокъ	—	50
10 нитокъ бисеру бронзоваго	5	50

	Руб.	Коп.
50 нитокъ гранатъ	1	50
93 арш. шнура шолковаго	9	30
38 лентъ атласныхъ зеленыхъ	15	40
4½ ар. лентъ атласныхъ розовыхъ . . .	4	50
16¾ ар. позументу золотаго	14	23
23 ар. шнуру шолковаго	1	60
4 ар. гасику золотаго	2	—
2⅓ ар. лентъ атласныхъ пунцовыхъ . .	—	38
4 ар. позументу золотого	3	40
3 зол. шолку сученаго	—	50
2½ нитки бисеру крупнаго бронзоваго .	5	—
2 креста серебр. вызолоченыхъ	2	50
2 пары рукавицъ	5	—
Чулки касторовые	3	50
200 нитокъ бронзоваго бисеру	50	—
12 нитокъ бусъ	9	60
10 нитокъ гранатъ	10	—
9 арш. галуну	9	90
2⅛ арш. галуну	3	40
3 арш. бохромы золотой	8	—
1 фермуаръ	6	—
2 перстня	10	50
2 супира	3	60
2 банки помады	1	20
1 гребень костяной	2	20

И т. д., а всего на сумму . . . 2241 р. 63 к.

Цѣнность костюмовъ выразилась такимъ образомъ довольно значительной суммой. Куда и какъ употреблены были сотни аршинъ матерій и полотна, 240 ар. лентъ, 280 ар. позументу, галуну и шнура и пр., предоставляемъ судить спеціалистамъ по этой части.

Съ такимъ запасомъ костюмовъ рязанки отправились въ январѣ 1838 года въ Петербургъ; ихъ сопровождали двѣ пожилыя родственницы, мать одной и тетка другой; кромѣ того особый чиновникъ находился при нихъ во всю дорогу, туда и обратно, и доставлялъ имъ все необходимое въ пути. Старухи-родственницы также одѣты были довольно богато, какъ видно изъ перечня предметовъ, купленныхъ собственно для нихъ.

Въ первыхъ числахъ февраля крестьянки пріѣхали въ Петербургъ.

4-го февраля онѣ въ наемныхъ каретахъ отправились во дворецъ, гдѣ и представлены были Государынѣ Императрицѣ; а затѣмъ ихъ возили для представленія вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Вечеромъ того же дня нарядныхъ крестьянокъ могло видѣть и петербургское общество, такъ какъ онѣ были въ Большомъ театрѣ на представленіи оперы „Жизнь за Царя“ и сидѣ-

ли въ ложѣ 2-го яруса. Съ 5-го по 10-е февраля крестьянокъ ежедневно возили въ каретѣ къ извѣстному художнику Нефу, который написалъ съ нихъ портреты. Такимъ образомъ костюмы крестьянокъ и теперь можно видѣть, такъ какъ портреты ихъ, вѣроятно, хранятся въ картинной галлереѣ какого-либо дворца [1]).

Рязанки прогостили въ столицѣ около двухъ недѣль.

При отъѣздѣ обратно на родину имъ и ихъ родственницамъ пожалованы были подарки изъ Кабинета Его Величества: по 1000 руб. на каждую деньгами, да по подарку въ 300 рублей каждой.

Чиновнику Батурину, который выбралъ крестьянокъ, назначено было въ подарокъ 1.500 рублей, а чиновнику, сопровождавшему ихъ, 300 рублей.

Если прибавить къ этому расходы на содержаніе рязанокъ въ Петербургѣ и на провозъ въ Петербургъ и обратно, то оказывается, что представленіе Государынѣ двухъ крестьянокъ въ національномъ костюмѣ обошлось въ 10667 руб. съ копѣйками.

Веселое и пріятное путешествіе рязанокъ въ Петербургъ имѣло однако совершенно неожиданныя и вовсе не пріятныя послѣдствія для мѣстныхъ обывателей-крестьянъ, что видно изъ письма ген.-ад. П. Д. Киселева къ рязанскому губернатору. Киселевъ, между прочимъ, писалъ послѣднему, что имъ получены свѣдѣнія, будто, по случаю отправленія въ Петербургъ двухъ крестьянокъ для представленія Ея Величеству, нѣкоторые земскіе чиновники, разъѣзжая по русскимъ селеніямъ, и между прочимъ по татарскимъ деревнямъ Касимовскаго уѣзда, распространяли молву о предстоящемъ наборѣ женщинъ для отправленія въ Петербургъ и потому, если кто не хотѣлъ, чтобы его жена или дочь попали въ наборъ, долженъ былъ платить деньги за освобожденіе отъ поѣздки.

Благополучное возвращеніе крестьянокъ, конечно, скоро успокоило касимовскихъ татаръ и татарокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбудило безъ сомнѣнія новые толки и вызвало изумленіе по поводу привезенныхъ крестьянками царскихъ подарковъ и богатыхъ и блестящихъ костюмовъ, которые также дозволено было крестьянкамъ взять съ собою.

П. Ш.

II.

Духовное завѣщаніе княгини Голицыной, урожденной Измайловой.

Умершая около 1850 года княгиня Голицына, урожденная Измайлова, оставила завѣщаніе, одинъ изъ пунктовъ котораго, сдѣлавшійся оффиціально извѣстнымъ, отличался такою оригиналь

---

[1]) Пишущему эти строки пришлось видѣть сдѣланную художникомъ М. П. Клодтомъ набросокъ одной изъ рязанокъ.

ностью содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ такою неопредѣленностью, что наслѣднику ея пришлось обращаться за разрѣшеніемъ вопроса о способѣ исполненія завѣщанія къ Государю Николаю Павловичу. Пунктъ, который требовалъ Высочайшаго разрѣшенія, выраженъ былъ въ завѣщаніи такимъ образомъ: „четыремъ молодымъ русскимъ дворянамъ, но бѣднымъ и сиротамъ, которые приняли бы присягу, что они будутъ стоять за вѣру, престолъ, народную свойственность (?) и за духъ русскій (?) и чтобы они жили между собою, какъ родные братья и другъ друга не оставляли бы, выдать каждому по 24 тысячи рублей ассигн., а всего 96 тысячъ рублей.“ „Выборъ этихъ молодыхъ дворянъ“, говорится далѣе въ завѣщаніи, „прошу сдѣлать по согласію графа Ив. Илар. Воронцова-Дашкова и тѣхъ лицъ, кои подпишутъ сей реэстръ. Также я желаю, чтобы эти дворяне служили въ военной службѣ и отличились бы какимъ-либо добрымъ подвигомъ“.

Хотя завѣщаніе это и не было формальнымъ, а только домашнимъ, тѣмъ не менѣе племянникъ княгини и наслѣдникъ гр. Воронцовъ-Дашковъ пожелалъ исполнить волю завѣщательницы и представилъ приведенный выше пунктъ завѣщанія на высочайшее разрѣшеніе.

Государь предложилъ, какъ самый удобный способъ исполненія завѣщанія,—обратиться для пріисканія требующихся молодыхъ людей въ кадетскіе корпуса и для того составить особое положеніе, которое и представить начальству военно-учебныхъ заведеній.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ обратился тогда къ гр. Киселеву съ просьбою составить проектъ указаннаго Государемъ положенія. Киселевъ собственноручно составилъ проектъ исполненія завѣщанія кн. Голицыной.

По этому проекту предполагалось изъ четырехъ кадетскихъ корпусовъ назначить, по усмотрѣнію Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича, четырехъ кадетъ, которые, при недостаточномъ состояніи, были бы сиротами изъ русскаго потомственнаго дворянства, православной вѣры и получили бы при выпускѣ 1850 года наибольшіе баллы по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Этимъ кадетамъ, при выпускѣ въ военную службу, выдавать проценты, 960 асс. въ годъ, въ теченіе всей ихъ службы.

Если бы кто-либо изъ этихъ пенсіонеровъ не оправдалъ службою и поведеніемъ своего предназначенія и подвергся законному взысканію отставкою отъ службы или преданіемъ суду, то пенсія ему должна прекратиться, а главное начальство военно-учебныхъ заведеній могло избрать другаго кадета и ему назначить освободившуюся часть пенсіи.

Напротивъ, если получающій пенсію отличится особеннымъ подвигомъ на войнѣ, или получитъ георгіевскій крестъ за 25 лѣтнюю безпорочную службу, то такому выдается капитальная сумма въ собственное его распоряженіе. Статья же о братской дружбѣ четырехъ дворянъ и прочее предлагалась, по проекту Киселева, избранникамъ только въ видѣ желанія завѣщательницы;

а присяга была вовсе излишней, такъ какъ каждый приноситъ ее при поступленіи на службу.

Вѣроятно, этотъ проектъ Киселева и былъ принятъ, а какъ онъ приведенъ былъ въ исполненіе и кому досталась завѣщанная сумма, свѣдѣній не имѣется, да это и не имѣетъ особаго интереса. П. Ш.

III.

Бракосочетаніе Людовика XVI-го.

Въ журналѣ „Cornhill Magazine" помѣщенъ интересный разсказъ о празднествахъ въ Версалѣ и въ Парижѣ по поводу бракосочетанія Людовика XVI-го съ Маріей-Антуанеттой. Авторъ разсказа, англійскій дворянинъ Джонъ Мэръ, отставной офицеръ Индійской арміи и одинъ изъ самыхъ большихъ любителей путешествій, которыхъ когда-либо производила Англія. Всю свою жизнь онъ провелъ переѣзжая изъ страны въ страну, занося описаніе всего наиболѣе интереснаго въ свой дневникъ и описывая разныя достопримѣчательности. Въ началѣ столѣтія, когда война съ Франціей заставила его держаться предѣловъ Великобританіи, онъ рѣшилъ ознакомиться съ ней во всей подробности, и дѣйствительно въ дневникѣ его мы находимъ безчисленное множество указаній на города, села и деревни, которые онъ посѣтилъ въ періодъ своего изученія своего собственнаго отечества — Англіи. Вскорѣ послѣ іюльскихъ событій онъ посѣтилъ Парижъ, такъ какъ не могъ противиться своему желанію посмотрѣть, къ какимъ слѣдствіямъ привела новая революція. Онъ велъ свой дневникъ съ такимъ рвеніемъ, что, по возвращеніи въ Лондонъ, умеръ въ тотъ же день отъ усталости.

Понятно, что, обладая такимъ характеромъ, Джонъ Мэръ поспѣшилъ во Францію, чтобы присутствовать тамъ при бракосочетаніи внука Людовика XV. Объ этой маленькой поѣздкѣ на континентъ онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

Такъ какъ въ то время много говорили о предстоящей свадьбѣ Дофина, то я рѣшилъ вмѣстѣ съ моимъ старымъ другомъ капитаномъ Генри Мейеромъ посѣтить Парижъ.

Лондонъ мы покинули 3-го мая 1770 г. и вечеромъ того же дня были уже въ Люисѣ, маленькомъ красивомъ городкѣ, который славился своимъ веселымъ и симпатичнымъ обществомъ.

Въ полдень слѣдующаго дня мы достигли Брейтельмстона, откуда два раза въ недѣлю отходитъ пароходъ въ Діеппъ. Брейтельмстонъ—бѣдная рыбацкая деревушка, вошедшая въ моду, благодаря своимъ морскимъ купаньямъ и посѣщаемая теперь большимъ обществомъ, которое улучшило ее мѣстами для прогулокъ и, выстроило прекрасные дома.

Рано утромъ, на слѣдующій день мы покинули эту мѣстность и послѣ благопріятнаго переѣзда, пріѣхали въ Діеппъ. Входъ въ Діеппскую гавань стоитъ того, чтобъ о немъ упомянуть: съ двухъ

сторонъ его защищаютъ насыпи, которыя простираются далеко въ море и даютъ, такимъ образомъ, небольшимъ судамъ возможность стоять подъ прикрытіемъ отъ вѣтра. Несмотря на то, что городъ бѣденъ и населенъ преимущественно рыбаками, дома въ немъ каменные и хорошо построены. Мы выѣхали оттуда на слѣдующій день, въ ужаснѣйшей одноколкѣ, которая насъ такъ дорастрясла, что мы, едва живыми, прибыли въ Руанъ. Руанъ довольно большой городъ; между жителями преобладаютъ купцы и промышленники, владѣющіе хлопчато-бумажными фабриками. На Сенѣ находится плавучій мостъ, къ которому часто пристаютъ суда, идущія изъ Гавра. Городъ обильно снабженъ фонтанами. Соборъ представляетъ собою чудный памятникъ древней архитектуры, съ его вершины открывается обширный видъ на мѣстность, поражающую своимъ разнообразіемъ, въ особенности благодаря извивающемуся по ней теченію Сены, которая по ту сторону моста вся покрыта маленькими зелеными островками.

Хозяинъ нашей гостиницы предложилъ намъ выѣхать въ общественномъ экипажѣ, который оказался, однако, не лучше Діеппской одноколки, тѣмъ болѣе, что мы съ трудомъ проѣзжали въ сутки 24 мили, благодаря тому, что лошадей совсѣмъ не мѣняли; впрочемъ, мы не жаловались на медленность ѣзды, такъ какъ имѣли полную возможность наслаждаться чуднымъ видомъ мѣстности, которую проѣзжали.

Въ Парижъ мы въѣхали 12-го числа рано утромъ [1]). Городъ былъ переполненъ иностранцами, пріѣхавшими посмотрѣть на бракосочетаніе Дофина, всѣ гостиницы и квартиры страшно повысили цѣны. Первымъ нашимъ дѣломъ было заказать себѣ приличные костюмы, въ которыхъ мы могли бы присутствовать при церемоніи; затѣмъ мы отправились съ визитами къ тѣмъ лицамъ, къ которымъ у насъ были рекомендательныя письма, и кромѣ того еще возобновили прежнія знакомства. Невѣста Дофина пріѣхала во вторникъ 15-го, въ сопровожденіи короля и части свиты. Проѣзжая Сенъ-Дени, она посѣтила Madame Луизу, которая была тамъ монахиней. Эту ночь Марія Антуанетта провела въ Мюеттѣ, а на другое утро въѣхала въ Версаль. Церемонія бракосочетанія состоялась 16-го числа; служилъ архіепископъ Реймскій. Невѣста была въ роскошномъ платьѣ, и на плечахъ ея была накинута богатая мантія; ея свободная, непринужденная манера держаться, полная благородства очаровала всѣхъ. Дофинъ же, наоборотъ, казался неловкимъ, и французы были немного шокированы его растерянными видомъ. Послѣ церемоніи были приняты послы. Всѣ придворные были въ богатыхъ, роскошныхъ костюмахъ; тотъ, кто не имѣлъ расшитой одежды, не впускался въ церковь. Въ $5^1/_2$ ч. король сѣлъ играть въ карты; придворнымъ и зрителямъ было отведено на этотъ вечеръ помѣщеніе въ самомъ дворцѣ. Въ 7 ч. вечера для ужина открыли оперную залу; все было блестяще освѣ-

[1]) На переѣздъ изъ Лондона въ Парижъ Джону Мэру съ его другомъ потребовалось, какъ видно изъ его разсказа, болѣе девяти дней. Теперь тотъ-же переѣздъ совершается въ семь часовъ.

Прим. ред.

щено, сцена и всѣ ложи были заняты самымъ элегантнымъ и изысканнымъ обществомъ. У дверей столпилось такое множество гостей, что произошла свалка, сто слугъ, стоявшихъ у дверей, были оттиснуты, одежды проходившихъ были оборваны, и на полу валялись вырванные куски матерій, богатое шитье и украшенія одеждъ. Ужинъ состоялъ всего изъ четырехъ блюдъ и показался мнѣ довольно заурядными, несмотря на то, что все подавалось на золотѣ. Всѣ расположились по церемоніалу въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) между молодыми сидѣлъ король; 2) напротивъ сидѣлъ графъ Прованскій и графъ д'Артуа; 3) Madame и Madame Аделаида; 4) M-mes Викторія и Софія; 5) герцоги Орлеанскій и Шартрскій; 6) герцогиня Шартрская и принцъ Конде; 7) принцъ Бурбонъ-Конде и Mademoiselle; 8) графъ Клермонъ и принцъ Конти; 9) наслѣдная принцесса Конти и графъ де-ла Маршъ; 10) графиня де-ла Маршъ и герцогъ Понтіеврскій и наконецъ очаровательная вдовушка, принцесса Ламбаль.

Ужинъ кончился въ 11 ч., и мы вмѣстѣ съ остальными приглашенными прошли всю амфиладу комнатъ до покоевъ Дофина.

На слѣдующій день былъ назначенъ оперный спектакль въ Версалѣ, а черезъ день—балъ. Опера шла въ обширномъ, богато убранномъ и блестяще освѣщенномъ залѣ. Король и придворные сидѣли въ самомъ залѣ, а остальные зрители расположились наверху, въ ложахъ. Я никогда не видѣлъ болѣе великолѣпнаго праздника; богатство костюмовъ и масса красивыхъ лицъ производили по истинѣ неотразимое впечатлѣніе. Дофинъ со своей супругой открылъ балъ менуэтомъ, въ которомъ приняли также участіе и другіе члены королевской семьи.

Придворные были одѣты по прежней модѣ, т. е. съ бантами на плечахъ и съ двумя косичками; танцуя менуэтъ, *они старались не поворачиваться къ королю спиной*. Въ 10 ч. послѣ того какъ король прошелъ въ галлерею, былъ сожженъ фейерверкъ, дѣйствительно чудный, хотя и немного однообразный; зато иллюминація садовъ мнѣ понравилась несравненно болѣе. Въ большомъ бассейнѣ была представлена морская битва, и все было освѣщено маленькими шкаликами, придѣланными къ незамѣтнымъ проволокамъ. Въ остальныхъ аллеяхъ предлагались развлеченія всякаго рода, какъ-то: шуты, акробаты, ходившіе по канатамъ, музыка; поставлены были комедіи и т. п. Казалось, что весь Парижъ переселился сюда...

Въ понедѣльникъ 21-го былъ балъ-маскарадъ, на который впускали всѣхъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ одинъ изъ числа лицъ входившей группы снималъ съ себя маску и называлъ свое имя. Для танцоровъ открыли большую галлерею. Народу было очень много, но меня поразило то, что характерныхъ костюмовъ почти не было.

Я былъ одѣтъ татариномъ и, ничего не замышляя дурнаго, заткнулъ за поясъ свой малайскій кинжалъ. Когда я входилъ, король со своей свитой уже находился въ залѣ; въ одно мгновеніе стража окружила меня и выхватила мое оружіе; еслибъ я не былъ

англичаниномъ, то, навѣрное, дѣло кончилось бы плохо. Дамы, которыхъ я сопровождалъ, были столь любезны, что объяснились за меня; тѣмъ не менѣе случай этотъ произвелъ нѣкоторое замѣшательство, и мы въ продолженіе четверти часа имѣли въ перспективѣ возможность попасть въ Бастилію.

Во вторникъ 29-го, австрійскій посолъ, въ свою очередь, устроилъ костюмированный балъ съ ужиномъ въ своемъ домѣ. 30-го городъ Парижъ устроилъ грандіозный фейерверкъ. Вся площадь Людовика XV была застроена кругомъ возвышеніями въ видѣ балконовъ; со всѣхъ сторонъ были поставлены столбы для иллюминаціи, которая удалась на славу. На Вандомской площади, мы вышли изъ экипажа и вошли въ толпу, и намъ казалось, что весь Парижъ собрался здѣсь. Первыя ракеты были пущены въ 9 часовъ; это было грандіозное, хотя и очень быстро окончившееся зрѣлище. Мы не могли пройти черезъ Тюильрійскія ворота и потому принуждены были вернуться улицей. Но здѣсь мы застали полное смятеніе и безпорядокъ. Пронесся слухъ, что бульвары будутъ блестяще иллюминованы и что самъ король явится на это празднество, и потому огромная толпа собралась въ сосѣдней улицѣ. Войскамъ отдано было приказаніе не пропускать пѣшеходовъ раньше, чѣмъ не проѣдутъ всѣ экипажи. Это приказаніе, которое должно было предотвратить замѣшательство, и послужило главной причиной бѣдствій. Дѣло въ томъ, что нѣсколько человѣкъ упало, на нихъ споткнулись другіе, третіе уже не разбирая ступали по ихъ тѣламъ, и въ одинъ мигъ образовалась груда убитыхъ и умирающихъ, а толпа продолжала напирать. Опрокидывались коляски, падали лошади. Волненіе росло съ минуты на минуту. Маршалъ Биронъ, смотрѣвшій за порядкомъ, былъ раненъ въ ногу, и ему стоило большихъ трудовъ спастись. Онъ приказалъ войску проложить ему дорогу сквозь толпу и остановить всѣхъ входившихъ съ другаго конца улицы. Въ этотъ-то моментъ мы и прибыли; при видѣ распростертыхъ на землѣ труповъ и слыша ужасные крики со всѣхъ сторонъ, мы поняли, что случилось несчастіе. У моего друга появилась счастливая мысль влѣзть на подмостки; послѣ продолжительныхъ усилій намъ это удалось, и мы оставались здѣсь въ безопасности до тѣхъ поръ, пока не разсѣялась толпа. Мы предполагали, что убитыхъ было не болѣе 10-ти, 12-ти, но каковъ же былъ нашъ ужасъ, когда мы узнали точную цифру потерпѣвшихъ. Утверждали, что убитыхъ на мѣстѣ было 866 человѣкъ, а серьезно раненыхъ человѣкъ 200 или 300; кромѣ того, было много и такихъ, которыхъ толпа столкнула въ Сену, у Тюильрійской пристани.

Желая разсѣять непріятное впечатлѣніе, которое на насъ произвело несчастіе на площади Людовика XV, мы, съ трудомъ отыскавъ нашъ экипажъ, велѣли кучеру ѣхать по иллюминованнымъ бульварамъ. Иллюминація была роскошна, въ особенности въ общественныхъ садахъ, въ другихъ же мѣстахъ она была ниже посредственности, такъ какъ состояла изъ простыхъ фонариковъ, повѣшенныхъ на проволокѣ. Всѣ кофейни на бульварахъ были открыты и усиленно торговали.

Въ Новомъ Версальскомъ театрѣ было поставлено нѣсколько оперъ. На одной изъ нихъ, на „Касторѣ и Поллуксѣ“ [1]), я присутствовалъ и былъ очарованъ танцами и обстановкой; музыку же просто невозможно было слушать. Кромѣ того я видѣлъ трагедію, въ которой играла знаменитая Клэронъ, весьма сочувственно встрѣченная публикой.

Затѣмъ мы много веселились у нашихъ друзей и успѣли осмотрѣть всѣ общественныя зданія, сады и королевскія дачи. Въ Палэ-Роялѣ находится замѣчательный кабинетъ живописи; въ Люксембургѣ мы видѣли знаменитыя картины Рубенса. Есть также чудныя картины въ нѣкоторыхъ церквахъ; въ особенности, въ одной изъ нихъ мы видѣли на рѣдкость замѣчательную Магдалину; такой поразительной передачи скорби я никогда еще не видалъ.

Мы совершили нѣсколько экскурсій со своими друзьями и передъ отъѣздомъ дали имъ обѣдъ въ швейцарскомъ ресторанѣ въ Сенъ-Клу. Прежній губернаторъ острова Маврикія, Сенъ-Мартинъ, повелъ насъ посмотрѣть на интересную старушку, которая долгое время скрывала свое происхожденіе и была замужемъ за выслужившимся солдатомъ. Говорятъ, что ея первый мужъ былъ тотъ сынъ Петра Великаго, который былъ убитъ по приказанію отца [2]).

Наконецъ, 27-го іюня, мы покинули Парижъ.

Вотъ разсказъ Джона Мэра; новаго онъ ничего не прибавляетъ къ тому, что уже извѣстно о бракосочетаніи Людовика XVI, но самый разсказъ пріобрѣтаетъ особый интересъ, благодаря тому, что высказывается устами такого очевидца, какъ англичанинъ Джонъ Мэръ. **З. С.**

IV.

Предки Наполеона.

Послѣ того какъ Бонапарте сдѣлался императоромъ, придворные рѣшили, что ему надо имѣть знаменитыхъ предковъ. Тогда они стали производить его отъ Бурбоновъ (чтобъ примирить монархистовъ), отъ Цезарей и даже отъ Комненовъ. Однако самъ императоръ не былъ доволенъ этими выдумками, которыя только раздражали его. Человѣкъ, который передъ мечомъ Фридриха могъ гордо и безъ боязни сказать: „у меня свой мечъ“, этотъ человѣкъ отлично сознавалъ, что можетъ обойтись безъ такихъ предковъ, какъ суверены Восточной Римской Имперіи, и что *слава* Андроника Комнена, короля Паѳлагоніи или Алексѣя Комнена, Трапезундскаго императора, нисколько ему не необходима [3]).

---

[1]) По всей вѣроятности опера Рамо.

[2]) См. статью „Кронпринцесса Софія-Шарлотта Враунпвейгъ - Вольфенбютельская“ въ этой книгѣ. Указаніе Джона Мэра свидѣтельствуетъ, что личность г-жи д'Обанъ не была тайной для многихъ современниковъ. *Ред.*

[3]) Родъ Наполеона производили отъ династіи византійскихъ императоровъ Комненовъ, потому только, что одинъ изъ Комненовъ, Константинъ, въ 1679 г. поселился въ Генуѣ и пріобрѣлъ въ Корсикѣ участокъ земли.

Вслѣдствіе этого, 26-го мессидора XIII года въ „Монитерѣ“ появилась слѣдующая характерная замѣтка:

Въ газетахъ помѣщены довольно курьезныя объясненія о происхожденіи дома Бонапарта. Эти генеалогическія изысканія совсѣмъ безплодны и ни къ чему не ведутъ. Всѣмъ, кто бы ни сталъ спрашивать, съ какого времени ведетъ свое начало родословная Бонапарте, можетъ быть данъ довольно простой отвѣтъ: „начиная съ 18-го брюмера“.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ Наполеонъ совсѣмъ не интересовался трудами генеалоговъ, изучавшихъ исторію его дома. Онъ съ интересомъ относился къ такимъ документамъ, которые оказывались болѣе или менѣе правдоподобными. Старшій братъ Наполеона, Іосифъ, былъ, однако, менѣе разборчивъ въ этомъ отношеніи и болѣе тщеславенъ; онъ былъ бы очень доволенъ, если бы можно было доказать, что Бонапарты, переселившіеся изъ тосканской деревни Сарзанъ въ Корсику, происходили отъ того же генеалогическаго древа, какъ и Бонапарты изъ Флоренціи. Но это ему не удалось.

Въ интересной брошюрѣ графа Колонна-де-Цезари-Рокка, озаглавленной „Правда о Бонапартахъ до Наполеона,“ помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ Іосифъ Бонапартъ торговался съ нотаріусомъ Вильвальдомъ. Всѣ обманы и подлоги, пускавшіеся въ ходъ для того, чтобъ облагородить гербы Бонапартовъ, изобличены и перечислены по порядку въ этой книжкѣ. А ихъ было не мало.

При Наполеонѣ III, министръ народнаго просвѣщенія поручилъ Стефани разсмотрѣть всѣ публичные и частные архивы, чтобы отыскать въ нихъ указанія на предковъ Бонапарта. Изысканія Бернуччи 1802 года были отвергнуты имъ, хотя онъ и пользовался ими. Послѣ него дѣло продолжалось, и изъ двоюроднаго дѣда Наполеона, который былъ простымъ гражданиномъ города Аяччіо, сдѣлали фельдмаршала, а изъ Франческо Бонапарте, явившагося въ Корсику простымъ солдатомъ, какимъ онъ и оставался всю свою жизнь, сдѣлали генералиссимуса генуэзскихъ войскъ. Между тѣмъ совершенно позабыли о другихъ Бонапартахъ, напримѣръ о Франческо, заключенномъ въ крѣпости, о Джованни Бонапарте, торговцѣ сыромъ и о Мартино Бонапарте, торговавшемъ собаками. Между тѣмъ всѣ они происходили изъ того же дома.

Впрочемъ и графъ Колонна ставитъ Сарзанскую линію Бонапарте наравнѣ съ древнѣйшими и знатнѣйшими родами. Члены этого дома принадлежали къ высшему обществу, считались аристократами, занимали почетныя должности и роднились съ лучшими домами. Въ 1324 г. Джакопо Бонапарте, носившій уже тогда титулъ императорскаго нотарія, перешедшій къ нему по наслѣдству, былъ избранъ синдикомъ Сарзанъ. Какъ это ни странно, а эти Бонапарты Сарзанскіе происходили отъ рода Bonapars-Pax, т. е. Бонапарте-Миролюбивыхъ.

Бонапарте были гвельфами. Въ 1482 г. вслѣдъ за Кампо-Фрегозо прибылъ въ Корсику и Джіованни Бонапарте. Онъ былъ посланъ въ Бастію и при Томасино Кампо-Фрегозо, въ качествѣ fattore (интендантъ, сборщикъ податей). Здѣсь онъ и основался.

Графъ Колонна разсказываетъ такимъ образомъ объ исторіи Бонапартовъ въ Корсикѣ до Наполеона:

Во время пребыванія предковъ Наполеона въ Корсикѣ, казалось ничто не нарушало однообразія ихъ жизни, кромѣ маленькихъ процессовъ вродѣ такихъ, какъ изъ-за обладанія мельницей, или изъ-за границъ владѣній. Въ столь живой и безпокойной странѣ, среди населенія очень вспыльчиваго и легко раздражающегося въ такое время, когда двѣ трети корсиканцевъ гибли насильственной смертью—Бонапарты продолжали вести мирную и спокойную жизнь, передавая отъ отца къ сыну несложную должность нотарія маленькаго городка.

Сограждане уважали ихъ настолько, что они занимали первыя мѣста въ городѣ и кромѣ того всѣ они, одинъ за другимъ, дѣлались членами Совѣта старѣйшинъ въ Аяччіо. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что послѣ присоединенія Корсики къ Франціи, Карлъ Бонапартъ передъ верховнымъ Совѣтомъ доказалъ свое дворянское происхожденіе, и это и послужило впослѣдствіи причиной того, что д'Озіе рѣшился принять Наполеона въ военное училище въ Бріеннѣ. Это обстоятельство—несомнѣнно, и къ нему и сводятся всѣ доказательства дворянскаго происхожденія Наполеона І-го. Все остальное—услужливое измышленіе различныхъ „прислужниковъ" и печати, и отвергнуто, какъ мы видѣли выше, самимъ Наполеономъ.

З. С.

V.

Французы въ Берлинѣ.

(25-го октября 1806 г.).

Во время войнъ первой имперіи, очень многіе въ Германіи вели дневники, въ которыхъ они отмѣчали болѣе или менѣе выдающіяся событія, свидѣтелями которыхъ имъ приходилось бывать.

Эти лѣтописцы часто бывали авторами весьма интересныхъ и любопытныхъ замѣтокъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, весьма живо и картинно описываетъ въѣздъ французовъ въ Берлинъ въ 1806 году.

. . . Дѣло происходило 24-го октября.

Прошло уже нѣсколько дней послѣ знаменитой прокламаціи Шуленбурга [1]), а побѣдители Іены и Аустерлица все еще не прибыли въ Берлинъ.

Вдругъ, часовъ въ 11 утра, мой старшій братъ вбѣгаетъ и запыхавшись произноситъ:

— Они уже здѣсь! Въѣзжаютъ черезъ Гальскія ворота!

---

[1]) Берлинскій губернаторъ, который послѣ взятія Іены вывѣсилъ удивительную прокламацію, слѣдующаго содержанія: «Der Koenig hat eiene Bataille verloren, Rule ist die erste Bürgerpflicht, ich bitte darum». (Король проигралъ сраженіе: первый долгъ гражданина спокойствіе, и я васъ прошу соблюдать его).

Когда онъ отдохнулъ немного, то разсказалъ намъ, что видѣлъ отрядъ всадниковъ, человѣкъ въ двѣсти, въѣзжавшихъ въ Гальскія ворота.

— Какіе они изъ себя? —спросили его.

— Всѣ въ зеленомъ.

— Это русскіе.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ мой братъ.—Я съ ними разговаривалъ—это французы. Я спросилъ, сколько ихъ всего, и они отвѣтили, что ихъ пятьсотъ пятьдесятъ тысячъ. Всѣ бросились къ окнамъ, выходящимъ на Гальскія ворота, но ничего не увидѣли, такъ какъ разстояніе было еще очень велико.

Наша улица (Фридрихштрассе) была совсѣмъ безлюдна и пуста. Вдругъ моя мать воскликнула:

— Боже мой! Вотъ они!

Проѣхалъ мелкой рысью всадникъ. Я его никогда не забуду. Это былъ стрѣлокъ, въ зеленыхъ рейтузахъ и въ зеленомъ доломанѣ; сидѣлъ онъ на гнѣдой, очень тощей лошади; въ рукахъ у него не было никакого оружія, и онъ курилъ коротенькую глиняную трубку, выпуская по временамъ большіе клубы дыма.

Курить на улицѣ. Это было ново для насъ, берлинцевъ.

Черезъ правое плечо у него была перекинута винтовка, а съ лѣваго боку висѣла длинная сабля; такая длинная, что она почти касалась земли.

Молодой военный повернулъ въ нашу сторону свое загорѣлое лицо съ черными усиками, сдѣлалъ намъ знакъ головой и улыбаясь спросилъ:

— Wo ist Preuss? (Гдѣ пруссаки).

Моя мать отвѣтила хорошимъ французскимъ языкомъ, что въ Берлинѣ давно уже нѣтъ прусскихъ солдатъ. Услышавъ это, онъ разсмѣялся и спросилъ:

— А гдѣ городская дума?

Мы жили довольно далеко отъ думы, и моя мать опасалась, чтобъ онъ не попросилъ ее быть проводницей, но этотъ молодой человѣкъ былъ такъ любезенъ, что она не могла не отвѣтить тѣмъ же и потому дала ему подробнѣйшія указанія. Въ то время какъ она называла разныя улицы и переулки, черезъ которые онъ долженъ былъ ѣхать, недалеко отъ насъ, въ Лейпцигской улицѣ, раздался звукъ трубы.

— Чортъ! они уже здѣсь!—проворчалъ стрѣлокъ и, вонзивъ шпоры въ бока лошади, ускакалъ.

Нѣкоторое время спустя, на Лейпцигской улицѣ, мы увидѣли полкъ красныхъ гусаръ, вслѣдъ за которыми ѣхала группа молодыхъ офицеровъ, одѣтыхъ въ блестящіе мундиры.

Тотчасъ послѣ обѣда, мой братъ скрылся изъ дому и долгое время не возвращался. Наконецъ, поздно ночью онъ вернулся и еще полный впечатлѣній видѣннаго принялся разсказывать.

Покинувъ домъ, онъ послѣдовалъ за толпой, выходившей изъ Гальскихъ воротъ, и, достигнувъ холма Темпельгофъ, онъ увидѣлъ французское войско, расположившееся лагеремъ.

Палатокъ у нихъ не было, но солдаты съумѣли выстроить

въ одинъ мигъ шалаши изъ вѣтокъ, срѣзанныхъ на Hasenweide. Простонародье и уличные мальчишки Берлина храбро предлагали свое содѣйствіе французамъ и, пользуясь полученнымъ позволеніемъ, уносили огромныя связки дровъ и опустошали поля съ картофелемъ, капустой и рѣпой.

Масса зѣвакъ собралась смотрѣть на работы военныхъ, приготовлявшихъ свой скромный ужинъ. Французы вступили съ ними въ разговоръ и между прочимъ объявили о своемъ завтрашнемъ въѣздѣ въ Берлинъ и просили устроить имъ торжественную встрѣчу.

Никто не могъ жаловаться на побѣдителей.

Рано утромъ 25-го октября, весь Берлинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія французскихъ войскъ. Около Гальскихъ воротъ всюду стояли кучки любопытныхъ и ждали.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько часовъ.

Вдругъ, вдали послышался барабанный бой, постепенно приближавшійся, и наконецъ по дорогѣ къ Темпельгофу показалось войско, и тысячи штыковъ заблистали на солнцѣ.

Весь магистратъ, in corpore, съ ключами города ожидалъ французовъ.

Раздались громкіе трубные звуки, и взгляды всѣхъ обратились къ воротамъ. Всю жизнь буду помнить того француза, который первый вошелъ въ городъ.

Это былъ высокій и худой мужчина, съ блѣднымъ лицомъ, на половину прикрытымъ черными, неопрятными волосами. Это насъ страшно поразило, такъ какъ мы привыкли видѣть нашихъ солдатъ съ волосами установленной длины, хорошо напудренными и туго заплетенными. Но еще болѣе мы удивились при видѣ его одежды; на немъ была надѣта маленькая мантія, весьма неопредѣленнаго цвѣта, и крошечная безформенная шапочка, скорѣе рыжеватая, чѣмъ черная, которая при этомъ такъ лихо была сдвинута на одно ухо, что уже одно это служило предметомъ особенно глубокаго изумленія для насъ. Его холщевыя панталоны, совершенно почернѣвшія отъ грязи, были разорваны во многихъ мѣстахъ; обувь также была изодрана и едва прикрывала его босыя ноги. Онъ велъ на веревочкѣ пуделя, не спускавшаго глазъ съ своего хозяина. Надо еще прибавить, что этотъ пѣхотинецъ держалъ въ рукахъ огромный ломоть хлѣба, отъ котораго онъ откусывалъ большіе куски, по временамъ отдѣляя также кусочекъ идля своего вѣрнаго спутника.

Подумайте только! Солдатъ съ собакой!

Чтобъ дополнить его портретъ, я долженъ еще упомянуть о половинкѣ хлѣба, торчавшей на верхушкѣ штыка; о гусѣ, привѣшенномъ къ рукояткѣ тесака, и ложкѣ, какимъ-то образомъ заткнутой въ его шапку и возвышавшейся тамъ вмѣсто кокарды.

Этотъ оригинальный субъектъ ступалъ легкимъ и непринужденнымъ шагомъ, оглядывая съ видомъ королевскаго достоинства стоявшихъ по сторонамъ и смотрѣвшихъ на него любопытныхъ. Онъ одинъ шелъ во главѣ; шагахъ въ пятидесяти отъ него слѣдовали остальныя, столь же новыя и интересныя для насъ лица.

Громаднаго роста, казавшіеся еще больше благодаря огромнымъ медвѣжьимъ шапкамъ, съ загорѣлыми лицами, съ длинными черными бородами, ниспадавшими до пояса, и съ блестящими сѣкирами за плечами, они вошли въ городъ.

Это были саперы.

У насъ пробѣжала дрожь по тѣлу при видѣ подобныхъ лицъ, о которыхъ мы раньше не имѣли никакого понятія.

Сзади ихъ слѣдовалъ высокій, красивый мужчина, очень хорошо одѣтый, съ золотыми эполетами и въ большой шапкѣ, вышитой золотыми галунами. Въ рукахъ у него была трость съ серебрянымъ набалдашникомъ; онъ бросалъ ее въ воздухъ и ловко жонглировалъ ею. За нимъ шло множество барабанщиковъ, производившихъ оглушительный шумъ; затѣмъ прибавьте къ этому музыку... И вы поймете, что было отчего сойти съ ума.

Но грандіозное впечатлѣніе, произведенное первыми вошедшими, мало-по-малу разсѣялось послѣ того, какъ мы увидѣли слѣдующихъ солдатъ, въ изорванной одеждѣ и въ шапкахъ, надѣтыхъ вкривь и вкось и почти у всѣхъ украшенныхъ знаменитой ложкой.

Большинство зрителей задумывалось надъ вопросомъ, какъ могли подобные люди побѣдить нашихъ гордыхъ воиновъ. На офицерахъ не было ни шарфовъ, ни темляковъ, тогда какъ по-нашему это являлось обязательной принадлежностью офицера. Они отличались отъ своихъ солдатъ только маленькимъ офицерскимъ значкомъ.

Вдругъ раздалась громко команда, повторенная многочисленными голосами, и французы бросились бѣжать, какъ сумасшедшіе, широко развернувъ фронтъ по взводамъ, и потомъ опять пошли мѣрнымъ шагомъ.

Это уже было совсѣмъ ново для насъ! Солдаты, стоящіе рядами, въ шеренгѣ, и вдругъ бѣгутъ!

Многіе изъ толпы сказали по этому поводу, что французы погубили нашу армію набѣгомъ. Но черезъ нѣкоторое время они рѣшили:

— Баста! Скоро придутъ наши и своимъ ровнымъ шагомъ прогонятъ французовъ такъ же быстро, какъ тѣ вбѣжали. Одинъ полкъ слѣдовалъ за другимъ...

Особеннымъ успѣхомъ пользовались въ этотъ день саперы и тамбуръ-мажоры, которые очень ловко управляли своими палочками. Предметомъ удивленія служилъ также французскій барабанъ, вдвое больше по размѣру, чѣмъ нѣмецкій.

Все это зрѣлище, столь новое и неожиданное для насъ, дало поводъ къ безконечнымъ толкамъ.

Трудно было бы сказать, сколько войска вошло въ этотъ день въ Берлинъ и какимъ образомъ могли размѣстить его по квартирамъ. На другой день, всѣ площади и улицы были загромождены телѣгами, фургонами съ кладью и походными кузницами, дѣятельно принявшимися работать. Берлинцы не видали никогда ничего подобнаго и смотрѣли на все это съ глубокимъ интересомъ.

На улицахъ былъ настоящій базаръ; французы продавали по

баснословно дешевой цѣнѣ всю привезенную съ собой добычу. Ветчину продавали приблизительно за 2 гроша (10 копѣекъ), куски сукна, стоимостью въ 10, 20 талеровъ, продавались за 8 грошей (40 копѣекъ). Нѣкоторые берлинцы въ этотъ день, безъ сомнѣнія, создали себѣ состояніе этими покупками.

Мѣнялы, храбро взявшіеся за свое дѣло (нѣкоторые изъ нихъ запаслись охранительной стражей), получили неимовѣрныя суммы, давая всего нѣсколько золотыхъ монетъ за груду денегъ. Всѣ банкиры бросились въ поиски за золотомъ. Я убѣжденъ, что въ Берлинѣ никогда не было сдѣлано столько удачныхъ аферъ, какъ 26 октября 1806 года.

З. С.

ИЗЪ ОБЛАСТИ АРХЕОЛОГІИ.

Охрана памятниковъ старины. — Учрежденіе Императорской Археологической Коммиссіи. — Новый польскій археологическій журналъ „Святовитъ“.

Немного найдется на Руси людей, вполнѣ равнодушныхъ къ своей исторіи, къ своей родной старинѣ. У кого не болѣло сердце за многострадальный русскій народъ, цѣлые вѣка изнывавшій подъ тяжкимъ игомъ татарскимъ. Кто не любовался той удалью молодецкой, съ которой неслись наши предки по рѣкамъ обширной русской равнины, на своихъ легкихъ ладьяхъ, покоряя встрѣчавшіяся племена и грозя могущественной Византіи. Но кому дорога память о жизни и подвигахъ предковъ, должны быть дороги и вещественные памятники, что остались отъ нихъ. О жизни нашихъ предковъ-русскихъ еще свидѣтельствуютъ историческія данныя: лѣтописи, преданія, пѣсни, былины, отъ первобытныхъ же обитателей Руси: людей каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ остались исключительно одни вещественные и археологическіе памятники. Давно уже стало извѣстно, что памятники эти расхищаются, уничтожаются и навсегда безслѣдно исчезаютъ для науки. Русскіе государи, начиная съ императора Петра Великаго обращаютъ свое вниманіе на памятники старины и ихъ охрану. Членомъ Археологическаго Института Н. Домиловымъ собраны чрезвычайно интересныя данныя, приведенныя въ статьѣ его „Правительственныя распоряженія относительно отечественныхъ древностей съ императора Петра I („Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“ вып. VI, 1886 года)“, съ нѣкоторыми изъ нихъ мы и рѣшаемся познакомить нашихъ читателей.

Императоръ Петръ Великій, въ указѣ 13 февраля 1718 года, говоритъ: „ежели найдетъ кто въ землѣ или въ водѣ какія старыя вещи, а именно каменья необыкновенные, кости человѣческія или скотскія, рыбьи или птичьи, не такія, какія у насъ нынѣ есть, или такія да зѣло велики или малы предъ обыкновеннымъ, также какія старыя подписи на каменьяхъ, желѣзѣ или мѣди, или какое старое и нынѣ необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зѣло старо и необыкновенно, такожъ бы приносили, за что давана

будетъ довольная дача, смотря по вещи, понеже не видавъ, положить нельзя цѣны". Въ собственноручной запискѣ императоръ приказываетъ снимать рисунки со всѣхъ отыскиваемыхъ при раскопкахъ древностей „на мѣстѣ" со всей окружающей ихъ обстановкой. Относительно золота, находимаго въ Сибири въ могилахъ, предписано указомъ 16 февраля 1721 г.: „курьезныя вещи, которыя находятся въ Сибири, покупать Сибирскому Губернатору или кому гдѣ надлежитъ настоящею цѣною и не переплавливая пересылать въ Бергъ и Мануфактуръ Коллегію, а въ оной потому жъ не переплавливая, объ оныхъ докладывать Его Величеству. Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны повелѣно было Сенатскимъ указомъ 4 августа 1732 г. „золотыя и серебряныя вещи, которыя оставлены быть имѣютъ для курьезитету изъ коллегій, канцелярій и конторъ передать въ мастерскую палату". Кромѣ этой палаты возникаетъ въ это царствованіе „монетная канцелярія", гдѣ предписывается хранить „старинныхъ денегъ по нѣскольку для курьезности", описывая ихъ подробно. Императрица Екатерина II также съ большой заботливостью относилась къ охраненію древностей. Императоромъ Александромъ I было учреждено первое въ Россіи Археологическое Общество при Императорскомъ Московскомъ университетѣ подъ названіемъ: „Общество исторіи и древностей россійскихъ". Фактъ основанія общества говорилъ о пробуждающемся въ образованныхъ русскихъ людяхъ интересѣ къ изученію, собиранію и сохраненію памятниковъ родной старины.

Въ то же царствованіе были изданы правила для сохраненія въ порядкѣ и цѣлости древностей, находящихся въ Мастерской и Оружейной палатахъ. Предписано было: 1) ничего не продавать и никакимъ вещамъ изъ палатскаго хранилища отпусковъ не чинить безъ особеннаго указа за собственноручнымъ государя подписаніемъ; 2) въ хранилище палатское никому входу иначе не имѣть, какъ съ дозволенія главноначальствующаго; 3) для отысканія достопамятностей, принадлежащихъ къ древности, находящихся въ другихъ мѣстахъ, палатѣ слѣдуетъ сноситься и перемѣщать ихъ въ ея хранилище не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія и утвержденія; 4) палатѣ дозволено принимать отъ частныхъ лицъ добровольныя приношенія, состоящія въ манускриптахъ, доставляющихъ нужныя свѣдѣнія и въ вещахъ примѣчательныхъ по ихъ древности или искусству".

4 іюля 1822 г. обнародовано было Высочайше утвержденное положеніе Комитета министровъ „о сохраненіи памятниковъ древности въ Крымѣ".

Въ царствованіе императора Николая I 31 декабря 1826 года было издано Высочайшее повелѣніе губернаторамъ о собираніи по всѣмъ губерніямъ свѣдѣній „объ остаткахъ древнихъ замковъ и крѣпостей или другихъ зданій древности, и чтобы строжайше было запрещено таковыя зданія разрушать".

Въ 1833—34 г. снова обращено было вниманіе на древности Крыма и утверждены были правила для Керченскаго музея, причемъ было постановлено: „никто безъ дозволенія мѣстнаго началь-

ства не имѣетъ права искать древностей на земляхъ казенныхъ и общественныхъ". Въ 1839 году въ Одессѣ учреждено было общество „Исторіи и древностей" и принято было подъ покровительство государя наслѣдника цесаревича. Новому обществу дозволено было производить археологическія розысканія во всей южной Россіи.

Императоръ горячо заботился о тщательномъ сохраненіи какъ наружнаго, такъ и внутренняго вида древнихъ церквей, о чемъ свидѣтельствуетъ синодскій указъ 12 ноября 1843 года. Въ одномъ Высочайшемъ повелѣніи, по вѣдомству министерства путей сообщенія государь приказываетъ: „строго воспретить разрушать памятники древности и непремѣнно блюсти за ихъ сохраненіемъ".

При императорѣ Александрѣ II было Высочайше утверждено положеніе о музеумѣ древностей и состоящей при немъ Археологической Коммиссіи въ гор. Вильно съ цѣлью собранія въ одно цѣлое древностей, относящихся къ исторіи Западнаго края Россіи.

Наконецъ, въ 1859 году, по иниціативѣ горячо преданнаго дѣлу археологіи графа Сергѣя Григорьевича Строганова, учреждена была Императорская Археологическая Коммиссія. 2 февраля 1859 года Высочайше утверждено было положеніе о ней.

Согласно Положенію, цѣль Коммиссіи составляютъ: 1) розысканіе предметовъ древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ нѣкогда на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Россіей; 2) собраніе свѣдѣній о находящихся въ государствѣ какъ народныхъ, такъ другихъ памятникахъ древности; 3) ученая оцѣнка открываемыхъ древностей. На Коммиссію возложено завѣдываніе Керченскимъ музеемъ древностей и Крымской коммиссіей археологическихъ розысканій. Коммиссіи предоставляется слѣдить за всѣми дѣлающимися въ государствѣ открытіями предметовъ древности. На коммиссію возложены заботы о принятіи нужныхъ археологическихъ мѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ надобность уничтожить какой-нибудь памятникъ древности, напр., зданіе, курганъ и произвести большія земляныя работы на мѣстѣ древняго города или замѣчательнаго урочища (которыя находятся на земляхъ казенныхъ или общественныхъ). На содержаніе коммиссіи было ассигновано ежегодно 17.500 р.

Представленныя въ Археологическую Коммиссію находки оцѣниваются главнымъ образомъ по археологическому ихъ достоинству. Коммиссія состоитъ въ вѣдомствѣ Императорскаго двора какъ отдѣльное учрежденіе. Составляемые отчеты о дѣятельности Коммиссіи представляются чрезъ министра Императорскаго двора на Высочайшее благоусмотрѣніе. Извлеченія изъ этихъ отчетовъ печатаются для всеобщаго свѣдѣнія.

Въ настоящее время ни одно лицо или учрежденіе не имѣетъ права производить раскопки на земляхъ казенныхъ и общественныхъ, не испросивъ на то разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи и не получивъ отъ нея открытаго листа.

Первымъ предсѣдателемъ Коммиссіи былъ основатель ея, графъ

С. Г. Строгановъ, въ настоящее же время въ этой должности состоитъ гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества сенаторъ графъ А. А. Бобринскій.

Итакъ, прослѣдивъ въ краткомъ очеркѣ исторію заботливости о сохраненіи памятниковъ родной старины, мы видимъ, что завершилась она созданіемъ правительственнаго учрежденія, обладающаго важными полномочіями, значительными матеріальными средствами и имѣющаго во главѣ дѣятельнѣйшаго археолога, графа А. А. Бобринскаго.

Обзоръ рефератовъ и сообщеній, прочтенныхъ на общихъ собраніяхъ членовъ и слушателей Археологическаго Института въ первомъ полугодіи 1899—1900 академическаго года.—Въ декабрьской книжкѣ нашего журнала, при описаніи дѣятельности института, мы могли указать только два реферата, прочитанные на общихъ собраніяхъ членовъ и слушателей. Позволимъ теперь указать еще нѣкоторые изъ наиболѣе интересныхъ. Докладъ Г. М. Болсунова, прочитанный 11 ноября, содержаніе котораго изложено было нами, вызвалъ горячія пренія референта съ извѣстнымъ археологомъ, княземъ Путятинымъ. Спорнымъ является вопросъ о классификаціяхъ степеней культуры первобытнаго человѣка. Какъ мы уже говорили, кіевскимъ археологомъ В. В. Хвойко открыта въ м. Триполье, Кіевскаго уѣзда, совершенно новая для Россіи культура. По формѣ и орнаментамъ найденныхъ глиняныхъ издѣлій В. В. Хвойко дѣлитъ эту культуру на два рода А и Б. Возражая противъ такого дѣленія, референтъ высказалъ, что стремленіе создавать новыя искусственныя перегородки, посредствомъ классификаціи различныхъ степеней человѣческой культуры, едва-ли можетъ принести пользу при настоящемъ состояніи науки. Пренія вызвали новый рефератъ Т. М. Болсунова, прочитанный имъ 2 декабря, „Къ вопросу о классификаціяхъ памятниковъ литическаго періода“ (каменнаго вѣка). Совершенно соглашаясь съ многими приведенными мнѣніями ученыхъ и философовъ о неизбѣжности классификацій при научныхъ изслѣдованіяхъ, референтъ привелъ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Джона Милля: „бѣда, когда обобщеніями и классификаціей занимаются люди, теоретически не подготовленные и руководствующіеся въ своихъ системахъ простымъ эмпиризмомъ“. Референтъ не соглашается съ рѣшеніемъ нѣкоторыми археологами вопроса о рядѣ археологическихъ находокъ, вещественныя данныя которыхъ не согласуются съ общепринятой классификаціей Леббока. Вопросъ этотъ рѣшенъ допущеніемъ эпохи „переходной“, занимающей будто бы средину между эпохами палеолитической и неолитической. Точно также не укладываются въ рамки существующихъ классификацій находки въ одномъ и томъ же мѣстѣ сланцевыхъ полированныхъ топоровъ и отбивныхъ стрѣлъ изъ кремня. По мнѣнію референта, научно-критическій пересмотръ установленныхъ въ настоящее время классификацій вещественныхъ памятниковъ доисторической культуры съ расширеніемъ антропологическихъ, археологическихъ и геологическихъ наблюденій и изслѣдованій въ области жизни доисторическаго человѣка является вполнѣ назрѣвшей необходи-

мостью. Затѣмъ референтъ высказалъ предположеніе, что матеріалъ, имѣющійся подъ руками у первобытнаго человѣка, имѣлъ большое значеніе для формы и способа выдѣлки его орудій. Такъ почти всюду на площади развитія каменноугольныхъ осадковъ издѣлія доисторическаго человѣка приготовлены изъ бураго кремня и роговика каменно-угольной системы, тогда какъ въ области развитія мѣловыхъ осадковъ орудія приготовлены изъ чернаго кремня. По мнѣнію графа Уварова, разбиравшаго классификацію французскаго археолога Габріэля-де-Мортилье, „дѣленіе литической (каменной) культуры на четыре эпохи не имѣетъ достаточныхъ основаній, такъ какъ форма каменныхъ орудій зависѣла не столько отъ степени развитія человѣческой культуры, сколько отъ первоначальной формы голыша или гальки, и что поэтому легко можетъ случиться, что найдутся мѣстности даже, быть можетъ, въ самой Франціи, гдѣ всѣ четыре типа изготовляютъ въ одну и ту же эпоху“. Референтъ указалъ на желательность примѣненія эволюціоннаго метода къ изслѣдованію вещественныхъ памятниковъ литическаго періода—методъ этотъ представляетъ въ сущности ту же классификацію, основанную только не на внѣшнихъ случайныхъ признакахъ, а на внутреннемъ единствѣ и общности происхожденія предметовъ и явленій; первая попытка примѣненія этого метода была сдѣлана нѣмецкимъ ученымъ Нуарэ. У насъ по этому вопросу прочитанъ былъ на VI археологическомъ съѣздѣ проф. Трачевскимъ рефератъ „Попытка примѣненія эволюціонной теоріи къ археологіи“. Закончилъ референтъ свой докладъ словами: „Исторія наукъ о природѣ приводитъ насъ къ выводу объ ограниченности человѣческаго знанія и о служебномъ значеніи всякихъ теорій и классификацій. Теорія — не истина, а только орудіе къ постиженію истины; истина же только фактъ“.

На томъ же собраніи преподавателемъ института художникомъ-археологомъ Н. К. Рерихъ сдѣлано было сообщеніе: „Нѣкоторыя древности шелонской пятины“. Н. К. Рерихъ уже 6 лѣтъ занятъ археологическими изысканіями въ предѣлахъ С.-Петербургской губерніи. По порученію Императорскаго русскаго археологическаго общества референтъ производилъ минувшимъ лѣтомъ раскопки въ Новгородской и Псковской губерніяхъ. Раскопки эти имѣютъ отношеніе къ рѣшенію нѣкоторыхъ археологическихъ задачъ, касающихся С.-Петербургской губ., и представляютъ начало цѣлаго ряда періодическихъ работъ, предпринятыхъ упомянутымъ обществомъ. Задачи, которыя предполагалось рѣшить Н. К. Рериху, изложены въ запискѣ членовъ общества Н. И. Веселовскаго и А. А. Спицына. Изслѣдованію подвергались, главнымъ образомъ, курганы невысокихъ типовъ, относящіеся къ XI—XIV вѣкамъ, и древніе жальники. Находки въ 3-хъ уѣздахъ: Порховскомъ, Старорусскомъ и Валдайскомъ оказались вполнѣ аналогичными находкамъ С.-Петербургской губерніи; этотъ результатъ имѣетъ большой научный интересъ, позволяя курганныя погребенія С.-Петербургской губерніи отнести къ славянамъ. Открытымъ остается вопросъ, откуда шло поселеніе въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ С.-Петербургской губерніи—изъ Пскова или

изъ Новгорода. Для рѣшенія этого вопроса предстоятъ, по мнѣнію референта, изысканія въ Бѣжецкой пятинѣ (Боровичскомъ уѣздѣ).

Въ раіонѣ трехъ изслѣдованныхъ уѣздовъ встрѣчено референтомъ 5 типовъ курганныхъ погребеній и 6 типовъ жальничныхъ; всѣ эти типы были предположены въ упомянутой выше запискѣ г.г. Веселовскаго и Спицына. Не найдено кургановъ низкаго типа на возвышенности между рѣками Шелонью и Ловатью. Къ типамъ курганныхъ погребеній относятся: сопки, погребенія съ трупосожженіемъ, на уровнѣ материка, безъ обычнаго кольца изъ камней въ основаніи насыпи. Эти два типа относятся ко времени не позже XII. вѣка. Погребенія несожженнаго костяка, въ лежачемъ положеніи, на кострищѣ; нѣкоторые курганы этого типа имѣютъ и каменное кольцо основанія (XII—XIII вѣкъ); погребенія въ сидячемъ положенія, лицомъ на востокъ и югъ, на особо устроенномъ возвышеніи и погребенія въ лежачемъ положеніи, лицомъ на востокъ, въ могилѣ, при невысокой насыпи, обложенной валунами. Этотъ типъ представляетъ переходъ къ жальничному типу погребеній. Какъ замѣтилъ референтъ, устройство насыпей въ Петербургской губ. несравненно заботливѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ въ курганахъ порховскихъ. Среди послѣднихъ не замѣчено: насыпей изъ дерновой земли, тщательнаго утаптыванія и обмазыванія глиной площади основанія насыпи, булыжныхъ прослоекъ, сводиковъ, выкладыванія камнемъ всей поверхности насыпи и прочихъ признаковъ изысканности устройства. Жальники встрѣтились референту слѣдующихъ типовъ: а) имѣющіе форму большаго круга, костяки—въ лежачемъ положеніи, лицомъ на Востокъ, б) окаймленные каменнымъ продолговатымъ карре съ сѣвера на югъ, руки костяка или скрещены на груди или вытянуты вдоль тѣла. На днѣ могилы кучки золы, в) жальники, окруженные болѣе мелкими камнями, г) погребеніе съ оваломъ изъ 8 большихъ валуновъ, д) смѣшанныя фигуры погребеній: круги, карре и овалы; здѣсь попадаются слѣды гробовищъ и е) погребенія отмѣченныя 4-мя или даже 2-мя валунами, постепенно переходящія въ могильные бугорки, безъ камня, сравнительно поздняго происхожденія.

Во время сообщенія референтомъ были показаны слушателямъ найденные имъ при раскопкахъ предметы, рисунки погребеній и видовъ изслѣдованныхъ памятниковъ. Изъ предметовъ можно отмѣтить бусы, монеты, височныя кольца, пряжки. — Нѣкоторые предметы чрезвычайно тонкой изящной работы и вѣроятно завезены были изъ Византіи и Венеціи. Монеты относятся къ IX—XI вѣкамъ (IX вѣка найдены въ одномъ изъ жальниковъ). Есть арабская, I. Цимисхія, города Трира и др.

На общемъ собраніи членовъ 18 ноября П. Левицкимъ было сдѣлано очень интересное сообщеніе „О происхожденіи вопросовъ жениху и невѣстѣ при бракосочетаніи"—тема референта была разработана съ канонической стороны проф. Павловымъ и Горчаковымъ. Свобода чувства и выбора въ бракѣ охраняется нашею церковью обрядомъ вопросовъ о личномъ желаніи вступленія въ бракъ каждаго изъ вѣнчающихся. Основываясь на греческихъ

и латинскихъ рукописяхъ, референтъ полагаетъ, что возникъ этотъ обрядъ въ XIII вѣкѣ во Франціи и въ XVI вѣкѣ утвержденъ былъ Тридентскимъ соборомъ для всего запада. Въ XVI вѣкѣ, вмѣстѣ съ богослужебными книгами обрядъ этотъ перешелъ въ Грецію, но либеральное теченіе встрѣтило реакцію, подъ вліяніемъ установившагося восточнаго взгляда на женщину, и обрядъ заглохъ и совершенно исчезъ въ XVII вѣкѣ.

Въ настоящее время указанные вопросы отсутствуютъ въ греческихъ требникахъ. Къ намъ вопросы эти въ XVII вѣкѣ были перенесены первымъ реформаторомъ юго-западной Руси Петромъ Могилой изъ католическихъ требниковъ. Въ срединѣ XVII столѣтія вопросы были внесены въ 50-ую главу оффиціальнаго изданія Кормчей книги, а въ концѣ XVII вѣка утвердились и въ великорусскихъ областяхъ стараніями патріарха Іоакима.

Императоръ Петръ Великій цѣлымъ рядомъ указовъ утвердилъ у насъ этотъ обрядъ и горячо относился къ вопросу о личной свободѣ чувства и выбора въ бракѣ.

Отмѣтимъ еще серьезный и обстоятельный трудъ члена-сотрудника Инспектора П. Л. Гусева, а именно рефератъ его, прочитанный на общемъ собраніи 25 ноября „Объ изображеніи Новгорода на иконѣ Хутынскаго монастыря“.

Въ средніе вѣка возникъ обычай изображать на иконахъ строителей храмовъ, а въ рукахъ—ихъ виды этихъ храмовъ, а иногда и виды городовъ. У насъ въ Россіи есть такія иконы съ видами Новгорода и Пскова, въ Западной Европѣ видъ Рима и др. Въ XVI—XVII столѣтіяхъ у насъ вошло въ обычай изображать святыхъ съ видами городовъ. Такъ, есть виды городовъ Пскова, Москвы и Новгорода. Изъ иконъ съ изображеніями Новгорода референтъ указалъ на икону Знаменія Божіей Матери съ видомъ осажденнаго Новгорода. Планъ города относятъ къ XVII и даже XVIII столѣтію, но признаютъ его снятымъ съ болѣе древняго плана. Михайловское изображеніе „Дѣтинца“ (Кремля), хотя мало изслѣдованное, относятъ къ 1-й половинѣ XV вѣка. Но безусловно иконографическимъ изображеніемъ Новгорода референтъ считаетъ изображеніе на иконѣ Хутынскаго монастыря. На основаніи этого изображенія П. Л. Гусевъ возстановилъ передъ слушателями планъ и видъ древняго Новгорода XVI столѣтія.

Сюжетомъ изображенія на иконѣ послужила „Повѣсть о видѣніи Варлаама Хутынскаго пономарю Тарасію“. Однажды, въ полночь пономарь Тарасій входитъ въ церковь. Внезапно зажигаются въ свѣтильникахъ и паникадилахъ свѣчи, церковь наполняется благоуханіемъ, преподобный Варлаамъ поднимается изъ своего гроба—со слезами начинаетъ молиться. Тарасій объятъ ужасомъ. Преподобный Варлаамъ подходитъ къ нему и говоритъ о грозящей пагубѣ великому Новгороду. Трижды приказываетъ преподобный Варлаамъ Тарасію всходить на верхъ церкви. И трижды передъ Тарасіемъ встаютъ грозныя картины, пророчествующія гибель Новгорода. Озеро Ильмень высоко поднимается и готово обрушиться и затопить Новгородъ. Множество ангеловъ на небѣ поражаютъ огненными стрѣлами народъ новгородскій. Огнен-

ная туча поднимается надъ городомъ. И объясняетъ преподобный Варлаамъ Тарасію, что за беззаконіе и неправду, рѣшилъ Богъ истребить новгородцевъ потопомъ, но смиловался и рѣшилъ наказать ихъ моромъ и пожаромъ.

Всѣ видѣнія Тарасія и изображены на иконѣ. Относитъ референтъ икону къ XVI вѣку, но не позже 1611 года, такъ какъ на иконѣ изображенъ храмъ Бориса и Глѣба, разоренный въ 1611 году шведами.

Обращаетъ на себя особенное вниманіе изображеніе втораго видѣнія Тарасія. Фигуры ангеловъ совершенно безстрастно стрѣляютъ изъ лука, исполняя волю Творца, ангелы-хранители въ скорбныхъ позахъ на колѣняхъ смотрятъ на умирающихъ людей, помазывая ихъ мvромъ. Кромѣ церквей и зданій города на иконѣ изображены много сценъ изъ домашней и уличной жизни Новгорода. Такъ изображены нѣсколько свиней и козелъ, вѣроятно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ убой скота. На Волховѣ изображены рыбачьи лодки и рыбаки, закидывающіе сѣти. Уличные сторожа съ трубами, въ которыя они трубили во время общественныхъ бѣдствій и пр. Точно опредѣлено положеніе моста черезъ Волховъ. Многія изъ церквей, изображенныхъ на иконѣ, существуютъ и до настоящаго времени. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ референтомъ составленъ подробный планъ древняго Новгорода.

Послѣднее предъ рождественскими вакаціями засѣданіе членовъ было 9 декабря. Рефератъ г-жи Холоднякъ, прочитанный на этомъ засѣданіи, былъ посвященъ описаніямъ типовъ „надгробій древне-христіанскаго періода".

Въ странахъ, гдѣ безъ ущерба основнымъ догматамъ можно было заимствовать нѣкоторыя внѣшнія формы, христіанство пользовалось ими. Такъ нагробія (эпитафіи) носятъ на себѣ слѣды римскаго языческаго характера очень долго, даже до XII вѣка. Г-жа Холоднякъ обратила особенное вниманіе при изложеніи реферата на внутренній характеръ эпитафій. Исторія римскаго надгробія показываетъ, что въ IV—VI вѣкахъ до Рождества Христова текстъ надгробія заключался лишь въ имени погребеннаго. Затѣмъ постепенно вводятся другія данныя: характеристика покойнаго, число лѣтъ жизни, упоминаніе родныхъ. Наконецъ, получается типъ надгробной повѣсти и поэмы. Вопросъ жизни и смерти въ виду его серьезности требовалъ и соотвѣтствующаго выраженія. Формы эпитафій, окончательно установившіяся у римлянъ, это повѣсть, автобіографія и діалогъ.

Христіанскія надгробія имѣютъ тѣ же типы и въ первые вѣка носятъ языческій характеръ. Чисто-христіанскія появляются съ IV вѣка.

Встрѣчаются и обозначенія однихъ именъ и другихъ данныхъ, повѣсти, написанныя прозой и стихами. Попадаются часто стихи Виргилія и Лукана.

Крайне рѣдко встрѣчается форма автобіографическая. Христіанское смиреніе не допускало, чтобы покойникъ разсказывалъ о себѣ. Діалоговъ вовсе не встрѣчается. Много эпитафій въ формѣ обращенія. Часто попадаются жалобы матери. Христіане, несмотря

на установившееся мнѣніе о спокойномъ отношеніи къ смерти близкихъ, горько оплакивали ихъ въ надгробіяхъ.

Типы надгробій чисто христіанскіе это—акростихъ, появившійся не ранѣе V вѣка и цитаты изъ Библіи.

Приведемъ нѣкоторыя наиболѣе любопытныя эпитафіи [1]). Христіанская повѣсть языческаго характера: „Подъ симъ надгробіемъ покоются кости Урсиніана діакона, достойнаго раздѣлять гробницу со святыми, которому не повредятъ ни яростный Тартаръ, ни жестокія муки (наказанія). Надгробіе сіе поставила любезная супруга Лудула".

Повѣсть чисто христіанскаго характера. „Предстоятель Господа Гилярій, возлюбившій бѣдность болѣе, чѣмъ золото, восхитилъ царство небесное и пренебрегши земнымъ бреннымъ тѣломъ, оставилъ его здѣсь, вознесшись къ звѣздамъ".

Христіанская автобіографія: „Звали меня Гельтидой, я была уроженка Сициліи, но далеко отъ родины увлекла меня супружеская любовь, благодаря которой я не знала ни печальнаго дня, ни тоскливой ночи, ни слезъ, но была единенной, не тѣломъ только, но и духомъ".

Христіанское обращеніе: „Это вѣчное жилище, въ которомъ ты теперь спокойно почіешь, духъ же твой, оставивъ тѣло, живетъ со святыми въ награду за твои дѣла и заслуги, и ты, убоявшаяся Господа, теперь мирно покоишься".

Кромѣ описанныхъ сообщеній художникъ Карелинъ началъ рядъ рефератовъ, въ которыхъ онъ излагаетъ новые способы реставраціи памятниковъ древности, преимущественно путемъ фотографіи, при чемъ въ этомъ отношеніи достигнуты имъ поразительные результаты.

Подъ руководствомъ профессора В. И. Сергѣевича предполаются совмѣстныя работы членовъ и слушателей надъ разборкой писцовыхъ книгъ и составленіемъ списковъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимостей древняго Новгорода.

Преподаватель института Н. К. Рерихъ началъ, также совмѣстно съ членами и слушателями, составленіе археологической карты С.-Петербургской губерніи.

Кромѣ того въ теченіе истекшаго перваго полугодія 1899—1900 академическаго года, институтъ былъ занятъ подготовкой матеріаловъ о палеографической выставкѣ, о результатахъ которой мы надѣемся сообщить нашимъ читателямъ въ слѣдующей книжкѣ.

Труды Оренбургской ученой архивной коммиссіи. Выпускъ V 1899 г. Небольшая книжка „Трудовъ" передаетъ прежде всего отчетъ о дѣятельности коммиссіи за 1898 годъ. Только горячая любовь къ мѣстной старинѣ даетъ силу и энергію безкорыстнымъ труженикамъ коммиссіи. Матеріальное положеніе ея не завидно.

---

[1]) Переводъ съ латинскаго былъ любезно доставленъ намъ г-жею Холоднякъ.

Приходъ за 1898 г. составлялъ 102 р. 35 к., расходъ 404 р. 7 к., и послѣдній покрылся только благодаря остатку къ 1-му января 98 г. 375 р. Кромѣ того коммиссія состоитъ должна мѣстному Отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 819 р. 33 к. Членскіе взносы поступаютъ крайне неаккуратно; такъ въ засѣданіи 28 ноября 98 года было доложено, что изъ числа 101 членовъ взносы за текущій годъ сдѣлали только 19 человѣкъ. Коммиссія имѣетъ двѣ библіотеки: новыхъ и старинныхъ книгъ, музей и архивъ. Членами коммиссіи просмотрѣно за $1^1/_2$ года 18.450 архивныхъ дѣлъ волостныхъ правленій и уфимской казенной палаты. 4 засѣданія коммиссіи посвящены были, кромѣ текущихъ дѣлъ, докладамъ по вопросамъ мѣстной исторіи и археологіи.

Изъ помѣщенныхъ въ Трудахъ статей отмѣтимъ „Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края", изъ которыхъ интереснымъ является сообщеніе, что „гор. Оренбургъ освобожденъ навсегда отъ всякаго рода воинскаго постоя при обыкновенныхъ обстоятельствахъ государства" (Высоч. утв. журналъ Комит. Министровъ 31 августа 1821 года). Веденный въ 1821—32 годахъ дневникъ-лѣтопись Оренбурга даетъ описаніе явленія „падающихъ звѣздъ", происходившее въ ночь на 1 ноября 1832 года. Приведемъ цѣликомъ любопытное описаніе.

„Въ ночи на сіе число около 4-го часа утра, при тихой и ясной погодѣ, когда термометръ реомюра показывалъ 10° мороза, небо пересѣкаемо было безчисленными метеорами, которые описывали длинныя дуги отъ С. В. къ Ю. З., раздробляясь подобно ракетамъ на безчисленныя звѣздочки безъ малѣйшаго треска и оставляли въ небѣ медленно исчезающія свѣтлыя полосы радужныхъ цвѣтовъ, которыхъ яркость помрачала свѣтъ луны, тогда освѣщающей послѣднею четвертію. Поминутно небо какъ будто бы растворялось и въ отверстіи являлись продолжительныя сіянія бѣлаго яркаго цвѣта. Иногда небесное пространство пробѣгаемо было быстрыми молніями, отъ блеска которыхъ уничтожались (меркли) звѣзды, и на мѣсто ихъ показывались длинныя разноцвѣтныя полосы. Сіи явленія, происходившія безъ малѣйшаго слышнаго взрыва, достигли до высочайшей степени около 6-го часа утра и безпрерывно продолжались до восхожденія солнца".

Въ томъ же дневникѣ подъ 20 декабря 1832 года отмѣчается о существовавшей въ г. Оренбургѣ и Уральскѣ повальной болѣзни (инфлуэнцѣ), которая, однако, по словамъ дневника, „не угрожала никому изъ болѣвшихъ опасностію жизни и въ довольно короткое время уступала легкимъ потогоннымъ средствамъ".

Статья И. С. Шукшинцева передаетъ трогательную исторію одной безвѣстной труженицы Александры Савченковой, основавшей первую частную школу для дѣвочекъ въ Оренбургѣ. Основана была школа въ 1825 г., а ровно черезъ 25 лѣтъ, въ іюнѣ 1850 г. была закрыта, въ виду неимѣнія у Савченковой надлежащаго свидѣтельства и разрѣшенія на учрежденіе школы. На Савченкову и родителей всѣхъ обучавшихся у нея дѣтей наложено было взысканіе по 75 рублей серебромъ, въ пользу пенсіоннаго капитала домашнихъ учителей. Выдержавъ экзамены, три года хлопотала

несчастная учительница, всѣ силы и здоровье потратившая на тяжелый трудъ, часто безвозмездный, обученія дѣтей, чтобы разрѣшили ей вновь приняться за любимое дѣло и чтобы сняли съ нея и родителей ученицъ наложенный штрафъ.

Благодаря участію генералъ-губернатора В. А. Перовскаго Савченкова въ 1853 году были освобождена отъ уплаты наложеннаго на нее штрафа и получила возможность снова приняться за свое дѣло. Освобождены были отъ штрафа и родители ея ученицъ.

„Когда умерла эта безвѣстная труженица"—говоритъ авторъ статьи—„гдѣ ея могила, что сталось съ основанной ею школой, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, но свѣтлый образъ ея горитъ яркимъ свѣточемъ въ исторіи образованія въ Оренбургѣ, заставляетъ съ теплымъ чувствомъ вспомнить о дѣвушкѣ, которая въ эпоху рутины и канцелярщины посвятила всѣ свои силы и тяжелымъ трудомъ заработанныя средства на великое дѣло воспитанія и обученія подростающаго поколѣнія". **А. М.**

Swiatowit. Rocznik poświęcony archeologii przeddziejowej i badaniom pierwotnej kultury polskiej i słowianskiej, wyd. staraniem *E. Majevskiego*. Tom. I, 1899. Warszawa.

Небогатая польская археологическая литература увеличилась періодическимъ журналомъ, посвященнымъ славянскимъ древностямъ, вообще, и польскимъ, въ частности. Такое изданіе нельзя не признать своевременнымъ, въ виду слѣдующаго соображенія. Какъ показываетъ опытъ наиболѣе культурныхъ народовъ, доисторическая археологія можетъ развиваться и приносить обильные плоды только въ тѣхъ странахъ, гдѣ открытъ достаточно широкій просторъ дѣятельности *мѣстныхъ силъ*. Но, по свидѣтельству того же опыта, послѣднія только въ томъ случаѣ могутъ принесть пользу научному дѣлу своимъ знакомствомъ съ географическими и топографическими условіями края, своимъ знаніемъ быта его населенія и своими матеріальными средствами, если ихъ дѣятельность направляется по одному плану какимъ-нибудь научнымъ обществомъ или журналомъ. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ задачу такого объединяющаго органа прекрасно исполнялъ для русской Польши журналъ „Wiadomosci archeologiczne", напечатавшій въ короткое время рядъ интереснѣйшихъ статей по первобытной исторіи края, не потерявшихъ цѣны и до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, въ 1882 г. этотъ журналъ прекратилъ свое существованіе, и съ тѣхъ поръ изученіе доисторическихъ древностей пришло въ Польшѣ въ такой упадокъ, что, по словамъ г. Маевскаго, въ періодъ 1881—90 г. было напечатано въ варшавскихъ изданіяхъ всего 18 статей! Такое ослабленіе научно-археологической дѣятельности было тѣмъ печальнѣе, что привислянскій край въ археологическомъ отношеніи даже теперь представляетъ terra incognita, а, между тѣмъ, именно этотъ край (вмѣстѣ съ юго-зап. и сѣверо-зап. Россіей)

заслуживаетъ особенно пристальнаго изученія уже потому, что былъ тою областью, откуда вѣроятнѣе всего началось разселеніе славянскаго племени.

Выйти навстрѣчу этой насущной потребности славянской науки и имѣетъ задачей изданіе г. Маевскаго. Подобно славянскому Богу Святовиту, четыре лика котораго были обращены во всѣ четыре стороны свѣта, и научный горизонтъ журнала „Святовитъ“ простирается на всѣ четыре стороны славянскаго міра. Впрочемъ, по вышеизложеннымъ соображеніямъ, главное вниманіе ежегодника обращено все-таки на первобытную исторію Польши.

Оригинальная часть настоящаго перваго тома журнала посвящена описанію различнаго рода археологическихъ экскурсій, раскопокъ и вообще разныхъ наземныхъ и подземныхъ древностей. Такимъ образомъ, большая часть статей имѣетъ значеніе только матеріаловъ для будущаго изслѣдователя доисторической старины въ Польшѣ, при чемъ одни изъ нихъ имѣютъ предметомъ топографическую локализацію остатковъ старины: „Пещеры окрестностей Ойцова“ Чарновскаго (стр. 1—13), другія посвящены описанію различныхъ археологическихъ находокъ: „Бронзовые предметы, найденные на берегахъ Нѣмана и Мерeчанки“ В. Шукевича (стр. 71—75), „Открытія въ Городницѣ на Покутьѣ“ З. Глогера (стр. 67—69), „Долотообразные наконечники первобытныхъ стрѣлъ“ Э. Маевскаго (стр. 18—31), „Роговые и каменные топорики изъ деревни Боровой на Курпяхъ“ его же (стр. 69—71),—и, наконецъ, третьи сообщаютъ результаты археологическихъ экскурсій и вообще массовыхъ изслѣдованій: „Каменные курганы въ Лидскомъ уѣздѣ“ В. Шукевича (стр. 22—38), „Отчетъ объ археологическихъ поѣздкахъ въ Кѣлецкую губ. въ 1897 г.“ Э. Маевскаго (стр. 62—67), „Доисторическіе остатки въ Ястржембцѣ“ его же (стр. 52—61), „Доисторическіе остатки въ Н. Жарникахъ“ (стр. 52—61).

Помимо научно-теоретической цѣли, журналъ преслѣдуетъ и задачу практическую—популяризацію доисторической археологіи въ широкомъ обществѣ. Въ виду этого въ журналѣ помѣщаются переводы и извлеченія изъ иностранныхъ ученыхъ журналовъ по разнымъ вопросамъ этой науки, а также выписки изъ классическихъ сочиненій по славянскимъ древностямъ. Такое совмѣщеніе въ одномъ и томъ же журналѣ двухъ совершенно разныхъ задачъ нельзя, однако, считать цѣлесообразнымъ: читатель, желающій восполнить свое общее образованіе свѣдѣніями изъ доисторической археологіи, не будетъ искать ихъ въ спеціальномъ журналѣ, а ученый изслѣдователь на мѣстѣ указанныхъ извлеченій и переводовъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣтилъ бы отдѣлъ систематической библіографіи или даже просто „Смѣси“.

Г. И.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ.

Историческія новости.

Знаменитый польскій писатель, Крашевскій высказалъ устами героя одного изъ своихъ историческихъ романовъ мнѣніе, что „еслибы стѣны дворцовъ царей и вельможъ могли говорить, онѣ, быть можетъ, сказали бы въ десять разъ больше того, что мы знаемъ о прошломъ, и внесли бы сотни новыхъ страницъ въ исторію". Но, конечно, стѣны дворцовъ никогда не заговорятъ. Несомнѣнно, однако, что тщательное изслѣдованіе судьбы разныхъ древнихъ и старинныхъ дворцовъ въ состояніи внести рядъ новыхъ и интересныхъ данныхъ въ исторію. Съ такой именно точки зрѣнія посмотрѣлъ на судьбу дворцовъ извѣстный польскій историкъ Александръ Краусгаръ, приступившій къ составленію исторію варшавскихъ дворцовъ. (Palace Warszawskie Kartki z dziejów przeszlosci przez Alexandra Kraushara). Въ Варшавѣ до сихъ поръ сохранились дворцы вельможъ, игравшихъ крупную и выдающуюся роль въ судьбахъ Польской республики. Во многихъ изъ этихъ дворцовъ разыгрывались цѣлыя политическія драмы. Съ иными тѣсно связана вся исторія паденія Польши. Добыть изъ архивовъ эту, такъ сказать, живую исторію варшавскихъ дворцовъ и освѣтить ее на основаніи научныхъ данныхъ,—вотъ задача, которую поставилъ себѣ Краусгаръ.

* * *

— Интересъ къ Россіи ростетъ съ каждымъ днемъ. Но въ то время какъ до сихъ поръ интересъ этотъ ограничивался большею частью литературою и искусствомъ, за послѣднее

время интеллигентное нѣмецкое общество съ особеннымъ вниманіемъ начинаетъ интересоваться русскою исторіею, государственнымъ и общественнымъ устройствомъ и т. п. Этотъ серьезный интересъ къ Россіи вызвалъ появленіе очерка русскаго государственнаго права для нѣмцевъ. (Abriss des Russischen Staatstrechts von Max von Oettingen). Авторъ очерка, Эттингенъ, старается въ краткомъ изложеніи ознакомить нѣмецкихъ читателей съ государственнымъ устройствомъ Россіи, правами и обязанностями русскихъ подданныхъ, перечисляетъ органы русскаго правительства, описываетъ общественныя учрежденія и пр. и пр. Для нѣмцевъ, кромѣ интереса, книга Эттингена будетъ имѣть и практическое значеніе. Большая часть нѣмцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію, не имѣетъ понятія о русскихъ законахъ, о русскомъ государственномъ устройствѣ, между тѣмъ какъ въ дѣлахъ своихъ чувствуетъ постоянно необходимость въ этихъ познаніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за этимъ краткимъ, общедоступнымъ очеркомъ появятся серьезные труды съ цѣлью болѣе подробнаго ознакомленія нѣмецкой публики съ государственнымъ правомъ Россіи.

* * *

— Во дворцѣ Бисмарковъ въ Фридрихсруэ особая комната отведена библіотекѣ книгъ, исключительно касающихся „желѣзнаго канцлера“. Эта, довольно большая комната, уставленная снизу доверху книжными полками, не можетъ уже вмѣститьвсѣхъ книгъ и брошюръ, которыя, точно грибы послѣ дождя, появляются на нѣмецкомъ книжномъ рынкѣ. Богатое собраніе книгъ о князѣ Бисмаркѣ увеличилось новымъ, солиднымъ трудомъ Генриха фонъ-Пошингера. На двѣнадцати листахъ авторъ старается охарактеризовать Бисмарка какъ дипломата въ его отношеніяхъ къ другимъ дипломатамъ. (Fürst Bismarck und die Diplomaten von Heinrich von Poschinger). Безспорно; сношенія Бисмарка съ дипломатами—это наиболѣе интересная страница въ исторіи жизни желѣзнаго канцлера. Ловкость Бисмарка въ сношеніяхъ съ дипломатическимъ міромъ—это именно театръ его побѣдъ. Изученіе этой стороны жизни канцлера можетъ быть весьма поучительнымъ. Къ сожалѣнію, однако, изъ труда Пошингера читатели мало узнаютъ о закулисныхъ сторонахъ дѣятельности Бисмарка, а безъ поднятія завѣсы кулисъ по-

нять тайну побѣдъ такого государственнаго дѣятеля, какъ Бисмаркъ, почти немыслимо.

* * *

— Профессоръ Бреславльскаго университета, докторъ Георгъ Кауфманъ, обѣщаетъ сдѣлать цѣнный вкладъ въ нѣмецкую историческую литературу: онъ выпускаетъ политическую исторію Германіи въ XIX-омъ столѣтіи. Трудъ Кауфмана (Politische Geschichte Deutschlands im Neunzehnten Jahrshundert) пополнитъ важный пробѣлъ, ибо до сихъ поръ нѣтъ полной исторіи Германіи за истекшее столѣтіе. Извѣстный трудъ Трейчке оканчивается пятидесятыми годами. Вопросъ только, насколько Кауфманъ сумѣетъ въ своемъ трудѣ сохранить безпристрастіе и отречься отъ партикуляризма, свойственнаго многимъ нѣмецкимъ профессорамъ-историкамъ.

* * *

— Нѣмецкая романистка и поборница правъ женщинъ, Фанни Левальдъ (умершая въ 1886 году) вела въ теченіе пятидесяти лѣтъ (1838—1888) дневникъ, который согласно ея воли лишь спустя десять лѣтъ послѣ ея смерти долженъ поступить въ печать. Левальдъ находилась въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися европейскими учеными и художниками. Она близко знала Листа, Герцена, Ласкера, Давида Страуса и мн. др. Она принимала непосредственное участіе въ событіяхъ 1848, 1866 и 1877 года, интересовалась соціологіею, философіею, политикою. Поэтому ея мемуары представятъ, безспорно, большой интересъ. На-дняхъ они должны появляются въ свѣтъ подъ ред. графа Гейгера. (Gefühltes und Gedachtes von Fanny Lewald 1838—1888). Изданіе ожидается въ нѣмецкихъ кружкахъ, интересующихъ исторіею нынѣшняго вѣка, съ большимъ нетерпѣніемъ.

* * *

— Жизнь нынѣшняго римскаго папы, Льва XIII, служила матеріаломъ для нѣсколькихъ уже біографическихъ очерковъ. Число этихъ очерковъ увеличилось роскошно иллюстрированнымъ трудомъ Анри де-Гу (Histoire de Leon XIII). Авторъ подробно описываетъ всю „духовную карьеру“ папы, разсказываетъ о молодости главы церкви и пр. и пр. Какъ къ

покойникамъ, такъ и къ здравствующимъ папамъ принято относить поговорку „ничего или хорошо". Авторъ цитируемой книги не вышелъ изъ рамокъ этой поговорки.

* * *

— Затѣянная въ Лондонѣ серія популярныхъ книгъ о новѣйшей исторіи разныхъ народовъ подъ общимъ заголовкомъ „The story of the nations" встрѣтила у англійской публики необычайно сочувственный пріемъ: томики этой серіи расходятся очень быстро. Новѣйшіе тома серіи посвящены исторіи Испаніи съ 1788—1898 г., и Италіи съ 1748—1898 года. Цѣль, которую поставили себѣ авторы этихъ книгъ, состоитъ не изъ передачи фактовъ и эпизодовъ, а въ изложеніи политическаго хода культурнаго развитія названныхъ странъ. Благодаря такому плану книги представляютъ для англійской публики особенный интересъ.

С. Ф. Либровичъ.

Большая Энциклопедія. *Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, переработанный и дополненный для Россіи по послѣднему изданію „Konversations-Lexikon'а" Мейера, подъ ред., С. Н. Южакова.* Т. I, вып. 1—2, Спб. 1899 г., ц. 1 р. При видѣ новой „Большой Энциклопедіи, которая будетъ состоять изъ 200 выпусковъ и затянется, надо полагать, на много лѣтъ, по крайней мѣрѣ—на десять, русскій читатель отъ удивленія долженъ воскликнуть: не было ни гроша, и вдругъ... рублемъ подарили! Справочными изданіями русская литература была долгое время бѣдна. Лишь въ послѣднія 10 лѣтъ вышли два такихъ изданія: „Энциклопедическій словарь" Брокгауза и Эфрона, доведенный теперь въ 52 вып. до буквы Р, и словарь (тоже по Брокгаузу) Граната, въ 8 томахъ, уже законченный. До появленія „Справочнаго Энциклопедическаго словаря" Старчевскаго (1847 г.) у насъ не было ни одной законченной энциклопедіи. Появлялись въ этомъ родѣ только попытки и при томъ болѣе чѣмъ сомнительныя. Весьма странно, что за составленіе энциклопедіи брались у насъ люди не всесторонне образованные, а узкіе спеціалисты или дилеттанты. Этимъ обстоятельствомъ до нѣкоторой степени объясняется безуспѣшность предпріятій. Словарь Толя уже нѣсколько устарѣлъ, а два словаря, Старчевскаго и Березина, хотя и были доведены до конца, но оба оказались одинаково неудовлетворительными. Такимъ образомъ, несмотря на появленіе новой энциклопедіи, мы все-таки не будемъ имѣть собственной, русской, энциклопедіи, составленной исключительно трудами русскихъ ученыхъ людей,

Но Большая Энциклопедія намѣревается этотъ пробѣлъ нѣсколько пополнить, полагая „Lexikon" Мейера не просто переводить, а перерабатывать и дополнять для Россіи. Редакція г. Южакова, человѣка всесторонне образованнаго и съ направленіемъ, строго установившимся, можетъ служить достаточной порукой въ добросовѣстности изданія. Укажемъ хоть на одну статью изъ тѣхъ, которыя спеціально интересуютъ нашъ журналъ. Возьмемъ статью „Абиссинія". Но такъ какъ статья эта занимаетъ 10 столбцовъ мелкаго шрифта, то ограничимся тою частью ея, гдѣ излагается послѣдняя страница исторіи этой страны. Эта страница остается еще свѣжей въ нашей памяти. Сжато описавши географическое положеніе страны, авторъ переходитъ къ ея исторіи, которую заканчиваетъ на моментѣ пораженія вторгшихся въ страну итальянскихъ войскъ, послѣдствіемъ чего была достигнута главная цѣль войны—уничтоженіе надъ Абиссиніей протектората Италіи. До царя Өеодора Абиссинія въ теченіе продолжительнаго времени была раздираема междуусобными войнами правителей отдѣльныхъ областей (удѣльный періодъ). Причины къ войнамъ носили преимущественно религіозный характеръ и отчасти племенной (здѣсь перемѣшиваются народы черной и бѣлой расы, семитическія и негрскія племена). Усмиривъ воинственную провинцію Шоа, Өеодоръ принялъ титулъ царя Эѳіопскаго и началъ „рядъ коренныхъ реформъ, какъ въ государственномъ, такъ и церковномъ управленіи, представлявшемъ въ то время смѣсь европейскихъ формъ и варварскаго невѣжества. На-ряду съ Юстиніановымъ правомъ дѣйствовали суровые военные законы, и господствовала кровавая месть. Съ желѣзной твердостью и кровавой жестокостью введены порядокъ и безопасность; установлена моногамія; церковныя имущества конфискованы. Миссіонерамъ попытки обращенія были разрѣшены только среди іудейства (въ Абиссиніи христіанская церковь слѣдуетъ древнему ученію монофизитовъ). Это распоряженіе было нарушено нѣсколькими англійскими миссіонерами; въ то же время на предложеніе Өеодора заключить союзъ противъ турокъ Англія прислала отказъ въ грубой формѣ. Өеодоръ счелъ себя оскорбленнымъ и задержалъ миссіонеровъ и консула въ качествѣ заложниковъ, требуя отъ Англіи удовлетворенія. Позже онъ даже заключилъ всѣхъ европейцевъ, въ томъ числѣ и англійскаго посла Рассама, въ тюрьму. Въ то же время во всѣхъ частяхъ страны вспыхнули противъ Өеодора возстанія, и въ 1867 г. фактически вся Абиссинія отпала отъ Өеодора, и онъ сохранилъ власть только надъ своими воинами въ лагерѣ при Дебра-Таборъ. Въ октябрѣ 1867 г. англо-индійская армія въ 12.000 чел. подъ начальствомъ сэра Роберта Непира высадилась на западномъ берегу залива Эннслибой въ гавани Зула. Послѣ крайне труднаго перехода внутрь страны, англичане 13 апрѣля приступили къ штурму Магдалы, и Өеодоръ застрѣлился. 1 іюня англійскія войска отплыли назадъ въ Индію. Съ уходомъ англичанъ начался рядъ междуусобныхъ войнъ и внутреннихъ смутъ". Мы пропускаемъ, столь же сжато и столь же удачно перечисляющее всѣ главныя перипетіи, описаніе смутъ,

безпокойное царствованіе Іоанна и захватъ власти нынѣшнимъ Меннеликомъ и перейдемъ къ конфликту Абиссиніи съ Италіей, поддержкѣ которой въ борьбѣ съ противниками Менеликъ былъ обязанъ, за что Италія выговорила себѣ право протектората надъ Абиссиніей и заняла область Эретрію. Но Менеликъ уже въ 1893 г. сдѣлалъ попытку къ освобожденію отъ протектората. Тогда командовавшій итальянскими войсками въ Эретріи, генералъ Баратьери открылъ военныя дѣйствія, но съ первыхъ же шаговъ началъ терпѣть неудачи. „Итальянская армія, усиленная до 30.000 состава, была собрана близъ Адиграта, откуда Баратьери 29 апрѣля 1896 г. предпринялъ вылазку противъ достигшаго Адуи абиссинскаго войска, побужденный къ этому, между прочимъ, настояніями министерства Криспи, желавшаго побѣдой смягчить впечатлѣніе прежнихъ пораженій. Въ битвѣ при Адуѣ 26 тысячное итальянское войско было совершенно разбито. Смѣнившій Баратьери генералъ Бальдисера освободилъ Адигратъ отъ осаждавшихъ его и разрушившихъ абиссинцевъ, а новое министерство Рубини, чрезъ посредство итальянскаго врача Нераццини, заключило 26 октября 1896 г. съ Менеликомъ миръ при Аддисъ-Абеба, въ силу котораго Италія отказалась отъ протектората надъ Абиссиніей, и граница между Абиссиніей и Эретріей установлена по теченію рѣкъ Мареба, Белеза и Муны".

По этой выпискѣ можно судить, что статьи въ Большой Энциклопедіи составляются вполнѣ обстоятельно, даже поучительно. Исторія Абиссиніи повторяется теперь въ Трансваалѣ съ Англіей. Нельзя, однако, обойти молчаніемъ нѣкоторые недостатки Энциклопедіи. Въ той же статьѣ, гдѣ идетъ рѣчь о населеніи Абиссиніи, перечисляются племена ея: агау, команты, галла, амгары. Что это за племена—семитическія, или негрскія, или смѣшанныя? Конечно, это извѣстно спеціалистамъ. Объ агау, дальше, въ объясненіи этого слова, мы читаемъ, что это агавы (почему же не агау?)—хамитской расы (?), аборигены абиссинскихъ альпъ. Но о комантахъ, галла и амгарахъ можно будетъ узнать изъ Энциклопедіи только черезъ года два-три. Составитель статьи, говоря о населеніи Абиссиніи, смутно опредѣляетъ происхожденіе ея племенъ. Онъ говоритъ, что древнѣйшіе обитатели этого населенія принадлежали къ негрской расѣ. Очень древнія — можетъ быть. Но историки говорятъ, и согласились уже такъ говорить, что абиссинцы были кушиты, одна изъ разновидностей бѣлой расы, двинувшаяся съ Памира ранѣе семитовъ, черезъ Иранъ, Месопотамію. Сирію и Египетъ и основавшаяся въ конечномъ пунктѣ, Абиссиніи. Въ пути своемъ этотъ типъ бѣлой расы оставлялъ послѣ себя гнѣзда, кушитскую народность (халдеи, хеты, кары, пуны). Кушиты также разселились по берегамъ Аравіи (Багретъ, Сабеи, Пунты). Во всякомъ случаѣ, если составитель статьи признаетъ еще этотъ вопросъ спорнымъ, то нельзя объ этомъ умалчивать и выдавать то же свое спорное за непреложное. Въ этой Энциклопедіи, кажется, въ первый разъ *Абиссинія* названа такъ, примѣняясь къ благозвучію выговора, а не *Абессинія*, что

хотя правильнѣе по словопроизводству отъ *Габешъ*, но не благозвучно, и никто въ литературѣ такъ ее не называетъ.

Нѣкоторые отдѣлы Энциклопедіи составляются нѣсколько не полно. По отдѣлу *Математики* нѣтъ опредѣленія понятія *абсолютная величина* (въ мат. смыслѣ), т. е. величина, разсматриваемая независимо отъ положительнаго или отрицательнаго ея значенія. Объ *абсциссѣ* сказано: см. координата. Пріемъ справочныхъ изданій ссылаться на послѣдующіе выпуски, которыхъ еще нѣтъ, крайне несообразенъ. Развѣ нельзя дать прямо опредѣленіе: *абсцисса* въ аналитической геометріи есть одна изъ координатъ (двухъ перпендикулярныхъ линій), опредѣляющихъ положеніе точки на плоскости.

Впрочемъ, о Большой Энциклопедіи еще придется говорить по мѣрѣ выхода послѣдующихъ выпусковъ. Въ приложеніи даны 3 хромолитографіи, 3 геогр. карты и около 120 рис. (автомобили, азіатская культура, архитектура). Всѣ иллюстраціи сдѣланы очень изящно и помѣщены не въ текстѣ, а отдѣльно, въ таблицахъ Такъ, пожалуй, удобнѣе. **И. М.**

Исторія нѣмецкой литературы отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени, Фридриха Фогта и Макса Коха, *переводъ съ нѣм. А. Л. Погодина.* Спб. 1899 г., вып. I, ц. 50 к. „Исторію нѣмецкой литературы“ предполагается издавать выпусками, которыхъ будетъ 15, что составитъ большой томъ, въ 800 стран., цѣною 7 р. 50 к. Однимъ изъ лучшихъ и законченныхъ трудовъ по исторіи нѣмецкой литературы, переведенный и у насъ въ позапрошломъ году, считается трудъ Геттнера, но онъ предназначенъ для читателей, уже нѣсколько подготовленныхъ для философскихъ обобщеній и выводовъ. Въ широкомъ смыслѣ слова исторія литературы заключаетъ въ себѣ всѣ словесныя произведенія человѣческой мысли, способствовавшія развитію общества. Сюда должна входить не одна изящная литература, но и научная, публицистическая и критическая. Но изслѣдованій столь обширныхъ не имѣетъ пока ни одна страна. У насъ, напр., существуетъ такой опытъ (исторія литературы, Петрова), но это только недурной учебникъ, а не научное изслѣдованіе. Судя по первому выпуску, исторія Фогта и Коха обѣщаетъ быть трудомъ въ общепринятомъ пока видѣ, т. е. ограничится изложеніемъ сначала безъискусственныхъ продуктовъ творческой мысли народа на первыхъ ступеняхъ его исторической жизни. Авторы не знакомятъ съ общимъ первобытнымъ культурнымъ состояніемъ германскаго народа, слѣд., они и не намѣреваются говорить обо всѣхъ словесныхъ произведеніяхъ народа. Давши понятіе о религіи и поэзіи древнихъ германцевъ, они переходятъ прямо къ героическимъ сагамъ. Авторы въ первый, кажется, разъ даютъ различіе нѣмецкой саги о Нобелунгахъ отъ той же саги въ пѣсняхъ Эдды. Въ то время, какъ германская сага прославляетъ чисто человѣческое величіе, героизмъ, проявляющійся

не во внѣшнемъ блескѣ и счастьи, а въ борьбѣ съ враждебной судьбой, и отличается единствомъ содержанія, въ пѣсняхъ Эдды эта сага не отличается ни гармоніей отдѣльныхъ частей, ни эпическимъ богатствомъ разсказа. Въ ней господствуетъ чисто сѣверная скупость на слова, и все изложеніе носитъ грубый, даже нѣсколько жестокій характеръ. „Но подобно тому, какъ на безплодной почвѣ Исландіи происходятъ вулканическія огненныя изверженія, и встрѣчаются горячіе ключи, такъ и здѣсь мѣстами со стихійной силой проявляется какая-нибудь страсть, поражающая и потрясающая насъ своей дикой мощью“. Такою образностью выраженія авторы будутъ сильно подкупать тѣхъ читателей, которые и въ научномъ изслѣдованіи ищутъ живаго слова.

И. М.

Народовѣдѣніе, *проф. Ратцеля, пер. съ нѣмецкаго Д. А. Коробчевскаго*, вып. 1, СПБ. 1900 г., ц. 35 к. Послѣ Пешеля, глубоко и научно изслѣдовавшаго этотъ вопросъ, „Народовѣдѣніе“ Ратцеля является слѣдующимъ по выбору матеріала и умѣлому изложенію сочиненіемъ. Оно составляетъ и дополненіе и противовѣсъ труду Пешеля. Пешель, въ своемъ изслѣдованіи, развитіо человѣческой культуры всецѣло приписываетъ зависимости человѣка отъ внѣшнихъ вліяній природы. Ратцель говоритъ, что человѣкъ есть гражданинъ земли въ самомъ обширномъ смыслѣ слова; онъ проникаетъ даже туда, гдѣ не можетъ жить постоянно. Почти весь земной шаръ ему извѣстенъ. Изъ всѣхъ существъ, связанныхъ съ почвой, онъ—одно изъ самыхъ подвижныхъ. Отдѣльныя движенія сплетаются между собою, и изъ нихъ съ теченіемъ времени исходитъ великое движеніе, субстратомъ котораго является все человѣчество. Такъ какъ эта связь необходима и прочна, она поднимаетъ отдѣльныя движенія въ сферу высшаго значенія. Въ конечномъ результатѣ является не только обширное пространственное распространеніе, но и все возрастающее взаимное проникновеніе частей человѣчества, живущихъ въ этихъ предѣлахъ, до полнаго совпаденія ихъ въ существенныхъ чертахъ. Это послѣднее составляетъ достояніе цѣлаго, а особенности являются мѣстными. Такимъ образомъ, мы получаемъ право говорить въ научномъ смыслѣ объ единствѣ человѣческаго рода, если подъ единствомъ мы будемъ подразумѣвать не единообразіе, но общность, доказанную свидѣтельствами во всѣхъ областяхъ народной жизни въ теченіе исторіи, обнимающей цѣлыя тысячелѣтія, а также общность естественной почвы, создаваемую природой.

Такова основная точка зрѣнія автора. Входить въ критическій разборъ положеній автора теперь преждевременно. Необходимо выждать появленія слѣдующихъ выпусковъ. Тогда интересно будетъ провести параллель между взглядами автора и его предшественника, Пешеля. Оба они отправляются, очевидно, отъ различныхъ положеній и оба приходятъ къ одному выводу—един-

ству человѣческаго рода. Въ вопросѣ о происхожденіи человѣка многіе авторитеты западной науки не сходятся. Къ числу противниковъ единства происхожденія принадлежалъ знаменитый Бюхнеръ (недавно умершій); его возраженія замѣчательны, между прочимъ, потому, что онъ ихъ дѣлалъ противъ Вайца, котораго трудъ самъ Бюхнеръ называлъ „прекраснымъ и неимовѣрнымъ".

Во всякомъ случаѣ, „Народовѣдѣніе" Ратцеля составляетъ превосходный вкладъ въ нашу научную переводную литературу. При книгѣ даны рисунки, которыми, какъ извѣстно, отличается книгоиздательство „Просвѣщенія". Издатели обѣщаютъ приложить къ изданію библіографическій указатель. Прилагать такіе указатели къ научнымъ сочиненіямъ теперь вошло въ обычай, чтó слѣдуетъ считать весьма полезнымъ дѣломъ.

И. М.

Жизнь животныхъ, Брэма, *перев. съ 2-го нѣм. изд., вновь обработаннаго Рихардомъ Шмидтлейномъ, для школы и домашняго обученія, подъ ред. проф. П. Ф. Лесгафта*, вып. 1-й, ц. 35 к. СПБ. 1900 г. Первый переводъ Брэма появился на русскомъ языкѣ, подъ ред. Хана, въ 1865 г. Второй выпущенъ въ 1892 г. Товариществомъ „Общественная Польза", а теперь передъ нами лежитъ новый переводъ (книгоизд. „Просвѣщенія"). Кто не знаетъ Брэма? Всѣ его читали, на него ссылались, какъ на неоспоримаго знатока жизни животныхъ, такъ сказать—души ихъ, безспорно, будто бы, обладающихъ не однимъ инстинктомъ, но и разсудкомъ, близкимъ съ человѣческому. Но пора увлеченія Брэмомъ миновала, и взрослые люди перестали слѣпо вѣрить ему, предоставивъ это наивное увлеченіе дѣтямъ. Послѣ Брэма изслѣдовалъ вопросъ объ умѣ животныхъ мыслитель серьезный, одинъ изъ крайнихъ послѣдователей Дарвина,—Роменсъ, который не по однимъ наблюденіямъ, подобно Брэму, трактовалъ этотъ предметъ, но имѣлъ въ своемъ распоряженіи основательно обставленный опытъ и научный методъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Роменсъ доказывалъ присутствіе ума, или, по крайней мѣрѣ, осязательныхъ зачатковъ его, у животныхъ. Но теорія Роменса, при первомъ серьезномъ прикосновеніи научной критики, не устояла, и онъ не пріобрѣлъ поклонниковъ даже и десятой части сравнительно съ Брэмомъ. Такъ велика сила привычки къ Брэму. Въ настоящее время никто не поднимаетъ вопроса объ умѣ животныхъ, подобномъ человѣческому. Теперь изслѣдуютъ вопросъ (и то въ деталяхъ) о происхожденіи и величинѣ инстинкта животныхъ. Уже признано, что ихъ инстинктъ въ громадной степени превосходитъ человѣческій, а накопленіе его объясняется безпрерывнымъ повторнымъ движеніемъ рефлексовъ. Вся сумма рефлексовъ, накопленная всѣми предъидущими поколѣніями, передается цѣликомъ индивиду, а имъ въ свою очередь ближайшему потомку, какъ единственное средство къ сохраненію и совершенствованію рода. Поэтому новое изданіе Брэма вполнѣ основательно назначено не для взрослыхъ, а приспособлено для юно-

шества, которое, заинтересовавшись увлекательнымъ изложеніемъ Брэма, свободно дѣлать какіе угодно выводы, обладая въ научныхъ средствахъ необходимыми поправками. Самъ редакторъ говоритъ, что сочиненіе Брэма заставляетъ только внимательнѣе относиться къ окружающимъ живымъ существамъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 60 вып., цѣною въ 21 руб.

И. М.

В. М. Грибовскій (*Гриденъ*). *Студенческіе разсказы.* В. М. Грибовскій принадлежитъ къ числу молодыхъ писателей, постепенно пріобрѣтающихъ успѣхъ у публики и наиболѣе ею читаемыхъ. Названные разсказы были печатаемы въ книжкахъ „Недѣли“ въ 1893—1897 годахъ, а въ настоящее время, будучи собранными вмѣстѣ, появились отдѣльнымъ изданіемъ. Первая и наибольшая часть разсказовъ заимствована изъ жизни русскихъ студентовъ; авторъ, хорошо зная эту жизнь, мастерски передалъ ее на страницахъ нѣсколькихъ большихъ разсказовъ, изъ которыхъ мнѣ наиболѣе понравились „Успѣхъ“ и „Тетушка“, вторая же часть посвящена очеркамъ изъ жизни русскихъ и французскихъ студентовъ Латинскаго квартала. Кто бывалъ въ Парижѣ, посѣщалъ этотъ кварталъ съ его кабачками, кофейнями, присутствовалъ на студенческихъ пирушкахъ, тотъ можетъ убѣдиться въ вѣрности характерныхъ чертъ обитателей этой части Парижа—дѣйствующихъ лицъ разсказа; не бывавшіе въ Парижѣ по этимъ описаніямъ могутъ создать себѣ точное представленіе о многомъ изъ жизни парижской учащейся молодежи. Книжка В. М. Грибовскаго очень изящно издана, написана хорошимъ литературнымъ слогомъ и легко читается.

С.

И. Гриневская. „*Огоньки*“—разсказы, стихотворенія, пьэсы.

Подъ такимъ заглавіемъ И. А. Гриневская выпустила изящный томикъ своихъ произведеній, напечатанныхъ ранѣе въ различныхъ журналахъ. Пьэсы г. Гриневской съ большимъ успѣхомъ были поставлены на сценѣ театровъ Александринскаго и Литературно-Артистическаго кружка въ Петербургѣ; разсказы же написаны вполнѣ литературнымъ слогомъ, читаются легко и съ интересомъ. Въ нихъ проглядываетъ большая наблюдательность автора, знакомство съ дѣйствительной жизнью, ея нуждами, радостями и невзгодами. Особенно удачны разсказы: „Мое свадебное путешествіе“, „Два крушенія“, „Успѣхъ“, „M-lle Роже“, „Ротонда“, „Діанка“, „Особое мнѣніе“. Стихотворенія, въ особенности: „Геній слова“ (памяти Пушкина) и „Али-мудрецъ“ такъ же написаны хорошимъ русскимъ языкомъ, интересны по мысли и читаются съ удовольствіемъ.

Н. А. Гастфрейндъ. *„Пушкинъ"*. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ; съ снимками съ автографовъ Пушкина и снимокъ со свидѣтельства объ окончаніи имъ курса въ лицеѣ.

Русскому обществу дорога и интересна каждая мелкая подробность жизни великаго поэта. Г. Гастфрейндъ сообщаетъ многіе документы, относящіеся до служебной дѣятельности поэта. Въ этой книгѣ, очень изящно изданной, сосредоточено много интересныхъ документовъ, въ которыхъ Пушкинъ является не въ качествѣ поэта, а просто коллежскимъ секретаремъ, титулярнымъ совѣтникомъ и камеръ-юнкеромъ; документы эти относятся къ 1831—1837 гг. и многіе изъ нихъ еще впервые обнародованы. Кажется страннымъ, что до сихъ поръ находятся документы о нашемъ поэтѣ, еще неизвѣстные публикѣ, а между тѣмъ на дѣлѣ это такъ. Даже и теперь жизнь его, въ дѣйствительности еще, можетъ быть, не достаточно хорошо знакома образованному обществу, и до сихъ поръ появляются книги съ неизданными документами о Пушкинѣ.

З. Яковлева. *„Повѣсти и разсказы"*. Недавно вышелъ въ свѣтъ большой томъ разсказовъ З. Ю. Яковлевой подъ указаннымъ заглавіемъ. Имя талантливой писательницы давно уже извѣстно публикѣ, и труды ея пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. Въ названной книгѣ собраны повѣсти и разсказы, въ большинствѣ случаевъ уже напечатанные въ разныхъ журналахъ. Всѣ произведенія г. Яковлевой отличаются большой законченностью и отдѣлкой. Авторъ съ большимъ вниманіемъ относится ко всѣмъ мелочамъ своихъ трудовъ и не оставляетъ ихъ безъ детальной обработки. Въ указываемой книгѣ собраны разсказы въ большинствѣ случаевъ о людяхъ, измученныхъ жизнью, разбитыхъ сердцемъ, съ больною, изстрадавшеюся душою. Кто самъ страдалъ, переносилъ невзгоды жизни, любилъ,—тому въ особенности становятся близкими дѣйствующія лица этихъ повѣстей, и невольно, читая, переживаешь съ ними ихъ страданія, интересуешься ихъ судьбою. Г. Яковлева особое вниманіе обращаетъ на душевное состояніе выводимыхъ ею лицъ, и этотъ міръ, міръ внутренній, являясь главенствующимъ, наиболѣе удается талантливой писательницѣ. Можетъ быть, удачнѣе другихъ большой разсказъ въ книжкѣ „Законъ Карма" (Индійскій законъ возмездія), хотя и всѣ другіе прочтутся съ интересомъ.

Мужчины петербургскаго большаго свѣта, этюдъ въ четырехъ частяхъ кн. В. П. Мещерскаго.

Всегда съ интересомъ читаемый какъ романистъ, кн. Мещерскій, хотя и называетъ свой трудъ только этюдомъ, но это большой романъ, хорошо характеризующій среду, и людей, имъ описываемыхъ. Къ сожалѣнію, среда эта въ большинствѣ случаевъ не радуетъ своими нравами, и главное дѣйстевующе лицо—Ладогинъ,

описанный до мельчайшихъ подробностей, является цѣльнымъ типомъ, крайне нежелательнымъ. Начало романа застаетъ Ладогина маленькимъ чиновникомъ, постепенно втирающимся въ общество, выше его стоящее, и снискивающимъ довѣріе людей, власть имущихъ. Слѣдя за карьерой Ладогина, проходишь всѣ стадіи служебной его лѣстницы, достигаемой имъ посредствомъ принесенія въ жертву безъ малѣйшаго колебанія нравственныхъ принциповъ порядочности. Романъ оканчивается очень эффектно торжествомъ правды и справедливости. Кромѣ Ладогина выведены многія другія лица, типично обрисованныя, а также живо описаны нравы и обычаи „свѣта", съ его интригами, кумушками, „дружбой" и различныя великосвѣтскія картинки изъ клубной, чиновной и салонной жизни. Въ названномъ произведеніи князь Мещерскій, нигдѣ не высказывая собственныхъ взглядовъ и убѣжденій, даетъ возможность ознакомиться со взглядами разныхъ лицъ, встрѣчающихся въ романѣ, безъ субъективной оцѣнки автора. Кому неизвѣстенъ „свѣтъ", тотъ изъ романа можетъ составить о немъ нѣкоторое представленіе; кто бывалъ и бываетъ въ немъ—увидитъ правдивыя картины жизни петербургскаго высшаго общества.

Н. Зинченко. *Первое собраніе писемъ В. Г. Бѣлинскаго.* Спб. „Письма Бѣлинскаго" имѣютъ громадный историко-литературный интересъ. Они дѣйствительно служатъ превосходнымъ дополненіемъ къ сочиненіямъ этого великаго писателя. Въ его журнальныхъ работахъ мы видимъ его какъ общественнаго дѣятеля, со всею энергіею его общественныхъ убѣжденій, съ его стремительной и страстной логикой, съ его задушевнымъ и огненнымъ словомъ, въ блескѣ, такъ сказать, и въ пламени битвы. Въ письмахъ онъ является передъ нами, уже далекимъ отъ пыла битвы, мягкимъ, тихимъ, даже робкимъ иногда человѣкомъ, въ домашнемъ, если можно такъ выразиться, сюртукѣ, — хотя съ тѣмъ же огнемъ убѣжденій, но уже убѣжденій личныхъ, его самого болѣе касающихся, чѣмъ общества. Здѣсь онъ,—что главное для біографа и что, быть можетъ, самое интересное для почитателя критики,—здѣсь онъ вводитъ насъ во святое святыхъ своей души. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ блестящій писатель, провозглашающій истину. Въ письмахъ онъ — влюбленный отецъ, мужъ, другъ, открывающій намъ свои самыя сокровенныя чувства.

Въ собраніи г. Зинченко, которое названо первымъ и за которымъ слѣдовательно нужно ждать втораго, а быть можетъ, и третьяго и т. д., напечатаны письма Бѣлинскаго къ одиннадцати лицамъ: Аксакову К. С., Анненкову, Орловой (сначала невѣстѣ, потомъ женѣ), Герцену, Гоголю, Ефремову, Кавелину, Красвскому, Селивановскому, Тургеневу и И. И. Х.

Всѣ письма полны живаго интереса. Особенно ярко обрисовываютъ Бѣлинскаго, какъ человѣка, его письма къ невѣстѣ, М. В. Орловой. Здѣсь мы видимъ его со всею глубиною и серьезностью

его страсти, со всею чистотою его благородной и кроткой души, со всею человѣчностью его задушевныхъ стремленій къ тихому семейному счастью.

Переписка Бѣлинскаго съ друзьями показываетъ намъ его съ другой стороны: намъ открывается его способность глубоко привязываться къ людямъ, порою слѣпо довѣряться имъ, разоблачать передъ ними всю душу, но не продавать имъ, даже за самую пламенную дружбу, своихъ завѣтнѣйшихъ убѣжденій.

Что же касается переписки Бѣлинскаго съ Краевскимъ, она глубоко возмущаетъ душу. Тяжело видѣть, въ какомъ позорномъ экономическомъ рабствѣ пребывалъ лучшій русскій критикъ, смѣло можно сказать, вождь и выразитель своего времени, у журнальнаго Чичикова!...

Не останавливаясь болѣе на отдѣльныхъ письмахъ, скажемъ вообще, что въ нихъ личность Бѣлинскаго остается все такой же чистой, благородной и возвышенной, какою она обрисовывается при чтеніи его критическихъ сочиненій.

В. Голиковъ.

Жизнь украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. *А. Я. Конисскаго.* Критико-біографическая хроника. Съ портретами Т. Г. Шевченка и его друзей и видами хаты и могилы его. Изданіе Высочайше утвержденнаго южно-русскаго общества печатнаго дѣла. Одесса. 730 стр. 16°.

Эта довольно объемистая книга принадлежитъ перу извѣстнаго галицко-украинскаго писателя А. Я. Конисскаго, автора множества повѣстей изъ малороссійской жизни и переводчика на малороссійскій языкъ произведеній Костомарова и Мордовцева.

До сихъ поръ еще ни было не только полной біографіи украинскаго поэта Т. Г. Шевченка, но даже и удовлетворительнаго свода критически провѣренныхъ матеріаловъ для его біографіи. Трудъ А. Я. Конисскаго восполняетъ этотъ пробѣлъ. Авторъ использовалъ всѣ доступные ему источники и пособія; множество данныхъ для своей книги онъ извлекъ изъ разныхъ галицкихъ и южно-русскихъ повременныхъ изданій, воспользовался также трудами М. Чалаго, В. Маслова и А. Аѳанасьева и мн. друг. Книга А. Я. Конисскаго, по словамъ самого автора, „не болѣе, какъ критико-біографическая хроника“ (1 стр.). „Написать біографію Шевченка“,—говоритъ г. Конисскій: „а тѣмъ болѣе сдѣлать всестороннюю критическую, безпристрастную оцѣнку его поэтическихъ произведеній—значитъ написать исторію культуры и просвѣщенія въ Россіи вообще и въ частности на Украйнѣ за столѣтіе, начиная съ пятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка“. Такой трудъ въ настоящее время не посиленъ одному человѣку. Многія изъ произведеній Шевченка еще не напечатаны, многіе матеріалы для его біографіи еще недоступны изслѣдователю. Указавъ на то, что Шевченко, какъ истинный народный поэтъ, не-

отдѣлимъ отъ Малороссіи и среды, его породившей, авторъ на нѣсколькихъ страницахъ бросаетъ взглядъ на прошлое Малороссіи въ связи съ развитіемъ ея литературы, исторію которой авторъ смѣло начинаетъ съ „Слова о полку Игоревѣ". Ни Котляревскій, издавшій въ 1798 г. свою „перелицованную Энеиду Вергилія", ни цѣлая плеяда слѣдовавшихъ за нимъ до Шевченко украинскихъ писателей, не были настолько идейны, чтобы „возжечь сердца глаголомъ". Шевченку „суждено было",—говоритъ г. Кониссвій: „сдѣлаться геніемъ украино-русскаго народнаго слова, — обновить его не только художественно, но и идейно, и украинскую литературу ввести въ семью не только славянскихъ, но и европейскихъ литературъ". За введеніемъ слѣдуютъ 14 частей, въ которыхъ авторъ, разсказывая жизнь Шевченка, вводитъ читателя въ Украйну первой половины XIX столѣтія, ведетъ его въ оренбургскія и закаспійскія степи, гдѣ десять лѣтъ томился украинскій поэтъ въ „смердячой казармѣ", и въ Петербургъ, гдѣ слава впервые привѣтствовала поэта и проводила его въ могилу.

Разсказываетъ авторъ очень подробно, часто посвящая читателя въ процессъ своей критической работы. Рѣчь автора дышетъ неподдѣльной задушевностью и проникнута сочувствіемъ къ славному страдальцу за „новое слово". Передъ читателемъ развертывается панорама то чудныхъ, исполненныхъ поэзіи картинъ, то мучительно-страшныхъ и полныхъ горя. Вотъ передъ нами прелестный уголокъ Звенигородскаго уѣзда, гдѣ маленькій Тарасъ растетъ пока еще на свободѣ, хотя и видитъ, какъ его отецъ и мать выбиваются изъ силъ, работая на „пана". Вотъ онъ, уже сирота, идетъ отъ одного деревенскаго маляра къ другому, чтобы поучиться рисовать и сдѣлаться „хочъ абы-якымъ малярем". Его берутъ на панскую кухню и учатъ поварскому дѣлу; но онъ убѣгаетъ отъ плиты въ садъ и тамъ рисуетъ украденнымъ у конторщика карандашемъ на сѣрой бумагѣ. Наконецъ, онъ попадаетъ въ комнатные казачки и по цѣлымъ мѣсяцамъ сидитъ въ тёмной передней, дожидаясь, пока позоветъ панъ налить стаканъ воды или подать трубку. Его владѣлецъ везетъ его съ собой и въ Вильну и въ Петербургъ, гдѣ, уступая его просьбамъ, отдаетъ его въ ученье къ маляру. Только счастливый случай выводитъ Шевченка съ грязнаго чердака грубаго и жестокаго маляра въ роскошную мастерскую Брюлова и въ свѣтлыя залы академіи художествъ. Поэтъ на свободѣ: его ласкаютъ, слава улыбается ему, но не на долго. Судьба зло подшутила надъ нимъ: онъ снова въ неволѣ, „въ забытой Богомъ и людьми пустынѣ", которая отняла у него лучшія силы, погубила его талантъ и выпустила сорокатрехлѣтнимъ старикомъ. Слава, освѣщающая своими лучами послѣдніе дни жизни поэта, уже не радуетъ его: ему нужно немного покоя, но и этого ему не даютъ. Только смерть приноситъ ему желанный отдыхъ, только послѣ смерти поэтъ получаетъ уголокъ у Днѣпра, о которомъ онъ такъ долго мечталъ. Большой крестъ на его могилѣ далеко виденъ по Днѣпру и въ окрестности. Онъ говоритъ про пѣвца воли и правды, говоритъ, что

„Правде ожыве.
Натхне, наклыче, нажене
Не вежее, не древне слово
Розтлиянее... а слово нове
Мижъ людьмы крыкомъ пронесе
И людъ окраденый спасе".

Хотя авторъ и не даетъ полной оцѣнки значенія Шевченка, но мѣстами указываетъ на него; кромѣ того, книга г. Конисскаго знакомитъ съ взглядами русской, польской и украинской критики на поэзію Т. Г. Шевченка. Вообще, книга г. Конисскаго можетъ служить прекраснымъ пособіемъ для знакомства какъ съ поэзіей послѣдняго украинскаго кобзаря, такъ и вообще съ исторіей украинской культуры.

Считаемъ не лишнимъ указать на вкравшуюся въ книгу неточность: на стр. 45 въ примѣчаніи украинскій философъ Сковорода, жившій отъ 1722 до 1794 г., названъ „извѣстнымъ украинскимъ философомъ начала XIX вѣка".

Н. Никитинъ.

Воспоминанія о студенческой жизни. Москва 1899 г. Изд. Общ-ва распространенія полезныхъ книгъ.

Въ этой книжечкѣ — рядъ разнообразныхъ личныхъ воспоминаній о Московскомъ университетѣ 20—60 гг. Воспоминанія принадлежатъ большею частью лицамъ, уже давно составившимъ себѣ громкое и уважаемое имя. Таковы: историкъ Соловьевъ, академикъ Буслаевъ, профессоръ Ключевскій, Кирпичниковъ и др. Всего въ книжкѣ девять статеекъ, болѣе или менѣе интересныхъ.

Въ первой статейкѣ проф. Ключевскій, съ обычнымъ блескомъ изложенія, дѣлаетъ характеристику С. М. Соловьева, какъ преподавателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря извѣстному искусству почтеннаго профессора всякое частное явленіе связывать съ болѣе общимъ, передъ читателемъ живо вырисовывается образъ знаменитаго историка не только какъ превосходнаго преподавателя, но и какъ симпатичнаго человѣка.

Очень интересенъ и полонъ энтузіазма къ описываемому имъ прошлому и второй очеркъ П. Н. Обнинскаго — „Студенческіе годы". Университетская жизнь пятидесятыхъ, шестидесятыхъ годовъ представляется автору въ радужномъ блескѣ. То было „золотое время". Тогда „живое могучее слово блестящей плеяды профессоровъ неудержимо влекло къ себѣ молодые умы и наполняло святымъ восторгомъ молодыя сердца". Тогда университетъ былъ истинною alma mater образованныхъ людей, позднѣе онъ сталъ ихъ злою мачихой. Въ то время питалъ идеалами восторженныя сердца свѣжаго, воспріимчиваго юношества славный, благородный Грановскій. Въ то время больше братства, солидарности было между студентами, чего внѣшнимъ выраженіемъ служили хотя бы студенческіе тѣсные кружки, усердному панегирику которому авторъ посвящаетъ не одну краснорѣчивую страницу.

Авторъ не упускаетъ, конечно, случая сравнить „вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій“ и, разумѣется, не къ выгодѣ перваго. Университетъ 60 гг., по мнѣнію автора, поставлялъ идеалистовъ, дѣятелей на всѣ реформы этой эпохи, и отзывался на всѣ ея требованія. „Современный университетъ выпускаетъ уже людей „умѣренности и аккуратности“, „дѣльцовъ“, „борцовъ“ — не за идею, однако, а просто за собственное существованіе“ (46, 47 стр.).

Старая пѣсня!.. да и, наконецъ, не фальшивая ли пѣсня? Неужто таки въ представителяхъ современнаго молодаго поколѣнія, изъ году въ годъ выходящихъ изъ стѣнъ университета, нѣтъ никакого идеализма, нѣтъ никакихъ хорошихъ соціальныхъ чувствъ, нѣтъ ничего, кромѣ „умѣренности и аккуратности“, практицизма и умѣнья бороться лишь за свои интересы? Не споримъ, что современная молодежь не вполнѣ идеалистична—но кто или что тому виною?! Во-первыхъ, то же самое безспорно просвѣтительное движеніе пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ. Оно своей смѣлой критикой, своимъ безпощаднымъ, хотя и творческимъ, скептицизмомъ подкапывалось подъ многіе и многіе идеалы и старалось замѣнить ихъ позитивизмомъ, — направленіемъ, хотя и плодотворнымъ, но все-таки по существу враждебнымъ идеализму. Идеализмъ, въ статьяхъ хотя бы Чернышевскаго, Писарева, Добролюбова, исподволь осмѣивался, вытравлялся. Слѣдствія всякихъ историческихъ причинъ обнаруживаются не немедленно, не непосредственно. Между посѣвомъ и плодомъ долженъ пройти извѣстный промежутокъ времени. Такъ и было. Идеализмъ, по разсказамъ, ключемъ бившій въ душѣ русскаго студента 50—60 гг., не могъ изсякнуть, даже подъ воздѣйствіемъ самыхъ талантливыхъ вліяній, въ томъ поколѣніи, которое непосредственно воспринимало эти вліянія; сила этихъ вліяній обнаружилась лишь позднѣе, въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, чему, не споримъ, способствовали и другія обстоятельства. Многое можно бы было сказать объ этихъ обстоятельствахъ, значительно оправдывающихъ, по нашему мнѣнію, тѣ недостатки (отчасти и воображаемые) современной молодежи, за которые съ такою горячностью нападаютъ на нее представители блестящаго прошлаго (мы разумѣемъ 60-ые годы), не желающіе, однако, разглядѣть въ ней и ея достоинства, которыхъ она не лишена. Но наше отступленіе по поводу статьи г. Обнинскаго и безъ того вышло слишкомъ длинно, такъ что распространяться объ этомъ дальше мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ.

Третій очеркъ книжки, принадлежащій Д. Н. Свербееву, посвященъ университету двадцатыхъ годовъ. Въ очеркѣ много живыхъ портретовъ тогдашнихъ профессоровъ, напр. Мерзлякова, Каченовскаго, Брянцева, Сандунова и другихъ, много интересныхъ подробностей о бытѣ студентовъ того времени.

Живой, художественно-яркой характеристикѣ университетскаго начальства и профессорскаго персонала эпохи 40-хъ гг. посвященъ отрывокъ „Изъ записокъ С. М. Соловьева“. Слѣдующая статья А. И. Кирпичникова, „Первые дни въ университетѣ“, полная любопытныхъ фактовъ, написана съ блестками юмора и

вообще читается съ живѣйшимъ интересомъ. Въ „Воспоминаніяхъ“ Буслаева читатель найдетъ яркую картину студенческаго общежитія 30 гг. и нѣкоторыя яркія черты относительно нѣкоторыхъ рѣзкихъ правительственно-университетскихъ порядковъ того времени.

Прочіе очерки книжечки тоже замѣчательны. Каждый изъ нихъ прибавляетъ какую-нибудь новую черту, новую подробность къ предшествующимъ очеркамъ; всѣ написаны живо и содержательно. Вообще книжечка очень стоитъ прочтенія.

В. Голиковъ.

Редакторъ-Издатель С. Сухонинъ.

В. Смоленскій.

Исторія польскаго народа.

Переводъ съ польскаго Г. Ф. Львовича.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Пороховщикова, Бассейная, 3—5.
1899.

Старшій изъ сыновей Генриха Благочестиваго, малолѣтній Болеславъ Лысый Рогатка, оставшійся подъ опекою своей матери, Анны, дочери чешскаго короля, Пржемысла Оттокара I, не могъ удержать полученнаго имъ наслѣдства [1]). Великополяне отказались повиноваться ему и призвали сыновей Владислава Одонича († 1239 г.): Пржемыслава I и Болеслава Благочестиваго; изъ Малой же Польши его выгналъ Конрадъ мазовецкій. Краковскій удѣлъ снова сталъ предметомъ борьбы, пока имъ, по смерти Конрада († 1247 г.), не овладѣлъ *Болеславъ Стыдливый* (1247—1279).

Женатый на дочери венгерскаго короля Белы IV, Кингѣ, Болеславъ помогалъ своему тестю въ войнѣ съ Пржемысломъ Оттокаромъ II чешскимъ за Австрію, успѣшно воевалъ съ ятвягами, но во время втораго нашествія татаръ бѣжалъ изъ страны. Покорный духовенству, какъ раньше его дѣдъ и отецъ, онъ во время своего многолѣтняго правленія въ Краковѣ не руководился какой-либо политической программой. Умирая бездѣтнымъ, онъ завѣщалъ краковскій и сандомірскій удѣлы внуку Конрада мазовецкаго, Лѣшку Черному, женивъ его на племянницѣ своей жены, Грифинѣ.

Въ это время раздробленіе Польши достигло самой высшей степени. Изъ сыновей Конрада Земовитъ княжилъ въ Мазовіи, а Казиміръ въ Куявіи, Добржинѣ, Сѣрадзѣ и Лэнчицѣ. По смерти Земовита Мазовія распалась на княжества: плоцкое Болеслава и черское Конрада; по смерти же Казиміра Иновраплавъ получилъ Земомыслъ, Брестъ-Куявскій—Владиславъ Локотокъ, Добржинъ — Земовитъ, Сѣрадзь—Лѣшекъ Черный, Лэнчицу—Казиміръ. По смерти Генриха Благочестиваго Болеславъ Лысый Рогатка получилъ Лигницу, Конрадъ—Глоговъ, Генрихъ III—Вроцлавъ. Удѣлъ Болеслава Лысаго Рогатки († 1278) распался на два: лигницкій и свидницкій; удѣлъ же Конрада—на три: глоговскій, сцинавскій и жеганскій; лишь сынъ Генриха III, Генрихъ IV Пробусъ, получилъ весь вроцлавскій удѣлъ. Верхняя Силезія по смерти Владислава опольскаго раздѣлилась на княжества: опольское, рациборское, битомское, а впослѣдствіи—цѣшинское, освѣцимское, козленское. Великую Польшу раздѣлили

---

[1]) **Силезскіе Пясты:**

Владиславъ II.

Болеславъ Высокій († 1201).	Конрадъ († 1179).	Мешко Хромой († 1211).
Генрихъ Бородатый († 1238).		Князья опольскіе, цѣшинскіе, освѣцимскіе и заторскіе.
Генрихъ Благочестивый († 1241).		
Болеславъ Лысый († 1278).	Генрихъ III († 1266).	Конрадъ II († 1298).
Князья лигницкіе и свидницкіе.	Генрихъ IV Пробусъ († 1290)	Князья глоговскіе, сцинавскіе и жеганскіе.

между собой сыновья Владислава Одонича: Пржемыславъ I получилъ Познань, а Болеславъ Благочестивый—Гнѣзно и Калишъ. По смерти Пржемыслава I Болеславъ Благочестивый сталъ опекуномъ сына его, Пржемыслава II и правилъ всей Великой Польшей. Краковскій удѣлъ не былъ раздѣленъ, но за то сталъ предметомъ безпрестанныхъ споровъ. Въ борьбѣ за этотъ удѣлъ, разыгрывавшейся до сихъ поръ между князьями и магнатами, по смерти Болеслава Стыдливаго приняло участіе мѣщанство, въ первый разъ выступившее на политическое поприще [1]).

Съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ, предпринимавшихся первыми королями изъ династіи Пястовъ, прекратилось и заселеніе страны военно-плѣнными. Въ то же время междуусобныя войны и непріятельскія нашествія уменьшали населеніе Польши. Вслѣдствіе этого страна обѣднѣла, доходы княжеской казны уменьшались. Князья, стремясь къ увеличенію доходовъ, стали привлекать въ страну иноземцевъ. Они обратили вниманіе на Германію, гдѣ по смерти Фридриха II Гогенштауфена, во время смутъ междуцарствія, населеніе, лишенное покровительства законовъ, терпѣвшее отъ грабительствъ рыцарей и притѣсненій, готово было искать лучшихъ условій жизни за предѣлами родины. Первыя нѣмецкія колоніи возникли въ Силезіи еще при Болеславѣ Высокомъ и Генрихѣ Бородатомъ; послѣ татарскаго нашествія ими покрылись всѣ удѣлы Польши. Самую большую дѣятельность въ этомъ направленіи проявили: Болеславъ Стыдливый въ Малой Польшѣ, сыновья Владислава Одонича въ Великой Польшѣ и потомки Земовита Конрадовича въ Мазовіи. Они привлекали колонистовъ при помощи людей, знакомыхъ съ нѣмецкими условіями, обѣщая переселенцамъ экономическія выгоды. Посредникомъ между княземъ и иноземцами обыкновенно былъ поселившійся въ Польшѣ нѣмецъ, имѣвшій знакомства и связи въ своемъ прежнемъ отечествѣ. Онъ заключалъ съ княземъ письменный договоръ, локаціонную привиллегію (przywilej locacyjny), въ которой, кромѣ вознагражденія, выговореннаго посреднику за услугу, опредѣлялись условія жизни переселенцевъ. Устраивавшій колонію предприниматель, называвшійся войтомъ [2]), получалъ въ опредѣленной мѣстности извѣстное пространство земли съ судебной властью надъ жителями, доходы отъ денеж-

---

[1]) Куявскіе Пясты.

Казиміръ I († 1267), князь куявскій, сынъ Конрада I мазовецкаго.

- Лешекъ Черный († 1288).
- Земомыслъ († 1287).
  - Лешекъ († 1339), князь иновроцлавскій.
  - Пржемыславъ († 1339), князь иновроцлавскій.
  - Казиміръ III, князь иновроцлавскій и гнѣвковскій.
    - Владиславъ Бѣлый († 1388), князь гнѣвковскій.
- Владиславъ Локотекъ († 1333).
  - Кунегунда за Бернардомъ, княземъ свидницкимъ.
  - Елизавета († 1380), за Карломъ-Робертомъ, королемъ венгерскимъ.
  - Казиміръ Великій.
- Казиміръ II († 1294).
- Земовитъ († 1306), князь добржинскій.

[2]) Отъ нѣмецкаго Vogt. *Г. Л.*

ныхъ штрафовъ за преступленія, сборы съ торговыхъ рядовъ, корчемъ, мельницъ и т. п.,—все это на правахъ потомственнаго владѣнія, которыя онъ могъ продать или перенести на другое лицо. Войтъ, зависѣвшій только отъ князя, былъ свободенъ отъ всякихъ повинностей, кромѣ несенія рыцарской службы. Колонисты дѣлили между собою землю, указанную княземъ въ локаціонной привиллегіи, отводили четырехугольное пространство подъ базарную площадь, сооружали на ней ратушу, въ которой помѣщались органы общественнаго управленія, проводили улицы, обстраивали ихъ домами. Поселеніе окружалось валомъ и рвомъ, за которымъ находились обрабатываемыя земли, пастбища и лѣса. Такимъ образомъ, у подножья старыхъ городовъ (gród) возникли въ Польшѣ новые, нѣмецкіе города (miasto): Вроцлавъ, Плоцкъ, Краковъ, Познань, Лигница, Сандоміръ, Бохня, Корчинъ. Колонисты втеченіе опредѣленнаго числа лѣтъ не несли никакихъ повинностей за отведенные имъ земли, пастбища и лѣса. Лишь по прошествіи этого періода, такъ называемой *„воли"*, продолжительность которой обыкновенно обозначалась колышками, вбитыми въ столбъ, они вмѣсто повинностей и даней, обязательныхъ для польскаго населенія, платили въ день св. Мартина оброкъ наличными деньгами (чиншъ). Сверхъ того, въ болѣе значительныхъ городахъ они обязаны были поддерживать городскія ворота, башни и стѣны и поставлять въ случаѣ надобности возы, снаряженные для войны, и вооруженныхъ слугъ. Внутренняя организація такой колоніи основывалась на самоуправленіи жителей, на независимости ихъ отъ княжескихъ служащихъ. Всѣ ея внутреннія дѣла регулировались нѣмецкимъ обычнымъ правомъ. Судебная власть принадлежала войту и выборнымъ лавникамъ (засѣдателямъ). Постановленія суда лавниковъ по гражданскимъ дѣламъ, называвшіеся „ортылями" („Urtel",—Urteil, приговоръ), служили дополненіемъ недостаточнаго во многихъ случаяхъ обычнаго права. Съ апелляціями на рѣшенія суда лавниковъ обращались въ княжескій судъ, а по болѣе сложнымъ дѣламъ—въ важнѣйшіе нѣмецкіе города: Магдебургъ, Галле и т. п. Полиція и администрація находились въ вѣдѣніи городскаго совѣта, состоявшаго изъ бурмистра и райцевъ (членовъ совѣта), избираемыхъ населеніемъ или назначаемыхъ княземъ, соотвѣтственно тому, какъ было оговорено въ локаціонной привиллегіи. Постановленія совѣта и собранія горожанъ („вилькеры",—wilkierze, нѣм. Willkühre), принимавшіяся въ публичныхъ засѣданіяхъ, служили также дополненіемъ недостаточнаго обычнаго права. Ремесленники организовывались въ цехи, которые при посредствѣ мастеровъ рѣшали вопросы относительно выдѣлки товаровъ, цѣнъ и т. п. Сверхъ того, они оказывали огромное вліяніе на судъ лавниковъ и городской совѣтъ. Для защиты городъ содержалъ свою стражу. Право предоставленія такихъ привиллегій принадлежало только князю, но съ его согласія ихъ вводили въ своихъ владѣніяхъ какъ духовные, такъ и свѣтскіе господа. Въ частностяхъ своей организаціи отдѣльныя колоніи различались другъ отъ друга, но въ общемъ, основою всѣхъ ихъ было самоуправленіе, обезпечи-

вавшее жителей отъ деспотизма княжескихъ служащихъ и тяготъ, налагаемыхъ польскимъ правомъ. Самоуправленіемъ первоначально пользовались только нѣмцы, но вскорѣ начало стремиться къ нему и польское населеніе. Это самоуправленіе, называвшееся вообще нѣмецкимъ правомъ, носило также и частныя названія по именамъ тѣхъ городовъ, строй которыхъ служилъ образцомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такъ,—было право шродское, хелминское, магдебургское, любечекое, фламандское, франконское отъ названій: Шроды (Ноймарктъ), Хелмна, Магдебурга, Любека, фламандскихъ и франконскихъ городовъ, самоуправленіе которыхъ служило образцами въ данныхъ случаяхъ. Предоставленіе самоуправленія туземнымъ жителямъ называлось перенесеніемъ ихъ съ польскаго права на нѣмецкое. Князья, а съ ихъ согласія также духовные и свѣтскіе господа, вводя въ своихъ владѣніяхъ нѣмецкое право съ цѣлью увеличить свои доходы посредствомъ оброка, привлекали въ Польшу толпы иноземцевъ. Польша, бывшая до тѣхъ поръ однородной въ этнографическомъ отношеніи, пріобрѣла новый элементъ населенія—трудолюбивый, выносливый, превосходившій туземцевъ своей цивилизаціей, но опасный съ національной точки зрѣнія. Нѣмецкая колонизація была въ измѣненной формѣ новымъ нашествіемъ германизма, который вскорѣ съиграль важную роль въ политическихъ дѣлахъ. Особенное вліяніе пріобрѣли краковскіе мѣщане, которымъ въ 1257 г. Болеславъ Стыдливый вмѣстѣ со своею матерью и женою предоставилъ магдебургское право по образцу Вроцлава.

Лешекъ Черный (1279—1288) имѣлъ много противниковъ, желавшихъ лишить его удѣловъ, доставшихся ему по смерти Болеслава Стыдливаго. На него напалъ князь галичскій Левъ Даниловичъ съ татарами и своими русскими родными; противъ Лешка выступила также знать, во главѣ которой стоялъ предпріимчивый краковскій еписковъ, Павелъ изъ Пржеманкова. Лешекъ отразилъ Льва Даниловича и отомстилъ ему, пройдя со своимъ войскомъ до Львова, но въ борьбѣ со знатью онъ истощилъ свои силы и провелъ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ своей жизни.

Краковскій епископъ былъ непримиримымъ врагомъ Лешка. Онъ возставалъ противъ Болеслава Стыдливаго за то, что тотъ передалъ права на свои владѣнія сѣрадскому князю; противъ Лешка же онъ составлялъ заговоры, бунтовалъ знать и даже призывалъ въ Малую Польшу литовцевъ и ятвяговъ. Лешекъ отразилъ нашествія этихъ иноплеменниковъ, конфисковалъ владѣнія епископа, а самого его велѣлъ заковать въ цѣпи и заключить въ сѣрадскій замокъ. Онъ освободилъ Павла лишь послѣ того, какъ папа предалъ его проклятію за заключеніе духовнаго лица. Вскорѣ ему стала грозить новая опасность. Магнаты отказались повиноваться ему и пригласили въ Краковъ черскаго князя, Конрада Земовитовича. Лешекъ поручилъ защиту краковскаго укрѣпленія и своей жены мѣщанству, а самъ отправился за помощью въ Венгрію. Благодаря вѣрности мѣщанства и венгерской помощи, ему удалось подавить возстаніе знати. Онъ наградилъ краковскихъ мѣщанъ различными привилегіями и съ этихъ поръ искалъ въ

нихъ опоры въ своей борьбѣ съ знатью. Подавивъ мятежъ, онъ обратилъ свои силы противъ Конрада мазовецкаго, направивъ противъ него крестовый походъ, разрѣшенный ему папою противъ татаръ и литовцевъ, опустошилъ и ограбилъ его землю [1]). Не заглушило у Лешка жажды мести и третье нашествіе татаръ (1287 г.), распространившееся теперь до самаго Сонча. Отъ татаръ князь бѣжалъ въ Венгрію, когда же опасность миновала и онъ вернулся въ страну, то сталъ готовиться къ новому походу на Конрада. Лешекъ умеръ бездѣтнымъ, не удовлетворивъ своей жажды мести. Послѣ его смерти сѣрадзское княжество получилъ братъ его по отцу Владиславъ Локотокъ; за обладаніе же краковскимъ и сандомірскимъ удѣлами возгорѣлась борьба, въ которой во второй разъ приняло участіе мѣщанство.

Между тѣмъ, какъ знать вызвала Болеслава Земовитовича плоцкаго и передала ему Сандоміръ, краковское мѣщанство, почувствовавшее въ княженіе Лешка Чернаго свою силу и желавшее имѣть княземъ своего ставленника, призвало изъ Вроцлава *Генриха IV Пробуса* (1289—1290). „Der milde Fürste“, добрый князь, какъ называли его вроцлавскіе мѣщане, былъ, подобно его силезкимъ предкамъ, онѣмеченъ, писалъ нѣмецкіе стихи, хотя и не вполнѣ утратилъ славянскія симпатіи; такъ, онъ поддерживалъ чешскаго короля Оттокара II въ войнѣ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ. Онъ былъ самымъ могущественнымъ изъ современныхъ силезскихъ князей и охотно принялъ приглашеніе краковскаго мѣщанства. Цехъ мясниковъ открылъ Генриху городскія ворота Кракова, каштелянъ Сулько съ рыцарствомъ тоже подчинился ему. Вначалѣ никто не оказалъ ему противодѣйствія, даже Болеславъ Земовитовичъ добровольно ушелъ изъ Сандоміра,—какъ вдругъ, неожиданно выступилъ противъ него Владиславъ Локотокъ. Поддерживаемый великополянами и мазурами, онъ разбилъ силезкое рыцарство подъ Сѣверомъ и занялъ Краковъ, въ которомъ однако не могъ долго удержаться. Когда цехъ мясниковъ снова отперъ городскія ворота отрядамъ Генриха Пробуса, Владиславъ, застигнутый врасплохъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый князь-ставленникъ нѣмецкихъ мѣщанъ вскорѣ умеръ бездѣтнымъ, завѣщавъ краковскій и сандомірскій удѣлы Пржемыславу II великопольскому.

Пржемыславу II достался послѣ Генриха Пробуса только краковскій удѣлъ, такъ какъ сандомірскимъ завладѣлъ Владиславъ

---

[1]) **Мазовецкіе Пясты:**

Казиміръ Справедливый.

Лешекъ Бѣлый († 1227). — Конрадъ I († 1247), князь мазовецкій.

Дѣти Лешка Бѣлаго: Саломея († 1268) за Коломаномъ венгерскимъ. — Болеславъ Стыдливый († 1279).

Дѣти Конрада I: Болеславъ († 1248) — Казиміръ († 1267), князь куявскій — Земовитъ I († 1262), князь мазовецкій.

Конрадъ II († 1294). — Болеславъ II († 1313).

Земовитъ II († 1343). — Тройденъ († 1341). — Вацлавъ († 1336).

Болеславъ Георгій († 1340), князь галичскій. — Земовитъ III († 1381).

Земовитъ IV († 1426). — Янушъ I († 1429).

Локотокъ. Вскорѣ у обоихъ этихъ князей оказался противникъ въ лицѣ чешскаго короля, *Вацлава (1291—1305)*, призваннаго нѣмецкими мѣщанами. Вацлавъ изгналъ Пржемыслава изъ Кракова, Владислава же осадилъ въ Сѣраздѣ. Владислава онъ принудилъ не только отречься отъ притязаній на краковскій и сандомірскій удѣлы, но и платить дань съ княжествъ сѣрадзскаго и брестско-куявскаго. Вскорѣ Вацлаву представился случай овладѣть и великопольскимъ удѣломъ.

Пржемыславъ II по смерти дяди своего, Болеслава Благочестиваго († 1279), владѣлъ всей Великой Польшей, а сверхъ того, получилъ Поморье (1295), завѣщанное ему бездѣтнымъ сыномъ убійцы Лешка Бѣлаго, Мщугомъ (Мествинъ). Въ 1295 г. онъ, съ согласія папы, былъ коронованъ вмѣстѣ съ женою своею Риксою. гнѣзненскимъ архіепископомъ, Іаковомъ Свинкою, къ король Польши и князь Поморья. Возстановленіе этого титула, не употреблявшагося со времени Владислава Германа, имѣло цѣлью вызвать тяготѣніе меньшихъ княжествъ къ великопольскому центру, импонирующему величіемъ королевскаго достоинства, и выражало стремленіе возстановить государственное единство. Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ своей коронаціи Пржемыславъ палъ подъ ударами убійцъ, подосланныхъ маркграфомъ бранденбургскимъ Оттономъ, стремившимся овладѣть Поморьемъ и дѣйствовавшимъ въ согласіи съ мятежными великопольскими родами Налэнчей и Зарембъ. Пржемыславъ былъ убитъ въ февралѣ 1296 г. въ Рогознѣ. Первый король возрождающейся Польши былъ послѣднимъ потомкомъ по мужской линіи Мешка Стараго, вслѣдствіе чего Великая Польша стала предметомъ такой же борьбы, какъ Малая Польша по смерти Болеслава Стыдливаго [1]).

Великополяне призвали Владислава Локотка, женатаго на дочери Болеслава Благочестиваго, Ядвигѣ, но въ то же время наслѣдія, оставшагося послѣ Пржемыслава домогались: княжившій въ краковско-сандомірскомъ удѣлѣ Вацлавъ,—племянникъ Генриха Пробуса, Генрихъ Конрадовичъ глоговскій, — князь щетинскій Богуславъ и племянникъ Мщуга, Лѣшекъ Земомысловичъ иноврацлавскій, овладѣвшій Поморьемъ. Поморье Владиславъ Локотокъ отнялъ, но нѣкоторыхъ другихъ претендентовъ онъ вынужденъ былъ удовлетворить уступками. Болеславу щетинскому онъ уступилъ кашубскую землю, а Генриху глоговскому часть Великой Польши на лѣвомъ берегу Обры. Владиславъ Локотокъ, благодаря соединенію Великой Польши съ По-

---

[1]) **Великопольскіе Пясты:**

Мешко Старый.

Одонъ († 1194). — Владиславъ Тонконогій († 1231)

Владиславъ Одоничъ Плеватель († 1239)

Пржемыславъ I († 1257). — Болеславъ Благочестивый († 1279)

Пржемыславъ II († 1296). — Ядвига († 1339) за Владиславомъ Локоткомъ.

Реичка за Вацлавомъ, королемъ чешскимъ и польскимъ.

морьемъ и удѣлами: брестско-куявскимъ, сѣрадзскимъ и лэнчицкимъ, полученнымъ имъ по смерти брата его, Казиміра, павшаго въ войнѣ съ литовцами, сталъ самымъ могущественнымъ княземъ. Располагая столь большими средствами, онъ для осуществленія идеи Пржемыслава II могъ бы попытаться изгнать изъ Кракова и Сандоміра Вацлава чешскаго, если бы ему не помѣшали внутреннія обстоятельства. Враждебная Владиславу партія знати, во главѣ которой стоялъ епископъ познанскій, Андрей, отказалась повиноваться ему (1300 г.) и призвала Вацлава подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на дочери Пржемыслава, Репчкѣ. Вацлавъ не только изгналъ Владислава изъ Великой Польши, но и отнялъ у него наслѣдственныя владѣнія. Онъ короновался въ Гнѣзнѣ польскою короною и уѣхалъ въ Прагу, поручивъ правленіе страною своимъ намѣстникамъ (старостамъ), которые отъ его имени пользовались въ провинціяхъ судебною и исполнительною властью. Подъ скипетромъ Вацлава объединились всѣ польскіе удѣлы, за исключеніемъ Мазовіи и Силезіи. Съ этого времени не только установилось государственное единство, но и возникаетъ стремленіе къ соединенію съ Польшею чуждыхъ ей земель, къ объединенію разноплеменныхъ народовъ и слiянію ихъ при помощи латинской культуры.

* * *

Внутреннія отношенія Польши потерпѣли въ XII и XIII вѣкахъ всестороннее измѣненіе. Измѣнилось территоріальное строеніе государства, иными стали какъ роль государя, такъ и положеніе общественныхъ классовъ: свѣтскихъ сановниковъ, духовенства, рыцарства и кметовъ.

Вслѣдствіе раздѣла страны, произведеннаго Болеславомъ Кривоустымъ, государство утратило свою прежнюю цѣльность. Изъ всѣхъ княжествъ одно лишь краковское оставалось нераздѣльнымъ, другія же раздроблялись все больше и больше, по мѣрѣ размноженія Пястовичей. Порядокъ наслѣдованія краковскаго удѣла, установленный Болеславомъ Кривоустымъ, былъ дважды насильственно нарушенъ вслѣдствіе изгнанія Владислава II и Мѣшка Стараго; наконецъ, на лэнчицкомъ съѣздѣ 1180 г. онъ былъ замѣненъ новымъ порядкомъ. Принципъ старшинства въ родѣ Пястовичей уступилъ мѣсто принципу первородства въ линіи Казиміра Справедливаго. Однако, и новый порядокъ наслѣдованія краковскаго престола не удержался: Лѣшекъ Бѣлый, дважды изгоняемый Мѣшкомъ Старымъ, отказался отъ своихъ правъ въ пользу Владислава Тонконогаго. Въ сущности, вопросъ о занятіи краковскаго удѣла рѣшало не право, а сила или искусство соперниковъ. Рѣшающимъ факторомъ въ дѣлахъ этого рода была знать—„можновладство“,—а въ концѣ XIII вѣка нѣмецкое мѣщанство, возведшее на престолъ Генриха Пробуса и Вацлава. Устанавливающійся теперь принципъ избирательности князей не считался даже съ правами династіи Пястовъ, если онъ могъ привести къ призванію на престолъ чуждаго ей по

крови Пржемыслида. Младшія княжества, составляя частную собственность княжившихъ въ нихъ лицъ, переходили путемъ наслѣдованія къ ихъ мужскому потомству. Въ случаѣ смерти бездѣтныхъ князей остававшееся послѣ нихъ наслѣдство переходило къ ближайшимъ родственникамъ мужескаго пола той же линіи, вслѣдствіе чего нѣкоторые удѣлы сливались. Такимъ путемъ объединилась Великая Польша въ рукахъ Пржемыслава II. Въ концѣ XIII вѣка принципъ избирательности князей началъ примѣняться и въ младшихъ княжествахъ. Это имѣло мѣсто въ Великой Польшѣ по прекращеніи рода Мѣшка Стараго.

Верховенство старѣйшихъ князей краковскихъ надъ младшими удѣльными князьями, не отлившееся въ какую-нибудь опредѣленную юридическую форму, въ дѣйствительности не осуществлялось. Всѣ князья, не связанные со старѣйшимъ княземъ узами ленной зависимости, были самостоятельными удѣльными государями въ своихъ владѣніяхъ. Они заключали между собою союзы и договоры относительно совмѣстной защиты, раздѣловъ наслѣдства, наказанія преступниковъ, выдачи бѣглецовъ, таможенныхъ сборовъ и т. д. Польша XIII вѣка, разбитая на отдѣльныя части, составляла скорѣе этнографическое цѣлое, чѣмъ государственное.

Княжеская власть была въ принципѣ неограниченной. Князья титуловали себя наслѣдными государями (pan i dziedzic) своихъ удѣловъ, сами вели внѣшную политику и внутреннія дѣла. Но въ дѣйствительности они пользовались своей властью лишь настолько, насколько у нихъ было силы для этого; обыкновенно власть ихъ ограничивали свѣтскіе сановники, называвшіеся баронами, и прелаты т. е., духовные сановники.

Свѣтскіе сановники, какъ-то: канцлеръ, воевода, каштеляны, скарбники, подкоморіи, судьи, стольники, подстольи, чесники, подчашіи, ловчіе, конюшіе и т. д., принимали титулы бароновъ или комесовъ (*comes*, графъ), которые впослѣдствіи переходили на ихъ мужское потомство. Князья жаловали имъ населенныя земли съ верховной властью надъ подданными (*jus ducale*, княжеское право); доходы они получали съ даней, разведенія скота, земледѣлія. Связанные между собою узами родства, они составляли организованный родъ, единодушно выступавшій всякій разъ, когда дѣло шло о вліяніи на князя и общественныя дѣла. Благодаря своему положенію и родовой солидарности, бароны имѣли возможность увеличивать свои территоріальныя владѣнія при помощи доходовъ со своихъ должностей или путемъ полученія новыхъ княжескихъ пожалованій и привилегій.

Вліяніе духовенства вытекало какъ изъ его матеріальнаго богатства, такъ и изъ его нравственной роли въ обществѣ и его организаціи. Епископамъ жаловались цѣлыя каштелянства съ верховной властью въ нихъ, какая обыкновенно принадлежала князьямъ (jus ducale). Архіепископство гнѣзненское владѣло жнинскимъ каштелянствомъ въ Великой Польшѣ и ловичскимъ въ Мазовіи; епископство куявское—вольборскимъ каштелянствомъ въ Куявіи, краковское епископство—славковскимъ подъ

Краковомъ, тарчецкимъ (Тарчекъ, Кельцы и Бодзэнтинъ) въ свентокрижскихъ горахъ и хропскимъ въ серадаской землѣ. Епископы получали доходы не только съ земельныхъ владѣній, которыми они управляли очень умѣло, но также съ десятинъ, платы за требы и, наконецъ, отъ пожертвованій благочестивыхъ людей. Ни одно баронское состояніе не могло равняться съ состояніемъ нѣкоторыхъ епископскихъ каѳедръ. Передъ нравственнымъ вліяніемъ епископовъ преклонялись всѣ, не исключая и царствующихъ лицъ; церковное проклятіе заставляло трепетать даже самаго необузданнаго изъ князей, Конрада I мазовецкаго. Григоріанскія реформы освободили епископовъ отъ вліянія свѣтской власти и сдѣлали ихъ независимыми отъ государства. Епископовъ окружали прелаты, тоже надѣленные земельными владѣніями и доходами: каѳедральный пробстъ, деканъ, архидіаконъ, схоластикъ, канторъ, кустосъ,—затѣмъ, каноники, имѣвшіе большіе доходы (prebendy). Церковная организація, основанная на зависимости низшихъ іерархическихъ ступеней отъ высшихъ, держала духовенство въ покорности и повиновеніи духовнымъ властямъ. Синоды, созывавшіеся епископами, противодѣйствовали своими постановленіями упадку нравовъ клира и его уклоненіямъ отъ исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей. Упроченію вліянія органовъ церковной власти не мало способствовали монашескіе ордена. Бенедектинцы имѣли пять аббатствъ: три въ Великой Польшѣ (въ Межерѣчьи, Могилинѣ и Люблинѣ), столько же въ Малой Польшѣ (на Лысой Горѣ, въ Тынцѣ и Сѣцеховѣ), по одному въ Мазовіи (въ Плоцкѣ), въ серадско-лэнчицкомъ княжествѣ (въ Лэнчицѣ) и въ Силезіи (въ Орловѣ). Цистерциріанцы основались въ Лендѣ (на Вартѣ), Ендржеёвѣ и Любёнжѣ (на Одерѣ), Сулеёвѣ, Вонхоцкѣ, Копржевницѣ и Могилѣ. Латеранскіе монахи-каноники—въ Тржемешнѣ, Вроцлавѣ и Червинскѣ; премонстранты — въ различныхъ мѣстностяхъ Малой Польши, Великой Польши, Мазовіи и Силезіи. Въ странѣ поселились также и рыцарскіе ордена. Рыцари Гроба Господня (мѣховичи), приглашенные участникомъ крестовыхъ походовъ, Яксою Грифомъ, основали свой монастырь въ Мѣховѣ. Генрихъ, князь сандомірскій, поселилъ въ Загостьи подъ Стопницею іоаннитовъ. Въ Силезіи поселились тампліеры. Но самое большое вліяніе оказывали нищенствующіе ордена: доминиканцы и фанцисканцы. Доминиканцевъ пригласилъ въ Краковъ въ 1223 году Ивонъ Одровонжъ, епископъ краковскій. Родственники Ивона: св. Яцэкъ († 1257) и Чеславъ († 1242) были первыми правителями и насадителями этого ордена, который вскорѣ распространился по всѣмъ удѣламъ Польши. Одновременно съ доминиканцами въ Польшѣ утверждались явившіеся благодаря стараніямъ Болеслава Стыдливаго, францисканцы или минориты, а также марки и августинцы. Рядомъ съ мужскими монастырями возникали и женскіе, самыми популярными изъ которыхъ были францисканскіе. Славу францисканскаго ордена распространяли княжны и вдовы князей, удалявшіяся на склонѣ жизни въ монастыри: Саломея, дочь Лёшка Бѣлаго, Кинга, вдова Болеслава Стыдли-

ваго, и сестра ея Іоланта, вдова Болеслава Благочестиваго. Монахи различныхъ орденовъ своей благочестивой жизнью и образованіемъ возвышали престижъ церкви и содѣйствовали упроченію вліянія духовенства на мірскія дѣла.

Бароны и прелаты (епископы, каноники, аббаты, монахи и т. п.), благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ и нравственному вліянію, составляли силу, съ которой князья вынуждены были считаться. Они также фактически участвовали въ правленіи рядомъ съ княземъ на такъ называемыхъ colloquium'ахъ или съѣздахъ, собиравшихся для рѣшенія общественныхъ и важнѣйшихъ частныхъ дѣлъ.

Colloquium созывалъ князь по требованію обстоятельствъ. Участвовали въ немъ, кромѣ князя и его родныхъ, бароны и сановники церкви. Собирался онъ въ главномъ городѣ или въ провинціи,—часто въ селѣ, подъ открытымъ небомъ. На немъ рѣшались вопросы внѣшней политики, какъ объявленіе войны, заключеніе мира, принимались постановленія, давались или утверждались привиллегіи, опредѣлялись налоги; словомъ, colloquium пользовался законодательной властью во всемъ ея объемѣ. Бароны и прелаты были непремѣнными участниками правительственной дѣятельности князя: безъ ихъ участія не выходилъ почти ни одинъ важный актъ изъ княжеской канцеляріи. Кромѣ принятія постановленій, colloquium пользовался и судебной властью; онъ утверждалъ также добровольные акты частныхъ лицъ, придавая имъ этимъ большее значеніе. Бароны и прелаты фактически составляли княжескій совѣтъ, который въ позднѣйшее время получилъ названіе сената.

За баронами, прелатами, а отчасти и мѣщанствомъ, пріобрѣтшимъ въ XIII рѣшающій голосъ въ избраніи краковскихъ князей, стояли другія общественныя группы, какъ шляхта и кметы, которые не принимали участія въ дѣлахъ правленія и принадлежали къ управляемымъ классамъ.

Шляхта образовалась въ удѣльный періодъ изъ рыцарства [1]). Въ XII и XIII вѣкахъ вслѣдствіе прекращенія завоевательныхъ войнъ и устраненія опасности нѣмецкихъ нашествій содержаніе рыцарства въ боевой готовности въ городахъ и укрѣпленныхъ

---

[1]) Такъ называемая, теорія нашествія производитъ шляхту отъ иноземцевъ, которые будто-бы въ допястовскія времена напали на славянъ, жившихъ по берегамъ Варты и Вислы, покорили ихъ, основали государства и стали господствующимъ, привиллегированнымъ классомъ. Отъ иноплеменныхъ пришельцевъ шляхту производилъ еще Нарушевичъ; послѣ него, въ XIX столѣтіи той же теоріи придерживались: Шайноха, Мацѣевскій и Сѣнковскій. По мнѣнію Шайнохи, шляхта произошла отъ норманской дружины. По мнѣнію Мацѣевскаго, славянскіе лазы, вытѣсненные изъ Саксоніи тевтонами, переправились черезъ Варту, основали здѣсь государство и образовали шляхетскій классъ. Сѣнковскій производилъ шляхту отъ кавказскаго племени лезговъ. Пекосинскій считаетъ ее потомствомъ младшихъ линій династій Попелидовъ и Пястовъ. *В. Смоленскій*.—Что же касается самаго названія: «шляхта», то оно, несомнѣнно, нѣмецкаго происхожденія; вѣроятнѣе всего, оно происходитъ отъ слова Schlacht (битва, schlachten—убивать) или, можетъ быть, отъ Geschlecht (родъ, въ переносномъ смыслѣ—знатный родъ). *Г. Львовичъ*.

лагеряхъ стало излишествомъ, безъ всякой надобности обременявшимъ княжескую казну. Вслѣдствіе этого князья распустили рыцарей, снабдивъ ихъ земельными угодьями. Начальствующимъ лицамъ они жаловали значительныя пространства земли съ жившимъ на ней населеніемъ, простымъ же рыцарямъ—ланъ или полъ-лана съ кметами или безъ нихъ [1]). Получившій земли владѣлъ ими на правахъ собственности, которую могъ продать, подарить кому-либо или передать по наслѣдству; онъ былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ общественныхъ тяготъ, пользовался налогами и натуральными повинностями, какія населеніе, жившее въ его владѣніяхъ, несло раньше въ пользу княжеской казны; ему принадлежала верховная власть надъ подданными, онъ же совершалъ надъ ними судъ; онъ давалъ десятину какой-нибудь церкви по собственному выбору; преступленія противъ шляхтича наказывались строже, чѣмъ преступленія противъ лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ общественнымъ классамъ. Эти привилегіи назывались рыцарскимъ правомъ (jus militare); получившій ихъ былъ шляхтичемъ (nobilis, miles—благородный, рыцарь). Помѣстный шляхтичъ—шляхтичъ-„земянинъ"—не освобождался отъ своихъ прежнихъ рыцарскихъ обязанностей: по зову князя онъ обязанъ былъ являться на войну—верхомъ на конѣ и въ надлежащемъ вооруженіи. Шляхетское поселеніе обыкновенно получало названіе отъ характера занимаемой имъ мѣстности,—напр., Домброва, Дембно (т. е., Дубрава, Дубно). Отъ названія поселенія обыкновенно происходилъ „окрикъ" или кличъ (proclama), которымъ шляхтичъ пользовался въ случаѣ опасности, какъ лозунгомъ, призывавшимъ на помощь. Съ теченіемъ времени „окрикъ" превратился въ девизъ, къ которому присоединилось соотвѣтствующее изображеніе или гербъ. Девизы и гербы переходили къ потомству и становились родовыми знаками. Шляхта не играла никакой политической роли. Шляхтичу, не принадлежавшему къ сановному роду, не легко было получить правительственную должность; онъ долженъ былъ довольствоваться подчинительной ролью служащаго при дворѣ какого-нибудь магната или заниматься земледѣліемъ. Онъ зависѣлъ отъ милости князя, бароновъ и прелатовъ, потому что подлежалъ ихъ суду и долженъ былъ подчиниться постановленіямъ colloquium'овъ, въ которыхъ самъ онъ не принималъ участія.

Ниже шляхтича-рыцаря стоялъ scartabellus [2]), называвшійся по-польски владыкою и „сперцалкою". Владыка не пользовался полными рыцарскими правами: у него не было девиза и герба, онъ платилъ обязательную десятину т. е., вносилъ ее своей приходской церкви, а не той, какой самъ хотѣлъ, за убійство его и раны, нанесенныя ему, виновный уплачивалъ половину

---

[1]) Ланъ (нѣм. Land, земля) — поле; пространство земли, занимаемое ланомъ, въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ было неодинаково: такъ, были ланы нѣмецкіе, франконскіе, хелминскіе и т. д. *Г. Л.*

[2]) Новопожалованный шляхтичъ, возведенный въ дворянство особой хартіей,—«ex charta bella» (отсюда: scartabellus). *Г. Л.*

того, что платилось за такія же преступленія, совершенныя надъ шляхтичемъ.

Сельское нешляхетское населеніе, жившее въ княжескихъ, церковныхъ и частныхъ владѣніяхъ, раздѣлялось на несвободное и свободное.

Несвободными кметами или адскриптиціями (servi, ascripticii) называли тѣхъ людей, которымъ давалась земля подъ условіемъ несенія извѣстныхъ личныхъ повинностей и постояннаго пребыванія въ господскихъ владѣніяхъ. Соотвѣтственно личнымъ повинностямъ, которыя они несли, ихъ называли: церковниками (świątnik), рыбаками, ловчими, конярами, бортниками, кузнецами, плотниками (cieśla), бочарами (bednarz), пивоварами, пекарями и т. п. Большинство же этого населенія, занимавшееся земледѣліемъ, носило названіе колоновъ. Церковники предназначались для церковныхъ службъ, бортники, ловчіе и т. д. доставляли на господскій дворъ медъ, дичь и т. д.; колоны пахали господскія поля, сѣяли, убирали хлѣбъ, свозили его въ господскую усадьбу. Сверхъ натуральныхъ повинностей, адскриптиціи вносили за землю, на которой они были поселены, оброкъ хлѣбомъ и другими продуктами. Самовольно оставившихъ господскія владѣнія господинъ привлекалъ къ княжескому суду и, доказавъ, что они принадлежали къ категоріи адскриптиціевъ, снова поселялъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ концѣ XIII вѣка князья разрѣшали господамъ ловить такихъ бѣглецовъ, подвергать ихъ заключенію и обращать въ неволю. Несвободный кметъ, считавшійся наслѣдственнымъ пользователемъ своего участка, фактически могъ быть удаленъ съ него господиномъ или переселенъ въ другое мѣсто. Князья особыми привиллегіями подчинили адскриптиціевъ суду ихъ господъ, лишая ихъ этимъ всякой защиты со стороны правительства. Право дарованія имъ свободы принадлежало исключительно ихъ господину.

Свободные кметы (liberi) могли оставлять господскія владѣнія и не несли никакихъ спеціальныхъ личныхъ повинностей. Со своихъ участковъ они давали оброкъ своему господину: князю, церкви или рыцарю. Первоначально они, какъ и шляхта, подлежали суду князя и его служащихъ, но въ концѣ XIII вѣка они на-ряду съ несвободными кметами перешли подъ юрисдикцію господъ. Въ размѣрахъ своей личной свободы они тоже постепенно все больше и больше приближались къ адскриптиціямъ. Чтобы предотвратить запустѣніе господскихъ помѣстій, установился такой обычай, что только одному-двумъ кметамъ позволялось уйти безъ разрѣшенія господина и переселиться въ иное село. Лишь въ слѣдующихъ случаяхъ всѣ кметы могли пользоваться своею личною свободою: 1) когда господинъ совершалъ насиліе надъ женою или дочерью поселянина, 2) когда его имущество отнимали за вину его господина и 3) когда все село втеченіе года находилось подъ церковнымъ проклятіемъ. Общественное приниженіе кметовъ сравнительно съ шляхтой выражалось также и въ томъ, что за преступленія, совершенныя надъ ними, назначалось меньшее наказаніе. Такъ, пеня за убій-

ство шляхтича равнялась шестидесяти гривнамъ [1]), за убійство владыки—тридцати гривнамъ, за убійство же кмета — десяти, изъ которыхъ четыре шло въ пользу господина, а шесть въ пользу родныхъ убитаго. Обычаи, опредѣлявшіе обязанности кметовъ и отношенія ихъ къ господамъ, назывались земскимъ правомъ (jus terrestre) или польскимъ (jus polonicum).

Кромѣ поселеній, положеніе которыхъ регулировалось польскими обычаями, возникли еще поселенія кметовъ на основаніи нѣмецкаго права. Образовались они, какъ и новые города (miasta въ отличіе отъ grod'овъ, старыхъ городовъ—укрѣпленій), путемъ колонизаціи. Князь, владѣвшій обширными пространствами ненаселенныхъ земель, съ цѣлью привлеченія колонистовъ объявлялъ *„волю"*. Онъ разрѣшалъ каждому поселенцу занять столько земли, сколько тотъ могъ обработать, освобождалъ его на извѣстный періодъ времени отъ всякихъ повинностей. По прошествіи лѣтъ *„воли"* колонистъ обязанъ былъ платить въ княжескую казну въ опредѣленный срокъ, обыкновенно въ день св. Мартина, оброкъ наличными деньгами. Такая колонія пользовалась самоуправленіемъ. Предприниматель, основывавшій колонію и ведшій колонизацію, получалъ въ потомственную собственность извѣстное пространство земли, мельницу или корчму съ обязательствомъ нести рыцарскую службу, собирать княжескій оброкъ, а также вѣдать въ колоніи полицію и судъ. Судъ предприниматель, называвшійся солтысомъ [2]), совершалъ вмѣстѣ съ избираемыми общиной засѣдателями, лавниками. Примѣру князей подражали частные землевладѣльцы какъ духовные, такъ и свѣтскіе; съ разрѣшенія князя они объявляли у себя *„волю"* или переводили малолюдныя поселенія съ польскаго права на нѣмецкое.

Особое положеніе занимали евреи, въ большомъ числѣ прибывшіе въ Польшу вслѣдствіе преслѣдованій, какимъ они подвергались въ Германіи во время крестовыхъ походовъ. Они занимались торговлею и ростовщичествомъ; нѣкоторые князья пользовались ими для работъ на монетныхъ дворахъ и веденія финансовыхъ дѣлъ. Болеславъ Благочестивый далъ въ 1264 г. евреямъ привиллегію, ограждавшую ихъ отъ притѣсненій со стороны христіанскаго населенія и устанавливавшую правила относительно выдачи денежныхъ ссудъ подъ залогъ. Въ дѣлахъ между собою евреи были освобождены отъ подсудности городскимъ судамъ; имъ было гарантировано покровительство князя

---

[1]) Гривной (marca) называли количество металла, изъ котораго чеканилось опредѣленное число извѣстныхъ монетъ. Изъ польской гривны въ XIII столѣтіи чеканилось 24 скойца (scotus), т. е. 48 грошей или 240 динаріевъ. «Гривну» въ смыслѣ судебной пени платили не монетою, которой въ обращеніи было мало, а различными цѣнными предметами, напр., куньими, бѣличьими, хорьковыми, лисьими, овечьими шкурами, кусками тканей, солью. Нужно еще замѣтить, что въ XIII столѣтіи на одну дѣйствительную или денежную гривну считалось три судебныхъ.

[2]) Отъ нѣмецкаго Schultheisz—въ просторѣчьи часто: Schulthess.

Г. Л.

и воеводы, личная и имущественная неприкосновенность, свобода вѣроисповѣданія, неприкосновенность ихъ кладбищъ, молитвенныхъ домовъ и т. п.

Князья вслѣдствіе отчужденія своихъ земельныхъ владѣній и освобожденія высшихъ классовъ отъ несенія различныхъ повинностей все больше и больше лишались главнаго источника денежныхъ доходовъ. Путемъ перенесенія княжескаго права на бороновъ и прелатовъ, предоставленія городскимъ поселеніямъ самоуправленія, отреченія князей отъ права суда надъ сельскимъ населеніемъ въ пользу частныхъ лицъ они утрачивали важнѣйнія прерогативы монархической власти. Жалуемыя ими привилегіи освобождали населеніе отъ верховной власти государства, вводили самоуправленіе, которое является главною чертою общественной организаціи XIII вѣка. Размѣры этого самоуправленія были неодинаковы въ зависимости отъ содержанія привилегій. Шире всего оно было въ тѣхъ имѣніяхъ и поселеніяхъ, которымъ было пожаловано княжеское или нѣмецкое право: они составляли, такъ сказать, мелкія государства съ монархическимъ или республиканскимъ правленіемъ. Эти привилегіи разбили общество на группы, отличавшіяся одна отъ другой не своими занятіями, какъ было въ первоначальной Польшѣ, а своимъ юридическимъ, правовымъ положеніемъ. Такъ называемая, сословная организація, основывавшаяся на правовыхъ различіяхъ, установившихся между отдѣльными общественными группами, утвердится и сохранится на всю будущую государственную жизнь Польши. Впослѣдствіи будутъ измѣняться лишь взаимныя отношенія между сословіями: одни изъ нихъ, бывшія въ XIII вѣкѣ правящими, придутъ въ упадокъ, другія же, не игравшія раньше политической роли, достигнутъ положенія правящаго класса. Въ XIV и послѣдующихъ столѣтіяхъ къ господствующей роли въ политической жизни станетъ стремиться классъ помѣстныхъ рыцарей т. е., шляхта.

IV.

Образованіе шляхетской республики.

Владиславъ I Локотокъ (1306—1333), изгнанный изъ Великой Польши и лишенный своихъ наслѣдственныхъ владѣній, отправился за границу. Въ Римѣ во время юбилейныхъ торжествъ (1300 г.), онъ присматривался къ современнымъ политическимъ отношеніямъ, въ Венгріи выжидалъ благопріятныхъ для себя обстоятельствъ. По прекращеніи династіи Арнадовъ (1301 г.) король Вацлавъ хотѣлъ возвести на венгерскій престолъ своего сына, папа же, Бонифацій VIII, поддерживалъ Карла-Роберта Анжуйскаго. Карлъ-Робертъ, поддерживаемый, сверхъ того, еще и германскимъ императоромъ, Альбрехтомъ, вторгся въ Чехію и началъ войну съ Вацлавомъ. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ своего противника, Владиславъ вторгся въ Малую Польшу, взялъ при содѣйствіи венгровъ нѣсколько городовъ и готовился уже занять Краковъ. Въ это время Вацлавъ умеръ, а сынъ его, тоже называвшійся Вацлавомъ, поспѣшилъ въ Польшу, чтобы занять отцовскія владѣнія и на пути, въ Ольмюцѣ, былъ убитъ. Это обстоятельство облегчило Владиславу занятіе краковско-сандомірскаго княжества съ Поморьемъ и возвращеніе удѣловъ: брестско-куявскаго серадзскаго и лэнчицкаго. Но ему не подчинились великополяне, признавшіе своимъ княземъ Генриха глоговскаго, внука Генриха Благочестиваго. Кромѣ великопольской знати, противъ Владислава было и мѣщанство, видѣвшее въ немъ врага нѣмецкаго вліянія.

И не только Владиславу не подчинялась Великая Польша: вскорѣ изъ-подъ его власти начало освобождаться и Поморье. Швенцы, одинъ изъ самыхъ могущественныхъ по-

морскихъ родовъ, отказались повиноваться ему и призвали въ страну Вальдемара, маркграфа бранденбургскаго. Владиславъ, не полагаясь на собственныя силы, обратился съ просьбой о помощи къ тевтонскому ордену. Тевтоны, хотя и изгнали бранденбуржцевъ, но измѣннически сами овладѣли Поморьемъ. Это случилось именно тогда, когда неожиданно для Владислава произошло два важныхъ событія: смерть великопольскаго князя, Генриха глоговскаго (1309 г.) и возстаніе малопольскихъ мѣщанъ. Смерть Генриха давала Владиславу благопріятный случай овладѣть Великой Польшей, возстаніе же мѣщанъ грозило ему утратою Малой Польши, такъ какъ нѣмецкіе колонисты, подъ руководствомъ краковскаго войта, Альберта, краковскаго епископа, Яна Мускаты, и мѣховскаго аббата, Генриха, образовали союзъ съ цѣлью вручить правленіе Владиславу, князю опольскому. Застигнутый неожиданно этими событіями, Владиславъ Локотокъ вынужденъ былъ оставить поморскія дѣла, чтобы заняться Великой и Малой Польшей. Дѣйствительно, онъ овладѣлъ Великой Польшей, несмотря на противодѣйствіе познанскихъ мѣщанъ, и подавилъ возстаніе войта Альберта. По окончаніи этихъ дѣлъ онъ, не располагая достаточными силами для борьбы съ тевтонами, обратился къ дипломатическимъ средствамъ. Онъ отправилъ въ Авиньонъ, къ папѣ Іоанну XXII, посольство съ жалобою на тевтонскій орденъ и въ то же время просилъ для себя королевскаго титула. Съ согласія папы онъ въ 1320 г. короновался въ Краковѣ; онъ дождался также папскаго приговора, предписывавшаго тевтонамъ возвратить Владиславу Поморье и вознаградить его за убытки. Но тевтоны не хотѣли подчиниться рѣшенію папскаго суда и въ виду этого Владиславъ сталъ готовиться къ войнѣ. Онъ заключилъ союзъ съ венграми, выдавъ свою дочь, Елизавету, за короля Карла-Роберта (1320), вошелъ въ близкія отношенія съ Литвою, женивъ сына своего, Казиміра (1325 г.), на Аннѣ-Альдонѣ, дочери великаго князя Гедимина. Въ 1331 г. онъ созвалъ духовныхъ и свѣтскихъ господъ на съѣздъ въ Хенцины съ цѣлью обсудить военныя приготовленія. Но тевтоны предупредили Локотка: понадѣявшись на помощь чешскаго короля, Іоанна Люксембургскаго, который въ качествѣ зятя Вацлава имѣлъ притязанія на польскій престолъ и сдѣлалъ своими данниками силезскихъ князей, а также Вацлава мазовецкаго, они первыми вторглись въ Великую

Торжество силы.

Историческій романъ ПОЛЯ АДАМЪ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ.

Переводъ граф. *А. З. Муравьевой.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Пороховщикова Бассейная 3—5.
1899.

іонійскими колоннами, поддерживающими потолокъ, въ ножкахъ въ видѣ ствола изъ зеленой бронзы высокихъ лампъ, священныхъ треножникахъ маленькихъ столовъ, въ туникахъ и котурнахъ женщинъ, въ напыщенномъ красноречіи газетъ, въ короткихъ палашахъ „велитовъ", въ прозвищахъ „санкюлотовъ", въ каменныхъ гирляндахъ цвѣтовъ на карнизахъ новыхъ памятниковъ.

За столомъ молодыя женщины, подруги его сестры, разсказывали объ античномъ образѣ жизни въ Люксембургѣ, гдѣ парадировали члены Директоріи, о „греческихъ обѣдахъ" и „гимнастическихъ пиршествахъ". По примѣру патриціевъ, пристрастившихся ко всему греческому, у Пракси-Блассанъ однажды, предложили гостямъ „спартанскую похлебку".

Всѣ приглашенные пришли въ восторгъ отъ этого кушанья, гдѣ смѣшивались гречневая мука и крошеная свинина. Наклонивъ свои головки, убранныя a la Пордія, дамы съ наслажденіемъ кушали это мѣсиво. Но между „демофилэллинами" исповѣдовавшими чистый культъ Афинъ и партизанами г-жи Талльенъ, склонявшейся къ римской модѣ, (къ послѣднимъ принадлежала и Аврелія), возникъ споръ.

Пракси-Блассанъ не прощалъ дамамъ того, что онѣ на этихъ пирахъ украшали кольцами пальцы ногъ, обутыхъ въ шелковыя чулки, вытканныя по формѣ большихъ пальцевъ. Мужчины порицали этотъ вкусъ щеголихъ; и ополчившись на античное и якобинское искусство носили серьги и косы изъ собственныхъ волосъ, порыжѣвшихъ отъ краски и поддерживаемыхъ кривыми гребенками. Среди такого-то общества строгій Кавруа, неподвижный въ своемъ синему фракѣ и галстухѣ, занималъ мудрыми изрѣченіями дамо въ костюмѣ одалиски съ золотыми монетами на груди; сильный насморкъ заставлялъ ее часто обращаться къ носовому платку въ сѣтчатомъ мѣшечкѣ, висѣвшему вдоль ея курульнаго кресла.

— Господинъ Талейранъ сильно побуждаетъ генерала къ дѣйствію...

— Онъ бы хотѣлъ изъ него сдѣлать свою правую руку.—замѣтила одалиска...

— Руку для того чтобы „брать" и охранять собранное... прошепелявилъ одинъ изъ „incroyables".

Потомъ всѣ стали восхищались хлѣбомъ съ тминомъ по

греческому обычаю. Бернардъ однако нашелъ неудобнымъ пить изъ чаши, украшенной по краямъ гирляндой изъ живыхъ фіалокъ. Лепестки цвѣтовъ попадали въ ротъ вмѣстѣ съ виномъ.

— У Сіейса какая-то маніякальная склонность къ конституціямъ.— кричалъ Праксп-Блассанъ.

— Все-же это лучше развращенности Пурри и Барраса,—перебила одалиска.

— Гойе ничего не видитъ, ни игры Буонапарте ни его брата. Вѣрите вы въ корабль тайно посланный въ Египетъ Камбасересомъ, Редереромъ и Талейраномъ, чтобы просить маленькаго корсиканца вернуться? Конечно, своимъ предсѣдательствомъ Люсьенъ Буонапарте обязанъ именно этимъ людямъ — Редереру, Сен-Жанъ-д-Анжели... — Сперва они предлагали предсѣдательство Журдану. — Онъ отказался, какъ и Бернадотъ,—какъ Ожеро.—Простаки и ловкачи.— А народъ?—Онъ пьетъ.—Всѣ пьяны!—А „Древніе"?—Передъ фруктидоромъ они хотѣли Пишегрю, теперь хотятъ Бонапарте. — Глупыя головы „Пяти-Сотъ", имъ не помѣшаютъ.—Какое стадо! Франція!—Они пытались склонить и Моро.—И что-же?—Онъ колеблется. Это у него всегда такъ... Онъ колебался, предать Пишегрю суду или дѣйствовать за одно съ нимъ. Онъ колеблется между тѣмъ, чтобы занять мѣсто Буонапарте или поднять его на щитѣ.—Муленъ предполагаетъ ихъ разстрѣлять, но онъ скрываетъ это. Надо видѣть какъ онъ гнетъ спину передъ „побѣдителемъ пирамидъ"! — А онъ этотъ „побѣдитель"? — Онъ витійствуетъ. Не снимаетъ своего гражданскаго фрака, чтобы показать уваженіе къ гражданамъ! Онъ больше ничего не хочетъ. Онъ однако позволитъ насиловать свою волю... въ свою пользу. У него бываютъ истерики какъ у женщинъ—Фи!

Аврелія въ этотъ вечеръ была одѣта въ блѣдно-розовое платье и коричневый бархатный корсажъ, едва поддерживавшій ея грудь. Вокругъ ея шеи была повязана ярко-красная лента „à la victime", въ знакъ ея термидоровскихъ убѣжденій и солидарности съ гильотинированными.

Эта претензія выставлять напоказъ воспоминанія о казняхъ террористовъ не понравилась Герикуру. Аврелія казалась ему сегодня какой-то суетливой, не граціозной. Подражая модѣ, она разсматривала въ лорнетъ мужчинъ

и женщинъ, и говорила, точно тѣ дворяне, которыхъ разорила республика:

— Бонапа-те далъ честное слово возв-атить намъ Блассонскій лѣсъ. Обѣщали тоже еще г-жѣ де-Коалинъ, княгинѣ де-Гемене—ея Лоріенскіе лѣса и ма-кизѣде-Креки!..

— Талейранъ уже устроилъ бюро обѣщаній! —сказалъ кто-то, смѣясь.

— Да, въ улицѣ д'Анжу. отель Креки. Швейца-ъ укажетъ вамъ кодъ, — сказала Аврелія и покатилась со смѣху, словно сказала самую остроумную вещь на свѣтѣ. Бернардъ сталъ примѣчать въ сестрѣ много не замѣченныхъ раньше недостатковъ. Если напр. Ракси-Блассанъ толковалъ о глубокихъ причинахъ неизбѣжной катастрофы, Аврелія не кстати перебивала его рѣчь, крича во весь голосъ:

— Читали вы Пиго? Надо прочесть Пиго, мой до-огой!

Когда Кавруа, чтобы извинить дерзость Талейрана, хвалилъ этотъ геніальный умъ, такъ здраво судящій о людяхъ и государствахъ, она вдругъ интересовалась камеями въ ушахъ сосѣда, спрашивала объ имени золотыхъ дѣлъ мастера, и громко восхищалась рельефно выдѣлявшейся на черномъ агатѣ бѣлой колесницей Аполлона.

— Прокламаціи всѣ уже напечатаны въ улицѣ Христины у Демонвилля.... Пойдите взглянуть. Спросите отъ моего имени гражданина Бузю, корректора. Репьо сдѣлалъ надпись „печатать". Бузю показываетъ это всѣмъ, кому угодно,—говорилъ Кавруа, стараясь перекричать свою своячницу.

— Это было бы забавно.—Какой вздоръ. Вѣдь это уже тысячный заговоръ выдуманный досужими писаками.

„Генералы составятъ свиту Бонапарте.—Или Бонапартъ свиту „Древнимъ". — Чортъ возьми, милостивый государь, вотъ сабля, которая счиститъ грязь.

— Нечистота держится крѣпко. — Бернадоттъ пошелъ бы Бонапарту на встрѣчу.—А деньги.—Да, деньги. — Да деньги есть у Бонапарте—онъ разграбилъ Италію. — Онъ нашелъ два милліона у поставщиковъ. — Развѣ Бонапарте обѣщалъ поставщикамъ войну?

— Мой отецъ послалъ тридцать тысячъ ливровъ!—опрометчиво выкрикнула Аврелія...

Наступило молчаніе. Разслабленный поклонникъ Жанъ-Жака Руссо задумалъ было пропѣть какую-то игривую

шансонетку. Его мертвенное лицо смѣялось, а слюнявый ротъ муслилъ высокій кисейный галстухъ, поддерживавшій его измятыя щеки.

Однако ему не дали продолжать. Онъ опять усѣлся въ уголъ, покачивая головой, словно все окружающее ему казалось безсмысленнымъ и нелѣпымъ.

Старикъ смѣялся надъ людьми, относящимися съ такимъ вниманіемъ къ разнымъ заговорамъ. Онъ ихъ столько видѣлъ со временъ Людовика Многолюбимаго и праздника Федераціи! Онъ пожалъ плечами и наигрывалъ маршъ своей табакеркой по тарелкѣ, на днѣ которой былъ нарисованъ центавръ, натягивающій лукъ. „Вы всѣ смѣетесь надо мной“! внезапно—воскликнулъ онъ „Развѣ Ожеро взялъ власть въ свои руки послѣ ванфруктидора? Или этотъ маленькій корсиканецъ послѣ вандемьера? Свобода страшитъ тираннію!“ Онъ ударилъ по столу кулакамъ, и расплескавшееся изъ егочаши вино забрызгало кружева его манжетъ....

Всѣ встали изъ-за стола, покинувъ римскія сѣдалища изъ краснаго дерева, заканчивавшіеся мѣдными змѣями.

Бернардъ всегда съ чувствомъ облегченія вставалъ изъ-за этихъ пиршествъ, начинавшихся съ четырехъ часовъ и заканчивавшихся въ семь, при свѣчахъ.

Онъ страдалъ отъ досады, что раньше восхищался Авреліей, и она казалось ему почти такой-же вульгарной какъ Зюльма, служанка, топившая каминъ въ его комнатѣ.

Нетерпѣніе, выражавшееся на лицѣ мужа его сестры, подтвердило его наблюденіе относительно неловкостей Авреліи. Только-что Пракси-Блассанъ заговорилъ о коварствѣ дипломатіи и къ его словамъ всѣ со вниманіемъ стали прислушиватся, какъ его жена начала громко жаловаться на внезапную зубную боль, и всѣ бросились вынимать изъ своихъ мѣшечковъ-сѣтокъ англійскія соли, и опахивать ее вѣерами.

Въ другой разъ въ тотъ моментъ, когда другъ Талейрана раскрывалъ слушателямъ происхожденіе огромнаго заговора, устроеннаго послѣ фруктидора съ Роже-Дюкъ и Сіейсомъ, Аврелія поднялась съ мѣста, скользнула по паркету и прервала восторженнымъ безмолвнымъ поцѣлуемъ скучныя для нея разсужденія мужа...

— Вотъ такихъ вещей онъ никогда не-азсказываетъ своей зенѣ..... Онъ гово-итъ д-угимъ, а мнѣ никогда. —азбойникъ! И сидя на ручкѣ кресла она съ робкой лю-

бовью обвивала руками усталую голову насильно улыбавшагося супруга.

Къ счастію, приходъ какого-нибудь знаменитаго гостя, напримѣръ. Сіейса отвлекалъ ее. Она расточала ему любезности и придворные реверансы. Гражданинъ директоръ со своей привѣтливой отвислой нижней губой, здоровался, склоняя передъ всѣми свою курчавую голову, потомъ выпрямлялся, причемъ его двойной подбородокъ давилъ складки галстуха. Дамамъ онъ показывалъ рубецъ отъ раны на кисти руки, полученный отъ аббата Пуллъ, выстрѣлившаго въ него два раза изъ пистолета: „Питтъ зарядилъ этотъ пистолетъ", прибавлялъ онъ при этомъ.....

Иногда появлялся Констанъ де-Ребекъ звѣзда салона г-жи де-Сталь, длинные волосы и бакенбарды котораго обрамляли четырехугольный лобъ и греческій носъ, и на котораго направлялись всѣ лорнеты щеголихъ.

— Нѣтъ милостивый государь,—кричалъ Сіейсъ,—лучше ужъ я сдѣлаюсь якобинцемъ. Королей у насъ больше не появится! Эге! противъ нихъ и Кобленца у насъ есть превосходныя орудія: генералы Республики.

— Буонапарте?

— Онъ и другіе! Геній французовъ оплодотворитъ міръ съ помощью французскихъ штыковъ!

Герикуръ не любилъ этого человѣка. Наоборотъ, ему былъ очень симпатиченъ Моро, его очаровывала прямая фигура генерала, его широкое пріятное лицо, большіе откровенные глаза и красивый чувственный ротъ. Собранные въ одинъ пучокъ волосы безъ пудры открывали огромный лобъ, такъ кстати завершавшій красивую фигуру этого человѣка въ генеральскомъ мундирѣ съ широкими отворотами съ золотымъ шитьемъ. Представленный ему, Бернардъ выразилъ свое восхищеніе передъ германскими походами генерала и высказалъ ему свое желаніе поучиться военному дѣлу у такого великаго полководца.

Поговорили о политикѣ. Моро скромно объявилъ, что онъ не взялъ на себя отвѣтственности поселить разладъ въ Совѣтѣ, потому-то считаетъ себя неспособнымъ исполнить эту задачу и ловко бороться со всѣми честолюбіями, интригами и интересами. Бонапарте же кажется ему предназначеннымъ для этой роли самой судьбой; онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Когда же Бернардъ, завидуя славѣ Бонапарте, сталъ дурно о немъ отзываться, Моро

улыбнулся и, поглаживая трехцвѣтныя перья своей шляпы, сказалъ:

— Люди низменны по своей природѣ. Управлять ими можно только при большой неразборчивости въ средствахъ. Предоставимъ этотъ трудъ тому, кому онъ по сердцу. Я же жажду отдыха. Повѣрьте мнѣ, господинъ адъютантъ: хижина, сердце добродѣтельной супруги, плоды полей, воздѣланные нашими руками, свѣжая вода источника..... И, смотря влажными глазами на золотыя кисточки короткихъ ботфортовъ и костлявыя ноги въ бѣлыхъ казимировыхъ панталонахъ, генералъ увлекся моднымъ краснорѣчіемъ въ духѣ того времени.

Было рѣшено, что Бернардъ, получивъ производство въ поручики, послѣдуетъ за Моро въ Главный штабъ въ Рейнскую армію.

Обрадованный молодой человѣкъ поспѣшилъ разсказать объ этомъ Каролинѣ, сидѣвшей одиноко—въ своемъ бѣломъ платьѣ у подножія іонической колонны.

Кавруа по порученію Талейрана завладѣлъ Моро. Великій дипломатъ, большой животъ котораго, редингготъ каштановаго цвѣта и напудренный парикъ были сейчасъ же всѣми замѣчены, весело смѣялся и съ трудомъ волочилъ, свою кривую ногу отъ одного кресла къ другому.

— Ахъ! если бы нашъ отецъ видѣлъ его,—замѣтила Каролина.

Благоразумная молодая женщина смиренно восторгалась и между тѣмъ подсчитывала, сколько провіанта поставятъ мельницы д'Арра войскамъ, и какое количество кожи доставятъ кожевенные заводы для новыхъ войнъ. Ея большая круглая голова усиленно работала надъ сложными вычисленіями. И въ то же время она говорила Бернарду о необходимости передѣлокъ на мельницахъ, о грозившемъ отцу апоплексическомъ ударѣ, о безпокоившей ее необузданности Августина.

— Мы его перевоспитаемъ,—сказалъ Бернардъ.

Слышался звонкій голосъ Авреліи. Окруженная двадцатью молодыми шумными женщинами съ пьяными глазами, она не видѣла ни своего брата, ни сестры и весело болтала, среди всеобщаго смѣха, о слабости Бернарда къ... Зюльмѣ.

ГЛАВА V.

Маленькій эльзасскій городокъ гремѣлъ военными звуками. По его узкимъ улицамъ, огражденнымъ деревянной изгородью, нескончаемой вереницей двигались драгуны, ведшіе неосѣдланныхъ лошадей. Бѣлокурыя, полныя дѣвушки, толпившіяся по сторонамъ у лавочекъ, съ удивленіемъ смотрѣли на эту картину необычайнаго оживленія. Высокій капитанъ въ зеленомъ мундирѣ съ красной грудью въ желтыхъ замшевыхъ брюкахъ и ботфортахъ, щедро разливалъ въ чарки бѣлое, искрящееся вино. Повсюду виднѣлись веселыя лица. Шпоры и сабли путались и звякали между стульями.

Теплый флореаль украшалъ свѣжими цвѣтами зелень садовъ, и яркое солнце играло на крыльяхъ голубей, копошившихся между повозками съ овсомъ.

На трубахъ домовъ, щелкая клювами, въ сторожевой позѣ замерли аисты.

По улицамъ въ черныхъ щиблетахъ и въ шапкахъ съ желтыми кисточками, гордясь своимъ бравымъ видомъ передъ набиравшими у колодцевъ воду, жизнерадостными кумушками, непрерывной цѣпью двигались молодые солдаты. Въ кузницахъ звенѣли, сыпавшіеся сотнями, удары по раскаленному желѣзу. Въ окнахъ виднѣлись офицеры читавшіе тактическія работы. Повсюду сновали вѣстовые со списками дивизіи. На весь этотъ праздничный хаосъ съ неба обильно лились теплые лучи весенняго солнца.

Красныя перья конной артиллеріи, мохнатыя шапки съ яркими галунами гусаровъ, бѣлыя кисти медвѣжьихъ шапокъ, трясущіяся бахромки эполетъ, золотые галуны на рукавахъ и блестящая оправа портупей—все это сливалось въ пеструю, волнующуюся картину. Всѣ эти военныя отряды возбужденныхъ людей собрались наканунѣ рѣшительнаго дѣла.

Герикура занимала толпа: молодыя безбородыя, покрытыя веснушками, лица новобранцевъ, загорѣлыя лица старыхъ солдатъ, смѣющіеся лица лукавыя подмигиванья и шумныя остроты подвыпившихъ, которые, съ покраснѣвшими отъ вина лицами, въ порывѣ дружественнаго восторга, жали другъ другу руки, пересмѣивались съ эльзасками, поминутно отпуская бойкія словечки. И повсюду, и

въ глубинѣ сумрачныхъ кабаковъ, и на порогахъ, на укрѣпленныхъ вмѣсто столовъ днищахъ бочекъ пировали и чокались солдаты.

— Эй! Пикардійцы! Сюда, пикардійцы!

— За здоровье тюрингенцевъ!

— Отчего ты бросилъ лавочку?—Съ отцомъ не поладилъ, да и работы теперь никакой нѣтъ. Эмигранты еще очень далеко, и мастерскія не могутъ войти съ ними въ сношенія. — Это какъ и у насъ въ Байоннѣ. — А Кларета? — Не напоминай мнѣ о ней, жестокій человѣкъ. Безсердечная ушла съ проклятымъ соперникомъ. И вотъ теперь я иду, чтобы въ славной смерти найти конецъ своимъ мученіямъ. — Брось, пріятель, взгляни лучше на эту красавицу—Да хороша! —Хочешь табаку? — Представь себѣ, моя статейка „*Старый якобинецъ*" разошлась ни болѣе, ни менѣе, какъ въ шести экземплярахъ. Тогда я подумалъ: „Питуэ, толпа никогда не пойметъ твоего политическаго генія, голубчикъ". Кредиторы обрывали мой звонокъ; собаки кусали мнѣ ноги; сильный порывъ вѣтра вывернулъ мнѣ зонтикъ на углу Вивіенской улицы; „Бонапартъ душитъ свободу",—гаркнулъ у меня надъ ухомъ какой-то оборванецъ, возвращавшійся изъ Сен-Клу. И вотъ, въ печальномъ положеніи, безъ крова, не имѣя ничего кромѣ манускриптовъ, рвавшихъ карманы моего полинялаго пальто, я сталъ вспоминать смерть Сенеки. Какъ разъ въ это время я натыкаюсь на толстаго, розоваго. обшитаго по всѣмъ швамъ золотомъ, гуляку съ волочащейся саблей. Меня осѣняетъ превосходная идея. „Неудачи преслѣдуютъ тебя",—говорилъ мнѣ внутренній голосъ;—„зонтика у тебя нѣтъ, и дождь свободно проникаетъ сквозь твою шляпу; но кто же мѣшаетъ тебѣ сдѣлаться такимъ же генераломъ „Республики единой и нераздѣльной".—Потомъ оказалось, что молодецъ былъ только драгунскимъ фурьеромъ. Я разсказалъ ему о своемъ бѣдственномъ положеніи и черезъ два часа уже завтракалъ въ казармѣ... Т-съ . . . Поручикъ!

Герикуръ отвѣтилъ на военное привѣтствіе. Онъ далъ себѣ слово внимательнѣй относиться къ этому солдату, находившемуся въ его взводѣ.

Хорошее настроеніе парижанъ сообщалось и ему. Вездѣ попадались знакомыя физіономіи, которыя онъ раньше встрѣчалъ въ кофейняхъ и галлереяхъ Пале-Рояля. Уже съ самаго брюмера въ лагерь отовсюду стекались преслѣдуемые

и осужденные правительствомъ, разочарованные въ своихъ мечтахъ объ общемъ благѣ, голодные якобинцы, выгнанные изъ различныхъ учрежденій конторщики, газетные писаки, приказчики. Большіе города освобождались отъ своихъ революціонныхъ элементовъ, выдвигая на поле сраженія все, что было въ нихъ безпокойнаго духомъ. Возбужденное настроеніе націи, охватывая войска, сообщалось даже старымъ солдатамъ „II-го года“, которыхъ увлекала аналогичность мотивовъ съ тѣми, которые въ свое время толкнули ихъ взяться за оружіе. Эти мотивы — жажда пушечнымъ громомъ возвѣстить міру о правахъ человѣка и оружіемъ завоевать ему свободу—были настолько сильны, что увлекали не только горячія головы, но и разочарованныхъ скептиковъ.

Сквозь толпу съ трудомъ двигалась артиллерія; нескладныя лошаденки добытыя путемъ реквизиціи у населенія мелкой рысцей тащили повозки, поминутно безпокоя солдатъ, съ удивленіемъ глазѣвшихъ на высѣченныхъ изъ камня, подъ старинными гербами, всадниковъ, помѣщавшихся въ простѣнкахъ между окнами съ дискообразными стеклами.

На площадяхъ блестѣла оправа барабановъ, стоявшихъ у сложенныхъ въ козла ружей. Въ смѣшивавшихся напѣвахъ пикардійскихъ, провансальскихъ и бретонскихъ чувствовалось братское единеніе всѣхъ провинцій Галліи.

Черезъ открытыя окна какъ-бы перекликаясь звучали флейта и дудка. Въ центрѣ одной изъ группъ пѣхотинцевъ два солдата танцевали „бурре“, громко стуча каблуками по крѣпкой мостовой и размахивая въ воздухѣ своими треуголками съ развѣвающимися красными перьями. Изъ альзасскаго чугунка тянуло аппетитнымъ запахомъ варящагося „бульабеса“.

Въ предмѣстьѣ подъ скрытыми зеленью разнообразными вывѣсками, въ свободныхъ позахъ и разстегнутыхъ мундирахъ сидѣли, разнаго рода оружія солдаты распивая вино.

Герикуръ встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ своего полка. Послѣднія сообщенія гласили, что австрійскій генералъ Крей стянулъ войска къ правому берегу; такимъ образомъ французамъ предстояло, послѣ переправы, сейчасъ же открыть огонь.

Впереди тянулся обозъ, нагруженный подковами, гвоздями и другими, необходимыми для надобностей солдатъ, предметами. Вдругъ вниманіе Герикура было привле-

чено мѣшками одной изъ повозокъ съ клеймомъ „Г“, какимъ помѣчались мѣшки съ просѣянной мукой на мельницѣ его отца. Богатства сѣвера притекли сюда; родная земля, кормившая своихъ дѣтей во все продолженіе ихъ пути, не оставляетъ ихъ, осыпая своими обильными дарами и по переходѣ черезъ границу. Герикуръ надѣялся, что кто-нибудь изъ слѣдующихъ за обозомъ передастъ ему письмо изъ дому. Но всѣ провожатые говорили на страсбургскомъ нарѣчіи и сопровождали обозъ только отъ альзасской столицы, куда онъ былъ доставленъ съ другимъ конвоемъ. Тяжелыя дроги, нагруженныя различнаго рода запасами, направлялись къ Балю. И здѣсь опять на наполнявшихъ телѣги сѣдлахъ, волосатыхъ ранцахъ, пачкахъ ремней и уздечекъ, онъ замѣтилъ ту же мѣтку „Г“.

Быть можетъ, Каролина просматривала и считала всѣ эти предметы поставки? Сколько разъ скупой старикъ перевѣшивалъ золото для расплаты съ кожевниками!

Герикуръ продолжалъ наблюдать. Все привлекало его праздное вниманіе. А между тѣмъ пора было собраться съ силами въ виду предстоящаго дѣла. Несмотря на желаніе отвлечься отъ однообразной картины запрудившихъ дорогу возовъ, онъ все-таки видѣлъ, по крутящимся и раздавливающимъ щебень колесамъ, какъ медленно двигался, нагруженный сѣномъ, скрипучій обозъ. Но вдругъ все остановилось.

Желая установить должный порядокъ и узнать, что помѣшало движенію обоза, Герикуръ поспѣшилъ впередъ. Тутъ ему бросился въ глаза юноша въ грубыхъ лохмотьяхъ, лежавшій на одномъ изъ возовъ, забрызганныхъ высохшей уже грязью; подложивъ вмѣсто подушки руки подъ запыленные високъ и щеку, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ. Длинныя кудри съ забившимися въ нихъ соломинками разсыпались по его хотя грязной, но элегантной сорочкѣ, дисгармонировавшей съ остальнымъ нарядомъ. „Башмаки совсѣмъ такіе, какъ у Августина“, подумалъ, оглядѣвъ его, Бернардъ. Онъ проѣхалъ дальше, отыскивая главнаго вахмистра, на обязанности котораго лежало наблюденіе за движеніемъ обоза. Герикуръ боялся промедленія. Ему было поручено освободить дорогу раньше полуночи для быстраго передвиженія резервныхъ полковъ, которые на разсвѣтѣ предполагалось уже переправить на другую сторону Рейна по мосту, устроенному изъ скрѣпленныхъ вмѣстѣ лодокъ.

Герикуръ промѣшкалъ такимъ образомъ около часа. Когда онъ наконецъ вернулся въ квартиры, отведенныя его полку, адъютантъ вручилъ ему записку, на которой онъ прочелъ:

„Августинъ". Какъ?! его братъ былъ тутъ! Ему сейчасъ же въ голову пришла мысль о смерти отца, о пожарѣ мельницы; онъ вспомнилъ о спавшемъ въ телѣгѣ бродягѣ и вдругъ увидѣлъ Августина.

— Что случилось?

— Я убѣжалъ изъ дома. Я не хочу больше, чтобъ меня били. Посмотри. — И юноша показалъ рану своего надорваннаго уха.

— Кто это сдѣлалъ?

— Отецъ.

— Поди сюда.

Въ амбарѣ двое солдатъ чистили сапоги; одинъ спалъ, другой писалъ. У Бернарда за ширмой стояли столикъ и походная постель.

— Какъ ты сюда добрался?

— Я зналъ, что возы съ припасами, отправленные отъ насъ, должны прибыть сюда. И вотъ я продалъ свою одежду, купилъ это старье, на оставшіеся гроши поѣлъ и на другой день послѣ отъѣзда обоза пустился въ дорогу и нагналъ его.

— Что жъ прикажешь мнѣ съ тобой дѣлать?

— Я хочу быть солдатомъ.

— Ты голоденъ?

— Да, очень.

Бернардъ съ любопытствомъ разсматривалъ ребенка. Завитки длинныхъ волосъ падали ему на плечи. Онъ возбужденно, съ лихорадочно блестѣвшими глазами передавалъ ему подробности сцены, разыгравшейся между нимъ отцомъ.

— Отъ твоихъ волосъ пахнетъ хмѣлемъ.

— Я спалъ во рву Артуа.

— Отчего отъ тебя такъ несетъ можжевеловой водкой?

— Я выпилъ въ Тьерашѣ на фермѣ мѣстнаго вина.

— Чѣмъ продушена твоя одежда?

— Сосной. Мы проходили черезъ Арденскій лѣсъ и потомъ въ Вогезахъ я рвалъ боярышникъ.

— Какъ сильно воняютъ рыбой твои руки!

— Мы ловили рыбу на берегу Мозеля.

— Что это у тебя въ башмакахъ?

— Рейнскій песокъ.

— Тьфу пропасть! отъ тебя вѣетъ свѣжей землей!

— Отъ меня вѣетъ всюду поднимающейся со мной Франціей.

Братья обнялись, оба растроганные. Немного погодя, успокоившись, Августинъ сталъ разсказывать о тѣхъ батальонахъ и обозахъ, какіе повсюду встрѣчались ему на пути. Вся Франція, покрытая со всѣхъ сторонъ идущими вооруженными людьми, походила на шкуру ощетинившагося разъяреннаго звѣря.

Бернардъ попробовалъ было убѣдить брата вернуться домой. Но всѣ его усилія оказались тщетными. Мальчикъ настоялъ на своемъ.

— Дай мнѣ письмо къ генералу Моро.

— Но вѣдь ты не умѣешь ѣздить верхомъ.

— Я буду пѣхотинцемъ.

— Ну, и что же выйдетъ? Тебѣ дадутъ какую-нибудь работу при складахъ, и ты цѣлые мѣсяцы будешь тамъ изводиться.

— Нѣтъ. Ты за меня попросишь, и я буду умолять, чтобы меня зачислили въ роты новобранцевъ.

— Чудакъ!

Бернарду было понятно нежеланіе мальчика возвратиться въ домъ ихъ отца.

Его независимый характеръ долженъ былъ сильно раздражать деспотическаго старика. Можно было дѣйствительно опасаться серьезнаго несчастья изъ-за столкновенія этихъ двухъ сильныхъ характеровъ.

— Онъ убилъ свою первую жену и мою мать. Меня-то онъ не убьетъ—добавилъ юноша.

— Вспомни о суровомъ отношеніи Брута къ своимъ сыновьямъ. Великіе римляне подчинялись всему.

— Они подчинялись, а я не хочу.

— Гордецъ!

— Читалъ ты Жанъ-Жака, Дидеро, Вольнея?

— Я читалъ Тацита; мнѣ кажется, отдѣльный человѣкъ долженъ приносить себя въ жертву семьѣ, расѣ, націи.

— Я признаю свободу человѣка, гражданина міра.

— Сообщникъ Гракха Бабефа.

— Рабъ Цезаря!

Поручикъ пожалъ плечами и сѣлъ писать рекомендательныя письма.

— Я отправляюсь верхомъ сегодня вечеромъ. Какъ только явится возможность перейти въ бродъ рѣку, я долженъ буду начать развѣдки на непріятельской территоріи. Мы распростимся съ тобой черезъ два часа, и ты отправишься въ главную квартиру. Оттуда ты обязанъ сейчасъ же извѣстить о своемъ рѣшеніи отца; ты долженъ написать ему почтительное письмо, ты у него долженъ попросить... попросить прощенія. Мальчикъ топнулъ ногой. Бернардъ однако продолжалъ настаивать и, наконецъ, добился согласія.

— Ну, теперь умойся и пойдемъ обѣдать.—Августинъ вышелъ. Старшій братъ задумался надъ той силой, которая въ теченіе уже восьми лѣтъ отрывала дѣтей Франціи отъ семей и, вдохновляя звуками марсельезы, устремляла противъ мечей королей, франкскую вѣтвь которыхъ въ продолженіе десяти вѣковъ поддерживалъ хлѣбопашецъ.

Съ порога риги Герикуръ понемногу сталъ различать блестѣвшія при лунномъ свѣтѣ перекинутыя через плечи ружья солдатъ, видѣлъ, какъ двигались бригады къ темной рѣкѣ съ низкими берегами, какъ со всѣхъ сторонъ прибывали безчисленные баталіоны. Какъ одинъ человѣкъ, ровно ударяли о землю тридцать тысячъ ногъ. Вдоль колоннъ летали на лошадяхъ полковые адъютанты. По дорогамъ тряслись фуры. Слышался только одинъ, грозно и глухо отдававшійся, шагъ, приближавшій къ неизвѣстной участи вооруженную націю. „Цезарь"!—воскликнулъ молодой человѣкъ. Ему казалось, что вотъ сейчасъ онъ увидитъ пики легіонеровъ, бронзовыя каски, факелы, ликторовъ, консульскую мантію, римскаго консула.

Но, увы, это былъ только корсиканецъ, сомнительной нравственности жену котораго такъ часто поносила Аврелія, та Аврелія, въ которой Герикуръ хотѣлъ видѣть Лукрецію. Онъ горько улыбнулся. Пагубное варварство франковъ исказило характеръ патриціевъ. Онъ подумалъ и не могъ рѣшиться сравнивать Октавія и Барраса. О, какихъ бы героевъ увидѣлъ опять міръ, если бъ иллюзія его осуществилась. Какихъ бы Катоновъ и Цезарей выдвинула война. Герикуръ всматривался въ сумракъ и надъ движущейся арміей искалъ римскихъ орловъ.

Войска остановились далеко въ полѣ. Передъ ротами

запылали костры. Видно было, какъ отдѣлялись отъ общей массы часовые. Чтобы лучше ознакомиться съ расположеніемъ войскъ, Бернардъ сѣлъ на лошадь и отправился догонять своихъ солдатъ. Онъ выѣхалъ на сосѣдній холмъ: отсюда ему было слышно тихое журчаніе рѣки. Вдали виднѣлись, залитые голубымъ луннымъ сіяніемъ, лѣса; на опушкахъ свѣтилось множество разложенныхъ костровъ. По баркамъ, соединявшимъ берега, двигались фонари понтонеровъ; слышались удары молотка, заколачивавшаго послѣдніе гвозди. Надъ маленькимъ тѣсно скученнымъ городкомъ стоялъ буроватый дымокъ. По другую сторону рѣки по затопленной мѣстности тянулись лѣса. Герикуръ вспомнилъ, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ, здѣсь же, онъ участвовалъ въ отрядѣ, прикрывавшемъ отступленіе Журдана.

Смерть или побѣду пошлетъ теперь ему судьба? Жажда предстать торжествующимъ и прославленнымъ побѣдителемъ передъ Авреліей охватывала все его существо.

Къ берегу, гдѣ мелькали огни бивуака, пристала барка съ пѣхотнымъ отрядомъ, назначавшимся въ подкрѣпленіе его рекогносцировочному полку. Становилось темнѣе; прошли еще двѣ французскія роты. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ.—Это кавалерійскіе патрули подавали тревожные сигналы находившимся въ восьми миляхъ отъ Рейна колоннамъ войскъ, прикрывавшимъ слабую позицію на линіи Унгенъ въ Штокахъ.

Къ Бернарду подскакалъ, сообщить о происходящемъ, молодой съ взволнованнымъ и блѣднымъ лицомъ бригадиръ. Солдатамъ было очень трудно переправляться на другой берегъ рѣки, такъ какъ мостъ могъ выдержать только одного человѣка съ лошадью и драгунамъ приходилось поэтому переходить его гуськомъ. Бернардъ нагналъ небольшой отрядъ кавалеристовъ. Они съ лихорадочной торопливостью пристегивали сумки къ лукѣ сѣделъ. На другомъ берегу рѣки снова гулко раскатился выстрѣлъ. Первымъ двинулся черезъ мостъ старый вахмистръ „Пье-де-Жасинтъ“, участвовавшій въ сраженіи еще при Бурбонѣ.

Съ сѣдыми бакенами, доходившими до угловъ его рта, съ гордой осанкой храбраго солдата, идущаго въ огонь, онъ потрепалъ по шеѣ свою лошадь, и умное животное, точно понимая, что отъ него требовалось, послушно направилось по дубовымъ доскамъ, соединявшимъ барки, внима-

тельно слѣдя за сапогами шедшаго впереди стараго вахмистра.

— Какъ только у тебя наберется пять человѣкъ, ты отправишь двоихъ къ мѣсту, откуда слышатся выстрѣлы,— приказалъ вахмистру Бернардъ.—Я пришлю къ тебѣ сначала знающихъ нѣмецкій языкъ: Ульбаха и Грюнбира. Они сейчасъ же должны отправиться по дорогѣ къ Мюленбаху. Тутъ, недалеко, они найдутъ хижину, гдѣ могутъ собрать свѣдѣнія о непріятелѣ. Пускай поставятъ два конныхъ караула.

Старый солдатъ утвердительно кивнулъ головой. Онъ продолжалъ двигаться вмѣстѣ со своею лошадью. У барокъ сильно бурлила вода. При свѣтѣ фонарей понтонеровъ все еще были видны фигуры вахмистра и его лошади. Дулъ холодный вѣтеръ.

— Эльзасцы, теперь ваша очередь,—сказалъ Бернардъ.

Отъ толпы отдѣлились трое широкоплечихъ солдатъ, съ большими головами, которыхъ не могли вполнѣ прикрыть каски, и съ толстыми икрами, обтянутыми лосинами. Они какъ вкопанные остановились передъ Герикуромъ и, напряженно наморщивъ лбы, внимательно его слушали.

— Ульбахъ, вы хорошенько разспросите мѣстныхъ жителей о непріятелѣ и переведите то, что услышите, старому вахмистру.

Ульбахъ съ свѣтлыми какъ ленъ, волосами и толстыми блѣдными губами, засмѣялся во весь ротъ, оскаливъ свои бѣлые зубы, когда въ заключеніе Герикуръ сказалъ:—Страсбургъ и Кольмаръ довѣряютъ вамъ поддержать репутацію своихъ патріотовъ. Ну, отправляйтесь!

Они двинулись, ведя за собой своихъ рыжихъ лошадей.

— Фландрія впередъ! Карбегемъ! Флаго! Эти солдаты, распухшіе отъ чрезмѣрнаго употребленія пива, отличались большими носами и багрово-красными руками.

— Ну, мямли, пошевеливайтесь живѣе! Они усмѣхнулись на это прозвище, бывшее въ большомъ ходу между ними.

— Становитесь въ шеренгу. Не шумите, Вы не у „Прокопа“ въ кофейнѣ. Намъ надо теперь думать только о томъ, какъ размѣстить свои силы на шахматной доскѣ Германіи.

— Тише! вы, винодѣлы!

Они приблизились, поглаживая замшевыми перчатками своихъ лошадей.

Одинъ изъ нихъ сильно закашлялся. Бернардъ освѣдомился о причинѣ этого.

— Лѣтомъ, послѣ работы, я потный заснулъ въ сыромъ подвалѣ, гдѣ живетъ моя семья.

— Вы согрѣетесь, Нонденъ, у костровъ изъ баварской сосны, а на Дунаѣ мы найдемъ цвѣты Луары.

Они переглянулись и въ душахъ ихъ затеплилась надежда.

— Маріусъ, провансальцы! Подайте лошадей. — Смуглые съ выразительными лицами провансальцы о чемъ-то перешептывались.

— Въ „IV-мъ" году самъ Бонапартъ говорилъ моему крестному отцу: „Маріусъ, безъ тебя я никогда бы не вступилъ въ Мантуа. Это было мое счастье", говорилъ консулъ. „Безъ Маріуса, господинъ поручикъ, консулъ никогда бы не вступилъ въ Мантуа". Бернардъ велѣлъ имъ замолчать. Недовольные, они отодвинулись въ сторону и остановились въ ожиданіи. Тюрингенцы жаловались на холодъ, фламандцамъ хотѣлось выпить. Питуэ забавлялъ свой отрядъ веселыми прибаутками.—„Смирно!"—крикнулъ Бернардъ. Бретонцы съ грязными, усѣянными веснушками, лицами, продолжали дремать.

— Трегекъ, поправьте свои стремянные ремни. Гасконцы, ваша очередь! Каюжакъ, ваши люди всѣ на лицо?

— Да.

— Станьте во главѣ колонны; вы должны опередить эльзасцевъ и прослѣдить дальше дорогу къ Мюленгофу.— Драгуны!

Высоко поднявъ головы въ каскахъ и выпятивъ груди, въ забрызганныхъ грязью ботфортахъ, вытянулись на своихъ лошадяхъ пятнадцать драгунъ, сжимая въ обтянутыхъ замшевыми перчатками рукахъ эфесы сабель.

Позади нихъ, на всемъ протяженіи противоположнаго германскаго берега: на холмахъ, вдоль лѣсовъ и береговъ рѣки, Герикуръ видѣлъ разсыпавшіеся огни бивуаковъ. Это Галлія, затихшая среди ночи, стерегла Европу.

Герикуръ не могъ сдержать волновавшихъ его чувствъ:

— Солдаты! Вы вступаете на почву Имперіи, гдѣ вооружается врагъ свободы, чтобы возстановить тиранію, которую вы низвергли. Отнынѣ вы не хлѣбопашцы, не купцы,

Смотри продолженіе и впереди текста.

См. продолженіе и впереди текста.

См. продолженіе и впереди текста.

См. продолженіе впереди текста.

Въ настоящемъ своемъ видѣ „НЕДѢЛЯ“ вмѣстѣ съ „КНИЖКАМИ НЕДѢЛИ“ охватываетъ всѣ вопросы и интересы текущей жизни, подлежащіе вѣдѣнію періодической печати. Выдѣляя и подбирая, среди безпорядочнаго хаоса текущихъ событій и вопросовъ, все самое важное, редакція „НЕДѢЛИ“ имѣетъ при этомъ въ виду потребности главнымъ образомъ трудящейся интеллигенціи всякаго рода, званія и положенія, съ серьезными умственными привычками и высокими требованіями къ литературѣ. Удовлетворять умственнымъ потребностямъ этой дѣятельной части русскаго общества, заброшенной иногда въ самые глухіе уголки Россіи, помогать ей разбираться въ сложныхъ явленіяхъ русской и иностранной жизни, извлекая изъ нихъ лучшіе просвѣтительные уроки,—и составляетъ главнѣйшую задачу „НЕДѢЛИ“.

„НЕДѢЛЯ“ сообщаетъ читателямъ всѣ тѣ извѣстія, какія заключаются въ ежедневныхъ газетахъ, но въ болѣе связномъ видѣ, провѣренномъ и обработанномъ. Все случайное и безсодержательное при этомъ отпадаетъ, все остающееся—существенное—образуетъ цѣльную и правдивую картину текущей жизни, освѣщаемую въ сжатыхъ, точныхъ, заботливо разъясненныхъ статьяхъ.

Кромѣ передовыхъ, руководящихъ статей принципіальнаго характера, „НЕДѢЛЯ“ въ каждомъ номерѣ даетъ руководящія-же статьи по практическимъ очереднымъ вопросамъ; затѣмъ—связную и обработанную хронику законодательной земской и общественной дѣятельности, политическихъ извѣстій и текущей заграничной жизни; обстоятельныя статьи обще-культурнаго, бытового, общественно-житейскаго и популярно-научнаго характера; отзывы о новыхъ книгахъ, корреспонденціи изъ провинціи, замѣтки объ искусствѣ и различныхъ болѣе мелкихъ злобахъ дня.

Въ „НЕДѢЛѢ“ и въ „КНИЖКАХЪ НЕДѢЛИ“ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. П. Авенаріусъ, А. В. Амфитеатровъ, Н. П. Анненкова-Бернаръ, А. Н. Будищевъ, В. В., проф. Н. П. Вагнеръ, М. В. Ватсонъ, Б. Л. Величко, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, Н. Н. Вентцель, М. И. Венюковъ, проф. А. Н. Веселовскій, П. И. Вейнбергъ, В. М. Владиславлевъ, В. В. Водовозовъ, Θ. Θ. Воропоновъ, П. П. Гнѣдичъ, Н. Л. Гладкій, прив.-доц. В. М. Грибовскій, Яромиръ Грубый, В. Л. Дѣдловъ, А. Я. Ефименко, А. М. Жемчужниковъ, Н. Н. Захарьинъ, Г. Р. Каргремъ, А. Г. Каррикъ, А. Θ. Кони, проф. П. И. Ковалевскій, А. А. Коринфскій, Д. А. Коропчевскій, Θ. Θ. Крыштофовичъ, А. Н. Котельниковъ, проф. А. Н. Красновъ, П. Н. Красновъ, М. В. Крестовская, Ц. А. Кюи, А. В. Лаврскій, В. П. Лебедевъ, М. Н. Мазаевъ, Н. В. Максимовъ, Евг. Л. Марковъ, М. О. Меньшиковъ, проф. Θ. Г. Мищенко, П. Е. Накрохинъ, Н. Н. Неплюевъ, Н. Н. Нечаевъ, И. Н. Потапенко, А. А. Потѣхинъ, С. Д. Протопоповъ, А. С. Пругавинъ, С. И. Раппопортъ, П. А. Ровинскій, Н. А. Рубакинъ, И. Е. Рѣпинъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій, В. К. Случевскій, К. К. Случевскій, Вл. С. Соловьевъ, проф. Н. И. Стороженко, проф. В. Θ. Сумцовъ, С. Н. Сыромятниковъ, П. А. Тверской, А. А. Тихоновъ (Луговой), В. А. Тихоновъ, гр. Л. Н. Толстой, гр. Л. Л. Толстой, К. Н. Туръ, А. Н. Фарессовъ, В. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, К. М. Фофановъ, П. П. Червинскій, Ант. П. Чеховъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, Н. И. Щукинъ, акад. И. И. Янжулъ, Д. В. Θедоровъ и другіе.

ЦѢНА еженедѣльной общественно-политической газеты „НЕДѢЛЯ“ и ежемѣсячнаго литературнаго журнала „КНИЖКИ НЕДѢЛИ“—**ДЕВЯТЬ** рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой. Подписка принимается въ конторѣ редакціи „**Недѣли**“ С.-Петербургъ, Литейный, 9.

Въ уплатѣ подписной суммы допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 5 рублей и къ 1 іюня—остальные 4 рубля. Допускается разсрочка и на другихъ условіяхъ, по соглашенію подписчика съ конторой редакціи.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИЗВѢСТІЯ МИНИСТЕРСТВА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
И
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ"
ВЪ 1900 ГОДУ.

Въ 1900 г. «Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ» будутъ выходить еженедѣльно по прежней программѣ:

1. Новые законы, касающіеся предметовъ вѣдомства Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.
2. Распоряженія Министра. Измѣненія въ личномъ составѣ и награды по Министерству.
3. Циркулярныя предписанія по Министерству, по его Департаментамъ и Отдѣламъ.
4. Отчеты и донесенія Министерству.
5. Свѣдѣнія о сельскохозяйственной дѣятельности Земствъ, Сельскохозяйственныхъ Обществъ и т. п.
6. Статьи и извѣстія по вопросамъ, касающимся предметовъ вѣдѣнія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и сельскаго хозяйства вообще.
7. Таблицы цѣнъ на хлѣба, фрахтовъ и страховыхъ премій.
8. Метеорологическія свѣдѣнія.
9. Библіографическій Отдѣлъ.
10. Объявленія.

Подписка принимается на годъ и по полугодіямъ съ 1-го января и съ 1-го Іюля.

Подписная цѣна: Съ пересылкою и доставкою: на годъ — 4 р., на ½ года — 2 р. 50 к.; оставшіеся нераспроданными экземпляры «Извѣстія Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за 1894, 1895, 1897, 1898 и 1899 годы можно получать въ Редакціи по 2 руб. за годовой экземпляръ безъ пересылки, за пересылку слѣдуетъ добавлять, смотря по разстоянію, какъ за посылку въ 2 фунта (1894) и въ 7 фунт. (1895, 1897, 1898 и 1899).

Объявленія принимаются съ платою за одинъ разъ: за цѣлую страницу 25 руб., за ½ страницы 14 руб., за ¼ страницы 8 руб., за ⅛ страницы 5 руб., и за 1/16 страницы 3 руб., за послѣдующіе разы съ этой платы дѣлается скидка въ размѣрѣ отъ 10% до 25%, сообразно числу напечатанныхъ разъ.

Digitized by Google

Подписная цѣна на 1900 годъ

(двадцать первый годъ изданія)

съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 р. въ годъ.
За границу 14 » » »

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апрѣля, 1-го іюля, 1-го октября, по 3 р. при непосредственномъ обращеніи въ к-ру или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. **Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣръ 50 к. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.** Подписка принимается въ Москвѣ: въ к-рѣ журнала Б. Никитская., Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева 2—3, кв. 28 и ея отдѣленіяхъ: Въ Спб. въ кн. магазинѣ Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. мг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. мг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. магазинѣ Н. П. Карбасникова, новые подписчики и всѣ желающіе пріобрѣсти начало ром. Г. Сенкевича. **„Крестоносцы“** благоволятъ уплачивать **1 р. 50 к.** съ пересылкой.

При редакціи открытъ магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Б. Никитская, д. Вельтищевой), съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. маг. принимаетъ на коммиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и др. библіотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народн. и школьныхъ библіотекъ и склады для продажи книгъ.

Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

Лица, желающія получить въ 1900 году при...
12 переплетенныхъ томовъ полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Лажечникова, ...
стированнаго собранія сочиненій Генриха Гейне и, вмѣсто 2-хъ, четыре изящно переплетенныя книги ...
посвященныя описанію: 1) Внутренняго Нестепного пространства, 2) Донско-Каспійской области, 3) Южнаго Поволжья и 4) Уральской области, уплачиваютъ за годовое изданіе «Новаго Міра» со всѣми вышеперечисленными приложеніями, вмѣсто 14-ти руб.,—**26 рублей** (заграничные подписчики **36** рублей).

Кромѣ подписки на журналъ съ приложеніями за два года, редакція «Новаго Міра», по примѣру прошлаго года, рѣшила допустить для желающихъ замѣну объявленныхъ приложеній прошлогодними, а именно, взамѣнъ второй половины соч. Лажечникова и Гейне, желающіе могутъ получить въ 1900 году первую половину сочиненій этихъ писателей; вмѣсто же двухъ книгъ «Живописной Россіи» за 1900 годъ,—двѣ книги того-же изданія, выпущенныя въ 1899 году, т.-е. посвященныя описанію Внутренняго Нестепного пространства и Донско-Каспійской области.

☛ Гг. подписчиковъ, желающихъ воспользоваться правомъ выбора премій, взамѣнъ объявленныхъ на 1900 годъ, просятъ заявлять о своемъ желаніи при самой подпискѣ на журналъ, излагая свое желаніе **по возможности на отдѣльномъ** листкѣ бумаги.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА «НОВОМУ МІРУ» со всѣми приложеніями и преміями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи . . . . **14 р.**
Роскошное изданіе—**18** рублей. За границу—**24** руб., роскошное изданіе **28** руб.

Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе **2 руб.**, остальныя же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ **14 руб.** При подпискѣ въ разсрочку безплатныя преміи высылаются только по уплатѣ всей подписной суммы.

К.М.
ЛАМПОВЫЙ МАГАЗИНЪ
К. ГЕРМАНЪ и К°
СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1864 ГОДА.
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСП. Д № 9.
БЛИЗЪ 5 УГЛОВЪ.
ФАБРИКА
ЛИГОВКА БЛИЗЪ СВѢЧНАГО ПЕР. СОБСТ. Д. № 95.
ОТДѢЛЕНІЕ: РЕВЕЛЬ, ГЛИНЯНАЯ УЛ. № 337.

См. на оборот.

См. продолженіе сзади текста.

Digitized by Google

Художественное исполненіе рельефныхъ и гладкихъ **монограммъ, факсимиле гербовъ и т. п.,** на всевозможныхъ бумагахъ и матеріяхъ для поздравительныхъ и пригласительныхъ **билетовъ, меню** и пр. золотомъ, серебромъ, эмалью и разными красками совмѣстно.

Къ услугамъ Гг. заказчиковъ имѣется всевозможныхъ рисунковъ въ большомъ выборѣ готовыя **модели монограммъ, гербовъ, украшеній, знаковъ** и пр.

Спеціальный отдѣлъ.

КЛИШЕ. Ксилографическія, гальванопластическія, цинкографическіе, тоновые и стереотипные.

Громадный выборъ готовыхъ и пріемъ заказовъ на **спеціально-рекламныя клише,** оригинальныя по мысли и для каждаго рекламирующаго предмета, а равно всевозможныя клише для газетныхъ **объявленій,** изданій, прейсъ-курантовъ, журналовъ и иллюстрацій въ видѣ отдѣльн. предметовъ, украшеній, медалей, орловъ и пр.

Для выбора къ изготовленію новыхъ имѣется къ услугамъ гг. заказчиковъ **болѣе 20000 новѣйшихъ рисунковъ.**

Примѣчаніе: Спѣшные заказы на клише могутъ быть исполнены включительно съ изготовленіемъ рисунка въ **24 часа.**

Для успѣшнаго и точнаго изготовленія **клише** гг. заказчики благоволятъ присылать ясные образцы, какъ, напр., для цинкографическихъ клише хорошіе печатные оттиски (черное на бѣломъ), для ксилографическихъ отчетливые рисунки, для гальванопластическихъ и стереотиповъ, хорошія, не бывшія въ употребленіи клише, для тоновыхъ хорошіе рисунки или **фотографіи.**

НОВѢЙШІЕ РОСКОШНАГО ИСПОЛНЕНІЯ

ПЛАКАТЫ ДЛЯ РЕКЛАМЪ.

Въ большомъ выборѣ **готовые,** примѣнимые для **всякихъ предметовъ** торгово-промышленности, а также изготовленіе ихъ во всякомъ желаемомъ стилѣ размѣра и формы разнаго производства, а именно, **литографскіе, хромолитографскіе, золотопечатные, жестяные, прозрачные, гальванопластическіе, художественные, целлелоидные** и др.

Заказы на **плакаты** принимаются по желанію гг. заказчиковъ включительно съ ихъ развѣской или распространеніемъ повсемѣстно.

Афиши для всевозможныхъ зрѣлищъ, **цирковыхъ и театральныхъ представленій, концертовъ** и т. п. имѣются въ богатѣйшемъ выборѣ готовыя и пріемъ заказовъ на срочное исполненіе ихъ. **Художественныя роскошныя бумаги** для **программъ, входныхъ** и др. **билетовъ,** а разно спеціально артистическія **клише** всегда имѣются на складѣ. Изготовленіе заказовъ въ самое непродолжительное время.

Лучшія гуммированныя и лакированныя **буквы и цифры** для наклейки и изготовленіе изъ нихъ во всякой желаемой формѣ всѣхъ цвѣтовъ, размѣровъ и на всѣхъ языкахъ:

Отдѣлъ переплетный.

Изготовленіе всѣхъ безъ исключенія **переплетныхъ** и **брошюровочныхъ** работъ, **линованіе** и **проколка** бумагъ, **нумеровка** и т. п.

плакатовъ, аншлаговъ, цѣнъ, надписей и т. п.

При заказѣ на таковые предметы фирмою **«К. В. Мерпертъ»** взимается лишь стоимость **буквъ** и **цифръ,** а изготовленіе изъ нихъ и картонъ безплатно.

Въ большомъ выборѣ **ПАСПАРТУ** англійскихъ и французскихъ, форматовъ изящнаго исполненія разной величины, **фасона и цвѣта, а также** пріемъ заказовъ на оныя включительно съ вставленіемъ портретовъ, картинъ и пр.

Спѣшные заказы изготовляются въ теченіи **3 часовъ.**

Извѣщая симъ отъ имени фирмы о возобновленіи дѣйствій и прилагая при семъ краткую перечень дѣятельности, я осмѣливаюсь коснуться ея разнообразныхъ спеціальностей съ нѣкоторыми указаніями.

Изучивъ спеціально дѣло рекламированія и на основаніи многолѣтняго опыта и наблюденій въ Россіи и за границей, я пришелъ къ положительному выводу, что реклама за границей является дѣловой и серьезной, а у насъ, въ Россіи, она походитъ на плохую копію, и большинство русской публики сравниваетъ рекламу съ самыми неблаговидными и неприличными пріемами, на какіе пускаются лишь жадные до наживы люди, пользуясь этой могучей силой для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Попытка нѣкоторыхъ лицъ, взявшихъ на себя задачу познакомить публику путемъ литературныхъ статей въ журналахъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, не дала положительныхъ свѣдѣній, такъ какъ труды ихъ были или переводами иностранныхъ изданій и въ Россіи не примѣнимыхъ, или же собственными измышленіями, основанными только на теоріи, безъ всякихъ указаній на практику и опытъ, а потому такіе труды имѣли для публики отрицательное свойство и не могли быть приняты какъ руководство. Между тѣмъ, торговля и промыселъ, прогрессируя, заставили нѣкоторыя предпріятія примѣромъ заграничныхъ фирмъ сознать не только пользу, но и необходимость въ умѣлой и солидной рекламѣ, такъ какъ безъ нея въ той или иной формѣ производство и промышленность не достигнетъ желаемыхъ результатовъ. Въ Россіи могутъ служить примѣромъ фирмы: **Ю. Г. Циммерманъ, Ралле, Бронаръ и К°**, овсянка **Геркулесъ**, банкирскій домъ **Генриха Блокнъ, Мюръ** и **Мерелизъ**, фабрика гофрированныхъ печей **Н. И. Бучкина**, которая въ теченіе 3-хъ-лѣтняго существованія сумѣла пріобрѣсть извѣстность во всей Россіи, и многія другія русскія фирмы, затрачивающія десятки тысячъ ежегодно.

Дѣятельность и производительность этихъ фирмъ не исключительная; есть сотни другихъ подобныхъ фирмъ, сознающихъ, что реклама есть двигатель торговли, что и побуждаетъ ихъ не

жалѣть затратъ, увѣренно разсчитывая на ея несомнѣнную пользу; нѣкоторыя же торговыя фирмы, учрежденія и лица, не имѣя руководства или руководителя, пользуются шаблонными пріемами и услугами разныхъ лицъ, именующихъ себя агентами, задачи которыхъ заключаются несомнѣнно только въ томъ, чтобы получить заказъ на какую-либо рекламу безъ всякой нравственной и матеріальной отвѣтственности за то, что предлагаемая реклама и ея матеріалъ взамѣнъ пользы принесутъ положительный вредъ заказчику, въ виду того, что пріемъ заказовъ этими лицами основанъ не на серьезномъ отношеніи и пониманіи дѣла, а только въ силу личныхъ матеріальныхъ соображеній, пользуясь довѣрчивостью нѣкоторыхъ заказчиковъ; а потому, многіе изъ нихъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, недовѣрчиво относятся къ рекламѣ и, не сознавая пользы для себя въ рекламированіи предметовъ своей торговли, остаются глухими къ призыву этой безусловно великой силы, давшей міровую извѣстность многимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Въ виду всего вышеизложеннаго я, ссылаясь на свою многолѣтнюю практику, которую имѣлъ благодаря большому количеству довѣрителей, и между ними такія крупныя предпріятія, какъ Берлинская-промышленная выставка въ 1896 году и художественно-промышленная выставка въ Стокгольмѣ въ 1897 году и др., а равно отъ многихъ торговыхъ фирмъ, отъ которыхъ за умѣлое и успѣшное распространеніе рекламъ и примѣненіе хорошаго матеріала имѣю письменныя благодарности, смѣю высказать, что реклама вполнѣ достигаетъ цѣли, если таковая производится опытнымъ лицомъ безъ посредства коммиссіонеровъ и снабженная хорошимъ матеріаломъ, такъ-то: изящные плакаты (оригинальные по мысли и рисунку), клише, циркуляры, каталоги, иллюстрированные прейсъ-куранты, изящные предметы для раздачи, умѣло, съ интересомъ для читающей публики составленныя газетныя и др. объявленія и проч. въ этомъ случаѣ реклама будетъ всегда служить честной и доброй цѣлью дѣйствовать неизмѣримо сильнѣе, и успѣхъ ихъ будетъ вѣроятнѣе, чѣмъ реклама неумѣстная, крикливая и безсодержательная.

Задавшись мыслію познакомить почтеннѣйшую публику съ различными матеріалами для рекламированія, которыми всегда готовъ служить, исключительно лучшаго исполненія и вполнѣ соотвѣтствующими своему назначенію, я считаю долгомъ замѣтить, что матеріалъ для рекламы слишкомъ разнообразенъ, такъ что руководствоваться какимъ-либо прейсъ-курантомъ трудно и намѣтить себѣ опредѣленный предметъ никогда не слѣдуетъ. При-

мѣромъ привожу желаніе заказчика указать выбранный по какому-либо прейсъ-куранту № плаката или тому подобное. Несмотря на то, что по размѣрамъ своимъ выбранный № ближе другихъ подходилъ бы къ желанію заказчика, но принимая во вниманіе цѣль распространенія его путемъ развѣски въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ или на пароходныхъ пристаняхъ и т. п., то по необходимости придется выбрать плакатъ другого размѣра, потому что каждое учрежденіе, принимающее для развѣски разнаго рода распространенія, имѣетъ свои особыя правила и условія, и кромѣ того, обращая вниманіе на условную плату за опредѣленный размѣръ, можно достигнуть нѣкоторыхъ сбереженій въ расходѣ, перемѣнивъ его на другой, причемъ цѣль распространенія будетъ одинаково достигнута. Всѣ подобныя свѣдѣнія пріобрѣтаются опытомъ и большинству чужды. Кромѣ вышеприведеннаго примѣра, я долженъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что всякая реклама достигаетъ лишь цѣли, если при распространеніи ея будетъ принято въ соображеніе, что развѣска аншлаговъ, плакатъ, разсылка циркуляровъ, прейсъ-курантовъ и др. предметовъ должны быть распространяемы, смотря по предлагаемому товару, въ соотвѣтственно нужной мѣстности или раіонѣ, въ извѣстномъ количествѣ и въ теченіе того времени года, когда распространеніе рекламы можетъ принести извѣстную пользу, вообще въ выборѣ способа распространенія и распредѣленія зависитъ особый успѣхъ рекламы; безъ знанія точныхъ свѣдѣній затрачивается непроизводительно значительная сумма денегъ, какъ на матеріалъ, такъ равно и за распространеніе, въ силу чего и слѣдуетъ обращаться всегда къ лицамъ, знающимъ это дѣло, помня пословицу, что каждое дѣло мастера боится. Высказавъ нѣкоторый взглядъ на значеніе рекламы, я, въ особенности теперь, считаю необходимымъ коснуться нѣсколькихъ **способовъ** распространенія. Если для составленія и выбора матеріаловъ для рекламированія необходимы вкусъ и умѣнье, чтобы заставить обратить вниманіе на ея типичность, то для распространенія нужно много опыта, чтобы быть увѣреннымъ, что избранный способъ или форма дадутъ желаемые результаты. Начну съ газетныхъ и журнальныхъ объявленій, такъ какъ большинство пользуется ими и считаетъ или, вѣрнѣе сказать, предпочитаетъ ихъ всѣмъ другимъ видамъ; соглашаясь, что объявленія несомнѣнно приносятъ извѣстную пользу, я по личному опыту долженъ указать, (въ большихъ городахъ существуютъ конторы для пріема объявленій во всѣ газеты и журналы; эти, занимаясь передачей принятыхъ объявленій, заботятся о своевременномъ выходѣ въ свѣтъ и слу-

жать такимъ образомъ посредникомъ между заказчиками и редакціями, избавляя первыхъ отъ затраты времени на посѣщеніе и на переписку съ ними, а также въ силу особыхъ соглашеній дѣлаютъ своимъ крупнымъ заказчикамъ скидки съ редакціонныхъ цѣнъ, чѣмъ клиенты ихъ достигаютъ нѣкоторыхъ сбереженій. Въ этомъ заключается несомнѣнно заслуга этихъ учрежденій предъ рекламирующей публикой. Главное же значеніе при газетныхъ и журнальныхъ объявленіяхъ—это выборъ и умѣлое составленіе ихъ, точныя указанія коего могутъ издадавать лишь лица, знающія спеціально дѣло рекламы и мѣстность распространенія). Наряду съ газетными и журнальными объявленіями на распространеніе путемъ развѣски плакатовъ внутри вагоновъ конно-желѣзныхъ дорогъ, помѣщеніе вывѣсокъ на тѣхъ же вагонахъ, развѣска ихъ на кіоскахъ, колоннахъ, въ общественныхъ мѣстахъ, на пароходныхъ пристаняхъ и желѣзно-дорожныхъ станціяхъ, въ каютахъ пароходовъ (разныхъ пароходныхъ обществъ), въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, а равно помѣщеніемъ объявленій въ спеціальныхъ изданіяхъ и предпріятіяхъ по рекламѣ. Такіе способы распространенія, обнимая большой раіонъ, также достигаютъ цѣли. Къ вышеприведеннымъ способамъ слѣдуетъ еще добавить изящно исполненные предметы для раздачи въ видѣ календарей, рекламныхъ картъ, разныхъ предметовъ торговли въ миніатюрѣ съ изображеніемъ на нихъ фирмы производителя или промышленника, хорошо составленные прейсъ-куранты, каталоги, циркулярныя письма и проч., которые распространяются путемъ приложенія къ разнымъ изданіямъ и разсылкою по почтѣ фирмамъ, лицамъ и учрежденіямъ по имѣющимся готовымъ адресамъ; сгруппированные въ отдѣлы по различнымъ отраслямъ торговли и промышленности, комплекты такихъ адресовъ даютъ возможность распространить всякую рекламу исключительно въ кругу желаемыхъ мѣстъ и лицъ и избавляютъ отъ лишней разсылки, т. е., вѣрнѣе сказать, затратъ. Кромѣ того, всякія печатныя рекламы могутъ быть раздаваемы на улицѣ или въ общественныхъ мѣстахъ, чрезъ конторы, артельщиковъ, имѣющихъ на то особенное право, чѣмъ также достигается несомнѣнный успѣхъ. Еще о многомъ по отношенію рекламы и ея распространенія я могъ бы указать, но, имѣя въ виду въ недалекомъ будущемъ выпустить въ свѣтъ полное руководство, въ заключеніе осмѣливаюсь предложить свои услуги по всѣмъ отраслямъ, относящимся для рекламы.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

К. В. Мерпертъ.

Digitized by Google

Нашимъ подписчикамъ.

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ получатъ январьскую орую) книжку раньше декабрьской (первой).

Это произошло потому, что подписка превысила скромя предположенія издателя, и первое изданіе *разошлось ѣ остатка въ шесть недѣль*.

Второе изданіе печатается и будетъ разослано всѣмъ вымъ подписчикамъ между 25 и 30 января.

Такимъ образомъ, *всѣ лица, получившія теперь втою книжку ранѣе первой, получатъ и первую*, по съ озданіемъ, независящимъ отъ редакціи, т. е. лишь въ нцѣ января.

Всѣ заявленія: 1) о перемѣнѣ адреса (съ приложеемъ 40 коп. марками), 2) жалобы на неполученіе № журла, 3) взносы въ разсрочку платежей и 4) всякіе письенные запросы (съ прилож. марки на отвѣтъ) просимъ ресовать въ контору редакціи (Ямская, 2).

Подписка принимается въ Петербургѣ: въ главн. конрѣ—Екатерининск. кан., 15, у „К. В. Мерпертъ", въ реакціи (Ямская, 2—только для иногороднихъ), въ Москвѣ, етровскія линіи, у Н. Печковской, а также у всѣхъ книгородавцевъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка при обращеніи въ едакцію.

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно по десятымъ числамъ аждаго* мѣсяца и съ декабря по декабрь.

Подписная плата за годъ (съ дост. и пер.) 6 р., на олгода 3 руб. и за границу 9 руб.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА

„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“

у „К. В. МЕРПЕРТЪ“

С.-Петербургъ, Екатерининскій кан. 15.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно по десятымъ числамъ каждаго мѣсяца, съ декабря по декабрь.

Пріемъ подписки и объявленій производится въ главной конторѣ и ея отдѣленіяхъ.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **6** руб., за полгода **3** рубля.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЯМЪ:

1 стр.	впер.	тек.	на 1 раз.	75 р.,	на 6 раз.	по 60 р.	на 12 раз.	по 52 р.	50 к.
1 »	сзади	»	»	» 66 »	»	»	» 48 »	»	»	» 42 »	— »
½ »	впер.	»	»	» 40 »	»	»	» 32 »	»	»	» 28 »	—
½ »	сзади	»	»	» 30 »	»	»	» 24 »	»	»	» 21 »	— «

Цѣна первой и послѣдней страницы журнала, а равно наружная обложка и обложки внутри по соглашенію.

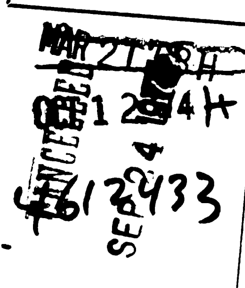
Примѣчаніе: Главная Контора журнала **„Вѣстникъ Всемірной Исторіи“** проситъ покорнѣйше обратить вниманіе, что объявленія принимаются лишь конторою и ея отдѣленіями и лицами, имѣющими особую на это довѣренность; **никакимъ агентамъ** по объявленіямъ собираніе таковыхъ поручено не будетъ во избѣжаніе всевозможныхъ недоразумѣній.

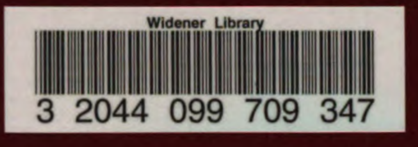
Желающіе помѣстить объявленіе благоволятъ сообщить въ Главную Контору, Екатерининскій кан., 15, которая немедленно пришлетъ особое лицо для пріема заказа.

Редакція Ямская 2, Петербургъ.

Редакторъ-Издатель **Сергѣй Сухонинъ.**

Дозволено цензурою. Спб. 4 Января, 1900 г.

Widener Library
3 2044 099 709 347